

**BAKI BEYNƏLXALQ
HUMANİTAR FORUMUNUN
MATERİALLARI**

2–3 oktyabr 2014-cü il

**MATERIALS OF THE
BAKU INTERNATIONAL
HUMANITARIAN FORUM**

2–3 October 2014

**МАТЕРИАЛЫ
БАКИНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ГУМАНИТАРНОГО ФОРУМА**

2–3 октября 2014 года

ISBN 978-9952-489-00-4

ISBN 978-9952-498-01-1

Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumunun materialları (2–3 oktyabr 2014-cü il). – Bakı: “Şərql-Qərb”, 2016. 2 cildə, I cild. – 356 səh.

Formatı 60×90 1/8. Fiziki çap vərəqi 46. Ofset çapı. Tirajı 1000.

“Şərql-Qərb” Nəşriyyat Evinin mətbəəsində çap olunmuşdur.

AZ1123, Bakı, Aşıq Ələsgər küçəsi, 17
Tel.: (+99412) 374 83 43, Faks: (+99412) 370 18 49

www.eastwest.az
www.fb.com/eastwest.az

MÜNDƏRİCAT
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyevin nitqi.....	7
Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина к участникам и гостям IV Бакинского международного гуманитарного форума.....	12
Выступление Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентины Матвиенко	13
Speech by the Administrator of the UNDP Mrs. Helen Clark	16
UNESCO-nun baş direktoru xanım İrina Bokovanın Forum iştirakçılara videomüraciəti	18
Speech by Director-General of ISESCO Mr. Abdulaziz Altwajjri.....	19
Speech by former President of Estonia Arnold Rüütel.....	21
Speech by former President of Croatia Stjepan Mesic	24
Speech by former President of Lithuania Vytautas Landsbergis.....	27
Speech by former President of the Council of Ministers of Italy Enrico Letta	28
Speech by President of the Kuwait Association for the Ideal Family Sheikha Fariha Al-Ahmad Al-Jaber Al-Sabah	29
Speech by Vice Minister for Cooperation, Culture and Trade Promotion, Ministry of External Relations of Brazil Hadil Fontes da Rocha Vianna	30
Speech by Senator, President of the Foreign Affairs Committee of the Senate Gabriela Cuevas	32
Speech by Chairperson of the Executive Board of UNESCO, Permanent Delegate of the Arab Republic of Egypt to UNESCO H.E. Ambassador Mohamed Amr.....	35
Speech by Nobel Prize Winner in Physiology and Medicine Erwin Neher	38
Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry Kary Banks Mullis.....	39
Speech by Nobel Prize Winner in Physiology or Medicine Rudolf Martin Zinkernagel	40
Speech by Nobel Prize Winner in Physics Robert Betts Laughlin.....	41
Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry Kurt Wüthrich.....	43
Speech by Nobel Prize Winner in Physics Theodor Wolfgang Hänsch.....	44
Speech by Nobel Prize Winner in Physics George Fitzgerald Smoot	46
Speech by Nobel Prize Winner in Economic Sciences Peter Arthur Diamond.....	48
Speech by Nobel Prize Winner in Physiology or Medicine Thomas Christian Sudhof	50
Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry Arieh Warshel.....	51
Выступление Первого заместителя генерального директора ИТАР-ТАСС Михаила Гусмана.....	53
Speech by Secretary General of the Black Sea Universities Network in Romania Eden Mamut	54
Speech by Rector of Ataturk University of Turkey Hikmet Koçak	56
Speech by Chief Medical Officer of the Cancer Partners UK Karol Sikora	58

Speech by Program Management Officer, Department of Technical Cooperation of International Atomic Energy Agency (IAEA) Ivan Videnovich	59
Speech by Former Secretary General of the Council of Europe Walter Schwimmer	61

I. Multikulturalizmin müqayisəli tədqiqləri: nəzəriyyədən humanist təcrübəyə doğru

I. Comparative research into multiculturalism: from theory to humanitarian practice

I. Сравнительные исследования мультикультурализма: от теории к гуманистической практике

Kamal Abdullayev	65
Azad Mamedov	67

1. Nəzəriyyədən humanist təcrübəyə doğru

1. From Theory to Humanitarian Practice

1. От теории к гуманистической практике

Franco Cardini. The myth of the “Clash of civilizations”	71
Ильхам Мамедзаде. О специфике философского исследования мультикультурализма	75
Galina Heinzelmann. Мультикультурализм индивидуальная свобода и демократия. Миграция, практические проблемы интеграции на примере Германии.....	78
Letizia Reuss. Transcending cultural paradigms, one path towards humane multiculturalism	82
Новикова И.Н. Трансформация интеграционной политики Нидерландов в контексте кризиса мультикультурализма	85
Рена Мирзазаде. Мультикультурализм и гендерная политическая социология.....	98
Sandro Teti. The e-book – analysis and perspectives of publishing 2.0	103
Зумруд Кулизаде. Проблема создания истории всемирной философии в свете эволюции науки и мультикультурализма (размышление над концепцией и структурой)	107
Луминица Друмя. Уроки игната-казака, или секрет гармоничного сосуществования (старообрядчество как модель сохранения культурного кода, отработанная веками)	111
Шахов Шахабас Курамагомедович, Багирова Ильгама Азиз кызы. Проблемы мультикультурализма и современное поликультурное образование.....	118
Etibar Najafov. Multiculturalism in Azerbaijan: history and modernity	125
Lorenzo Medici. UNESCO’s Mission in a Multicultural World: The Prominence of Intercultural Education	127
Нурлан Муминов, Жасулан Орынбаев. Переосмысление постсоветское общество: мультикультурализм в странах Центральной Азии	132
Varun Uberoi. Multiculturalism and National identity	139
Akkan Suver. Two humanitarian poets: Tevfik Fikret and Hüseyin Cavid	143
Арье Гут. Современный, светский и сильный Азербайджан является подлинным образцом межкультурного и межрелигиозного диалога	145
Хамрохон Зарифи. Культурная идентичность таджиков и мультикультурализм	147
Alessandro Figus. The complexity of the multiculturalism between political debate and governance.....	154

Kishor Kumar Tripathy. Multiculturalism as a policy of the tolerant co-existence of different Cultural Practices: Theory to Humanitarian Practices leading to World Peace	160
Азимова Рафига. Мультикультурализм и политическая социология	169
Terrence G. Wiley. Societal Multilingualism and the Challenge of Humanitarian Language Planning	173
Амелин Веналий Владимирович. Мультикультурализм и этнокультурная политика в России (региональный аспект)	179
Elise Rietveld, Varun Uberoi. The Canadian policy of multiculturalism: diversity, unity and institutions.....	188
А.Г.Нестеров. Европа, Россия, Азербайджан: опыт политики мультикультурализма.....	197

2. Sivilizasiyalararası dialoq: “Nibelunqlar haqqında nəğmə” və “Kitabi-Dədə Qorqud” eposlarının müqayisəli tədqiqi

2. Dialogue of Civilizations: Comparative Research of Eposes “The Song of the Nibelungs” and “The Book of Dada Gorgud”

2. Межцивилизационный диалог: сравнительное исследование эпосов “Песнь о Нибелунгах” и “Китаби-Деде Горгуд”

Kamal Abdullayev. Fon Dits və onun “Kitabi-Dədə Qorqud” araşdırması	203
С.Г.Фаталиева. К проблеме архетипа в филологии.....	206
Asif Naciyeu. Orta əsrlər türk və german-skandinav eposunda arxetipik paralellər (dünya ağacı) ...	211
Sieglinde Hartmann. Fremdbestimmung und Selbstbestimmung von Helden im, Nibelungenlied’: Kriemhild, Hagen und Siegfried.....	215
Aydın Talıbzadə. “Kitabi-Dədə Qorqud” və “Nibelunqlar haqqında nəğmə”: “su” ünsürünün dastan kreativliyi.....	222
А.П.Бондарев. К истории гуманизма: взгляд из XXI века.....	224
Danielle Buschinger (Amiens). Die Siegfried-Gestalt in der altnordischen Tradition und der Siegfried im Nibelungenlied: zwei unterschiedliche Heldentypen	234
Takayuki Yokota-Murakami. Contemporary Fiction as Projection on Epic Motifs: The Cases of The Tale of Heike	240
Рахилья Гейбуллаева. Культурологические наслоения имени Уруз в эпосе "Книга Деде Коркута"	243
İclal Cankorel. Familien- und Sippenstrukturen im Kitab Dede Korkut und im Nibelungenlied... ..	250
Liladhar R. Pendse. Encountering the epic in multicultural 19th century Europe: Tiutchev and Śakuntalā.....	261
Muxtar İmanov. “Dədə Qorqud” eposunda özünütanıtma üsulları	267
Obhof Langfassung. Der Zusammenhang zwischen der Materialität der überlieferten, ‘Nibelungenlied’ – Handschriften und den möglichen kulturpolitischen Interessen vermutlicher Auftraggeber.....	270
Р.Г.Кулиева. Образ Газан-хана в «Китаби Деде Коркут» и его исторический прототип.....	275
Рахман Бадалов. «Китаби Деде Коркут» и «Песнь о Нибелунгах»: возможности взаимодействия в новом мультикультурном контексте	278
Karl Reichl. The Motif of the Return of the Hero in the “Book of Dede Korkut” and in Medieval Oral Literature	282

Hans Jürgen Scheuer. Hortkapital. Heroische Ökonomie im 'Nibelungenlied'	286
Sevinc Rzayeva. Die rätselhaften Figuren in den Heldendichtungen „Nibelungenlied“ und „Kitab-Dede Korkut“	291
T.İ.Hacıyev. «Dədə Qorqud kitabı»nda açılmamış sirlər.....	295
Klaus Wolf. Hagen – der letzte Römer? Neue Überlegungen zur Herkunft Hagens.....	299

II. Rəqəmsal dövrdə medianin transformasiyası: inkişafın yeni meylləri

II. Media transformation in the digital age: new development trends

II. Трансформация медиа в цифровой эпохе: новые тренды развития

Aslan Aslanov. Ənənəvi mediadan dünya informasiya şəbəkəsinə transformasiya labüddür	309
Эльмира Ахундова. От информационных войн к междивилизационному диалогу – актуальная задача журналистики XXI века	313
Gianni Di Giovanni. Between production and consumption: the role of news agencies at the times of web 2.0	316
Yong Soo Heong. The problems of 21st century journalism in the context of intercultural and intercivilizational dialogue – the view from Malaysia	317
Ламия Везирова. Вневременная и внепространственная журналистика.....	318
Peter Kropsch. The role of news agencies in media and society	324
Stjepan Mesic	327
Дмитрий Жук. Бум социальных медиа: новая модель развития журналистики в информационных обществах	328
Nguyen Duc Loi. The social media boom: new models of development for journalism in information society.....	334
Branka Gabriela Valentić. Croatian News Agency – HINA interaction with social media in Croatia.....	336
Jamal Nasser Al Suwaider. Journalism Issues in the 21st Century in the framework of Dialogue between Civilizations	338
Takeharu Tsutsumi. Media Transformation in the Digital Age: New Development Trends.....	339
Aynur Bəşirli. Sosial media ənənəvi mediaya qarşı: bizə necə jurnalistika təhsili lazımdır?.....	341
Manuela Sessa. The Role of New Media in the Internationalization of Youth	345
Жанна Голубицкая. Бум вокруг социальных сетей: новые модели развития журналистики в информационных сообществах	347
Alex Vatanka. Media transformation in a digital age: A time to counter the extremist message	349
Şamil Vəliyev. Qlobollaşma şəraitində yeni media və milli ənənə.....	351
Branka Slobodan Dukic. The Social Media Boom: New Models of Development of Journalism in Information Societies	353

Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyevin nitqi

Hörmətli xanımlar və cənablar!
Əziz dostlar!

Bu gün Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumu öz işinə başlayır. Forumun bütün iştirakçılarını səmimiyyətlə salamlayıram. Bu gün Forumda 60-dan çox ölkədən 500-ə yaxın qonaq iştirak edir. Bütün qonaqlara “Xoş gəlmisiniz” deyirəm.

Forumun keçirilməsi çox əlamətdar hadisədir. Artıq bu, gözəl ənənəyə çevrilib. Forum dördüncü dəfədir ki, keçirilir. Bu, əslində onu göstərir ki, belə müzakirələrə böyük ehtiyac var. Dünyada gedən proseslər, bəzi hallarda narahatedici məqamlar tələb edir ki, humanitar sahəyə daha da böyük diqqət göstərsin. Əminəm ki, Forum çərçivəsində aparılacaq diskussiyalar, fikir mübadiləsi humanitar əməkdaşlığın dərinləşməsinə xidmət edəcəkdir. Biz Azərbaycanda bu sahəyə çox böyük diqqət göstəririk. Təsadüfi deyil ki, bu Forum da məhz Azərbaycanda keçirilir. Deyə bilərəm ki, hazırda dünyada humanitar məsələlərin müzakirəsi, təhlilin aparılması üçün bu Forumun müstəsna rolu vardır. Əlbəttə, buna görədir ki, Forumu maraqlandıran artır. Bu, artıq beynəlxalq aləmdə önəmli bir formata çevrilibdir.

Biz Azərbaycan olaraq ölkələr arasındakı əlaqələrin inkişafı üçün humanitar aspektlərə daim böyük diqqət göstərmişik. Çünki bizim tarixi keçmişimiz, mədəniyyətimiz bunu diktə edir. Əsrlər boyu Azərbaycanda çoxkonfessiyalı, çoxmillətli cəmiyyət formalaşmış, mövcuddur və müstəqillik dövründə bu müsbət meyillər daha da gücləndi. Azərbaycanda bütün xalqlar dostluq, mehribanlıq şəraitində, bir ailə kimi yaşayır. Heç vaxt Azərbaycanda dini, milli zəmində qarşıdurma, anlaşılmazlıq olmayıb və bu, bizim böyük sərvətimizdir. Çünki hər bir ölkənin gücünü əlbəttə ki, bir neçə amil müəyyən edir – siyasi imkanlar, iqtisadi güc və eyni zamanda, cəmiyyətdə mövcud olan ab-hava, sağlam mühit və həmrəylik duyğuları. Hesab edirəm ki, bu baxımdan Azərbaycanın təcrübəsi çox müsbətdir və biz öz işimizlə dünyada gedən proseslərə müsbət töhfəmizi veririk.

Multikulturalizm Azərbaycanda həyat tərzidir. Düzdür, bu termin nisbətən yenidir. Ancaq əsrlər boyu Azərbaycanda multimədəniyyətli cəmiyyətlər mövcud olub. Xalqlar arasındakı dostluq və həmrəylik bunun bariz nümunəsidir. Biz bu gün də çalışırıq ki, öz təşəbbüsümüzlə regionda və dünyada gedən proseslərə müsbət təsirimizi göstərək. Təsadüfi deyil ki, Azərbaycan tərəfindən irəli sürülmüş bir neçə təşəbbüs artıq həyatda öz yerini tapıb və bu təşəbbüslər ətrafında yeni imkanlar yaranır. Məsələn qeyd etməliyəm ki, 2008-ci ildə Avropa Şurasına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirlərinin Bakıda keçirilən toplantısına biz İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirlərini dəvət etdik və birgə toplantı keçirdik. Bu, tarixdə ilk dəfə baş vermişdir və Azərbaycan həm Avropa Şurasına, həm İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzv olduğu üçün bu təşəbbüsü öz üzərinə götürmüşdür. 2009-cu ildə artıq Bakıda İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirlərinin toplantısına biz Avropa Şurasından mədəniyyət nazirlərini dəvət etmişdik. Yəni, bu təşəbbüsə “Bakı prosesi” adı verilmişdir. Bu gün “Bakı prosesi” yaşayır və inkişaf edir. Bakıda sivilizasiyalararası dialoq forumları keçirilmişdir. Bizim təşəbbüsümüzlə bir neçə il bundan əvvəl dünya dini liderlərinin Zirvə görüşü keçirilmişdir və Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumunun mahiyyəti də məhz bundadır.

Əminəm ki, Forumda iştirak edən görkəmli dövlət xadimləri, ictimai xadimlər, alimlər, mütəxəssislər, ekspertlər bu günlər ərzində öz maraqlı fikirlərini bizimlə bölüşəcəklər və beləliklə, biz birgə səylərlə humanitar sahəyə öz töhfəmizi vermiş olacağıq. Biz gələcəkdə də humanitar əməkdaşlığın dərinləşməsinə üçün öz səylərimizi göstərəcəyik. Əlbəttə, hesab edirəm, sirsiz deyil ki, bu Forum artıq hər il keçiriləcək və beləliklə, bu format yaşayacaqdır.

Onu da qeyd etməliyəm ki, humanitar əməkdaşlığa, humanitar məsələlərin həllinə həmişə böyük diqqət göstərməyimizə baxmayaraq, xalqımız və dövlətimiz humanitar fəlakətlə üzləşmişdir. Azərbaycanın ərazi bütövlüyü pozulmuşdur. Bizə qarşı işğalçı siyasət aparılır. Azərbaycanın beynəlxalq birlik tərəfindən tanınan ərazisi Ermənistanın işğalı altındadır. Bu işğal nəticəsində torpaqlarımızın 20 faizi ermənilər tərəfindən zəbt ediləndir. Bir milyondan artıq soydaşımız qaçqın və məcburi köçkün vəziyyətinə düşmüşdür və bizə qarşı etnik təmizləmə siyasəti aparılmışdır. Xocalı soyqırımını törədilmişdir ki, yüzlərlə günahsız insan bu soyqırımının qurbanı olmuşdur. Xocalı soyqırımını 10-dan çox ölkə rəsmi şəkildə soyqırımını kimi tanıyıbdır. Bu münaqişə, Ermənistan-Azərbaycan, Dağlıq Qarabağ münaqişəsi ilə bağlı bütün mötəbər beynəlxalq təşkilatlar qərar və qətnamələr qəbul etmişlər. BMT Təhlükəsizlik Şurası 4 qətnamə qəbul etmişdir ki, orada erməni silahlı qüvvələrinin işğal edilmiş torpaqlardan qeyd-şərtsiz çıxarılması tələb olunur. Əfsuslar olsun ki, bu qətnamələr icra edilmir və biz burada böyük ədalətsizliklə, ikili standartlarla üzləşirik. Çünki biz yaxşı bilirik ki, bəzi hallarda BMT Təhlükəsizlik Şurasının qətnamələri bir gün ərzində icra edilir. Ancaq bizim üçün ən vacib məsələdə 20 ildən artıqdır ki, bu qətnamələr kağız üzərində qalıbdır. ATƏT, Avropa Parlamenti, İslam Əməkdaşlıq Təşkilatı, Avropa Şurası Parlament Assambleyası və digər beynəlxalq təşkilatlar Azərbaycanın ərazi bütövlüyünü dəstəkləyən qərar və qətnamələr qəbul etmişlər və bu format, bu hüquqi baza münaqişənin həlli üçün yeganə yoldur.

Azərbaycanın ərazi bütövlüyü bütün dünya tərəfindən tanınır və qeyd-şərtsiz bərpa edilməlidir. İşğaldan əziyyət çəkən, öz yerindən didərgin düşən soydaşlarımız doğma torpaqlarına qayıtmalıdır. Baxmayaraq ki, o torpaqlarda artıq həyat yoxdur, hər şey dağıdılıb. ATƏT-in faktaraşdırıcı və qiymətləndirmə missiyaları işğal edilmiş torpaqlara iki dəfə ezam olunmuşdur və onların məruzələrində açıq-aydın göstərilir ki, hər şey dağıdılıb. Bizim məscidlərimiz, əcdadlarımızın qəbirləri, tarixi abidələrimiz dağıdılıb, muzeylərimiz talan edilib. Yəni, bu, böyük humanitar fəlakətdir və Azərbaycan təkbaşına, öz gücü hesabına bu humanitar məsələnin həlli, köçkünlərin yerləşdirilməsi, onları işlə təmin etmək üçün böyük işlər görüb və hələ bu işlər davam edir. Çünki köçkünlərin bir hissəsi hələ ki, ağır vəziyyətdə yaşayır.

Ermənistan-Azərbaycan, Dağlıq Qarabağ münaqişəsi bölgə üçün ən böyük təhlükədir. Bu münaqişənin tezliklə beynəlxalq hüququn norma və prinsipləri əsasında həll olunması bölgəyə sülh, daha da böyük inkişaf gətirəcək, regional əməkdaşlıq üçün də yeni imkanlar yaradacaqdır. Bu ağır vəziyyətə baxmayaraq, Azərbaycanın inkişafı dayanıqlı olmuşdur, o cümlədən biz humanitar sahədə son illərdə böyük uğurlara imza atmışıq. Humanitar sahə bizim hökumətimiz üçün prioritet sahələrdən biridir və bu sahəyə investisiyalar qoyulur. Eyni zamanda, hesab edirəm ki, Azərbaycanda humanitar məsələlər uğurla öz həllini tapır.

Təhsilə böyük diqqət göstərilir. Son 10 il ərzində 3 minə yaxın yeni məktəb tikilibdir. Təhsilin keyfiyyətinin artırılması üçün islahatlar aparılır. Hesab edirəm ki, biz yaxın gələcəkdə bu islahatların gözəl nəticələrini görəcəyik. Eyni zamanda, Azərbaycan gəncləri dövlət vəsaiti hesabına dünyanın aparıcı ali məktəblərinə oxumağa göndərilirlər və onlar gələcəkdə ölkəmizin inkişafında öz sözlərini deyəcəklər.

Səhiyyə sisteminin təkmilləşdirilməsi məsələsi çox aktualdır. Nəzərə alsaq ki, müstəqilliyimizin ilk illərində səhiyyə sisteminin maddi-texniki bazası tamamilə yararsız vəziyyətə düşmüşdü və biz böyük investisiyalar qoymaqla müasir səhiyyə infrastrukturunu yaratmışıq. Son 10 ildə 500-dən çox səhiyyə ocağı tikilib, təmir edilib və bu gün onların bir çoxu ən yüksək standartlara cavab verir.

Bizim mədəniyyətlə bağlı təşəbbüslərimiz öz nəticəsini verir. Azərbaycanda mütəmadi qaydada beynəlxalq tədbirlər, festivallar, konkurslar keçirilir. Bizim tarixi abidələrimiz bərpa edilir, xüsusi proqram icra olunubdur. Azərbaycanda çoxlu qədim tarixi abidələr var. Onlar bizim milli sərvətimizdir, o cümlədən dini abidələrimiz dövlət tərəfindən bərpa edilir və yeniləri tikilir. Qeyd etməliyəm ki, dünyanın ən qədim məscidlərindən biri olan Şamaxı Cümə məscidi əsaslı şəkildə bərpa ediləndir.

Bu məscid 743-cü ildə Şamaxı şəhərində tikilmişdir və müsəlman aləmində ən qədim məscidlərdən biridir. Şəki rayonunun Kiş kəndində Qafqazın ən qədim kilsəsi yerləşir. O kilsə də

bərpa edilib və bu, bizim milli sərvətimizdir. Azərbaycanda pravoslav kilsələr, katolik kilsə, sinaqoqlar dövlətin dəstəyi ilə əsaslı şəkildə təmir edilib. Yəni, bu, bizim böyük sərvətimizdir və bir daha demək istəyirəm ki, multimedənəviyyətli cəmiyyət, dinlərarası dialoq, xalqlar arasındakı dostluq, qardaşlıq bizim dövlətimizi gücləndirir. Çünki bu, cəmiyyətdə çox gözəl ab-hava yaradır. Bir daha demək istəyirəm ki, bu, həm dövlət siyasətidir, eyni zamanda, cəmiyyətin sifarişidir. Yəni, hesab edirəm ki, biz bu istiqamətdə uğurla inkişaf edəcəyik. Onu da qeyd etməliyəm ki, bu sahədə əldə edilmiş təcrübə başqa ölkələr üçün də maraqlı ola bilər.

Biz, eyni zamanda, iqtisadi sahəyə böyük diqqət göstəririk. Çünki güclü iqtisadiyyat olmasa, humanitar təşəbbüsləri irəli sürmək də o qədər asan olmayacaq. Ona görə çalışırırdıq ki, iqtisadi təhlükəsizliyimizi təmin edək, dövlətimizi gücləndirək və eyni zamanda, ağır vəziyyətdə yaşayan soydaşlarımız üçün yeni imkanlar yaradaq. Bizim sosial siyasətimiz məqsədyönlü şəkildə aparılır. Son 10 il ərzində pensiyalar, maaşlar dəfələrlə artmışdır, yoxsulluğun səviyyəsi kəskin şəkildə aşağı düşmüşdür. Yoxsulluq cəmi 10 il ərzində 49 faizdən 5,3 faizə düşmüşdür. Demək olar ki, yoxsulluqla mübarizə artıq başa çatmaq üzrədir. Hesab edirəm ki, yaxın bir neçə il ərzində yoxsulluq Azərbaycanda bir amil kimi tamamilə aradan götürüləcəkdir.

İşsizliklə bağlı mübarizə də, ilk növbədə, humanitar xarakter daşıyır. Çünki son illər ərzində 1 milyon 200 mindən çox iş yeri yaradılmışdır və işsizlik də kəskin şəkildə aşağı düşmüşdür. İndi 5 faizdən azdır. Artıq Azərbaycana başqa ölkələrdən iş tapmaq üçün miqrantlar gəlir. Yəni, bütün bunların təməlinə düşünülən siyasət dayanır. Çünki iqtisadi inkişaf çox sürətlidir. Son 10 il ərzində Azərbaycan iqtisadi inkişaf baxımından dünyada ən sürətlə inkişaf edən ölkə olmuşdur. Bizim bütün iqtisadi göstəricilərimiz müsbətdir. İqtisadiyyat son 10 ildə 3 dəfədən çox artmışdır. Xarici dövlət borcu çox aşağı, 8 faiz səviyyəsindədir. Büdcə gəlirləri son 10 il ərzində 20 dəfədən çox artmışdır. Büdcə gəlirlərinin düzgün bölüşdürülməsi, sosial proqramların icrası, infrastruktur layihələrinin həyata keçirilməsi ölkəmizin inkişafını təmin etmişdir.

Əlbəttə, Azərbaycan dünyada neft-qaz ölkəsi kimi tanınır. Bu, bizim böyük sərvətimizdir. Ancaq biz bilirik ki, bəzi ölkələrdə bu böyük sərvət heç də uğur gətirmir, əksinə, problemlər yaradır, müharibələrə, cəmiyyətdə təbəqələşməyə yol açır.

Azərbaycanda isə biz bunun tam əksini görürük. Bizim təbii sərvətlərimiz hər bir insanın həyatında öz müsbət təsirini göstərib. Çəkilən yollar, açılan xəstəxanalar, artan maaşlar, abadlaşan şəhərlər bunun bariz nümunəsidir. Azərbaycanda neft gəlirlərindən düzgün istifadə etmək, “qara qızıl”ı insan kapitalına necə çevirmək, – artıq biz buna nail olmuşuq, – sahəsində nadir təcrübə toplanmışdır. Gələcəkdə bizim iqtisadiyyatımız çoxşaxəli formatda inkişaf edəcək. Bu gün biz yeni texnologiyalara investisiyalar qoyuruq.

Bu gün Azərbaycan artıq kosmik sənayeyə malik olan ölkədir, kosmik ölkələrin klubuna daxil ediləndir. Biz innovasiyalara, yeni texnologiyalara, elmin inkişafına çox böyük önəm veririk. Elmin İnkişafı Fondu yaradılmışdır. İqtisadi inkişaf, sosial məsələlərin həlli, humanitar sahəyə diqqət, deyə bilərəm ki, son illərdə Azərbaycanın uğurlu inkişafını şərtləndirən əsas amillər olmuşdur. Hesab edirəm ki, biz iqtisadi sahədə öz işimizlə bölgədə gedən regional əməkdaşlığa da müsbət təsir göstəririk. Bir çox hallarda nəhəng regional layihələrin, enerji, nəqliyyat layihələrinin təşəbbüskarı Azərbaycan olmuşdur və əsas iqtisadi riskləri də öz üzərinə götürmüşdür. Deyə bilərəm ki, bizim bütün təşəbbüslərimiz, iqtisadiyyatla, enerji ilə, nəqliyyatla bağlı layihələrimiz uğurla nəticələnir. Bir dəfə də olsun uğursuzluq olmamışdır və əminəm ki, olmayacaqdır.

Azərbaycan hazırda iqtisadi, siyasi cəhətdən müstəqil bir ölkədir, müstəqil xarici siyasəti var. Bu siyasət dünyanın əksər ölkələri tərəfindən dəstəklənir. Bu sözləri əyani şəkildə təsdiqləmək üçün sadəcə olaraq demək istəyirəm ki, Azərbaycan bir neçə il bundan əvvəl BMT Təhlükəsizlik Şurasına üzv seçilmişdir. BMT Təhlükəsizlik Şurası dünyanın ən mötəbər qurumudur və gənc müstəqil dövlət Azərbaycan 155 ölkənin dəstəyi ilə o mötəbər təşkilata üzv olmuşdur. Yəni, bu da bizim dünyadakı rolumuzu, müstəqil xarici siyasətimizi əks etdirir. Çünki dünya birliyinin böyük əksəriyyəti bizə inanır və öz səsini verməklə bizə dəstəyini göstərmişdir.

Hesab edirəm ki, əgər hər bir ölkə müstəqil xarici siyasət aparsa, onda dünyada müharibələr də az olar, anlaşmazlıq da azalar. Hər bir ölkə digər ölkəyə hörmətlə yanaşmalıdır. Hər bir ölkə digər ölkənin seçiminə də hörmətlə yanaşmalıdır – həm beynəlxalq müstəvidə, həm dinlərarası dialoq, humanitar sahədə. Bütün bunlar bir-biri ilə bağlıdır. Burada əyləşən nümayəndələr, 60-dan çox ölkədən gələn qonaqlar müxtəlif ölkələri təmsil edirlər, amma biz bir yerdə yığılır, müzakirə aparırıq. Çalışırıq necə yol tapaq ki, dünyada gedən prosesləri daha çox müsbət tərəfə istiqamətləndirək. Çünki bu gün gedən proseslər çox narahatedici proseslərdir. Həm müsəlman aləmində, həm Avropada radikalizm, ayrı-seçkilik, irqçilik artır. Bu meyilləri biz görürük və bunu narahatlıqla izləyirik.

Biz burada – Bakıda bu günlər ərzində çalışacağıq ki, bu meyillərin qarşısını almaq üçün hansı işlər görülməlidir. Əsas məsələ bundan ibarətdir. Çünki biz sivilizasiyalararası dialoqdan söhbət açırıq. Amma, eyni zamanda, bəzi bəyanatlar bizi məyus edir ki, multikulturalizm iflasa uğradı, multikulturalizmin gələcəyi yoxdur. Bu, çox təhlükəli bəyanatlardır. Qeyd etməliyəm ki, multikulturalizmin müasir dünyada alternativini yoxdur. Çünki dünya ölkələrinin mütləq əksəriyyəti çoxmillətli ölkələrdir. Əgər multikulturalizm iflasa uğrayıbsa, onda bunun alternativini nə ola bilər? Bu da çox aydındır. Bu, ayrı-seçkilikdir, irqçilikdir, ksenofobiya, islamofobiya, antisemitizmdir. Biz bu təhlükəli meyillərə qarşı öz səsimizi ucaltmalıyıq. Əlbəttə ki, bunu, ilk növbədə, dövlətlər etməlidirlər. Amma, eyni zamanda, dövlətlərin bu siyasətini böyük dərəcədə hər bir cəmiyyətin siyasi və ictimai-elmi elitası, ictimai rəy müəyyən edir. Heç bir dövlət və hökumət başçısı ictimai rəyi nəzərə almaya, ona məhəl qoymaya bilməz. Ona görə hesab edirəm ki, biz birgə səylərimizlə bu məsələləri açmalıyıq, danışmalıyıq. Narahatedici məsələlər ətrafında fikirlərimizi bildirməliyik, lazım gəldikdə irad tutmalıyıq. Biz tərəfdaş kimi, dost kimi bu məsələlərə öz fikrimizi bildirməliyik. Biz Azərbaycanda çalışırıq ki, yaşadığımız bölgədə regional əməkdaşlıq inkişaf etsin, millətlərarası münasibətlər daha da yaxşılaşsın, dinlərarası dialoq güclənsin. Bizim imkanımız var. Çünki bizim keçmişimiz, dediyim kimi imkan verir ki, bu məsələlərə böyük diqqətlə yanaşaq. Biz bu məsələləri bilirik. Çünki həm Azərbaycan özü çoxmillətli, çoxkonfessiyalı ölkədir, həm də keçmişdə müxtəlif dinlərin nümayəndələri Azərbaycanda birgə yaşamışdır. Qeyd etdiyim kimi, biz bu gün həm Avropa Şurasının, eyni zamanda, İslam Əməkdaşlıq Təşkilatının üzvü kimi bu missiyanı öz üzərimizə götürmüşük. Biz istəyirik ki, daha da çox əməkdaşlıq, qarşılıqlı anlaşma olsun. Biz bundan sonra da öz rolumuzu bunda görürük.

Müsəlman aləmində gedən xoşagəlməz proseslər də bizi çox narahat edir. Çünki biz müsəlman aləminin bir parçasıyıq. Bu gün müharibələr, toqquşmalar, qanlı toqquşmalar demək olar ki, ölkələri məhv edir. Bu, çox ciddi prosesdir. Biz bu prosesə təcrid edilmiş proses kimi baxa bilmərik. Müasir dünyada biz hamımız bir-birimizlə bağlıyıq. Eyni zamanda, Avropa qitəsində miqrantlara qarşı münasibətin pisləməsi, “multikulturalizm iflasa uğrayıb” kimi bəyanatların verilməsi və ayrı-seçkiliyə meyilli olan siyasi qüvvələrin daha da böyük səs toplaması, əlbəttə ki, hamımızı narahat etməlidir.

Yenə də deyirəm, bu Forumun keçirilməsi də bu məqsədi güdür. Çünki hesab edirəm ki, müasir dünyada həm coğrafi, eyni zamanda, humanitar baxımdan Azərbaycanın nadir rolu var. Biz Avropa ilə Asiya arasında, qədim “İpək yolu” üzərində yerləşən bir ölkəyə və biz Avropanı da yaxşı anlayırıq, müsəlman ailəsinin də bir parçasıyıq. Biz çalışırıq ki, bu sivilizasiyalararası dialoq, humanitar dialoq daha da güclü olsun, daha da güclənsin.

Əlbəttə ki, müzakirələrdə bu məsələlərə diqqət göstəriləcəkdir. Əmənam ki, müzakirələr çox uğurlu keçəcək. Dediym sözləri təsdiq etmək üçün qeyd etməliyəm ki, nəinki humanitar sahədə, digər sahələrdə də bir çox təşəbbüslər hesab edirəm uğurlu olmuşdur.

İki il bundan əvvəl Azərbaycanda Avropanın və bəlkə də dünyanın ən mötəbər mahnı yarışı – “Eurovision” müsabiqəsi böyük uğurla keçirilmişdir. Bütün qonaqlar çox razı qalmışdılar.

Gələn il birinci Avropa Oyunları, – buna qeyri-rəsmi Avropanın Olimpiya Oyunları deyirlər, – Bakıda keçiriləcək. Bu da çox əlamətdar hadisədir. Çünki Avropada bu günə qədər Olimpiada

səviyyəsində yarışlar keçirilməmişdir. Burada da Azərbaycan öz namizədliyini irəli sürmüşdür və Avropanın olimpiya ailəsi bizə böyük etimad göstərmişdir.

2017-ci ildə isə İslam Həmrəylik Oyunları Bakıda keçiriləcəkdir. Cəmi iki il ərzində həm Avropa, həm İslam Oyunları Azərbaycanda keçiriləcək. Bu da dediyim sözlərin təsdiqidir. Bu, bizim rolumuzdur və biz çalışırıq ki, xalqları birləşdirək. Onu da qeyd etmək istəyirəm ki, keçən ay bizim üçün çox önəmli və tarixi qərar qəbul edilmişdir – futbol üzrə Avropa çempionatı 2020-ci ildə, o cümlədən Bakıda keçiriləcək. Cəmi 13 şəhər – Avropanın 13 şəhəri seçilmişdir. Onlardan biri də Bakıdır. Yəni, budur bugünkü Azərbaycan. Biz Avropa ailəsinin üzvüyük, müsəlman ailəsinin üzvüyük və sübut edirik ki, bu, mümkündür. Biri o birisini inkar etmir və etməməlidir. Bu gün inkişafda olan ölkəmiz göstərir ki, düşünülmüş siyasət, cəmiyyətdə müsbət meyillər güclü olanda böyük uğurlara imza atmaq mümkündür.

Əziz qonaqlar, mən sizi bir daha səmimiyyətlə salamlayıram. Bilirəm ki, qonaqlar arasında ölkəmizlə tanış olan nümayəndələr vardır. İlk dəfə gələnlər də var. Əminəm ki, bu Forumun keçirilməsi sizin üçün çox maraqlı olacaq. Siz öz dəyərli fikirlərinizi bölüşəcək, eyni zamanda, ölkəmizlə yaxından tanış olacaqsınız.

Forumun iştirakçlarına uğurlar arzulayıram. Sağ olun!

Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина к участникам и гостям IV Бакинского международного гуманитарного форума

Уважаемые дамы и господа!

Сердечно приветствую вас по случаю открытия IV Бакинского международного гуманитарного форума.

Всего за несколько лет форум превратился в весьма авторитетное многостороннее мероприятие, объединяющее представителей более чем 70 государств и ведущих международных организаций. Среди его участников видные политики и деятели культуры и искусства, а также крупные ученые, в том числе всемирно известные нобелевские лауреаты.

В повестке дня нынешней встречи актуальные вопросы, связанные с сохранением и приумножением нашего общего духовного и интеллектуального наследия, развитием науки, образования и просвещения. Уверен, что состоится интересный и содержательный обмен мнениями, в ходе которого будут выработаны новые идеи и предложения, направленные на укрепление доверия, взаимопонимания между народами, расширение взаимовыгодного сотрудничества в столь важной, гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям форума плодотворного общения и всего самого доброго.

**Выступление Председателя Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
Валентины Матвиенко**

Уважаемые дамы и господа!

Безусловно, авторитет Бакинского международного гуманитарного форума, который проводится по инициативе и под патронатом президентов России и Азербайджана, растет с каждым годом. Его уже неформально называют интеллектуальным Давосом. Я думаю, что значение гуманитарного форума, особенно в нынешних международных условиях, ничуть не ниже, чем значение крупных и важных международных экономических форумов. Это закономерный результат. Он отражает подлинно гуманистический, объединительный характер форума и единодушное стремление его участников к углублению тесного взаимодействия в области науки, образования, культуры и искусства.

Необходимо подчеркнуть, что гуманизм, возникший еще в античные времена, остается базовой ценностью и нашего времени. Это стремление утвердить достоинство человека, закрепить нравственные ценности как в повседневной жизни, так и в политике. Человек есть мера всех вещей. Это классическая формула древнегреческого философа Протагора была и остается актуальной во все времена. Начиная с эпохи Возрождения, гуманизм неотделим от великих творцов, деятелей литературы и искусства. Франческо Петрарка говорил: «Истинно благородный человек не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым своими делами».

Вместе с тем гуманистическое убеждение это не только итог трудов гениев античности и возрождения, а также последующих эпох, но и жизненный опыт многих поколений простых людей, принадлежащих разным культурам и разным религиям.

Иногда наше время называют эпохой постмодерна и говорят, что гуманизм становится другим, в частности, нацеленным исключительно на утверждение и возвышение личного достоинства каждого человека. Не отвергая такого подхода, вижу, однако, нашу общую задачу в том, чтобы в погоне за суперсовременной формой гуманизма в век глобализации, как говорится, не выплеснуть с водой ребенка и, например, не принести в жертву традиционные ценности народов.

Важно сохранить и приумножить базовые, фундаментальные ценности гуманизма, придать ему форму, отвечающую вызовам нашего времени. Современный гуманизм отличается, прежде всего, своей социальной направленностью. Его содержание неразрывно связано с решением основных проблем человека, реализацией его физических и духовных возможностей. Такой гуманизм отражает интересы всех слоев общества, стремящегося к социальной справедливости.

Вместе с тем, вращение идей гуманизма в жизнь земного социума – это сложный и далеко не всегда последовательно восходящий процесс. История свидетельствует, что в разных эпохах и условиях набирали силу имевшие различные формы и масштабы рецидивы дегуманизации. Ее рождали и рожают социальные неблагополучия, кризисные ситуации, амбициозные претензии тех или иных правящих кругов, которые стремятся не просто повлиять на ход истории, но подчинить его себе. Как правило, это приводит к потере духовных и нравственных ориентиров, ведет к маргинализации общества и другим деструктивным процессам. В этом еще раз убеждают нас события, происходящие сегодня в разных регионах планеты.

С другой стороны, совершенно очевидно, что там, где властвует гуманизм, там царствует согласие и взаимопонимание, мир и благополучие, там нет места для конфликтов и войн. Самым свежим и убедительным примером в этом смысле является состоявшийся буквально три

дня назад Саммит Прикаспийских государств в Астрахани. Опираясь на идеалы мира, взаимного доверия, учета интересов друг друга главы пяти стран после многолетних сложных переговоров пришли к согласию по ключевым вопросам сотрудничества на Каспии.

Подписаны пять документов, центральным из которых является политическое заявление, где зафиксированы основные принципы деятельности на море, включая положение о делимитации акватория, а также о недопущении присутствия на Каспии вооруженных сил нерегиональных держав. В результате открывается прямой путь к подписанию уже в следующем году конвенции о правовом статусе Каспия.

По единодушной оценке участников саммита – это настоящий прорыв, который стал возможен благодаря тому, что ситуация в регионе стабильная и бесконфликтная. Уровень доверия и взаимопонимания – высокий. Все это и позволило решить консенсусом очень трудные вопросы. Если хотите, это есть гуманизм в действии, поскольку достигнутое согласие отвечает чаяниям и надеждам народов.

Уважаемые участники форума, гуманистические ценности и идеалы за долгие века приобрели непреодолимую силу. Они стали неотъемлемой частью жизни народов и органично вошли в международные отношения. В международном пространстве инструментарий для их осуществления качественно расширился. Появление таких авторитетных институтов, как послы доброй воли ООН и ЮНЕСКО, по защите беженцев, обеспечению прав человека и другие – все это рождено в нашу эпоху и продиктовано внутренней логикой развития гуманизма одного из главных векторов общественного развития. Примечательно, что такими посланниками гуманизма являются многие всемирно известные деятели науки, культуры, образования и искусства.

Исходя из этого, главную задачу сегодняшнего форума я вижу в обсуждении новых возможностей гуманитарного сотрудничества, как практического воплощения ценностей реального гуманизма. Полагаю, что особенности современной ситуации в этой сфере всесторонне обсудят и участники форума, видные ученые. Вообще, конечно, столь высокий уровень представителей форума – уже залог его успеха.

Ярким примером давнего и широкого гуманитарного взаимодействия являются российско-азербайджанские связи.

Сегодня это сотрудничество уже имеет и прочную законодательную основу. Ключевой фактор его динамичного развития – диалог руководства России и Азербайджана. Особый вклад в укрепление отношений между нашими странами внесли лично президенты наших государств.

Так, в августе прошлого года в ходе визита Владимира Владимировича Путина в Баку была подписана программа сотрудничества в гуманитарной сфере между Россией и Азербайджаном. Традиционно дружественные связи сложились между Федеральным Собранием Российской Федерации и Милли Меджлисом Азербайджанской Республики. Более 10 лет, с 2003 года действует совместная межпарламентская комиссия. Она уделяет постоянное внимание самым актуальным вопросам взаимодействия наших парламентов в развитии договорно-правовой базы в гуманитарной области.

Важный вклад в динамичное развитие гуманитарных связей вносят межрегиональные форумы «Россия-Азербайджан». Напомню, что в июне этого года в городе Габала успешно прошел V Российско-Азербайджанский форум «Межрегиональное сотрудничество: новые возможности роста». Одной из центральных тем форума стали перспективные направления сотрудничества в гуманитарной сфере.

Поступательно развиваются российско-азербайджанские связи в области образования и культуры. Мы это очень высоко ценим. В Азербайджане сохраняется большой интерес к получению высшего образования в России.

Наличие российского диплома в республике это и престижно, и это хорошие перспективы для молодого специалиста. Азербайджанцы охотно едут учиться в Россию не только по бюджетной линии, но и за счет собственных средств. Сегодня в вузах России обучаются около 13 тысяч студентов из Азербайджана.

Мы высоко ценим и такой чрезвычайный позитивный факт: в Азербайджане есть широкие возможности для получения полноценного среднего и высшего образования на русском языке. Одним из престижных вузов Азербайджанской Республики стал Бакинский филиал Московского государственного университета имени Ломоносова, который действует уже с 2008 года. В настоящее время на пяти факультетах филиала обучаются более 400 студентов, а преподают им ведущие профессора и преподаватели Московского государственного университета. Наши страны активно сотрудничают в целях поддержки русского языка в Азербайджане и азербайджанского языка в России.

Знаменательно, что в 2014 году, который объявлен в России «Годом культуры», в Москве торжественно открыли мемориальную доску, посвященную великому азербайджанскому композитору Кара Караеву. Это не только свидетельство крепкой дружбы между нашими народами, но и знаковое событие для мировой музыкальной культуры, для всех, кто знает и любит творчество этого замечательного композитора.

Дорогие друзья! Жизнь показывает, что лучшим и наиболее конструктивным ответом на многие вызовы современной эпохи может стать углубление сотрудничества именно в гуманитарной сфере.

Мудрая азербайджанская пословица гласит: у кого душа – у того и забота. Давайте стремиться к тому, чтобы наши общие заботы были направлены на воплощение в жизнь сути гуманизма. Учения, в центре которого находится идея человека как высшей ценности.

От всей души хочу пожелать всем участникам Бакинского форума успешной работы. Уверена, что наши и ваши новые идеи, инициативы найдут свое практическое воплощение в реальных делах и проектах, будут способствовать укреплению доверия, взаимопонимания и добрососедства между народами.

Благодарю вас за внимание.

Speech by the Administrator of the UNDP Mrs. Helen Clark

Excellency Mr. President,
Excellency First Lady,
Excellencies Ladies and gentlemen,

It is my pleasure to represent United Nations Secretary-General Ban Ki-moon at this opening of the IV International Humanitarian Forum. At the outset, let me thank his Excellency, the President of Azerbaijan, Mr. Ilham Aliyev, for convening today's Forum which provides an important opportunity for an exchange of ideas on a wide range of issues.

In my brief address today I would like to comment on UNDP's work with Azerbaijan aimed at promoting human development, and on a number of the initiatives developed to that end here which are very innovative. As Azerbaijan steps up its South-South Co-operation, UNDP will be delighted to partner with the country in sharing its knowledge and expertise with others who are seeking solutions to challenges similar to those which Azerbaijan has been tackling. Azerbaijan has been endowed with large reserves of valuable natural resources. History tells us, however, that while the extraction of such resources may significantly raise Gross Domestic Product per capita, it does not necessarily lift either government revenues or the level of human development. Translating natural resource wealth into wealth for the country and greater human development requires deliberate public policy decisions which will achieve those ends. Azerbaijan has made significant decisions in this respect.

In September 1994, Azerbaijan signed what has been called the 'Contract of the Century' – a "production-sharing agreement" with a consortium of foreign oil companies. From the profits of this initial agreement to develop the country's Caspian oil reserves, Azerbaijan was to receive eighty per cent of the profits.

Let me take this opportunity to congratulate Azerbaijan and its partners on the twentieth anniversary celebration of the Contract of the Century that took place here in Baku on 20 September. This was celebrated with the Southern Gas Corridor groundbreaking ceremony for the new pipeline which will bring Azerbaijani gas reserves all the way to Europe.

This Contract opened up major new opportunities for Azerbaijan's development. As for other resource-rich countries, it was also a time for reflection – on how Azerbaijan's wealth could contribute to lifting human development.

More than a decade ago, UNDP helped Azerbaijan shape the concept of turning its "Black Gold to Human Gold". The initiative focused on developing an internationally competitive non-oil sector, and developing and strengthening the capacities of people. Over the years, Azerbaijan has seen a drastic reduction in the level of poverty, new investments in social services, the establishment of a social security system, and rising salaries.

The concept of "Black Gold to Human Gold" remains as relevant now as it was when it was launched. Continuing to lift human development will be critical for the achievement of Azerbaijan's national development strategy, Vision 2020. At UNDP we are fully committed to supporting Azerbaijan in taking this vision forward.

The Millennium Development Goals have remained relevant for Azerbaijan, with challenges still around the goals for gender equality and women's empowerment and a number of the health and environmental targets. As it is likely that the unfinished business of the MDGs will carry over into the post-2015 global development agenda, the Sustainable Development Goals expected to be adopted by world leaders next September will also be relevant to Azerbaijan, and will contain new challenges too, given the emphasis UN Member States are placing on ensuring that no one gets left

behind in development and that human development is pursued in a manner compatible with environmental sustainability.

Azerbaijan is well placed to share its development experiences with other countries through South-South and Triangular Co-operation. Indeed, UNDP and Azerbaijan have already partnered on support provided by the Ministry of Communications and High Technologies here to its Afghanistan counterpart through the UNDP offices in Baku and Kabul.

Last year, in the Plenary Session of this Forum, the former President of Turkey, Suleyman Demirel, emphasized that the Black Gold to Human Gold initiative could serve as a model for other countries to explore. At UNDP, we agree, and we see many other possibilities for sharing Azerbaijan's innovations too.

For example:

– UNDP has welcomed the establishment of the ASAN Service Center – a one-stop shop for access to public documentation. Since its establishment, the service provided by ASAN has significantly reduced waiting times and costs for people wanting to obtain documents like birth certificates, permits, and public services. This increases the efficiency of the public service, and reduces opportunities for corruption. This approach has been a great success here in Azerbaijan, and will be of interest to other countries seeking to modernize their public services. UNDP co-operated with ASAN on formulating its longer term strategy. I will have the pleasure of visiting the Center tomorrow.

– The country's new pension system administration is another excellent example of Azerbaijan's innovative approaches. UNDP was pleased to work on this initiative which has set up one of the world's most modern pension system administrations. Payments are made to 99 per cent of pensioners electronically, and state-of-the-art IT systems have been installed to achieve that. This is a remarkable achievement, which other countries may well wish to emulate.

Azerbaijan also has unique experiences to share in areas as wide-ranging as e-governance, mine clearance, oil revenue management, and youth policies and programmes. Let me add how pleased the United Nations Office of the Secretary-General's Envoy on Youth, UNDP, and UNESCO are to be co-conveners of the First Global Forum on Youth Policies here in Baku with the Ministry of Youth and Sport and the Council of Europe. We are also highly appreciative of Azerbaijan being an early funder of the Office of the Secretary-General's Youth Envoy,

UNDP welcomes the initiative of the Government of Azerbaijan to establish the Azerbaijan International Development Agency (AIDA) to manage its development assistance. We will be very happy to work with AIDA as it builds its capacity and as a partner with it in providing development co-operation. We note a number of contributions which Azerbaijan has already made to other countries, including for disaster relief, and to UNESCO programmes.

We believe that engaging in South-South and Triangular Co-operation will be of benefit to both partner countries and to Azerbaijan itself. It will strengthen bonds between countries and between specialists and experts across borders, providing a strong basis for future co-operation. It will position Azerbaijan as a centre of excellence in specific areas, which will ultimately also add to its capacity for export of a wider range of goods and services. UNDP, with its global network of Country Offices and its programming in more than 170 countries, is uniquely placed to facilitate South-South and Triangular Co-operation. We are excited about the potential to work alongside Azerbaijan as it develops its international partnerships further, in the interests of sharing innovative approaches to human development, including through ICTs, and modernized public administration.

Once again, I thank the Government of Azerbaijan for the invitation to attend this Forum, and I wish all participants a very successful Forum.

UNESCO-nun baş direktoru xanım İrina Bokovanın Forum iştirakçlarına videomüraciəti

Zati-aliləri. Xanımlar və cənablar.

Mən IV Bakı Beynəlxalq Humanitar Forum iştirakçılarının qarşısında çıxış etməkdən məmnunam. Mən Azərbaycan hökumətinə, xüsusən də Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Zati-aliləri cənab İlham Əliyevə belə vacib təşəbbüsə görə minnətdaram. Bu Forumun məqsədi multikulturalizm, elmi mübadilələr, texnologiya sahəsi, inkişaf, insan inkişafı məsələlərindən ibarətdir və dünyada bütün cəmiyyətləri birləşdirir. Əslində bu məqsəd UNESCO-nun mandatına da uyğundur. UNESCO-nun mandatı məhz sülhün və davamlı inkişafın təmin edilməsindən ibarətdir. Bütün cəmiyyətlər bizim dəyişən dünyada böyük dəyişikliklərə uğrayır. Biz yeni, mədəni biliklərin artırılması üçün yeni siyasətin həyata keçirilməsinə çalışmalıyıq və bu sahədə apardığımız fəaliyyətləri innovasiyalara bağlamalıyıq. Biz ifadə azadlığını təmin etməli, həmçinin bu bilikləri rəqəmsal şəbəkələrlə yayaraq bütün fərdləri əhatə etməliyik ki, azad və demokratik cəmiyyətlərimiz təşəkkül tapsın. Hamımız məhz elmi biliklərin vacibliyini anlayırıq və biz bunu hamının faydası üçün yaymalıyıq. İnanıram ki, bütün bu amillər bizim humanitar siyasətimizdə fundamental dəyişikliklərə səbəb olacaq. Mədəniyyət, təhsil, elm, rabitə və informasiya texnologiyaları bütün vacib tədbirlərin mühüm hissəsinə çevrilib. Bu, insanların əsas tələbatlarına cavab vermək, onlara kömək etmək üçün vacibdir. UNESCO öz tərəfindən hazır olduğunu bildirir ki, mandatından irəli gələrək bu vacib yanaşmaya dəstək verəcək. Mən bu ruhda sizə faydalı müzakirələr və xoş işgüzarlıq arzulayıram.

Speech by Director-General of ISESCO
Mr. Abdulaziz Altwaijri

In the name of God, the Most Gracious, the Most Merciful
Excellency Mr. Ilham Aliyev, President of the Republic of Azerbaijan,
Excellency Mrs. Mehriban Aliyeva, First Lady of Azerbaijan, UNESCO and ISESCO Goodwill
Ambassador and President of the Heydar Aliyev Foundation,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

It is a great pleasure for me to address you at the opening of the Fourth International Humanitarian Forum of Baku. I am honored to, first of all, express my sincerest appreciation and gratitude to H.E. Mr Ilham Aliyev, President of the Republic of Azerbaijan, for launching this world-class humanitarian initiative from Baku, a haven of dialogue, harmony and tolerance.

President Ilham Aliyev has evolved this Forum into a globally important gathering of intellectuals, academics, media professionals, spiritual leaders, religious scholars and decision makers from all disciplines to collaboratively discuss issues of intercultural dialogue and alliance of civilizations, within a spirit of mutual respect and confidence.

Never was the world so in need of building harmonious relations and combined action on firm grounds for world peace and security than it is today. We are at a juncture which – it is no exaggeration to say – is so critical and extremely delicate. The international community is in a state of great uncertainty, confusion and turmoil, engulfed as it is in a multitude of perils that pose a real threat to world peace and present daunting challenges that cannot be met except through sincere and concerted efforts, guided by respect for the international law and the principles of human rights.

The Baku International Humanitarian Forum is – in its objectives and mechanisms – a form of world intellectual alliance for peace. This much is true, because combating terrorism in all its manifestations begins with eradicating extremist ideas, depraved tendencies and alien concepts. And this is hard to achieve without carrying into the world the values of justice and peace, harmony, mutual acceptance and recognition of the right to difference.

The main objective of this Forum, established in 2011, was to draw up a new humanitarian agenda in the era of globalization with the ultimate aim of advancing it worldwide. This is one of the noble goals pursued by the Republic of Azerbaijan as part of its commitment, before the international community, to fulfilling its mission of human civilization advancement. In this regard, a dozen of international conferences on the issues of dialogue, mutual understanding, tolerance and human collaboration were held in Baku and some of which were co-organized by ISESCO. Through such events, Baku has admirably captured the attention of the world with its long tradition of serving human culture, and deservedly established itself as an ideal platform for this human project of so great importance to world peace.

That is why I, in 2011, described this Forum as a project with noble intentions for human civilization. It is an important milestone in the global effort to promote cooperation at the level of governments, regional and international organizations, and local-community institutions. I now tend to consider this Forum as a true expression of human alliance, its key goal being to promote a culture of dialogue and interaction between peoples and nations and contribute to the global effort to stamp out

hatred, discrimination, extremism and terrorism and save humanity from these perils that challenge world peace and security.

It is unfortunate that the international community continues to turn a blind eye to the ugly occupation of the Nagorno-Karabagh region by the Armenian forces, in a blatant violation of the international law and the UN Security Council resolutions. I, from this platform, once again, call, on behalf of ISESCO, for adopting bold and immediate measures to put an end to this unlawful occupation.

I have no doubt the role of this Forum has become even more important and crucial at this juncture when the world is uniting into an alliance for peace and against terrorism.

Thank you very much for your attention.

**Speech by former President of Estonia
Arnold Rüütel**

Estonia on the Path of Sustainable Development

Ladies and gentlemen,

We live in a very restless world. Practically every day brings us news of the eruption of violent clashes in various parts of the world. Millions of people are forced to leave their homes. Millions lose their lives.

Planet Earth is our common home where, to survive, we need clean air, drinking water, food and habitable space. Unfortunately, we will have to face the lack of all the above mentioned things.

Without delving too much into the details, we inhabit a planet where around 80% of our forests have been cleared, fragmented or left in a bad state.

Scientists claim that 1/3 of the earth's surface is in danger of desertification. Since 1990, each year, up to 3.4 km² of land have become desert. The UN's specialists have expressed grave concerns: should such a tendency continue, large swathes of the earth will become uninhabitable. And not only for people. Let us, for instance, consider the diversity of species.

If in the 18th century one species went extinct every year, then in 1975 this number rose to 1000 a year. By the turn of the century, we reached the figure of 40,000.

According to the statistics of the UN, the number of poorer countries has doubled in the past 40 years. Uprisings have occurred in around 20 countries due to food shortages, posing a serious threat to global security. Annually, the number of starving people increases by some 40 million, a figure that has already surpassed one billion.

The growth of social inequality, especially during the past two centuries, has become an extraordinarily grave problem.

If we simplify and base our calculations on there living one hundred people on earth, then based on statistics we could say that out of these one hundred

- 47 people would spend less than 2 USD a day,
- 41 would lack basic hygiene,
- 17 would not know how to read,
- 13 would suffer malnourishment,
- 4 would know how to use the Internet,
- 2 would have a university education,
- 6 would have the right to use 59% of humanity's riches.

(Source: www.populationconnection.org)

The above demonstrates the sad reality that, especially as during the past century, civilisational progress based on the rapid development of natural sciences and technology results in a serious backlash in mankind's social development, not to mention the neglecting of moral and ethical norms.

Ladies and gentlemen,

It is customary to say that our future is in our own hands.

It is interesting that throughout history various civilisations have grown and flourished as long as there has been land to cultivate, and for as long as the land stays fertile.

According to estimates, 8.2 billion people will inhabit the world in 2030. If, as a starting-point, we take the best examples of land use on our planet, it becomes clear that 0.2 ha of arable land are needed to feed one person. It is not difficult to calculate how many people would then have land to produce food. Globally, there are 1.5 billion ha of agricultural land, and this figure continues to decrease.

In relation to population increase, and of consumption directly related to this, the questions linked to sustainable human development have become crucial.

Our future depends upon how we can agree the rules. Hence, the growing reception of the principles of Global Sustainable Development.

These principles were first talked about in the 1970s.

At first, only the concord of society and nature was considered to be sustainable development.

Today, we understand sustainable development as satisfying the needs of both current and future generations. In order to ensure such a development, we must guarantee:

- The growth of wellbeing,
- Social coherence,
- Ecological balance, and
- Cultural viability.

None of these four areas may be developed at the cost of another.

Ladies and gentlemen,

Let us try to look, based on the Estonian example, how well we have been able to take into account the requirements of developing these four areas.

The general principles of sustainable development up to 2030 are enshrined in the national strategy “Sustainable Estonia 21” that was approved by the parliament (Riigikogu) already in 2005.

The strategy includes the entire republic, and its aim is to guarantee Estonia's long-term viability. According to the sustainable development strategy, the long-term aims of Estonia are:

- The viability of Estonian cultural space. This is a precondition for the preservation of national identity. It incites the valuing of national ideals, and the use of one's mother tongue.
- The growth of welfare for Estonians. Here, the satisfaction of each person's material, social, and cultural needs is meant. With this the preconditions are created for everyone to accomplish what they strive for, and to fulfil their goals.
- The establishment of a socially coherent society. This presumes the participation, according to ability, of everyone in the creation of national benefits, as well as a fair share in enjoying these goods.
- Achieving ecological balance. This requires advancing towards the equilibrium of both material and energy flows.

In addition to these four development goals, the strategy includes subcategories and indicators used to measure them. The expected state of society by 2030 is defined and possible mechanisms to achieve these goals are addressed.

A few words on achieving ecological balance.

A commonly used indicator is the so-called ecological footprint. The ecological footprint of the average Estonian in 2005 was 6.4 global hectares, that is, twice the global average (2.7 ha).

Since then, Estonia's ecological footprint has improved. We understand that the main reason why Estonians' ecological footprint is so large is the use of shale oil energy. Shale oil belongs among those so-called fossil fuels that contains much ash. Permit us to demonstrate this based on one example:

For a 100 W electric bulb to remain switched on for an hour, 70-75 grams of ash are emitted at the electric power plant. This must be transported to an ash mound. At the same time, 350-400 grams of burnt gas are emitted into the atmosphere via chimneys. It is self-explanatory that when it comes to shale oil energy, we must move towards adopting technologies that pollute the environment less.

If we stop to consider the viability of our national culture, we have extensive historical experience to draw from. Having lived under foreign powers for some 700 years has taught us to resist alien religions, strange manners and life-styles.

In 2011, Estonia's capital, Tallinn was declared Europe's capital of culture. Based on this, it is possible to say that Estonian culture is viable. Nevertheless, problems persist in this field. Our duty is to modernise both education and upbringing, without simultaneously forgetting our national values – our mother tongue and cultural heritage, national traditions and symbols, traditional knowledge – all skills that form the foundation of our national identity, but also of global cultural diversity. Without taking all this into account, the whole idea of the world's cultural sustainability would become questionable. The multiplicity of ethnic cultures is our common wealth. It is fertile ground for the emergence of new cultural phenomena.

If we briefly look at the growth of welfare in Estonia, we can see that we have made considerable progress in this field. §10 of the Estonian constitution points to the principle of social statehood and societal rule of law. Generally, both political and social rights must be able to guarantee welfare for the citizens. Without directly interfering in the workings of the market economy, the state regulates inequality through economic and social policies.

After Estonia regained its independence, we made it our aim to achieve a number of noble, yet difficult goals, such as, for instance, the growth of the people's wealth and the increase of society's coherence, good health, a meaningful life, the decisive reduction of crime, a rise in birth-rates, the growth of the welfare of pensioners, etc.

Today, we must admit that, also in Estonia, there is a lot of room for improvement in the field of welfare, although, when looking at GDP and social development, Estonia is placed 19th among the world's welfare states. According to the 2014 social development index, even highly developed societies like France, Portugal, the Czech Republic, and others, fall behind us. One of the worries of our development is, without doubt, how to ensure social coherence. Coherence depends on societal trust, a sense of security, mutual support, shared values, and equal opportunities. Social coherence requires that society not only be a collection of individuals, but a whole that works towards a common goal. This is guaranteed by commonly accepted values.

As we well know, social coherence is one of the cornerstones of the European Union, and one of the most important aims of social policy. According to the Council of Europe's definition: “Social coherence means society's capacity to ensure the well being of all its members, to reduce differences, and to avoid polarisation. A coherent society consists of free people supporting each other, who achieve common goals democratically.” (Council of Europe, 2004).

Today, we can say that as a member of the European Union Estonia is moving towards the above mentioned goals.

Ladies and gentlemen,

Speaking of sustainable development both locally and globally, we must acknowledge that, next to putting daily bread on our table, the main challenge of humanity is energy. Striving towards the use of less polluting energy resources requires huge investments so that future needs are met by the necessary infrastructure. To solve these problems we must involve the representatives of many different scientific fields, lawyers, economists, etc, who are able to fathom the extent of the whole matter, to appreciate adequately the current situation, and to propose solutions that can be realised.

I thank you for your attention.

Speech by former President of Croatia Stjepan Mesic

Distinguished Mr. President,
Excellencies,
Ladies and Gentlemen,
Dear participants and guests,

You will allow me the freedom of not sticking strictly to the topic of this year's Forum. I shall speak of something that is of utmost importance for the world we live in and without it the consideration of any topic is beside the point.

I shall speak about the re-building of trust in relations between countries, not only in Europe, but throughout the world. I stress 're-building', because there was a period when it seemed that mutual trust was beginning to significantly determine international relations.

Unfortunately, that period is the past today, a past we can only remember with nostalgia. It is even more than that: it is a past we have to convert into future if we do not want the events to take the course Pope Francis warned about recently: that we become witnesses of, participants in, and also the victims of the WWII. Unlike the previous two wars, it will not take place in a series of seemingly unrelated conflicts, through occupation, subjugation and crime.

Because of that, I think it well justified to say that today's state of affairs in Europe and in the world requires that new foundations of international relations be found and laid urgently, that we return to the basic principles they relied on for decades after the end of WWII, until the fall of the Berlin Wall.

I shall state without hesitation that the main cause of today's worrying situation is the collapse of the order established in Yalta. Naturally, I am not calling for a new Yalta, I am only saying that the root of current problems is in the effort to re-define the interest spheres. A certain balance between the two sides: the West and the East, was agreed upon in Yalta, whereas now the events seem to indicate that one side obviously prevails: the West.

Today's Europe is built, or is supposed to have been built, on the principles formulated by the authors of the idea of European unity, the champions of the struggle aimed at avoiding a new war in Europe. Besides that, today's Europe should rely on the principles laid by the Helsinki Conference on Security and Cooperation in Europe.

I intentionally claim that the Europe of our time could, with slight modifications, be applied to the world, and should be based on the principles of integration which meet the interests of all those who are integrating in it. That would eliminate the potential appetites for the territories of others, for the energy or other potentials of others. It should be based on the recognition of borders established after the victory of Allies in WWII.

It is a fact, however, that these principles do not exist any more, or rather, that they are not the only ones in existence.

The primary task of the fathers of the united Europe was to avoid the new war. That task was followed by numerous new ones, among others, the equalization of the so-called old and new Europe, and that of overcoming the economic crisis.

There is something else: if it is true that in Helsinki, the new principle of inviolability and unchangeableness of borders was established as the unavoidable element of the new order, and of the trust between the East and the West, then it is no lesser truth that the transition and the fall of socialism, or what used to be called communism, shoved that principle into oblivion, or at least into the background.

I risk your disagreeing with me, but that is how I see the past twenty or so years, a period we entered harbouring great hopes, and which can today only be observed critically, without trying to avoid one's own responsibility for chances missed, for the unfulfilled.

Instead of contributing to the strengthening of mutual trust and better relations, which the democratization that spread over the entire European continent should have done, we now observe the reverse trend: despite open borders and the acceptance of the *acquis communautaire*, there is an ever growing polarization within Europe and (we could talk of realists and revenge-seekers), as well as between Europe (endorsed by the US), and Russia.

The internal European division mostly follows the line of division between the democratic Europe of the past and the Eastern block, dominated by the Soviet Union, and is conditioned by the attitude towards Russia. One can have diverse attitudes towards the Russian political positions, but it is extremely dangerous to transpose the frustrations inherited from the Soviet times, to today's Russia.

It is even more dangerous to hear messages like the one that 'NATO has finally returned to its roots and recognised its enemy in Moscow'. No one needs enemies, or let me be precise: ordinary people don't. Those who build their empires and amass fortunes on animosities need enemies.

The trigger for the current situation, which gives rise to concern, despite the signs of its calming down (albeit gradual), was undoubtedly the Ukraine crisis. Neither Western Europe nor the US have clean hands there. Let us ask ourselves how Paris, London or Washington would react if massive demonstrations against the government broke out there, and the politicians from other states encouraged and incited the demonstrators?

Also, how would they react if, for example, Russia did all it could in order to attract a country from the Western camp to its side, offering attractive gifts to it, under the condition that it sever its ties to the West?

The policy of imposing the ready-made solutions and models, of taking the right to bring down regimes in sovereign states, by overt or covert assistance or foreign military intervention. Whatever these regimes were like, this policy gained its citizenship by force, placing –objectively speaking– the United Nations on the margin of international relations.

Terrorism was brought onto the international scene, in the form we did not know until now, could not even conceive until now, and which is embodied in the so-called Islamic state. Those who now start the fight against it are far from admitting their role in the ominous preparation of the field for its savage rampage.

We have to understand that each country has its specificities, its interests, its traditions and its history. Uniformity cannot be imposed under the cover of united Europe or democratization.

The relations of trust in today's Europe are spoilt and shaken in their foundations. It is perfectly clear that the European future cannot be built without Russia, for both the historical and the current reasons. However, we have the confrontation of the so-called democratic world and Russia, not seen since the cold war.

What does it mean when the Act on the Prevention of Russian Aggression appears before the US Congress? What would we think if someone, somewhere in the world, passed the Act on the Prevention of the Aggression of the US or the EU, because of its role, in, for example, the change of the regime in Libya, or in the destruction of the Iraqi state?

We have to change the mindset entirely. In order to accomplish that, we need to be free from the control of the financial centres of power, which clearly show the tendency to convert politics into their service.

I appeal for a firm support to the principles according to which each nation has the right to decide on its own destiny, in a state with a rule of law.

I appeal for the return to the principle of non-interference into the internal affairs of others (which does not suspend the international charters of conventions, like the one on human rights or minority rights).

I appeal for the strong and absolute denouncement of any use of force in relations between states, and the reaffirmation of negotiations as the sole method of overcoming disputes between states.

All this might sound too radical, or unmodern to you. However, it is the decades of political experience that speak with my voice, as well as serious concern for the direction the world we live in is taking.

It is the only world we have.

For that reason, I have taken the liberty to bring my ideas to your attention and to offer them to you as food for thought, in order for you to consider something which – I convince you – is not a Utopia, but the only way, no matter how long it might take and how hard it might prove to be.

It is the path of re-establishment of trust between states in the international arena, which, needless to say, needs to be preceded by the establishment of mutual respect and reaffirmation of the principle of full equality of all subjects in the international relations.

Thank you for your kind attention!

Speech by former President of Lithuania Vytautas Landsbergis

The Caucasian and Caspian Europe goes today building up its own chosen future. That is the time of both historical vocation and challenge. As the vocation of the three nations in the area is to continue their re-emergence from ruins of an old and agonising empire of continental colonialism – conquest and absorption, – that very empire is re-emerging as well, the same way repeatedly, in an evil tradition of desired continuity of being wrong, within the inherited instinct of the previous conquests and absorptions. It prefers to keep even destiny frozen and memory paralysed by fear.

Delirium of inspiring freedom should prevail over the poor delirium of enslaving others; but not always that is the case.

We may observe from the likely safer distance how the wrong idea of gaining more lands (Crimea) and redrawing maps by force does step on to replace the idealistic idea of the peaceful and cooperative Europe; and then the old banners of allegedly victorious wars are used for the re-colonisation of the re-captured nations on grounds.

Bloody and grim developments, being recently initiated so openly by Kremlin as unfortunate former metropolis badly suffering its own post-colonial complexes, are going on in that special Eastern part of our harshly unifying Europe. At stake now is long lasting model and hope that there is/was a chance to get international peace endured, not destroyed regularly by expansionist wars.

It is well known, that modern democracies are less keen to solve their problems with arms in hand – the toys are better – when dictatorships (to be non- or anti-democracies) do discover themselves as aggressive and militant. If you prefer the peace, you must link to democracies.

Azerbaijan was criticised quite often for its type of governance and regime even if not being an attacker and occupier like others. In its South Caucasian and Caspian environment plus being sandwiched among two big hegemonies, Azerbaijan presents the most stable and stabilising entity here, the really cooperative part of Europe, thus deserves a support. Its line to refrain from a military revenge, from efforts to take soon back what was taken out, to stay sufficiently calm even under new provocations, is to be praised as well. In a sum, that is Azerbaijan's positive contribution, as well as moderate form of Islam, energy alternative in the EU neighbourhood and good will political initiatives like this forum.

Hopefully, after dark clouds of Kremlin's reconquista do step back, Azerbaijan will work also on internal political reforms.

Good luck!

Speech by former President of the Council of Ministers of Italy Enrico Letta

I'm most grateful for the kind invitation to attend the Baku Forum.

It gives me the opportunity to visit Azerbaijan again, one year on from my official visit at the invitation of President Aliyev; the first by an Italian head of government to this beautiful and important country.

It also gives me the chance to listen to many important speeches and to meet many friends. But additionally, it gives me the great opportunity of elaborating before a distinguished audience on the state of relations between the European Union and the region following the Vilnius meeting of November last when we reached important agreements on subjects including visa liberalisation and strengthening links which are so vitally important for our common future.

Today, following the European elections and recent decisions taken by the European Council, the European Union is entering the very core of a new and decisive legislative period.

The new Brussels Team will be operational in a few weeks and we are confident that the impulse of the May elections to the European Parliament will give new impetus to European integration.

We greatly need such impetus in Europe in the wake of the recent economic crisis and its consequences on current and growing social imbalances in our countries.

These imbalances have created tensions and propelled anti-Europe movements to worryingly high levels of popular support at the recent elections. Now we need to react with concrete answers and long term solutions.

We have to overcome the crisis. We have to push for growth and to help companies to create jobs, to defeat, above all, unemployment among the young; the true social nightmare of countries such as mine.

To do that, we need internal structural reforms, of the type, for instance, that my country intends to apply. But we also need a truly European new deal for growth and jobs with changes in the EU's approach to many industrial, trade and single market policies. We need to push for effective trade agreements in line with the positive international atmosphere created by the 2013 Bali WTO agreements. And we need to foster the internal single market within the European Union, to create new ideas in industrial policy and to invest progressively and deeply in education, research and development.

These are matters for us to decide in Europe, of course. And I can assure you that today we are completely aware of the responsibility that we, as Europeans bear, to be no longer the core of the financial crisis as we have been in the past five or six years. But there's also a category of decisions, crucial to our future that we must share with our neighbors. Growth requires new industrial opportunities, trade agreements, new energy perspectives, and the development of tourism.

We are all aware and interested to see the area of Caucasus and central Asia growing in terms of importance in the world of tomorrow, and involving itself more and more in achieving new perspectives on the decisive necessity of strengthening democracy.

But a future with growth and jobs is directly connected to the political stability of the framework of international relations around us. We must avoid that tensions between Russia and the EU affect the crucial state of relations between the EU and the Caucasus region. We have to work, and we will work, hard to try to defuse the situation and to find peaceful solutions.

We need peace and stability to push for growth and jobs. And our citizens ask us to work to create them new opportunities and not new threats.

This is why the timing of the Baku Forum 2014 is so important. And the strength and credibility of the voice issuing from this Forum may help the international community to overcome its recent difficulties and to enter a new era of stability. This is what we are searching to do.

**Speech by President of the Kuwait Association for the Ideal Family
Sheikha Fariha Al-Ahmad Al-Jaber Al-Sabah**

In the name of God.

Al-hamdullah and prayer and peace be upon our,
prophet Muhammad and his family and companions.

Ladies and gentlemen!
Distinguished guests!

Today, from the reality of the international community, we can see that the world is facing too many challenges in the modern globalization in all fields of life, that's where Baku the 4th international forum comes, so as to achieve the successful and distinct required future to all participant countries, as previous conferences were able to contribute positively and effectively in utilizing the resources needed to increase the efficiency of human development and hence in Economic growth.

And it's obvious to everyone the care and attention devoted by the United Nations in the Economic field and in utilizing the resources in it's suitable place that can ensure the best return for the developing countries through areas investments that would result in generating job opportunities which will inturn reduce the high unemployment rates as well as the high inflation rates in such countries.

Mean while during the world's passage through global economical instability and political crisis we can not overlook the role of women, who were able to prove all over the world, and specifically in my country Kuwait, their high capabilities in facing challenges and able to run and manage companies, corporations and stock exchange markets effectively.

She was also able to work as minister, consultant, financial manager and became an integral part of successful economic and global systems, emphasizing her high potential and capabilities to compete and to manage efficiently and effectively.

And now the world watching us gathered in Azerbaijan so as to learn from global experiences in how to overcome global crisis, lowering financial burden and from the role of the participating countries in attracting investors to be engaged in a partnership with both public and private sector.

Dear Distinguished guests!

No-doubt that the conference came in a time where we need to reconsider small or big projects to be dedicated for the humanity welfare and benefiting from the developed countries past experiences for wide range income per capita and generating wide variety job opportunities for all.

At last but not least I want to deliver to all of you the greeting from the royal highness Al-Shaikh Sabah Al-Ahmed Al-Jaber Al-Sabah may Allah protect him and his crown prince and the political leaders and all the Kuwaiti people to the republic of Azerbaijan for the great hospitality and reception and thanks for all the participator countries and to everyone contribute to make this forum success.

Finally I want to thank you to make me part from this great forum, it's an honor to me to be among you all today, thank you.

**Speech by Vice Minister for Cooperation, Culture and Trade Promotion,
Ministry of External Relations of Brazil
Hadil Fontes da Rocha Vianna**

Thank you very much.
Ladies and Gentlemen,
Good morning all.

I would like, at the outset, to thank the organizers of this event for the invitation extended to me to participate in this prestigious Forum. And I feel very much honored to participate in this plenary session in such distinguished and renowned company.

For me it is an immense pleasure to be again in Baku (actually it is my second time here). Baku and Rio de Janeiro, my hometown, are sister cities. Both are very much representative of the same spirit that prevails in Azerbaijan and in Brazil – countries that respect cultural traditions and, at the same time, search for modernity.

As for tradition, I would like to refer to the Azeri author Kamal Abdulla and to his book "Unfinished Manuscript", recently published in Portuguese in Brazil, from which we can learn about the variety and richness of the Azeri culture. Moreover, it is worth mentioning the well preserved Baku's Old City and museums. In relation to the search for modernity, this very cultural center – a masterpiece of architecture by Zara Hadid – is a real evidence of Baku's vocation.

The subject matter I chose for my presentation at this session is **Cultural Diversity in Brazil**.

Before I address the question of Cultural Diversity *per se*, I believe it is appropriate to comment briefly on the role my country plays today in the international scenario.

It is undeniable that the contours of a new world are being outlined. The international sphere has given greater voice and weight to emerging countries, which have gained greater relevance and larger participation in decision-making mechanisms.

In this context, Brazil has contributed to the foundation of the G-20, the BRICS, the Common Market of the South (Mercosur) and The Union of South American Nations (Unasur), contributing to shape a multipolar world, with multilateral governance.

The Brazilian foreign policy agenda underlines not only traditional topics such as international security and economic diplomacy, but more recently it has been also focusing on the treatment of issues of a more social nature. These issues comprise, for instance, the fight against poverty and hunger, the promotion of sustainable development, the protection of human rights and – it could not be otherwise – the respect of cultural diversity.

Brazil is convinced that Culture, in all its complexity and diversity, is a fundamental tool for the planning and implementation of the national foreign policy, especially taking into account our present status of emerging global player.

We also believe in the power of Cultural Diplomacy in order to foster mutual understanding and to generate a proper environment for economic and political dialogue.

Brazil is a young country. Only five hundred and fourteen years have passed since the first European colonizers arrived in our lands.

Brazil is the fifth largest country in the world, with the fifth largest population. This population comprises a combination of Native American, African, European and Asian roots. The largest Afro-descendant community outside Africa, the largest Italian and Japanese descendant communities in the world and an expressive and traditional Arab community – they are all resident in Brazil.

We are proud to have such ethnic and cultural diverse background, which is reflected in the variety of our food, music, crafts, dances, and popular celebrations.

Brazil is also a country of religious, racial and social tolerance. This peaceful coexistence of different traditions and beliefs encourages original cultural manifestations.

We are convinced that one of our most important aspects of the relationship we develop with other nations is our cultural diversity. This is a vital concept for our foreign policy because it has a huge impact on our global image and on our reputation as a peaceful, hospitable, friendly and creative people.

Now I would like to share with you some information on the constitutional basis for cultural diversity in my country.

The 1988 Constitution is considered a milestone regarding the support to the country's cultural pluralism. It not only includes all different individuals as Brazilian citizens, but also recognizes and protects minority groups.

The constitutional text of 1988 states that all persons are equal before the law, without any distinction whatsoever; men and women have equal rights and duties; freedom of conscience and of belief is inviolable; the free exercise of religious cults is ensured and the protection of places of worship and their rites is guaranteed.

The Brazilian constitution also recognizes the rights of indigenous people to live in their traditional territories according to their lifestyle. It also states that the government is responsible for the demarcation of indigenous land and is in charge of providing bilingual education and health care adapted to indigenous needs and beliefs.

I would like to mention some Brazilian public policies for the promotion of cultural diversity.

In 2003, a Special Department for Racial Equality Political Promotion (SEPPIR) was created, directly linked to the President's office, with Ministerial status and in charge of coordinating governmental strategies in this field.

I would also like to mention that we have recently launched a government program named "Mais Cultura" (meaning "More Culture"), which includes culture in the government's priorities, as a fundamental right of more than 200 million Brazilians. This is the first time Brazil has recognized that culture, in its full diversity, is essential to fight poverty and generate citizenship.

In the multilateral domain, it is worth highlighting that Brazil is a signatory country of the UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005).

The constant dialogue among cultures forged the Brazilian identity, which is based upon tolerance and respect for diversity. The dialogue among nations could also forge an Alliance of Civilizations, which is more than a dream, it is, in fact a concrete aspiration of many countries and peoples all over the world.

I would like to stress that, from the Brazilian perspective, a true Alliance of Civilizations can and must be founded on the protection and promotion of cultural diversity at local, regional and global levels.

I am convinced that the Baku Forum plays a pivotal role in fostering awareness of the importance of cultural diversity. I hope more initiatives like this Forum can be created to enhance dialogue and mutual knowledge around the world.

Thank You.

**Speech by Senator, President of the Foreign Affairs Committee of the Senate
Gabriela Cuevas**

Good morning ladies and gentlemen,

First of all, I would like to thank His Excellency Mr. Ilham Aliyev, President of the Republic of Azerbaijan, as well as the Baku Forum Organizing Committee for their kind invitation to be part of the Fourth Baku International Humanitarian Forum.

I am deeply honored to participate in the inauguration of this annual event of humanitarian international law which gathers such distinguished academic, scientific, cultural and political leaders from all over the world.

This forum provides a great opportunity to reflect about the dangerous effects of radicalization and dehumanization that we are witnessing everyday in wars and armed conflicts everywhere. This is a concern that I am positive we all share about these appalling issues, and is under this same spirit that we are united here today in Baku.

Despite that we have lived through a 20th century that has been scarred by two world wars, a series of genocides, religious, politic and ethnic cleansing conflicts, tyrannies, terrorist attacks, tortures, and the increasingly inhumane use of technology such as the atomic bomb, chemical and biological weapons that have ravaged humankind. It is indeed quite difficult for me to believe that some current world-leaders still overlook and violate human rights on a daily basis, and continually become more aggressive towards those who have new hope to live: children.

Currently, there are more than 31 armed conflicts in the world, and accordingly to a report published by Oxfam International [*“For a safer tomorrow”*]; approximately 750,000 people die each year if we only consider the wars in the **Democratic Republic of the Congo**, Darfur and Iraq.

Even if the number of conflicts have considerably decreased since the fall of the Berlin wall, we still find 46 countries with a total of 2.7 billions people dealing with a high risk of conflict due to inequality in wealth distribution, a lack of security and climate change. **This panorama infers that one out of every six countries in the world is exposed to undergo a civil war.**¹

Even worse, these figures represent only a fraction of the people that are raped, tortured or kidnapped during these conflicts; it does not matter if these people are protected by international humanitarian law; today they are deprived from international protection. I am alluding to those wars and conflicts that happen to be ageless and forgotten in time, where the most affected victims are by far, a large number of innocent people.

I insist that everyone has the right to be protected from murder, violation and forced migration. Sixty five years ago, in December 1948, the Universal Declaration of Human Rights assured us that “everyone has the right to life, liberty and security”, the right to live free from fear and misery. Unfortunately, in 2008 for millions of people that promise had not been accomplished yet.² The Responsibility for Protection is an international commitment of the governments to prevent, but also to respond over the crisis and conflicts, wherever these may take place.

According to calculations made by diverse authors³, during the 20th century approximately 33 million military men and women were killed as a result of international wars and 170 million people were killed from non-international regional conflicts and as a product of tyrannical regimes. This last figure, considers the killing of 86 million people who died as a consequence of the Second World War. In total, 203 million people had died in the 20th century as a result of armed world-wide conflicts.

---

¹ http://www.oxfamintermon.org/sites/default/files/documentos/files/090930_manyanaseguroOK.pdf

² *Ibid.*

³ Rummel & SIPRI. Available at [http://www.law.duke.edu/shell/cite.pl?59+Law+&+Contemp.+Probs.+9+\(Fall+1996\)](http://www.law.duke.edu/shell/cite.pl?59+Law+&+Contemp.+Probs.+9+(Fall+1996))

In 2005, United Nations calculated that two out of every three million dead people – are directly related to armed conflicts since 1990- were children.¹ And, other six millions have been mutilated or will be disabled forever.²

Considering the aforementioned, there are almost 40 million people who have run away from their homes and territories, living as refugees in other countries or that have been **internally displaced in their own nations**.³

In addition, a recent and highly alarming phenomenon is occurring in many conflict zones involving children, and particularly adolescents who are being recruited as soldiers. According to UNICEF data, a distressing 300,000 children (boys and girls under 18 years old), are currently participating in at least 30 conflicts all over the world and many of them are engaged as soldiers, messengers and couriers, sometimes as cooks, or even worse, to provide sexual services.

Some of these children have been kidnapped or have been recruited against their will; others are also forced to join criminal organizations due to poverty, power abuse, and discrimination, or even sometimes these children are seeking revenge for atrocities that they have suffered against themselves or their families.

In 2005, the number of boys and girls performing as soldiers in the **Democratic Republic of Congo**, Chad, Nepal, Ruanda, Sri Lanka, Somalia and Uganda, reached up to 250,000.⁴ In 2008, the Iraqi government showed images where 11 years old children were trained by Al-Qaeda.⁵ In Colombia, half-quarter of the *guerrilla* and paramilitary soldiers had been children.⁶

In Mexico, my own country, as a result of the difficulties faced by the government in fighting drug **trafficking** and organized crime, the number of children recruited by these criminal groups has increased. Different NGOs calculated that in Mexico approximately 30,000 children work for criminal organizations in various ways, and most of them are involved in at least 22 types of conflicts: drug trafficking and smuggling, kidnapping, human trafficking, extortions, piracy with copyright infringement and corruption, just to point out some of them.⁷

What about terrorist acts and organizations that because of their own nature are an absolutely crime against any civil right? Recent events illustrate that every government has the responsibility to fight terrorism and to protect their citizens against any kind of violence. However, some governments have lost sight in the fight against terrorism and have failed to protect their own people causing the death of thousands of civilians.

The fight against terrorism has in some cases, far from protecting citizens, become a mere excuse for governments to restrain the liberties of their own population, which exacerbates the violations of human rights.

Because of the aforementioned, governments around the globe should take every necessary measure to maintain and uphold human rights in-and-out their countries, as well as to promote tolerance and safeguarding the life of the people as an individual and invaluable right.

Certainly, we also have to consider that, as a result of the violence experienced through the world's history and particularly during the last century, many of our countries have signed a variety of treaties and international agreements such as the four treaties of the 1949 **Geneva Conventions**; the 1954 Hague **Convention** for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict;

---

¹ UNDP, "Human Development Report, 2005". Oxford University Press, p. 155.

² Médecins sans Frontières (2006) 'Access to Healthcare, Mortality and Violence in the Democratic Republic of the Congo', Genève: Médecins sans Frontières, p. 4.

³ "Internal Displacement: Global Trends and Developments in 2006" (IDMC), Genève, 2007, p. 6.

⁴ O. Otunnu, "Era of Application": *Instituting a Compliance and Enforcement Regime for CAAC*, UN Security Council Declaration, February 23rd, 2005.

⁵ BBC News, "Al-Qaeda boys" in training video', February, 7th, 2008, at: http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle_east/7231829.stm

⁶ Human Rights Watch, "You Will Learn Not to Cry: Child Combatants in Colombia" (2003), at: www.hrw.org/reports/2003/colombia0903/index.htm

⁷ Emmerich, Norberto. "Cruce de fuego: niños, niñas y adolescentes en el narcotráfico mexicano" (*Fire crossing: boys, girls and teenagers in the Mexican drug cartels*) Universidad de Belgrano, Argentina. Noviembre 2011, at: <http://bit.ly/1x2cARo>

the **Biological Weapons Convention in 1972**; the **1997 Ottawa Treaty** for the Anti-Personnel Mine Ban Convention; the **1980 Convention on Certain Conventional Weapons**; the Convention in 1993 about Chemical Weapons or the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the involvement of children in armed conflict of 2000. Nevertheless, all these conventions and treaties are not enough.

Signing and subscribing international agreements and treaties is of course, a fundamental task, but it is the willingness of the leaders and governments what will secure their rightful accomplishment. And this is what is needed in all those countries and regions in conflict: eager leaders willing to respect and to enforce their international obligations.

Until today, it has not been possible to reduce the effects of armed conflicts in the civil society. Neither, to offer protection to those people who do not participate in the conflict and nor to control the means and methods to make war. Therefore, one of the main purposes of the humanitarian international law continues to be infringed during the armed conflicts.

This is a matter of grave concern if we consider the existence of additional threats and circumstances with massive consequences on a global scale that may generate important violent situations from today up to year 2020. A research survey made in 2008, illustrated that government officials and academics from more than 20 countries identified some threats, even if those are unlikely to take place, they are still considered as an inherent danger, such as the possibility of weapons of mass destruction being used by terrorists groups; a nuclear attack among two or more nations and the collapse of entire countries due to civil wars.¹

Therefore, the threat of a war or armed conflict and the inevitable casualties and losses of civilians involved in those is greater today than ever, unless the international community acts in a more effective way to halt it.

Dear friends and colleagues, I would like to invite all of you to promote in each one of your countries, through education in our children, the meaning of tolerance. I recognize that fostering tolerance is the only hope that could make possible a more peaceful world for future generations. It represents as well a solid foundation for peace and probably, the most effective tool to reconciliation among the international community. Certainly, it is one of the key elements for brotherhood, respect and cooperation among nations.

This social responsibility cannot be ignored. Being here today will hopefully provide us with undeniable evidence that there are a lot of people concerned to build a better world, a peaceful world.

Also, I would like to take this opportunity to deeply thank your presence in this International Humanitarian Forum, because a real change might only emerge from the sum of wills that will generate feasible alternatives in favor of the innocent people who suffer everyday around the world.

If our governments have not been able to develop effective methods to protect civilians during armed conflicts, I trust that the exchange of experiences that will result from this forum, will definitely contribute to place human rights through a vision of “zero tolerance for violence”, which will be of crucial importance to spread a message of peace and tolerance in our countries.

We will only succeed once the results and outcome of this forum are translated to efficient public policies at national, regional and international levels, that will allow us to implement the commitments previously established, in order to prevent any violation of human rights, under any circumstances, particularly during an armed conflict, whether it is and internal or international.

Finally, I would like to welcome you all to this forum focused on generating dialogue, discussion and to promote the exchange of opinions concerning global issues with high relevance to humankind. I invite you to return to our countries with a clear purpose of boosting a proactive agenda regarding the respect of the international humanitarian law.

Thank you very much.

---

¹ E. Evans, “European Security in 2020: straw poll of policy-makers and research experts”, Global Dashboard: Notes from the Future, DE: www.globaldashboard.org/conflictand-security/european-security-in-2020-straw-poll-of-policy-makers-and-research-experts/, 2008.

**Speech by Chairperson of the Executive Board of UNESCO
Permanent Delegate of the Arab Republic of Egypt to UNESCO
H.E. Ambassador Mohamed Amr**

Your Excellency Mr. Ilham Aliyev,
Your Excellency Mrs. Mehriban Aliyeva,
Your Excellency Mr. Stjepan Mesić,
Your Excellency Mr. Arnold Rüütel,
Your Excellency Mr. Valdis Zatlers,
Your Excellency Mr. Enrico Letta,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

I am very honoured to participate in this fourth meeting of the Baku International Humanitarian Forum.

I am delighted to be in this great cosmopolitan city of Baku, to say a few words to this august assembly, in my capacity as Chairperson of the Executive Board of UNESCO.

I would like to thank the authorities of Azerbaijan, and especially His Excellency the President of the Republic, Mr. Ilham Aliyev, who launched this now-annual gathering of immanent personalities, who gather to discuss current issues with a view to tackling challenges facing humanity today.

I am also extremely pleased with the important role played by Azerbaijan in supporting UNESCO's objectives, notably in promoting quality education for all and in safeguarding the shared cultural heritage of humanity. We are certainly proud of the close cooperation our Organization enjoys with your country.

In this regard, I would be remiss if I did not express sincere gratitude to UNESCO's Goodwill Ambassador, Her Excellency the First Lady of Azerbaijan, Mrs. Mehriban Aliyeva, for her unfailing efforts in the promotion of both tangible and intangible cultural heritage.

Ladies and Gentlemen,

By the very nature of the word, humanitarianism has at its centre the human being. Thus actions of states, transnational entities –either regional or international – which affect the lives of women and men ought to be of utmost importance to all.

UNESCO, the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, who will be celebrating its 70th anniversary in 2015, has always been an immanently humanitarian UN agency. Its mission is well-known to all: to build peace in the minds of men and women.

The Constitution clearly states that the Organization was established on the premise that "*ignorance of each other's ways and lives has been a common cause of mistrust between peoples*" and that "*the wide diffusion of culture, and the education of humanity for justice, liberty and peace are indispensable to the dignity of man and constitute a sacred duty which all the nations must fulfil in a spirit of mutual assistance and concern.*"

Since its creation in 1945, the dangers that threatened humanity then have changed considerably. Nonetheless, the relevance of our Organization has remained constant.

While it does not seem likely that we shall see the horrors witnessed by our ancestors at the same global scale, we do continue to witness tragedy and injustice on a daily basis at the regional and sub-national levels.

The Organization's efforts to tackle such iniquity include the cultivation of a culture of peace, for which we have just celebrated the 25th anniversary of the Yamoussoukro Declaration on Peace in the Minds of Men, which promotes a way of learning to live together better. This programme has helped to develop greater intercultural dialogue and understanding amongst the peoples of the world. Subsequently we were in a position to recognise the importance of celebrating cultural diversity while engendering greater rapprochement of cultures. These are but a few of the examples of the ways in which UNESCO has provided humanitarian responses to current-day global challenges.

At the dawn of the 21st century, in September 2000, the General Assembly adopted the Millennium Declaration. Representatives of the world embarked on one of the greatest-ever efforts towards improving the lives of women and men, girls and boys alike when they proclaimed the Millennium Declaration. The MDGs have been considered as "a bold vision for the future" whose goals are to uphold the principles of human dignity and equality while building a world free of poverty and discrimination.

Much can be said about the great accomplishments made in attempting to achieve these goals. Global poverty has been halved; quasi-universal access to primary education has been achieved; and there are marked improvements in general of the human condition ...

Nonetheless, environmental degradation and global climate change remain pressing issues. Social exclusion leading to radicalism and ignorance of the Other, resulting in intolerable extremism, continue to plague us.

Phenomena such as these, and others, affect the individual the most, and – collectively – we must resolve them together, because their resolution will benefit us all collectively.

Dear Colleagues,

Today, we are moving towards a post-2015 new development agenda. An agenda that aims to build on the successes achieved, while continuing to pursue global development that is much more sustainable for future generations. While elaborating these new goals, representatives of Member States continue to place people at the centre of the sustainable development equation and they will continue to strive for a world that is just, equitable and inclusive.

The effects of climate change cannot be resolved unilaterally.

The inequalities engendered by globalization cannot be dealt with by one country alone.

The need to know cannot be ignored in an age when communication is accessible to all...

So the relevance of UNESCO's mission to promote education, the sciences, culture and communication and information is just as important today as it ever was!

There can be no development without education. It is for this reason that the current talks concerning the sustainable development agenda include access to inclusive and quality education, and lifelong learning as one of the goals to be pursued post 2015.

The Rio+20 Conference on Sustainable Development recognized the important contribution of the natural, social and human sciences to sustainable development and social inclusion.

Scientific knowledge, both indigenous and local, play a critical role in helping to meet the development challenges of today and tomorrow. Thus, fostering international scientific collaboration and strengthening of the science-policy interface are crucial to addressing the sustainable development and social transformation challenges of today.

In this regard, UNESCO plays an important lead-role in the United Nations Secretary-General's Scientific Advisory Board, whose job it is to strengthen connection between science and policy – thus ensuring science's rightful place in sustainable development.

Finally, culture too plays a crucial role in sustainable development. A few months ago, I was able to state this case at the UN General Assembly's special thematic debate on the role of culture in the

sustainable development agenda. In fact there is no doubt that the promotion of cultural heritage and the support given to the creative industries are certainly enablers and drivers of sustainable development and intercultural understanding.

Ladies and Gentlemen,

The objectives of the Baku International Humanitarian Forum are very much related to the objectives of UNESCO. So, I should like to wish you every success in the coming days as you discuss these complex and interrelated themes.

Allow me to congratulate you, Mr President, for the very high quality of the speakers invited to share knowledge and experiences.

I am looking forward to interacting with all of you for the coming two days.

Thank you very much for your attention.

**Speech by Nobel Prize Winner in Physiology and Medicine
Erwin Neher**

Some of the most debilitating diseases, such as neurodegenerative diseases, are still considered incurable at the beginning of the 21st century. The reason for a lack of success in developing therapies for such diseases lies in the enormous complexity of the human brain. We simply know too little about its structure and function. Therefore, a major effort in basic research is necessary, generating the foundation for rational development of therapies. Such efforts are, indeed, under way, both in the United States and in Europe, where large cooperative research programs have been initiated: the so-called ‘Human Brain Project’ in Europe, which intends to improve the understanding of brain function by computer simulation and the ‘Brain Initiative’ in the US, which focuses on the development and use of new technology to image and to quantitate brain structure and function.

Given such efforts, there is hope that the 21st century will witness the emergence of cures for many of the diseases, which primarily inflict the elderly. In view of the aging population worldwide, the urgency of such programs cannot be overstated.

**Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry
Kary Banks Mullis**

Mankind's Biggest Problem

The biggest problem of the human race is mankind itself. We have an evolutionary past that has involved being loyal to family and friends, protecting and providing for them. At best, we have a feeling of neutrality with everyone else. Those who share your genes we can love and protect, but we don't feel this way for "strangers."

The strength of our convictions is a result of our evolution, and often results in others getting the worst treatment. If we are going to survive on this planet in the presence of weapons, we must learn to overcome this genetic preference.

**Speech by Nobel Prize Winner in Physiology or Medicine
Rudolf Martin Zinkernagel**

General health issues and vaccines

The greatest problem of our world is that too many humans overuse the limited available resources. Therefore improvements are necessary in our educations for better economics and health. This will lead to smaller families and wiser use of all resources. Education of girls is particularly important because they will care for and educate the next generations.

Vaccines have been the most successful medical contribution to general health, particularly against acutely lethal childhood infections e.g. (small pox, measles, polio). Such vaccines are now also being developed against “new” infections such as Ebola virus. However, against many other, mostly chronic infections (such as Malaria, HIV or TB), effective vaccines are so complicated to develop that they are practically not feasible. While it is therefore essential to intensify use of the available vaccines, it is also important to support research and application of old and new antibiotics, antivirals and antiparasitics. But of greatest importance is education of everybody to understand diseases, their prevention by hygiene measures (including protected sex and safe drug use) to save humans and the world.

- Too many humans
- Biological life expectance necessary for humans 20 – 25 years
- Human knowledge and behaviour inadequate: education!
- Balance of state and personal responsibility versus freedom.

Speech by Nobel Prize Winner in Physics
Robert Betts Laughlin

Light Speed

Cell phone technology and the Internet are having enormous effects on the world at the moment because they are fast. Most people know about rapid information transmission, which occurs both in radio and wire at the speed of light, roughly one million times the speed of sound. But this is technical fiducial of the last century. The invention of radio, telephony and television perturbed civilization in a major way (not necessarily all good) but it was an event of our grandparents' time. They eventually invented ways of living with these technologies that they then passed them down to us, thus saving us the need to do it on our own. But we now face a development different from any they encountered: the stupendous shortening of decision times. A small, cheap computer can search through a list of a billion things in about a second. This is fast. It would take a normal human being roughly one lifetime to count to a billion, much less to search through a list of a billion things. Electronic search has fundamentally changed the cost structure of remembering – which is to say, a large part of a modern economy. Nothing that modern computers do is fundamentally different from what human beings have always done. Computers just do it faster. Thus, when we talk about how technology has empowered us, what we really mean is how it has sped us up.

Physics has something important to say about modern technological developments that is potentially important: The speed will not get much greater. In other words, the technological revolution through which we have all lived has nearly run its course. We can expect further incremental advances but not more vast leaps. The reason is that the machines are approaching fundamental physical limits imposed by quantum mechanics and thermodynamics. The speed of light is a factor too, but a much greater problem is the making of mistakes and the generation of heat. These two things are different sides of the same coin, as it turns out. The active circuit elements in a computer are already smaller than the cells in the human brain. They cannot be made much smaller without causing the generation of uncontrolled random errors.

Economic pundits are fond of pointing out how foolish it is to bet against technological progress, often citing the false prediction at the end of the 19th century that all possible inventions had been invented, and that there was nothing left to do. They reason that just about anything is possible when human ingenuity is involved, and that scientists who think they know everything and then dismiss other people's ideas as impossible are just pessimists. However, the observation is actually backward. The 19th century, prediction of no new thing was actually correct in the arena of energy, the economic activity that mattered most at the time. The basic physical principles of energy were, in fact, all known in 1900. We still make energy today by burning things, just as we did then. There is no other cost-effective way to obtain and use energy compatible with physical law.

Thus the prediction of the end of the computer revolution is not pessimism but sound invocation of physical law. It is very unlikely that our children will have with the kinds of stupendous changes in computer power brought about by speed that we have witnessed. Obviously they will still have to deal with computer encroachment into their lives, for that appears to have joined death and taxes as a never-ending vexation. But the era of rapid change is over. The reason is that we have reached the fundamental speed limit allowed by physical law.

The observation that the revolutionary time of computers has largely ended implies that dealing with the deleterious fallout of computers and the Internet need not be deferred any longer. This matter

is exceedingly complicated, and governments around the world have all begun to deal with it in various ways. Some countries have moved to protect the publication and entertainment industries, for which free flow of vast amounts of information on the Internet has been poisonous. Some countries have banned encryption on the Internet as a national security measure. Some countries have begun censoring the Internet. Some people want to ban anonymous speech on the Internet because the million-fold increase in speed makes such speech dangerous. Everyone is thinking about internationally outsourcing jobs, practice that is bad for one's country or good depending on the net flow.

We scientists are not more qualified to deal with such problems than anyone else. We can, however, make informed statements about certain parts of the technologies in question that are credible and thus potentially useful to other people. Nobody is perfect, and it is true that betting against technical innovation is always dangerous. Nonetheless physicists, in particular, have a very good track record at identifying the boundaries of the possible when it comes to technology. The one possible exception is nuclear energy, which not even wild dreamers anticipated in 1890. Of course, physicists worked that out.

**Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry
Kurt Wüthrich**

Basic Research and Human Life

My address opens with thanks to the organizers of the Baku International Humanitarian Forum, and words of appreciation for the hard work by the many who contribute to the success of the Forum.

The focus of my address is to emphasize the important role of basic research performed during the 20th Century for today's high quality of human life. As an illustration, I will mention my own field of research, where rather abstract physics phenomena and theories published during the first half of the 20th century resulted, among others, in a widely used tool in medical diagnosis, known as "magnetic resonance imaging" (MRI). This experience from the past will serve as the platform for a call for giving due consideration and support to 21st century basic research, in the interest of the future generations of mankind.

Speech by Nobel Prize Winner in Physics Theodor Wolfgang Hänsch

Mr. President, Your Excellency!

Distinguished guests and participants in this Baku International Humanitarian Forum!

Ladies and Gentlemen!

I am grateful for the invitation to participate in this unique Forum, which brings together leaders from different countries and with different roles in their societies. We all share a common goal: to serve humanity by addressing a wide range of issues, notably in education, science, and the arts. For me, this is the first time in beautiful Baku. I have watched this Forum grow in scope and significance since its inception in 2011 and I am honored that I can participate today. I am particularly impressed by the strong and growing emphasis on education and science in our host country of Azerbaijan.

A dialog between countries and cultures and the establishment of mutually beneficial collaborations is becoming ever more important. Science and technology belong to all of mankind, regardless of national borders or ethnic background. They are shaping the everyday life of a rapidly growing number of people in the world, and they can contribute to our future well-being more than any other human activity.

Politicians in developing countries are recognizing the important role science and technology can play in creating new industries and meaningful jobs for a rapidly growing young population. However, they are not always aware of all the ingredients necessary for sustainable success. Beautiful new universities and ample resources for books and equipment can make important statements about values and priorities. And they can enable students, scholars and researchers to participate in a worldwide effort to help solve pressing problems from energy and climate change to human health.

In times of worldwide electronic communication and international travel, it is easy to learn about the state of the art in fashionable fields of science and technology. In this way, new scientific research directions or new technologies can gain practitioners very rapidly. The tendency and peer pressure to follow fashion has positive and negative aspects. It can be compared to the amplification of light by stimulated emission in a laser, as first pointed out in the 1960's by German theorist Hermann Haken. However, a laser will not start without some spontaneously emitted photons to amplify. In the same way, a healthy science and technology enterprise needs fresh ideas, discoveries and inventions, which could not have been anticipated or planned.

Some of the most groundbreaking, game-changing discoveries and inventions from the past include magnetic resonance imaging, the transistor, the laser, large scale integrated circuits, communication via optical fibers, or the internet. We owe all these breakthroughs to passionate individuals, who were driven by curiosity, by the desire to understand our world, rather than by practical applications. In the beginning, the laser was called a solution in search of a problem. Today, it has become an indispensable tool in many fields of science and technology, and even in everyday life. In my own field of physics, the laser frequency comb has given us a tool for extremely precise measurements of time, up to 18 decimal digits today. It has opened intriguing new opportunities for research in fundamental and applied science. In the past, some seemingly tiny and unexpected discrepancies between observations and theoretical predictions have led to major changes in our conception of the universe, from Einstein's theory of relativity to quantum physics. Just as our body needs vitamins to stay

healthy, science and technology needs some practitioners of basic research, who are given the freedom and resources to pursue intriguing but sometimes initially vague ideas out of sheer curiosity, and who are allowed to change directions as new insights are gained.

We all know that outstanding talent in music or in sports is often discovered at an early age.

The same is true in science. Many Nobel Laureates have reported that their passion for knowledge and invention started already during childhood. There are a few schools with the resources and trained teachers, which offer an environment where children can explore their interests, talents and passion in scientific discovery at an early age, even in kindergarden.

To create many more of these opportunities is perhaps the best investment we can make in our future.

Speech by Nobel Prize Winner in Physics George Fitzgerald Smoot

People are always impressed that we have found habitable planets orbiting around other stars. We will soon have found probably one hundred and can then extrapolate that our Milky Way galaxy probably has a million such, Children then ask, «That's great isn't it? Since we have a place that we can go now that we have messed up the Earth so much?»

Then I say: No one here has ever visited another planet. Only a very few people have even been to the uninviting Moon and all returned quickly to live on Earth and eventually die here. It is likely that no one alive now, or in many future generations, will visit other planets, especially ones that are really very habitable.

The energy costs and technology needed for such trips by significant numbers of people are tremendous and would much more easily help us make our planet more habitable for us.

The conclusion is that all of us will live the rest of our lives on the Earth and so will all our children and grand children and the next generation beyond.

Thus our stewardship of the planet is critical to us and to our next generations.

Stewardship means to exercise great care and effort over human impact to the planet and the various species that make the ecosystem.

People ask me: How bad are the world's environmental problems, and which in your opinion are the most pressing ones ?

The world's environmental problems are approaching severe level and some are long in the making and will be long in the repairing. These problems coupled with the more complex world political activities are going to prove very difficult to solve or even ameliorate.

I consider the two leading issues facing us to be global climate change and sustainable world development. Global climate change is already having a sufficiently severe impact as to result in resource conflicts in less stable and harder hit places, in sea borders, and in beginning changes in the way of life in more economically advanced and politically stable countries. An example is the growing drought in the US southwest. Some of my acquaintances that have farms growing water-intensive avocado and citrus crops and are considering selling the farms or quitting food production as water has become scarce and in expensive. That will both change their lives and on a larger scale make food more expensive. These issues are already in process but can be expected to be much more severe in the future, even if we start making significant changes now. This is because the processes leading to global climate change have been underway for some time and the over all Earth system responds slowly. There is much inertia.

I have some colleagues doing research on advanced desalinization and water reclamation as the problems are likely to be much worse than the current water shortages. While places like Bangladesh and Holland face the issue of too much water and rising sea level, other places like the Middle East and northern Africa face a major shortage which is being exacerbated by rapidly growing populations.

How do we handle these effects and the likely very substantial dislocations

Both of populations the way the fighting has done in places like Syria (3 million) but eventually on that scale or even larger in many areas? How do we alter practices to make the impact and demands of growing populations and industry less severe and eventually sustainable?

Some times I am asked: Which actions are for you a priority in bringing the world onto a path of sustainability?

Making sure that every one understands the issues and the severity of various factors. Some education aimed directly about factors in their control and some acting on a regional and global level. It requires education both in the formal sense and to the public as a whole. We of course do research

on things like clean water, cleaning air, improved food, more efficient buildings, manufacturing, energy production and transport and these can help.

However it will really be necessary for all humans to understand and behave sensibly and for the benefit of the planet. That is both in the products they utilize and the things they demand/purchase as well as ask of their governments and the world. A great innovation is not enough, it must be adopted and used widely to have major impact and that starts with general understanding. There are smart new devices like LED lights, which are very beneficial for reducing energy (power) use as well as making better lighting.

But until people move from old incandescent bulbs to the new ones, the impact is much less. So we need the solutions, for authorities to authorize or encourage their use through regulation, and for people to adopt them. That works when everyone understands the benefits both for the whole and individually, e.g. that over long-term LED lights are cheaper than incandescent.

There are many other examples in addition to LED lighting that can solve some of our issues but they must be adopted and that means be both globally and locally economical and desirable to the users. There are other issues that can be addressed but need further research and development before being truly ready for implementation.

Once these mechanisms are in place and we slow the impact and have good procedures, then we can progress on a path toward more full sustainable development.

**Speech by Nobel Prize Winner in Economic Sciences
Peter Arthur Diamond**

Your excellences, Ladies and Gentlemen,

It is a great privilege for me to participate at this conference. As an economist, I want to talk about employment. This fits well with the concerns of this forum since good employment can be important for having a good life. I am talking about the opportunity to have a good job, to be suitably employed. Jobs not only provide income, but may also provide a sense of purpose, possibly a satisfaction in one's accomplishments, and also may provide a valued social setting. The importance of employment is readily seen from the misery of many of the unemployed, particularly those who are unemployed for an extended period.

I want to distinguish three aspects of policy issues for creating opportunities to be well-employed. One is the economic environment created and maintained by government to enhance the functioning of the economy generally and particularly the opportunities of workers. To function well for a long time, this benefits from a legal system with suitable protection for private property; regulation of business that supports overall efficiency; and the provision of good education and training, good infrastructure, and good government services generally.

A second aspect follows from the recognition that inevitably some workers will lose their jobs and seek other jobs. Labor market movement also occurs as workers find better opportunities than the jobs they were holding. For example, in July 2014 in the United States, 2.5 million workers quit their jobs, while a considerably smaller number, 1.7 million (nonfarm workers), were subject to layoffs or discharges. This high level of transitions is characteristic of the American economy. In that month, there were 4.9 million hires of workers, while there were 4.6 million separations, workers leaving their jobs. The net increase in employment equals the number of hires minus the number of separations. The gross numbers of hires and separations were each roughly 15 times as large as the net flow, which was between 2 and 300,000. This process of reallocating workers across jobs is viewed by economists as contributing importantly to the efficiency of the American economy. In addition to hiring and firing rules that support efficiency-enhancing labor flows, also important is a good insurance system for the unemployed, one that strikes a suitable balance, providing insurance against some of the loss of earnings, while limiting harmful incentives. This is important for the functioning of the economy and for the well-being of individual workers and their families.

And a third aspect is overall macroeconomic policies – how policy responds to the inevitability (as far as we can tell) of business cycles, even in successful economies. Macro policies involve actions beforehand that affect the vulnerability to the cycle, including built-in stabilizers and limitations of excessive accumulations of debt, both public and private debt, both inside and outside the financial system. Also important are policy actions once a downturn has occurred, monetary and fiscal policies that affect how the cycle impacts the economy. With the global financial crisis, we have seen considerable controversy around some of the policies, both nonstandard monetary policies in response to the zero lower bound on nominal interest rates and the extent of austerity actions across countries with differing degrees of debt sustainability concerns.

Briefly put, I applaud the use by some central banks of nonstandard monetary actions and am sorry that it has taken so long to see more such actions elsewhere. I am also sorry to have seen some countries follow more restrictive fiscal policies than their current debt problems would justify. And I am sorry

to see fiscal policies with inadequate attention to public investment and excessive focus on short run consolidation in countries that could afford to legislate a slower phase-in of needed actions. Indeed, in many countries austerity has been both overdone and badly done. And we have learned about the need for more coordination across countries of policies dealing with branches and subsidiaries of banks that are located in different countries, just as we need coordination of tax policies dealing with corporations doing business across multiple countries.

Tomorrow, at the roundtable, I will talk in more detail of the role of government in creating a suitably business-friendly environment in which workers and consumers, as well as businesses, can prosper. Thank you.

**Speech by Nobel Prize Winner in Physiology or Medicine
Thomas Christian Sudhof**

I described the challenges that our world faces in understanding the brain. Disorders of the brain, such as schizophrenia, depression, Alzheimer's disease, and Parkinson's disease, assume a growing importance in all societies as people live longer, and impose a staggering human and economic cost on all of us. However, in order to prevent or treat these disorders, we must understand how the brain works and what goes wrong in these disorders, a challenge that is confounded by the enormous complexity of the brain and its molecular components. Recent progress identified many genes whose mutation is associated with neuropsychiatric diseases, but the functions of very few of these genes are known.

I urged establishment of large-scale efforts to dissect brain function in a systematic and molecular manner to build on these advances and establish a rational basis for diagnosing and treating diseases of the brain.

Speech by Nobel Prize Winner in Chemistry Arieh Warshel

Using Computers to Fight Drug Design

At the turn of the last century people had a short life span due in part to the effect of deadly diseases. The discovery of penicillin and other drugs helped to protect against major diseases. Gradually many deadly diseases have been put under control.

However, in recent years the phenomena of drug resistance started to reverse the picture. It appeared that there is no key magic bullet – Key drugs become ineffective due in part to excessive irresponsible use of antibiotic. In other cases we have diseases like HIV that are hard to combat due to the inherent fast mutations of the pathogen or diseases like malaria where we also have drug resistance. A variant of this problem also exist in fighting cancer where chemotherapy is effective only for a limited time. Basically it is a part of the fight between human and their biological environment or perhaps a part of the survival of the fittest trend.

The risk of drug resistance is enormous and growing fast and at present we are failing. There are hospitals that when you go in for major surgery you might not come out alive. Here we have one of the major problems of the 21-century (and beyond) a major challenge for science and rational drug design that need, however, resource. One of the problems is that government support for research is fast declining and privet support (e.g. the Bill and Melinda Gates) is not enough.

In fact, recent WHOM report sent an extremely alarming message on the ineffectiveness of stand-ard antibiotics. It was also pointed out that no new antibiotic was developed in the last 30 years. The reason is that it is not profitable since any new antibiotics will be kept for a limited use and thus no profit.

The resistance problem is an enormous challenge to rational drug design. Recently developed drugs have revolutionized the field by offering promising ways of fighting the virus. Unfortunately, these drugs have been less effective than expected due to the rapid development of drug resistant mutants. Similar problems exist with regard to other pathogens such as bacteria, and in cancer treatment (for simplicity we will refer here to ‘viruses’ although the discussion applies to any infectious agent). Thus, it has become essential to pursue new drug design strategies. Another prominent example is the resistance of malaria parasites to some drugs.

One new approach is developing “good” bacteria that will fight the pathogens.

Other directions must involve looking for different and new strategies.

Scientific effort can in principle slow the progress of drug resistance but this requires new ideas and new approaches that basically predict the drug evasive mutations.

One direction, which has not been exploited effectively until the present time, is the recruitment of the rapidly increasing computer power.

In looking for computer based strategies we may try to exploit the fact that a virus fighting against a given drug must reduce the affinity to this drug while still maintaining a reasonable catalytic efficiency toward the native substrates. Therfoe, we would like to find a way to out-maneuver the virus by designing inhibitors whose binding to the target enzyme cannot be reduced by mutations without significantly reducing its k_{cat}/K_M value. In other words, the drug resistance mutants must increased K_i for the drug while maintaining a reasonable k_{cat}/K_M value for their native substrate. Thus our strategy wills exploits our unique ability to calculate the vitality value, $\square\square$ (the product of K_i and k_{cat}/K_M) and to determine the chance that the virus will mutate in a given way. In addition we will evaluate simultaneously the change in the stability upon mutations and in some case other constraints.

Combining the vitality and other constraints (such as maintaining reasonable protein stability) will provide the survival value, which is the chance that the given mutant will survive in the presence of the specific drug. Our ability to evaluate the vitality value has already been demonstrated in a preliminary study and thus we are confident that we will be able to develop a robust ability to predict the survival of the virus mutant and thus to design drug that would reduce the resistance problem. Another constraints such as mutation tendency and other factors can be introduced by bioinformatics. The key would be to beat the pathogen in its own game.

Another promising direction is to use computer to look for the difference in the active sites of related enzymes in humans and in viruses and thus to reduce the side effects.

Here again computer modeling of enzyme mechanism is a key advance.

Of course , progressing in the above direction requites powerful multilevel approaches for modeling binding ,catalysis and stability.

Выступление Первого заместителя генерального директора ИТАР-ТАСС Михаила Гусмана

Уважаемые участники форума,
Дамы и господа!

Прежде всего, позвольте мне выразить свою глубокую признательность Президенту Азербайджанской Республики, Его превосходительству господину Ильхаму Алиеву за прекрасную организацию форума и гостеприимство.

Для меня большая честь присутствовать на столь представительном форуме. Авторитет этого крупного международного мероприятия с каждым годом растет. И на этот раз форум, проводимый под патронатом президентов России и Азербайджана, собрал вместе видных политиков, ученых, представителей творческой интеллигенции из десятков стран мира. За эти несколько лет Бакинский гуманитарный форум стал одним из самых серьезных, самых интересных площадок для обсуждения фундаментальных вопросов современности.

За эти годы Азербайджан еще раз доказал, что страна развивается необычайно динамично, ее достижения, ее успехи очевидны. Я думаю, что одним из символов этого развития является прекрасный центр, прекрасный зал, в котором мы сегодня проводим IV Международный гуманитарный форум. Состав участников этого форума свидетельствует о том международном признании, которое сегодня имеет Азербайджан, его руководство, уважаемый Президент Ильхам Алиев.

Сегодня мне выпала честь выступить перед вами в качестве руководителя «круглого стола», который посвящен проблемам журналистики XXI века, социальной журналистике и роли медиа в освещении гуманитарных проблем.

Новая роль информационного сектора отражает новые реалии. Возникновение и внедрение новых технологий, включая интернет, вне всякого сомнения, являются началом нового этапа в развитии и демократизации СМИ. Не удивительно, что с внедрением высоких технологий меняется, порой, незаметно для нас самих, и повседневная профессиональная терминология. Сегодня она разительно отличается от той, что была каких-то 30-40 лет назад, когда многие из нас только начинали свою журналистскую карьеру. Действительно, разве могли мы в то время, работая в информационных агентствах и прочих СМИ, говорить о «мультимедийных залах» и «социальной медиа». Кто мог тогда подумать, что наступят времена, когда наши дети и внуки будут самостоятельно черпать знания из источников, находящихся вне классных комнат и далеко за рамками школьных учебников? Сегодняшние дети в будущем придут нам на смену, имея совершенно иной поток, объем и характер информации, нежели мы.

Словом, дискуссии и выступления на нашем «круглом столе», уверен, будут запоминающимися и интересными.

Еще раз приветствую вас и желаю работе форума успехов.

Спасибо!

Speech by Secretary General of the Black Sea Universities Network in Romania Eden Mamut

Excellency, Mr. President Ilham Aliyev,
Distinguished audience,
Ladies & Gentlemen,

The 2014 edition of the Baku International Humanitarian Forum is organized in a very special moment: on one side, the format of this event has been tested, adjusted, validated and became one of the most prestigious frameworks in the world for debates, discussions and for raising opinions and innovative approaches and on the other side in the last year, it became obvious that the complexity of the problems that we are facing, requires a selective evaluation of the concerns and to identify so called Grand Challenges of the mankind civilization today in order to concentrate on solving them.

In a very simple definition, the “Grand Challenges” are open ended missions, concerning the socio-economic systems as a whole, even inducing (or requiring) system transformation (metamorphosis).

So, what we could include on this list? The proliferation of “frozen conflicts” in our region from Nagorno Karabakh to Crimea, Donbas and Transniestr that is tending to become a norm in re-drafting the geopolitics but with thousands of death civilians and millions of refugees; the unprecedented level of pollution that is causing irreversible degradation of the habitat; the safety and security of food facing the use of refined pesticides, hormones or genetically modified organisms; the security of personal data under the disruptive evolution of information technologies; the unprecedented extension of the criminal networks enabled by social media technologies; the diversification of the sophisticated weapons from targeted poison delivery nano-robots to cyborgs, drones and psychotronically multi-lingual trained mercenaries for manipulating the crowds?

All the above mentioned topics and many others may be categorized as Grand Challenges and if we shall analyze each of them we shall see the complexity of factors that are involved in each topic. Each of them is emphasizing our unpreparedness to address such a complexity. We are still tributary to bivalent logic, we still separate the people in I (or We) and Them, we still divide problems in categories, subcategories or specialties and continue to rely on analytic thinking.

From an educator’s point of view, to address the above mentioned Grand Challenges, I consider that a new kind of literate is needed, one who can innovate by reasoning broadly across disciplines and by considering the human dimensions that are at the heart of every challenge. If for centuries, in education it has been followed an approach based on the use of logics, math and sciences by linear, mechanistic and discreet reasoning, in the new context we have to move towards interdisciplinary, eco-innovative and holistic approaches. This means that by integrating knowledge across disciplines, to deal with complex problems for better serve humanity and in this way to serve ourselves.

In order to be prepared for these challenges, aside from comprehensive knowledge in all traditional courses, our students have to understand the connections among the courses and to integrate, or “unify,” their learning. More than ever we, as educators, have to teach our students to pay attention to the understanding of the complexity and diversity of nature, having in the centre the human condition.

In section III of this Forum – The Role of Interdisciplinary Integration in Innovative Development, there are envisaged the following aspects:

- Interdisciplinary integration and innovation in basic and natural sciences;

- Interdisciplinary integration as an instrument of innovation realization in the field of humanities and social sciences;
- Methodological problems of interdisciplinary integration in education.

The participants that have registered for this section are distinguished scientists, professors, researchers, rectors and vice-rectors from 14 countries. There were selected a number of 21 presentations that are addressing a broad variety of topics. But, the overall goal is to identify new ideas for integrating knowledge, for generating synergies and to pave the road towards an innovation spirit in education.

We invite you all to join us in this debate that is going to take place tomorrow under the chairmanship of the distinguished academician prof. Abel Maharramov, the rector of the Baku State University at Hilton Hotel.

Allow me to congratulate the Organizing Committee of the Forum for the outstanding conditions offered for our debates and to express our gratitude to the President of Azerbaijan, HE Mr. Ilham Aliyev and to the Government of this country for supporting such a unique event gathering a fantastic community of outstanding minds for generating inspirational transformative ideas for a better world for all of us!

Speech by Rector of Ataturk University of Turkey
Hikmet Koçak

Azerbaijan – Globalization / Welcome Address

Distinguished ladies and gentlemen;

First of all, I would like to give my heartfelt wishes to His Excellency President Ilham Aliyev, a great statesman with precious and generous personality. Also, I would like to commence my speech with my sincerest feelings to the people of brother Azerbaijan.

Besides, it is my honor to commemorate the founding President of Republic of Azerbaijan, a historical figure, H.E. Deceased Heydar Aliyev.

On this occasion, I would like to extend my very warm welcome from Turkey to all the guests and participants. I welcome all of you.

Although we define Globalization "the abolishment of borders", it will not be an exaggeration to say that we live in a period that the strangeness of individuals and communities to each other increases every day.

Borders are disappearing, however, our foreignness to each other grows in proportion. Our foreignness increases; because boundaries have disappeared. However, the important thing is to disappear the boundaries of heart for peace, brotherhood, peace and prosperity. Moreover, the elimination of the distances between hearths and coming together of hearts to embrace. Negligibly small societies can achieve this in a globalized world.

The union of hearts and heartfelt affection of the peoples of Turkey and Azerbaijan have attracted attention as a suitable model to modern and powerful world.

In other words, ties between the peoples of Turkey and Azerbaijan, for centuries, can be expressed as a sense of yearning and longing of a brother to another.

These feelings, which destroy boundaries can be explained neither by globalization nor hollow slogans of peace and friendship away from the sincerity of the contemporary world.

We are brothers and we are alive.

Our experience of culture, perception of civilization and future phantasy are the same and have focused on similar goals and objectives.

We, as two powerful countries, are willing to establish peace, friendship and prosperity, especially in our region, and then in the rest of global world.

We still continue and focus on increasing the visibility and reputation of the multi-dimensional efforts with the effectiveness of our countries and people in the new world order system.

Our vision is to establish a human-centered new world. **Especially**, the vision of a new world that the heart language dominates.

Honorable President,

The tasks and responsibilities of universities are so important within the process of building this vision.

Our Universities, particularly the construction of humanitarian values, must be the institutions that produce new technologies and ability to transform social benefits of technological developments that can be used as required by the modern world dominated by science and technology. Our future phantasy will only be able to perform this operation.

We can clearly say that the status of universities in Azerbaijan and Turkey is close to ideal and in parallel to a new structure that the contemporary world requires.

Especially in recent years, it is clear that the universities in Azerbaijan are in serious movements in terms of progress and development in the direction of the H.E. President Aliyev's perspective.

It should be noted with satisfaction that the attempts in reinforcing the "consciousness of unity of our nation" will serve universal sense of value in producing quality. This will enhance our clout in global solidarity and global structure, and will move us to the position of constituent.

It is necessary to mention that the strong contributions, decisions and appreciations of H.E. Mr. Recep Tayyip Erdoğan, President of Republic of Turkey and H.E. Mr. Ilham Aliyev, President of Republic of Azerbaijan.

I want to share my faith to the attempts of both leaders in terms of "restoration" or "renaissance" that will provide a major contribution to the bright future of our countries and the rest of the world.

Our tomorrow will be brighter than today and our world will be even full of more prosperity and well-being.

Once again, I greet you with all of my heart with this belief and wish.

I wish the acceptance of gratitude and affection.

We are very pleased to be in brother Azerbaijan with you and your warm welcome.

**Speech by Chief Medical Officer of the Cancer Partners UK
Karol Sikora**

Molecular solutions for the treatment of disease

The discovery of the structure DNA over 60 years ago has led to a remarkable understanding of the molecular basis of many diseases from infection through to inflammation and cancer. Cancer is an excellent example where molecular technology is already used to make treatment decisions. Personalized cancer care is not a new concept – choices regarding a patient’s treatment have always been made by taking into account an individual’s disease and their personal circumstances. However, the extent to which treatment can be tailored to an individual has been limited by crude descriptions of their disease and generic treatment options based on clinical trial data. Advances in technology and the understanding of cancer biology are leading to more detailed descriptions of a patient’s cancer and better targeted treatments based on molecular criteria. Such treatments limit damage to healthy tissue and thereby offer significant advantages over conventional chemotherapies and the likelihood of precision radiotherapy being successful with no added systemic therapy. In the same way sophisticated software planning algorithms allow more selective delivery of radiotherapy without damage to critical organs at risk.

For a cancer diagnosis, a tissue sample of the patient’s tumor is analyzed. Traditionally, this has involved the visual analysis of characteristics such as cell shape. These are used to make judgments about whether the tissue is normal or malignant, the stage of the disease and the tissue type of the original tumor where the disease has spread to other parts of the body. Such analysis gives no information as to the molecular changes that have occurred in the cancer cells to cause the disease. These include mutations or modifications to the DNA that can change the amount or function of specific proteins in the cell. As cell behavior is determined by these proteins, such changes are the key influencers of local and distant spread and so clinical outcome.

**Speech by Program Management Officer, Department of Technical
Cooperation of International Atomic Energy Agency (IAEA)
Ivan Videnovich**

Your Excellency Mr President of the Republic of Azerbaijan,
Honorable Mr President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Distinguished Members of the 4th Baku International Humanitarian Forum,
Ladies and Gentlemen,

It is my great pleasure and a privilege to address you today on behalf of the participants of the Round Table 7 **”Converging Technologies and Outlines of the Future: Landmark Challenges of the 21st Century”**. Organized for the fourth time in this magnificent country, the Baku International Humanitarian Forum represents a landmark event, widely known for its perspectives for the future, jointly set by world forefront scientists, prominent humanitarians and political leaders.

This year the Round Table on Converging Technologies and Outlines of the Future comprises of more than 60 participants from 19 countries, including 3 Nobel laureates. Our Round Table will cover following topics:

- Convergence of radiation technologies and nano and bionanotechnologies,
- Nuclear and renewable energy convergence to reduce transgression,
- Nuclear technologies and thermonuclear power generation.

For the sake of illustration I will mention only few of the talks that will be given tomorrow.

Our look to the future is at the same time the look into the smaller and smaller dimensions. Progressing technologies reduce the size of electronic devices, pushing our research to the level of single atoms and molecules, or to the nanosized world where quantum phenomena occur. We will be hearing about quantum dots on single molecule systems and assemblies of nanoparticles in electrochemistry and battery research from the distinguished Nobel laureate Dr Rudolf Marcus from the California Institute of Technology.

I come from the International Atomic Energy Agency in Vienna and I am glad that nuclear thematic will overwhelm the discussions in our Round Table. Two decades after the Chernobyl disaster in 1986 and a global stagnation in development of nuclear power reactors, in the last several years world is facing growing energy demand for development, countries that are seeking for energy independence and security of supplies and attempting to mitigate climate changes and greenhouse gasses emission by reducing the use of fossil fuel. Several years ago people would have been talking about something what was called at that time “the nuclear renaissance.” Unfortunately, another major nuclear accident warned many on the key importance of nuclear safety – the disaster at the Fukushima Daichi nuclear power plant following the earthquake and tsunami in the northern province of Japan in March 2011. We will be hearing from Professor Katsuaki Sato from the Tokyo University of Agriculture and Technology how Japan today is looking to the future in terms of energy needs and availability of renewable energy sources.

In the IAEA perspective, in the last several years a number of new countries, most of them from the developing world, have expressed an interest for embarking on nuclear power, for building their first nuclear power plant. The Fukushima disaster has slowed down this trend, but surprisingly did not disrupt it. Most of the countries that expressed the interest for nuclear power have stayed on that track, some taking very concrete steps towards this goal and requesting the support from the IAEA. I will humbly try to provide the insight into the methodology and the scope of assistance that the IAEA is providing to the countries which have decided to embark on nuclear power.

Along with the overall progress in economic and social development, our host Azerbaijan is also progressing in peaceful use of nuclear energy. About ongoing use of nuclear technologies and the plans of building the new research reactor in Azerbaijan we will learn from the honorable Director of the National Centre for Nuclear Research Dr. Adil Garibov.

In a true spirit of meeting nuclear energy with peaceful and, I would say noble use, we will learn about Application of Nuclear Technologies in Cultural Heritage Investigations from another distinguished representative of Azerbaijan in this Round Table, Dr. Dinara Abbasova from the Institute of Radiation Problems.

Ladies and Gentlemen,

A brief look into the program of the 4th Baku International Humanitarian Forum makes me proud to be part of it. I would like to thank the organizers for their dedicated work in bringing all distinguished members of the Forum to Baku. They enabled us to put together our minds for prosperous future here where the mild scents of Orient from the Caspian Sea and a fresh breeze from the Caucasus mountains meet in the “**Land of Fire.**”

Thank you all very much for making this happen.

Speech by Former Secretary General of the Council of Europe Walter Schwimmer

Excellences, Ladies and Gentlemen, dear participants of the Baku International Humanitarian Forum,

I am very honoured and privileged to present to you the Round Table No.8 of the Forum, “Humanism as a Basic Value in the Postmodern Era”

We will deal with this issue in three sections.

In the first one we will look into the question whether there is a shift of priorities: by the formation of a new universalism and by promotion of tolerance as an integral moral value. There are of course questions within these questions, e.g. whether tolerance can be seen as an integral moral value or does a more humane society need more than just tolerance

The second section will deal with the norm-based value structure of postmodern morality and universal human values. Again we will face in-depth philosophical questions. What kinds of norms and norm-based value can form structures of morality and can norms build and structure universal human values? Are there already universal human values or are there only words of common usage with different interpretation?

The third and last section will be devoted to the cultural policy of our host country, Azerbaijan: “Cultural policy of Azerbaijan as a guarantee of social integrity”.

A leading role, in the preparation as well as in several presentations, will be played by the Azerbaijan University of Languages, not only in the third section but throughout the program. Professors of this distinguished university will moderate the sections together with scientists from other countries but will also deliver presentations on key issues of the general topic, e.g. on “Postmodernism and Changing Humanistic Values” and on “Tolerance: contemporary approach and perspectives of development”.

Nevertheless the first two panels of the round table will be very international, beside Azerbaijan the speakers are coming from 10 different countries, in the alphabet from Austria to Ukraine. The speakers are of the highest level, scientists and academics as well as a former speaker of parliament, another former member of parliament, high level law practitioners such as a former president of the supreme court of his country or a general state attorney, and there is a representative of a national union of Jewish communities. And if I counted correctly, there is gender balance with eleven men and twelve women.

We will listen to presentations on philosophical issues as I mentioned previously and discuss them, but there is also a contribution to literature on the program, “Place of spiritual – moral values in human life in Jibran Khalil Jibran’s poetry”.

Unfortunately I would like to say very timely is the presentation on “how to ensure the human rights of victims of terrorism?” Several other presentations will shed light on various aspects of humanism, such as “Human nature and ideas of humanism”, “Urgent call for renovation of humanism”, “The value of Humanism: Beyond Tolerance to Understanding and Dignity” – a presentation which ma answer my question whether a more humane society may need more than just tolerance”. Very up to date in time of financial and economic crisis will be the theme “Humanism – a basic value in Economics”.

Being myself engaged in the dialogue of civilizations, I will be very interested in topics dealing with multiculturalism and inter-cultural dialogue. The role of languages and the humanities will also be a most interesting theme and I remember a conference in Berlin which had the title “Europe lost in Translation”.

Section no.3 will make us familiar with main directions of cultural policy of Azerbaijan including the phenomenon of multiculturalism and its implication in Azerbaijan geography and preservation of

language identity and identity of consciousness in multiculturalism. The round table will be concluded by the presentation of “Lahij – The shining ornament of Azerbaijan”.

I had already the opportunity to look into some of the presentations and expect not only interesting contributions but also lively discussions. I am looking forward to challenging definitions of humanism, to quote one of the presentations, a rich multi-narrative discourse from antiquity to post-modernism, and certainly not the exclusive property of a single civilization. On the contrary, one of its substantial ingredients is the respect for difference, it includes certainly the goal of creating better living conditions for all, but also the way of independent thinking and critical reflection. Putting these goals in the centre of our considerations, we will have to define the relation of humanism and economy too. So, will humanism will help to establish what one of the panellists call enlightened economy or eco-social economy?

Looking forward to answers I would like to thank the organizers of the Baku Humanitarian Forum for providing us with the opportunity to discuss key issues of humanism. Human dignity is the basis of our civilisation.

**I. MULTİKULTURALİZMİN MÜQAYİSƏLİ TƏDQİQLƏRİ:
NƏZƏRİYYƏDƏN HUMANİST TƏCRÜBƏYƏ DOĞRU**

**I. COMPARATIVE RESEARCH INTO MULTICULTURALISM:
FROM THEORY TO HUMANITARIAN PRACTICE**

**I. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА:
ОТ ТЕОРИИ К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Kamal Abdullayev

Azərbaycan Respublikasının millətlərarası, multikulturalizm və dini məsələlər üzrə dövlət müşaviri, AMEA-nın həqiqi üzvü

Azərbaycan multikultural ənənələrə malik olan ölkələrdəndir. Tarixinin bütün mərhələlərində Azərbaycan ərazisində məskunlaşmış milli azlıqlar etnik, dini, irqi mənsubiyyətlərinə, mədəni- etnik dəyərlərinə görə əhalinin çoxluğunu təşkil edən Azərbaycan türkləri tərəfindən təqib olunmamış və diskriminasiyaya məruz qalmamışdılar. Bu ənənəyə sadıq olan Azərbaycan dövləti onun ərazisində məskunlaşmış milli azlıqların dinc yaşamaları, onların etnik- mədəni dəyərlərinin qorunması üçün zəruri siyasi və sosial şərait yaratmışdır.

Müasir dövrdə Azərbaycan xalqının çoxmədəniyyətlik (multikultural) ənənəsinin inkişafı ümummilli lider Heydər Əliyev adı ilə bağlıdır. Bu ənənənin dövlət tərəfindən qorunması istiqamətində həyata keçirilən işlər sırasında ilk növbədə ümummilli lider Heydər Əliyevin göstərişi ilə bu məsələnin hüquqi sənədlərdə, o cümlədən, Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasında əks olunmasıdır. Belə ki, multikulturalizm siyasətinin əsasını təşkil edən tolerantlıq (dözümlük) prinsipi Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasının bir sıra maddələrində aydın şəkildə əks olunmuşdur (“Bərabərlik hüququ” Maddə 25, bənd 3; “Milli mənsubiyyət hüququ” Maddə 44, bəndlər 1, 2; “Ana dilindən istifadə hüququ” Maddə 45, bəndlər 1, 2; 3). Qətiyyətlə deyə bilərik ki, Azərbaycan multikulturalizminin siyasi banisi məhz ulu öndər Heydər Əliyevdir.

Eyni zamanda ümummilli lider Heydər Əliyev haqlı olaraq multikulturalizm siyasətini ölkənin demokratik inkişafının tərkib hissəsi hesab edirdi. O, Azərbaycan ərazisində yaşayan milli azlıqların hüquq və azadlıqlarının, o cümlədən etnik-mədəni dəyərlərinin qorunmasını demokratiyanın mühüm prinsipi olan insanların hüquq və azadlıqlarının qorunmasından irəli gəldiyini göstərirdi. Ulu öndərin rəhbərliyi ilə demokratik inkişaf yolu götürmüş Azərbaycan Respublikası onun qeyd etdiyi kimi “dinindən, dilindən, irqindən asılı olmayaraq Azərbaycanın bütün vətəndaşlarının eyni hüquqlara malik” olmalarını təmin etməlidir.

Ümummilli lider Heydər Əliyevin rəhbərliyi altında ölkəmizdə Azərbaycan xalqının multikultural ənənələrinin qorunması və inkişaf etdirilməsi sahəsində həyata keçirilən işlər yeni dövrdə onun layiqli davamçısı Prezident İlham Əliyev tərəfindən uğurla davam etdirilir. Multikulturalizmi Azərbaycan Respublikasının dövlət siyasəti, xalqımızın həyat tərzini kimi dəyərləndirən Prezident İlham Əliyev bu siyasətin həyata keçirilməsində BMT, ATƏT, Avropa Şurası, Avropa İttifaqı, İslam Əməkdaşlıq Təşkilatı və bu kimi digər nüfuzlu beynəlxalq təşkilatlarla əməkdaşlığa xüsusi önəm verir.

Multikulturalizmin dövlət siyasəti elan edilməsi bir daha onu sübut edir ki, Azərbaycan dövləti ölkəmizdəki etnik-mədəni müxtəlifliyin tənzimlənməsini bu siyasət ilə əlaqələndirir. Azərbaycanın bu siyasətə sadıqlığını, ona böyük əhəmiyyət verməsini göstərən mühüm bir fakt kimi Azərbaycan Respublikasının Prezidentinin 28 fevral 2014-cü il Sərəncamı ilə Azərbaycan Respublikasının millətlərarası, multikulturalizm və dini məsələlər üzrə Dövlət Müşaviri Xidmətinin təsis edilməsini göstərmək olar. Bu istiqamətdə atılan növbəti addım kimi isə Azərbaycan Respublikasının Prezidentinin 15 may 2014-cü il Fərmanı Bakı Beynəlxalq Multikulturalizm Mərkəzinin yaradılmasını qeyd etmək olar.

Prezident İlham Əliyev dəfələrlə qeyd edib ki, bu gün Azərbaycanın qarşısında duran vəzifə neft faktorunu insan kapitalına çevirməkdir. Bu sözlərin dərin potensial mənası var. Azərbaycan nefti bu gün tək-cə Azərbaycan vətəndaşına ünvanlanmayıb. O, bu gün ehtiyacı olan ləyaqətli bəşər övladına ünvanlanıb. Prezident İlham Əliyevin neft faktorunun insan kapitalına çevirmək ideyasında Azərbaycanın multikulturalizm modelinin mühüm bir xüsusiyyəti əks olunmuşdur. Bu ideyanın həyata keçirilməsində Heydər Əliyev Fondunun rolunu xüsusi qeyd etmək lazımdır. Heydər Əliyev Fondu öz beynəlxalq fəaliyyəti ilə Azərbaycanın multikulturalizminin üstünlüklərini dünyada əyani

şəkildə nümayiş etdirir. Cəmiyyətimizdə bu gün tək-cə ölkədaxili problemlərə deyil, xarici ölkələrdəki mədəni quruculuqla da məşğul olmağa diqqət yetirilir. Bütöv şəkildə götürsək, biz azərbaycanlılar bu gün daha mərhəmətli, daha humanist, daha ədalətli, daha dözümlü bir cəmiyyətdə yaşayırıq. Biz bu gün daha hissiyyatlı və başqa talelərin halına daha həssasıq. Dünyaya daha açıq. Bəşəri ideyaları, dəyərləri daha adekvat və doğma şəkildə qəbul edirik.

Hesab edirəm ki, müxtəlif dövlətlər öz mövcudluqlarını təsdiq edən və qoruyan milli təhlükəsizlik doktrinalarının (iqtisadi təhlükəsizlik, enerji təhlükəsizliyi, informasiya təhlükəsizliyi, ekoloji təhlükəsizlik, texnogen təhlükəsizliyi, qida təhlükəsizliyi və başqaları) sırasına yeni bir təhlükəsizlik komponenti də daxil etməlidir. Bu, multikultural təhlükəsizlik adlandırıla bilər və geniş mənəvi spektri nəzərdə tutardı. Qətiyyətlə demək olar ki, Azərbaycan bu gün öz multikultural təhlükəsizliyini bir sistemə dönüştürüb bunun ciddi, məsuliyyətli və önəmli dönəmini yaşayır. Sizlərin bu gün Bakıda toplanmanız humanitar forum və onun ən dərin potensial məqsəd və vəzifələri, perspektivləri belə bir multikultural təhlükəsizliyin intellektual təzahürü sayıla bilər. Əslində multikultural təhlükəsizlik geniş və rəngarəng coğrafi mühitdə müxtəlif ölkələri birləşdirən bir mənəvi müstəvidir. Biz hamımız ayrı-ayrı ölkələr bu mənəvi müstəvinin bəzən buzlu örtüyü, bəzən də yaşıl çəmənliyi üzərində durmuşuq.

Azad Mamedov

Executive director of the Baku International Multiculturalism Center

Baku International Multiculturalism Centre established by the Decree of H.E. Ilham Aliyev, President of the Republic of Azerbaijan dated May 2014. The establishment of this Centre demonstrates the strong commitment of our leadership to the spirit of multiculturalism in the country and world-wide. I have to emphasize that the political and legal basis of multiculturalism in Azerbaijan was created by National Leader Heydar Aliyev who declared multiculturalism as a state policy initiating the relevant legislation in this sphere.

Azerbaijan is one of the centres of multiculturalism in the world. There are deep historical and cultural roots of tolerance and multiculturalism in our country. Various religious and ethnic groups have coexisted and cohabited in Azerbaijan in peace and harmony for centuries. This longstanding multiethnic, religious and cultural diversity is now being preserved and developed by our state. The political will of our National Leader Heydar Aliyev ensured restoring the traditions of tolerance and multiculturalism in Azerbaijan in early 90th of the last century both politically and legally. Thanks to the wise policy of Heydar Aliyev, protection of these traditions has been made one of the top priorities in the country. "The multi-ethnic composition of Azerbaijani population is our asset, our advantage. We appreciate it and we will preserve it." These remarks belong to Heydar Aliyev who adopted a policy aimed at ensuring eternity of this asset and unity of various ethnic and religious groups over the idea of Azerbaijani statehood. Heydar Aliyev considered the policy of multiculturalism as the integral part of democratic development of the country. He viewed protection of the rights and freedoms of ethnic minorities as well as of ethnic-cultural and religious values within the context of basic human rights and freedoms.

Today H.E. Mr. Ilham Aliyev, President of Azerbaijan successfully develops this policy aimed at protecting the traditions of multiculturalism in Azerbaijan. Considering multiculturalism as a state policy, as a way of our life, President Ilham Aliyev attaches special importance to international cooperation in this area. At the same time, I have to emphasize that Heydar Aliyev Foundation has also made great contribution to the promotion of our traditions of multiculturalism and tolerance world-wide. The Foundation carries out very important projects, which open new prospects for promoting Azerbaijani multiculturalism far beyond its borders.

Thanks to all of these developments, nobody in the world has been surprised by the fact that International Multiculturalism Centre was established in Baku by the Decree of President Ilham Aliyev in May, 2014. This demonstrates the strong commitment of the country to a policy of multiculturalism and tolerance. Azerbaijan and Azerbaijanis with their long-standing traditions of multiculturalism and tolerance actually have a moral right to open this Centre. Our country is a towering beacon of multiculturalism and tolerance in region full of identity conflicts, hate and intolerance. We strongly believe that Azerbaijan represents a success story in multiculturalism and we are open to share this story with the rest of the world.

Our Centre has ambitious goal to promote Azerbaijan in the world as the unique place where cultural, religious and linguistic diversity is a huge asset appreciated by the past and the present generation. For us, multiculturalism is not an abstract philosophy of mutual tolerance with various approaches mostly for academic debate rather the daily way of life with strong sentiments of mutual respect. The reason why multiculturalism matters in this country is because our people with different ethnic, cultural, religious and linguistic backgrounds have simply respected each other for generations and we are keen to preserve these fundamentals of our cultural and social life for the generations to come.

The Centre will carry out its activities in two dimensions. The first dimension will encompass projects aimed at a wide group of people. For this purpose, various national and international projects

will be implemented by the Centre including organizing conferences, folk song contests, concerts, music festivals, charity events, publication of books, brochures and newsletters. The second dimension will include an academic sphere as we are planning to organize research-oriented activities related to the study of multiculturalism from interdisciplinary perspectives. In this respect, we aim to provide research grants for writing monographs and scholarly articles with a view of their publication by international publishers as well as to set up a peer-reviewed journal. We are also planning to offer scholarships on competitive basis to those potential students from foreign countries who are interested to study multiculturalism and related fields at top ranked world universities.

Baku International Multiculturalism Centre will encourage activities aimed at education and research into existing models of multiculturalism. Our special project aims to promote an interdisciplinary course “Azerbaijani Multiculturalism” for graduate and undergraduate students. For this purpose the Centre is planning to cooperate with higher educational institutions in Azerbaijan and across the world. We also wish to organize International Summer and Winter Schools entitled “Multicultural Azerbaijan: learn, explore, share” in Nabran, which is very symbolic in terms of multiculturalism in the country as follow-up events to our project on teaching Azerbaijani Multiculturalism at home and abroad. Students from different countries will have an excellent chance to add practical experience to their theoretical knowledge about the situation of multiculturalism and tolerance in Azerbaijan.

We will convene conferences, seminars, a round table and panel discussions to discuss topics related to multiculturalism and today’s event is another step to focus on these issues bringing together academics, intellectuals and public figures from around the world.

Our Centre is non-profit Organization and the entire decision-making process in the Centre will be supervised by the Board of Trustees which will consist of prominent national and international public figures and academics.

We strongly believe that Azerbaijan represents a success story in multiculturalism and we are open to share this story with rest of the world. Therefore the Centre is ready for cooperation with international organizations and individuals from around the world. And, of course, we are looking forward to seeing you, dear guests, as our future partners.

1. Nəzəriyyədən humanist təcrübəyə doğru

1. From Theory to Humanitarian Practice

1. От теории к гуманистической практике

The myth of the “Clash of civilizations”

At a psycho-anthropological and socio-anthropological level, the term “clash of cultures” denotes the unease stemming from the forced coexistence, in the psyche of an individual subject or between two distinct human groups, of several extraneous or somehow contrasting cultures. Onto it, another and now more widespread term has become superimposed – that of the “clash of civilizations”, made famous by the bestseller of Samuel P. Huntington. This one is however much more problematic: in fact, it implies a necessary and unhealable conflict in Manichean and apocalyptic terms, suggesting that the victory of one would unequivocally crush and subject and perhaps even definitively sweep away the other. We are not in the presence, in the sense in which the “clash of civilizations” is now understood, of values that may for a long time rival each other or even enter into conflict, but in the final analysis survive and coexist, but rather of a clear-cut and unnegotiable alternative.

The First World War, for all its immense tragedy, was basically a clash between different variables of the same civilization: within a common and competing nationalistic and imperialistic framework, it was a struggle between somewhat more liberal governments (with the exception of Russia) and other rather more authoritarian ones, but at any rate within the same European and Eurasian-Mediterranean reality; they had until then lived together in this ambit, albeit exercising energetic forms of competition, and they could well have continued to coexist. The Second World War was the expression of a clash between liberal and parliamentary regimes on the one hand (once again with the exception of Russia), and totalitarianisms on the other, which could only end with the victory of one side and the disappearance of the other: but always and in any case within the framework of a common, shared civilization – the so-called Western one, which even Japan had looked to since the *meiji* age – and of situations and balances that the previous conflict, which ended with the “bad peace” of 1918, had been unable to resolve.

It is hard, then, for the conditions to arise for something legitimately definable as a “clash of civilizations”. In order to speak credibly of this, it would be necessary not only for the conflict to be extreme and decisive, characterized by the respective will of each adversary to eliminate the other one rather than simply being content to crush or humiliate it; but also that the two opposing sociocultural realities were in turn so broad, general and all-inclusive as to be defined as civilizations *tout court*, and that they had nothing in common or no likenesses; in short, that they were so reciprocally extraneous as to permit no hypothesis of kinship or of a common origin. Something which, in absolute terms, is hard if not impossible to affirm; but which could be accepted and experienced as such at a reasonably and concretely historical-phenomenological level. And the concrete examples come down to a very few indeed: possibly the Greek-Persian wars, at least insofar as they were experienced by the Greeks; possibly the ones arising from the arrival of the Europeans on the American continent; or some colonial conflicts.

Nowadays, there is insistent talk about the possibility of a “clash of civilizations” between the “Western world” and the “Islamic” one. But what, in reality, are these two worlds that some wish to present as reciprocally extraneous, compact within themselves and in opposition to each other?

What is certain is that, at least from the fifteenth century and then with greater force from the eighteenth, what we can undoubtedly define as “Western culture” – and which until the early decades of the twentieth century was generally identified with the culture of the Western European countries (perhaps Central Europe felt less “Western”) – has been constructing a *Weltaanschauung* based on the presupposition that it descends in a direct and almost exclusive line from Hellenic culture, in turn perceived and interpreted as being something exclusively “European” and “Western”, distinct from and in contrast to the Orient (or to “the Orients”). The very culture of exoticism and orientalism,

which has meant so much in the forming of the West's consciousness of its own identity, has contributed precisely to the rooting of the idea that East and West are not only different, but even opposite and alternative. Today, the fact that circumstances have brought to the forestage of our globalized world the restlessness, concerns and contradictions within the approximately one billion and three hundred million people who – pretty much all around the world, but with a greater concentration in central-western Asia and northern Africa – identify with each other, in very different ways and degrees of intensity, has meant that the ghost of what was once called the “Orient” has effectively ended up becoming identified with another abstract and generic subject – Islam.

But is Islamic civilization extraneous to us? The original nucleus of the West lies, according to a widespread view, in the encounter between the Abrahamic monotheistic culture transmitted by Christianity and the Hellenistic tradition. The point is that the legacy that we call “classical”, passed on to us but also, let's put it like this, metabolized in the period between the fifth and twelfth centuries (with a series of continual “renaissances” – the Carolingian, the Othonian, the twelfth-century renaissance and so on) has not come directly, linearly and exclusively down to us “Westerners” who consider ourselves to be its heirs. Indeed, strong and deep in this respect has been the contribution of Islamic culture, a genuine Mediterranean and Eurasian bridge not only between East and West but also between antiquity and modernity.

In the course of the twelfth–thirteenth centuries, above all by way of Spain, the masters of the Western schools acquired a knowledge, through Arabic (and to a lesser degree, Hebrew), not only of the treasures of ancient Greek culture that had been lost to us – one name for all, Aristotle – but also of Persian, Indian and even Chinese ones. The astronomical-astrological, chemical-alchemical, physiological, medical and in general technological-scientific literature passed down through Indo-Persian channels was incomparably richer than the so-called classical one. And it was thanks to this literature, and to the translators and commentators of it in Arabic, and from Arabic and Hebrew into Latin – who were active above all in the Iberian peninsula, and to a smaller degree in Sicily and along the Syro-Palestinian coast – that Modernity could really take off. In the same period, there was a rapid growth in trade and the culture of banking credit and of economic-financial renewal. Compared to this florid tradition – which did however suffer a certain crisis at the same time as the general socio-economic-cultural crisis of the mid fourteenth century (the culminating episode of which was the plague of 1347–50) – the Renaissance was a period of stagnation: splendid for the arts but weak in relation to scientific thought, which would only start to soar again when, in the sixteenth-seventeenth centuries, there was a rediscovery of the fruitful line of inquiry characterized, in the thirteenth century, by bold researchers like the Franciscan Roger Bacon.

In medieval times the Mediterranean was distinguished by many very lively intellectual schools dotted around between Byzantium, Asia Minor, Spain, North Africa. Europe was profoundly invigorated by Muslim and Jewish thought, in contact even with central Asia (and it should not be forgotten that the great Avicenna was a Tajik from Bukhara, who wrote in Arabic but thought in Persian), the actual splendid borders of which were Córdoba and Baghdad, and perhaps even as far as Samarkand. Both Christian and Muslim controversialists might have heaped abuse and false accusations on each other; preachers might recurrently have rallied together their respective groups of worshippers for crusades and *jihad*, which were nonetheless always very limited and superficial in scope; but the dealings between Christian shores and Muslim shores remained florid. The ambassadors of Christian rulers were cordially welcomed by Muslim ones, and vice versa. Goods, books and ideas circulated without interruption or hindrance. And thinkers such as Abelard, Raymond Lull and Nicholas of Cusa could conceive and shape – even though the latter two were also crusade propagandists – understanding and agreement between the Abrahamic faiths.

The Christian-Muslim dialogue depended however on a presupposition: socio-political equilibrium. When, starting in the sixteenth century, the West, with its inventions and discoveries, set out to conquer the world, bringing about, amongst other things, the crisis and decline of the three great modern Muslim empires (the Turkish, the Persian, the Moghul: Arabs and Tartars, both Muslim,

had already for some time fallen victim to political fragmentation into feudal or tribal principalates and to intellectual inertia), the decline of Islam began, even though it was not immediately recognized.

But between the eighteenth and nineteenth centuries, Westerners, in completing their colonialist-imperialist design, which had commenced in the sixteenth century and can be considered the first phase in the dynamics of globalization, realized that they needed Islam again. And they manipulated Islamic peoples from North Africa to Central Asia in order to try to divide up the residual great empires. To this end they deceived their temporary allies with prospects of rebirth, freedom and unity. Only very late in the day, after the First World War, did these peoples realize that all the Western powers were interested in was political and economic hegemony, and control of a new resource: oil. In the meanwhile, however, “Western” customs and values were gradually spreading in the Muslim world itself, if in no other way than through the spread of a special kind of “good” produced and sold by the West – media information.

One should not therefore be deceived by the pseudo-ideology theorized and spread since the 90s, that is to say, since the end of the “Cold War” and the collapse of the Soviet superpower, by the group generally defined as the new conservatives, and for whom Huntington’s theses were not scientific proof but an element of propaganda. The notions of unilateral choices, of “preventive wars” and of the “exporting of democracy” present the risk of being understood in the Muslim world for what objectively it certainly is not, namely, an overall Western attack in force on Islam. The outcome of such a misunderstanding would risk transforming into reality the most pessimistic predictions of Samuel Huntington on the level of the “clash of civilizations”, translating into political reality what seemed to be just a distant sociological-cultural spectre. It is clear that the Muslim fundamentalist centres are pushing with all their demagogic force in this direction, and that increasingly broad sectors of public opinion in the Muslim world feel threatened and are inclined to embrace the idea of a clash.

In short, it should be borne in mind that it is not true at all, far less has it “always” been written in history, that the “West” and “Islam” are extraneous entities or even enemies. The Muslim peoples, in particular the Arab ones, have loved the West profoundly: from the end of the eighteenth to the beginning of the nineteenth century, they literally fell in love with it and with modernity. It is the reiterated deceit and disappointment, the constant betrayals they regard themselves – rightly or wrongly – as having suffered at the hands of the West which in the end has given increasing space to so-called fundamentalism, within which the diseased plant of terrorism has taken root.

The thesis of the unhealable enmity between the West and Islam, which sometimes surfaced incidentally in the past and was sustained by a certain geopolitical vision of the world, was redefined by scholars like Samuel P. Huntington for reasons not unconnected with a political use of history.

It must be clearly stressed that the historic presupposition which serves as a starting point for Huntington’s thesis is mistaken: according to him, fourteen centuries of history demonstrate that there has been a continual war between the West and Islam. The goal of the frequent clashes between Christians and Muslims from the seventh to the eighteenth century was not – apart from certain rhetorical and propagandistic expressions, which were perhaps then also considered from a juridical-theological point of view and became sedimented at the level of folklore – the prevailing of one or other of the two respective religious faiths at all. Proof of this lies in the close, strong and lively relations manifested at the same time between the two worlds at the economic-commercial, cultural and diplomatic levels, with much deeper and long-lasting results.

It is clear that the long centuries of engagement between Europe and Islam were certainly marked by crusades and counter-crusades, with many violent and bloody episodes; but that the crusades were by no means and never became “total” war; that in those long centuries – in which the wars waged were on the whole endemic but brief and almost never with massive loss of life – what prevailed by far was the constant, continuous and deeply friendly relationship between Christians and Muslims in the Mediterranean theatre. A friendship that can be seen to have been continual and which extended to the point of complementarity at an economic-commercial, diplomatic and cultural level.

We know that Islamic fundamentalism, in its various forms, rejects this historic reality and seeks to replace it with the myth of the head-on clash based on reciprocal incompatibility. Besides, there also exists, as is known, a Western “fundamentalism”: the child of a characteristic intolerance rooted in rationalistic and scientific thought, which is accustomed, as is known, to don the guise of tolerance but which, on the contrary, is profoundly convinced that the world of the liberal democracies and of economic liberalism is the best of all possible worlds and the only, final and necessary goal of any human culture. This contempt for the “Other-than-self”, capable of tolerating different cultures only to the extent in which they are believed to be transitional phases on the way to achieving Western “maturity” and which in the final analysis does not conceive anything which, in the short or long term, might elude its *pensée unique* and the ways of life and of production proposed by it, seems recently to have won over also in Italy circles that were originally both secular and catholic.

The danger of the spread of such mental attitudes and of these pseudo-historic and para-political “convictions” is that of an authentic intellectual and mass-media contagion, which could give rise to a new McCarthyist phenomenon. What’s more, the image of Islam as a “millenary adversary” of the West has wide currency in a misinformed world with a scanty and superficial knowledge of history, accustomed to conformist patterns of thought and, finally, profoundly shaken by the tragic events of 11 September 2001.

Does an anecdote exist for this poison? Yes, but it must be taken immediately, and in large doses, before it is too late. It is not in the direction of the multicultural melting point that we must go, but rather towards the salad bowl of the coexistence of different cultures. These should all be able to retain their own identity within a single international framework endowed with adequate institutions, respecting the same – clearly defined – laws and maintaining those traditions belonging to each culture that are not in contrast with those laws. It is necessary to multiply everywhere, in the countries affected by the phenomenon, occasions for coming together and for exchange, to learn more about our respective identities and at the same time to study and better understand, from closer up, those of others. It is pointless to rely on sterile appeals to an abstract tolerance: a weak and rhetorical value, which vacillates at the first gust of the wind of rhetoric and fanaticism, which collapses in the face of the first act of unjust violence to which one is a victim or spectator and which one is unable to rationalize and analyse in terms of its historic structure. Instead, it would be opportune to multiply the concrete opportunities for encounter, with the reciprocal components of interest and goodwill that arise, through engagement between traditions and cultures; this needs to be conducted in a spirit of mutual respect and with a desire to strengthen one’s respective identity through the acceptance of what is acceptable in the culture of others and the enrichment that derives from it and the awareness of the forms of resemblance and of complementarity and of their limits.

Many people today ask whether a “Westernization” and a “modernization” of Islam is possible. However, such a perspective does not seem to be either legitimate or appropriate. The maturing of civil and cultural coexistence must be promoted concretely and prudently, freeing it however from the implicit and insidious prejudice – which would once have been described as “ethnocentric” – of those who, whether or not they proclaim it explicitly, consider themselves in any case to detain an objectively “superior” and “universal” civilization.

О специфике философского исследования мультикультурализма

Мультикультурализм в условиях глобализации стал одной из самых актуальных проблем. Ее актуальность не отменяет и то, что некоторые западные политики и ученые объявили о «смерти мультикультурализма», а другая их часть стала использовать понятие «интеркультурализма», объявив его неотъемлемым следствием глобализации. На наш взгляд, такой широкий диапазон отношений связан с тем, что мультикультурализм как понятие и концепт в большей степени использовался социологами, юристами, политологами, культурологами, исходящими из конкретной практики той или иной страны. Для них вполне естественным является и вывод о «смерти мультикультурализма» и поиск новых концептов для обозначения интеграции в той или иной культурной практике. Однако, для понимания того общего, что есть в культурном многообразии той или иной страны, общества, любых интеграционных объединений, в тот или иной исторический период, в том числе и в становлении культуры отдельного индивида, а также в проектах, направленных на будущее, многое связано с вычленением специфики собственно философского исследования мультикультурализма. Признаем, что многие авторы из различных общественно-научных сфер признают значимость трудов философов, обращавшихся к проблемам межкультурной коммуникации, диалога культур и т.д. И мы выражаем свою признательность к наследию М.Бубера, В.Библера, Ю. Хабермаса и др. Но отметим вместе с тем и то, что в современном мире в исследованиях социологов, политологов, юристов нередко игнорируется это наследие. Мультикультурализм сегодня не может сводиться лишь к выводам о диаспоральной политике, ориентациям мигрантов и т.д. Немалая часть самих философов готова признать, что мультикультурализм плотно и конкретно существует в реалиях культурной практики не только внутри того или иного общества, но и в любых интегративных проектах, а их влияние на общества, их «практики» становятся все сильнее. Эти связи, взаимовлияния очевидны, чего не скажешь об их результатах, перспективах и их научном прогнозировании. Это, впрочем, не исключает, а предполагает значимость понимания специфики философского его исследования.

Важно также подчеркнуть, что для секции «мультикультурализма» Бакинского международного гуманитарного форума такое внимание к философии стало традиционным, о чем свидетельствуют вопросы, выносимые на обсуждение каждого из предыдущих 3 форумов, участие известных философов и их попытки наладить конструктивное обсуждение этой специфики совместно с представителями других общественных дисциплин. Философски и теоретически продуктивными оказались, на наш взгляд, следующие тезисы: во-первых, актуальность поиска методологических подходов к исследованию мультикультурализма, имеющих ценность и для представителей других общественных специальностей. Когда философы игнорируют методологию, или не могут дать адекватное объяснение того, что должно быть исследовано в значимой сфере общественной практики, ее поисками вынуждены заниматься социологи, юристы, культурологи и т.д. Во-вторых, мультикультурализм нуждается в мультидисциплинарных и сравнительных исследованиях. Информация о процессах и вариативности культурного многообразия в различных странах, в мире собирается в политике, экономике, морали, праве, истории, культурологии и т.д. Для того, чтобы размышлять о специфике его философского исследования, попытаться думать методологически, эта информация должна быть переработана, иными словами, без мультидисциплинарного подхода не выявить философской специфики, а без уточнения значения общих понятий, без философской метафизики не сложатся мультидисциплинарные исследования. В-третьих, философия тесно связана со

своей нравственно-преобразующей функцией. Для гуманизации мультикультуральных практик эта ее функция оказывается основной. В конце концов, мультикультурализм исследуется и для того, чтобы мир стал лучше, гуманнее, толерантнее. В-четвертых, время и пространство – одни из основных категорий философской метафизики. Культурное многообразие обусловлено овладением индивидами общности пространства и времени. Надо размышлять о метафизических основах проблем мультикультурализма, чтобы понять, что есть мультикультурализм в различных странах, культурах, в различные времена.

Далее хотелось бы выделить лишь некоторые тенденции по – каждому из вышеизложенных тезисов: глобализация выявила, что мир состоит из культурно многообразных сообществ, каждое из этих сообществ и составляющих его групп также многообразно. И, несмотря на то, что глобализация способствует появлению в каждой из культур общих черт, что массовая культура проникает во все регионы, тем не менее, вариативность и различия не только остаются, но и, более того, их роль возрастает. Актуальность мультикультурализма обуславливает актуальность диалога, сотрудничества, взаимовлияний и т.д. Они обуславливают и предполагают учет реакции различных групп и даже индивидов на изменения, преобразования. В этом плане использование понятия глокализация представляется теоретически более точным, чем глобализация. Верно также и то, что теоретически важно разобраться с тем, как следует исследовать конкретику локального, регионального, местного в глобальном мире. Насколько правильным будет исходить из европейского опыта, не говоря уже о том, что следует разобраться и с тем, как его следует при этом изучать, использовать, в частности, насколько корректно использовать некоторые социологические методы в неевропейской среде. Как правило, в силу различных причин информации об этих вопросах недостаточно. В качестве примера, хотелось бы обратить внимание на часто встречающиеся дилеммы в работах по культурологии и социологии: восток-запад, север-юг, Европа – Азия, мусульманский-христианский мир и т.д. На деле это сами по себе весьма широкие понятия, нуждающиеся в конкретизации и дающие весьма нечеткую информацию о том или ином регионе эпохи глобализации. На наш взгляд, в сложившихся условиях, для того, чтобы понять мультикультурализм как явление, влияние которого растет, методологически продуктивным будет сформулировать новое видение культуры эпохи глобализации и глокализации, обеспечивающей воспроизводство и развитие человеческого социума. Ее значение в связи с теми же процессами информатизации становится как никогда велико. Если мы сравним ее значение с такими подсистемами, как политика, право, международные отношения и экономика, то надо будет использовать для их анализа в нынешних условиях понятия политико-культура, экономико-культура и т.п. Надо вместе с тем иметь в виду, что такая культура требует своего философского раскрытия, отличающегося от традиционных пониманий культуры в философии. В ней теперь значимым оказывается то, что она становится в большей степени изменчивой, развивающейся подсистемой. Ее изменчивость оказывается тесно связана с деятельностью, поведением, выбором и общением индивида. Попытки смешивать культуру с религией, нравственностью и этикой, рассматривать ее в качестве такой зависимой переменной, будут не перспективными. Появляется потребность в новом понимании связей культуры с историей, с прошлым, с социальностью и т.д. В такой культуре значимыми становятся мировоззренческие универсалии типа «время», «пространство», «человек», «свобода», «справедливость», которые организуют в сложнейшую систему различные культуры и выступают (начинают выступать) в качестве базисных структур, определяющих многое в жизни обществ. Это не отменяет значения традиционных универсалий типа коллектив (нация), класс, семья, религия, но предполагает их уточнение.

Такая постановка проблемы требует от нас, как было отмечено выше, нового понимания того, что есть мультидисциплинарный и сравнительный подход. Если ранее в науке мультидисциплинарность в большей степени была связана с проблемами фундаментальных наук: физики, химии и т.д., то теперь становится очевидным, что для понимания того, что происходит в мире, мультидисциплинарность в применении к общественным наукам и, прежде всего, для

понимания того, что есть культура, как она влияет на общественную жизнь, становится весьма важной как методологический посыл, необходимый для знания об обществах, государствах, цивилизациях. Его использование имеет значение и в том случае, когда мы обращаемся и к сравнительным исследованиям. Они сами по себе необходимы, но недостаточны для понимания культур того или иного региона, сообщества. Сравнительные исследования не дают в достаточной степени достоверной информации о том, как понимаются мировоззренческие универсалии, какие в целом знания, ценностные ориентиры, верования, образцы поведения регулируют, или будут в ближайшей перспективе регулировать поведение, общение людей. Опять-таки оказывается необходимым разобраться с тем, каковы мировоззренческие универсалии в современных условиях в том или ином регионе, а именно они определяют до поведенческого акта сам акт, который фиксируется сравнительными исследованиями. Понятие «типы культуры» (городская, урбанизированная культура или сельская), которыми пользуются исследователи, требуют своего уточнения.

Теперь о нравственной и преобразующей функции философии. Речь идет не о профессиональной этике профессора философии – теме, несомненно, интересной для нас. В нынешних условиях все чаще звучит фраза: «каждый сам себе философ». При всей своей относительности она раскрывает, на наш взгляд, одну особенность современной эпохи. Она свидетельствует о том, что человек живет сегодня в мире хаоса, в мире исчезнувших иерархий, запретов, что создает новые возможности и угрозы для его свободы. В этом случае проявляется амбивалентность вышеприведенной фразы, хорошо отражающей реалии современности, усложняющейся современности с неявными перспективами для различных ее регионов, сообществ и индивидов. Одновременно, она свидетельствует, конечно, и о том, что нужна таким «философам» и качественная профессиональная философия, и новые знания о культуре и этике, о рациональности, о философии диалога и т.д. Тут возникает и актуальность раздумий по поводу того, что есть качественная философия сегодня. На наш взгляд, этическая составляющая философии возвращается в философию.

Хотелось бы подчеркнуть особо значение философских метафизических категорий пространства и времени для понимания изменений в культуре, влияния мультикультурализма на общественные процессы. В частности, следует уточнить, что есть современность в понимании всего мира, различных культур и, одновременно, насколько четко описывают культуры Европы, Азии, Африки, Латинской Америки понятия Европы, Африки и Азии. В качестве гипотезы хотелось бы предложить использовать для обозначения пространственно-культурных ареалов такие, как Южная Европа, Евразия, Евроафрика и т.д. Культура фронтиров в ближайшей перспективе станет преобладающей во всем мире.

И, наконец, хотелось бы отметить, что в условиях, когда необходима разумная теория и политика мультикультурализма, трудно переоценить значение Бакинского международного гуманитарного Форума, его секции «мультикультурализма». Он предлагает арену для дискуссий и сотрудничества между разными теориями и исследовательскими программами, между специалистами различных дисциплин, между учеными, философами, представителями гражданских обществ, представляющими различные регионы. В результате этих дискуссий рассматриваются и пересматриваются не только представления о мультикультурализме, о его будущем в мире, но и представления о мире и культуре, о человеке, его индивидуальных предпочтениях, ценностных подходах. Становится также понятным и то, что в условиях глобализации и интенсивного взаимодействия и на самом деле разных культур, потребность в качественной философии, общественных науках будет расти, и многое в будущем будет зависеть от их умения, реакций и способности ответить на эти вызовы.

Мультикультурализм индивидуальная свобода и демократия. Миграция, практические проблемы интеграции на примере Германии

Современная либерально-плюралистическая демократия является результатом естественного развития человечества на пути к индивидуальной свободе. Несмотря на глубокую связь между свободой и демократией, эти понятия не тождественны. Правительство, основанное на участие тех, кем оно управляет, - только одна из гарантий прав личности. Свобода же означает право человека самостоятельно выбирать, как ему жить и по собственной воле следовать этому выбору. Следовательно индивидуальная свобода является важной общественной ценностью, а демократия выступает основным инструментом её обеспечения.

Мультикультурализм - это с одной стороны либерально-философский подход к совместному сосуществованию свободных индивидуумов и групп при всём их культурном разнообразии, и политическое реформистское движение, отвечающее за правовые аспекты совместного сосуществования с другой.

В современном мире, в связи с расширением границ ЕС, глобализацией, возросшей мобильностью населения, возрастанием частоты ментального соприкосновения людей, представляющих различные культурные традиции слово мультикультурализм наполняется новым семантическим значением.

В связи с этим, необходимость построения конструктивного диалога носителей различных культур, признаётся на сегодняшний день не только странами, изначально ориентированными на приток иммигрантов из разных частей света, но и странами, не имеющими достаточного опыта и традиции в этом.

Мультикультурализм, интеркультурный диалог, транскультурная компетенция, интеграция это темы, постоянных обсуждений и дискуссий в Германии.

Причём эмоционально насыщенные дебаты разворачиваются как на высоком политическом уровне так и на обычном житейском, каждодневном, а также в средствах массовой информации.

Миграция населения, а значит и соприкосновение отличных друг от друга отдельных индивидуумов и групп существовала всегда.

Со времён послевоенного бума 50-х годов германская экономика не может обойтись без рабочих -мигрантов, приехавших из Италии, Испании, Греции, Югославии, Португалии, Марокко, Турции. Большинство тогдашних *Gastarbeiter* вернулись в родные страны, но многие остались жить и работать в Германии.

Вторая большая группа иммигрантов, - это переселенцы немецкого происхождения, которые издавна жили на территории государств бывшего Советского Союза, Румынии и Польши.

В результате этих двух миграционных волн на сегодняшний день в Германии проживает свыше 15 млн. человек с миграционным прошлым. По определению Федерального статистического ведомства к ним относятся все лица иммигрировавшие в Германию, а также родившиеся в Германии дети, у которых как минимум один из родителей -имеет статус иммигранта.

Крупнейшими группами вновь прибывших в Германию людей в 2013 явились выходцы из стран Европейского сообщества, как затронутых, так и нет экономическим кризисом. Кроме того в 2013 году беженцы из Сирии и Российской Федерации составили следующие 2 представительные группы беженцев. (16457 – из Сирии, 14201 – из Российской Федерации). (**Statistische Bundesamt Pressemitteilung 81/14**) стали в 2013 соискателями политического убежища.

Германия – самая большая по численности населения страна ЕС. На её территории проживает около 82 млн. человек. Исторически сложилось так, что в отличие от многих других стран в Германии практически отсутствуют национальные меньшинства. Официально признанными национальными меньшинствами в ФРГ считаются лишь сорбы из земель Бранденбург и Саксония, датчане из Южной Силезии, фризы из северных областей, а также синти и рома. Национальные меньшинства обладают всеми правами главной этнической группы – немцев. Например, правом образовать свою национальную фракцию в парламенте и претендовать на обучение на национальных языках.

Несмотря на бесспорный факт наличия миграции в страну, правительство либералов, вплоть до 1998 года отказывалось признать за Германией статус иммигрантской страны.

Лишь в 2005 году был принят закон об иммиграции. То впервые появилась широкая правовая база, регулирующая сферы миграционной политики, а также было облегчено приобретение германского гражданства.

В Германии существует несколько идей по поводу организации совместного сосуществования носителей различных культур. Одна из довольно распространённых выбирает интеграцию, как процесс, в ходе которого мигранты должны изменить свои взгляды, убеждения, традиции, культурологические особенности, заменив их на принятые в Германии и тем самым, по мнению придерживающихся эту идею, интегрироваться (ассимилироваться) в немецкое общество.

Другая идея, которой придерживаются либерально настроенные граждане, заключается в том, что общество должно научиться быть более открытым, толерантным по отношению к носителям других культур и религий. Единого мнения о том, каким образом обеспечить сосуществование представителей различных культур в Германии не существует.

Более того в октябре 2010 года канцлером Германии было заявлено, что мультикультурный проект в Германии потерпел полный крах. По всей видимости суть этого заявления сводилась к тому, что политики вынуждены были констатировать отсутствие эффективной стратегии и тактики интеграции мигрантов в немецкое общество.

Многочисленные дебаты о „крахе“, “отступлении“ мультикультурализма в Европе, и в Германии в частности, ведутся уже давно (Joppke 2004 ;Vertovec und Wessendorf 2010; Alexander 2013).

Однако налицо не крах мультикультуралистического проекта, а кризис методов и форм его реализации.

То что мультикультурализм привносит в нашу жизнь разнообразие эмоций, ощущений, различные формы искусства и наполняет нашу жизнь особыми яркими моментами признаётся многими. К сожалению в Германии, с моей точки зрения, большинство предпочитает то, что американский интеллектуал Stanley Fisch называет „Бутик-Мультикультурализм“, т.е культурное разнообразие этнических ресторанов, моды или экзотических мест отдыха (Fisch 1997). Т.е. разнообразие должно быть удобным, приносить наслаждения и удовольствие, в идеале всё это можно было бы приобрести за деньги. Разнообразие не должно пугать и не должно вызывать защитных реакций.

Вот ещё один пример подтверждающий сложности с которыми ментально сталкивается немецкое общество, когда речь заходит о мультикультурализме.

В мае 2012 года суд в Кёльне суд признал неправомерным, религиозно мотивированное обрезание верхней плоти, у несовершеннолетнего мусульманского ребёнка. Определённое время этот приговор являлся частью правового ландшафта в Германии. Попытка запрета этой общей для верующих мусульман и евреев религиозной традиции вызвала в Германии волну высокоэмоциональных дебатов. С одной стороны звучали высказывания представителей медицины, науки, культуры о том, что эта практика является своего рода насилием над детьми,

что она не совместима с медицинскими, этическими, психологическими, взглядами современной Европы. С другой стороны раздавались эмоциональные высказывания о том, что этот приговор попирает основы демократии и ограничивает религиозные свободы.

То, что в сегодняшней Германии покрытие головы платками женщин мусульманок, традиционное обрезание у мальчиков мусульман и евреев, или попытки ввести обязательное общение в школьных дворах на немецком языке вызывает многочисленные эмоциональные дебаты не ново. Подобная ситуация, к примеру, уже имела место более чем 100 лет назад в New York. Тогда патриотически настроенные реформаторы и чиновники здравоохранения объявили войну маринованным огурцам, завезённым в страну восточноевропейскими евреями. Они совершенно искренне считали, что маринованные огурцы плохо влияют на психику, превращают людей в „плохих американцев“, делают из них „невротичных, нестабильных субъектов“ (Ziegelmann 2011).

То, как и сто лет назад, миграционные потоки из стран с иными ценностями, традициями, культурологическими особенностями, религиозными взглядами, вызывают эффект противостояния в том случае, когда различия драматизируют и интерпретируют, как морально-этическая угроза коллективному Я.

Причём, зачастую подобная поляризация, провоцируется, как высказываниями „сверху“ так и „снизу“.

Это крайне опасная тенденция. Как альтернатива драматизации отличий, может быть рассмотрено развитие эмпатии, поиск общих точек соприкосновения, снижение значимости отличий, а также поощрение солидарности между людьми с различными культурными и религиозными взглядами. Необходимость интенсивной деятельности в этом направлении очевидна.

Кроме того мультикультурное общество определяется не столько присутствием мигрантов или национальных меньшинств, сколько наличием гибких механизмов, регулирующих взаимодействие граждан, различных религиозно-культурных ориентаций.

В современном обществе Германии наблюдаются элементы кризиса культурологической идентичности. В связи с этим часто звучат высказывания о том, что проблема интеграции мигрантов заключается не столько в том, что определённые группы не хотят приспособляться к реалиям немецкого общества, а в том, что как мигранты, так и этнические представители немецкого общества не имеют возможности опираться на определённые и однозначные критерии немецкой национально-культурной идентичности, в связи с отсутствием таковых.

Мультикультурализм поэтому, по всей видимости, должен стать также программой личностной реформы ментальной инфраструктуры. Уже в 1970 году социолог

Tenbruck писал о том, что Германия „может оказаться в изоляции, за счёт возведённых вокруг себя барьеров“ (Tenbruck 1974:305f).

Одно из последних социологических исследований (Bertelsmann-Studie) показывает, что за последние 40 лет значительных изменений в этом плане не произошло. Социальные связи в Германии действуют и на сегодняшний день они ещё более прочные, чем в 1990 годах, и эти объединения ещё более закрыты для „других“. По сравнению с другими странами толерантность и принятие культурологических отличий в Германии даже ухудшились. (Dragolov et al. 2013:33-35)

Создание мультикультурного общества это динамический процесс. Тенденции расширения культурного многообразия включают в себя не только пересечение границ и изменения места жительства отдельных физических лиц, но и их ментально-идейно-духовное взаимопроникновение и взаимовлияние.

Мультикультурализм это историческая альтернатива дескредитирующей себя ассимиляции и сегрегации. Мультикультурализм рассматривает культурно-религиозные отличия, как ресурс, а не как дефицит.

Германия сегодня это страна с более чем 15 млн. человек с иммиграционным прошлым. Это люди из различных стран, с различными жизненными историями и опытом, различного

вероисповедания, с различной биографией и уровнем социализации. Это беженцы, соискатели политического убежища и представители Парламента, это люди не владеющие алфавитом и академики, кто-то из них болен или имеет особые потребности, безработные, профессора Университетов. Это реальность сегодняшней Германии. И эта реальность такова, что альтернативы мультикультурализму нет.

В основе права на личную свободу лежит право на жизнь, или право на самопринадлежность. Если человек владеет собой, своим телом и своим разумом, если он имеет право и обязанность предпринимать действия, необходимые для своего выживания и процветания, то он должен располагать свободой мысли и действий. Однако свобода это не вседозволенность. Человек может распоряжаться своей жизнью, имуществом, иметь право самостоятельно решать, как ему жить только при условии, что он признаёт такие же права за другими людьми. Демократия предоставляет максимальную возможность для личной ответственности, для тщательного изучения всех вариантов принятия решения, их последствий и осуществления выбора в соответствии с моральными принципами.

Диалог разных культурно-религиозных традиций, мультикультурализм, как концепция признающая, что все культуры равны и имеют одинаковое право на жизнь это демократия или равноправие культурных ценностей в условиях глобализации.

Литература

- Dragolov, Georgi & Zsofia Ignacz, Jan Lorenz, Jan Delhey und Kiaus Boenke (2013): **Radar gesellschaftlicher Zusammenhalt im internationalen Vergleich**, Güttersloh (Bertelsmann Stiftung)
- Fisch, Stanley (1997): **Botique Multikulturalism, or Why Liberals Are Incapable of Thinking about Hate Speech**, in: Jg. 23, Heft 2, S. 378-395.
- Joppke, Christian (2004): **The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State. Theory and Policy**, in: British Journal of Sociology, Jg. 55, Heft 2, S. 237-257.
- Statistische Bundesamt **Pressemitteilung vom 7.03.2014 -81/14)**
- Tenbruck, Friedrich H. (1974): Alltagsnormen und Lebensgefühle in der Bundesrepublik, in Richardt Löwenthal und Hans Peter Schwarz (Hg.), **Die Zweite Republik. 25 Jahre Deutschland-eine Bilanz**, Stuttgart, S. 289-310
- Ziegelman, Jane (2011): **Immigrant Identities, Preserved in Vinegar?**, in New York Times, 3 August.

Transcending cultural paradigms, one path towards humane multiculturalism

In the history of humane evolution as well as in neuroscience one can find traits of character, behaviour innate to our specie that transcend cultural paradigms.

The goal of this essay will be to portray how to attempt to get these traits, these neurons common to all humanity to gain more momentum and thus have a positive impact on the paradigm shift that globalisation and technological revolution bring with them.

To escape the conflict of paradigms, this burden for humanity, we need a mutual shift in all cultural, religious and national paradigms worldwide that would whilst enabling awareness and pride in one's own culture also convey open mindedness and acceptance of all other cultures.

Transcending cultures, and all evolutionary theorists agree about this, is the pleasure of narration, story telling.

Intrinsic to human nature since the Pleistocene, the world of fiction allowed humanity to survive and evolve, our ability to tell stories and thus to create our history, sharing our experiences, transmitting our knowledge, tales of wisdom. This ability to project and recall in words differentiate us from the animal kingdom. This art of narration is predated by the innate capacity to pretend play which all children do starting with two years of age.

Fiction stories or pretend play function according to some plot, a certain dynamism of action. All over the world the basic skeleton of the plots are similar for the emotions they depict: love, fear, envy...gluttony, etc.. are similar. The shared narrative give a sense of belonging;the socioeconomic and geographic contextual differences, the unique historical chain of events, the embellishments in the stories provide us, humans with a sense of identity.

An Identity...what an artist strives for the most is in his work, reflecting on his time with timelessness is to create an IDENTITY. Yet, the march of our global world, withits commercial empires, and tools of communication, which whilst annihilating geographic boundaries and allowing discussion via “likes”and “comments” on social networks,” to share worldliness, threaten like a gigantic iron to flatten off the surface of earth all our respective sense of identity, cultures and history.

The reaction to this threat is clear...exemplified by the Bretons, the Catalans and others, who, to reclaim their national identity, reinforce conflicting cultural paradigms.

Yet...in terms of pluralism and multiculturalism, megalopolises worldwide remain at the vanguard. In America, for example, country which harbours the most immigrant population in the world (Asians recently passed Hispanics as the largest group of new immigrants to the United States.)¹ &²the recipients of multiple cultural ethnicities are less entrenched in their country of adoption, by a sense of national identity then they would be in a more mature country of origin, where similar mnemonics, collective and cultural memory bind the citizens. Moreover, impregnated with its ideals: “Freedom” and “Dream”, the United States can be more, in general, dynamic in their adaptation to current political and economical realities.

Today, one assists in large urban agglomerationshow -among other factors- the joys and rewards of consumerism, also restrained by the recession, gave emergence to something else: more intellect driven subcultures, coexisting and respectful of each other.

The American artist Rip Cronx wrote an essay: “Changing the cultural paradigm”³In which he states that

“America is no longer the ‘melting pot’: it no longer assimilates minority groups into the majority culture. Instead of a homogeneous cultural majority imposing Western values on ethnic minorities, we now have heterogeneous cultural pluralism developing through acculturation. Minority groups participate in majority culture without fear of forfeiting their identity as a subculture. Religious

groups, ethnic minorities and ideological subcultures coexist and tolerate the customs of other groups. A new dynamic is at work in America today. A democratic, non-hierarchical pluralism empowered by communication technologies". He concludes: "Pluralism in America is not a source of division. The expression of cultural diversity is tempered by the need for national unity." This is a generality as America is also prone to dramatic racial outbursts such as in Ferguson.

If this social trend in large urban agglomerations in America and worldwide could be precursory to global extrapolation, it would mean that the expression of cultural diversity is subdued by our need for a united world. And our world is threatened, pollution, trans-humanism are not the only culprits. Professor George Smoot, eminent Nobel Prize winner and distinguished guest of this Forum created the PCCP, Paris Center for Cosmological Physics which runs many projects, among them: teaching in schools in France, Africa and Korea with the specific aim to instill in their students, their teachers love, curiosity and knowledge of this one, unique cosmos we all share.

At this stage of this...narrative, I introduced as transcending factors 1.the shared love by our species for narration and narration with similar plots because our species functions with the same triggers: love, hate, greed...2.the fact that we are citizens of the world and the possibility- as sometimes exemplified by megacities of multiple cultural identities- of coexisting respectfully of each other in regards to preserving Earth. To these factors, transcending our cultural paradigms, I add Art.

To Visual and Plastic Art, sometimes verging on conceptualism (and even though they are now a tool of marketing for international corporations and as such great communicators are still subjective for them to transcend cultures.

Human nature at rest, relaxing is most appreciative of ... Le Septième Art otherwise known as Movie watching

In it, I see a way towards reaching human multiculturalism.

Operating on the premise that "Cinema is arguably the 20th century's most influential art form and that movies have the power to create a shared narrative experience and to shape memories and worldviews." BebanKidron, film maker, created, in the UK, the FILM CLUB an organization that runs weekly film screenings in schools followed by discussions. The outcome in all terms was incomparably more transformative than they had anticipated. I quote Ms.Kidron "raiding the annals of 100 years of film, to build a narrative that would deliver meaning to the fragmented and restless world of the young. What became extraordinary was how the experience of critical and curious questioning translated into life. The films provided communality and communication across all manner of divide. What we could not have foreseen was the measurable improvements in behaviour, confidence and academic achievement." ⁴

So why, why these unforeseeable improvements in all terms as well as open-mindedness towards all cultures.

Neuroscience has I think the answer:

Professor Rizzolatti in Parma was first to identify these mirror neurons, neurons which have been further called the empathy neurons or even "Gandhi" neurons by Professor Ramachandran as they fire, they act in us just by seeing, visualizing an action that someone else is doing, to the point that if my arm was anaesthetized, sensory neurons removed, and I watch you being touched on your arm I will have the feeling that I am being touched, my consciousness connects with yours. This links vision and empathy.

The seventh Art, movie watching, can be the tool by which mirror neurons, these feelings and understanding for others can penetrate, swim their ways through different cultural paradigms. Brain plasticity can do the rest. Film Schools and Clubs worldwide would be a step towards achieving this pluralistic cultural paradigm.

We could do more than just reaching school children, we need to reach the rest of 3.5 billion people under 30, 90% living in Africa and the Middle East. In some parts of the world, we have at every street corner cameras filming us, we should project films too. Technology today allows it, for example they have screens projecting news in all petrol stations in the most remote roads in Turkey.

Let these screens show us and share glimpse of humanity. Make a movie of Yasmina Reza short stories about “how we all think we’re so different – when we’re painfully similar”. Make a movie of “The Incomplete Manuscript” by Professor Kamal Abulla, the gripping suspense that took hold of me in the discovery of this hidden basis of the “Book of Dada Gordud” was exacerbated by the fact that I had never ever heard or read about Dada Gorgud nor the great civilisation of the Oghuz. It was a double revelation.

We must share these collective narratives which are in the words of Ms.Kiidron” an essential component of our cultural identity” and grasps within all of them this quintessence of humanness which unites us all through time and lands on this unique planet of ours. Ultimately, a pluralistic paradigm would entail for all of us to be more open in our perception of others: for secular people not to question whether the abaya is worn as a cultural traditional statement or whether it expresses a religious devotion, but to accept it and for religious zealots to accept freedom of expression.

I shall conclude by a Unesco census in regards to the most viewed movie worldwide in 2010: Avatar, a film which hero’s skin colour is blue. I leave it to you ladies and gentlemen to interpret this.⁷

Ressources:

1. List of countries by immigrant population, based on the United Nations report Trends in International Migrant Stock: The 2013 Revision : Country United States – Number of immigrants: 45,785,090 – % of total number of immigrants in the world :19.8

2. <http://www.pewsocialtrends.org/2012/06/19/the-rise-of-asian-americans/>

Source: The World’s Youngest Populations, Euromonitor International, 2012, UNESCO

At the beginning of 2012, the world population surpassed 7 billion with people under the age of 30 accounting for more than half of this number (50.5%). According to the survey, 89.7% of people under 30 lived in emerging and developing economies, particularly in the Middle East and Africa.

3. http://www.culturewars.org.uk/index.php/site/article/changing_cultural_paradigm/

4. https://www.ted.com/talks/beeban_kidron_the_shared_wonder_of_film/

5. http://www.ted.com/talks/vs_ramachandran_the_neurons_that_shaped_civilization/

6. <http://www.randomhouse.com.au/books/yasmina-reza/happy-are-the-happy-VivGroskop,>
Red.

7. www.uis.unesco.org/.../ib8-analysis-cinema-production-2012-en2.pdf.

Новикова И.Н.

доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: i.novikova@spbu.ru

Трансформация интеграционной политики Нидерландов в контексте кризиса мультикультурализма

Миграционные процессы второй половины XX – начала XXI вв. кардинально изменили облик европейской цивилизации. Иммиграционный фактор становится весомым в формировании политического облика страны, порождает социальные конфликты и политические дебаты. Нидерланды всегда считались одной из самых гостеприимных и толерантных стран Западной Европы, что было связано с особенностями исторического развития, государственного строительства, сопровождающегося постоянными миграционными волнами. Изучение опыта Нидерландов в вопросах иммиграционной и интеграционной политики представляется интересным и полезным для решения данной проблемы в других странах, что особенно актуально в период постепенного отказа ряда европейских стран от политики мультикультурализма. В данной статье предполагается рассмотреть некоторые теоретические основы мультикультурализма, а также выявить изменения в интеграционной политике Нидерландов на современном этапе.

Мультикультурализм начал позиционировать себя как философская теория, появившаяся в результате дискуссии между теоретическими направлениями либерализма и коммунитаризма, развернувшейся с середины 1980-х годов. В философском плане мультикультурализм представляет собой достаточно широкое понятие. Помимо признания культурного многообразия, мультикультурализм – это синтез идей либерализма и коммунитаризма, он воплощает в себе коммунитаристское стремление к объединению и либеральное понимание личности и терпимость к Другому¹.

Основоположником и одним из наиболее видных сторонников мультикультурализма, дающим политике «культурного разнообразия» теоретические основания, является Чарльз Тэйлор, канадский профессор философии и политических наук. Квинтэссенция взглядов Тэйлора на мультикультурализм содержится в его знаковой статье «Политика признания». В понимании Тэйлора мультикультурализм – это форма самоутверждения, это не только борьба индивидов за признание, но и требование признания оригинальности, своеобразия и равнозначности этнических групп. Для Тэйлора отдельные культуры представляют собой независимые сущности; и любой индивид может существовать лишь как часть той или иной культуры. Тэйлор исходит из того, что Запад, доминирующий ныне в мире, должен признать «культурное разнообразие» как в рамках своей цивилизации, так и за ее пределами. Общественно-политические настроения, как правило, не на стороне этнических меньшинств. В них видят, прежде всего, потенциальную угрозу: целостности государства, сохранения традиционных моральных устоев. Усилия большинства общества направлены на то, чтобы стереть специфические черты каждой отдельной группы меньшинств и ассимилировать ее. Подобное положение вещей ведет к различного рода дискриминациям, что недопустимо, как с точки зрения естественных прав человека, так и с точки зрения политической рациональности, ибо дискриминация повышает уровень конфликтности в каждом конкретном обществе². Согласно Тэйлору, подлинная

¹ Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГПУ.: МГТУ, 2011. Том 14. Вып. 2. С.89-116.

² Taylor Ch. The politics of recognition. Ottawa, 1992. 49 p.

свобода либерального общества возможна только при наличии высокой социальной сплоченности и возникающей на ее основе демократической активности индивидов (граждан). В качестве решения проблемы интеграции мигрантов в принимающее общество Тэйлор видит компромисс между людьми, вынужденными или желающими жить вместе; в основе этого компромисса – предполагаемая способность к диалогу на основе неких общих ценностей, под которыми понимаются идея демократии и прав человека. В этом убеждении и обнаруживает себя главная почва для критики философа – в ней отчетливо видна западная идеалистическая практичность, затрудняющая, в частности, понимание того, что люди не-западных культур могут не обнаружить в себе склонности решать проблему на основе разумного компромисса¹.

Большую роль в разработке теоретических основ политики мультикультурализма сыграл профессор политической теории Лондонской школы экономики Чандрэн Кукатас². По его мнению, общество может реагировать на культурное многообразие по-разному. Кукатас выделил несколько вариантов такой реакции, нашедших отражение в разных моделях иммиграционной политики.

а) Изоляционизм. Наиболее очевидная реакция общества – попытки не допустить возникновения культурного многообразия, лишив посторонних права въезда в страну и проживания в ней – особенно посторонних, отличающихся от основного населения в культурном плане. В свое время такой подход взяли на вооружение Австралия и Япония. Общество или его правители могут выбрать путь изоляционизма, закрывая доступ всем «чужакам» кроме избранного меньшинства, по многим причинам. Важнейшей причиной изоляционистской иммиграционной политики является страх перед изменением культурной составляющей общества.

В условиях глобализации политику изоляционизма трудно долгое время осуществлять на практике, поскольку она чревата издержками, неприемлемыми для большинства населения. Если цель такой политики – поддержание культурного единообразия, трудность заключается в том, что одного ограничения иммиграции (создания барьеров для людей, принадлежащих к конкретным культурным, этническим, религиозным или языковым группам, и даже полного запрета въезда в страну на постоянное жительство) для этого недостаточно. Помимо контактов с иммигрантами, существует много способов влияния иных культур на то или иное общество.

б) Ассимиляция. Одна из альтернатив изоляционизму заключается в том, чтобы допускать в страну приезжих, но при этом проводить политику их ассимиляции, ограничивая тем самым масштабы влияния посторонних на культуру принимающего общества. Этот подход связан с культурным воздействием на иммигрантов, но он может применяться и в отношении коренных народов. Однако ассимиляторская политика, как и изоляционистская, имеет небольшие шансы на успех, даже если общество готово нести весьма значительные издержки ради ее осуществления. Во-первых, ассимиляция – процесс двусторонний: новоприбывшие не только ассимилируются, но и сами оказывают воздействие на повседневную жизнь и менталитет принимающего общества. В сочетании с другими источниками культурного влияния, которому подвергается данное общество, это приводит к тому, что, скорее всего, изменения затронут не только иммигрантов и этнические меньшинства. Во-вторых, не все культурные меньшинства готовы меняться в той степени, как этого требует проводимая социальная политика.

в) Мягкий мультикультурализм. Хотя ассимиляцию трудно навязать силой, ее непросто и избежать. В любом обществе, где существует достаточная степень свободы, люди будут общаться и подражать друг другу. По соображениям целесообразности или здравого смысла новоприбывшие и меньшинства в любом обществе будут стараться следовать преобладающим

¹ Канарш Г.Ю. Философские теории мультикультурализма // Гуманитарные науки: теория и методология. М., 2011. №2. С. 35-69.

² Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. Канберра, 2007 // URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism>

нормам, поскольку это облегчает жизнь, адаптацию к стране проживания. Согласно мультикультуралистской точке зрения, одновременно допускаются и прием страной представителей разнообразных культур, и спокойное отношение к тому, что меньшинства остаются «неинтегрированными» в общество. Необходимо распахнуть двери для всех, кто хочет стать членом общества, а степень ассимиляции должна определяться желанием и способностью каждого отдельного индивида.

г) Жесткий мультикультурализм. Одна из характеристик мягкой мультикультуралистской политики заключается в том, что в ее рамках возможна ассимиляция людей не столько потому, что они сами этого хотят, сколько потому, что у них нет особого выбора. В результате представители культурных меньшинств в обществе либо неспособны поддерживать свою особую идентичность потому, что это связано с чрезмерными издержками, либо не могут полностью участвовать в жизни общества из-за своих культурных представлений и традиций. Жесткий мультикультуралистский подход заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения таким людям не только полноценного участия в жизни страны, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. Согласно этой точке зрения к разнообразию следует не просто относиться толерантно – его нужно укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав.

Классический либеральный мультикультурный режим можно определить как режим наибольшей толерантности. Он терпим настолько, что готов мириться с наличием в своей среде даже тех, кто настроен против него. В то же время он не предоставляет особых преимуществ и защиты ни одной конкретной группе или общине. Он никому не будет мешать стремиться к собственным целям или поддерживать определенные традиции, но при этом не будет и поощрять, субсидировать или отдавать особое предпочтение никаким целям и традициям. Несмотря на разногласия теоретиков-либералов по поводу степени вмешательства государства в жизнь национальных меньшинств, объема свобод, которыми они обладают в принимающем государстве, большинство убеждены, что самостоятельные группы в составе либерального государства должны соблюдать ряд основополагающих либеральных ценностей.

Нидерланды в течение долгого времени рассматривались как «гуманитарная гавань» – страна, чьи двери открыты для всех, кому нужна защита. Так, нейтральные в Первой мировой войне Нидерланды предоставили убежище 900 тысячам бельгийцев. Здесь в 1930-е годы скрывалось от преследования нацистов большое количество евреев и политических беженцев из Германии и Австрии. К 1940 г. их численность достигла 20 тысяч человек¹. Толерантность нидерландского общества и его стабильное экономическое развитие привлекали сюда отнюдь не только вынужденных, но также и добровольных иммигрантов.

Иммиграция в Нидерланды после Второй Мировой войны – это в значительной степени наследие колониального прошлого страны. Так, провозглашение независимости Индонезии в 1949 г. привело к возвращению значительной части голландцев на свою историческую родину. В страну тогда прибыло по разным данным от 250 до 300 тыс. человек². Среди них были и дети от смешанных браков, и люди, прожившие в колонии в течение нескольких поколений. Прибывшие вместе с голландцами индонезийцы обосновывались в основном в Арнеме (Гелдерланд) и Гааге (Южная Голландия)³. В период деколонизации в Нидерланды из Индонезии приехало примерно 8 тыс. мусульман⁴. После провозглашения Суринама независимой республикой в 1975 году, более 50 тыс. покинули Суринам. После 1980 года темпы иммиграции

¹ Entzinger H. Shifting paradigms: An appraisal of immigration in the Netherlands. Berlin, 1994. P. 34-48.

² Van Amersfoort H., Van Niekerk M. Immigration as a Colonial Inheritance: Post-Colonial Immigrants in the Netherlands // Journal of Ethnic and Migration studies. Sussex, 2009. №32. P. 326.

³ Костюченко А. Иммигранты в Нидерландах. Иностранцы в небольшой высокоразвитой стране // Современная Европа. М., 2005. Вып. 2. С. 32.

⁴ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. Washington, D. C., 2002. P. 98.

спали, но никогда не останавливались. В течение 1990-ых годов суринамцы приезжали в Нидерланды по разным причинам – обучение, медицинские услуги, воссоединение семей. Голландское правительство отнюдь не сразу признало, что суринамцы приезжают в Нидерланды, чтобы окончательно там поселиться. В течение долгого времени поддерживался так называемый «миф о возвращении», идея о том, что суринамская иммиграция – это своего рода историческая ошибка, и они скоро вернутся на родину, недавно обретшую независимость¹. Но процент вернувшихся оставался на очень низком уровне. Число иммигрантов суринамского происхождения в Нидерландах на 2002 г. оценивалось в 296 984 чел., среди которых 12% является мусульманами².

В конце 1950х-1960х началась вторая волна, связанная с окончанием послевоенной перестройки голландской экономики и началом ее бурного развития; эта волна представляла собой привлекаемых в страну полу- и высококвалифицированных работников из Испании, Италии, Греции, Югославии, а затем поток неквалифицированных турецких и марокканских рабочих. Потоки регулировались подписанием двухсторонних соглашений со странами – поставщиками мигрантов³.

Для Нидерландов были характерны несемейные гастарбайтеры, в отличие, например, от соседней Бельгии. Приглашая исключительно мужчин, правительство страны исходило из предположения, что, проработав определенное время, они вернутся на родину. Так поступало большинство испанцев и итальянцев. Однако с турками и марокканцами дело обстояло сложнее: в 1965 году из них вернулось домой лишь 30% , в 1970 – лишь 15.2%, а в дальнейшем возвратный поток стал еще меньше. С 1961 года иммиграция практически ежегодно превышала эмиграцию⁴.

Мировой экономический кризис середины 1970-х гг. повлиял на интенсивность и объем иммиграционных потоков. Нидерланды принимали меры для ограничения легальной трудовой иммиграции из стран, не являющихся членами ЕЭС⁵. Тем не менее, рабочие, приехавшие из Турции и Марокко, продолжали проникать в страну с целью воссоединения семей. Таким образом, даже в период кризиса численность марокканцев и турок продолжала неуклонно расти: в 1976 г. в стране находилось 76 500 турок и 42 200 марокканцев, в 1981 г. – 138 500 и 83 400 соответственно, в 1986 г. – 156 400 и 83 400 соответственно⁶. Нидерланды стали второй страной после Франции по количеству въехавших в нее турок.

Завершение периода кризиса и оживление мировой экономики во второй половине 1980-х и в 1990-ых привели к новому витку иммиграции. Его главной особенностью было то, что в составе въезжающих в страну людей большую часть составляли экономические и политические беженцы, а также население из «горячих точек». В Нидерланды хлынули «вынужденные иммигранты» из бывшей Югославии, Ирака, Ирана, Сомали, Афганистана, бывшего СССР, которые хотели получить постоянное или временное убежище. На них пришлось 433 тыс. человек, или 8% из общего числа беженцев в 5.3 млн человек, запросивших убежища в странах ЕС. Нидерланды заняли 4-ое место после Германии, Великобритании и Франции по количеству принимаемых иммигрантов⁷.

¹ Entzinger H. Shifting paradigms. P. 35.

² Centraal Bureau voor de Statistiek. 2002 // URL: <http://www.cbs.nl/nl-NL/menu/home/default.htm>

³ Костюченко А. Иммигранты в Нидерландах. С. 36.

⁴ Lewis B., Schnapper D. Muslims in Europe. London, 1994. P. 22.

⁵ Пасякина Л. ЕС и трудовая миграция // Современная Европа. М., 2011. Вып. 3. С. 97.

⁶ Centraal Bureau voor de Statistiek. 2005 // URL: <http://www.cbs.nl/nl-NL/menu/home/default.htm>

⁷ Костюченко А. Бенилюкс в путях миграции. // Современная Европа. М., 2006. Вып. 4. С. 65.

По данным на 2013 г. в Нидерландах проживало 16 779 575 человек. Из них людей неголландского происхождения – 3 494 193, то есть 20.8% всего населения¹. Из них 850 000 мусульман, т. е. 5.1%². Иммигранты незападного происхождения традиционно концентрируются на западе страны, особенно в четырех крупнейших городах: Амстердам, Роттердам, Утрехт и Гаага. Численность людей, не являющихся гражданами Нидерландов (вместе с антильцами) на 1991 год: Амстердам – 170 540 человек (24.3%), Роттердам – 118 112 (20.3%), Гаага – 88 173 (19.9%), Утрехт – 34 745 (15%)³. В других городах с численностью более 100 000 человек процент иностранцев составляет около 10%, в более мелких муниципальных образованиях – 5%. Концентрация этнических меньшинств в больших городах и особенно некоторых районах сильно возросла в период между 1995 и 2004 годами. В 2004 году было более 450 районов (из 11 000) в Нидерландах, где число жителей-иммигрантов составляло более 25%, и в более чем 90 районов – этот процент был 50⁴.

Следует отметить экономический эффект, вклад иммигрантов в жизнь страны пребывания. Они обеспечивают стабильный прирост населения, предотвращают его старение, повышают удельный вес лиц трудоспособного возраста. Удельный вес иностранцев в экономически активном населении составляет 20.1%. Это при грубом расчете означает, что в Нидерландах ими произведена одна пятая часть ВВП, или 95 млрд долл. К тому же иммигранты работают, как правило, в самых тяжелых сферах⁵. Иностранцы имеют и важное демографическое значение. В 2004 году общий прирост населения в Нидерландах составил 0.2% и на 80% был обеспечен за счет иммигрантов – либо непосредственно за счет их приезда, либо за счет повышенных показателей рождаемости у иммигранток по сравнению с местными жительницами⁶.

До середины 1970-х годов Нидерланды не имели особой интеграционной политики по отношению к иммигрантам, так как было распространено убеждение, что иностранные рабочие в скором времени будут возвращаться в страну происхождения. Этот «миф возвращения» делал ненужной полную интеграцию иммигрантов в голландское общество. Государство лишь пыталось создать для них удобные условия существования. Когда правительство Нидерландов убедилось в том, что некоторые группы населения испытывают трудности с интеграцией в местное общество, была разработана специальная политика интеграции. Государственная политика 1970-х годов получила название политики социальной защиты⁷. Центральное правительство создало множество подразделений, которые занимались социальной защитой, направленной на иммигрантов, и представляли их интересы. Следует заметить, что в 1960-х – начале 1970-х гг. безработица среди бывших гастарбайтеров была ниже, чем среди местного населения. Отмечались отдельные случаи дискриминации на рынке труда, однако в целом вопрос о правах этнических меньшинств еще не стоял. Поскольку считалось, что пребывание мигрантов в стране является временным, дети иммигрантов обучались на их родном языке и следовали обычаям своей культуры.

¹ Centraal Bureau voor de Statistiek // URL: <http://statline.cbs.nl/StatWeb/publication/?VW=T&DM=SLEN&PA=37296eng&LA=EN> (дата обращения: 07.05.2014)

² Centraal Bureau voor de Statistiek // URL: <http://www.cbs.nl/en-GB/menu/themas/bevolking/publicaties/artikelen/archief/2007/2007-2278-wm.htm> (дата обращения: 07.05.2014)

³ National Analytic Studies on Housing // Dutch Monitoring Center on Racism and Xenophobia. Amsterdam, 2005. P.97-99.

⁴ Centraal Bureau voor de Statistiek, 2004 // URL: <http://www.cbs.nl/nl-NL/menu/home/default.htm> (дата обращения: 07.05.2014)

⁵ Костюченко А. Бенилюкс в путях миграции. С. 66.

⁶ Костюченко А. Иммигранты в Нидерландах. С. 31.

⁷ Чоенни Ч. Политика интеграции в Нидерландах // Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России: Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: ТЕИС, 2005. С. 162 // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit05.php>

Интеграционная политика 1980-х – начала 1990-х гг. получила название «политики меньшинств»¹. Политика меньшинств исходила из понимания того, что представители этнических меньшинств останутся в Нидерландах навсегда. Она состояла из трех элементов: преодоление социального и экономического неравенства, повышение правового статуса меньшинств и борьба с дискриминацией, преодоление риска этнической изоляции.

В отличие от политики социальной защиты «политика меньшинств» ориентировалась на наиболее проблемные сферы: обеспечение жилищных условий, трудоустройство и образование. Был сделан также значительный шаг в сторону децентрализации иммиграционной политики. Это потребовало специальных усилий и создания дополнительных фондов для городских районов, где концентрация этнических меньшинств была особенно высокой. Определенные группы иммигрантов были выделены как целевые группы, в частности, трудовые мигранты из восьми основных стран выезда, а также беженцы.

Отправным пунктом этой политики в отношении меньшинств было то, что она должна была быть направлена на общество в целом. Это означало, что голландское общество должно было предоставить этническим меньшинствам возможности для развития, а меньшинства, со своей стороны, предпринимать усилия для адаптации и принятия социальных норм голландского общества, в частности, путем изучения голландского языка. Организованные по этническому признаку объединения должны были сами поддерживать и развивать свою культуру и идентичность².

Однако проблемы, связанные с интеграцией этнических меньшинств в голландское общество не только сохранялись, но и нарастали такие негативные явления, как расовая дискриминация и этническая сегрегация. Во второй половине 1990-х годов (1994-2003 г.г.) правительство заменило «политику меньшинств» на политику интеграции³. Особую роль при этом приобрела политика в отношении гражданства. Гражданство стало важнейшим принципом в новом видении общества, состоящего из людей, представляющих различную культуру. Гражданство предполагает, что все люди, участвующие в интеграционном процессе, предполагают постоянное участие в жизни голландского общества, со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Первые серьезные шаги по урегулированию данной проблемы предпринял премьер-министр Вим Кок, возглавлявший «пурпурную коалицию» (Партия труда, Народная партия за свободу и демократию, Демократы-66) в 1994-2002 годах. В сфере внутренней политики акцент был сделан на борьбу с безработицей, социальным неравенством, сложным положением национальных меньшинств. Создаются новые политические структуры, отвечающие за положение национальных меньшинств, особенно в крупных городах, принимается Закон об иностранцах 2001 года, корректируется политика интеграции, пересматриваются вопросы, связанные с беженцами и лицами, ищущими политическое убежище в Нидерландах. Решение этих вопросов стало по-настоящему актуальным в связи с усиливающимися конфликтами на национальной почве, вызванными притоком иммигрантов. Эти тенденции стали новыми для Нидерландов. В 1998 году впервые за 43 года была запрещена политическая организация – ею стала ультраправая «Партия центра – 86», которая организовывала шумные митинги и шествия под националистическими и расистскими лозунгами.

Политика интеграции стала ответом на продолжавшийся рост числа иммигрантов и неудачные попытки, направленные на повышение уровня участия представителей этнических меньшинств в экономической жизни страны в 1980-е гг. 30 сентября 1998 г. вступил в силу

¹ Там же. С. 164.

² Гулина О. Обзор миграционной политики стран ЕС. 2011 // URL: <http://www.baromig.ru/library/elektronnye-izdaniya/3591-.php>

³ Organisation of asylum and migration policies in the Netherlands. // Dutch National Contact Point for the European Migration Network (EMN). Amsterdam, 2009. P. 67.

Закон об интеграции иммигрантов, определяющий права и обязанности иммигрантов в рамках программы интеграции¹. Введение данного закона было мотивировано стремлением препятствовать формированию новых групп неимущих, обязав неготовых к полноценному участию в жизни голландского общества иммигрантов к прохождению программы интеграции. В целевую группу программы интеграции включили иммигрантов в возрасте старше 16 лет, чье присутствие в стране имеет постоянный характер. В течение шести недель со времени получения разрешения на пребывание они были обязаны заявить о своем участии в программе интеграции. Программа включала курсы изучения голландского языка и культуры Нидерландов, а также социальное и профессиональное «ориентирование» в голландском обществе. Для того, чтобы предотвратить маргинализацию молодежи из групп этнических меньшинств и втягивание их в преступную деятельность, были разработаны проекты, специально нацеленные на молодежь и на предоставление помощи в получении образования².

События 11 сентября 2001 г. в США оказали серьезное влияние на голландское общество. Положение этнических меньшинств стало предметом широкой дискуссии в Нидерландах. Общественное мнение в отношении этнических меньшинств изменилось от позитивного интереса к культуре и обычаям других народов к негативным сторонам многонационального общества. Вовлечение радикальных исламских группировок в международный терроризм усилило недоверие к голландским мусульманам³.

Накануне парламентских выборов 2002 г. на политической арене Нидерландов появилась новая крайне правая партия – «Leefbaar Nederland» («Жизнеспособные Нидерланды» или «Нидерланды, пригодные для жизни»)⁴. Главные политические требования лидера партии Пима Фортейна носили антиисламский и антииммигрантский характер. Программу своей партии Пим Фортейн изложил в книге «Крах восьмилетней партийной коалиции», которая к концу апреля 2002 года разошлась тиражом в 100 тыс экземпляров. В книге приводилась жесткая критика миграционной политики правительства, в результате которой в стране быстро росла численность мусульманского населения. Политик выступал против «исламизации» голландского общества, выход Нидерландов из Шенгенской зоны, называл ислам «отсталой религией» и предлагал отменить I статью Конституции Нидерландов, где запрещается дискриминация по признакам рода, религии, сексуальной направленности и политических убеждений⁵. Многие высказывания Фортейна находили отклик у жителей страны, считавших, что иностранцы лишают их рабочих мест, изменяют культурный и демографический облик страны, создают криминогенную обстановку.

Большинство политических партий страны обвиняли Фортейна в популизме и отсутствии реальных предложений по решению проблем. Соратники по партии также критиковали Фортейна, и в феврале 2002 г. он был смещен с поста руководителя партии. Однако после этого он создал свою организацию «Список Пима Фортейна»⁶, которая уже в марте 2002 года на выборах в городской совет Роттердама набрала 35% голосов избирателей, потеснив даже популярную в то время Партию труда. Однако незадолго до национальных выборов произошла трагедия – 6 марта 2002 года лидер правых националистов был расстрелян активистом движения

¹ The Netherlands: discrimination in the name of integration. Migrants' rights under integration Abroad Act // Human right watch 2008.

² Чоенни Ч. Указ. Соч. С. 168.

³ Veldhuis T., Bakker E. Op. cit. P. 14.

⁴ Leefbaar Nederland // URL: http://www.parlement.com/id/vh8lnhrouwy7/leefbaar_nederland

⁵ Ibid.

⁶ Бенедиктов К. Ультраправый фланг Европы // Агентство политических новостей // URL: <http://www.apn.ru/publications/article1648.htm>

«Зеленых» Волкертом ван дер Графом¹, который объяснял свой поступок тем, что Фортейн рвался к власти и представлял опасность для наиболее уязвимых слоев общества².

Пим Фортейн озвучил крайне правые националистические идеи, получившие распространение в начале XXI в. как в Нидерландах, так и в других европейских странах. Первое в современной истории Нидерландов убийство известного политика вызвало небывалый резонанс в стране, где многие уже давно были обеспокоены проблемами сохранения национальной самобытности, ростом преступности и трансформацией демографической структуры. После событий 11 сентября 2001 года в США в Нидерландах было зафиксировано самое большое количество антиисламских выступлений в Европе.

Результаты парламентских выборов 2002 г. продемонстрировали серьезный сдвиг вправо в настроениях населения. Антииммигрантская партия «Список Пима Фортейна» даже после гибели лидера набрала 17% голосов, заняв третье место³. Итоги голосования показали недовольство большей части населения страны иммиграционной политикой правительства. Избиратели предпочитали отдавать голоса партиям, выступавшим за ограничение иммиграции.

Одним из общественных деятелей, влиявших на настроения населения, был режиссер Тео Ван Гог, который заработал репутацию выдающегося провокатора. В своем коротком фильме «Покорность», показанном по голландскому телевидению, он занял враждебную позицию по отношению к исламу. Он показал надругательства над женщинами в мусульманском мире, используя стихи из Корана, проектируемые на тела обнаженных женщин в одних хиджабах. 2 ноября 2004 г. Ван Гог был убит иммигрантом марокканского происхождения Мухаммедом Буйери, родившимся в 1978 году и выросшим в Нидерландах⁴. Жестокое убийство повергло общество, в котором полагали, что проблемы отношений людей с религией давно решены, в оцепенение. Страна, отличающаяся самой большой в мире терпимостью, «сад со множеством культур», где сообщества протестантов, евреев и мусульман свободно проживали бок о бок, находилась в состоянии шока. Убийство спровоцировало расистские выходки, осуществленные голландскими экстремистами против мечетей и мусульманских школ⁵. 7 ноября 2004 маленькая бомба взорвалась у входа в мусульманскую начальную школу в городе Эйдховене. 13 ноября небольшой молельный дом в городе Хелден провинции Лимбург был сожжен праворадикальной молодежью. 1 декабря была сожжена мусульманская начальная школа в городе Уден. Власти, в том числе и премьер-министр Я. П. Балкененде, выступали с публичными речами, призывающими прекратить жестокость против мусульман⁶.

Под давлением общественного мнения правительство провозгласило новый курс в области политики интеграции. В письме «Новый стиль интеграционной политики», направленном в нижнюю палату парламента министерством по делам иностранцев и интеграции 16 сентября 2004 г., были сформулированы новые приоритеты: интеграционная политика должна подчеркивать не культурные различия между разными группами населения, а то общее, что их объединяет, мигранты должны говорить по-голландски, уважать законы и подчиняться основополагающим правилам поведения в стране (зарабатывать себе на жизнь, заботиться об окружающей среде, уважать физическую неприкосновенность и сексуальные предпочтения

¹ Dutch politician Pim Fortuyn assassinated // The Guardian // URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2002/may/06/3>

² LPF (List Pim Fortuyn Party) New // URL: <http://eupolitics.einnews.com/news/netherlands-lpf>

³ Шаталин Ю. Нидерланды лишились самого правого // Газета.ру // URL: <http://www.gazeta.ru/2002/05/07/niderlandyli.shtml>

⁴ Сорокина Н. Месть за непокорность. Исламисты расправились с родственником Ван Гога // Российская газета. 2004. Вып. №3621. URL: <http://www.rg.ru/2004/11/04/vangog.html> (дата обращения: 07.05.2014)

⁵ Нечитайло Д.А. Указ. Соч. С. 113.

⁶Нидерланды: ОБСЕ обеспокоена «климатом, сложившимся вокруг мусульман в Нидерландах» // Миграция & Интеграция. IslamOnline RUS Media. 2005.

других лиц, признавать равенство мужчин и женщин). Целью политики интеграции стало общее гражданство для граждан, представляющих этнические меньшинства, и для голландских граждан.

Общее гражданство означает, что все жители Нидерландов должны говорить на голландском языке и придерживаться основных норм жизни, традиционных для Нидерландов¹. 15 марта 2006 г. вступил в силу Закон об интеграции, действие которого распространялось на иностранных граждан в возрасте от 18 до 65 лет, которые хотели создать семью с жителями Нидерландов, воссоединиться с членами своей семьи, проживавшими в данной стране, а также на священнослужителей, прибывавших в Нидерланды с целью трудоустройства. Положения Закона не применялись в отношении граждан государств – членов ЕС, стран, входящих в Европейскую экономическую зону, Австралии, Канады, Новой Зеландии, США, Швейцарии, Южной Кореи и Японии².

Законом вносились изменения в ст. 16 Закона об иностранцах, в соответствии с которой некоторые иностранные граждане, прибывавшие в Нидерланды на длительный срок, должны были первоначально получить разрешение на временное пребывание для въезда в страну. В соответствии с новым регулированием для получения соответствующего разрешения необходимо было продемонстрировать базовые знания голландского языка и основных концепций голландского общества в ходе обязательного экзамена по гражданской интеграции, проводимого в голландском посольстве или консульстве на территории своей страны. Результаты этого экзамена были действительны в течение одного года. Лицо, не сдавшее экзамен, не могло оспорить его результаты в административном или судебном порядке, оно могло только пройти экзамен повторно, заплатив необходимую сумму.

Закон вносил существенные коррективы в традиционную концепцию интеграции³. Во-первых, интеграция утрачивает свою социальную направленность и превращалась в форму иммиграционного контроля. Во-вторых, существенно видоизменялись временные и территориальные рамки прохождения интеграционных программ, поскольку от потенциального иммигранта требовалось продемонстрировать элементарные навыки знания голландского языка и осведомленность о реалиях голландского общества еще до въезда в страну. По прибытии в Нидерланды иностранцы, сдавшие экзамен в государстве своего происхождения, должны были продолжить прохождение интеграционного курса. По мнению голландских исследователей, введение соответствующих мер означало ограничение иммиграции. По данным Службы иммиграции и натурализации, введение интеграционного экзамена за рубежом было одной из основных причин сокращения на 20% числа ходатайств о воссоединении семей в 2006 г. В первый год экзамен сдавали менее 5 тыс. человек, причем 90% из них успешно прошли его. Вероятно, это послужило одной из причин того, что с 15 мая 2008 г. правительство Нидерландов усложнило требования к знанию голландского языка в рамках интеграционного экзамена за рубежом⁴.

С января 2007 г. вступил в силу новый Закон о гражданской интеграции иностранцев. В отличие от ранее действовавшего акта он распространялся не только на прибывавших в страну лиц, но и на тех иностранных граждан, которые уже проживали в стране. Положения Закона не применялись в отношении граждан государств – членов ЕС и участников Европейского экономического соглашения, граждан государств, заключивших соглашения с Нидерландами

¹ *Raymont M.* The politics of integration: can the Netherlands get immigration right? 2011 // URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2011/05/the-politics-of-integration-can-the-netherlands-get-immigration-right/238994>

² *Snel E., De Boom J., Engbersen G.* Op. cit. P. 31.

³ *Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О.* Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. Гл.4.7. Нидерланды. Организационное устройство миграционной политики. М.: ИЭПП, 2003. С. 208.

⁴ *Organisation of asylum and migration policies in the Netherlands // Dutch National Contact Point for the European Migration Network (EMN).* Amsterdam, 2009. P. 65.

по данной проблематике (Япония, США, Австралия), а также в отношении тех, кто прошел восьмилетний курс обязательного образования в стране или имел препятствия медицинского характера (ст. ст. 5, 6). В соответствии с новым регулированием лица, на которых распространялось действие Закона, должны были сдать интеграционный экзамен. Непрохождение экзамена в течение установленного срока (три с половиной года после вступления Закона в силу для мигрантов, которые успешно прошли интеграционный экзамен в государстве своего происхождения, и пять лет для остальных) предполагало административный штраф в размере от 250 до 1000 евро, налагаемый муниципальными органами по месту жительства, или сокращение размера социальных выплат, а также являлось препятствием для получения разрешения на проживание в стране на долгосрочной основе. По мнению ряда голландских ученых, предлагаемые меры противоречили международным обязательствам страны, носили явно дискриминационный и несправедливый характер, поскольку предусматривали более серьезные требования для лиц с более низкими доходами и образовательным уровнем¹.

Правительство Нидерландов, приступившее к осуществлению своих обязанностей в феврале 2007 г., несколько изменило акценты в своей программе, признав борьбу с бедностью и социальным отчуждением важным аспектом политики в отношении интеграции иностранцев. В ноябре 2007 г. был опубликован очередной правительственный меморандум об интеграции, в котором содержался План действий в сфере интеграции на 2007 – 2011 гг., в котором гораздо большее внимание уделялось борьбе с расизмом, дискриминацией, поляризацией и радикализацией общества².

7 июля 2010 года после пятилетней законодательной работы был принят Акт о новой миграционной политике (Modern Migration Policy – ММР)³, который вступил в силу с 1 января 2011 года. Этот Акт фокусируется в основном на понятии спонсора (попечителя). В качестве последнего выступает какая-либо коммерческая компания (как правило, для высококвалифицированных кадров) или учебное заведение. Для того, что бы стать признанным попечителем, организация должна направить запрос в Службу по иммиграции и натурализации (IND) еще до подачи заявления от студента или потенциального работника. Чтобы получить статус признанного официального попечителя, в IND им должны быть предоставлены все необходимые документы, в том числе, трудовой договор с обязательным указанием всех деталей (зарплата иностранного работника, срок контракта и т.д.). По состоянию на 2010 год в Нидерландах насчитывалось около 5 тысяч организаций – попечителей⁴. За нарушение правил трудоустройства иностранных граждан Акт о новой миграционной политике предусматривает наказание попечителю в первый раз в виде предупреждения, во второй раз – штраф в 3 000€, а за все последующие нарушения – увеличение штрафа на 50%.

В июне 2013 года были приняты новые меры в сфере миграционной политики. Они включают в себя принятие двух законов – Акта о современной миграционной политике (Modern Migration Policy Act – ММРА) и Государственного Акта о визе⁵. Некоторые изменения коснулись вопросов воссоединения семей, криминализации и нелегального проживания в стране, усиление мер по обеспечению общественного порядка и государственной безопасности в контексте отношений с иностранными резидентами. Новые ограничения въезда в Нидерланды иностранцев по каналу воссоединения семей связаны с тем, что возможность воссоединения

¹ Чоенни Ч. Указ. Соч. С. 169.

² Bruquetas-Callejo M., Penninx R., Scholten P. Policymaking related to immigration and integration. The Dutch Case // IMISCOE Working Paper №15: Country Report.

³ Kroes J. A Modern Migration Policy for the Netherlands // IBA Immigration and nationality law news. vol. 15, № 2. 2010. P.63.

⁴ Ibid. P.66.

⁵ Zeldin W. Netherlands: Major Overhaul of Immigration Policies in 2013 // URL: <http://www.loc.gov/law/help/Netherlands.php>

семьи предоставляется только нуклеарным семьям (то есть состоящим из двух законных супругов и их несовершеннолетних детей). Проживающий в Нидерландах иммигрант более не может перевозить в страну по этому каналу супруга, если они не состоят в законном браке, детей старше 18 лет, а также пожилых родителей старше 65 лет¹. Кроме того, нелегальное нахождение в Нидерландах объявляется преступлением. За подобное правонарушение предусматривается тюремное заключение сроком не более чем 4 месяца либо штраф в размере 3 800 евро. Также предписывается уголовное наказание любого, кто окажется причастным к торговле нелегальными иммигрантами или их трудоустройстве².

Проблемы иммиграции и интеграции иммигрантов в голландское общество находятся в центре острой внутривнутриполитической борьбы. Против политики мультикультурализма и за ужесточение иммиграционного законодательства выступают сегодня правящая либеральная Народная партия за свободу и демократию (НПСД) и крайне правая, националистическая Партия свободы (ПС). Мультикультурализм, помощь национальным меньшинствам, достижение равных прав и возможностей для всех жителей страны – эти требования поддерживают: центристская партия Христианско-демократический призыв (ХДП), леволиберальная партия Демократы -66, Партия труда, Социалистическая партия и Партия зеленых. На последних парламентских выборах в сентябре 2012 г. либеральная НПСД во главе Марком Рютте набрала 26,6% голосов, социалистическая Партия Труда (ПТ) – 24,8%, крайне правая Партия Свободы (ПС) – 10,1%. В правящую коалицию вошли НПСД и ПТ³. Премьер-министром стал Марк Рютте, который, несмотря на свои либеральные взгляды, настаивает на идее краха и несостоятельности политики мультикультурализма⁴. Политическая программа второго кабинета Рютте в вопросах иммиграции и интеграции иммигрантов исходит из концепции личной свободы и равенства людей, недопустимости дискриминации на каких бы то ни было основаниях: сексуальной ориентации, убеждениям, расовой принадлежности. Однако относительно политики мультикультурализма Марк Рютте считает, что эта политика себя не оправдала⁵. По мнению Рютте, уважая свои традиции, свою религию, свои обычаи, иностранцы должны так же точно уважать и обычаи той страны, в которой они находятся, тех людей, рядом с которыми они живут, должны уважать и изучать их традиции. В программе НПСД провозглашаются меры по ужесточению иммиграционной политики, среди которых ускорение сроков депортации иммигрантов, совершивших правонарушение в стране; признание нахождения в стране без разрешения на пребывание уголовным преступлением; ужесточение интеграционных механизмов при сокращении государственных расходов на финансирование этих программ; повышение штрафов за предоставление рабочего места или сдачу в наем жилых площадей иностранцам без разрешения на пребывание; запрет на ношение одежды, закрывающей лицо, в образовательных, медицинских, общественных заведениях; продление с 5 до 7 лет необходимого для натурализации и участия в местных выборах срока проживания в стране⁶.

Распространение антииммигрантских, националистических настроений в голландском обществе проявляется также в популярности крайне правой Партии свободы. На выборах 2010 г. эта партия неожиданно получила 15,5% голосов и почти в 3 раза большее число депутатских

¹ Everaert Advocaten, supra note 30; Family Migration Measures: Commencement Date 1 October 2012 (The Netherlands), Visagollandia (Aug. 28, 2012) // URL: <http://visagollandia.blogspot.ru/2012/08/family-migration-measures.html>

² Immigration, Government of the Netherlands // URL: <http://www.government.nl/issues/immigration>

³ Марк Рютте готов приступить к формированию правительства Нидерландов // Euronews // URL: <http://ru.euronews.com/2012/09/13/centrist-coalition-looks-likely-after-dutch-election>

⁴ Het Radio 1-debat samengevat – «Ze lieten elkaar dit keer uitpraten». 03.09.2012. // Дебаты представителей политических партий Нидерландов по вопросам иммиграции в эфире радио Radio-1 // URL: <http://www.nrc.nl/verkiezingen/2012/09/03/het-radio-1-debat-dit-is-wat-u-moet-weten>

⁵ Гусман М. Эксклюзивное интервью премьер-министра Нидерландов Марка Рютте для ИТАР-ТАСС, «Российской газеты» и телеканала «Россия 24» // Российская газета // URL: <http://www.rg.ru/2011/10/18/rutte.html>

⁶ Rutte II on Immigration // URL: <http://livingtheuropeandream.blogspot.ru/2012/10/rutte-ii-on-immigration.html>

мест в парламенте (ранее занимала 9 мест, после выборов – 24)¹. Лидер партии – Герт Вильдерс – известен своей резкой критикой ислама и предложением запретить иммиграцию мусульман в Нидерланды. Он считает, что если не остановить распространение ислама, то можно потерять Европу². Вилдерс является сторонником Израиля в ближневосточном конфликте, считая, что «Израиль является первой линией обороны Запада» против того, что он называет исламской угрозой. В программе ПС большое место уделяется вопросам иммиграции, в частности предлагается: вести строгие наказания за оскорбления евреев и организации сексуальных меньшинств, проводить активную репатриацию иностранцев и голландских граждан иностранного происхождения, совершивших преступления, ввести ограничения на трудовую иммиграцию из «новых» стран Евросоюза и мусульманских стран, закрыть исламские школы, разрешить изъяснение на публичном уровне только на голландском и фризском языке, ввести требования десятилетнего проживания на территории Нидерландов и работы там, а также превосходного знания языка для получения доступа к социальным пособиям. Вильдерс требует на уровне конституции поддержать иудеохристианскую культуру и культуру гуманизма в Нидерландах, ввести обязательные ассимиляционные контракты для иммигрантов, запретить ношение мусульманских головных уборов в общественных местах, запретить Коран³. По поводу мультикультурализма, Партия свободы и ее лидер выражают следующее мнение: «Мультикультурализм – это культура отречения от европейского наследия и свобод. С каждым днем он делает Запад все слабее и слабее. Он приводит к самоцензуре в СМИ ..., краху образовательной системы, ослаблению церкви, подрыву государства-нации и развалу нашего свободного общества». Для борьбы с мультикультурализмом Вильдерс предлагает противостоять введению исламских законов в странах Европы, поддерживать тех мусульман, которые хотят отречься от ислама, сделать акцент на суверенитете государства-нации⁴.

22 мая 2014 г. в Нидерландах прошли выборы в европейский парламент⁵. Партия Христианско-Демократический призыв (ХДП) получила 15,2% голосов, почти столько же, сколько НПСД и Демократы -66 – 15,6%. Партия Свободы потеряла примерно 5% голосов по сравнению с результатами 2009 года, однако по прежнему за нее голосует значительная часть населения – 12,2%. Это означает, что три депутата от партии получают места в Европарламенте. Герт Вильдерс планирует создать альянс с другими крайне правыми движениями Европы⁶.

Подведем итог. Нидерланды, страна с глубокими корнями либерализма и толерантности, всегда была одной из самых преданных и последовательных проводников политики мультикультурализма. Здесь до середины 1980-х годов, когда голландская политическая элита была убеждена, что иммигранты представляют собой временное явление, осуществлялась, политика «мягкого мультикультурализма». Позднее правительство Нидерландов перешло к «жесткому мультикультурализму». Государство оказывало серьезную поддержку этническим меньшинствам в области образования на родном языке, создания национальных школ, религиозных организаций, активно содействовало вовлечению иммигрантов в политическую жизнь страны. В последние годы в Нидерландах, как и в ряде других европейских стран, наблюдается явный отход от идей мультикультурализма.

¹ Добровольский А. Почему триумф правых в Голландии был предопределен // URL: http://www.km.ru/news/pochemu_triumf_pravyx_v_gollandii

² Geert Wilders: «Israel eerste verdedigingslinie Westen» // URL: http://www.pvv.nl/index.php?option=com_content&task=view&id=2052 (дата обращения: 13.04.2014)

³ Ons immigratiebeleid // Verkiezingsprogramma 2012 – 2017 // URL: <http://www.pvv.nl/images/stories/verkiezingen2012/VerkiezingsProgramma-PVV-2012-final-web.pdf>

⁴ Речь Герта Вилдерса 25 марта 2011 года в Риме: «Провал мультикультурализма и как изменить ситуацию» // Информационный портал «Правый мир» // URL: <http://right-world.net/news/349>

⁵ Dutch and UK vote in European Parliament elections. 22.05.14. // URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-27516165>

⁶ Чугин В. В Нидерландах завершились выборы в Европарламент. 23.05.14. // URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1208100>

Интеграционная политика Нидерландов претерпела с конца XX века серьезные изменения— от политики «открытых дверей» к политике ограничения иммиграционных потоков и ассимиляции. Практика игнорирования государством в 1960-1970-гг. необходимости интеграции иностранцев в голландское общество трансформировалась к концу XX в. в направлении все большего контроля и участия государства в вопросах адаптации иммигрантов. В 2003 г. на смену политике социальной защиты, политике меньшинств и политике интеграции, которые делали акцент на социально-экономических, социально-культурных и институционально-политических аспектах проблемы, пришла новая политика интеграции, вызванная террористическим потрясением 2001 года, а также неуправляемым ростом численности иммигрантов. Эта политика вводит понятие общего гражданства для коренных голландцев и этнических меньшинств, что означает равные права и равное участие в жизни общества, но также и равную обязанность следовать всем существующим в стране правилам, законам и ценностям.

Рена Мирзазаде

Доктор наук по философии, заведующий отделом
«Политологии и политической социологии», ИФСП НАНА

Мультикультурализм и гендерная политическая социология

Глобализация на сегодняшний день в мире отождествляется с понятием проблемы мультикультурализма. Глобальные исторические события осуществляются и реализуются определенными людьми, являющимися носителями тех идей, которые отражают особенности цивилизаций. Размышляя о людях, классики высказывали свои мысли исходя из их мышления и поведения, мыслей и ума, культуры и морали. Мысли, разум и познавательные воззрения состоят из ума, а он в свою очередь состоит из определенных моральных и культурных стереотипов. Для того, чтобы знать различия глобальных изменений в образе жизни XX века, необходимо анализировать вопросы в рамках религиозных, политических, социо-культурных, мультикультурных, информационных, научных, правовых, гендерно-культурных и др. пространств. "Мы никогда не будем отдаляться от своей веры, от своей религии и свое будущее построим, используя наши духовные истоки". Эти ставшие афоризмом слова принадлежат общенациональному лидеру Гейдару Алиеву. (1,26)

В нашей стране, интегрирующей в тенденции развития, динамический ритм глобального мира, мы становимся свидетелями очевидных преобразований и в области социо-культурных реалий. С этой точки зрения примечательны слова И.Алиева, произнесенные им на Международном Гуманитарном Форуме, проходившем в Баку под девизом "XXI век: вызовы и надежды": "Уважение к своей религии начинается с уважения к другой религии. Мультикультурализм не допускает пристрастное отношение к людям, оно наоборот объединяет все народы". Вместе с тем, у каждой страны есть свои порядки, свои традиции". (2) В таком случае перед нами возникает некоторые вопросы: правда ли, что уже идет негласная война "Восток-Запад" и основными барометрами этой войны являются "производство ядерного оружия, культура и мораль? В новом мировом порядке, где широкое распространение получила глобализация, и демократия стала эталонным показателем, в чем же все-таки состоят различия Востока и Запада? Наши соображения по этому поводу мы постараемся обосновать словами первой леди нашей страны ханум Мехрибан Алиевой: "Народ, который с уважением относится к своей истории, своим традициям, своим поступкам, должен в равной степени относиться с уважением и к чужой культуре, и к чужой истории".(3)

Культура и мораль являются системой историко-философского мировоззрения. На каждом этапе исторического развития в зависимости от формы общественного строя меняются и культура, и мораль.

По поводу глобальной социо-культурной динамики Р.Асланова пишет, что по сравнению с Западом восточная цивилизация менее заражена технократически-прагматическим образом мышления и эта особенность имеет большое значение с точки зрения перспектив "гуманного общества" будущего. Это должно оцениваться как положительные стартовые возможности при формировании новой культурно-этической парадигмы, способной решить проблемы новой эпохи.(4,8)

Профессор И. Маммедзаде отмечает: «В мире существуют два вида этики и два вида ответственности, один из них Диалог, дискуссия и восприятие других интересов при достижении своих целей и интересов»

Именно поэтому форма поведения человека меняется под воздействием этих изменений. Невозможно объяснить причины такого изменения человеческого поведения, не проанализировав именно эти сложные причины, которые являются показателями мультикультурализма. Понятия "легкое" и "сложное" являются наиболее используемыми в разных культурах и мультикультуральных обществах, меняющихся под воздействием определенных факторов. Нет такого события или процесса, чтобы относительно него не использовались бы эти выражения. Если "легкое" означает, что-то происходящее очень быстро и без труда, то "сложное" это достижение чего-то с большим трудом. В мультикультуральных обществах, где возникают сложные вопросы в истории иногда "легких", иногда "сложных" пространств имеются бесчисленное количество фактов, начиная с морали до экономики. С этой точки зрения, у каждого события, у каждого процесса есть Времена превращения в легкие и сложные события. Внутри этого существования мусульманство и исламское мировоззрение, ее история, необходимость возникновения, механизмы его очень быстрого и сложного распространения, трудного периода и др. вопросы произошли от культуры, от разнообразия этой культуры и человеческой морали.

По мнению академика Р.Мехтиева, подвергающего анализу такие вопросы как «В самом ли деле идеи Запада являются универсальными для человечества и так ли они важны для современного строительства мира?», «Возможно ли наличие политического, экономического и культурного несоответствия в стандартах западного мира, которые претендуют на универсальность?», «единого стандарта для демократии не существует, так и не существует ее абстрактной формы». Если демократические нормы совпадают с особенностями и реалиями истории, чувства национального достоинства, менталитета и традиций, она ассимилируется более успешно. Потому, история "взращенная" в чужой атмосфере не всегда и не сразу может адаптироваться к "чужому организму». (5,90)

В таком случае, мы считаем, что должны разъяснить различия-разнообразия морали и культуры Восток-Запад в диалоге, некоторые понятия, актуализирующиеся в контексте политических и социо-культурных реалий. Если демократия является известным термином, то Трансформационное общество является переходным обществом, находящемся в процессе преобразований или является "Транзит"ом – переходом. Что же тогда глобализация?

Глобализация является процессом изменения финансовых рынков и сфер производства в планетарном масштабе. В этом процессе глобализации географические границы, национальные правительства и социальное государство, в самом деле, контролирует массовое производство и сырьевое потребление. С непосредственным участием самых крупных банков мира реализуются новые политические отношения с помощью надгосударственных организаций. В последнее время, в связи с тем, что движение "антиглобализации" приобрело массовый характер, транснациональные корпорации начали использовать термин "глобализации" (5,773)

В мультикультуральном обществе целесообразно выделить два его типа: традиционный и современный. В традиционных обществах внимание привлекает андрократия, то есть полная власть мужчины, а в современном обществе гендер – характеристика сбалансированной роли мужчины и женщины в обществе.

Как отмечает Профессор Х. Гусейнова: «Интеграция в глобальном понятии, как непрерывный и единый процесс не смогла пока охватить в одинаковой степени все страны»

В политике мультикультурализма, становится актуальным обратить внимание также к интерпретации его либеральной стороны. В основном, когда идет речь об этом феномене, следует обратить особое внимание на женский вопрос. Так как, в изменениях, происходящих в социальном статусе женщины в разные периоды исторического развития, проблема культурной идентичности еще больше проявляется. Эта реальность создает необходимость изучения путей сохранения этническими меньшинствами своих традиционных обычаев в обществах, где преобладает мужской голос, и охраняется и национальный менталитет.

В целом, принадлежность к тому или иному полу (мужскому или женскому, маскулин или фемин) с первых дней жизни диктует человеку определенные взгляды и нормы поведения и определяет своеобразные социальные (политические) роли каждого пола в обществе. Эти роли и нормы поведения не бывают универсальными, в разных обществах они меняются по уровню развития. Это изменение подвергается также влиянию как политических и социальных, так и несоциальных, географических, климатических и других факторов. Здесь раса, класс, уровень социально-экономического развития, историческое развитие, общественно-экономические формации, менталитет, разноцветные культуры – все эти аспекты влияют на отделение или раздел социальной (политической) позиции.

С 60-х годов XX века с развитием гендерной политики в науке возникло новое направление. То есть взаимоотношения мужчины, и женщины в социуме начали изучаться как отношения политического социологического состава. А это позволило устранить биодетерминистский подход к структуре отношений между полами. Теперь изменились форма и содержание как женских, так и гендерных исследований. Начинается формирование кросскультурных, мультикультурных и междисциплинарных подходов в постепенно глобализирующемся мире, гендерного сходства, гендерной идентификации в разных обществах, и в этом контексте переход на первый план исследований, относящихся к "маскулинному" и "феминному".

С этой точки зрения, на выдвинутой Т.Парсонсом и П.Бейльсом теории социализации, основное место занимает теория гендерно-половых ролей. Если половые роли, прежде всего, формируются в процессе социализации человека, впоследствии это принимает форму освоения, рождающегося от культуры. Из этого подхода становится ясным, что роль мужчины и женщины, их иерархию в обществе, определяет не природа, а именно люди и "сделанные" ими культуры – то есть, они сами. Обратим внимание на некоторые категории в этом контексте. Культура пола – это своего рода субъект формирующего влияния на прошлую и современную историю мужчины и женщины, как на основные составные части этого человеческого сообщества. В таком случае, гендерная политическая и социологическая теория становится особой метакультурной теорией в мультикультурализме. А это является попыткой толкования формы и содержания Полового диморфизма, то есть существования двух различающихся форм и половых ролей, возникающих в связи с социокультурными отношениями.

А гендерная политическая социология изучает динамику развития разного рода социокультурных и политических отношений во взаимоотношениях мужчины и женщины. В этой науке новые направления, гендер и мультикультурализм изучают и исследуют эволюцию, проблемы в различных областях общественной жизни в политико-социологическом аспекте, учитывая социальный статус и мультикультуральные различия обычаев и традиций.

На уровне личности одним из самых важных элементов культурного разнообразия гендера и соответственно гендерной социализации, является: Гендерная идентификация – это тождественность. Гендерная идентификация развивается на основе формирования субъективного мышления индивида о представлениях маскулинного и феминного, существующих в социуме.

Гендерное культурное разнообразие – это сложная социальная и культурная структура в обществе. Здесь рассматриваются существующие различия между ментальными и эмоциональными особенностями мужчин и женщин, их поведением и ролями в разноцветных обществах. Здесь пересекаются, иногда "борются" или же сталкиваются схожие и различные формы.

Гендерное культурное разнообразие, наряду с такими социальными стереотипами, типа класс, раса, пола, нация, религия, язык и т.д. – объясняется и привлекает внимание как один из главных единиц социальной системы, которая образует различия.

В политике мультикультурализма парадигмальное познание гендера, это выделение и выявление ситуации (формы, события, процесса и т.д.), составляющего основные элементы социальных отношений, которые основываются на различиях между мужчиной и женщиной.

В обществах, в которых присутствует культурное разнообразие, именно взаимовлияние мужественности и женственности на общество никогда не бывает бесконфликтным, ментальные особенности конкретных членов общества составляет более осязаемое противоречие с признаками многочисленных групп общества. Это противоречие исходит из внутреннего процесса каждой страны. И поэтому, на первый взгляд случаи нетипичного культурного разнообразия выражают его внутренние культурные модели. А в таком случае, его влияние в конечном итоге приводит к неизбежным результатам. К примеру, в целом, таков статус культуры, опережающей события в обществе, которая называется элитарной. В пространстве культурного разнообразия различные этносы живут под влиянием единого физического пространства. Здесь соответственно на индивидуальном уровне под воздействием пространства меняется и генотип. Таким образом, за счет новых мужских, а также женских генотипов последовательно обновляется атмосфера социо-культурного разнообразия других этносов. А это делает более пестрым комплекс ментальных качеств. Естественно, постепенность процесса означает возможность трансформации одной части общества раньше другой. Постепенность какой-либо трансформации, означает возможность одной части нации обогнать другую в общем процессе. А здесь культурное разнообразие и культурная идентичность влияют на этническую идентичность. Например, способствуют возникновению новых этносов и этнических связей. Таким образом, по вектору человеческой жизни и коллективных людских сообществ, взаимовлияние мужественности и женственности развиваются по логике безвольных (аналогичных генотипу) чувств. (6,143)

Говоря о мультикультурализме и гендере, здесь может допускаться общетеоретический подход, абстрагирование конкретной формы, ситуации, фактора и связей, характеризующих практический вид той социокультурной конструкции. А исследование проблем гендерного равенства в конкретной исторической ситуации, требует обязательный учет всех связей социального статуса и позиции того субъекта гендерного различия, включая все социально-классовые, этнические связи и непосредственно гендерный статус. В странах, где присутствует расовая дискриминация это идеология, суть которой сводится к положению о том, что женщина живет ради семьи. А это является расовой идеологией, утверждающей вторичность и ненадежность низких по расовой принадлежности групп. Это же служит возникновению стратификации подтверждающей верховенство белокожих мужчин. Иногда в таком мультикультуральном обществе может возникнуть весьма многосторонняя ситуация:

- все мужчины и женщины независимо от пола, в определенной степени могут выступать в роли дискриминирующего в политико-социологических рамках;
- белокожие мужчины, подвергают дискриминации, как белокожих женщин, так и разноцветных мужчин и женщин; (это политико-социологические взгляды);
- белокожие женщины заставляются трудиться и дискриминируют разноцветные полы;
- разноцветные женщины подвергаются дискриминации. Так как, не имея гражданства, страны, заселенной чужой нацией, они, как правило, работали на малооплачиваемых работах.

С этой точки зрения, мы становимся свидетелями той же картины на перекрестке гендера и национально-этнической стратификации в обществе. (Например, сегодня мы можем указать на привезенных из Филиппин темнокожих женщин, выполняющих все бытовую работу в качестве няней и служанок в зажиточных семьях в Азербайджане.)

В таком обществе на вершине системы стратификации стоят мужчины (независимо от национальности) и граждане этой страны независимо от пола.

Таким образом, в конкретной исторической ситуации класс, раса, нация и гендер в политико-социологическом контексте способны формировать одновременно существующие системы неравенства.

Свои мысли хочу завершить словами М.Алиевой сказанными в 2008 году на международном форуме: «Интересно, что мешает и что может помочь различным нациям и народам, цивилизациям – услышать и понять друг друга?»

Список использованной литературы:

1. Г.Алиев, Афоризмы, Б.,1997 (на азерб.)
2. АзерТадж. 20.11.11
3. Газета «Азербайджан», 20 апреля, 2006 года (на азерб.)
4. Р.Асланова, «XXI век: интеграция в новое культурное пространство», Б., 2007 (на азерб.)
5. Р.Мехтиеv, «На пути демократии: размышляя о наследии», Б.,2008 (на азерб.)
6. А.Азимов, «Гендерные аспекты философии», Б., 2002, с.143 (на азерб.)

The e-book – analysis and perspectives of publishing 2.0

The Digital publishing is the publishing phenomenon in which the contents, the entire editorial process and access to the contents thereof, shall be fully implemented through digital technologies.

The phenomenon started in the nineties, following the progressive enhancement of the global interconnection of computers in the Internet and to the success of the web, through the organization of hypertext contents.

The "document" i.e. the form, the content and the storage media requires a profound redefinition in the digital age, as it poses several questions about its portability, authenticity, quality and stability over time.

A digital document is a file, i.e. a sequence of bits. Following the introduction of the "digital document", the role of authors, readers, publishers, booksellers and librarians have changed. In fact, the communicative function, which has always been implicit in a document, now increases dramatically, according to the new *social* role of documents: think of the the collaborative creation of documents, e.g. the "Wiki" platform.

A "hypertext" is defined as a type of digital document that uses the Web to spread, based on the principles of interactivity and multimedia; "multimedia convergence" refers to the display of digital objects that uses images and video, audio and text simultaneously and in a coordinated manner. In this deeply revolutionary context – which, as already mentioned, starts in the nineties – the reader becomes an active subject, almost a co-author, who has an immediate perception of the wholeness of the work at the very moment he or she approaches it.

The electronic book or eBook was born in the United States, in the early seventies, thanks to the insights of two key figures, Alan Kay and Michael Hart, who in those years took their first steps in two different but equally fundamental areas: the study of interfaces for reading in the case of Kay, and the digitization and encoding of texts, in the case of Hart.

Alan Kay is at the end of the sixties, a researcher at the Xerox Palo Alto Research Center (PARC). At a time when computers consisted in large mainframes, expensive and reserved for the use of a few specialists, Kay began to consider the possibility to achieve personal and portable devices capable of functioning as extensions of commonly used tools such as books. In 1968, Kay therefore begins to work on his prototype of "dynamic book", the "Dynabook", a laptop with functions supporting the activities of reading, writing and learning. The model surprisingly anticipated the shape of today's eBook readers.

In July 1971 Micheal Hart undertook a project for text digitization at the University of Illinois: the Gutenberg Project. The first scanned text within the Project Gutenberg was the Declaration of Independence of the United States of America.

At the end of the nineties the first dedicated eBook readers are introduced on the market: the Rocket eBook Nuvomedia, presented at the Frankfurt Book Fair in 1998, and the Softbook of Softbook Press. They were portable tablets weighing about one kilogram, equipped with monochrome displays and LCD sensitive to touch. The Softbook was also equipped with an internal modem that allowed download e-books directly from the Internet.

The year 2000 is considered the year culmination of this enthusiasm that sees the realization of numerous projects in academic world and the in media. On the same year the event which aroused the most interest, and has basically shaken the world of traditional publishing, was the release by one of the world's best selling authors, Stephen King, one of his short story novel, "Riding the bullet". The story was made available exclusively on the web, through major online sales channels, including Amazon, priced at two dollars and a half. The experiment was a success: in the first forty-eight hours

the book was downloaded and purchased from one hundred and fifty thousand people resulting in a true publishing event. However, a few weeks after the release, the book was pirated and began to circulate on the Web and to be duplicated illegally at no cost. The King case was symptomatic of the new era in which it was ushering the publishing world and has revealed clearly the complexity involved in the management of the production and distribution of this new tool for reading and its interactions with the traditional models behavior of the users. Since 2000, several giant publishing world, such as Random House and McGraw-Hill, and distribution, such as Amazon, entered the electronic book market.

What do we mean when we talk about publishing 2.0? The question is very timely and very often is not answered neither exhaustive nor from the world of digital experts from the publishers. However, it is becoming ever more pressing the need to analyze the phenomenon of the web and social media in relation to the market of book production.

The deep transformation which involved the publishing world in the last two years, is a matter of fact. From Walter Benjamin's "age of technical reproducibility" we moved to the age of the digital reproduction. The electronic media have allowed the writing to penetrate into human spaces much more strongly than the traditional book did. All this urged the publishers to identify and analyze the evolutionary dynamics taking place in the book publishing industry, with the specific aim of figuring out the frames of the sector mutation, understanding how publishing is changing worldwide and what new skills have to be acquired in order to be successful.

In 2011, in Germany, the penetration of the eBook in the overall market was € 3.5 million, € 14 million in the UK, € 1.2 million in France, € 1.5 million in Spain, € 2.8 million in Japan and € 23.9 million in the USA. Unpredictably, the impact of the eBook market is having a clear echo on the sale of paper books as well. Publishers are asked to deal with the transformation of business models to meet diverse needs, the issue of copyright and the phenomenon of piracy.

The phenomenon of piracy raises questions of a different nature. First of all, one might ask if naming the phenomenon "piracy" is really how to deal with the problem; whether it is right to continue strengthening the theoretical and potentially ideological defense of the copyright in a context so fluid and elusive like the Web, where the possibility of sharing a content among peers is an overwhelming fact; one might ask whether, on the other side, considering the free downloading as a romantic form of peer to peer sharing may be a little naive perhaps, for it is undermining the democratic concept of copyright, which a main instrument for the emancipation of authors and publishers from the control imposed from above.

The reproducibility of the digital content must, however, be addressed as a matter of fact by the publishers. Publishers face now a dilemma: on one hand, the challenge posed by the endless possibilities of the new technologies for the dissemination of free content and on the other hand the need to find ways to economically sustain the effort of the several players involved in the editorial supply chain. Trying to fight piracy might be a waste of time and money, as has been demonstrated by the experience of the music industry in which consumers often use to download to test the quality of a product, then buy it.

To address the problem of illegal downloading, publishers need to start investing in simplicity, expand the catalog and ability to have multiple formats, adapting them to lower their prices or offering type, such as offering different issues at different prices, from a simple to a more expensive one with exclusive content. What should take place is an integration of content, services and technology. Increasingly, the publisher will not be only the content provider, but also the provider of services related to the given content. This is the only way to encourage the reader to purchase rather than download.

The phenomenon of *self publishing* – a phenomenon still poorly studied and analyzed. According to data from Amazon, in 2010 there were no self-published titles among the 100 most purchased, while from April 2011 to January 2012 about 20 self-published books were in the top 100.

The self-publishing is a phenomenon that affects not only the authors who are tired of knocking on the doors of many publishers. It begins to be interesting for publishers as well. Another interesting phenomenon is the *social reading*: social media changed and are changing our lives as long as our approach to information and content. The experience of reading is slowly turning. More and more people now regularly read newspapers online, interact in the community on the "socials" and have a whole new way to access information and share it. The correlation between content and related services is increasingly evident. This will lead to an inevitable need for innovation in the field of the organizational and strategic solutions necessary to a publishing company to acquire a competitive advantage. In this context, a key role is the one that will be played by *social reading*: virtual spaces where readers can share and exchange experiences and the passion for reading, where writers can interact with readers and improve their writing, and where publishers can extrapolate actual data about the preferences and trends in reading, even discovering new talents.

Given the developments of recent years, we can say that the reading is becoming more activity social. The software for eBook readers are evolving and enhancing, providing completely new possibilities of interaction with a text. Not only there are readers such as the Kindle, which allows you to interact in the same way as would happen with a printed text, through the options for underlining and taking notes, but through web links it is possible for readers to post their comments directly on their Facebook profile or on the Twitter, with socializing online. In addition, the web offers tools like Goodreads, Anobii and other discussion forums. These portals have two important characteristics: they target "strong" readers and are out of the book, on the Web. If we combine these portals with the evolution of reading softwares, we can foresee a near future where reading devices will configure themselves as active terminals, within a system of sharing services and networking. We can also foresee a community of sharing content similar to what is today represented by Wikipedia.

It is interesting to mention some platforms of social reading:

- *BookCountry* is a virtual community created and promoted by Penguin where writers and readers can connect and come together to read, know, self-publish and share reading tastes. Publishers and writers can exchange opinions on the works, while readers may become an important source of direct feedback to the authors and publishers get a chance to know the real preferences of their target.

- *BookRiff* is a social media which delivers primarily to the academic environment, offering the ability to buy and sell individual chapters of books. It works this way: BookRiff captures the entire file and breaks it down into chapters automatically, then provides the price of a single chapter, creates the metadata for each chapter, allows users to create and sell your own book chapters combining different books and adding their own material. It is the platform itself, moreover, to manage sales directly, copyrights, and creating bibliographies.

- *Small Demons* is a project of social reading which accomplishes a cataloging of all the details of some importance in the books and connects them to each other. What is created is a database of quotations, places, movies, songs and various objects where the reader can surf through.

- *Readmill* has been designed with the aim to allow readers to mark passages in their favorite books, take notes, make comments and share it all with a community of equally passionate readers.

- *24symbols* is a Spanish platform, similar to the Italian *Bookliners*, which gives the opportunity for readers to subscribe and read eBooks in streaming, directly from a cloud, without having to do any download. The platform is divided in a free and a premium version. The publishers, who are entitled for the 70% of revenues, place their titles in both the premium and the free areas, while the royalties of the authors are paid "per page"; publishers can track the habits of readers and "target" the new issues.

There are many more social reading platforms that are springing up all over the world and that we cannot list here, but it is important to underline that, both professionals in the publishing industry both readers are starting to use all these new tools, making a better understanding of their functioning and getting able to deal with the power of innovation in a constantly evolving market.

Furthermore, giving a broader view at the relationship between publishing and the Web, we must say that publishers – whose key role in generating meaning and content remains undisputed – can not stand back and must embrace the change already in place. In such a scenario, many people have already understood the great importance of this revolution, first of all, the very meaning of publishing. The publishers should contact both authors and readers in an innovative way. On one side they will aim at providing better services to the authors, developing relationships with them through the social networks, doing scouting among the many talented bloggers and ensuring transparency and information-sharing on sales; on the other side they will have to demonstrate a greater attention to the readers, their needs and trends of interest, making available on the Web most of the data that emerge from the analysis of reader's behavior.

The birth of the eBook has placed a new challenge to the publishing, upsetting the traditional balance of power. Publishers are often placed in stark contrast to the eBook questioning the very nature of "book." Behind attitudes of this kind lies, according to many supporters of the eBook, the fear of the big traditional publishing houses slices of losing substantial market and see greatly reduced their power of selection on literary works.

In publishing the traditional role of the publisher is extremely important and the power relationship between publisher and author is greatly unbalanced in favor of the former which we can define as a gatekeeper, as it determines which literary works can to be published, which defines the circulation and marketing plan and distribution in bookstores and in commercial establishments. The presence of the book, the paper, on the shelves of libraries is crucial because the author has hopes of selling his work. This type of mechanism is strongly inhibitory towards any attempt to self-publishing because only with a publishing house behind an author can hope to see sold his books. The advent of the eBook has completely revolutionized this balance. Thanks to the possibilities offered by the web self-publishing has become a rational strategy for any author in particular if emerging. The costs involved are minimal as the construction work in digital eliminates the cost per copy: the electronic file can be downloaded and purchased it indefinitely at no additional cost to the author who, taking advantage of the opportunities offered by Web 2.0, can build its promotional plan cost practically nil.

The traditional publishing industry has no future then? No, it simply needs to renew its role. The publisher can no longer maintain its status as a gate keeper, but should rather become an aggregator of services for the publishing industry by capitalizing on the long tradition and experience accumulated and gaining on that rather than on the rights of published works, the property of which authors will be more and more aware. The services that can be secured for example, that professional editing of texts or translation for foreign markets. Publishers who will reinvent itself can then still maintain large swathes of the publishing market that may otherwise be missed.

As a publisher, I myself try to innovate and to hedge the change. The publishing house "SANDRO TETI EDITORE" opens in 2003 with four series. The first, HISTOROS, offers instruments for the understanding of History in a panoramic view, without chronological or geographical boundaries, to give space to the most engaging and innovative opinions.

The second, ZIG ZAG, moves from prose to poetry, offering the personal sight of contemporary authors and opening a new and appealing space in the world of contemporary literature. The third, IMMAGINE, focuses on the arts: painting, photography and sculpture. In the last three years, one of our main effort has been the diffusion in Italy of the Azerbaijani history and culture through the issuing of several essays and a novel from the most important azerbaijani writer. This year we established a new publishing brand, "EURASIAN BOOKS", which will issue books specifically related to eurasian countries, with a special consideration for Azerbaijan.

Зумруд Кулизаде

Д.филос.н., гл.н.сотр.отд. «Истории философии и общественной мысли»
Института Философии и Права Национальной Академии Наук Азербайджана,
Главный редактор журнала «Проблемы Восточной философии»
и научный руководитель сайтов <http://orientalphilosophy.org>,
zumrudkulizade@hotmail.com

Проблема создания истории всемирной философии в свете эволюции науки и мультикультурализма (размышление над концепцией и структурой)

Учитывая уровень аудитории, ограниченность времени выступления и свои публикации по вопросам затронутой темы в печати и интернете, предлагаемая в качестве как объекта обсуждения проблема представлена в виде ряда тезисов.

Первый тезис связан с необходимостью корректирования содержания основного понятийного аппарата культурологии и стержня ее – философии в свете современных открытий и гипотеза в области астрономии, физики, генетики, археологии и других наук. Бозон Хикса, плазмиды, сведения, предоставляемые ДНК, картой крови, новые открытия в области истории цивилизаций и десятки других ставят под сомнение, ранее казавшиеся относительно четкими и убедительными научные представления о материальном и идеальном, физическом и духовном, представления о содержании понятий «бытие», «познание», «этнос», «этно-национальная, региональная, глобальная культура» и, соответственно, «этно-национальная, региональная и всемирная философия»; меняется представление о содержании понятия «развитие». С корректированием содержания данных и ряда других категорий глобальной науки связан и подход к решению основной проблемы нашего выступления, а именно – создание обобщающего труда о истории всемирной философии.

Второй тезис о мультикультурализме – феномене, с которым и в прошлом, и в настоящем связаны и философия, и ее история.

Взаимосвязь культур была универсальной закономерностью, обеспечивающей выживание и историческое развитие общества. Известная с древности эта взаимосвязь причиной своей имела и разнохарактерные миграционные процессы. Данные процессы, исторически определявшие характер развития культуры (активизировавшие, либо замедлявшие его), являлись органической частью системы социокультурных взаимоотношений. Они были связаны со множеством воздействующих на них факторов, среди которых важное место занимала политика властных структур: их благожелательность, лояльность либо неприятие к культурам, т.н., ныне в литературе, «нетитульных» наций населения своего государства.

Известно также, что исторически и на Востоке, и на Западе (Древний Восток, Древняя Греция, Восточный и Европейский Ренессанс и т. д. и т.д.) многокультурность в целом стимулировала развитие культуры. В качестве примера, учитывая неадекватность отношения к истории культуры региона ислама, можем сослаться на вызванный синтезом культур расцвет культуры в странах Халифата. Поддерживался, напомним, этот синтез, в политике Халифата учением Ислама о благожелательном отношении к верующим в единого Бога и неоднократно повторяющимся в Коране (2/177, 2/215, 3/195, 59/8) призывом о благожелательности к чужестранцам. Взлеты культуры в любой стране, как правило, были связаны с синтезом культур.

Многочисленное по содержанию понятие мультикультурализм, особенно широко используемое в современном мире, наверное, правильно было бы трактовать в основном как политику в государстве с многонациональным населением по отношению к культуре нетитульных наций и, соответственно, живущих в данном государстве носителей этих культур.

В условиях современного, глобального, социокультурного развития, эпоху разноликих кризисов, со всеми присущими этим кризисам чертами, отношение к многокультурности в политике ряда ведущих стран т.н. Запада (Европа и Америка) обрело неоднозначный характер. Правительства государств, ранее приветствовавшие как торжество демократии и гуманизма своей политики наличие и развитие в своих странах культуры нетитульных наций, резко изменили отношение к мультикультурализму как равноправию культур на их существование и развитие; заявили об отказе от этой политики и предпочтительности ей политики культурной ассимиляции так называемых пришельцев, о необходимости господства на территории их государств языка и духовной культуры только титульной нации. Подобная политика меняла существующее представление о общечеловеческих ценностях и, естественно, способствовала развитию социальных противоречий и протеста, ибо грубо нарушала ранее провозглашенные в этих государствах права и свободы человека. Одним из ярких примеров сказанного является ситуация в Украине, отношение там к русскому языку и русским. Более 20 лет тому назад это имело место в Азербайджане, в Карабахе где дискриминация азербайджанцев (их называли тюрками) и мусульман армянами кончилась террором и геноцидом представителей азербайджанской нации, которая, кстати, в отличие от мигрантов современного Запада, была не пришельцем, а титульной нацией Азербайджанского государства, на территорию которого, в эпоху т.н. «перестройки» советского строя, вторглась Армения в союзе с советскими войсками. Данные события, ибо эхо Карабаха долго звучало и будет еще звучать, и не только в Украине, равно как и феномены терроризма, и геноцида, которые не имеют поныне как относительно унифицированного четкого определения, так и определения, единых стандартов отношения к ним в мировой теории и практике остаются наиболее актуальными объектами исследования и оценки.

Не определив же сущность, причинно-следственные связи феноменов терроризм, геноцид и подобные явления, невозможно предлагать и реализовывать оптимально действенные способы борьбы с ними и, естественно, обеспечить возможность к взаимоприятию, толерантности, в культуре, включая и философию как глобальной системе.

Особое место в настоящее время негативное проявление политика мультикультурализма имеет в отношении ряда правительств Европы и Америки, и не только их, к культуре мигрантов с Востока.

Среди многочисленных причин, вызывающих неприятие культуры Востока, широко распространенная в современном глобальном сознании, включая и научное сознание, причина неадекватного восприятия и соответственно, отношения к культуре этих народов. В частности, неадекватно а порою согласно политической идеологии, продуманно «обосновывалась» и «обосновывается» резко негативная, фальсифицированная трактовка культуры народов исламского мира.

Негативное отношение же в политике Западного мультикультурализма, к культуре народов Востока, и, в частности, к культуре народов региона исламской культуры, по существу обусловленная и отсутствием просвещения научной информации о культуре этих народов как органической части всемирной культуры, сводит на нет старания в формировании консенсуса между Западом и Востоком и толерантности в современном обществе.

Третий, завершающий тезис выступления – о научной, нравственной и политической значимости и актуальности создания сводного труда по истории всемирной философии как органическом единстве разнорегиональных философских культур, труда, способного в определенной степени восполнить названный пробел в современном общественном сознании.

В настоящее время, в условиях принимающего общий характер социокультурного кризиса, в частности, резко обостряющегося кризиса в области этно-национальных и религиозных отношений во имя выживания Человека (индивида и личности) и человечества требуется принятие активных мер по сохранению консенсуса Запад-Восток и толерантности.

Реализация этого требования может иметь многочисленные формы, одной из которых является и проводимый ныне Форум, ориентированный на толерантность общества путем его просвещения.

Данной цели–формированию толерантности в общественном самосознания путем *просвещения* могут действительно служить объективное научное изучение и пропаганда через систему глобального образования и возможности СМИ представляющей глобальную систему истории духовной культуры человечества, ее различных аспектов и прежде всего ее стержня – философии и ее истории.

История всемирной философии, созданная по аналогии со всеобщей историей, историей всеобщей литературы, искусства и т.д., свидетельствовала бы о наличии и философии – учении о бытии, «его основных принципах», законах и закономерностях, как неотъемлемой части истории глобальной духовной культуры.

Показ в истории всемирной философии не противостояния, а общности в философском мышлении человечества, безусловно способствовал бы гуманизации общества, утверждению через общественное самопознание толерантности и хотя бы относительной гармонии во взаимоотношениях между т.н. Западом и Востоком.

Однако следует учесть ту реальность, что философия Востока по настоящее время не получила должного научного освещения и оценки, в так называемой, европейской историко-философской исследовательской традиции. В особенно ущемленном виде представляется в исследованиях этой традиции история и настоящее философской культуры народов исламского мира.

В настоящее время по причине как неизученности, так и субъективного негативного отношения философия, о которой идет речь, нередко то полностью отрицается как философия, то представляется в основном IX-XIII веками; В отличие от западной философии христианского мира, она часто полностью идентифицируется с теологией и мистикой и, систематически искажается как востокоцентризм, так и западоцентризм; ее оригинальность игнорируется даже в IX-XIII веках, игнорируются ее связь с наукой, гуманизм и демократизм, заложенные в ее учениях.

Сущностно единые явления и позиции западной философии и философии исламского мира различно определяются и оцениваются в историко-философских исследованиях как Запада, так и исламского региона, что опять-таки способствует формированию противостояния разнорегиональных философских учений и духовной несовместимости народов – их носителей.

Мы предлагаем историкам духовной культуры и, в частности, историкам философии обратиться к изложенной проблеме, а политическим и правовым структурам, во имя провозглашаемых ими идеалов, способствовать реализации предлагаемого проекта создания истории всемирной философии, как единой системы восточной и западной философской мысли, которая создаст возможность для сравнительного анализа философских учений общества, выявления общего и особенного в них, создаст возможность их адекватного освещения и оценки, существующей общности и использования этой общности для гуманизации и толерантности общества.

Доводим до сведения участников Форума, что уже свыше 50-ти лет азербайджанские исследователи истории философии работают над проблемами теории–методологии и концепции создания истории этно-национальной – азербайджанской философии и философии региона исламской культуры.

В 2009-ом году учеными Национальной Академии Наук Азербайджана совместно с Фондом Науки при Президенте Республики Азербайджана была проведена научно-теоретическая конференция, посвященная обсуждению философии всеединства как методологии междисциплинарных исследований.

В качестве объекта обсуждения при создании истории всемирной философии как методологии мы предлагаем философскую концепцию всеединства в сочетании с принципами диалектики, компаративистики и «нечеткой логики» Л.Заде.

Мы неоднократно предлагали и продолжаем предлагать, исходя и из опыта истории не только западной, но и восточной философии относительно унифицировать содержание основного категориального аппарата будущих исследований в области истории философии.

Результаты исследований азербайджанских историков философии отражены в коллективных трудах: Очерки по истории азербайджанской философии (Баку 1966 год) в первом и втором томах (с древности по XVIII век включительно) Истории Азербайджанской Философии (на азербайджанском и русском языках, (Баку 2002, 2006, 2014 годы), многочисленных монографиях и статьях, международных научно-теоретических форумах и пользующихся значительным вниманием мировой научной общественности сайтах интернета ([www. orientalphilosophy.org](http://www.orientalphilosophy.org) www.philosophyforum.az).

Для решения в будущем предлагаемой и, надеемся, способной гуманизировать общественное сознание, задачи – создания истории всемирной философии, необходимо наличие специальной структуры, либо структур из исследователей межрегиональных философских культур.

В настоящее же время, исходя из опыта истории и современного состояния исследования *разнорегиональных философских культур* и современной науки, возможно целесообразно было бы подумать о создании и новых многоязычных философских терминологических словарей, а несколько позже – философического энциклопедического словаря.

Луминица Друмя

доктор филологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы,
Заместитель Генерального секретаря Национальной комиссии
Республики Молдова по делам ЮНЕСКО

Уроки игната-казака, или секрет гармоничного сосуществования (старообрядчество как модель сохранения культурного кода, отработанная веками)

Наверное, на протяжении всего XX в. одной из самых болезненных, острых и загадочных проблем была национальная. Проблема эта, несмотря на то, что часто оказывалась в центре внимания самых выдающихся умов столетия, так и осталась неразрешенной. Что же такое национальное чувство? Инстинкт рода или причастность к культуре? Агрессивность и враждебное разделение мира на маленькую часть «своих» и большую – «чужих» или стремление к самоопределению и ясному выражению своей глубинной сути?

Сегодня исторические и политические процессы привели к тому, что принято называть «глобализацией», то есть стремительным укрупнением сообществ, появлением надгосударственных образований. Ярким примером такого объединения является ЕС. Здесь происходят процессы, которые мы наблюдаем пока в развитии, и можем их описывать в режиме регистрирования. Но вектор их ощути́м – это формирование определенных наднациональных правил и ценностей, которые принимаются людьми разных культурных корней. Стоит заметить, что жизнеспособность такого рода гигантских объединений еще должна пройти проверку временем.

На этом фоне объединения особый интерес представляют проблемы не только этнографии и фольклористики, но и социальной психологии и политологии, примеры многовекового мирного проживания в европейском государстве иноэтнических анклавных вкраплений. Особенно если этот национальный анклав на протяжении большого временного промежутка сумел сохранить национальную идентичность, даже без прямых контактов со своей прародиной. Таких примеров очень немного. И один из самых ярких – русские старообрядцы.

Известный российский фольклорист В. С. Бахтин писал: «Огромную целостную народную культуру старообрядцы привезли на новые земли не на бумаге, не в книгах, а в памяти, в сердце. И не только песни, сказки, молитвы, но и массу крупных и малых привычек, обычаев, знаний, которые – все вместе совокупно – и создали заново Русский Мир». И если до недавнего времени это утверждение не вызывало вопросов, то в связи с резкими общественно-историческими переменами нуждается в некотором уточнении.

В последнее время в РФ вырабатывается принципиальное для этой страны концепция «Русского мира». В культурологических и публицистических статьях в большинстве случаев пишется именно с сохранением дореволюционной орфографии. И это не случайно. Данное цивилизационное понятие включает в себя огромное историко-культурное поле смыслов, вырабатываемых, трансформируемых, консервируемых на протяжении тысячелетнего развития страны. Здесь много спорных вопросов, и они будут решаться и культурологами, и писателями, и философами.

Нас же интересует сейчас только расширительный посыл понятия. Ибо только эта тенденция оказывается актуальной. «Русский мир» – это широкое, почти необозримое пространство, организованное православным мировидением, но органично включающее в себя и другие инославные культуры, традиционные для народов, населяющих историческую Россию.

Мы не будем сейчас вдаваться в анализ ценностных ориентиров, ограничивающих «русский мир», отметим, только то, что эти границы существуют. И в рамках этих границ значительное место занимает старообрядчество. Но, что принципиально важно, в рамках границ. Старообрядчество – есть часть «русского мира», но никак не целое.

Проблема старообрядчества одна из сложнейших проблем русской культуры. И надо добавить – одна из наименее изученных. До сих пор остается непревзойденным исследование С. А. Зеньковского «Русское старообрядчество», где проанализировано глубинное психологическое противостояние людей православного вероисповедания. Современные исследования касаются, в основном, проблем церковности, практически не задевая вопросов культуры. Здесь все остается на уровне констатации огромного вклада промышленников, купцов в культуру России конца XIX – начала XX вв., осторожно затрагивается тема участия старообрядцев в подготовке революции.

Старообрядчество – это огромное многосложное явление, распространенное по территории всей России, и в силу исторических обстоятельств, выплеснувшееся за ее пределы. Традиционно старообрядцы проживают на территории современных Республики Молдова и Румынии. В Молдове старообрядцев называли «староверами» или «кацапами», намекая на бороды (по-украински «цап» – козел, отсюда «як цап»), а в Румынии – «липованами» (по одной из версий это название идет от названия дерева «липа», из которого старообрядцы изготавливали домашнюю утварь и мебель). Они появились на этих территориях в конце XVII – в начале XVIII вв. Причиной послужили церковные распри, начавшиеся в России в середине XVII в. с приходом на патриаршую кафедру Митрополита Новгородского Никона. Он провел церковную реформу, целью которой было создание единых правил отправления церковной службы и единых церковных книг. Не все согласились с новшествами Патриарха. Тех, кто восстал, называли раскольниками и стали жестоко преследовать. Спасаясь от гонений, старообрядцы покинули родину и разбрелись по всему миру. Часть их пришла на плодородные земли Пруто-Днестровского междуречья, в Бессарабию и дельту Дуная, район Добруджи в Румынии. Старообрядцы селились целыми общинами. Им разрешалось иметь свои церкви, отправлять службу, согласно своему Уставу. Правительство освобождало их от уплаты больших налогов.

Важно понимать в этой связи, что старообрядцы – это не секта, не отщепенцы и не раскольники, а православные люди, которые до сих пор следуют церковным обрядам и традициям своих предков. Они бережно хранят русские православные святыне реликвии – древние церковные книги и иконы, крестятся двумя перстами; церковные песнопения поют по книгам XVII в., в которых вместо привычных нам нотных знаков – так называемые «крюки», своеобразная нотная запись. Это старинное, бережно лелеемое старообрядцами и не везде сохранившееся «крюковое пение» завораживает чувства и души верующих в праздничные и будние службы.

Возникший в середине XVII в. религиозный конфликт сегодня понимается как трагический, расколовший единый народ и заложивший дальнейшие сложные противоречия, которые были законсервированы формалистским подходом как церковных, так и государственных органов. Этот конфликт долгое время загонялся вглубь и не рассматривался. Лишь в 1971 г. Поместный собор Русской православной церкви специально рассмотрел вопрос о «клятвах на старые обряды и на придерживающихся их» и принял следующее решение: «Утвердить постановление патриаршего священного синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им». Примирение состоялось, но в истории осталось много обид и несправедливости.

От этих обид, чинимых властями, поборники «старой веры» уходили в разные страны, даже на разные континенты. И вдали от родины русские бережно хранили свой язык и духовную культуру. Сказки, песни, легенды, услышанные ими еще от дедов и прадедов, представляют сегодня огромный культурный и исторический интерес. Ведь они были законсервированы, остались вне естественного хода развития, в том числе и народного творчества.

Академические институты Молдовы и Румынии и отдельные кафедры университетов занимаются изучением старообрядческого населения. За эти годы их сотрудниками были осуществлены многочисленные фольклорные и этнографические экспедиции в старообрядческие села Молдовы, дельты Дуная и уезда Добруджа и опубликован ряд сборников текстов и научных статей¹.

Многолетние научные исследования старообрядческой фольклорной традиции показали, что, с одной стороны, старообрядцы сохранили свой язык, духовную культуру и фольклор, а с другой, в результате проживания в иноязычной среде, у них появилось много новых произведений (посредством фольклорных переводов и различных контаминаций), лексем, позволяющих по-иному прочувствовать собственные фольклорные тексты. Размышляя над проблемами творческого понимания чужой культуры, выдающийся ученый М. М. Бахтин отмечал: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и одно-сторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которых она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»².

Старообрядцы вызывают особый интерес ученых и общественных деятелей хотя бы потому, что их совместное проживание с представителями титульной нации продолжается, не приводя к ассимиляции, без малого вот уже три столетия.

Надо, правда, заметить, что такое самосохранение было программным, идеологически сформулированным еще первыми переселенцами, уходившими от религиозного насилия. В частности, казацкий атаман Игнатий Некрасов, выведивший своих сподвижников из-под власти церковных реформ был уверен: «Мы – Русь, самое себя без всякой помощи охраняющая». Вот это очень примечательно и важно для понимания проблем национальной консервации – «без всякой помощи». То есть по одной внутренней духовной потребности осуществляемое. Но, и это надо отметить особо, без национального развития. Социальная адаптация таких национальных анклавов в инокультурной среде возможна только через выход в доминирующую культуру.

Между тем, для национальной консервации необходимы и огромная мотивация, и мужество всех участников сообщества. Удивительную стойкость, способность выстоять в своей самоидентификации с восхищением и огромным уважением отмечал в середине XIX в. выдающийся русский писатель и философ К.Н.Леонтьев³.

К.Н.Леонтьев провел в Тульче (Румыния) два года в качестве вице-консула. Он оставил ценные воспоминания и дневники, в которых описывает характер и нравы липован. Тульча в то время была главным городом Добруджи, где тогда проживали представители разных народов: румыны, турки, крымские татары, болгары, греки, немцы, русские... Известная нестабильность и неопределенность населения края привели к тому, что польская эмиграция решила создать в Тульче своего рода революционный очаг. В этом принимал активное участие А. Герцен, который посылал своих эмиссаров с целью поднять бунт против царской власти с помощью поляков-эмигрантов и русских- старообрядцев. Но эти попытки полностью провалились. Миротворительный и лояльный характер отношения липован к власти не позволил им примкнуть к революционному движению. Подлинная вера и жизнь, основанная на христианских ценностях, уберегали липован от опасных авантюры и позволили отыскать способы мирного существования в инонациональной среде.

При этом К.Н.Леонтьев отмечает, что липоване оказались очень стойкими в сохранении своей идентичности. То есть отказ от революционности – не слабость, а сила, сознательный выбор социального поведения, сделанный народом. К.Н.Леонтьев с удивлением отмечает, что в Тульче, на земле, отошедшей в 1856 г. к Турции, он чувствует себя словно дома, в России. «Я приехал в Тульчу ранней осенью. Погода была прекрасная: город оживленный и веселый. Смотреть на него с дунайского парохода было очень приятно, <...> все белые, штукатуренные и невысокие дома и широкие улицы» («Мой приезд в Тульчу»)⁴. Они напоминают автору

улицы и дома новороссийской деревни, это «уголок России под турецким владычеством». Писатель-дипломат, который вот уже пять лет живет на чужбине, не может сдержать нахлынувшей на него радости: «Первое, что я увидел, сойдя с австрийского парохода, – пестрые сарафаны дунайских староверок и синие рубашки их отцов, братьев и мужей». Его поселяют в большом двухэтажном доме у самой пароходной пристани. Хозяином дома был богатый старовер Филипп Наумов. Обслуживают его две русские женщины: Акулина и Аксинья. Повязывают платки эти староверки по-русски; «говорят и держат себя так, как говорили бы в Орле или Мещовке». Чуткое ухо писателя улавливает особенности южнорусских диалектов в речи большинства старообрядцев Тульчи. Кормят дипломата ленивыми щами, русскими пирожками, квасом, угощают русской водкой. В двух шагах от консульства звонят колокола деревянной русской староверческой церкви. В открытые окна квартиры доносятся русские песни, «точно такие же горькие и прекрасные, как в Удинове», – родном имении писателя. И опять молодой К.Н.Леонтьев не может удержать чувство охватывающей его радости: «Не выезжая из Турции, я дома!»

Итак, подведем предварительные итоги этих давних наблюдений. Для нормального совместного проживания анклавного вкрапления с основным этносом страны нужно:

– отчетливое осознание своей идентичности и самоценности народом, попавшим в ситуацию анклавного проживания. Необходимы две встречные тенденции в поведении анклава: духовная готовность к сохранению самоидентичности (а значит, уверенность в истинности своих ценностей) и готовность признать право на утверждение своих ценностей рядом проживающих соседей;

– предоставление этим людям со стороны государства, в котором проживает анклав, всех условий для спокойного самовыражения.

Именно эту особенность создавшейся ситуации подчеркивает К.Н.Леонтьев: «Служил Игнат-казак султану за ту свободу строить церкви и громко звонить, которую им дала турецкая власть, и турецкое начальство всегда любило своих русских подданных больше других христиан. И оно было право: русские под властью турок – не политики, подобно юго-славянам и грекам, им нужно только одно: свобода веры, и потому-то турки и дали им эту свободу громко звонить, которую они другим христианам, более политикующим, без настоятельного вмешательства русской дипломатии никогда не давали». К.Н.Леонтьев увидел жизнь липован – глубокую, смиренную, сосредоточенную на труде и служении Богу. Однако необходимо добавить – не развивающуюся, стагнирующую, оказавшуюся вне исторического процесса.

Во время фольклорной экспедиции в Тульчу, состоявшейся в начале 90-х гг. XX в., я застала ту же картину. Об одной из встреч хотелось бы рассказать особо. Она состоялась в старейшей в Добрудже церкви – Храме Святой Парасковии. Я оказалась в Храме накануне большого престольного праздника, посвященного Пресвятой Богородице. Во дворе церкви шла активная подготовка к этому торжественному дню. Все женщины были одеты в русские национальные костюмы: кофточки с баской и широкие длинные юбки, подпоясанные расшитыми поясами с кисточками. Головы были покрыты платками. Женщины, доброжелательно переговариваясь друг с другом, убирали церковный двор и готовили праздничную еду: борщ, «толченники» (рыбные тефтели), сладкую пасху.

Епископ Емения рассказывал о жизни липован в Добрудже: «Липованская община живет полнокровной жизнью. Никто не препятствует русским строить церкви, служить в них согласно старообрядческой вере, разговаривать на своем родном языке. Однако липоване не существуют изолированно от внешнего мира. Напротив, они принимают активное участие в жизни страны, которую любят и считают своей родиной».

Это же отношение выражали многие липоване: «Очень хотелось бы поехать в Россию в гости, посмотреть, где жили наши предки. Но уезжать навсегда мы не хотим. Наша родина – Румыния. Мы здесь родились, здесь и умрем». Многие липоване прекрасно социализированы,

среди них много людей интеллектуального труда: врачи, адвокаты, преподаватели вузов, художники, певцы, учителя, военные⁵. Но в своей социальной жизни они принадлежат к румынской культуре, которую прекрасно знают и любят как родную.

В Браиле находится зарубежная старообрядческая патриархия, которая объединяет всех старообрядцев, живущих за рубежом. На территории Румынии находятся два старообрядческих монастыря – мужской и женский, и оба в селе со знаменательным названием Слава Русская.

В настоящий момент Община русских липован Румынии объединяет несколько десятков тысяч русских староверов. Община имеет 40 местных филиалов в различных городах Румынии и два печатных органа – газета «Зори» (Бухарест) и журнал «Китеж-град» (Яссы), которые издаются при финансовой поддержке государства. Идет процесс создания русской начальной школы, которая призвана помочь сохранить русский язык в старообрядческой среде. Российские власти также оказывают липованам разнообразную поддержку для сохранения в их среде русского языка и русской культуры посредством образовательных программ.

Также во взаимодействии с властями живут и старообрядцы в Молдове. Они тщательно сохраняют патриархальный семейный уклад, где почитают старших и муж выступает главой семьи. Вера является для старообрядцев основным, определяющим законом их жизни, фактором, формирующим их сознание. Все, что ни происходит вокруг, любые события светской жизни проверяются религиозным учением и затем определяют позицию старообрядцев в том или ином деле, меру участия в нем и отношение к нему.

Однако, по сравнению в липованами, старообрядцы Молдовы находятся в более мягкой культурной среде. Они говорят на современном русском языке, который достаточно часто слышат вокруг. Здесь нельзя говорить об анклавности, культурно-языковой изоляции. Здесь налицо сознательное самоотграничение от религиозной и во многом от социально-культурной среды. Это прекрасно видно в принципиальном отказе от различных вредных «цивилизационных» привычек – сигарет, алкоголя, фривольных фильмов и др.

Старообрядцы компактно проживают в таких населенных пунктах, как Кунича, Покровка, Егоровка, Сырково, Старая Добруджа и др. И везде есть старообрядческие юридически оформленные общины и приходы. Каждый приход имеет свою церковь, построенную, как правило, в древнерусском стиле. В селе Кунича, кроме церкви, находится православный старообрядческий женский монастырь, который, как и здание церкви, имеет 300-летнюю историю; он начинался как скит, и первые монахини жили и молились в земляных пещерах. Разве что только в старообрядческих селах часто можно видеть такую картину: девушки и женщины в платках, сарафанах и длинных юбках, а бородатые мужчины в кафтанах и косоворотках чинно идут в церковь. А еще важна историческая память, которая бережно хранится в старообрядческой среде. Огромная редкость для современного мира – эти люди помнят свой род как минимум до 4 колена!

И сегодня, на собрании, когда решаются важные для общины вопросы, первые ряды занимают пожилые мужчины, за ними садятся женщины, и уже на галерке – молодежь. Сначала говорят убеленные сединами старики, и только в конце – молодые люди. Это сохраненная традиционная православная иерархия, о которой с печалью говорят современные священники как об утраченной ценности.

Сохранение коллективного ведения хозяйства, основанного на доверии внутри своей общины, – это тоже один из основных жизненных устоев старообрядцев. Они не подписывают договоров, контрактов, а, например, каждый вкладывает в общий трудовой процесс то, что у него есть: кто – яблоки, которые нужно продать, кто – транспорт, кто – бензин, а уже потом, после реализации продукции, честно делят прибыль, в зависимости от вклада каждого. Это одна из неисследованных и важных исторических проблем – влияние традиционного общинного ведения хозяйства, веками сохраняемого в старообрядчестве, на организацию коллективных советских хозяйств.

Село Кунича скорее похоже на маленький городок. Чистый, светлый, с зажиточными селянами. Благодаря государственной поддержке в Куниче работают теоретический лицей на 500 учащихся, детский сад, Дом культуры, библиотека, Центр и офис семейного врача, отделение связи и филиал банка. Действуют старообрядческая и православная церкви.

Места компактного проживания старообрядцев всегда отличаются ухоженностью, добротными домами. В старообрядческих селах не жалуются на свою жизнь. Из сел не уезжают. Если молодые женятся, то родители жениха должны построить дом, а родители невесты – его обустроить. Детские садики переполнены, и мест не хватает. Работы много: и яблоки надо вырастить, и малиновое варенье заготовить, и клубнику собрать, и ореховое масло отжать, да только ли это! Заботы на всех хватает. Да и то сказать: заработки здесь порой выше, чем в городе.

Умение масштабно и рационально вести хозяйство – отличительная черта сегодняшних старообрядцев. В Покровке на сезонные работы нанимают людей из близлежащих сел. Редко в молдавских селах увидишь современные склады для сельхозпродукции и гостиницы. Без этой мощной экономической составляющей вряд ли бы старообрядцы смогли сохранить свою самобытную культуру и веру. И не важно, чем ты занимаешься: рыболовством, земледелием, животноводством или ремеслом, – во все надо вкладывать душу и любовь к ближнему.

Среди старообрядцев существует присказка: «Если старообрядца отправить в пустыню, то он вскоре выкопает колодец и начнет торговать водой». Природный ум и изобретательность – возможно, одна из основных отличительных черт этих людей. А если ты живешь достойно и благополучно, много работаешь, производишь востребованный продукт, то это, естественно, вызывает уважение в любой стране и у любого народа, и ты можешь ходить себе и в больших цветных шалях, и, когда рождаются внуки, отпускать бороду, и говорить на своем русском языке с вкраплением слов из старославянского, и ходить в свою русскую баню, и пить чай из самовара – ко всему этому будут относиться с уважением и пониманием.

Таким образом, трехсотлетнее мирное совместное проживание старообрядцев в иноязычной среде может послужить прекрасным уроком как для национальных меньшинств, так и для основного этноса государства. Из внимательного специального анализа принципов, на которых построено это сближение, могут извлечь уроки, во-первых, политики – для того, чтобы уяснить возможности организации взаимосуществования, во-вторых, национальные меньшинства, которые могли бы научиться у старообрядцев их способам внутренней организации жизни, позволившим им сохраниться на протяжении столетий и при этом не деградировать, а нормально развиваться. Особенно важным представляется умение оставаться включенными в социум доминирующей культуры, сохраняя бытовую культуру, а в некоторых случаях и конфигурируя язык.

И, наконец, внимательное изучение старообрядцев может помочь подойти к ответу на самый трудный вопрос нашего времени: «Что же такое национальность?». Ведь как сформулировал тот же К.Н.Леонтьев: «Небо одно, земля одна и та же, но почему болгарин зажиточнее других, а русский пламеннее в своей вере?» Почему же мы разные? И как сделать эти различия источником радости и духовного взаимообогащения?

Примечания

¹ См.: Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте // Материалы конференции, 18-19 ноября, вып. 3. Бухарест 2001; Донцов П. Старообрядчество Молдовы // Русский альбом, № 4, Кишинев, 2002; Коркина А., Николаев Д., Донцов П. Древность вечно живая. Кишинев, 2003; Старообрядцев Молдовы живое слово. Материалы конференции по проблемам старообрядцев. Кишинёв, 2003; Анцупов И. А. Русские на Очаковской земле. Кишинев, 2003; Анцупов И. А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000; Нить времен. Материалы конференции по проблемам русской диаспоры и старообрядчества.

Кишинев, 2006; Абакумова-Забунова Н. В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006. С. 519; Русский язык в Республике Молдова: реалии и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Кишинев, 2007. 312 с.; Николаев Д., Донцов П. Третий лик. Кишинев, 2007; Культура русских-липован в национальном и международном контексте. Сб. научных сообщений Международного научного симпозиума ОРЛР, г. Тульча. Вып. 5., г. Тульча, 2009; Кто защитит тебя, русская речь? О положении русского языка и русской диаспоры в Республике Молдова. Кишинев, 2009; Старообрядчество Молдовы: опыт прошлого, задачи настоящего // Материалы 2-й международной научно-практической конференции, Кишинев, 2012; Любич П. Кагул. Кн. 1. Русские православные староверы. Кишинев, 2012; Маринеску М. Фольклор русских-липован Румынии в записях 1959–1992 гг. // Живая старина, 1995, № 4 (8); Маринеску М., Фодор Е. Культурологический аспект цветообозначений в русском и румынском языках // *Filologie rusă*. V. XIV. Referate și comunicări. București, 1994; Breazul Ch. Relații muzicale româno-ruse. București, Muzica, 1954, № 11-12; Caraman P. Colindatul la români, slavi și altepopoare. Studiu de folclor comparat. București, 1983; Caraman P. Cu prilejul apariției cărții lui Stanislaw Vinsent «Na visokiej poloninie» // *Însemnări ieșene*, 1940, № 3; Caraman P. Studii de folclor. Vol. I. București, 1987; Marinescu M. Cîntecul rusec lipovenesc. București, 1988; Vințel A. Lexicul folclorului lipovenesc. Rezumatul tezei de doctorat. Cluj, 1974; Vrabie E. Influența limbii romane asupra graiurilor rusești din RPR // *Studii și cercetări lingvistice*. 1960, № 4; Зеленая моя вишенка. Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978; Ой у саду-винограду. Сост. I. Ребошанка. Бухарест, 1971; Частушки липован. Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1980; Folclor din Dobrogea. C. Brailoiu, E. Comiceii, T. Galusca-Cirsmariu. București, 1978.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 334-335.

³ Подробный анализ отношения К.Н.Леонтьева к липованам содержится в статье И. Евсеева «Русский писатель и философ К.Н.Леонтьев о липованах города Тульча» в липованском журнале «Китеж-град» (www.starover.religare.ru)

⁴ www.knleontiev.net.ru

⁵ <http://samstar.ucoz.ru/publ/39-1-0-52>.

Шахов Шахабас Курамагомедович

доктор педагогических наук, профессор,
министр образования и науки Республики Дагестан

Багирова Ильгама Азиз кызы

кандидат биологических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет.

Проблемы мультикультурализма и современное поликультурное образование

Аннотация: в статье рассматривается проблема влияния мультикультурализма на современную систему образования в условиях нарастающей глобализации мира. Раскрываются цели, сущность и условия стоящие перед отечественным поликультурным образованием.

Ключевые слова: мультикультуризм, этнос, нация, образование, поликультурное образование, поликультурная компетенция, воспитание поликультурной личности.

В XXI веке мультикультурализм и формирование глобального гражданского общества являются наиболее возможными способами преодоления острого противоречия между универсальностью мирового развития и спецификой, присущей развитию отдельных культур и цивилизаций.

Интерес к проблеме мультикультурализма связан с тем, что культурные различия в современном обществе, не только не исчезают или сглаживаются, а наоборот, проявляют тенденции к обострению [2].

Современное мультикультурное общество представляет собой конгломерат различных групп, вынужденных существовать совместно. Проблема многосоставности и разнообразия связана с динамикой культурных процессов в мировом масштабе, децентрацией и попыткой создания многополярной модели мира, размыванием границ между различными национальными традициями и переосмыслением понятий «мультикультурализм» и «мультикультурное общество».

Необходимо отметить отсутствие однозначных определений понятий, составляющих сущность мультикультурализма и связанных с ними понятий, так как каждая дефиниция отражает отдельный аспект данной области. «Мультикультурализм» рассматривается как проявления «культурного плюрализма» и «культурных различий». Термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-е годы в ходе поисков путей разрешения ситуации и управления бикультурной страной. Считается, что «мультикультурализм есть не что иное, как программа, основанная на моральных нормах политической философии и направленная на решение проблемы справедливости и урегулирование конфликтов, программа, возникшая из реакции на кризис национального государства в конце XX века» (Радтке Ф.О.).

Дмитриев Г.Д. называет это явление *многокультурным образованием*, которое представляет «способ противостоять расизму, предубеждениям, ксенофобии, предвзятости, этноцентризму, ненависти, основанной на культурных различиях» [3].

Среди множества подходов к понятию «мультикультурализм», нам наиболее ближе определение Кирабаева Н.С., который характеризует *мультикультурализм* как «теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности» [4]. В исследованиях отечественных ученых – ему соответствует термин «поликультурное общество».

Современное общество оказалось не в состоянии справиться с многообразием культур, включить их носителей в общественный договор. Политика мультикультурализма, выдвигающая на приоритетное место не единство, а различия, на деле означает признание (достоинства, «особости») тех слоев, которые не включены в общественный договор, и при этом неспособности решения их социальных проблем, т.е. достоинства признаются, но проблемы не решаются.

Сегодня в результате массовой иммиграции, в России формируются полиэтнические и мультикультурные (т.е. поликультурные) общества. В результате, под влиянием иммиграции сформировались инокультурные сообщества, имеющие отличную от общепринятой в том или ином регионе РФ, систему ценностей и идентичность.

Это ставит на повестку дня проблему преодоления кризиса путем нахождения эффективных механизмов интеграции иммигрантов в принимающие общества, т.е. формирования и развития поликультурного общества. Главным для мультикультурализма является вопрос [1]: как обеспечить нормальное функционирование демократического общества, становящегося гетерогенным в расовом, этническом, культурном и религиозном отношении?

Существует обширная литература, посвященная проблемам мультикультурализма (Бенхаbib С., Дмитриев Г.Д., Куропятник А.И., Малахов В.С., Малькова З.А., Палаткина Г.В., Супрунова Л.А., Ч.Тейлор, Дж.Тилли, Тишков В.А., М.Уолцер, С.Хантингтон и др.), однако проблема все еще не решена [1-2; 5-7].

Можно отметить *противоречие* между потребностью российского общества в эффективной подготовке граждан к жизнедеятельности в мультикультурном (полиэтническом и поликультурном) обществе и недостаточной разработанностью условий их интеграции в поликультурное российское общество.

Государственные органы РФ, в многочисленных документах (например, в программе: «Образование как фактор обеспечения стабильности общества путем воспитания детей в духе ненасилия, согласия и мира») рассматривают воспитание молодежи в духе толерантности, ненасилия, мира и уважения к другим народам как ведущую задачу современного образования.

Эту задачу выполняет *поликультурное образование*, которое оформилось в отдельную область педагогической теории и практики. Причиной его становления является развитие интеграционных процессов как составляющей развития современного мира, а также стремление России интегрироваться в мировое социально-культурное и образовательное пространство, сохранив при этом собственное национальное своеобразие.

Поликультурное образование делает акцент на взаимосвязи культур, одна из которых доминирует. Оно предусматривает освоение культурно-образовательных ценностей, взаимодействие различных культур в плюралистической культурной среде, адаптацию к иным культурным ценностям. В поликультурном образовании учет этнических и национальных особенностей является более важным. Этнически ориентированная личность нацелена на восприятие достижений разной культуры, их сохранение, воспроизводство и передачу последующим поколениям. Поликультурное образование призвано поддерживать многообразие больших и малых этносов в условиях интеграции.

Поликультурное образование предназначено для того, чтобы устранять противоречие между системами и нормами воспитания доминирующих этносов, с одной стороны, и этнических меньшинств, с другой. Оно предполагает адаптацию этнических групп друг к другу, отказ этнического большинства от культурной моногамии.

В отечественном поликультурном обществе образование строится с учетом особенностей поликультурной среды. Многообразие национальных и этнических культур России создало предпосылки для поликультурного образования, которое является единственно возможным способом создания в учебных заведениях благоприятной среды, в которой учащийся, независимо от идентичности, имеет равные возможности для реализации своих потенциальных способностей в процессе обучения.

Перед системой образования РФ ставятся задачи возрождения культурного потенциала каждого этноса и сохранения его посредством системы образования, ориентации содержания образования на сохранение и развитие этнических традиций в процессе учебно-воспитательной деятельности учреждений образования.

В Федеральных государственных стандартах образования основного общего образования второго поколения особое внимание уделяется формированию российской идентичности. На образовательные учреждения возлагается огромная ответственность – воспитание этнически идентичной и поликультурной личности. Нарушения этнической идентичности могут обуславливать появление напряженности между этническими группами.

В полиэтническом государстве, каким является Российская Федерация, поликультуризм представляет собой социальную необходимость – фактически это одно из главных условий совместного проживания и сотрудничества разноязычных народов. Поликультуризм в образовании – это культурный плюрализм, признание равноценности и равноправия всех этнических и социальных групп, составляющих данное общество, недопустимость дискриминации людей по национальной или религиозной принадлежности, полу или возрасту.

Поликультурность в образовании призвана создать условия для введения учащихся в этническую, российскую и мировую культуру. Это позволит им осознать свою уникальность, выработать представление об общих нравственно-этических нормах, особенностях мировоззрения, верований, а также наиболее полно раскрыть свои задатки и дарования как необходимые предпосылки для процесса воспроизводства и обогащения национальной культуры в контексте мирового культурного развития. Определение своеобразия, роли и места родной культуры в общецивилизационном процессе призвано способствовать расширению социальной мобильности личности, обеспечению единого культурного и образовательного пространства.

Современное российское образование, с одной стороны, должно способствовать осознанию личностью своих корней, этнокультурных традиций своего народа, а с другой стороны, должно обеспечивать возрождение, сохранение и развитие родного языка и прививать уважение к другим культурам, превращать общечеловеческие ценности в конкретные, узнаваемые в этнокультурном плане.

Изучение культуры сопредельных народов должно способствовать формированию чувств равенства, достоинства, культуры межэтнических отношений, обеспечивать культурный диалог представителей различных этносов. Возрождение, сохранение этнической культуры и развития поликультуризма в современных условиях становится возможным только в случае определения, сохранения и развития центральной темы культуры этноса, через ее использование в повседневной педагогической практике, посредством системы образования. Малькова З.А. считает, что глобализация выдвигает перед современным образованием сложную задачу подготовки молодежи к жизни в условиях мультиэтнической и поликультурной среды, формирования умений общаться и сотрудничать с людьми разных этносов, рас, вероисповеданий. При этом очень важно научить учащихся понимать и ценить своеобразие различных культур, воспитывать ее в духе миролюбия и уважения других этносов.

Поликультурное образование – важная часть современного образования. Базовыми принципами поликультурного образования учащихся являются: принцип диалога и взаимодействия культур; принцип овладения содержанием поликультурного образования; и принцип сохранения и создания новых культурных ценностей.

Поликультурное образование представляет собой целенаправленный педагогический процесс приобщения личности к культурному наследию и современным достижениям культуры разных народов. Такой навык, как межкультурная осведомленность, развитый в процессе поликультурного обучения, увеличивает компетентность личности, делает ее конкурентоспособной на современном рынке труда.

Поликультурное обучение в образовательном учреждении – это обучение, которое дает учащимся необходимую информацию, навыки и отношения, позволяющие приспособиваться и продуктивно функционировать в будущем (после окончания учебы) не только в своей стране, но и за границей, обеспечивает эффективное межкультурное взаимодействие, уменьшая непонимание и несоответствующее поведение.

Исследователи выделяют два подхода в поликультурном образовании – дидактический и экспериментальный, первый из которых направлен на поглощение фактов, а второй сосредотачивается на действии и опыте. Дидактический подход включает в себя лекции, консультации, дискуссии и предоставление информации; а практический подход предполагает следующие методы: метод культурных ассимиляторов (короткие социологические исследования проблемных ситуаций), метод культурных контрастов, основанный на сравнении поведения между представителями двух культур, метод самооценки, который поощряет участников признавать свои собственные культурные ценности и противопоставлять их с ценностями других культур, метод моделирования, диалоговые упражнения, ролевые игры, учебные семинары, объединяющие членов контрастных культур, производственные практики.

Поликультурное образование стало способствовать этнической идентификации и формированию национального самосознания граждан, а также – формированию у них умений и навыков межэтнического общения; осуществлять их социализацию и социокультурную адаптацию к условиям жизни в поликультурном и полиэтническом современном обществе.

При определении цели поликультурного образования отечественные ученые едины во мнении, что оно призвано отвечать потребностям всех членов поликультурного общества независимо от их этнической, культурной, социальной и религиозной принадлежности.

Поликультурное (или этнокультурное) образование направлено на развитие таких качеств, как толерантность, интерес к культурам других народов. Оно способно активизировать творческий потенциал личности, создать педагогические условия для участия граждан в различных формах деятельности по изучению, сохранению и развитию традиций различных этнических культур.

Образовательный процесс в учебных заведениях должен способствовать вхождению учащегося в социум не просто его составной частью, а целостной личностью со своим прошлым, настоящим и будущим. В рамках образовательного процесса необходимо готовить учащихся к интеграции в поликультурное общество на основе уважения других культур, языков и религий, что невозможно вне реализации культурологической подготовки школьников.

При разработке содержания поликультурного образования, необходимо учитывать следующие подходы:

- *культурологический* подход (понимается как создание условий для общего развития учащихся, формирования их культуры на основе усвоения культур народов РФ);

- *интегративный* подход (содержание образования должно обеспечить целостность восприятия окружающего мира, взаимозависимость развития культур различных народов);

- *дифференцированный* подход (содержание образования должно быть направлено на развитие способностей обучающихся);

- *гуманитарный* подход (усиление роли дисциплин гуманитарного и художественно-эстетического цикла).

В процессе интеграции учащихся в мультикультурное общество через поликультурное образование, у них формируется система знаний, складывается позитивное отношение к процессу личностной интеграции в поликультурную среду, формируются соответствующие модели поведения.

Содержание поликультурного образования основывается на общедидактической теории четырехкомпонентного состава общего образования (Краевский В.В.), поэтому можно выделить следующие части поликультурного образования:

- развитие социокультурной идентификации как условие понимания и вхождения учащегося в поликультурное общество (а также формирования поликультурных компетенций);
- овладение понятиями, определяющими разнообразие мира;
- воспитание отношения к разнообразию культур;
- формирование способностей, определяющих толерантное поведение.

В структуре содержания поликультурного образования учащихся можно выделить: материал, формирующий представление о многообразии этнических культур; систему понятий, раскрывающих – себя, как представителя этнической культуры, и интеграционные процессы в поликультурном обществе; деятельность, обеспечивающая усвоение содержания и формирующая способность к интеграции в современное поликультурное общество у учащихся; основы толерантной деятельности в поликультурном обществе.

Учебный процесс должен включать следующие *положения*:

- интеграцию содержания (умения педагогов выбирать из материала этнического характера примеры, объясняющие ключевые понятия и положения соответствующей дисциплины);
- конструирование знания (выявление влияния стереотипов на процесс усвоения знания соответствующей дисциплины, и информации этнического характера в содержание дисциплины – включение элементов культуры, знаменательных событий, разделов этнического содержания);
- подход «социальных действий» (цели и структура программы претерпевают изменения – учащиеся должны видеть события глазами представителей разных этносов, и учиться принимать социальные решения в рамках изучаемой темы);
- устранение предрассудков (использование соответствующих методов и приемов для воспитания у учащихся позитивного отношения к другим этническим и культурным обществам);
- акцентирование умения учителя использовать культурные особенности учащегося в качестве позитивного фактора;
- взаимосвязь учебных ожиданий педагога (от учеников) с успеваемостью учащихся.

Поликультурное образование в связи с реализацией в общеобразовательной школе стандартов II-го поколения направлено сегодня на формирование *поликультурных компетенций*.

В отечественной педагогической науке понятия «компетентность» и «компетенция» используются как для описания конечного результата обучения, так и для описания различных свойств личности (Зимняя И.А., Кузьмина Н.В., Маркова А.К. и др.). Поликультурные компетенции представляет собой систему, элементами которой являются: знания, умения, навыки, способности, мотивы, ценности, убеждения, опыт, культура эмоций и личностные качества индивида. Система формируемых поликультурных компетенций должна обеспечить успешное вхождение учащегося в поликультурное общество и эффективное его участие в диалоге культур различных этносов.

Поликультурное обучение не достаточно эффективно, если ограничено только пассивным изучением. В конкретной ситуации межкультурного взаимодействия, когда личность сталкивается с трудностями незнакомой окружающей среды, ему необходима активная позиция для идентификации проблемы и ее самостоятельного решения, способность быстро адаптироваться к динамичным условиям и эмоциональные средства для этого.

Сторонники активных методов обучения выделяют три основные группы методов поликультурного обучения (просвещение, ориентирование и тренинг):

- кросс-культурное *просвещение* – это приобретение знаний путем чтения книг, просмотра фильмов, изучения гуманитарных курсов, однако полученные таким путем знания не могут смягчить культурный шок и их трудно применить на практике;
- кросс-культурное *ориентирование* осуществляется с помощью культурных ассимиляторов, которые построены по принципу «рецептурных книг» (т.е. они дают готовые рецепты «делай то» и «не делай этого»). Культурные ассимиляторы состоят из описаний ситуаций, в

которых взаимодействуют представители из разных культур, каждая ситуация снабжена интерпретациями, из которых нужно выбрать наиболее правильную;

- кросс-культурный *тренинг* – метод активного развивающего обучения, в наибольшей степени соответствующий целям поликультурного образования. Он позволяет сформировать практические навыки межкультурного взаимодействия, подготовиться и преодолеть отрицательные последствия культурного шока (занятия проходят в увлекательной игровой форме, и вместе с тем они основаны на строгой научной базе).

Терпимость по отношению к различным культурным ценностям, способам мышления, а также и способность верно трактовать поведение личности из чужой культурной среды, не основываясь на стереотипах – это на сегодняшний день два наиболее важных качества, которые помогают работать и взаимодействовать в мире глобализации. Они входят в состав поликультурной компетенции, которая является важнейшим условием успешной жизнедеятельности личности в современном очень опасном обществе, поскольку отвечает за способность человека ориентироваться в различных сферах, социальной и профессиональной жизни, внутреннюю гармонию и отношения в многокультурном обществе.

Наиболее адекватными методами формирования поликультурных компетенций являются: словесные (объяснение, эвристическая беседа, дискуссия, лекция); методы работы с текстом (интерпретация, рецензирование, тезирование); практические (моделирование, проектирование, перепроектирование, упражнение, тренинг); рефлексивные методы (анализ, проблематизация, депроблематизация).

Процесс формирования поликультурных компетенций целесообразно, осуществлять в *три этапа*:

- первый этап – *мотивационный* (цель – создать положительный эмоциональный настрой на общечеловеческие ценности – терпимость, традиции разных народов, права человека и т.д.);

- второй этап – *познавательный* (цель – знакомство учащихся с общечеловеческими ценностями, усвоение возможных путей решения этнических процессов с точки зрения общечеловеческих ценностей, развитие культурных и других традиций; выработка качеств необходимых для позитивного взаимодействия с представителями других этносов, а средствами достижения является включение общечеловеческих ценностей в образовательный процесс; результат – культура отношения к разным этносам);

- третий этап – *заключительный* (цель – обобщение результатов, и их корректировка).

Таким образом, следует отметить, что поликультурное образование – это один из инструментов выхода из кризиса мультикультурного общества. Поликультурное образование является базовым и необходимым образованием для всех учащихся. Уровень поликультурной образованности учащихся определяется степенью усвоения ими содержания и объема знаний и понятий об этнических и общечеловеческих ценностях, об истории, искусстве, литературе и традициях своего народа и народов, проживающих в поликультурном обществе (учащийся должен знать основные события, национальных героев народов, представители которых учатся вместе с ним в учебном заведении).

Необходимость поликультурного образования для всех учащихся продиктована важностью отражения учебной литературой многообразия культурной, этнической, религиозной, социальной, гендерной, лингвистической палитры общества во избежание формирования неверных стереотипов о тех или иных этнических группах.

Поликультурное образование нацелено на достижение социальной справедливости, т.е. направлено на защиту и улучшение положения в обществе индивидуумов, принадлежащих к исторически угнетаемым группам, и вследствие этого не имевших доступа к социальным благам, в том числе и к образованию (женщины, пожилые граждане, люди с альтернативным физическим и умственным развитием; люди, не имеющие работы и жилья и т.д.)

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М., 2003.
2. Бессарабова И.С., Воробьев Н.Е., Бессарабова И.С. К проблеме поликультурного образования в современном обществе // *Alma mater*. – 2008. – №6. – С.38-43.
3. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. – М.: Прогресс, 1999. – 208 с.
4. Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе / Диалог цивилизаций: Восток-Запад: Культурная идентичность и глобализация. Доклады и выступления. 5-й международной философский симпозиум. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 13-21.
5. Куропятник А.И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб., 2000.
6. Палаткина Г.В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях // *Педагогика*. – 2002. – № 5. – С. 41-47.
7. Супрунова Л.Л. Поликультурное образование в современной России: поиск стратегии // *Magister*. – 2000. – № 3. – С. 77-81.

Etibar Najafov

prof., chief adviser, the Service of the State Counsellor of
Azerbaijan Republic for Multiculturalism, Interethnic and Religious affairs

Multiculturalism in Azerbaijan: history and modernity

Azerbaijan has been historically a tolerant state. It has been a multiethnic state in which rights of persons belonging to national, religious and racial minorities were respected by the state. Representatives of all minority groups have never been discriminated by the representatives of the titular nation.

In the Declaration of Independence of Azerbaijan Democratic Republic which was established on May 28, 1918 and which was the first democratic state in all Muslim world, we read: “Azerbaijan Democratic Republic guarantees the compliances of political rights of all citizens not depending on their ethnic, religious, gender identity and social positions”. As an evidence of this non-discrimination policy of Azerbaijan Democratic Republic we can note the fact that among the ministers of the government were representatives of Russian, Jewish, Armenian and other national minority groups.

However, the further development of the history prevented young democratic state to pursue its multicultural policy. On April 28, 1920 Azerbaijan Democratic Republic was occupied by the Bolshevik forces of the Soviet Russia and as a consequence of that event Azerbaijan lost its independence.

During the Soviet period Azerbaijan was forcibly subjected to the national policy of the Soviet Union and therefore was unable to conduct an independent national policy which historically was based on multiculturalism. However, the Azerbaijani people preserved and developed their historical traditions of tolerance and non-discrimination attitude toward national, religious and racial minorities living in the country.

The restoration of the political independence of Azerbaijan on October 18, 1991 created favorable conditions for conducting independent national policy based on development of historical traditions of tolerance and non-discrimination. These conditions were successfully realized by national leader of the Azerbaijani people Heydar Aliyev. Heydar Aliyev did very much for the development of historical tradition of tolerance of the Azerbaijani people. He paid special attention to the preservation of ethnic, religious, and cultural values of all citizens of Azerbaijan. Ideas and activity of Heydar Aliyev in the field of defense and promotion of multiculturalism have been followed by President Ilham Aliyev, who openly declared multiculturalism as a state policy of Azerbaijan Republic. He did it in the situation when some Western European states officially refused from multiculturalism.

Indeed Azerbaijan is well known for its multiculturalism policy in the contemporary world. This policy has some specific features which allow us to talk about the Azerbaijani model of multiculturalism. One of the most important features of the Azerbaijani model of multiculturalism is that the state has been actively involved into conducting this policy. The establishment of the Service of the State Counsellor of Azerbaijan Republic for Multiculturalism, Interethnic and Religious affairs as well as the establishment of Baku International Multiculturalism Center by the Decrees of the President from February 28, 2014, and from May 15, 2014 respectively are clear evidences of the state involvement into conducting this policy. To the number of these evidences we may include also this Baku Humanitarian Forum which has been held each year since 2011. The state support of multiculturalism prevents possible disintegration processes which may lead to different kinds of separatism, conflicts, and wars. However, the state’s involvement into conducting multiculturalism policy is being done within the frameworks of the norms of democratic society.

Referring to my abovementioned idea that Azerbaijan has been historically a tolerant and multiethnic state I’d like to underline that the existing diversity of ethnic- cultural values of Azerbaijan is one of the most important prerequisites for its democratic development. Unlike some of repressive

varieties of reactions toward cultural diversity existing in a society such as assimilation and isolation multiculturalism has been always supported by national, religious and racial minorities as well as by newly arrived people (migrants).

Dear friends, in the end of my speech I'd like to attract your attention to idea Mr.Kamal Abdul-layev noted in his talk- the idea on *multicultural security* as an element, integral part of national security along with economic, energy, information, ecological and other types of securities. Our multicultural security strengthens our national security, makes it invulnerable towards various internal and foreign dangers. Therefore, we should care of our multicultural security.

UNESCO's Mission in a Multicultural World: The Prominence of Intercultural Education

In a world experiencing fast transformation, where cultural, political, economic and social turmoil defies traditional ways of life, education has a major role to play in endorsing social cohesion and peaceful coexistence.

The main challenge, when discussing the subject of education and multiculturalism, is dealing with some of the inherent tensions that arise in bringing together competing world views. Such disputes reflect the diversity of values which co-exist in a multicultural world¹.

One significant tension arises from the nature of intercultural education itself, which houses both *universalism* and *cultural pluralism*. This is mainly understandable in the effort to underline the universality of human rights, while maintaining cultural difference which may defy aspects of these rights. Notions of *difference* and *diversity* can also present strains between the general principle of equity and the tendency of any educational system to be culturally specific².

In order to reinforce democracy, education systems need to take into account the multicultural character of society and aspire at backing to peaceful coexistence and positive interaction between different cultural groups. Usually, there have been two approaches: multicultural education and intercultural education. Multicultural education implies learning about other cultures in order to produce endorsement, or at least *tolerance*, of these cultures. Intercultural education aims at going beyond passive coexistence, achieving the dynamic approach of living together in multicultural societies through the creation of *understanding of*, *respect for* and *dialogue* between the different cultural groups³.

In particular, intercultural education is an answer to the challenge to provide quality education for all. Intercultural education involves the learning setting as a whole, besides other dimensions of educational procedures, such as school life and decision making, teacher education and training, curricula, languages of instruction, teaching methods and student interactions, learning materials. This can be done through the existence of several views and opinions. The improvement of comprehensive curricula that enclose learning about the languages, histories and cultures of non-dominant groups in society is one significant example. The subject of language(s) of instruction and language(s) teaching is another significant factor in effective intercultural education and has been described in the UNESCO Education Position Paper: *Education in a Multilingual World*⁴.

Actually, UNESCO retains a prominent role as international standard setter and promoter of varied cultural and theoretical perspectives to “strengthen initiatives in the development of materials for education and intercultural and interfaith understanding”⁵.

---

¹ UNESCO, *UNESCO Guidelines in Intercultural Education*, UNESCO, Paris, 2006, p. 11.

² Ibidem. Cfr. G. Sartori, *Pluralismo, multiculturalismo e estranei. Saggio sulla società multi-etnica*, Milano, Rizzoli, 2000; R. Niezen, *A World Beyond Difference: Cultural Identity in the Age of Globalization*, Malden MA, Wiley-Blackwell., 2005.

³ Ibidem, p. 18. Cfr. J.A. Banks, *An Introduction to Multicultural Education*, Boston: Pearson, Allyn & Bacon, 1994; 5th edition, 2014; Id., *Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching*, Boston: Pearson, Allyn & Bacon, 2001; 6th edition, 2015.

⁴ UNESCO, *Education in a Multilingual World*, UNESCO Education Position Paper, Paris, UNESCO, 2003. Cfr. UNESCO, *UNESCO Guidelines in Intercultural Education*, cit., p. 19. See also: N. Dutcher (in collaboration with G.R. Tucker), *The Use of First and Second Languages in Education: A Review of Educational Experience*, Washington D.C., World Bank, Country Department III, 1997; Id., *Expanding Educational Opportunity in Linguistically Diverse Societies*, Washington D.C., Center for Applied Linguistics, 2001.

⁵ Document 33C/5, Draft Report of the Commission II, item 3.1.

UNESCO's role is founded on an articulate legal framework which designs the role of education in improving cultural diversity.

The Universal Declaration of Human Rights (1948) is one of the key international standard-setting instruments for managing relationships between people in societies. It gives two elementary functions to education that also are essential to the concept of intercultural education: it demands that education "shall be directed to the full development of the human personality and to the strengthening of respect for human rights and fundamental freedoms", and that education "shall promote understanding, tolerance and friendship among all nations, racial or religious groups, and shall further the activities of the United Nations for the maintenance of peace"¹.

This second principle concurs with the UNESCO's Constitution when it stipulates that the member states "[should] develop and [...] increase the means of communication between their peoples and to employ these means for the purposes of mutual understanding"².

The wording of the original clauses is replicated in the UNESCO Convention against Discrimination in Education (1960)³ and the UNESCO Recommendation concerning Education for International Understanding, Cooperation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms (1974)⁴.

These principles are expounded in many other standard-setting instruments: the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965)⁵, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966)⁶, the Convention on the Rights of the Child (1989)⁷ and the Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief (1981)⁸.

Treaties, conventions and covenants are necessary components of the international legal frame as they are binding for the signing parties and generate legal obligations.

Many of them are inspired by the two fundamental principles of the Universal Declaration of Human Rights which affirms that education should be directed to the full development of the individual and to the endorsement of inclusion and peace. Some of them also establish corresponding concepts that are pertinent to intercultural education.

The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966) enhances a fundamental provision concerning the social empowerment of the individual through education. It states that "education shall enable all persons to participate effectively in a free society"⁹.

The Convention on Technical and Vocational Education (1989) encompasses the idea that educational platforms need to be adjusted to the features of the receiving population parties: "The Contracting States agree to provide and develop technical and vocational education programmes that take account of [...] the educational, cultural and social background of the population concerned and its vocational aspirations". It also outlines the notion that education programmes shall be focused to the "protection of the [...] common heritage of mankind"¹⁰.

The composite cultural duties of education are addressed in the Convention on the Rights of the Child (1989), which sets forth that: "Education of the child shall be directed to [...] the development of respect for the child's parents, his or her own cultural identity, language and values, for the national

---

¹ *Universal Declaration of Human Rights* (1948), art. 26, §2.

² *Constitution of UNESCO* (1945), Preamble.

³ *UNESCO Convention against Discrimination in Education* (1960), art. 5, §1(a).

⁴ *UNESCO Recommendation concerning Education for International Understanding, Cooperation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms* (1974), art. 3.

⁵ *International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination* (1965), art. 7.

⁶ *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* (1966), art. 13, §1.

⁷ *Convention on the Rights of the Child* (1989), art. 29, §1(a) and §1(d).

⁸ *Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief* (1981), art. 5, §3.

⁹ *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* (1966), art. 13.

¹⁰ *Convention on Technical and Vocational Education* (1989), art. 3(a and d).

values of the country in which the child is living, the country from which he or she may originate, and for civilizations different from his or her own”¹.

The situation of the children of migrant workers is considered in the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990) which demands that “the teaching of their mother tongue and culture” should be facilitated, as well as their “integration [...] in the local school system, particularly in respect of teaching them the local language”².

Other international standard-setting instruments set up the international legal structure.

The ILO Convention No. 169 concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries (1991) improves several provisions that are applicable to intercultural education³.

The UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005) supports the indication already included in the UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity (2001), that cultural diversity must be taken into account as a “common heritage of humanity”, and its “defense as an ethical imperative, inseparable from respect for human dignity”. It also establishes that “cultural diversity can be protected and promoted only if human rights and fundamental freedoms [...] are guaranteed”, which is to be accomplished through the backing and the endorsing of “understanding of the importance of the protection and promotion of the diversity of cultural expressions [...] through educational [...] programmes”⁴.

Declarations and recommendations have a non-compulsory character but as they symbolize a common international consent, they call on the member states to take action.

The UN Declaration on the Promotion among Youth of the Ideals of Peace, Mutual Respect and Understanding between Peoples (1965) emphasizes the utility of education in order to promote peace, solidarity, understanding and cooperation on the international stage⁵.

Founded on the belief that “each culture has a dignity and value” and that “all cultures form part of the common heritage belonging to all mankind”⁶, the UNESCO Declaration of the Principles of International Cultural Cooperation (1966) furthers the aims of international cultural co-operation, for example through educational activities. Though respecting “the distinctive character of each”, such co-operation should “enrich cultures [,] develop peaceful relations and friendship among the peoples [,] bring about a better understanding of each other’s way of life [,] enable everyone to have access to knowledge [and] contribute to the enrichment of cultural life”⁷.

The UNESCO Recommendation concerning Education for International Understanding, Co-operation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms (1974) underlines the importance of the “study of different cultures” and “the teaching of foreign languages” for international understanding and peace, and develops a set of educational aims⁸.

The UNESCO Declaration on Race and Racial Prejudice (1978) discusses racial discrimination and proclaims that: “States [...] as well as all other competent authorities and the entire teaching

¹ *Convention on the Rights of the Child* (1989), art. 29, §1(c).

² *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families* (1990), art. 45, §4 and §2; see also: *The Delhi Declaration*, adopted by the Education for All Summit (1993), §2.2; *The Dakar Framework for Action: Education for All: Meeting our Collective Commitments*, adopted by the World Education Forum (2000), Expanded Commentary, §14 and §44. Cfr. *Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States*, “International Journal on Multicultural Societies (IJMS)”, V, 2003, 1.

³ *ILO Convention No. 169 concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries* (1991), art. 27, art. 29 and art. 31.

⁴ *UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions* (2005), Preamble, art. 2, §1 and art. 10(a).

⁵ *UN Declaration on the Promotion among Youth of the Ideals of Peace, Mutual Respect and Understanding between Peoples* (1965), Principle II.

⁶ *UNESCO Declaration of the Principles of International Cultural Co-operation* (1966), art. 1, §1 and art. 1, §3.

⁷ *Ibidem*, art. 4, § 1, §2 and §4; art. 6.

⁸ *UNESCO Recommendation concerning Education for International Understanding, Co-operation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms* (1974), art. 17.

profession, have a responsibility to see that the educational resources [...] are used to combat racism”¹.

The UNESCO Recommendation on the Development of Adult Education (1976) encompasses many elements that are pertinent to the notion of intercultural education².

The UN Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities (1992) also emphasizes the demand for educational content which admits minorities, stating that: “States should, where appropriate, take measures in the field of education, in order to encourage knowledge of the history, traditions, language and culture of the minorities existing within their territory. Persons belonging to minorities should have adequate opportunities to gain knowledge of the society as a whole”³.

The UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity (2001) addresses the question of cultural rights and stresses the function of education in that “all persons are entitled to quality education and training that fully respects their cultural identity”⁴.

In addition, international conferences on education set forth important conditions on intercultural education. For example, the Declaration of the 44th session of the International Conference on Education (1994) improves the role of intercultural education with regard to education for peace, human rights and democracy. It states that an education for international understanding is based on “learning about the diversity and wealth of cultural identities”, acceptance of other cultures and respect for human differences⁵.

The World Declaration on Higher Education for the Twenty-first Century (1998) affirms that one of the essential missions of higher education is to “help understand, interpret, preserve, enhance, promote and disseminate national and regional, international and historic cultures, in a context of cultural pluralism and diversity”. Innovative educational methods should therefore promote: 1. “team work in multicultural contexts, where creativity also involves combining traditional and local knowledge and know-how with advanced science and technology”; 2. curricula that take into account “the specific cultural [...] context”; 3. “practice of multilingualism, faculty and student exchange programmes and institutional linkage” to encourage the need for living together with different cultures and values⁶.

The Hamburg Declaration on Adult Learning (1997) supports: 1. educational methods to adult learning that are founded on people’s heritage, culture and values, and that consider cultural diversity; 2. the right to learn in one’s own mother language; 3. intercultural education that emboldens learning between and about different cultures in support of a culture of peace⁷.

The Beijing Declaration and Platform for Action (1995) advocates: 1. culturally and linguistically suitable approaches to education for native women and migrant women and girls, for example by way of the use of culturally proper forms of traditional media in education, such as story-telling, drama, poems and song; 2. educational programmes aiming at cross-cultural harmony and a culture of peace, with elements of conflict resolution, mediation, reduction of prejudice and respect for diversity⁸.

Moreover, the Rabat Commitment (2005), which was the result of the Conference on Dialogue among Cultures and Civilizations through Concrete and Sustained Initiatives, organized in the framework of the UNESCO’s project on the “Dialogue among Civilizations”, contains seven recommendations and twenty-one “specific proposals” on the integration of the values of intercultural dialogue

---

¹ UNESCO Declaration on Race and Racial Prejudice (1978), art. 5, §2.

² UNESCO Recommendation on the Development of Adult Education (1976), §II.2(d), §II.3(g), §II.3(j) and §III.20.

³ UN Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities (1992), art. 4, §4.

⁴ UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity (2001), art. 5.

⁵ Declaration of the 44th Session of the International Conference on Education (1994), §2.2 and §2.4.

⁶ World Declaration on Higher Education for the Twenty-first Century (1998), art. 1(d), art. 9(c) and art. 15(a).

⁷ Hamburg Declaration on Adult Learning, adopted by the Fifth International Conference on Adult Education (1997), §5 and §15.

⁸ Beijing Declaration and Platform for Action, adopted by the Fourth World Conference on Women (1995), §83(n), §125(b), §140 and §242(d).

through intercultural education into educational settings. These recommendations and proposals go from primary to post-secondary education, and include formal as well as non-formal education. They also deal with various elements of education, such as: 1. curriculum development and the improvement of teaching materials (with a special focus on textbooks as well as the use of information and communication technologies); 2. language training, life talents and competencies. Along with, on a more policy oriented level, the creation of university chairs in intercultural dialogue, and the production of guidelines on intercultural education¹.

The reading of international standard-setting instruments and other documents resulting from international conferences underlines the international community's view on education relating to intercultural matters. A certain number of persistent principles can be identified that may guide international action in the sphere of intercultural education²:

- Intercultural education recognizes the cultural identity of the student through the provision of culturally proper and interacting quality education for all.
- Intercultural education offers every learner with the cultural knowledge, dispositions and abilities necessary to achieve active and full participation in society.
- Intercultural education provides all students with cultural knowledge, dispositions and abilities that enable them to support to respect, understanding and solidarity among individuals, ethnic, social, cultural and religious groups and nations.

In addition, the international standard-setting instruments helped the Expert Meeting organized at UNESCO Headquarters in March 2006, to draw UNESCO guidelines on intercultural education³.

The guidelines are summed up in three basic principles:

- UNESCO supports mother tongue instruction as a means of improving education quality by building upon the knowledge and experience of the learners and teachers.
- UNESCO supports bilingual and/or multilingual education at all levels of education as a mean of promoting both social and gender equality and as a key element of linguistically diverse societies.
- UNESCO supports language as an essential component of inter-cultural education in order to encourage understanding between different population groups and ensure respect for fundamental rights⁴.

UNESCO's mission in the arena of education is to urge educational policy worldwide, with the aim of ensuing universal primary education for all by the year 2015. However, the idea of universality is erratic and multifaceted. The effective administration of diverse, democratic societies increasingly depends on the ability of governments to extend equity in public and social life, and to educate citizens who are open to intercultural dialogue and tolerant of different ways of being and thinking⁵.

---

¹ *Rabat Commitment, Conclusions and Recommendations of the Rabat Conference on Dialogue among Cultures and Civilizations through Concrete and Sustained Initiatives* (2005), §12 and §13.

² UNESCO, *UNESCO Guidelines in Intercultural Education*, cit.

³ UNESCO, *Report: Expert Meeting on Intercultural Education*, UNESCO HQ, Paris, 20-22 March 2006, Section of Education for Peace and Human Rights, Paris, UNESCO, 2006.

⁴ UNESCO, *UNESCO Guidelines in Intercultural Education*, cit., pp. 31-38.

⁵ *Ibidem*, p. 8.

Нурлан Муминов

Студент-докторант Международных отношений,
Стамбульский Университет

Жасулан Орынбаев

Магистр Международных отношений,
Эксперт по Протоколу, Тюркская Академия

Переосмысление постсоветское общество: мультикультурализм в странах Центральной Азии

Введение

На сегодняшний день в эпоху глобализации государств, мультикультурализм является одной из самых актуальных концепций в мировой политике. Под влиянием глобализации ослабились такие понятия, как государство, нация государственные границы стали более гибкими, между государствами усилились миграционные процессы, и осложнилась экономическая взаимозависимость, началось возрождение религий и культур малых народов, которые в свою очередь полностью изменили понятия однородного гражданства. М.Хардт и А.Негри в своей книге «Империя» отмечают, что в результате ослабления суверенитета национальных государств и становления суверенитета незамеченным, привело к отделению однородных идентификаций и к приходу вместо них множественных идентификаций.¹

Все процессы, озвученные ранее не определяют, что политика мультикультурализма не является новой в системе международных отношений. Признаки политики мультикультурализма были известны еще ранее в городах-государствах древней Греции. Например, в империю Македонского входили племена разных культур, которые продолжали сохранять свою самобытность. Судьба Империи в первую очередь зависела от сохранения культур малых народов. Это проблема коснулась и Римскую Империю, которая была наследницей греческой цивилизации. Основная причина падения этих двух империй заключалась в том, что они хотели создать единую культуру для всех народов, населявших империю, то есть, исключить или же ограничить разнообразие культур.²

США, которые взяли на себя роль инспектора (жандарма) мирового порядка XXI века, отталкивают от общества/мирового общества все другие культуры и этнические группы, кроме западных культур, как внутри страны, так и за ее пределами. После распада СССР американский философ Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Конец истории» всячески восхваляет западные либерально-демократические ценности, и несмотря на некоторые недостатки возводит его до идеального режима государства³. Но Фукуяма не учел проблему мультикультурных обществ, которые с каждым днем растут в либерально-демократических обществах Запада.

В то время, когда Фукуяма, не учитывая нерешенные проблемы онтологической безопасности человечества, утверждал, о завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии, как об окончательной форме правления. В начале 90-х американский ученый С. Хантингтон выдвинул тезис, который противоречит тезису Фукуямы, «Столкновение цивилизаций». Хантингтон, в отличие от Фукуямы, не упоминает универсальную систему ценностей и международный порядок, указывающий конец истории. Напротив, Хантингтон пытался анализировать конфликты, которые привели к нестабильности и беспорядку в мире⁴. Основываясь на теории цивилизации Арнольда Д. Тойнби, Хантингтон выдвинул спорный тезис о том, что Западная цивилизация будет расцветать,

¹ Michael Hardt and Antonio Negri, **Empire**, Cambridge and London: Harvard University Press, 2000, с. 93-114

² Ahmet Davutoğlu, **Küresel Bunalım**, İstanbul: Küre Yayınları, 2012, с. 49-56

³ Francis Fukuyama, «The End of History?», **The National Interest**, Summer 1989, с. 3-18.

⁴ Ahmet Davutoğlu, **Küresel Bunalım**, с. 46

при этом другие цивилизации постепенно будут слабеть и в конечном итоге останутся за бортом истории¹. Исключающие идеи, выдвинутые Хантингтоном, не только огородили Западные ценности от других цивилизаций, но и привели к ослаблению универсальных ценностей Запада. Со временем стало ясно, что идеи обеих были ошибочными. Потому что либерально-демократическая идея, которую до сегодняшних пор защищает Ф. Фукуяма², не конец философской мысли, и сейчас невозможно найти западное национальное государство с «однородным культурным гражданством» о котором писал Хантингтон.

Появление национальных государств в 17 веке в Европе и, несмотря на победу понятия «однородное культурное гражданство», которое появилось, благодаря распространению национализма после походов Наполеона, привело перерассмотрению понятия «однородное культурное гражданство» из-за потока мигрантов с колониальных территорий Европейских государств в 60-70 годах XX вв. Общество однородной культуры Европы трансформировалось. Эти изменения подтолкнули заново переосмыслить Европейское общество и возобновили дебаты вокруг общественных проблем, которые продолжаются и по сей день.³

Эта проблема, стоящая перед развитыми демократическими обществами является актуальной и для недавно получивших независимость стран Центральной Азии в постсоветском пространстве. СССР, построенный, как наследник Российской империи, в целях сделать единым народным многонациональную и многокультурную общественную структуру и создать «советского человека» или по-другому *homo sovieticus* использовал ассимиляционный метод.⁴ С другой стороны, время от времени поддерживались националистические настроения среди народов, созданные искусственным путем во времена становление коммунистической власти.⁵ Эта политика двойных стандартов внесла свою лепту в развал СССР. Также это послужило причиной роста националистических настроений в многокультурном обществе СССР. Учитывая все вышеизложенное мы будем анализировать постсоветское общество Центральной Азии на примере Казахстана и Узбекистана. Кроме того, в статье мы постараемся найти ответы на основные вопросы: какими общественными проблемами сталкиваются многонациональные и мультикультурные постсоветские общества; и как решаются межэтнические и межкультурные проблемы обществ постсоветских стран в процессе создания каждым из них собственного унитарного национального государства.

Теория мультикультурализма

Теория мультикультурализма имеет своих сторонников, и в то же время имеет противников. Так как основной нашей задачей является не обсуждение сторонников и противников мультикультурализма, мы остановимся на самой теории мультикультурализма.

Известный теоретик Ч. Тейлор, основываясь на классическом понятии Гегеля «познание», определил мультикультурализм, как признание разных культур в обществе на политическом уровне на принципах равноправия, которые сформировались в результате приобретенного жизненного опыта в мультикультурном обществе. Ч. Тейлор считает, что культурные идентификации должны оцениваться на принципах равноправия и плюрализма, которые являются признаниями культурных идентификаций. Он придает особое значение понятиям «познание» и «быть опознанным». По его мнению, если одна культура не была опознана или же не принята

¹ Samuel P. Huntington, «Clash of Civilizations?», **Foreign Affairs**, 72:3, Summer 1993, c. 22-49

² Francis Fukuyama, «At the 'End of History' Still Stands Democracy», **The Wall Street Journal**, June 6, 2014, <http://online.wsj.com/articles/at-the-end-of-history-still-stands-democracy-1402080661>

³ Irene Bloemraad, «The Debate Over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy», **Global Research**, September 27, 2011, <http://www.globalresearch.ca/the-debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy/26813>

⁴ Olivier Roy, **Yeni Orta Asya ya da Ulusların İmal Edilişi**, İstanbul: Metis Yayınları, 2009, c. 8-11

⁵ Berg G. Fragner, «Sovyet Milliyetçiliği: Orta Asya'nın Bağımsız Cumhuriyetlerine Kalan İdeolojik Miras», William van Schendel, Erik J. Zürcher (Ed.), **Orta Asya ve İslam Dünyasında Kimlik Politikaları**, İstanbul, İletişim Yayınları, 2010, c. 26

обществом и людьми, то в этом случае эта культура отторгается обществом и становится своего рода изгоем, что несет за собой вред обществу.¹ Поэтому, мультикультурализм создает атмосферу диалога между разными этническими и культурными группами.²

Другой теоретик мультикультурализма известный культуролог Бхикху Парех определил мультикультурализм как единый механизм жизненного опыта в формировании личной и коллективной жизни группы людей для познания себя и мира.³ По его мнению, мультикультурное общество состоит из двух и более культур. Разнообразие культур в обществе можно рассматривать под двумя углами. Первое – это когда общество определяет разнообразие культур, как самооценку себя и приветливо относится к разнообразию культур и культурным требованиям этнических меньшинств. В этом случае общество можно назвать мультикультурным. Второе – общество является монокультурным, где доминирующая культура общества пытается ассимилировать или «плавить в котле» все другие этнические и культурные меньшинства.⁴

Известный философ, представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас считал, что в многокультурном обществе не должно быть притесненных и изолированных от внешнего мира этнических меньшинств. По его мнению, мультикультурное общество, это политическая структура, которая должна строиться на равноправии граждан, что позволила бы жить и расти своим детям в культурных ценностях своего народа, при этом не подвергаясь дискриминациям. Хабермас считает, что жизнеспособность культур напрямую зависит от коммуникаций между культурами, чем от их изолированности. Размышляя о коммуникациях культур в обществе, Хабермас отмечает, что в современном мультикультурном обществе объединяющую функцию должна выполнять коммуникация.⁵

У всех сторонников теорий мультикультурализма разные взгляды, но в их идеях можно найти и общие черты. Идеи Тейлора, Пареха и Хабермаса сходятся вокруг либерально-демократических ценностях. Их идеи в основном направлены на проблемы обществ западных стран, несмотря на это эти проблемы сегодня актуальны и в постсоветском пространстве.

Мультикультурализм в постсоветском Казахстане

Мультикультурализм, впервые был опробован в 70-х годах в Канаде и Австралии. Эти страны внедрили принципы мультикультурализма в государственную политику и вместо того, что ассимилировать всех в едином «плавильном котле», признали национальные особенности культур всех этнических и культурных меньшинств.⁶ Постсоветские страны Центральной Азии, а именно Казахстан, хотя не является принимающим иммигрантов (кроме этнических казахов), как выше перечисленные государства, в результате насильно введенной советской миграционной и депортационной политики в разные годы XX века, превратился в многоэтническую и многокультурную страну. После обретения независимости, Казахстан придерживается политики толерантности, главной целью которого является сохранение мира и целостности казахстанского общества. Поэтому Казахстан создал благоприятные условия для разных этнических групп проживающих в Казахстане.

Сегодня в Казахстане проживают свыше 130 этнических и культурных групп. Удельный вес коренного население – казахов составляют 60,5%, тогда как в период обретения независимости Казахстана казахи составляли лишь 39% всего населения. Удельный вес других крупных этносов Казахстана составляют: русские – 24,5%, узбеки – 2,9%, украинцы – 2,7%, уйгуры

¹ Charles Taylor, «Tanınma Politikası», Çeviren: Yurdanur Salman, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010, c.46.

² Amy Gutmann, «Giriş», Çeviren: Özcan Kabakçioğlu, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010, c. 32

³ Bhikhu Parekh, **Çokkültürlülüğü Yeniden Düşünmek Kültürel Çeşitlilik ve Siyasal Teori**, Çeviren: Bilge Tanrıseven, Ankara: Phoenix Yayınevi, 2002, c. 3

⁴ Bhikhu Parekh, **Çokkültürlülüğü Yeniden Düşünmek Kültürel Çeşitlilik ve Siyasal Teori**, c. 64

⁵ Jürgen Habermas, «Demokratik Anayasal Devlette Tanınma Politikası», Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010, c. 131

⁶ Will Kymlicka, **Çokkültürlü Yurttaşlık: Azınlık Haklarının Liberal Teorisi**, Çeviren: A. Yılmaz, İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 1998, c. 47

– 1,5%.¹ С точки зрения религиозных убеждений в казахстанском обществе живут в мире и согласии мусульмане, христиане и представители других конфессий. В период развала СССР и первые годы независимости, в странах Центральной Азии и в том числе, и в Казахстане наблюдались националистические настроения в процессе построения национального государства. Но в период построения национального государства казахстанская элита, осознавая многонациональность и культурного разнообразия общества, сдерживала обострение казахского национализма. И поэтому этнические и культурные особенности так же были учтены Конституцией Республики Казахстан 1995 года. Согласно ст.1. п.1. Конституции РК государственным языком является казахский, так же наравне используется и русский как язык межэтнического общения (ст.7. п.2.). В ст.7 п. 3 Конституции Республики Казахстан сказано, что «государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана».² Так же в ст. 19 п. 2 сказано, что «каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.»³ Государственная политика, созданная на основе Конституции, учитывая этническое и культурное строение государства, позволяет предотвратить межэтнические и межкультурные конфликты и сдерживать рост национализма и расизма в стране.

Правящая власть во главе с президентом страны Н. Назарбаевым, использует толерантную политику для предупреждения этнических и религиозных нетерпимостей и конфликтов среди народов. В соответствии с этим, в 1995 году, как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан была организована Ассамблея Народа Казахстана. Целью формирования этого органа является «обеспечение межэтнического согласия в стране». Сейчас этому органу с целью защитить интересы этнических и культурных меньшинств выделяется 9 депутатских мандатов в Парламенте РК.⁴ А также, с 2003 года каждые три года проводится «Мировой и культурный съезд религиозных лидеров».⁵ Для некоторых этнических групп открылись культурные центры и воскресные школы, обучающие на своих родных языках. И другие представители наций стали занимать места среди политических элит страны. Если в 90-ые годы по сравнению с другими этническими группами в основном русские наравне с основной нацией с казахами занимали посты в правящей элите, то с 2000-го года и другие представители этнических групп стали занимать места в руководящей элите. Осуществляющая политика правящей элиты называется «толерантность».

Казахстанский философ А. Нысанбаев выдвигает, что есть проблема пока не обретшая решение между *этнокультурной моделью*, которая поддерживает решение национальной проблемы, с помощью расположения других этнических групп вокруг с подавляющей нацией и *гражданской моделью*, поддерживающая решение национальной проблемы, с помощью формирования казахстанской нации, объединяя на равных уровнях разные этнические и культурные группы.⁶

Но как известно, Казахстан, осуществляет «толерантную политику» для формирования однородной нации, сохраняя мир и согласие среди разных этнических и культурных групп. Понятие толерантность, означающая терпимость на другие воззрения, убеждения, действия, традиции, чувства и идеи, не является равенством среди разных этнических групп и культур, а является иерархическим подходом, означающим доминирование определенной культуры или этнической группы.⁷ То есть, Казахстан в процессе формирования однородной нации полностью использует по сей день *этнокультурную модель*. А Ч. Тейлор предлагает «политику при-

¹ Население Казахстана, <http://www.stat.gov.kz/>

² Конституция Республики Казахстан, <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>

³ Там же.

⁴ Ассамблея народов Казахстана, <http://www.assembly.kz/>

⁵ Официальный Сайт Президента Республики Казахстан, http://www.akorda.kz/kz/page/sezd-religii_1342010355

⁶ Абдумалик Нысанбаев, «Мультикультурализм в постсоветском казахстане: итоги, проблемы, перспективы», *Адам әлемі*, 2 (56) 2013, с. 8-12

⁷ Levent Köker, «Charles Taylor: Kimlik/Farklılık Sorununa Sahici Demokratik Çözüm Arayışı», *Türkçe Baskıya Önsöz*, Ed: Amy Gutman, *Çokkültürcülük ve Tanıma Siyaseti*, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010, с. 12

знания» противоположную толерантности, основанную на оказании уважения на равном политическом уровне к разным этническим и культурным идентификациям. По его теории, если одна культура не была опознана или же не принята обществом и людьми, то в этом случае эта культура отторгается обществом и становится своего рода изгоем, что несет за собой вред обществу.¹ Поэтому «политика толерантности» Казахстана, которая используется для формирования однородной казахстанской нации в мире и согласии, сотни этнических групп и культурных представителей на своей территории не соответствует к либерально-демократическим ценностям. Как отметил Б. Парекх, Казахстан можно назвать страной, которая пытается создать единокультурное общество.

Мультикультурализм в Постсоветском Узбекистане

Республика Узбекистан так же является государством Средней Азии, не так давно получившим независимость. Казахстан и Узбекистан имеют схожую историю. Еще при Советском Союзе, формировавшийся Узбекистан, как национальное государство в современном смысле, имел разнообразный этнический и культурный состав. Так как Узбекистан никогда напрямую не граничил с Россией, в первые годы независимости, при процессе образования национального государства и однородной нации, по сравнению с Казахстаном, этнические и культурные проблемы они решали легче и быстрее, потому что основное количество (71%)² народа составляли этнические узбеки. Несмотря на это в Узбекистане проживает более 130-ти этнических и культурных меньшинств. Зарегистрировано более 2250-ти религиозных организаций и 16-ти разнообразных религиозных конфессий.³ Основные этнические группы составляют русские, таджики, казахи, каракалпаки и киргизы. После получения независимости, в связи с эмиграцией количество русских, казахов и евреев значительно уменьшилось⁴. Узбекистан так же, как и Казахстан, в первые годы независимости, организовывал национальное государство, основываясь на либерально-демократических принципах. Несмотря на то, что основную долю нации составляют узбеки, создаются условия культурного и традиционного развития для других этнических и культурных меньшинств.

На данный момент в стране имеются школы на 7 языках, публикуются газеты на 12 языках и работают более 140 национальных культурных центров.⁵ В целях оказания помощи культурным центрам в 1992 году во главе Ислама Каримова, был открыт Республиканский интернациональный культурный центр.⁶ Узбекистан, как и Казахстан в процессе формирования нации, для мира и согласия среди этнических групп и культурных представителей, использует толерантную политику. Как было указано выше, толерантность не считается мультикультуральной политикой. Узбекистан также, как и Казахстан, выдавая толерантную политику за мультикультуральную, ведет ассимиляцию других этнических групп и культурных представителей вокруг доминирующих узбеков и пытается создать «однородно культурное общество».

В Конституции Узбекистана государственный язык – узбекский язык, но несмотря на это, обеспечивается уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на ее территории, создаются условия для их развития (С-4), а также другие этнические культурные меньшинства имеют одинаковые права и свободу, и равны перед

¹ Charles Taylor, «Tanınma Politikası», Çeviren: Yurdanur Salman, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, 2010, с. 46

² Алишер Илхамов (Ред.), **Этнический Атлас Узбекистана**, Институт "Открытое общество", Ташкент: Совместное Издание «ОФС-Узбекистана», 2002, с. 267

³ Дильбар Бабаджанова, «Молодежь, толерантность и национальные ценности», **Uzbekistan Today**, http://old.ut.uz/rus/obshestvo/molodej_tolerantnost_i_nacionalnie_ennosti.mgr

⁴ Алишер Илхамов (Ред.), **Этнический Атлас Узбекистана**, с. 191-192

⁵ Равшан Назаров, Вилоят Алиева, «Мультикультурализм: опыт Узбекистана», **Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир**, XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Гуманитарного университета, Екатеринбург, 2-3 апреля 2009 года, с. 461

⁶ Республиканский интернациональный культурный центр, <http://www.icc.uz/rus/about/>

законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения(С-18).¹ Кроме того, ясно показано, что Республика Каракалпакстан самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства (С-73) и Республика Каракалпакстан обладает правом выхода из состава Республики Узбекистан на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана (С-74).²

Несмотря на демократические ценности и создаваемые условия этническим и культурным меньшинствам, авторитарный режим И. Каримова не дает возможность для обсуждений этнических и религиозных взглядов в стране.³ Кроме того, как отметил Оливьер Рой, Узбекистан проблему гражданства, решил связав это с коренным населением, составляющим основу государства. То есть, каждый гражданин Узбекистана считается «узбеком».⁴ Это ясно показывает на каком уровне политика мультикультурализма в Узбекистане.

Заключение

Анализируя мультикультурализм на постсоветских центрально азиатских государствах, как Казахстан и Узбекистан, было обнаружено, что оба государства, несмотря на некоторые различия в общественных структурах, применяли схожую политику толерантности в решении межэтнических и межкультурных вопросов процессе становления национального государства и нации.

Политика толерантности рассматривалась, как ветвь мультикультурализма. Но по мнениям теоретиков мультикультурализма, политика толерантности не является ветвью мультикультурализма. Наоборот, толерантность, это ассимилирование или «плавление в котле» всех этнических и культурных меньшинств вокруг доминирующего этноса и культуры, посредством пропаганды проживания в мире и согласии. А мультикультурализм – политика, направленная на признания на политическом уровне всех этнических и культурных меньшинств, сформировавшихся в процессе развития идентичности на разных жизненных опытах, проявление уважение на равных условиях, возможность принять разнообразие как самооценку.

Наше мнение заключается в том, что политика мультикультурализма не означает только лишь создание разных культурных центров этнических и культурных меньшинств для сохранения их самоидентичности, а также мира и согласия в обществе. Еще необходимо приспособить государственную политическую систему к демократическим ценностям, которые предоставляют равное политическое признание, равноправие, уважение достоинствам и культурное разнообразие в обществе. Как отметила Ханна Арендт в своей книге «О деятельной жизни», именно культурное разнообразие или плюрализм, как экзистенциальное и онтологическое состояние является главным признаком демократического общества.⁵

Литературы

Ассамблея народов Казахстана, <http://www.assembly.kz/>

Arendt, Hannah; *İnsanlık Durumu*, Çeviren: Bahadır Sina Şener, İstanbul: İletişim Yayınları, 2013

Bloemraad, Irene; «The Debate Over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy», **Global Research**, September 27, 2011, <http://www.globalresearch.ca/the-debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy/26813>

Davutoğlu, Ahmet; **Küresel Bunalım**, İstanbul: Küre Yayınları, 2012

¹Конституция Республики Узбекистан, http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=35869

²Там же.

³ Ali Faik Demir, «Orta Asya Cumhuriyetlerinde İslam ve Etnisite», Ertan Efegil, Pınar Akçalı (Ed.), **Orta Asya'nın Sosyo-Kültürel Sorunları: Kimlik, İslam, Milliyet ve Etnisite**, İstanbul: Gündoğan, 2003, c. 119

⁴OlivierRoy, **Yeni Orta Asya ya da Ulusların İmal Edilişi**, c. 235

⁵ Hannah Arendt, **İnsanlık Durumu**, Çeviren: Bahadır Sina Şener, İstanbul: İletişim Yayınları, 2013, c. 36-37

Demir, Ali Faik; «Orta Asya Cumhuriyetlerinde İslam ve Etnisite», Ertan Efeğil, Pınar Akçalı (Ed.), **Orta Asya'nın Sosyo-Kültürel Sorunları: Kimlik, İslam, Milliyet ve Etnisite**, İstanbul: Gündoğan, 2003

Дильбар Бабаджанова, «Молодежь, толерантность и национальные ценности», **Uzbekistan Today**, http://old.ut.uz/rus/obshestvo/molodej_tolerantnost_i_naio

Gutmann, Amy; «Giriş», Çeviren: Özcan Kabakçioğlu, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010

Fragner, Berg G.; «Sovyet Milliyetçiliği': Orta Asya'nın Bağımsız Cumhuriyetlerine Kalan İdeolojik Miras», Williem van Schendel, Erik J. Zürcher (Ed.), **Orta Asya ve İslam Dünyasında Kimlik Politikaları**, İstanbul, İletişim Yayınları, 2010

Fukuyama, Francis; «At the 'End of History' Still Stands Democracy», **The Wall Street Journal**, June 6, 2014, <http://online.wsj.com/articles/at-the-end-of-history-still-stands-democracy-1402080661>

Fukuyama, Francis; «The End of History?», **The National Interest**, Summer 1989

Habermas, Jürgen; «Demokratik Anayasal Devlette Tanınma Politikası», Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010

Hardt, Michael and Negri, Antonio; **Empire**, Cambridge and London: Harvard University Press, 2000

Huntington, Samuel P.; «Clash of Civilizations?», **Foreign Affairs**, 72:3, Summer 1993

Ильхамов Алишер (Ред.); **Этнический Атлас Узбекистана**, Институт "Открытое общество", Ташкент: Совместное Издание «ООФС-Узбекистана», 2002

Конституциясы Республики Казахстан, <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>

Конституция Республики Узбекистан, http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=35869

Köker, Levent; «Charles Taylor:Kimlik/Farklılık Sorununa Sahici Demokratik Çözüm Arayışı», Türkçe Baskıya Önsöz, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Siyaseti**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010

Kymlicka, Will; **Çokkültürlü Yurttaşlık: Azınlık Haklarının Liberal Teorisi**, Çeviren: A. Yılmaz, İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 1998

Назаров, Равшан; Алиева, Вилоят; «Мультикультурализм: опыт Узбекистана», **Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир**, XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Гуманитарного университета, Екатеринбург, 2-3 апреля 2009

Нысанбаев, Абдумалик; «Мультикультурализм в постсоветском казахстане: итоги, проблемы, перспективы», **Адам әлемі**, 2 (56) 2013

Официальный Сайт Президента Республики Казахстан, http://www.akorda.kz/kz/page/sezd-religii_1342010355

Parekh, Bhikhu; **Çokkültürlülüğü Yeniden Düşünmek Kültürel Çeşitlilik ve Siyasal Teori**, Çeviren: Bilge Tanrıseven, Ankara: Phoenix Yayınevi, 2002

Roy, Olivier; **Yeni Orta Asya ya da Ulusların İmal Edilişi**, İstanbul: Metis Yayınları, 2009

Республиканский интернациональный культурный центр, <http://www.icc.uz/rus/about/>

Taylor, Charles; «Tanınma Politikası», Çeviren: Yurdanur Salman, Ed: Amy Gutman, **Çokkültürcülük ve Tanınma Politikası**, İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2010.

Multiculturalism and National identity

Politicians and journalists often assert that multiculturalism and national identities oppose one another, but do not say why.¹ Their texts usually however equate multiculturalism with difference and division and national identities with similarity and unity. Multiculturalists reject the latter,² but do not explain how multiculturalism and national identity relate. Will Kymlicka thus claims that the relationship between them is ‘under theorised’ and I will suggest certain relationships.³ I proceed in three stages and first discuss three inter-related understandings of multiculturalism. Second, I discuss two understandings of national identity. Third, I discuss how these different understandings of multiculturalism and national identity are related.

I-Understandings of multiculturalism

Like equality, justice, fairness and class, multiculturalism can be conceived of in different ways, but I will focus on three inter-related understandings of it. First, multiculturalism is often said to denote a culturally diverse citizenry, or what may be called a ‘multicultural society’. The latter seems inescapable as cultural diversity is in-eliminable without ‘unacceptable levels of repression’, and perhaps not even then as regional or class based cultural differences would remain even if those based on immigration were removed.⁴ But a state can react to a culturally diverse citizenry in different ways. It could try to remain neutral between cultural groups and not favour any of them. But this is difficult as the language, norms and sensibilities used to regulate the collective affairs of its citizens have to come from somewhere and are usually the cultural traits of at least one group. Instead a state could try to assimilate cultural minorities by aiming to make them as indistinguishable from the cultural majority as possible. If assimilation is voluntary, or as a state aim, it is restricted to obviously morally repugnant practices, it is usually uncontroversial. But if it goes further it infringes individual freedom, and creates or reinforces a hierarchy among citizens by encouraging some to conform to others even though each is meant to be equal. For such reasons, Canada, Britain and Australia abandoned policies of assimilation in the 1960s; formal and informal policies of multiculturalism then followed; and thus a second way to understand multiculturalism emerged. Draft-Not for citation

A policy of multiculturalism usually aims to reduce fear of cultural difference, as well as the inequality, exclusion and disadvantage that are often experienced by cultural minorities in subtle yet significant ways. For example, when the state uses the language, norms and sensibilities of the cultural majority in its political institutions, or establishes only their religion in them or teaches only their history in schools, cultural minorities are excluded and treated unequally, despite being citizens who are entitled to equal treatment. Similarly, if public services are offered only in the lingua franca, citizens who are less proficient with the language like recent immigrants or older cultural minorities are disadvantaged, as these services are more difficult for them to use than they are for other citizens. Multicultural education in schools and promoting race equality are thus used to reduce fear of cultural difference, while anti-discrimination laws, legal exemptions for minority religious practices, providing public services in different languages and other measures are used to reduce the inequality, exclusion and disadvantage that cultural minorities suffer. Different combinations of such measures have been called a policy of multiculturalism in different countries. But if fear of cultural difference reduces, along with the inequality, exclusion and disadvantage cultural minorities incur, the political community will change and it is unclear exactly what it will become or how to sustain a political commitment to such change.

Multiculturalism in a third sense of what some call an ‘ideology’ thus emerges. This ideology on close inspection is often an ‘inspirational’ vision for the political community that explains how it is

changing and will continue to, and it helps to foster a commitment to the trajectory the political community is on.⁵ This ideology does not fetishize difference as Clause 3b of the Canadian Multiculturalism Act or the Commission for Multi-Ethnic Britain Report in the UK clearly show, but one that explains what is happening to the political community as it becomes more diverse and we now have our three inter-related understandings of multiculturalism.⁶

II-Understanding National Identities

Like multiculturalism, national identities can be understood in different ways but we typically think and talk about them in two.⁷ The first is the identity of a political community and thus Britain's, Canada's and America's identity and so on. We have in mind an understanding of what these political communities are and if asked what Draft-Not for citation they are we might discuss features like their history, language, territory, institutions, traditions. Such an understanding can be held by anyone as a travel writer might describe a political community. De Tocqueville offered an understanding of America, Rousseau had an understanding of Poland when writing about it.

But we also think and talk about national identity as an identity that a person has and exhibits when they say they have a British, Canadian or American identity. Such a person is saying that part of what makes them what they are is being a member of a political community. Many may not think this, but as our laws, institutions and education systems regulate our behaviour and shape our understanding of what is acceptable, we are partly, yet unavoidably, shaped and constituted by our political communities. Thus we might say that while people constitute political communities, political communities also constitute people. Hence, when someone says that they feel British they are not just saying that they feel part of a political community, but that it also feels like part of them as they sense how it has shaped them thus they may also discuss what is often vaguely referred to as 'their Britishness'.

But people cannot feel British, Canadian and American and so on without some, albeit vague, understanding of Britain, Canada and America. This understanding might focus again on history, language, territory, institutions, traditions all of which will often be interpreted and related in different ways by different people. Thus some may see Canada as 'bicultural' others as 'multicultural' and some equate England with Britain, others do not. Thus these understandings are often shared with only some other members of a political community and not as we share a cake by dividing it, but as two or more people share an opinion or a view. But if understandings of Britain, Canada or America are unavoidable when people feel British, French, Canadian or American and so on then both senses of national identity are related and entail such an understanding. When talking about Britain's identity the understanding is one anyone can have and when talking about a person feeling British it is an understanding that members of a political community have.

Yet to specify what national identities in either sense there is no need to define and defend the idea of a nation. After all, when we discuss a person's racial identity and them being 'black' we seldom think it necessary to define and defend the idea of Draft-Not for citation 'race'. When we discuss a person's religious identity and them being 'Muslim' we seldom think it necessary to define and defend the idea of 'religion'. Similarly, to discuss a person's national identity, it unnecessary to define and defend the idea of a 'nation'. After all, we only have in mind what a political community is and an identity that a member of it has. Little wonder that so many disagree about whether America, Canada and Britain are nations but this does not deter us from discussing America, Canada and Britain's identities as well as people's American, Canadian and British identities or indeed people feeling American, Canadian or British.

III-The Relationships

How do these three understandings of multiculturalism relate to these two understandings of national identities? Well multiculturalism in the first sense of the emergence of a culturally diverse citizenry disturbs the understandings that members of a political community have of it as where they

may have assumed, for example, that it was white or Christian they can no longer. Where they may have assumed the components of the way they understand their political community like its institutions or territory were solely theirs they can no longer.

But if cultural minorities are citizens this disturbance is necessary, as they are more likely to be treated unequally if they are seen as outsiders and not as part of the political community. Similarly, as the cultural majority's language, norms and values are usually present in legal and political institutions, but those of cultural minorities are not, the latter are treated unequally. Short of abandoning a commitment to equal treatment and citizenship, multiculturalism in my first sense helps to force a re-examination of the features that comprise people's understandings of their political community's identity, but it also makes these understandings more important. After all, a culturally diverse citizenry is also more susceptible to division, competition and conflict between cultural groups. People's understandings of their political community will convey to them that, despite their differences, they share territory, history, traditions, institutions, and other features that make them, *inter alia*, a group. This helps them to take collective action, accept collectively binding decisions and conceive a common good. But people's understandings of their political community must come to include cultural minorities too and certainly they change. Draft-Not for citation people's understandings of their political community. But policies of multiculturalism can help to recalibrate these understandings and hopefully inspirational multicultural visions for the political community can help to win support their doing so.⁸

Britain is not understood today as it was a century ago and a policy of multiculturalism that I described above can help to over time to make such changes. Anti-discrimination measures and legal exemptions for minority religious practices help to make features of the political community like legal and political institutions more inclusive as does these institutions promoting race equality and delivering public services in different languages. These more inclusive legal and political institutions overtime also help shape people's impressions of what their political community is as does multicultural education in schools, which shows children why different groups comprise the political community shape its history and nature, and call it 'home'. Some may resist this education, but taught it throughout their school lives and to successive generations, some may not. Policies of multiculturalism are thus a means to help make people's understandings of their political community more inclusive over time – but not wholly different. These understandings remain strongly conditioned by their starting point and thus do not become unrecognisable. Nor do multiculturalists want them to. Hence the Swann Report said: we are not seeking to fit ethnic minorities into a mould which was originally cast for a society, relatively homogenous ... nor to break this mould completely and replace it with one which is in all senses foreign ... We are instead looking to recast this mould into a form which retains the fundamental principles of the original, but within a broader pluralist conspectus.

What is envisaged then, is more inclusive versions of the existing understandings – that are worthy of commitment as they include a cultural majority and minorities.

It is here then that the third understanding of multiculturalism becomes important as its 'vision' explains that multiculturalism in our first sense can disturb people's understandings of their political community but this is necessary to accommodate minorities in these understandings; while multiculturalism in our second sense of a policy helps to make these understandings more inclusive though not unrecognisable.

Conclusion

It is hardly fair then to assume that multiculturalism and national identities oppose one another. Certainly the emergence of a cultural diverse citizenry can disturb Draft-Not for citation Acknowledgments: I draw extensively in this piece on two others I have written The first is V.Uberoi and T.Modood, 'Has Multiculturalism In Britain Retreated?' *Soundings*, 53, 2013. The second piece is V.Uberoi, 'A New Approach To national Identities' (Ed) (Ed) V.Uberoi and T.Modood, *Multiculturalism Rethought*, Edinburgh University Press, 2015.

1 V. Uberoi, Do Policies of Multiculturalism Change National Identities, *Political Quarterly*, 79:3, 2008.

2 Ibid.

3 W.Kymlicka, 'The Essentialist Critique Of Multiculturalism: Theories, Policies and Ethos' (Ed) V.Uberoi and T.Modood, *Multiculturalism Rethought*, Edinburgh University Press, 2015.

4 B. Parekh, *Rethinking Multiculturalism*, Basingstoke, Macmillan, 2000, p.196.

5 T.Modood, *Still Not Easy Being British*, Trentham Books, pp6-7.

6 V.Uberoi, 'Multiculturalism and The Canadian Charter of Rights and Freedoms', *Political Studies*, 2009, 57-4; V.Uberoi, 'The Parekh Report- A New Approach To National Identities', *Ethnicities*, Forthcoming.

7 I have been influenced greatly here by Bhikhu Parekh and while Parekh explains his position in a different way to me, this is what I think would make his position most defensible and I have argued this elsewhere. V. Uberoi, 'A New Approach To national Identities' (Ed) V. Uberoi and T.Modood, *Multiculturalism Rethought*, Edinburgh University Press, 2015.

8 Such visions are often unpopular at first yet gain support over time as occurred with the Commission for Multi-Ethnic Britain's Report and the Canadian Policy of Multiculturalism. See V.Uberoi and T. Modood, 'Inclusive Britishness-A Multiculturalist Advance', *Political Studies*, 61:1, 2013; V.Uberoi, 'Social Unity in Britain', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2007.

Two humanitarian poets: Tevfik Fikret and Hüseyin Cavid

I have participated the first, second and the third Humanitarian Forum and I made speeches in these three organization.

I present my congratulations to the organizers of this precious organization.

They are achieving big task, especially on behalf of humanity and the dialogue that we require.

Honourable Guests,

I will talk about the world of two poets in this meeting that we are discussing the humanitarian effects of multiculturalism.

The first one is Turkish poet and thinker Tevfik Fikret who passed away 100 years ago, and the other one is Azerbaijani poet and thinker Hüseyin Cavid who passed away 73 years ago.

When we consider Tevfik Fikret and Hüseyin Cavid, we realize that they are like minded in terms of compounding wisdom and positivism, also nationalism and panislamism. Besides, their understanding of religion can be summarized by saying "the greatest religion is conversation".

Both Tevfik Fikret and Hüseyin Cavid took a clear stand against their contemporaries. They were offering to not to judge our manners and customs, the things which are historically valuable. In addition, they were offering being loyal to the holy scriptures.

Both Hüseyin Cavid and Tevfik Fikret were supporting humaneness, civilization, modernity; still they were not avoiding to respect multiculturalism. They were Turkish Nationalist; but not chauvinists.

The idea of multiculturalism gathered Hüseyin Cavid and Haydar Aliyev in Azerbaijan; Tevfik Fikret and Kemal Atatürk in Turkey.

Because, we know that great leaders have great companions.

In my opinion the notion that gathers Hüseyin Cavid and Tevfik Fikret is; both of them were the lover of civilization and peace; in addition, they were the servant of the Turkic world, Turkish language and Turkishness.

Both of them were seeking and waiting for the saviour of the Turkic World.

Both of them were the voice of multiculturalism.

Both of them were close to the present Turkey and Azerbaijan, rather than their own era.

Despite Atatürk was man-at-arms, he read and understood Fikret profoundly.

Haydar Aliyev digest Cavid despite the prohibition of the Communist Party.

During the peak times of Communist regime, the greatest representative of Turkish Nationalism.

The revolutions of Atatürk was based upon the secular understanding. The world of thoughts and beliefs of Fikret was rising on the same basis, as well.

Cavid is the symbol of pro-civilization and Turkish nationalist wing. The multicultural approach of Cavid is the criteria of being and thinking on the right direction.

Both Fikret and Cavid are the poets of freedom, revolution, justice, humanity and multiculturalism.

The love of humanity, science and faith in poetry has developed both in Turkey and Azerbaijan by their contributions. They shifted the poetry to observation from introspection, to dynamism from mysticism. In their poems, each word has especial power, character and spirit.

Both Fikret and Cavid surpass their predecessors. They put several topics that have never been in the field of poetry by using the framework of multiculturalism.

Tevfik Fikret was born in 1867 and died in 1915.

On the other hand Hüseyin Cavid was born in 1892 and died in 1941.

They were never met.

Tevfik Fikret is the poet of humanity, civilization and respect to cultures. Hüseyin Cavid dedicated his personal and artistic life to promote humanity.

According to these two poets, multiculturalism is inevitable ultimate destiny of the world. In fact, as a result of the development of means of transportation, communication instruments, technology and factors such as migration the world became a global village. Multiculturalism occurred due to this fact. According to these two poets humanity is in conflict as they are not knowing to live together; moreover, due to the unbalanced distribution of wealth and lack of meeting the requirements of people by the governance. So, the question stands still. How people live together despite their different cultures? Both Fikret and Cavid evaluate this question as the question that people looking for an answer at the utmost.

Both of them evaluates the phenomenon of living together by referring the model of identity of Switzerland, despite they have lived in different periods. Hüseyin Cavid states that the main element of political culture of Switzerland that established by depending on different cultures is federalism and impartiality. He recognizes the referendum and choices in the level of federal understanding which is also a fundamental element of national identity. Thus, he stresses both direct political participation by encouraging it; and political belonging. He states that Swiss system depends on three features. These are security, peace and impartiality.

On the other hand, Tevfik Fikret portrays Switzerland by stressing their multicultural and multilingual features. In this context, he asserts that Switzerland band together different nations, languages and regional cultures and economies by stressing the balance between diversity and unity.

In my opinion, it is crucial that these two thinkers, who have never met, thought -or maybe sensed- the globalization, thereby the multiculturalism which was not called at that time. Because, they were two geniuses who realised a common history sharing.

In order to sum up, I would like to state that the manifestation of multiculturalism which is a common wealth, by these two thinkers is the indicator of their far-sightedness.

I would like to commemorate these two genius and revere before their valuable memories in this precious organization. While I conclude my remarks, I would like to state that a country will be more civilized both in terms of democracy and welfare if more than one culture live together and people are multilingual as a result of their relations with each other.

Арье Гут

Эксперт в области международных отношений,
Докторант Хайфского Университета (Государство Израиль)

Современный, светский и сильный Азербайджан является подлинным образцом межцивилизационного и межрелигиозного диалога

Азербайджан был и является родиной для представителей многих религий и народов. На древней земле Азербайджана существовали иудаизм и ислам, огнепоклонничество и христианство. Эта земля и сегодня продолжает излучать невероятное стремление к толерантности и веротерпимости. Есть очень важный исторический факт, о чем я часто с гордостью говорю с израильской политической и академической элитой, что в первом правительстве Азербайджанской Демократической Республики, которая была первой парламентской республикой на всем мусульманском Востоке, было два представителя еврейского народа – министр здравоохранения и министр продовольствия, а за всю историю АДР в правительстве было 4 представителя народа Израиля, что свидетельствует об особом отношении к евреям в Азербайджане.

Поселок Красная Слобода – единственное и уникальное место компактного проживания евреев в мире, это настоящая гордость Азербайджана. Здесь евреи и азербайджанцы живут веками, чувствуют себя родными братьями. Здесь они связаны общей судьбой и общей историей и неслучайно в ходе трагических событий 1918-1919 годов, когда армянские дашнаки учинили кровавую бойню и резню в азербайджанских городах, наряду с азербайджанцами погибло более 3 тысяч евреев.

Настоящим экзаменом для традиций веротерпимости стало крушение и дезинтеграция Советского Союза и обретение независимости. Сильнейшим ударом, который мог подорвать традиции мультикультурализма и толерантности в Азербайджане, стала армянская агрессия и оккупация азербайджанских территорий, в результате которой были захвачены 20% территории Азербайджана и миллион азербайджанских беженцев были вынуждены покинуть родные дома. Несмотря на тяжелый территориальный конфликт с Арменией и оккупацию 20 процентов территории Азербайджана, страна, которая страдает от двойных стандартов и находится в очень сложном и хрупком геополитическом окружении, Азербайджанская Республика, являясь признанным региональным лидером Южного Кавказа, в тоже время является подлинным образцом межцивилизационного и межрелигиозного диалога.

Политика и популяризация идеи толерантности и мультикультурализма руководством Азербайджана, реализация идеи создания Бакинского Международного Центра Мультикультурализма является отражением стратегии, направленной на сохранение толерантности и политики мультикультурализма азербайджанского государства, дальнейшего развития и пропаганды этой политики в мире на великолепном примере модели современного и сильного Азербайджана. В сегодняшнем кровавом и жестоком мире, когда людей уничтожают лишь из за того что человек принадлежит к другому течению одной и той же религии, мы в Израиле наблюдаем настоящий и качественный пример современного светского, толерантного и сильного Азербайджана, который на самом деле может быть светлым, подлинным и реальным примером, в своем роде маяком прогресса и развития для многих стран исламского мира. Сегодня светский и независимый Азербайджан главе с президентом Ильхамом Алиевым созданием Бакинского Международного Центра Мультикультурализма переводит свою внешнеполитическую стратегию на стадию институционализации и международной легитимизации реального лидерства Азербайджана в вопросах глобальной популяризации базисных и необходимых основ межкультурного диалога и ценностных проявлений мультикультурализма.

Это факт, что сегодня в Европе, в частности канцлер Германии Ангела Меркель и британский глава правительства Дэвидом Кэмерон указали, что мультикультурализм потерпел неудачу. Концепция мультикультурализма, появившаяся впервые в Канаде в конце 1960-х годов, через два десятилетия получила широкое распространение и в Европе. В 1980-е годы принципы мультикультурализма вошли в политическую практику большинства европейских стран. Отказ от использовавшейся здесь прежде (на протяжении XIX-XX вв.) ассимиляционной модели интеграции иммигрантов и переход к мультикультурной модели был обусловлен серьезными проблемами, с которыми столкнулись европейские страны. Многочисленные мигранты, в основном выходцы из стран Третьего мира, наводнившие Европу, не проявляли готовности ассимилироваться. Более того, они объединялись в различные этнические сообщества, что помогало им не только выживать в новых для них условиях, но и активно отстаивать свои права, в том числе и право на сохранение культуры, традиций и обычаев, существовавших на их родине. В этих условиях именно мультикультурализм стал рассматриваться политиками в качестве инструмента, способствующего взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. И сегодня все страны Евросоюза в той или иной степени страдают от иммигрантов, коренные жители европейских стран все чаще призывают отменить политику мультикультурализма и вернуться к идее поддержки титульной нации государства и ограничения прав иммигрантов. Критики мультикультурализма утверждают, что в итоге получается полное разрушение многовековых культурных устоев, развитых культурных традиций, так как подобное смешение всегда ведёт к усреднению. По их мнению, если низкий уровень культурного развития мигрантов несомненно повышается, то высокий уровень культуры целевой страны мультикультурализма неизменно падает.

А в Азербайджане проведение на официальном уровне политики мультикультурализма и создание Бакинского международного центра по мультикультурализму свидетельствует и о приверженности и последовательности главы государства в политике становления и превращения столицы независимого Азербайджана в один из мировых гуманитарных центров, по подобию всемирного экономического форума в Давосе. Тем самым Азербайджан посредством гуманитарных инициатив международного характера таких как Бакинский Гуманитарный Форум еще больше усиливает и укрепляет свой статус значимого и влиятельного актора современной системы международных отношений.

На фоне этнического национализма и шовинизма в соседней Армении, в Азербайджане наблюдается процесс возрождения и развития 20-тысячной еврейской общины, ее культурной и религиозной жизни. Еврейская община является одной из самых активных и влиятельных религиозных общин Азербайджана. Как гражданин Государства Израиль, могу с гордостью сказать, что руководство Азербайджана проявляет заботливое и теплое отношение к традициям еврейской общины Азербайджана, история которой насчитывает 2500 лет. Государство Израиль высоко ценит теплое и несравнимое ни с какой, другой страной отношение народа и руководства Азербайджана к еврейской общине. Выступая три года тому назад в израильском парламенте, я сказал: "Толерантность и мультикультурализм для Азербайджана – это образ жизни, который превратил Азербайджан в многонациональную и многоконфессиональную страну, морально-духовные потенциалы которой сегодня являются предметом международного признания. В Азербайджане никогда не было антисемитизма и я, как выходец из Азербайджана горжусь этим фактором толерантности. Азербайджан является подлинным образцом межцивилизационного диалога. Покажите мне еще одну страну – мусульманскую или христианскую, где под патронажем Президента и Первой леди страны были построены две синагоги и самый большой образовательный еврейский центр на Южном Кавказе. Думаю, другой такой страны вы просто не найдете".

Хамрохон Зарифи

экс-министр иностранных дел Республики Таджикистан,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
кандидат наук

Культурная идентичность таджиков и мультикультурализм

Оборачиваясь назад к недалекому прошлому, мы приходим к выводу, что почитание наследия предков, его преобразование и развитие превратилось в действительную насущную потребность.

Нелегко в современном мире высокоинтенсивной жизни и бешеного ритма сохранить память о богатом и содержательном наследии своего народа. Иногда и нам непросто передать от одного поколения другому память о культурном наследии наших предков.

Более того, в эпоху глобализации, вопреки значительному прогрессу во всех сферах жизни и науки, человечество забывает свои духовные достижения. Поэтому, сегодня во многих странах задумались над этим вопросом и наряду с использованием новейших достижений науки и техники на фоне новых реалий многие страны стремятся защитить свои национальные ценности и традиции.

В этом есть определенный смысл. Каждому народу и каждой стране свойственен свой образ, по которому их узнают и который формируется с учетом их истории, традиций, достижений науки и культуры, экономического потенциала и других особенностей. Таджикский народ также имеет свои многовековые и богатые ценности и сегодня настало время в лучшей форме и в большем объеме показать их мировому сообществу.

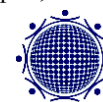
За свою историю таджики внесли весомый вклад в развитие мировой цивилизации. Всемирно известные произведения Абуали ибни Сино (Авиценна), Абурайхона Беруни, Закарие Рози, произведения таких великих поэтов, как Абуабдулло Рудаки, Абдулкасыма Фирдоуси, Омара Хайяма, Джалолиддина Руми, Абдурахмана Джами, религиозные учения Абуханифы ибн Нуьмона (Великий Имам) вплоть до нашего времени стоят на службе человечества и не потеряли свою актуальность.

Искусство как одно из ценнейших достижений нашего созидательного и творческого народа также имеет свои различные направления. Искусство таджикского народа, включая его декоративно-прикладное направление, достигло своего апогея и по сей день его наилучшие традиции в связи с прогрессом приобретают новое очертание и развитие. Культура таджикского народа имеет свою давнюю историю и богатые достижения.

Археологические раскопки совершенно ясно показывают, что формирование и развитие декоративно-прикладного искусства таджикского народа на территории Таджикистана, а также в других местах, где проживали предки таджикского народа, своими корнями уходят в эпоху до нашей эры. Находки, в частности, гончарные изделия, найденные в городище Хулбук, серебряные и золотые украшения, найденные в Пули Сангин, Вахше, Бешкенте (Хатлонская область) и резьба старинного Панджакента и Шахристана (Согдийская область) говорят о том, что эти многообразные виды искусства были широко распространены на территории Таджикистана.

Примечательно, что в июле 2010 года в ходе 34-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО было принято решение внести исторический памятник Саразм, расположенный в Панджакентском районе Таджикистана, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.¹ Внесение в этот влиятельный список исторического памятника Саразм, который насчитывает историю почти в 6 тысяч лет, свидетельствует о том, что цивилизация таджикского народа имела очень раннее развитие.

¹ Дипломатия Таджикистана. Ежегодник 2010. Под общей редакцией Х. Зарифи. – Душанбе, Ирфон, 2011. С. 19

Естественно, что таджики и в древние времена имели тесные связи с внешним миром, который также оставил свой отпечаток в развитии декоративно-прикладного искусства. Такого рода схожести и общности больше всего отмечаются в классической живописи.

С точки зрения формы и способа создания таджикскую живопись, наряду с живописью других народов Центральной Азии можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести классическую живопись, которая формировалась в средние века и была распространена во всех странах мусульманского Востока, начиная от Мавританской Испании, Египта, Турции, Ирана и заканчивая Индией и Центральной Азией.

Подобные изображения, несмотря на то, что в каждой стране им были свойственны свои краски и местные особенности, в целом имели общее начало. Узоры и образы, использовавшиеся в данном случае, требовали от мастеров-живописцев особых знаний, в частности, знания геометрии, которая не была доступна для всех и для ее постижения требовались долгие годы. Большинство мастеров, создававших подобные рисунки, состояли из мужчин.

Ко второй группе относятся образы, которые в большей степени отражают местные народные традиции. Отдельные элементы этой живописи изображают в основном реально существующие предметы, то есть они в основном носят изобразительный характер, но в силу их упрощения в образе и придания им характера орнамента, изображаемый предмет теряет свой реальный облик. Независимо от сохранения традиционных образов, в изображениях этой группы иногда привносятся новые элементы. В отдельных случаях в них также просматриваются элементы, которые можно отнести и к первой группе.

Подобного рода искусство широко используется в таких массовых видах народного искусства, как вышивка, изготовление узорчатых тканей, набивание узора на ситец, изготовление эмалированной и неэмалированной керамики, а также различных предметов обихода, которые украшались резьбой и узорами.

С древнейших времен таджики помимо территории современного Таджикистана проживали на современных территориях Узбекистана, Кыргызстана, Афганистана, Ирана, Пакистана, Туркменистана и Китая.

Желание и стремление таджиков заниматься ремеслом соответствовало требованиям местностей с учетом окружающей среды. Например, таджики, которые столетия назад жили в Мерве и других городах нынешнего Туркменистана, занимались с туркменами ремеслом ковроткачества, как в наши дни, туркмены, проживающие в Таджикистане, чаще всего заняты сельским хозяйством и другими промыслами своих таджикских соседей.

Тесные связи и взаимодействие народов и стран, безусловно, оказывают влияние и на культуру. В этом контексте, весьма впечатляющим является взаимосвязь декоративно-прикладного искусства таджиков и народов Китая. Этот вид искусства получил свое развитие на протяжении многих столетий в результате постоянного передвижения людей и товаров двух соседних стран через Великий шелковый путь.

По мнению историков, Великий шелковый путь был открыт в результате путешествий китайского дипломата и государственного деятеля Чжан Цяня, который во второй половине II века до н.э. по поручению Ханского императора У-ди посетил Среднюю Азию. Судя по письменным источникам, именно от него китайцы получили первые сведения о Фергане, Бактрии и других землях региона Средней Азии. За этим открытием стояло большое стремление Ханской империи наладить связи со странами на западе Китая. В эти государства были направлены посольства, состоялись первые ответные визиты, поскольку в соседних владениях были наслышаны о чудесной «стране шелка» на востоке.¹

В течение 115-111 гг. до н.э. между Ханской империей и Бактрией были установлены торговые связи. Именно в эти годы из Средней Азии в Китай поступают некоторые неизвестные там сельскохозяйственные культуры, музыкальные инструменты, предметы утвари.

Благодаря торговым связям, налаженным во время Великого шелкового пути, в жизнь таджиков проникают такие вещи как материал атлас, адрас, чай, фарфоровая посуда и многое

¹ Г.Майтдинова. Государство Кирпанд – империя в Средней Азии. – Душанбе, 2011. см. С. 114-118

другое. Именно посредством торговли между народами из Китая к нам проникает шелк, ставший традиционным атрибутом одежды для таджикских женщин.

Нельзя не отметить, что благодаря шелковому пути происходит распространение различных религий, в частности буддизма и ислама, которые проникли в Китай главным образом через Центральную Азию. В Душанбе, в Национальном музее древностей, хранится 13-метровая статуя лежащего Будды в положении нирвана, найденная археологами в местечке Аджина-теппа на юге Таджикистана. Так, многие элементы в статуе напоминают тот стиль и те традиции, которые при создании подобных творений применялись в других местах распространения буддизма, в том числе, в Китае. Волосы, черты лица и одежда Будды свидетельствуют о соприкосновении различных культур и народов. Исследователи утверждают, что до прихода ислама буддизм имел широкое распространение в Центральной Азии и археологические раскопки последних десятилетий все это ярко подтверждают.

Главная артерия шелкового пути – караванная дорога вела на запад из города Сиан – тогдашней столицы Китая через Ланьчжоу в Дуньхуан, где разделялась на две ветки. Северный маршрут проходил через Турфан, далее дорога пересекала Памир и шла в Фергану и казахские степи. Южная дорога проходила мимо озера Лобнор, по южной окраине пустыни Такла-Макан через Яркенд и южные части Памира вела в Бактрию, а оттуда в Парфию, Индию и на Ближний Восток.

По этой дороге, в том числе, через места обитания таджиков и их предков – Самарканд и Бухару, Балх и Герат, Худжанд и Хатлон, Бадахшан и Мерв шли торговые караваны, которые везли из Китая в другие страны железо, никель, золото, серебро, лаковые изделия, зеркала, фарфоровую посуду и другие предметы ремесла, но главным образом шелковые ткани и шелк-сырец. В Китай доставляли растения, редкие сорта древесины, меха, лекарства, пряности, благовония и косметику, стекло и ювелирные изделия, драгоценные камни и предметы роскоши, а также рабов. Следует особо отметить заимствованные Китаем из Средней Азии виноград, гранатовое и ореховое дерево, бахчевые культуры, фасоль, люцерну, шафран, «небесные кони».

Предки таджикского народа – бактрийцы и согдийцы – имели непосредственное влияние на развитие связей по маршрутам Великого шелкового пути. Например, на большом участке дороги языком общения был согдийский, вдоль дороги вплоть до внутренних областей Китая встречались поселки, построенные купцами из Согда.

Значительный вклад внес Великий шелковый путь в распространение письменности. К примеру, могущественное в те времена государство Кирпанд, благодаря которому происходил активный диалог цивилизаций, сыграл важную роль в распространении письменности в Центральной Азии. Именно в памятниках письменности кушанского периода наиболее ярко отражен синтез культур древности. О широких контактах населения Кирпанда свидетельствуют находки здесь многочисленных письменных памятников на разных языках. В кушанский период в Кирпанде употреблялось по меньшей мере 6 видов письменности: бактрийская, возникшая на основе арамейского; бактрийская, развивающаяся из греческой; индийские письменности – брахми и кхарошти, «неизвестная» письменность, открытая недавно, а также были распространены согдийские и парфянские письмена.¹

Более того, торговые и культурные связи, завязанные благодаря Великому шелковому пути, были разносторонними, проникали в жизнь и быт каждого человека, проживавшего на линиях караванных маршрутов, оставляли в культуре соседних народов глубокий след.

Исторические хроники свидетельствуют также о том, что в эпоху династии Юань китайские правители приглашали на работу из Бухары и Самарканда признанных специалистов в разных областях науки, городского хозяйства, архитектуры. Интересный факт приведен в

¹ Г.Майтдинова. Государство Кирпанд – империя в Средней Азии. – Душанбе, 2011. С. 164

«Сборнике известных деятелей культуры западных районов», который был подготовлен группой историков и языковедов Синьцзянского государственного университета,¹ в котором явно указывается на то, что архитектор Якдилдин – первый проектировщик Пекина – был таджиком.

Ярким примером «переключки культур» может служить и мечеть Ньюцзе – древнейшая и самая большая мечеть в Пекине: ее центральный зал может вместить тысячу верующих, а ценнейшей реликвией мечети является рукописный «Коран», которому свыше 300 лет. Мечеть была возведена в 996 году при династии Ляо, а при династиях Мин и Цин ее многократно реставрировали. В XXI веке правительство Китая продолжает заботиться о сохранности действующей мечети как уникального памятника мировой культуры.²

Нельзя отрицать тот факт, что Бухара (в период правления Саманидов – *от автора*) была политическим, интеллектуальным и духовным центром. В сравнении с такими весьма знаменитыми городами, как Мерв, Балх и Самарканд, этот исторический, торговый и духовный центр прекрасно выполнял новую роль (столицы – *от автора*).³ Даже в период Рудаки, в Бухаре преобладали доисламские культурные памятники (монументы) периода персидского героя Афросиаб. По мнению некоторых ученых, Бухара была столь видным буддийским центром, что получила свое название от санскритского слова буддийского монастыря или *Vihara*.⁴

После нашествий монголов редко кто продолжал ездить по тропам и дорогам Великого шелкового пути, однако торговый обмен между Россией и народами Центральной Азии не прекращался. Русский император Петр Первый получив сведения об Аральском море от экспедиции, которую направил для изучения восточного берега Каспийского моря и Амударьи, первым сообщил европейцам о данном открытии, за что получил звание академика Парижской академии.

В последние годы в рамках программ ЮНЕСКО по сохранению культурно-исторического, археологического и природного наследия человечества Республикой Таджикистан были представлены 17 памятников, среди которых 9 объектов относятся к Великому шелковому пути – древняя Кофир-кала, медресе Ходжа Машхада, древний Пенджикент, городище Хулбук, буддийский монастырь Аджина-теппа, городище Тахти Сангин, Гисарская крепость, городище Бунджикат, система крепостей и культовые сооружения Вахана (Памир).⁵

Толерантное сосуществование различных культурных практик можно наблюдать сегодня и на примере таджикско-европейских связей. Исторически таджикский и европейский народы связаны многим, о чем свидетельствуют общие индоевропейские языковые корни, следы, прослеживающиеся в мифологии, религии, быте.

Многие слова таджикской лексики встречаются в английском, французском, немецком, греческом и других языках, среди глагольных форм, названиях выращиваемых культур, предметов быта, домашнего скота, различных органов и частей тела человека, окружающего мира, в определениях родственных связей и т.п. Например, слово «ast» таджикского языка можно встретить в других индоевропейских языках: шведском – *ata*, немецком – *essen*, латинском – *esito*, литовском – *esti*, польском – *jest*, русском – *est*, авестийском – *asti*, древнеиндийском – *asti*. Слова «modar» таджикского языка встречается в английском – *mother*, древнеанглийском – *modor*, древнесаксонском – *modar*, немецком – *mouter*, *mutter*, латинском – *mater*, древнеиндийском – *matar*.

По мнению некоторых ученых в современном русском языке и других славянских языках около 7 тысяч слов имеют свои аналоги и в таджикском языке. Сегодня на географической

¹ Си Юй Вэнь Хуа Мин Жэнь Чжи. Сборник известных деятелей культуры западных районов». – Урумчи, 2006, Народное издательство Синьцзяна. С. 66

² Р. Алимов. Таджикистан и Китай. Диалог культур. – Пекин, 2012. С. 89

³ См.: Давлат Довуди. Зороастризм и ислам после арабского завоевания в эпоху Саманидов. С. 35-43; Наршахи. История Бухары. С. 31

⁴ Richard N. Frye, “Notes of the History of Transoxonia,” Harvard Journal of Asiatic Studies 19, 1-2 (June 1956): P. 106-19

⁵ <http://www.unesco.tj/ru/index/index/pageId/85/>

карте России встречается множество названий рек, местностей и населенных пунктов, которые имеют своих одноименцев в Таджикистане. А многие названия, такие как Днепр, Днестр, Дон, Дунай, Иртыш, Обь и т.д. сохранили свои имена полностью или частично на древнеиранском языке.

Конечно, исторические события в былые времена шли своим ходом, и коренные племена, населявшие равнины Средней Азии постепенно меняли свои географические расположения. В ходе бурных событий древние бактрийцы, согдийцы, хоразмийцы и другие далекие предки таджикского народа строили города, осваивали земли, развивали садоводство и скотоводство, а судьба их соседей из индоевропейской общности в ходе исторических событий сложилась по-другому.

Несмотря на все препятствия в пути взаимоотношения потомков индоевропейцев с нашими предками, сосуществовавших долгие столетия, духовная привязанность между этими народами сохранилась. Это подтверждают не только археологические находки, но и мифы, легенды, сказания, которые передавались из уст в уста многими поколениями вплоть наших дней.

Паутина Великого шелкового пути оставила глубокий след в укреплении и обмене связями между таджикским, европейским и другими народами. Западные и северные ветви этой могущественной магистрали вели в Европу и Россию, а купцы из Согда и Бактрии не только были активными участниками процесса товарообмена между Западом и Востоком, но и посредниками при решении многих, иногда даже политико-дипломатических вопросов.

Известно и о связях кушанского Кирпанда с Западом. В 99 г. в Рим прибыло посольство Кушан. Римские писатели (III-IV вв.) сообщают о кушанских посольствах (называя их бактрийскими), которые появлялись в Риме в первой половине II века. Изображение кушанских посольств можно видеть и на рельефах, украшающих знаменитую колонну Траяна в Риме (II в.).¹

Еще во второй половине XIII века венецианский купец и путешественник Марко Поло, который со своим отцом и дядей совершил путешествие в Китай, владел персидским языком – как языком межнационального общения того времени на пространствах Шелкового пути. С уверенностью можно констатировать, что он был не единственным европейцем, побывавшим в те времена в Средней Азии.

В 1403-1406 гг., в период правления Тимура, дипломат и путешественник Руи Гонзалес де Клавихо во главе испанского посольства, совершил визит в Самарканд, о чем составил дневник, который был издан в XVI веке и является интересным источником, рассказывающим о древнем Самарканде, о культуре и быте его жителей, искусстве и архитектуре города.

В средние века в Европе начали распространяться произведения восточных авторов. К примеру, медицинские трактаты великого таджикского поэта и мыслителя Абу Али ибн Сина (Авиценна) долгие годы были настольными книгами европейцев. Позднее произведения таджикско-персидских классических поэтов, таких как Саади, Хафиз оказали ощутимое влияние на творчество таких выдающихся творцов Европы, как Шекспир, Гёте и др. После того, как рубаи (четверостишья) Омара Хайяма с таджикского языка были переведены на английский язык Фицджеральдом, его популярность стала больше в Европе, нежели на своей исторической Родине.

Более близкое взаимоотношение таджикского народа с европейцами началось в XX веке, когда находясь в составе СССР, союзные республики имели возможность знакомиться с европейской литературой, культурой, общаться и осуществлять товарообмен. Именно в советские годы на таджикский язык были переведены многие известные произведения западных авторов, в повседневную жизнь народа начали проникать европейские духовные ценности. Это не исключало и сфер архитектуры, декоративно-прикладного искусства, других направлений культуры.

¹ Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. – Berlin, 1924. – Vol. 1. – P. 42

В 30-е годы XX в. историк В. А. Рязановский писал: «Влияние скифо-сарматской культуры, персидской, индийской сильно сказалось и на русской культуре. Персидские мотивы вплетались на всем протяжении ее развития». Известный русский писатель Николай Чернышевский восхищался бессмертной «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, а под впечатлением поэзии других таджикско-персидских поэтов Сергей Есенин творил бессмертные «Персидские мотивы».

Близкое взаимоотношение таджикского и русского народов началось со второй половины XIX века, когда в результате геополитики Российской империи и Британии Средняя Азия были присоединены к России. Тогда Бухарский эмират, в состав которого входили центральные и южные части современного Таджикистана, сохранил номинальную независимость, а северная часть и Памир вошли в состав России. За этим в жизнь таджикского народа начала проникать русская речь, культура, российские товары, появились первые русские школы.

После победы Октябрьской революции (1917 г.) и образования союзных республик в составе СССР взаимоотношения русского с другими народами обширного государства строились по-новому.

Невзирая на все «плюсы» и «минусы» при советской системе духовное взаимообогащение получило новое развитие. Это не исключало и сфер архитектуры, декоративно-прикладного искусства и других направлений культуры.

К примеру, одно из сравнительно молодых направлений современного искусства – живопись на холстах, получила свое широкое развитие именно в период существования СССР. После образования Таджикской ССР таджикское художественное искусство претерпевает определенные преобразования, переходя от традиционно плоскостной системы к совершенно противоположной европейской академической культуре.

Таджикская живопись достигает значительных успехов в 60-х и 70-х гг. прошлого столетия. Изображение человека в гармоничном единстве с природой стало отличительной особенностью и традицией в творчестве художников Таджикистана.

Вместе с обретением страной независимости на смену стилю социалистического реализма с чертами интернационализма пришло новое искусство с национальной тематикой. В настоящее время культура Таджикистана сохраняет самобытные и западные ценности.

Нахождение Таджикистана в составе Союза наложило свой отпечаток и на трансформацию архитектурного искусства. Начиная с 30-х годов здания, построенные в стилях европейской архитектуры, придали новый облик и красоту столице Таджикистана – городу Душанбе и другим городам республики. Здания Театра оперы и балета, Медицинского университета, Дворца Арбоб и многих других являются лучшими достижениями архитектуры советского периода.

Сегодня наглядным примером крепких связей таджикской и европейской культуры являются творения таджикских архитекторов и живописцев, которые находятся в разных уголках мира. К примеру, в городах-побратимах Душанбе – Клагенфурте (Австрия) и Боулдере (штат Колорадо США) построены красивейшие таджикские чайханы, оформленные во всем блеске национального колорита. Эти чайханы подарок таджикского народа своим европейским и американским друзьям. Необыкновенные по своей архитектуре – чайханы стали местной уникальной достопримечательностью, над которой вручную трудились лучшие таджикские мастера – резчики по дереву.

Лучшие образцы таджикского искусства сегодня можно найти в известных мировых музеях и частных зарубежных коллекциях – они передают из поколения в поколение ценнейшую информацию о духовном богатстве таджикского народа. К примеру, большая часть Амударьинского клада (Сокровища Окса) хранится в Британском музее в Лондоне, в Метрополитен-музей в Нью-Йорке и Эрмитаже Санкт-Петербурга находятся древнейшие и современные экспонаты таджикского искусства, и т.д.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что имея богатую культуру и историю, таджики оставили глубокий след в формировании и развитии межкультурного диалога.

Список использованной литературы:

1. Алимов Р. Таджикистан и Китай. Диалог культур. – Пекин, 2012;
2. Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972;
3. Давлат Довуди. Зороастризм и ислам после арабского завоевания в эпоху Саманидов;
4. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник 2010. Под общей редакцией Х. Зарифи. – Душанбе, Ирфон, 2011;
5. Зарифи Х. Золотая сокровищница таджиков. – Душанбе, Ирфон, 2010;
6. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоари? – М., 1994;
7. Литвинский Б. А. Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. – М., 1971;
8. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. – М., 1983;
9. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. – М., 1985;
10. Литвинский Б. Храм Окса. Т. 1. – М., 2000;
11. Литвинский Б. Храм Окса. Т. 2. – М., 2001;
12. Майтдинова Г. Государство Кирпанд – империя в Средней Азии. – Душанбе, 2011;
13. Наршахи. История Бухары;
14. Си Юй Вэнь Хуа Мин Жэнь Чжи. Сборник известных деятелей культуры западных районов». – Урумчи, Народное издательство Синьцзяна, 2006;
15. Соловьев В. С. У истоков археологии Таджикистана (1813-1917 гг.) – Елец, 2005;
16. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М., 1977;
17. Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. – М., 1998;
18. Якубов Ю. Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006;
19. Namrochon Sarifi. Die Goldene Schatzkammer der Tadschiken. – Berlin, Wostok Verlag, 2012;
20. Namrokhon Zarifi. L’Héritage fabuleux des Tadjiks. – Brussels, Big Media Group, 2012;
21. Namrokhon Zarifi. Taciklerin Ebedî Hazinesi. – Istanbul, Timaş Basım, 2013;
22. Namrokhon Zarifi. Tajik Arts and Crafts: trough centuries / 世代相传的塔吉克民族实用装饰艺术. – Beijing, The Ethnic Publishing House, 2011;
23. Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. – Berlin, 1924. – Vol. 1;
24. S. Frederick Starr. Lost Enlightenment. Central Asia’s Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. – Princeton University Press, USA, 2013;
25. Richard N. Frye, “Notes of the History of Transoxonia,” Harvard Journal of Asiatic Studies 19, 1-2 (June 1956);
26. <http://www.unesco.tj/>

Alessandro Figus

Chair of European Union Law and European Political Organisation,
Link Campus University,
Rome, Italy

The complexity of the multiculturalism between political debate and governance

The end of the Cold War (but is it finished?), which was the consequence of the radical changes in Eastern and Central Europe, has brought about a completely new design of European relationships. It is an alternative to the bipolar equilibrium that was based on mutual suspect and terror. Europe of today is being more and more marked both by a general process of institution of nearer relations between adversaries of yesterday and by an incredible growth in all crucial fields of cooperation between the countries.

There is a gradual emergence in Europe : to find a stabilisation, and in the changed international system, Europe is finding its new identity in the fact that today almost all European countries are dedicated to the same historical and civilization values consisting in free elections, a Parliament and the Government, having a democracy and international sovereignty. European states are becoming aware that they belong to a new Europe, to an entity that is, first of all, defined as a specific community of values. Multiculturalism is one the European value, is the cultural diversity of communities within a given society and the policies that promote this diversity, is the simple fact of cultural diversity, it is a common goal, but it is clear that not all Europe has the same position, often it depends from the benefits.

The success in this fight depends very much on global support. It is obvious that even from the start of this release of radical reforms, the level of development of this country was not uniform and in addition the process of radical reforms is irregular.

Today we speak in Europe about multiculturalism and more less about integration as in the beginning. So what exactly is the difference between integration and multiculturalism? Aren't they in theory the same thing? Multiculturalism is a statement of fact, many different people from different cultural backgrounds and where it is possible to celebrate different cultures. We have integration when people take the best of their culture and combine it into the culture of others and it means that everyone more or less adopts the same culture. In any case ~~the~~ integration is not a change of identity.

The problem is really complex and we need to understand well that cultural diversity has become a major source of social conflict and political debate. Modern society frequently considers that good government goes without good governance. *We* are convinced that the power of politics in Europe, and more specifically, the current managerial class, moves appeals finalized entirely to self nourish or to resolve particular affairs (also legitimate), without a declared project to realize a “complexity globalization”. This also applies to the functioning of the government, from the global one to every local reality. It is essential to understand the human experience as a whole and some human experiences in their global complexity in a multicultural society and in multicultural context.

It seems obvious to declare the impact to identify horizons of general interest, in the “Common Good”. However in real life this necessity is indeed strategic and full of challenges to individualize and to continually face, with great realism and – contemporarily – with great planning tension.

A first field of action on which we find important to intercede (that in our opinion is a base from which to start for “correct” historical choices) are the consequences of the trials for a “political government and participation to the complex reality” and for an “appropriate governance, efficient, participated and competitive in all territories and specifically: in all Europe”.

It is necessary indeed to specify that both “phenomena” need to have from a global development to a European level, going through regional and local (macro regional) level.

Our opinion is that the challenge of the “governance”, should be necessarily framed referring to historical responsibility (duty/rights) and all the subjects must operate in the human cohabitation. It is important to intervene to guarantee a substantial “fullness”.

Close to the European Union citizens, representatives in the world environment of the culture, of the research and education, of the religions, of the economy and finance, of the institutions, of the political parties, of the labour unions, have the inevitable assignment to communicate, to report and to integrate the mutual affairs in places that we define “districts of the local complexity”. It enables to draw the sense of a common, original and autochthonous project. It is the role of the “government”, to individualise the rights needs and to make virtuous synthesis, politics and such requests (contemporarily, of mediation and of project creation).

It is necessary to live the “governance” as the organization of the elements of “complexity “ of reality, where our reality is the our society composed by a multitude of different subjects, so you talking about multiculturalism. These processes have the need to frequently be governed. To live the “government” as the phase of “superior” synthesis toward the definition of the “Historical Common Good” (in the moral, cultural, political, economic, juridical/institutional aspects), articulated to the different levels (global, European, regional, local).

Strategically, both processes must “feed themselves” of complete participation. In the current historical phase it is a “challenge in the challenge”;. In fact, today it is easy to live the distance among its great majority of the population and the so-called managing classes (elected and not-elected); always removed a present and remarkable quota of populism (an "however" negative attitude towards those who occupy tangible positions), an undeniable problem exists of “unsticking” among the citizens and the “building” (generally known).

In our opinion this happens because the people don't repute themselves “really” part of a managing class, class that can be the “managing class of the human project”. Everyone is called to do part of it and involved in, each one with different levels of responsibility, often different cultural level.

The participation is not selective but a condition of the “human being” and it goes according to the personal possibilities and ability.

Therefore the work that is necessary to develop this project, is demanding, and it primarily consists in starting a “diffused” process toward the awareness of the being managing classes. In fact there is an important and potentially fruitful connection between improvisation and the lived experience of complexity, and that improvisation and creativity are capacities that we need to develop in increasingly unpredictable, complex, and at times chaotic existence (see Edgar Morin). Everything is possible to get back to the idea of the governance, from the government to the governance (also introduced in the new idea of this macro region, the European Union).

In order to understand, and also live the phenomenon of improvisation, and in order to draw from the arts as a metaphor for both organization and social science, it behoves us to incorporate very “performative” elements into our own scholarship. We need the governance as the “common daily life”.

We have always tackled the global governance or world governance, starting from the idea of European governance. It will be a really political interaction of transnational actors aimed at solving problems that affect more than one nation or state when there is no power of enforcing compliance.

Actually the question of the European governance exists in the context of the full globalization, or better “mondialization”, but we need to give an answer to the progress of interdependences on a worldwide scale, both between European human societies (developed him with its own and progressive culture) and world governance designates regulations intended for the global scale.

We can say that the governance, also through a European vision, is not visible but we know that it exists. We need to study it, exploiting some ideas of Edgar Morin. Europe does not forget that we need to work towards building a feasible future. Democracy, equality, social justice, peace are the most important key words.

In the context of his idea of “Complex Thought”, Edgar Morin’s essay was published by UNESCO as a contribution to the international debate on how to redirect education towards sustainable development, we would like that Europe takes these concepts and transfers them to our governors, to create the right education for the future. It is a real bet.

Going back to local governments, the protection of minorities and the self-determination of peoples, therefore it must be said that, without doing philosophy, the regional or local autonomy is always a delicate thing, and maybe ambiguous. There is no single formula, a solution is not always better than the other. There are those who stick it as the most unjust privileges, and who defends it as a sacred value. The question is that the special status by wealth and privileges so good at all.

If you want an example of this multiculturalism governance, please look at the Italian region Trentino Alto Adige. Important today is to built which safeguards democratic development and economic liberalization, sometimes to start from education reform.

What you call “Tyrol” in reality is “South Tyrol” and it is an autonomous province in northern Italy. It is one of the two autonomous provinces that make up the autonomous region of Trentino-Alto Adige-South Tyrol with different history and culture, and where the majority the Austro-Bavarian heritage lives together and speaks German and a quarter of the population speak Italian, but there is also a small minority whose mother tongue is Ladin. A German speaking group is located mainly in province of Bolzano, the small Ladinian group living in the provinces of Bolzano and Trento. Their presence justify the creation of this autonomous region, with special status and thus protect the linguistic minorities concerned within the organisation of Trentino Alto Adige. Approved in 1948 the statute has been modified in 1972 and 2001.

Trentino-Alto Adige, comprising the territory of the Provinces of Trento and Bolzano, constitutes an autonomous Region, with legal personality, within the political unity of the Italian Republic, one and indivisible, on the basis of the principles of the Constitution and according to a special Statute. The capital of the Region Trentino-Alto Adige shall be the city of Trento. We have different regional legislation and the local government are obliged to carry out special attention to implement integration policies drawn up at the higher levels of politics in direct interaction with the citizenship. Here the problem is not the immigration but the cooperation between Italian and German speaking, to justify the implementation of their politics, local leaders refer to participatory democracy as a way to facilitate the participation of immigrants into city policy-making. however, does not address the problem of multiculturalism with regard to immigration countries, but rather with regard to countries confronted with ethnic diversities traditionally

Today is part of European Union as Tyrol, Austria and Italy, it is Euro-region Tyrol-South Tyrol-Trentino. South Tyrol is granted a considerable level of self-government, consisting of a large range of exclusive legislative powers and with a special fiscal regime.

It is important to underline that the considerable legislative power of South Tyrol is vested in an assembly, South Tyrol has particular status where the local government system is based upon the provisions of the Italian Constitution and the Autonomy Statute of the Region Trentino-Alto Adige-Südtirol.

In Italy we think it is a good example of living together, of course the self determination is not the only way to ensure the self determination, a multiculturalism placed within the Italian Republic, and some scientists or politics often speak about “multicultural” regime, which has been celebrated by several authors as the “model” outcome of the political compromise that led to “status” of South Tyrol as an autonomous province of the Italian Republic. In this case we speak about “compromise” and not about “integration”, a kind of compromise of democratic cooperation.

Multiculturalism is clearly better; here we don't have immigrants, we have not people left a country to leave all their cultural identity behind. Here we have Italian citizenships can access the better quality of life afforded in other part of the country and where the national identity is anachronistic, it is different than other examples in Europe, in fact here , we are in presence of a German-speaking minority living in Alto Adige, in Italy; we have a minority defined by its attachment to a region, and by its great linguistic and cultural homogeneity, and where they have passed their own regional integration laws. we're looking at a model where Cultural communities can maintain their own cultural life and educate their children in their own language.

Therefore in the statute we mention the word “inclusion” and not “integration”, when addressing the issue of the protection of the linguistic minorities. In fact the interest to this discussion of multiculturalism is the analysis of linguistic diversity, because it challenges a core assumption of classical theories of democracy. Language policies instructed by universal principles of democratic governance have as a result to answer to the questions of how the identity of linguistic groups can be respected and how, this is the case of this Italian region.

In conformity with the Italian Constitution and the principles of the legal system of the Italian Republic, and respecting international obligations and national interests – among which is included the protection of local linguistic minorities, as well as the fundamental principles of the socio-economic reforms of the Republic, the Region has the power to issue laws on the some matters as regulation of regional bodies, regional offices, local authorities and their relative subdivisions, regulation of health bodies and hospitals, the regulation of Chambers of Commerce and also others matters as the functions of the two provinces: Bolzano and Trento, as well autonomous.

“Authentic multiculturalism” and we have not forced integration. But is it possible to speak about “multiculturalism” in the Region Trentino-Alto Adige-Südtirol?

My opinion has only a reply: yes! The model works or does not work? It is going well, in the context of the complexity of political governance.

We must never forget the history of Europe, and cases such as those of South Tyrol are not the only, in fact in this regard, I would suggest that we need to consider Catalonia, or Belgium, etc., etc., where perhaps the problems of integration and also today the economic problems are more evident. All that glitters is not gold. Often, however, someone wants to go back, even in Bolzano.

Finally, the news that several parts that you would like the South Tyrolean athletes entered in international competitions not competed more under the Italian flag, as has happened so far, but under the banner of the red and white of the Province of Bolzano. So, the most Italian newspaper, Corriere della Sera titled "the campaign against the Italians." I am sure the athletes sportsmen and are not politicians! Equal it is the same the whole world over, which underlines once again how Italian politics accommodating and economically generous towards Bolzano, pursued for decades, it is not worth anything to absorb the irreducible right-wing chauvinist “German irredentism”, in any case a minority

idea of multiculturalism. I have always the opinion that it is better to be first than last, that the last of the first, and then South of the North.

We need to put attention to the topic of history and anthropology. When German-speaking countries anthropologists and Italian anthropologists have a meeting to discuss the anthropological understanding of history and enter into the similarities and differences between the Italian and the German academic traditions in this regard, they find lots and lots of common points, common places, and they depart from this. Depart from multiculturalism and cultural historian and not only from an integration project. They do not want the approval, but the respect of their identity.

We talk less of integration, because we do not like the concept of approval, we talk about most of multiculturalism and respect for the qualities and differences, and above all respect for others. culture often does not have a face but many faces. Important is to start a dialogue, it is the key of the lecture. Sporadically in life there are those moments of unimaginable fulfilment which cannot be completely explained by those symbols called words. I would like to return to some concepts expressed by Martin Luther King, about the word that symbolizes the spirit and the outward form of our encounter is *nonviolence*, we adopt the means of nonviolence, we need to find the best way to cooperate, but to cooperate we need to be in two and to look the future. Is it the multiculturalism a dream or reality? Multiculturalism is actually a very personal topic and in any case we need multiculturalism in its true form.

We need to create the governance of the opportunity, where the new opportunities facilitates in the same time the multiculturalism and the business access. The Multicultural education assumes that the future of European society is pluralistic and we have a obligation to promote a Higher Education cooperation, in fact the multiculturalism supports the idea that different students and their backgrounds and experiences should be the centre of their education. At the moment it is possible and it is essential that a free exchange of ideas be promoted in the area of multi-culturally also related issues in education.

All is replaceable to the modern society often considers that good government goes without good governance, in this case the governance of the different cultures, which in practice is multiculturalism. The recognition of differences, the opposite of the homologation, We are convinced that the power of politics in Europe, and more specifically, the actual managerial class, move appeals finalize entirely to self nourish or to resolve particular affairs (also legitimate), without a declared project to realize a “complexity globalization” and if we speak about Europe we also would like to include Russia and the Caucasian region (UEFA, football approach...??) This also applies to the functioning of the government, from the global one to every local reality. It is essential to understand totally the human experience and some human experiences in their global complexity.

It is so good that the surrounding municipalities want to be part of it. There are things you know, the Autonomous Province of Trento and Bolzano are doing well, they have money and even if they are run better than others in Italy or in Europe.

They are seen as privileged, both from Rome and from other regions. In fact autonomy means, first, obtain from the State management skills that traditionally it manages. Of course this is possible only if together with the skills you also get the money. This money is not nothing but a percentage of the taxes that local people pay in this region. It is a question of money and powers transferred by the state, of which the most important part is just the transfer of money. In any case the conclusion is that the globalisation with its rapid social change, the disruption of traditional political, cultural and societal allegiances and the changing form of governance and political participation must be a central concern to those responsible for constructing and maintaining political communities. The changes have everywhere reflective implications for such issues as the future of democracy, governance and civil liberties, citizenship and civil society. It is a real bet.

All is a real bet, if we want. If we want will be possible to move a good example of living together, of course the self determination is not the only way to ensure the self determination. the transition from philosophy to the complexity of the reality of the practice. Today, if we want will be possible

to take as a good example of multiculturalism, to look a part of European Union as Tyrol, Austria and Italy, to look this Euro-region Tyrol-South Tyrol-Trentino, especially when we think that it is one more riche region in EU.

We are talking about protecting the rights of minorities, but, sometimes, empower it mean to establish, once and for all, the amount of the amount due to the State, and as to the Provinces. In fact the South Tyrol is granted a considerable level of self-government, consisting of a large range of exclusive legislative powers and also with a special fiscal regime, well idea in crisis time, whatever model is adopted, requires cooperation.

Is it a real bet?

Bibliography

- Agreement De Gasperi-Gruber, Sept. 1946.
- Italian Constitutional Law n.5, 26 February 1948, special statute of Trentino Alto Adige.
- Figus Alessandro, *European Union between Government and Governance*, with Spulber D. edit by Morini M., published by eidon Editor in the framework of Tempus Tacis project, ISBN 978-88-9567-30-9, Genova, 2010.
- Galli Della Loggia Ernesto, *Antiitaliani con strane alleanze: I separati dell'Alto Adige*, in the newspaper "Corriere della Sera", 8 May 2009.
- Peterlini Oskar, *Foundations and Institutions of South-Tyrol's Autonomy in Italy*, in Ghai, Y./Woodman, S. (eds): *Practising Self-Government: a comparative study of autonomous regions*. Cambridge University Press, Cambridge 2013.
- Morin Edgar, *Introduzione al pensiero complesso*, Sperling & Kupfer, Milano, 1993.
- Morin Edgar, Véronique Nahoum-Grappe, Haïm Vidal Sephiha, *Vidal et les siens*, Paris, 1989.
- Peterlini Oskar, *The South-Tyrol Autonomy in Italy, Historical, Political and Legal Aspects*. In: Oliveira J./Cardinal P. (edit.): *One Country, Two Systems, Three Legal Orders – Perspectives of Evolution*, Springer, Berlin, 2009.
- Peterlini Oskar, *L'autonomia che cambia*, Gli effetti della riforma costituzionale del 2001 sull'autonomia speciale del Trentino-Alto Adige Südtirol e le nuove competenze in base alla clausola di maggior favore, Casa editrice Praxis 3, Bolzano, 2010.

See the web site:

<http://portal.unesco.org/en/ev.php->

[URL_ID=18178&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html](http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=18178&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html)

<http://www.ipstrategie.it>

Dr. Kishor Kumar Tripathy*

Editor, Cultural Informatics Laboratory

Indira Gandhi National Centre for the Arts

Ministry of Culture, Government of India

1, Central Vista Mess, Janpath, New Delhi-110001

Website-www.ignca.nic.in, email- kkumar.aum@gmail.com

Multiculturalism as a policy of the tolerant co-existence of different Cultural Practices: Theory to Humanitarian Practices leading to World Peace

Abstract

Contemporary world, developed with scientific and technological advancements, where materialism has challenged the spirit of human civilization and there is also a great question related to survival of humanity. The history of human evolution demonstrates that sociotechnological evolution of man changed his cultural identity, social ethics, moral beliefs and values. In a broader sense, the objective of Cultural identity is to promote cultural expressions and multiculturalism can play an important role in this regard. In a multicultural society, special emphasis is given on tolerance, compassion and integration where all the members celebrate one another's culturally distinctive and expressions of cultural identity.

Multiculturalism recognizes the importance of cultural integration among people from varied cultural backgrounds as the pursuit of new relations of democratic citizenship inspired by

human rights and ideals. Multiculturalism as a policy recognized the contribution to the nation of the many ethno-cultural groups, and it encourages values of equality and mutual respect with regard to race, national or ethnic origin, colour and religion. The objectives of multiculturalism are to acknowledge the freedom of all the members of society to preserve, enhance and share their cultural heritage. In this paper an attempt has been made to highlight the characteristics of multicultural policy as a tolerant coexistence of different cultural practice. It also addresses various issues related to multiculturalism; i.e. globalization, cultural diversity, universalism and democracy. The paper highlights the challenges to multiculturalism and implementation of ideas leading to multicultural leadership in the 21st century. The paper will also focus on the contribution of Baku International Humanitarian forum for the promotion of multiculturalism. The policy of multiculturalism, as a shared ideal of humanity can be utilized as solutions to global issues related to the survival of cultural identity and human values.

Keywords: multiculturalism, cultural practice, policy, globalization, cultural diversity, universalism and world peace.²

0.0. Contemporary World and Cultural Identity: Challenges and Opportunities:

Contemporary world, developed with scientific advancement and technological challenges, where materialism has challenged the spirit of human civilization and there is also a great question for the survival of the humanity. There are global challenges in the context of unity in diversity, universal brotherhood and harmony. The contemporary world is under the grip of conflicts and has created anxiety, excitement and thrill everywhere. It has also led human society towards hatred, competition, destruction and domination. Is it the outcome of the modern world? How can human spirit be regained? How humanity will be saved? The human civilization and humanism stands for the discovery of human truth and regard for all the creatures of the world. The history of human evolution demonstrates that socio-technological evolution of man changed his cultural identity, social ethics, moral beliefs and values.¹ The world culture presents different geographical features, cultural traditions, manners and customs, which have produced some of the most ancient civilizations of the world. The survival and sustenance of human race on the earth depends on cultural values, which thrive on

peace, cooperation, good will, love, loyalty and friendship have to be given more importance than anything else and have to be maintained at any cost. 2 The approaches related to cultural identity and regard for humanity depends on the development of goodwill for others. The purpose is to encourage cultural identity and cultural integration which can be a cause of a definite asset to the cause of humanity. The idea of shared ideal of humanity and

the oneness of all the creatures strives to spread peace, unity and compassion on the world stage and can be utilized as solutions to global issues related to the survival of cultural identity and human values. The objective of Cultural identity is to promote cultural expressions and multiculturalism can play an important role in this regard.

0.1. Multiculturalism: Building a Culture of inclusion:

Multiculturalism denotes a particular kind of policy approach that is chiefly used for the proper management of culturally diverse society. Multiculturalism creates the community where we live alongside one another.³ The term 'Multiculturalism' may be explained as "the policy of accommodating any number of distinct cultures within the one society without prejudice or discriminations". In a multicultural community special attention is given that everyone has culture and it develops acceptance and respect for differences among individuals and different cultural groups- "Multiculturalism is an ideal system which different societies to merge in another to yield a useful and unique culture which is an ideal system for every culture and civilization. Humanity has been through different ages like Stone Age, industrial age and hi-tech period that is progress now but I have figured out that there is not even a single culture that can be idealized for a prosperous society. In pre-historic times, different ways of life intermingled with each other to give an abstract shape to a new civilization. For example, people living in mountains taught the people living in forests, the

art of survival. Likewise, in return, forest people made them aware of the fruits and vegetables and to cover their bodies with leaves. When these people came in contact with the people living in plain lands, they learnt how to grow crops and how to make themselves compatible with their changing environment. Similarly, people living in coastal areas spread the awareness about the marine life and sailing on water. So, multiculturalism has its roots before even man got civilized. Conditions that stimulated the multiculturalism were the needs that man required for his survival on this planet, as it was almost possible for the people of one area. It gives birth to a mix culture of different cultures that cannot be separated like a water bowl. So it is not possible to disintegrate that lead to the emergence of multiculturalism.

Multiculturalism is the other name of civilization. Different civilizations borrowed a lot from one another in order to establish a multicultural society."⁴ In a multicultural society, special emphasis is given on tolerance, compassion and integration where all the members celebrate one another's culturally distinctive and expressions of cultural identity.

0.2. Multicultural, Cross-cultural, and Intercultural Dialogues:

There are three factors of cultural practice; i.e. Intercultural, Cross cultural and Multicultural.

In Intercultural dialogue, there is comprehensive mutuality, justice, respect, equality, understanding diversity and freedom, which is identified as deeper than multicultural or crosscultural models of dialogue. Interculturalism examines the differences and similarities of culture around the world and it examine how race, culture and impact social interactions.⁵

It also allows people around the world to interact and live harmoniously with each other. In Cross-culturalism, the cultural practices reaching across boundaries which creates cultural relationship between cultural communities and building bridges among diverse groups. Cross-cultural refers to identify how people from different cultural backgrounds communicate with each other. It is concerned with exchange of cultural practices beyond the boundaries of the nation or cultural group. Multiculturalism is quite different from Intercultural and cross-cultural practice of culture. Multiculturalism is variously spoken as a act of cultural and religious diversity. Multiculturalism is an important factor

because it encourages dialogue with different cultures based on different perspectives. Multiculturalism as a policy approach has been broadly discussed on both scientific and public level and the perspectives have been adopted by public policy framework in order to deal with cultural diversity.⁶ In a multicultural community, all the members live alongside one another and value tolerance, which is also chiefly meant to deal with cultural diversity. However, multiculturalism has a different vision in comparison to cross-cultural and intercultural dialogue between communities. Multiculturalism deal with immigration policy, conflict resolution, international law and cultural diversity and it presents the latest stage towards the conceptualization of social identity in a vision to achieve unity and peace.

0.3. Multiculturalism Policy: An Assessment:

Multiculturalism is the first and foremost policy about developing new models of democracy and democratic citizenship- “As an alternative to assimilationism and differentialism, multiculturalism emphasizes that acknowledging the existence of ethnic diversity and ensuring the rights of individuals to retain their culture should go hand in hand with enjoying full access to, participation in, and adherence to, constitutional principles and commonly shared values prevailing in the society. By acknowledging the rights of individuals and groups and ensuring their equitable access to society, advocates of multiculturalism also maintain that such a policy benefits both individuals and the larger society by reducing pressures for social conflicts based on disadvantage and inequality. They also argue that multiculturalism is enrichment for the society as a whole.”⁷ Multiculturalism as a policy approach has been recognized by policy makers in the twenty-first century. Among average communities and diverse group of peoples of the world, multiculturalism means a foreign culture, minority culture or culture of the immigrants.⁸ Multiculturalism deal with the integration of immigrants into societies, rights of residence, acquisition of citizenship, protection for human rights and equal treatment under the law and the basic idea of multiculturalism is to social and cultural integration of immigrant groups.⁹ Multiculturalism as a policy creates a platform for the different societies to merge in another tradition and also a unique principle for every culture and civilization of the world. James C. Trotman, in his work ‘Multiculturalism: Roots and Realities’ (2002) defines the characteristics of multiculturalism “As one of today’s most important and intensely debated terms, multiculturalism has become a conceptual flash point inviting some of the most stimulating and acrimonious discussions within and outside of the academic community. To some it is an idea about diversity. If we see in the world from the perspectives of many cultures and histories, we are in a better position to understand the past and the world today.”¹⁰ Significant finding related to multiculturalism may be seen through the contemporary researches, i.e.

“Is There Really a Retreat from Multiculturalism Policies? New Evidence from the Multiculturalism Policy Index”, (Banting, Keith and Will Kymlicka, 2013); “Is There Really a Backlash Against Multiculturalism Policies? New Evidence from the Multiculturalism Policy Index”, (Banting, Keith and Will Kymlicka, 2012); “Multiculturalism: Success, Failure and the Future”, (Kymlicka, Will, 2012); “Do multicultural policies erode the welfare state? An empirical analysis,” (Banting, Keith, Richard Johnston, Will Kymlicka and Stuart Soroka, 2006.); “Citizenship and Immigration: Multiculturalism, Assimilation and Challenges to the Nation-State.” (Bloemraad I, Korteweg A and G Yurdakul 2008); and

“Unity in Diversity? Bridging Models of Multiculturalism and Immigrant Integration” (Bloemraad, I. 2007) etc. “The Multicultural Policy Index” project undertaken by the Queen’s University focuses on the broader perspectives on multicultural policies. The survey is basically identified in the countries like, Australia; Austria; Belgium; Canada; Denmark; Finland; France; Germany; Greece; Ireland; Italy; Japan; Netherlands; New Zealand; Norway; Portugal; Spain; Sweden; Switzerland; United Kingdom and United States. The basic objective of the project is to study the eight policies as common forms of immigrants- “Constitutional, legislative or parliamentary affirmation of multiculturalism at the central and/or regional and municipal levels and the existence of a government ministry, secretariat or advisory board to implement this policy in consultation with ethnic communities; The adoption of multiculturalism in school curriculum; The inclusion of ethnic representation

/ sensitivity in the mandate of public media or media licensing; Exemptions from dress codes (either by statute or court cases); Allows dual citizenship; The funding of ethnic group organizations or activities; The funding of bilingual education or mother-tongue instruction;

Affirmative action for disadvantaged immigrant groups.”¹¹ Multicultural policies focuses that all the members of the society must have equal opportunity to realize their full potential and every person should be able to maintain his or her own culture without any disadvantages. The best example of multiculturalism can be seen in Canada. Multiculturalism as a policy was accepted in Canada in 1971 and the basic objective of multiculturalism that reflects the cultural and racial diversity of Canadian society. Constitutional, legislative or parliamentary affirmation of multiculturalism policy was not accepted at the federal level in the United States. But there are certain flexibilities and rules adopted by the federal to face the challenges in the field of immigrant and communal harmony. The official policy of multiculturalism was adopted by Australia and according to the 2006 census, more than 50 % of the population was from overseas. In Britain, multiculturalism as a policy was not recognized any constitutional, legislative or parliamentary sense but multiculturalism policies were adopted by local administrators from the 1970 and 1980s onwards at United Kingdom.

In New Zealand, multiculturalism has not received the official affirmation but there is a government body that looks after the ethnic affairs. Multiculturalism as a policy have its deep roots in the constitution of India and subsequent articles- 15, 16,17, 19, 21, 29, 30, 39, 46,243D, 243T, 332, 334 and 335 contain fundamental rights for the multicultural communities of India- “Multicultural concerns have long informed India’s history and traditions, constitution and political arrangements. Much of the writings on Indian history, culture and politics are marked by some kind of multicultural concern.”¹² Multicultural policies focuses that all the members of the society must have equal opportunity to realize their full potential and every person should be able to maintain his or her own culture without any disadvantages.

0.4. Multiculturalism and Cultural Diversity:

Diversity is nothing more than a difference from the majority. In different cultures we find there is a majority and many minorities and they follow different kinds of cultural practices. Cultural diversity refers a range of different societies or peoples having different origins, regions, traditions and live in a society and interacting together. Cultural diversity is a defining characteristic of humanity which forms a common heritage of humanity.¹³ Cultural Diversity creates a world which nourishes human values which is also the chief cause for the development of communities. Multiculturalism is unique concept, which deal with cultural diversity. Multiculturalism is the set of values, structures, and practices held in common by a group of people, it is also often used to mean an environment which differences among communities and groups are recognized, respected and valued. Multiculturalism goes beyond being aware of differences in culture and being sensitive to them, respects and value diversity.¹⁴ It creates the environment demonstrate the capacity, knowledge, understanding and skills to communicate effectively with culturally diverse people, recognizing and interacting effectively with culturally diverse people. Christine Inglis in his article

‘Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity’ describes “Understandably, multiculturalism as a search for democratic public policy responses to cultural and ethnic diversity in certain countries is of prime interest to UNESCO, in so far as it embodies the ideal of reconciling respect for diversity with concerns for societal cohesion and the promotion of universally shared values and norms.”¹⁵ Multiculturalism is a policy which is response for coping with cultural and social diversity in society. Multiculturalism is the systematic and comprehensive response to cultural and ethnic diversity which also covers educational, linguistic, economic and social components. It helps to communicate and interact effectively and positively with diverse individuals, cultural practice and beliefs in a diverse society. The feature of multiculturalism is to address issues of diversity and it flourishes democracy, tolerance, social justice and mutual respect between peoples and cultures.

0.5. Challenges to Multiculturalism:

Multiculturalism perspectives have been adopted by public policy framework in order to communicate with cultural diversity. The challenges of multiculturalism have been broadly discussed on both scientific and public level. In the Book 'Interculturalism and

Multiculturalism: Similarities Differences' Martyn Barrett (2013) presents some of the important issues related to multiculturalism:16

- that multiculturalism encourages members of different cultures to live separately in parallel communities that have only minimal contact and interaction with one another, generating mutual ignorance and mistrust;
- that multiculturalism weakens collective identities and common values, and undermines national identity and loyalty to the country;
- that multiculturalism supports and encourages minority cultural practices that are morally unacceptable (such as female circumcision, forced marriage, and the subordination of women);
- that multiculturalism encourages disaffected minority youth to engage in civil disturbances and riots;
- that multiculturalism encourages Muslim youth to embrace religious fundamentalism, extremism and terrorism;
- that multiculturalism institutionalizes cultural differences based on a view of cultures as monolithic static communities each of which is characterized by a clearly identifiable set of beliefs and practices that are shared by all of its members, a view which ignores the social reality of cultures as fluid, heterogeneous, internally contested and evolving social collectiveness;
- that multiculturalism prevents honest debate about societal problems through a political correctness that brands any criticism of multiculturalism as "racist" and that denies the existence of social problems linked to immigration, race and ethnicity.

Multiculturalism has several implications on the world and there are great challenges to multiculturalism. Whatever the merits or demerits might be, multiculturalism has the great role for the making of an integrated community.

0.6. Implementation of the Multicultural Guidelines:

Multiculturalism as a policy may be seen as the expression of political principles that allow for both majorities rule and respect for the the right of minorities. Multiculturalism as a policy gives community to valuing diversity, fair access, encouraging participation and mutual respect. 17 In this connection, it should be applicable for the benefit for the society

Followings are some of the suggested guidelines in this regard-

- Active consultative mechanisms to involve people from diverse linguistic and cultural backgrounds.⁷
- Developing and Implementing policies with special emphasis on inclusive policies, programs and services which are responsive to cultural and linguistic differences.
- It should not be limited to strictly human perspectives; the direction and identity should send clear messages about its commitment to address the culturally diverse society.
- Maintaining network relationships with ethnic community groups and individuals promoting Multicultural representations.
- Community engagement focuses to the connection between government, community and citizens in the development of policies, programs and services and projects.
- All the individual and institutions should respect and initiate provision for the culture, language, manner, religion and practices with other cultural groups.
- Develop multicultural strategies with existing plans determined its objectives in developing the Multicultural Action Plan.
- All individuals should have provided the sufficient opportunity to contribute and participate in all aspects of public life.

- Identification and consultation with multicultural community agencies and networks to implement policies in the objective to face current issues related to multiculturalism.

In a broader sense, multiculturalism recognizes the importance of cultural integration among people from varied cultural backgrounds as the pursuit of new relations of democratic citizenship inspired by human rights and ideals. Multiculturalism as a strategic policy should be implemented to face the global challenges of twentyfirst century.

0.7. Multiculturalism,: Theory to Human Practice leading to World Peace:

A multicultural society includes very distinct cultural groups with equal status and it does not allow for exchange between the cultural groups, and tends to only focus on representation. The important factor regarding multiculturalism is that it is not a desirable concept; it is a practical approach, which should be maintained for the sustenance of human civilization. The distinguishing quality of humanity, its most precious possession, is the human value, which was instructed by the ancient social thinkers or the survival of humanity. Human being is the most educable creature in the world. As far as the spirit of human civilization is concerned, human values are established in a society in view of the varied aspects of human life. The values can be examined in the context of social development, religious advancement and continuity of cultural traditions. The human civilization and humanitarianism stands for the discovery of human truth and regard for all the creatures of the world. The spirit of multiculturalism is not a modern concept, from the very beginning of the social process; our ancient thinkers have discovered the eternal spirit of peace through their sacred consciousness. In the sacred Vedas it is mentioned that- May the Earth- the Earth whereon men sings and dance with various noise, Whereon men meet in battle, and the war-cry rises and the drum resounds, May she subdue my foemen and make me free from foes.”¹⁹ The knowledge of truth and the inspiration of love, many philosophers, poets and prophets have done immortal things and have left the world, but the things they have achieved are still showing light to the helpless and miserable to regain human faith and human spirit and guiding them to achieve human perfection based on peace and harmony. Further, the concept was thoroughly organized by the global thinkers, political scientists, economists, and sociologists of the modern world. Multiculturalism in the twenty-first century is a positive approach which aims to create a better world based on unity in diversity, peace and cooperation.

It has a definite role to play for global peace and harmony. The moral teachings, beliefs, practices, manners and moreover the humanistic approach of culture contained in the teachings of diverse cultural practices are the essential factors for the establishment of universal peace and harmony. It emphasizes that cultural practice is an ethical approach based on the principles of Integral Unity of all human beings. It emphasizes that culture is the philosophy of humanism and should be applied for global peace and harmony.

0.8. Comparative Research into Multiculturalism: Presentation of the Baku Internatinal Centre of Multiculturalism:

The Baku International Humanitarian Forum was established in a vision to continue “dialogues, discussions and exchange of views on wide range of global issues in the interest of all humanity.” Under the dynamic participation of the diplomats, Noble Prize laureates, Emeritus Professors and world-famous public and political figures the Baku International Centre of multiculturalism has done tremendous work in the field of humanitarian problems in the era of globalization.²⁰ It has also created a platform for constructive debates and discussions; exchange of ideas, theoretical and practical knowledge based on a synthesis of Science and Technology, Economic Development, Sustainable development, National identity in the Postmodern era, Multiculturalism, Interdisciplinary Integration in Innovative development, Challenges of Globalization and the basis of Humanism as a Basic value in the Post modern era. The forum has also opened an international platform to conduct Comparative Research into Multiculturalism, which is an important factor of twenty-first century. In the words of His Excellency, Ilham Aliyev (at the opening of the Second Baku International Humanitarian Forum)

– “One of the goals of the Baku International Humanitarian Forum is precisely to increase multiculturalism trends. There is no alternative to multiculturalism. At the previous forum I also expressed my views about this. I can reiterate with full confidence that multiculturalism is the most viable option for future development.” The centre has given special attention on the different dimensions of multiculturalism; i.e. multiculturalism and cultural self-consciousness, multiculturalism in the life of a society; multiculturalism: achievements and problems; multiculturalism as a policy of the tolerant co-existence of different cultural practice, multiculturalism and originality: in search of value consensus in society.²¹ The author extends his sincere gratitude to all the members of the centre for creating such a highly specialized platform which will definitely spread the message of multiculturalism and its significance both for the development of different cultures and it will definitely spread the message unity, peace, compassion and integral development.

Conclusion

Multiculturalism, as a policy response to different cultural practices and also a systematic and comprehensive response to cultural and ethnic diversity, has been accepted by some of the countries. The policy of multiculturalism has given an extensive effort to cope democratically with diversity, developed in the very short time-span time. This paper set out to examine views on multicultural, cross-cultural, and intercultural dialogues and it is found that multiculturalism is a unique concept for building a culture of inclusion. The paper also focuses on the assessment of cultural policies. The inevitable conclusion from our results is that multiculturalism is the systematic and comprehensive response to cultural and ethnic diversity which also covers educational, linguistic, economic and social components.

Multiculturalism helps to communicate and interact effectively and positively with diverse individuals, cultural practice and beliefs in a diverse society. Multiculturalism has several implications on the world and there are great challenges to multiculturalism. Whatever the merits or demerits might be, multiculturalism has the great role for the making of an integrated community. Keeping in view of the importance a systematic study has also been done for the implementation of multicultural guidelines with special attention on universalism and democracy. There are global challenges in the context of unity in diversity, universal brotherhood and harmony. The contemporary world is under the grip of conflicts and has created anxiety, excitement and thrill everywhere. In this context, multicultural leadership development is an inevitable factor for the twenty first century. In this regard the role of Baku International Centre of Multiculturalism for promoting Comparative Research into Multiculturalism based on theory and practice is important for a dialogue between the world's different communities. Multiculturalism has a bright future and it is a broad political ideology based on a set of specific public policies, focusing on the cultural identity of diverse communities. In the words of H.E. Ilham Aliyev “We believe that it has a present and future.

We all have to work hard to strengthen the trends of multiculturalism.”

Notes and References

1. “Science and technology should advance knowledge to promote human and environmental well-being. We must ensure that benefits reach everyone in societies that are becoming ever more complex. Increasing proximity does not always mean greater understanding. We must make the most of cultural diversity for social cohesion, for innovation and sustainable development.” *Materials of the Baku International Forum*, 4-5 October, 2012, Video message of UNESCO Director-General Irina Bokova.

2. Linton, Ralph (1955) *The Tree of Culture*, New York: Alfred A. Knopf – “Most of the human existence revolves about the interrelations and interactions of society, culture and the individual. These entities are so closely interdependent that investigators are likely to become confused when

they try to differentiate them. In particular, the terms culture and society are often used interchangeably. Nevertheless, each of the three is a phenomenon of a different order and each has its special characteristics and its special role in the dynamic configuration formed by all three together. A society is an organized group of individuals. A culture is an organized group of learned responses characteristics of a particular society. The individual is a living organism capable of independent thought, feeling, and action, but with his 10 independence limited and all his responses profoundly modified by contact with the society and cultural in which he develops.” P. 29

3. Barrett, Martyn (2013), *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities Difference*, pp. London: Council of Uropean Publishing, p.9

4. Raza, Syed Ali (?) *About Religious Harmony and Interfaith: Multiculturalism*, Pakistan: Global Peace Trust, p. 9

5. Barrett, Martyn (2013), *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities Differences*’ pp. London: Council of Uropean Publishing, p.28

6. Modood, Tariq (2013) *Multiculturalism: A Civic Idea*, UK, Polity Press, p. 40

7. *Multiculturalism: A Policy Response to Diversity*, Paper prepared on the occasion of the "1995 Global Cultural Diversity Conference", 26-28 April 1995, and the "MOST Pacific Sub-Regional Consultation", 28-29 April 1995, both in Sydney, Australia, Management of Social Transformations, © UNESCO 1995.

8. Launikari, Mika & Puukari, Sauli (2005) *Multicultural Guidance and Councelling: theoretical Foundations and Best Practices in Europe*, Institute for Educational Research, University of Jyvaskyla.

9. Reitz, Jeffrey & et. al. (?) *Multiculturalism and Social Cohension: Potentials and Challenges of Diversity*, Springer, p.5

10. *Multiculturalism: Roots and Realities* (2002)

11. Kymlicka, Willi (2012) *Multiculturalism: Success, Failure, and the Future*, Washington D.C: Migration Policy Institute, p.11

12. Bhattacharya, Harihar (2003) “Multiculturalism in Contemporary India” *International Journal of Multicultural Societies (IJMS)*, Vol. 5, no.2. 2003, pp. 148-161).

13. *Convention on the Protection and Promotion of the Diversiy of Cultural Expressions*, UNESCO, p. 3

14. Neumannova, Radka (2007) *Multiculturalism and cultural diversity in modern nation state*, Conference Turin 2007, University of Economics, Prague Czech Republic, “The issue of multiculturalism has been broadly discussed on both scientific and public level. During some past decades a multiculturalist perspective has been adopted by public policy framework in order to deal with cultural diversity. The idea of multicultural society has its roots in nation-states, throughout their histories, when confronted with international migration such as, i.e., Canada, The United States and Australia. These states are conventionally referred to as examples of various forms of multicultural society, accommodated through nation states public policies. Still, the issue of multiculturalism includes a variety of different problems, which take new shapes according to the different political circumstances where they manifest themselves.”

15. Christine Inglis (1995) *Multiculturalism: A Policy Response to Diversity*, Paper prepared on the occasion of the "1995 Global Cultural Diversity Conference", 26-28 April 1995, and the "MOST Pacific Sub-Regional Consultation", 28-29 April 1995, both in Sydney, Australia.

16. Barrett, Martyn (2013), *Interculturalism and Multiculturalism: Similarities Differences*, pp. London: Council of Uropean Publishing, 21-22

17. *Report of the APA task Force on th Implementation of the Multicultural Guideelines*, American Psychological Association, p. 4 11

18. Phillips, Anne (2001) *Multiculturalism, Universalism and the claims of Democracy*, Democracy, Governance and Human Rights Programme Paper Number 7, United Nations Research Institute for Sociel Development, pp. 9-11

19. *Atharvaveda*, 12.1. 45

20. “Fundamental transformations in people’s minds require visionary and bold leadership. Bringing together the leaders and prominent personalities from around the world, the Baku International Humanitarian Forum is making a significant contribution for our common quest for human values.” *Materials of the Baku International Humanitarian Forum*, 4-5 October, 2012, Speech by the President of the UNESCO General Conference, Katalin Bogyay, p.16

21. “a humanitarian approach is the one that measures every action against the values shared by the free societies and democratic system of governance. These are the values of human rights and freedoms; value of peaceful coexistence, tolerance and rejection; values of equality, non-discrimination, and non-stigmatization. These are the values of democracies, where citizens choose freely their governments, and of inclusive societies, where all groups of individuals have equal opportunities of meaningful engagement in the lives of their communities.” *Materials of the Baku International Humanitarian Forum*, 4-5 October, 2012, Speech by the President of the UNESCO General Conference, Katalin Bogyay. P.17

* Dr. Kishor Kumar Tripathy is Editor, Cultural Informatics Laboratory at Indira Gandhi National Centre for the Arts, Ministry of Culture, Government of India. He obtained his Doctoral degree from Utkal University, India. His fields of interest include subjects, like Indian Art & Culture, Asian Studies, Cross-cultural and Heritage Studies. He is actively involved in interdisciplinary study, research and dissemination activities with special emphasis on socio-cultural dimensions of traditional knowledge system through crosscultural interactions. Dr. Tripathy has been engaged in the research, documentation, publication and outreach activities related to Indian Art, Culture, and Area Study Programmes include East Asia, South East Asia, Central & West Asia. He has been associated with international projects, i.e. Asian Encounters: Networks of Cultural Interaction, ABIA South and Southeast Asian Art and Archaeological index, Buddhist Transcreations in Tibetan Literature and Art", Cham Art Heritage of Vietnam: Ecological, Cultural and Art Historical Traditions, The Indian Shilpa and Cultural Resurgence from the Sassanids to Seljuquids, Nizami Ganzavi and India, and Indo-Mongol Colloquium: Some Unexplored Areas of Research. Having research, curatorial and management skills, Dr.Tripathy was part of the curatorial team for organization of exhibitions, i.e. Indologists: Who Shaped India (2014); Gurudev Rabindranath Tagore: A Visionary, Artist & Poet, (2011); An exhibition of Paintings from the collections of Victoria & Albert Museum, British Museum and British Library (2010) and Images of India: a fascinating Journey through Time (2010).

He has attended several international and national conferences and has written extensively on cultural interactions, has a particular interest on cross-cultural and interdisciplinary studies.

Азимова Рафига

Национальная Академия Наук Азербайджана,

Доктор Философских наук, завед. отд. «Социологии и социальной психологии»

Института Философии и Права

Мультикультурализм и политическая социология

Жизненная диспозиция в культуре – это предрасположенность выражать в условиях конкретно функционирующего социума индивидуально-интеллектуальную творческую энергию. Известно, что на протяжении длительного эволюционного процесса эта энергия находила свое выражение путём трансляции духовного и материального производства и воспроизводства в поисках последующих поколений.

Именно планетарное многоцветье мультикультур сегодня предстает перед нами как специфическое самовыражение синтетического процесса мысли и духа. Как сгусток энергии и творческой деятельности мультикультурализм вобрал в себя естество, уходящее своими корнями в естество природы.

Действительно, трудно представить себе планету Земля, где течет только одна единственная река или каждую весну на поляне цветут только одни ромашки, и одно дерево, плодоносящее только яблоки!

Многоцветье наций, нашедших свое отражение в многоцветьи культур – это дальние отголоски многоцветья мудрой природы.

Многоцветье культур, на наш взгляд, как естественный процесс развития рода человеческого, было и остается естественным фундаментом и условием жизнеспособности планетарного сообщества.

На протяжении длительного эволюционного пути развития человеческого общества интенционально – воображаемая энергия человеческого самовыражения, отраженная в символах, мифах, ментальных и языковых смыслах выстраивали фундамент яркой мозаики мультикультур. Если отталкиваться от феноменологической философии, человечество уже на заре своего становления, выжило благодаря протонаучным знаниям, то есть той интуитивной достоверности, которая по выражению Декарта благодаря своей простоте более достоверна, чем сама дедукция и которая формировала неписанные законы общения в процессе человеческой деятельности. Протонаука оставила человечеству стержневые, непреходящие ценности, порой пренебрегая которыми человечество в разных временных- исторических отрезках оказывалось в чрезвычайно сложных тупиковых ситуациях.

Культурно- антропологическая методология, нашедшая свое отражение в трудах К. Леви-Стросса (структурная антропология) и его семиотический подход к осмыслению культуры языка, лингвистических моделей весьма убедительно говорит о многотональности культур. В своей работе «Первобытное мышление» автор раскрывает закономерности познания и психики человека в различных социальных, прежде всего традиционных, системах, в культурной жизни народов. Это идея убедительно отражена также и в сравнительной социологии культуролога Б. Малиновского, социальная антропология Фортаса и Эванса Прич-Брауна, В. Тернера. В исследованиях этих авторов отражен огромный социологический материал, иллюстрирующий истоки зарождения мультикультурализма.

Эволюционный процесс специфического самовыражения культурных феноменов дает основание утверждать что мультикультурализм – это нравственное право нации на творческое созидание. Планетарная культура во всех случаях есть многовариантное переплетение самобытных созидательно духовно-творческих явлений.

Мультикультурализм также как и сам человек есть носитель абсолютной и относительной ценности. Являясь ценностью сам по себе, мультикультурализм привносит существенную духовную энергию в культуру планетарного сообщества.

* * *

Возникает вопрос: почему идея мультикультурализма в зеркале политической социологии воспринимается проблемно? Наблюдая с тревогой за современными процессами, нельзя не заметить, что самая опасная тенденция человеческих устремлений XXI века проявляется в пренебрежении незыблемыми устоями мультикультурализма, тем самым оставляя все меньше шансов для гуманитарной глобализации.

Известно, что гениальные догадки и идеи гуманитарного единства уже были заложены на заре становления новой эры. Нам известно, что в мировых религиях новой эры красной нитью проходят максимы, обращенные к человеку и человеческой жизни. Вот только три максимы из трёх великих религий: «Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Библия. Книга Ветхого Завета. Гл.2 (7,8) – М, 1968 – с.2)

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божьими...» (Книга Нового Завета, гл 5 (8,9).

Универсальная максима Корана говорит о равноправии перед Богом всех и каждого. Идея взаимопонимания адресована человеку планеты, она планетарна.

«Он узаконил для вас в религии то, что завещал Нуху, что открыли мы тебе и что завещали Ибрагиму, и Моисею, и Иисусу.... Держите прямо веру и не разделяйтесь в ней... Аллах – наш Господь, и ваш господь, нам наши деяния, вам – ваши деяния. Нет доводов между нами и вами. Аллах соберет нас, и к нему возвращение, Аллах тот, который послал книгу с истиной и весами». («Истина и весы» Коран сура 42 аяты 11, 14, 15)

«Если мы – писал ещё во второй половине XX века К.Лоренц, – бессильны по отношению к патологической дезинтеграции нашей социальной структуры ... эта печальная ситуация объяснена в значительной степени нашему высокомерному отказу рассматривать наше собственное поведение как подчиненное законам природы и доступное каузальному анализу» (К. Лоренц. Врожденный запрет братоубийства. Вопр. философии 1974, №9, с.115).

Уже на заре становления новой эры Цицерон – философ, политик и общественный деятель высказал идею, которая не потеряла своей актуальности и сегодня. Он писал: «...хотя в философии многие важные и полезные вопросы были тщательно и подробно рассмотрены философами, широчайшее распространение, мне кажется, находит то, что они завещали и преподали нам насчет обязанностей. Ведь ни одна сторона нашей жизни – ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, – не может быть свободна от обязанности. И в служении ей вся нравственная красота жизни; в пренебрежении к ней позор».¹

Как видно, мировоззренческая установка этого понятия «обязанности» стратегически сориентирована на систему «Я-Другой» в любой социологической ситуации и на любом уровне человеческих взаимоотношений. В сложившихся далеко непростых межгосударственных отношениях система «Я-Другой» на путях сближения и взаимопонимания культур все еще не срабатывает. Толерантность как социологически-политическая идея в системе отношений «Я-Другой» сориентирована на решение стратегически важных вопросов, и, прежде всего, в политике и социальной жизни.

Возникает вопрос. Почему и в каких сферах культурного пространства все еще не утихают противоречия и недопонимание в межкультурных отношениях? Гуманитарная глобализация

¹ Цицерон «О старости, о дружбе, об обязанностях» М.,1974, с.59.

как идея продолжает пребывать в подвешенном состоянии. Почему в эпоху стремительно развивающейся экономической глобализации, мир все ещё не способен вырваться из пут гуманитарных конфликтов? Какой прослойке мирового сообщества выгодно держать человечество в подвешенном состоянии, в состоянии растерянности, морального упадка и психологической фрустрации?

Но сегодня мы наблюдаем, как гуманитарный пласт в мировых процессах стремительно оседает, и дает основание полагать, что если человечество на заре своего становления выжило в силу мудрости, навеянной в большей мере интенцией души и предрасположенностью к акциденции (предвидению), то сегодня оно, возгордившись безмерным ростом технических цивилизационных благ, можно сказать, пренебрегло мудростью, тем самым встало на путь нескончаемых конфликтов, которые способны привести человечество к самоуничтожению. Возникает вопрос: почему спустя тысячелетия идея толерантности как основа гуманитарной глобализации не всегда востребована в межгосударственных взаимоотношениях?

Порой политически деструктивные технологии, используемые в XXI веке некоторыми недалекновидными политиками прозрачно дают понять, что демократия служит для них, как инструмент власти, защитным «плащом» в деле реализации амбициозных интересов и их сиюминутных планов. И как следствие мы наблюдаем, что функции демократии, как инструмента в управлении социальными процессами на основе равенства, справедливости, свободы и ответственности оказались под прессингом двойных стандартов.

Сегодня общечеловеческие ценности в мировых религиях, преднамеренно извращаясь, также искусно используются в качестве политических технологий. В результате мы наблюдаем сегодня, как многослойно-ложные и утрированные интерпретации и переинтерпретации религиозных ценностей используются в качестве ширмы для реализации политических амбиций некоторых недалекновидных политиков по одурманиванию и манипулированию массовым сознанием.

Модели демократии, выдвинутые еще Аристотелем, Платоном сегодня как инструментальные ценности используются зачастую ради сугубо амбициозных установок отдельных корпораций в экономике и политике. Питирим Сорокин в своей фундаментальной работе (социальная и культурная динамика) предрекает, что наступили сумерки нашей чувственной культуры. Робопатология все более и более затягивает человечество в свои сети.

В современном обществе толерантность как условие взаимопонимания и взаимовосприятия мультикультур планеты, к сожалению, все еще остается серьезной проблемой для мирового сообщества. Подтверждением этому является расширение географии конфликтов. Все чаще мы замечаем, как в практике политической жизни толерантность, как основополагающий критерий взаимоотношений в современном мире, зачастую отторгается в решении межгосударственных проблем. Политические стратегии, в которых отсутствуют ориентации на общечеловеческие ценности и проблемы (экологические, социальные кризисы) вряд ли способны использовать толерантность как продуктивную социально-политическую технологию.

Думаю, что сознание и поведение политического деятеля в XXI веке, у которого в портфеле «политических технологий» отсутствует *«технология мудрости»* чрезвычайно опасны, как во внутригосударственных, так и межгосударственных отношениях. *Азербайджан – страна, в которой стратегические планы и задачи во внутренних и межгосударственных отношениях строятся на основе технологии мудрости (предвидение ближайшей и отдалённой перспективы) в купе с технологиями рациональности.*

Социология в ее соотнесенности с демократией, как инструментом управления в руках которых власть предержавших не может довольствоваться сегодня лишь морализаторской функцией. В XXI веке социология жизни отдельного человека и человечества в целом настоятельно призывают к сотрудничеству социологических выводов на уровне макроструктуры с политической социологией, а политиков с социологами.

Президент Международной Федерации философского общества профессор Питер Кемпа на международном философском конгрессе 2005 года сказал: «Человеческое сообщество просто не сможет выжить сегодня не стараясь найти конкретного решения громадного пласта все новых и новых проблем, столь привычных для проживания на Земле».

Сегодня можно констатировать, что процесс гуманитарной глобализации все ещё продолжает оставаться идеей, которая с трудом «переваривается» на уровне некоторых недалёковидных политических идеологов. Человечество обязано сегодня найти пути решения проблемы в рамках политической социологии. Если отталкиваться от предмета политической социологии в данном случае встает вопрос, связанный с сознанием и поведением субъекта политической деятельности, которая была бы способна активно «работать» в практике взаимоотношений мирового сообщества.

Terrence G. Wiley

Center for Applied Linguistics, Washington, DC, and
Arizona State University
twiley@cal.org

Societal Multilingualism and the Challenge of Humanitarian Language Planning

Around the globe, the expansion of instruction in dominant national languages, or increasingly English and other major languages, often presents challenges for speakers of minority languages. Increasingly, knowledge of these languages, particularly when they are used as mediums of instruction, is crucial for access to academic knowledge and further educational advancement. Thus, educational language policies, if they are to promote humanitarianism and equity need to be sensitive to societal multilingualism.

Although there are an estimated 7,000 living languages in the world only a small number of the world's languages are used as mediums of instruction. Thus, there is often a significant mismatch between home and community languages of children, and, the language of the classroom. This issue has been recognized by

The United Nations in its 1991 Declaration on Rights of Persons Belonging to National or Ethnic Minorities, Article 4, which stated that “States should take appropriate measures so that, whenever possible, persons belonging to National or Ethnic minorities may have adequate opportunities to learn their mother tongue or to have instruction in their mother tongue”(Wiley, Garcia, Danzig, 2014).

Moreover, although educational access and achievement vary widely among countries and within them, few would argue that access to an education should not be a universal human right. This principle was affirmed in Article 26 of the 1948 Universal Declaration of Human Rights and in a 1953 UNESCO resolution which endorsed a child's right literacy in his or her mother tongue (Spring, 2000). Nevertheless, many children fail to have access to mother tongue education and language minority children around the world are unable to perform as well as children who speak the dominant language.

One of the benefits of mother tongue education is to allow children to develop a positive identification with their home and community languages and cultures, but this goal remains contested in many countries and/or has been inadequately addressed. An ongoing concern is insufficient teacher preparation, but there are additional concerns, such as adequately identifying a child's purported mother tongue. As will be discussed later in this paper, however, the attempt to determine a child's mother tongue in multilingual contexts can be challenging.

The Impact of the Spread of English on National and Minority Languages

The spread of English as a global language is a factor affecting the status of both national and minority languages around the world. In many countries, English is required, not only as a subject, but as a language of instruction that mediates subject matter learning, particularly in the disciplines of science and mathematics. Demonstration of high proficiency in English through standardized test performance is also frequently required for university admission in countries where English is not a native language. Thus, increasingly English is not only important as a language of study, but is increasingly as a skill that is necessary for continued learning in higher education. Thus, as Tollefson and Tsui (2002) noted, “how do governments ... resolve the paradox of preserving or building national cultural identities [while] promoting a foreign language that embodies different values, cultures and traditions” (p. 3).

Despite the current dominance of English in the educational language policies of many countries, the role of other emerging ‘global’ languages or languages of wider communication is worthy of

similar consideration. It is important to note that Mandarin Chinese, for example, far exceeds English in the sheer number of native speakers. Spanish is slightly ahead of English as a first language, while Arabic, Hindi, Indonesian, and Portuguese--to name a few--are rapidly increasing. All of these languages, like English, are in contact with not only English, but smaller minority languages within their regions and spheres of national influence. Meanwhile, other major languages such as French, German, Russian, and Japanese, all continue to play significant roles in scientific, business, trade, and educational contexts (Wiley, in press).

The Promotion of National Languages and Multilingualism

Language policy has long been an instrument for the promotion of a sense of common--if not manufactured--imagined identity (Anderson, 1991; Bonfiglio, 2010), which has been used by various nation states for more than five centuries. Antonio de Nebrija (1441-1522), a Spanish court scholar and author of the Castilian Grammar, was among the first to advocate for the overt imposition of a standardized language as a means of advancing the interests of the state and empire (Illich, 1979; Mignolo, 2003). Likewise, François the First of France (1494-1547), saw the importance of French in promoting national identity and in 1500 declared it the national language of France (Christ, 1997).

Many countries with highly multilingual populations today attempt to promote national unity by endorsing a 'common' or 'national' language. While this strategy has common sense appeal, it can have questionable consequences for both minorities and the majority. Conflicts over language are often portrayed as pitting one against another. Some nation states, however, such as Paraguay, for example, have recognized that they can promote both the national language, Spanish, and the minority indigenous language, Guaraní, simultaneously (Wiley in press).

State Language Planning as an Attempt to 'Solve Problems' Related to Societal Multilingualism

Traditionally, language planning has been seen as a purposeful action involving the formation and implementation of a policy designed to *prescribe*, or influence, the language(s) and varieties of language that will be used and the purposes for which they will be used. Bright (1992), underscores it as "a deliberate, systematic, and theory-based *attempt to solve the communication problems* of a community by studying the various languages or dialects it uses, and developing a policy concerning their selection and use; also sometimes called language engineering or language treatment" (p. 310; emphasis added). The technocratic emphasis of this definition implied that language diversity was a problem for which experts could provide solutions (Wiley, in press).

Language planning has also been depicted as a pragmatic endeavor that is designed to produce positive benefits to society. A number of questions, however, can be raised regarding this framing. For example, who gets to define what the language problems are? How, why, and for whom, have they become problems? And, does the process of language planning itself cause language and communication problems? (Wiley, 1996; cf. Tollefson, 1991).

There has long been a close association between the promotion of national languages and compulsory state-supported education. Tollefson (2013) explains that "...as the nation-state became the most important form of economic, political and social organization, many human activities were penetrated by the state, perhaps none more than education" (p. 17). Tollefson (2013) further notes that "education in rural villages before the nation-state and before colonialism was carried out in local languages without concern for imposed, external varieties. Only with the introduction of state and colonial educational systems did the intense debate about medium of instruction arise" (p. 17). Lastly, Tollefson (2013) contents that:

Both languages and nationalities are *constructed* as acts of imagination [cf. Anderson, 1991] that can become reified objects capable of being called into service, with varying degrees of self-consciousness, for various kinds of nationalist projects. Of course, educators, state authorities, and the state bureaucracy in charge of education may be aware of their role in supporting the national(ist)

agenda only to varying degrees. Nevertheless, their policy options are constrained by the state and the powerful groups that dominate policy making (though state functionaries may differ in their understandings and appropriations of these demands... . [In] the 18th and 19th centuries, with the rise of state language polices, the suppression of languages became more common. [Tollefson, 2013, p. 18; emphasis in the original]

Language Policy Orientations and the Consequences of Failing to Recognize Multilingualism

Language policies may be grouped as follows: (1) *promotion-oriented* policies; (2) *expediency-oriented* policies, or accommodations; (3) *tolerance-oriented* policies; (4) *restriction-oriented* policies; (5) *repression-oriented* policies; (6) policies resulting in *erasure* that deny the role or existence of languages, and (7) *null* policies, the absence of policy where it is needed (Kloss, 1998; Wiley, 2004). Historically, where minority languages have been ignored or repressed, there have been serious social consequences leading to uprisings, protests, and tragic violence. In 1952, for example, in what was then East Pakistan, students demonstrating for recognition of Bengali were fired upon and killed by police in Dhaka, which subsequently became the capital of Bangladesh (Tariq, 1997). Today the United Nations recognizes International Mother Language Day in commemoration of this tragic incident. A similar incident occurred in Soweto, South Africa, during the period of apartheid in 1976 (Ndlovu, 2007) when school children protesting the imposition of Afrikaans were shot.

Within the context of state-funded schooling, Haas (1992) has identified institutional practices that result from intended or unintended discriminatory practices, wherein there has been a failure to take multilingualism into consideration. These include (a) insufficient use of language minority languages to communicate with parents; (b) under-identification of students in need of language assistance; (c) under-serving students needing language assistance; (d) inappropriate staff composition to provide language assistance to limited language-minority-speaking students; (e) discriminatory requirements for language certification among teachers (see Haas, 1992; pp. 191-214 for elaboration). Other practices identified by Haas (1992) that are explicitly discriminatory include (a) segregating students into separate educational tracks based upon language background; (b) providing unequal access to core academic curricula based upon language background; (c) having unequal/lower expectations for success based upon language background; (d) failing to provide members of an identifiable speech community with choice regarding the language or language variety of instruction (Haas, 1992). Thus, a focus on multilingualism within school contexts is imperative to ensure educational equity and access.

Language Policies in the Multilingual Real World: The Case of Mwaniki:

As noted above, recognizing children's home and community languages in instruction provides an important starting point for inclusive practices. This has led to widespread endorsement of providing initial literacy instruction in children's native languages, as the United Nation's previously endorsed resolutions noted. Nevertheless, it is important to underscore the linguistic complexity of children's homes and communities. To illustrate this, let's consider the educational autobiography of Munene Mwaniki, who is a prominent scholar living and teaching in South Africa, who is originally from Kenya. His case helps to illustrate how schools, despite well intended 'mother tongue' policies, may still not adequately tap or identify the linguistic knowledge and resources of the child (Wiley, et al., 2014; Wiley, in press). Mwaniki narrates:

I was born in Eastern Kenya but now live in South Africa. The common language in my native Kenyan region is Kimbeere. That was actually my father's tongue. However, the larger regional language—mainly because of geopolitical reasons associated with standardization and national policies on language of education—was Kikuyu. Thus, our local Kimbeere is a minority language that is only about 50% mutually intelligible with Kikuyu. My initial schooling—at least within the classroom and specifically in mother tongue lessons—was in Kikuyu, which was considered to be our

“mother tongue.” In fact, my mother’s tongue was Kikamba. She was a language minority in our Kimbeere-speaking community. So, when I went to school, I encountered my alleged “mother-tongue” Kikuyu as more or less a second language. (M. Mwaniki, October 17, 2012)

In terms of educational language policies that were available to him, transitional bilingual education in the lower grades, was prescribed as a linguistically and culturally responsive way of helping children like him bridge from their home or community language to the standard language of the school (Mazrui, 2013; Wiley, 2014). While this policy, as an attempted *accommodation*, was motivated by good intentions, the situation may actually be more complex. Although this policy was well intended, there was no assessment of his actual linguistic knowledge or home/community contexts. His case demonstrates how many students are often placed or misplaced in programs based on assumptions rather than actual assessment (Wiley, in press).

Even if a diagnostic had been done, it is still likely that Mwaniki’s teachers’ linguistic knowledge and proficiencies may not have been closely aligned with his, those of his family, his mother’s Kikamba, or those of the Kimbeere of his community. Where there is close alignment between the linguistic resources of the teacher, classroom and child, transitional bilingual programs can be highly useful as *accommodations*; however, in highly multilingual contexts a mismatch between the child’s linguistic background and those of the teacher and school are common and require a different approach (Wiley, in press). Thus, a deeper appreciation for societal multilingualism is needed.

To address this issue, Indian scholar, Ramakant Agnihotri (2007) has advocated training teachers to learn how to draw on all children’s linguistic resources, even when they are not familiar with them, through elicitation techniques, while instilling mutual respect among students for all the language varieties they bring with them to school. Similarly, García, O., & Wei, L. (2013) have been advocating for drawing on all of the student’s linguistic resources through ‘translanguaging’, that is, allowing bi-/multi-lingual students to draw on all of their available linguistic resources.

Returning to the educational history of Mwaniki, by grade four, he was required to learn two additional languages:

I also had to learn Swahili and English. From Standard 4 [fourth grade] English was the medium of instruction, with Swahili being used for Swahili [Kiswahili] lessons. It is instructive that a national examination taken at the end of 8th grade (Standard 8) is written in English, save for Swahili examination papers. Essentially, English becomes a critical “survival” requirement if you may, for one to survive in the Kenyan education system—right from primary school through to university. So, if you ask me, what my mother tongue is, I suppose it is Kimbeere, which is not my mother’s tongue. (Mwaniki, October 17, 2012).

Kenya has required upper grade instruction in Kiswahili and English since independence but English continues to dominate (Mazuri, 2013). As I have recently noted (Wiley, in press), Mwaniki’s experience is similar to many children in highly multilingual areas of the world where they are required to learn a national or regional language as well as English or another international language. Mwaniki’s use of the word ‘survival’ within the educational context is particularly significant in dawning attention to the challenges faced and what is at stake, as articulated in his own words:

At my university, instruction was in English, and much of the interaction outside formal learning environments was bilingual, i.e. English/Swahili, because of the diverse nature of the student population and the faculty. After my Honors Degree in Education, I was posted by the Kenya Teachers Commission (TSC) to Kiptulus High School in Nandi County to teach English and Literature in English. Within the school, English and Swahili were the languages of interaction, but often students would huddle together and interact in Nandi. (M. Mwaniki, October 17, 2012)

Mwaniki had no opportunity to use his family or community languages, which were regionally situated as he notes:

Outside the school, one would hardly hear any English/Swahili apart from the market place. Even at the marketplace, however, one had to go out of the way and cue his/her interlocutors that s/he was

not proficient in Nandi. Only then would they switch to Swahili, and only for the purposes of the transaction at hand. (Mwaniki, October 17, 2012)

When Mwaniki reflects on his current home context there is, again, no opportunity to maintain or use his “family/community languages,” and he has not attempted to pass them to his children:

Interestingly, my current home environment is equally “linguistically complex,” where many languages are spoken within the home and the dynamic is one of constant code-switching, negotiation, and re-negotiation. But never for a moment have I ever felt like communication and bonding are compromised or vital affective and cognitive issues are lost in translation. Having grown up in the kind of ethnolinguistic environment that I did, and having worked in culturally and linguistically diverse environments, I find this to be quite normal. However, the question remains: What will be the heritage language of my children? I guess, that is still work in progress. (Mwaniki, October 17, 2012)

The case of Mwaniki demonstrates the challenges and adaptations that language minority students may have to make over the course of their lifetimes (Wiley, 2014; Wiley in press). To promote a humanitarian response to children such as him, we need to prepare teachers that are better equipped to teach students for all linguistic backgrounds. In order to do this, culturally responsive models of instruction must be available and incorporated in teachers’ preparation (for some of these, see Corson, 1999; García & Wei, 2013; and Wiley, 2008).

References

- Agnihotri, R.K. (2007). Toward a pedagogical paradigm, rooting in multilinguality. *International Multilingual Research Journal*, 1(2): 79-88.
- Anderson, B., (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, England: Verso.
- Bonfiglio, T. P. (2010). *Mother Tongues and Nations: The Invention of the Native Speaker*. New York, NY: De Gruyter.
- Bright, W. (1992). Language Policy. *International Encyclopedia of Linguistics*, vol. IV:310-311.
- Corson, D. (1999) *Language polices in schools. A resource for teachers and administrators*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Christ, H. (1997). Language policy in teacher education. In D. Corson (Ed.), *Encyclopedia of language and education, vol. 1* (pp. 219-227). Dordrecht, Netherlands: Kluwer.
- García, O., & Wei, L. (2013). *Translanguaging: Language, Bilingualism, and Education*. New York, NY: Palgrave.
- Haas, M. (1992). *Institutional racism: The case of Hawai'i*. Westport, CN: Praeger.
- Illich, I. (1979). Vernacular values and education. *Teacher's College Record*, 81(1), 31-75.
- Jahr, E. H. (1992). Sociolinguistics: Minorities and sociolinguistics. In W. Bright (Ed.), *International encyclopedia of linguistics* (Vol. 4, pp. 12-15). New York: Oxford University Press.
- Kloss, H. (1998). *The American Bilingual Tradition, Revised Edition*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics.
- Maruzi, A. (2013). Language and education in Kenya: Between the colonial legacy and the new constitutional order. In J.W. Tollefson (Ed.), *Language Policies in Education: Critical Issues* (pp. 139-155). London, UK: Routledge.
- Mwaniki, M. (October 17, 2012). Interview. Washington, DC: Center for Applied Linguistics.
- McKay, S. (2002). *Teaching English as an international language*. Oxford: Oxford University Press.
- Mignolo, W. D. (2003). *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization, 2nd Edition*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Ndlovu, S.M. (2007). The Soweto Uprising. In SADET (Ed.), *The Road to Democracy in South Africa Vol. 2*. (pp. 317-368). South African Democracy Education Trust. South African Democracy Education Trust SADET). Pretoria, South Africa: Unisa Press.

Spring, J. (2000). *The Universal Right to Education: Justification, Definitions, and Guidelines*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Tariq, R. (1997). The Medium of Instruction Controversy in Pakistan. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 18(2): 145–154.

Tollefson, J. W. (1991). *Planning language, planning inequality: Language policy in the community*. New York: Longman.

Tollefson, J.W. (Ed.). (2013). *Language Policies in Education: Critical Issues* (2nd ed.). London, England: Routledge.

Tollefson, J.W., & Tsui, A.B.M. (Eds.) (2004). *Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose Agenda?*

Wiley, T. G. (1996). Language planning and language policy. In S. McKay & N. Hornberger (Eds.), *Sociolinguistics and language teaching* (pp. 103-147). Cambridge University Press.

Wiley, T.G. (2004). Language policy and English-only. In E. Finegan & J.R. Rickford (Eds.), *Language in the USA: Perspectives for the Twenty-First Century* (pp. 319-338). Cambridge: Cambridge University Press.

Wiley, T.G. (2008). Language policy and teacher education. In S. May & N. Hornberger (Ed.), *Language policy and political issues in education* (pp. 229-242), Vol. 1. N. Hornberger (Ed.), *Encyclopedia of Language and Education, 2nd Ed.* Springer.

Wiley, T.G. (in press). Bilingual and multilingual education policy. In Wright, W.E., Sovicheth, B., García, O. (Eds.). *Handbook of Bilingual and Multilingual Education Policy*. Bristol, England: Multilingual Matters.

Wiley, T.G., Garcia, D., Danzig, A., & Stigler, M.L. (2014). Introduction: Language diversity, policy, and politics in education. *Review of Research in Education*, 20, pp. 1-17.

Wiley, T.G. (2014). Policy considerations for heritage, community, and Native American languages. In T.G.

Wiley, J.K. Peyton, D. Christian, S.K. Moore, & N. Liu (Eds.) (2014). *Handbook of Heritage, Community, and Native American Language Education in the United States: Research, Policy and Practice*. Washington, DC & London: Center for Applied Linguistics & Routledge.

Амелин Веналий Владимирович

доктор исторических наук, профессор,

директор Научно-исследовательского института

истории и этнографии Южного Урала ФГБОУ ВПО

«Оренбургский государственный университет» (г. Оренбург, Россия)

Мультикультурализм и этнокультурная политика в России (региональный аспект)

О подходах к мультикультурализму

О кризисе мультикультурализма в странах с либерально-демократическим устройством в последние годы уже много написано монографий, публицистических и научных статей. Основной лейтмотив этих трудов состоит в том, «как различные страны справляются или не справляются с реальной поликультурностью в обществе, какую национальную политику проводят, и какие результаты она даёт»¹.

Как известно, мультикультурализм в различных странах был направлен на решение разных задач – от мирного сосуществования двух этнических общностей франкофонов в Квебеке и англоязычного большинства провинций в Канаде до решения проблем мигрантов из исламских стран (в Германии, Великобритании, Франции). Заявления лидеров этих государств о провале политики мультикультурализма вызвали новый виток дискуссии среди политиков, учёных, представителей институтов гражданского общества.

Одной из причин провала мультикультурализма исследователи называют «неспособность государств Западной Европы интегрировать иммигрантов в общественную жизнь стран»². И как считают исследователи, «особую острую реакцию принимающего сообщества вызывает именно трудовая интеграция мигрантов мусульманского вероисповедания».

В России различные точки зрения на мультикультурализм. К примеру, этнополитолог Паин Э. А. заявляет, что в России «нет и никогда не было политики мультикультурализма» и нет «никаких признаков российской нации». Подобный скепсис «относительно возможности осмысления современного российского общества в термине мультикультурализма» другой российский исследователь В.С.Малахов связывает с опасениями «негативного эффекта идеологии» в современных условиях. По его мнению, «дискурс мультикультурализма лишь усилит и без того мощную этноцентрическую доминанту российского общественного сознания», т. к. в советский период «эта доминанта была вызвана, прежде всего, институализацией, которую этничность приобрела у нас в советский период»³. Правомерны ли эти утверждения? Ретроспективный взгляд в нашу недавнюю постсоветскую историю свидетельствует, что это не совсем так.

После распада СССР Россия прошла сложный путь строительства демократического государства на принципах полиэтничности, «равенства представителей национальностей и поддержки их культур». Всё это происходило на фоне «парада суверенитетов» в первые постсоветские годы и «периферийного этнического национализма», дезинтеграционных процессов.

---

¹ Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. – М.: Весь Мир, 2013.

² Малинкович В. Кризис мультикультурализма в Германии и других западноевропейских странах // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. – М.: Весь Мир, 2013.

³ Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М., 2002.

Исходя из посыла, что «мультикультурализм сводится к признанию правомерности и ценности культурного плюрализма, и по этой причине предполагается, что все современные государства обязаны предоставлять своим культурным, этническим и религиозным группам равный социальный статус», можно говорить о том, что эту функцию в настоящее время в России выполняет этнокультурная политика. Под этнокультурной политикой мы понимаем сферу управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами.

Рассмотрим мультикультурализм через призму этнокультурной политики в России на региональном уровне.

Законодательный ресурс этнокультурной политики

Порой на международных научных мероприятиях можно слышать критику в адрес России по проблеме защиты прав национальных меньшинств. Между тем, как нам представляется, эта критика бывает зачастую необоснованной.

В России за постсоветские десятилетия наработана солидная законодательная база, направленная на удовлетворение национально-культурных запросов этнических общностей. Основной целью этой нормативно-правовой базы является «создание гарантий для равноправного развития культур всех народов России, защиты прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей». Конституция РФ правовым порядком закрепляет основную идеологию мультикультурализма, поскольку, следуя общедемократическим установкам, запрещает пропаганду расового, национального и языкового превосходства с одной стороны, с другой – предусматривает особые права для малочисленных народов, носящие характер преференции (например, для малочисленных народов Севера)¹. Таким образом, утверждает Дерябина С. Р., реализуются основные постулаты мультикультурализма – защита государством (в определённой степени) отдельных групп, культурно отличных от основной массы населения².

Одним из первых в 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общественных объединениях», который сыграл большую роль в создании общественных национальных организаций. Как известно, в первые постсоветские годы на волне массового возрождения национального самосознания на добровольной основе шла организация национальных объединений.

Своеобразным проявлением мультикультурализма в РФ стал принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии», в котором НКО определилась как форма культурно-национального самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определённой общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В настоящее время в стране создано более 400 автономий, в т. ч. 16 федеральных, а также региональные и местные.

В этом же году в России Указом Президента Б. Н. Ельцина была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, сыгравшая определённую роль в сохранении этнополитической стабильности в стране.

Вместе с тем по истечении времени ситуация в России менялась, требовались новые подходы к проведению этнической политики с учётом существующих реалий. А они были таковы: обострение межэтнических отношений, факты ксенофобии, националистических проявлений в российском социуме.

На этом фоне Президент Российской Федерации в декабре 2012 г. подписывает Указ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года».

¹ Новый сборник законов Российской Федерации. – М., 2001. – С. 9.

² Дерябина С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: «за» и «против» // Этнопанорама. – № 1–2. – 2005. – С. 14–17.

Этот документ представляет собой систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач, механизмов реализации Государственной национальной политики Российской Федерации.

Следует отметить, что и на уровне регионов принимаются нормативные акты в сфере национальной политики.

К примеру, постановлением Правительства Оренбургской области в 2013 году утверждена государственная программа «Реализация региональной национальной политики в Оренбургской области», действие которой рассчитано до 2020 года. В программу вошла подпрограмма «Гармонизация межэтнических и межрелигиозных отношений в Оренбургской области». В соответствии с данной подпрограммой предусмотрено финансирование национальной политики из средств областного бюджета. Принципы, задачи и механизмы реализации подпрограммы соответствуют основным приоритетным направлениям, сформулированным в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В муниципальных образованиях области разработаны местные планы по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации или по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Этнокультурное образование

Языковое разнообразие присуще России, как и многим полиэтничным странам. В России практикуются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 57 – в качестве предмета изучения.

Как известно, на международном уровне принят ряд деклараций, хартий по сохранению языков национальных меньшинств. Это связано в первую очередь с опасностью исчезновения языков в эпоху глобализации. Многие исследователи полагают, что к концу XXI в. вместо 5 тыс. языков, которые использовались в XX веке, в результате «вымирания» останется 400–500 языков.

Россия в 2001 г. присоединилась к Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств, но, как и некоторые страны по ряду причин пока не ратифицировала её.

Основные из них это: «огромное разнообразие языков и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал, ... и значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией»¹.

Сегодня языковая ситуация в Российской Федерации соответствует международным стандартам. Этому способствует нормативно-правовая база в этой сфере. Согласно Федеральному закону «Об образовании» (ст. 6) граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а так же на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 1991 г. в редакции 1998 г. закрепляет равноправие языков народов Российской Федерации. Независимо от численности их носителей он гарантирует равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Равноправие языков охраняется законом.

К примеру, в полиэтничном регионе, который я представляю, в Оренбургской области проживают представители 126 этнических общностей. Родные языки как предмет изучаются

¹ Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. – М.: Весь Мир, 2013.

в более чем 100 школах (татарский, башкирский, мордовский, чувашский, казахский, немецкий, еврейский). Вместе с тем анализ динамики численности школ с этнокультурными компонентами свидетельствует о сокращении их численности в последние годы¹.

Причина сокращения численности школ заключается, прежде всего, в уменьшении социального заказа на данный вид образовательных услуг. С введением Единого государственного экзамена (ЕГЭ) родители чаще всего не пишут заявления на то, чтобы их дети изучали родной язык, предпочитая больше внимания уделять непосредственно подготовке к ЕГЭ.

Конечно же, сегодня можно говорить и о падении языковой компетенции у молодёжи в местах проживания этнических общностей, а так же и о процессах маргинализации молодёжи.

На фоне сокращения классов с родным языком обучения в регионе организуются и воскресные школы. К примеру, в п. Ростоши г. Оренбурга открыта армянская воскресная школа.

В одной из школ областного центра ведётся работа по открытию воскресной школы по изучению украинского языка.

Этническая культура

В России имеет место межкультурное взаимодействие, и говорить об опасности исчезновения культуры той или иной этнической общности нет смысла. Следует также отметить, что в многонациональной сфере интегрирующим началом выступает русский народ.

В постсоветское время в том же Оренбуржье сохраняется система клубных учреждений, направленных на удовлетворение этнокультурных запросов жителей области. По данным на начало 2014 г., в области функционируют 1106 учреждений культурно-досуговой сферы, а также 8182 единиц клубных формирований. Из них формирований самодеятельного художественного творчества – 6014 единиц. В их числе 475 национальных творческих коллективов различной жанровой направленности. По возрастному составу национальные коллективы распределены следующим образом: взрослых коллективов – 299, детских коллективов – 140, смешанных коллективов – 36.

По национальности коллективы распределяются следующим образом: татарские – 232, башкирские – 95, казахские – 62, мордовские – 39, украинские – 32, чувашские – 12, немецкие – 3, чечено-ингушский – 1. Звание «народный» носят 52 национальных творческих коллектива.

Творческие коллективы действуют также при некоторых национально-культурных центрах. Все они принимают самое активное участие в проводимых в области этнокультурных мероприятиях.

В Оренбурге в 2014 году реализован уникальный проект, построен культурный комплекс «Национальная деревня». Это своеобразный историко-этнографический музей под открытым небом. На территории «деревни» расположились десять национальных подворий, представляющих историю и культуру самых многочисленных по своему составу (в Оренбургской области) этнических общностей: русских, татар, казахов, украинцев, башкир, мордвы, армян, немцев, чувашей, белорусов. В каждом из подворий есть историко-этнографический музей, «национальная библиотека», кафе национальной кухни. Все строения выполнены с учетом национально-архитектурных особенностей, традиционных орнаментов.

Проблемы управления в многокультурных сообществах

Практически все регионы России имеют полиэтнический, конфессиональный состав населения. Поэтому трудно не согласиться с академиком РАН В. А. Тишковым, «что самое важное в политических функциях этничности, культуры в её широком смысле – это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным

¹ Амелин В. В. Оренбургская область // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе (экспертный доклад). – 2013. Распределённый научный центр. – Москва – Ижевск – Оренбург. – М., 2013. – С. 63.

разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращение конфликтов»¹.

Принято считать, что «одним из инструментов такого регулирования является взаимодействие органов власти с этническими общественными организациями». Правовая база (о ней уже говорилось выше), наработанная в России в сфере этнической политики, позволяет это реализовывать. В России функционируют тысячи национальных общественных объединений: центров, просветительных обществ, культурных автономий (местных, региональных, федеральных). К примеру, в Оренбургской области, по данным на март 2013 г., созданы и действуют 127 национально-культурных обществ, в том числе 65 организаций официально зарегистрированы в органах юстиции, остальные 62 общества действуют без регистрации. Свои национально-культурные объединения имеют представители 22 этнических общностей. Региональный статус носят 39 общественных объединений, охватывающих своей деятельностью территорию всей области. В городах и районах области функционируют 88 местных национально-культурных общественных объединений. Совокупная численность общественных объединений, действующих в форме национально-культурной автономии, возросла до 20 (в 2006 г. их было 10). Из них 5 региональных и 15 местных. Национальные общества здесь не только принимают активное участие в общегородских мероприятиях, но и проводят собственные этнокультурные мероприятия, получая финансирование из областной программы реализации модели региональной национальной политики.

В июле 2011 года Управлением юстиции РФ по Оренбургской области была зарегистрирована Оренбургская региональная общественная организация «Ассамблея народов Оренбургской области». Ассамблея объединяет все активно действующие национально-культурные общественные объединения области и является инициатором проведения многочисленных этнокультурных мероприятий. В рамках Ассамблеи также происходит деятельное обсуждение перспектив и направлений развития региональной национальной политики.

Национально-культурные центры осуществляют большую и разноплановую работу, направленную на сохранение и развитие самобытных национальных культур народов Оренбуржья. Многообразная деятельность национально-культурных объединений области способствует не только сохранению и развитию национальных культур, но и гармонизации всего комплекса межнациональных отношений в области и направлена на обеспечение национально-культурных прав и свобод граждан России.

Основным механизмом взаимодействия власти и национальных организаций является Совет по делам национальностей при губернаторе Оренбургской области, куда вошли руководители национальных объединений, ряда профильных министерств области, специализированных учреждений культуры и образования, сфера деятельности которых соприкасается со сферой национальной политики. Аналогичные структуры созданы в десятках регионов России. При Президенте Российской Федерации создан Совет по межнациональным отношениям.

По решению руководства страны ответственность за этнополитическую обстановку в муниципальных образованиях возлагается на их руководителей.

В этой ситуации экспертиза в форме регулярного этнологического мониторинга имеющихся проблем составляет необходимый компонент в обеспечении процесса принятия решений и эффективного управления.

Под этнологическим мониторингом и ранним предупреждением конфликтов понимается способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнической стране, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия и определения существующей угрозы конфликта, а также способность донести

---

¹ Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. – М.: Весь мир, 2013.

соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства¹.

В сложных по этнорелигиозному составу регионах России регулярный этноконфессиональный мониторинг способен фиксировать динамику общественно-политической ситуации и через своевременную информацию и рекомендации содействовать снижению напряжённости и раннему предупреждению конфликтов.

В проекте Стратегии государственной национальной политики поставлена задача сформировать систему мониторинга состояния межнациональной напряженности и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений, позволяющую оперативно реагировать на конфликты и предконфликтные ситуации в регионах России. Предполагается осуществление этой работы возложить на органы власти, научные, общественные, этнокультурные, правозащитные и религиозные организации, правоохранительные органы, СМИ. Их деятельность должна быть направлена на оперативное реагирование на конфликты и предконфликтные ситуации в субъектах Российской Федерации.

Что уже есть сегодня в России (помимо ВЦИОМ и «Левада-центра»)? Вот уже 20 лет в России и большинстве других стран СНГ и Балтии действует мониторинг научно-прикладного характера, именуемый Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАWARN – руководитель Сети академик РАН В. А. Тишков)². Сеть имеет юридический статус общественной организации. В настоящее время она является самой большой на пространстве бывшего СССР по охвату и количеству участников. В мониторинге принимают участие специалисты 13 постсоветских республик, ныне самостоятельных государств (кроме Литвы и Туркмении) и более трети регионов Российской Федерации, включая все регионы Северного Кавказа. Важную поддержку деятельности Сети оказывает Российская академия наук в лице профильного Института этнологии и антропологии РАН, который предоставляет интеллектуальные ресурсы, служебное помещение, оборудование и оплату коммуникаций организации.

Сеть имеет достойную репутацию среди российских и зарубежных экспертов и политиков. Продукция мониторинга получила широкую известность в странах СНГ и Балтии, а также среди специалистов стран Запада как первое независимое и эффективно действующее сетевое сообщество экспертов в области изучения и урегулирования межэтнических отношений и конфликтов. Основой создания неправительственной организации послужил проект «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах», совместно поддерживаемый Российской Академией наук и Корпорацией Карнеги (Нью-Йорк) на базе Центра по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН.

В Сети этнологического мониторинга используется сочетание двух подходов: качественный анализ на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов. В этой методике ключевая роль принадлежит эксперту. Его знания лежат в основе анализа и количественной обработке оценок. Одно из направлений исследований Сети – миграционные процессы на постсоветском пространстве.

Миграция – конфликтогенный фактор?

Сразу оговоримся, совершенно неправильным было бы причины проявления ксенофобии, националистических проявлений и расовых выхонок сводить только к иммиграционным процессам. Тем не менее, сегодня миграция в России – конфликтогенный фактор.

Продолжающиеся среди ученых, политиков дискуссии о том, нужны ли мигранты России, в каком количестве и представляют ли они угрозу российскому обществу, несомненно, актуальны для приграничного полиэтничного региона, каким сегодня является Оренбуржье. По

¹ Этнополитический мониторинг и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 2.

² Амелин В. В. Сети этнополитического мониторинга ЕАWARN 20 лет // Этнопанорама. – 2012. – № 3–4. – С. 1.

данным Всемирного Банка, Россия уже несколько лет удерживает 2-ое место в мире по количеству мигрантов после США. В 2010 году в США въехал 42,8 млн. чел., в Россию – 12,8 млн. чел. Позади нас уже с 2001 г. Германия, Украина, Франция, а с 2010 г. – уже и Саудовская Аравия, Канада¹.

Часто говорят о рисках, связанных с миграцией. Сразу отметим, что риски связанные с мигрантами – проблемы здоровья, санитарии, сбыта наркотиков – «это система рисков на порядок ниже, чем позитивные перемены, блага и услуги, которые дают мигранты».

Несомненно, мигранты нужны стране, регионам. Почему? Ну, во-первых по той причине, что переломить негативные тенденции сокращения численности населения России в обозримом будущем не удастся. Процессы депопуляции (сокращение численности коренного населения) начались в 1992 г. За эти годы Россия потеряла 13 млн. человек. Но на 6,5 млн. человек это потери были компенсированы миграцией.

По прогнозу Федеральной службы статистики, в 2011–2030 гг. население РФ сократится по «среднему варианту» на 2,7 млн. человек. Особенно значимо сокращение трудовых ресурсов: численность населения в трудоспособном возрасте в этот период сократится намного больше – на 11,2 млн. человек. Это около 15% занятых сегодня в экономике России. (Причём в этих расчётах уже учтена значительная иммиграция, существенно превышающая современную: сальдо иммиграционного прироста составит 7,5 млн. человек). Особенно критической, по мнению специалистов, будет ситуация в 2012–2017 гг., когда численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн. человек².

Прибытие людей другой культуры вызывает неадекватную реакцию у местного населения, наблюдается некий социально-культурный дискомфорт между «новожителями» и «старожителями». Во многом это происходит от того, что гастарбайтеры не спешат, а зачастую и не хотят интегрироваться в принимающее общество. К «старожителям» мы относим русских, украинцев, татар, башкир, казахов, чувашей, мордву, немцев и представителей других национальностей, давно проживающих на территории области. Накопленные ими за столетия традиции добрососедства и взаимопонимания способствуют сохранению межкультурного мира и согласия. Что касается представителей новых этнических групп, то можно согласиться со специалистами, которые полагают, что если не принять срочных мер по интеграции и адаптации национальных диаспор, то напряжённость в обществе неизбежна.

Социологические опросы, проводимые в последние годы, отражают опасения оренбуржцев, связанные с угрозой террористических актов, усилением наркомании, преступности, безработицей. Весь этот перечень увязывается с миграцией. Через пункты пропуска оренбургского участка российско-казахстанской границы въехало и выехало в 2013 году 2 млн. 648 тыс. человек³. Среди факторов, влияющих на состояние межнациональных отношений в полиэтничном регионе, 31% опрошенных называют неуважительное, порой вызывающее поведение приезжих иммигрантов, а 21% полагают, что стало тяжело жить, и многие пытаются найти виновных в приезжих. 9% – отмечают рост националистических настроений в обществе. Но 12% опрошенных признались, что их беспокоит ситуация, создаваемая мигрантами, а 20% респондентов отметили увеличение нерусского населения области. Отсюда и социальная напряжённость взаимоотношений населения с этническими мигрантами⁴.

¹ Гришин А. Мигранты полюбили Россию и Америку // Комсомольская правда. Северный Кавказ. – 2011. – 10 ноября.

² Мукомель В. И. Вызовы политики адаптации и интеграции мигрантов // Этнопанорама. 2011. – № 3–4.

³ Аналитический отчёт о миграционной ситуации и результатах деятельности УФМС России по Оренбургской области за 2013 г. // Текущий архив УФМС России по Оренбургской области.

⁴ Отчёт «Этноконфессиональные отношения в приграничном регионе» (Оренбургская область). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опрошено 500 человек в 5 городах и 5 районах. Рук. исслед. – В. В. Амелин, Г. В. Шешукова. – Оренбург, 2010.

И, естественно, ксенофобия проецируется на представителей мигрантов, нетрадиционных для нашей местности меньшинств. Оренбуржцы полагают, что мигрантов очень много. Действительно в постсоветские годы миграционные процессы способствовали и изменению этнической структуры населения Оренбургской области, увеличению числа этнических общностей. Так, за межпереписной период (с 1989 по 2002 гг.), численность армян в Оренбургской области увеличилась в 5,1 раза, азербайджанцев – в 2,3 раза, чеченцев – 1,7 раза, даргинцев – в 2,2 раза, аварцев – 1,7 раза, таджиков – 6,0 раз, узбеков – 1,9 раза. Количество казахов возросло на 14 тыс. человек. Увеличилось число турок-месхетинцев, корейцев.

Данные исследования подтверждают, что мифы о якобы имеющемся засилье в Оренбуржье «азиатов» и «кавказцев» по-прежнему характерны для некоторой части населения. Многие опрошенные считают: мигранты представляют большую или некоторую угрозу стабильности России, и что такая угроза существует и для Оренбуржья. Хотя «мифы» остаются мифами. В Оренбуржье по-прежнему превалирует русское население и за межпереписной период, в отличие от ряда регионов, русское население увеличилось на 1,9%. Сохранили свою численность и традиционно проживающие в регионе национальности – татары, казахи¹.

По мнению специалистов, чтобы избежать конфликтов, надо выработать несколько типов взаимодействия. Л. М. Дробижева называет три типа. Первый – это интеграция, которая предполагает стремление иммигрантов стать частью сообщества, к примеру, нашего Оренбургского и в то же время сохранить культурную и этническую идентичность. Вторым тип – ассимиляция. Он предполагает отказ иммигрантов от своей культуры, устоев нравов, обычаев, ценностей. И, наконец, третий – сегрегация – отделение².

Как полагает Мукомель В. И., «трудовые мигранты сталкиваются с жёсткой реальностью нашего общества, присущим ему нестабильным правовым, экономическим, социальным, политическим и культурным пространством».

Как же происходит интеграция новых этнических групп в оренбургский социум? Этот процесс проходит медленно, нередко наблюдается сегрегация, хотя это, как правило, не относится к тем же выходцам с Кавказа или из стран Центральной Азии, которые приехали в регион 30–40 лет назад. Основные проблемы социальной и культурной адаптации связаны с положением в регионе «новожителей».

Если для «старожителей» характерно на первом месте выражение гражданской идентичности «мы россияне», то для «новожителей» – преобладает этническая идентичность. Стремление консолидироваться в рамках так называемых диаспор, а точнее землячеств, формальных и неформальных сообществ – способствует созданию некой «кавказской», «азиатской» этнокультурной среды, которая частично компенсирует прибывшим дефицит социальных контактов.

В последние годы изменился и состав мигрантов. Если ранее большинство мигрантов хорошо знало русский язык, то сегодня многие его не знают. Это связано с тем, что расширилась география исхода мигрантов. Если ранее в российские города выезжали трудовые мигранты из столичных областей Узбекистана и Таджикистана, то сегодня едут молодые люди из самых отдалённых районов, где русский язык в сельских школах уже не изучается.

В связи с проблемой эффективной адаптации представителей новых для региона этнических групп интерес представляет разработка законопроекта об обучении мигрантов русскому языку. Данная мера представляется очень важной и своевременной, т. к. всё больше мигран-

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Оренбургской области (национальный состав) // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург, 2012.

² Дробижева Л. М. Политика межэтнической интеграции и адаптации мигрантов в московском социуме // Государственная национальная политика и принципы межэтнического согласия в Москве. – М., 2010.

тов, прибывших в регионы России, не владеют в достаточной степени русским языком. Особую роль в данной связи способны играть общественные организации, которые создают диаспоры. Они в значительной мере способствуют адаптации мигрантов.

Вместо заключения

В России предстоит ещё многое сделать совместными усилиями власти и институтов гражданского общества для продуманной, планомерной государственной национальной политики, успешной интеграции иммигрантов в российский социум, чтобы «мультикультурализм» стал реальностью. В этих целях необходимо решить ещё одну из важнейших проблем российского общества – сформировать гражданскую российскую нацию.

Рамки статьи не дают возможности рассмотреть проблему формирования «наций», «этносов» в исторической ретроспективе. Вместе с тем следует оговориться, что в России в советский период, да и в первые постсоветские годы понимание нации воспринималось только в этническом смысле.

Сегодня в российском обществе приходит понимание использования этого термина в двойном – гражданско-политическом и этнокультурном и не взаимно исключающем смысле.

В пользу российской нации выступает и руководство страны. Именно в Указе Президента РФ Путина В. В. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» ставится целью «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)»¹.

Результаты социологических исследований, проведенные в 2014 г. в регионах Приволжского, Южного, Северо-Кавказского федеральных округов, свидетельствуют о том, что среди опрошенных превалирует гражданская идентичность «я россиянин», а уже потом, в незначительной мере – региональная и этническая идентичности.

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – М., 2013.

Elise Rietveld

PhD candidate, Cardiff University, Politics and
International Relations, RietveldE@Cardiff.ac.uk.

Varun Uberoi

Lecturer, Brunel University, Politics and History.

The Canadian policy of multiculturalism: diversity, unity and institutions

Abstract:

While many scholars examine whether policies of multiculturalism are ‘failing’ and should be disbanded, few have analysed what the reasons for introducing them were. This is partly because such an examination entails examining cabinet documents, advice to ministers and other records of the electoral, personal, institutional, legal and other reasons for introducing them and these documents are often not in the public domain yet. But this article uses newly declassified archival evidence to analyse the reasons for introducing the Canadian policy of multiculturalism (1971) and its two most prominent legal features, Section 27 of the Canadian Charter of Rights and Freedoms (1982) and the Canadian Multiculturalism Act (1988). This multiculturalist model has endured since the 1970s and remains popular in polls despite criticism from politicians, scholars and journalists about it corroding Canada’s character, dividing its citizens, encouraging secession, terrorism and so on. Analysing the reasons for introducing these measures will help to illuminate why those who devised and adopted them thought them to be of value and believed this legally significant and publicly popular policy should remain in place.

In 1971 in Canada, then Prime-Minister Trudeau adopted the world’s first policy of multiculturalism. Now, at a time where some politicians, journalists and scholars have declared the failure and retreat of multicultural policies (Joppke 2004; Gregg 2006; Phillips 2007; Cameron 2011), while other scholars have questioned whether such policies really are in retreat and if they should be (Banting and Kymlicka 2010, p. 46; Modood, 2013, p.163; Kymlicka, 2010, pp. 261-263; Nagra and Peng 2013), Canada’s policy of multiculturalism remains firmly in place as the most elaborate of its kind (Kymlicka 2012, p. 10). Understanding more about this policy will help us to understand this remarkable success. We know that like other multicultural policies, this policy comprises a set of measures that aim to reduce ‘fear of cultural difference, as well as the inequality, exclusion and disadvantage that are often experienced by cultural minorities in subtle yet significant ways’ (Uberoi and Modood, 2013, p.130), for example through the legislative affirmation of multiculturalism and support for minority cultural activities (Kymlicka and Banting 2006, p. 294). But while scholars have investigated the ideological and political drivers and consequences of this policy (Mackey 2002; McRoberts 1997; Winter 2007), we do not know much about why the politicians who adopted it thought this was the right decision to make. This is because their reasons for designing and adopting the policy are not usually publicly available. Yet knowing them helps us to see how this multicultural policy could emerge, evolve and remain, and in this article we use newly declassified archival material to show why these politicians thought this policy to be of value.

Our archival material comprises records of cabinet decisions, advice to ministers, internal memos and cabinet documents that were mostly classified as secret. They give insight into the reasons for introducing and developing the policy that might differ from those politicians proclaim in policy documents, press releases, speeches, and so on that are public and always communicated with a range of electoral, prudential, pragmatic and ideological reasons in mind. Hence, we analyse these sources to investigate the reasoning behind the adoption and development of the Canadian policy of multiculturalism.

We focus specifically on three important points in the development of this policy where these reasons are clearly articulated: its initial emergence and adoption in 1971 and the development and adoption of its two most prominent legal features, Section 27 of the Canadian Charter of Rights and Freedoms (1982), attached to the Constitution, and the Canadian Multiculturalism Act (1988). The initial policy had four aims: to assist ethnocultural groups in developing their culture; to challenge barriers to equal participation; to promote interaction between different groups (“in the interest of national unity”); and to assist immigrants in learning one of Canada’s two official languages (Cab. Doc. 864-71, 1971). Section 27 is an interpretative clause stating that “This Charter shall be interpreted in a manner consistent with the preservation and enhancement of the multicultural heritage of Canadians”. The Canadian Multiculturalism Act officially declares the policy law and commits the Government of Canada, among other things, to:

(a) recognize and promote the understanding that multiculturalism reflects the cultural and racial diversity of Canadian society and acknowledges the freedom of all members of Canadian society to preserve, enhance and share their cultural heritage;

(b) recognize and promote the understanding that multiculturalism is a fundamental characteristic of the Canadian heritage and identity and that it provides an invaluable resource in the shaping of Canada’s future; 3

(c) promote the full and equitable participation of individuals and communities of all origins in the continuing evolution and shaping of all aspects of Canadian society and assist them in the elimination of any barrier to that participation. (Emphasis added)

These legal features signal how Canada’s policy of multiculturalism was thought to be important enough to warrant official status and be protected from electoral and political pressures and this distinguishes the policy from those of most other countries. Indeed, with Section 27 Canada is the only Western country that has ‘constitutionalized’ multiculturalism (Kymlicka 2003b, p. 4) and thereby made it immune from legislative change.

So why did Canadian politicians think this was the right thing to do? Some suggest that they adopted the policy to placate ethnic minorities (Li 2000, p. 10), or to rebuff Quebec nationalism by reducing French Canadians to simply one among other cultural groups (McRoberts 1997, p. 117).³ These and other reasons may have played a role, but as we show below, these politicians might also have acted on the basis of a set of ideas about equality, diversity, unity, justice, and so on that made adopting this policy seem appropriate. Within this constellation of ideas, the policy of multiculturalism made sense, quite literally: independent of whether these ideas are valid or not, together they plausibly seem rational (Skinner 2002, pp. 27-56). As others show elsewhere, in the absence of such an enabling discourse, multicultural policies may appear misguided, inapplicable, inappropriate, or simply wrong (Dimitras and Papanikolatos 2007, pp. 186-199) and it seems unlikely that politicians would decide to adopt them.

³ Note that even if this policy had this effect, it is unclear whether it was intended to do so (Winter 2007, p. 45). Kymlicka (2003b, pp. 3-4) makes a convincing argument that this is unlikely: multiculturalism has also been adopted elsewhere, where Quebec nationalism was not an issue; and this suggestion cannot explain why multiculturalism has endured in Canada, under different governments with different stances on Quebec nationalism.

In what follows, we examine declassified archival evidence to analyse the enabling discourse underpinning the Canadian policy of multiculturalism by clarifying its central concepts. These concepts can be conceived and related in different ways (cf. Freedman 1996) and it is the particular combination that we identify that allowed the adoption of Canada’s multicultural policy and its legal features to appear appropriate. Obviously, any policy of multiculturalism presupposes an understanding of what multiculturalism is, and we begin by analysing how the politicians and officials involved in developing and adopting the policy conceived it. We then proceed by considering how the policy was thought to serve two values, diversity and unity. Finally, we examine how this policy implies and

functions within a particular conception of institutions. In conclusion, we show how this set of ideas might be of use to those studying multiculturalism but also to politicians.

Multiculturalism

The word multiculturalism has been used to denote a range of meanings, most commonly including the fact of cultural diversity in society; a set of specific policies, as described above (cf. Kymlicka and Banting 2006, p. 294); and a particular vision of society that these policies aim to achieve (Uberoi and Modood 2013, pp. 130-131; Taylor 2012, p. 416). In different ways, these meanings can all be recognised in the conception of multiculturalism that we can identify in the documents relating to Canada's policy of multiculturalism. This conception, we show below, comprises three interrelated facets: the acknowledgement that Canada is now multicultural; a particular explanation and interpretation of what that means; and a particular evaluation, indicating how we should respond.

First of all, multiculturalism denotes an understanding of Canada's population that challenges a long-held view of Canada as (white) British (Kymlicka 2003a, p. 376; Mackey 2002, pp. 29-31), but also a view advocated by many in Quebec that saw Canada as comprising 'two founding races' (McRoberts 1997, p. 117). Those claiming to represent the approximately 30% of all Canadians who were of neither French nor British origins advocated that Canada was not bicultural but multicultural, as expressed for example in Senator Yusyk's maiden speech in the Senate:

The word 'bi-cultural'... is a misnomer. In reality Canada was never bi-cultural; the Indians and Eskimos have been with us throughout our history; the British group is multicultural – English, Scots, Irish and Welsh; and with the settling of other ethnic groups, which now make up almost one third of the population, Canada has become multicultural in fact (Senate Debates, 3 March 1964).

The Canadian Federal Government (CFG) endorsed this view and began to develop 'a policy of multiculturalism within a bilingual framework' (Cab.Doc. 864-71, 1971). In so doing, they interpreted the fact of cultural diversity in a particular way that suggests the link between language and culture is somewhat tenuous (McRoberts 1997, p. 117). We can explain this by reference to a quote from a speech by Stanbury, the Minister who would propose the policy to Cabinet:

"... this country is neither English nor French; nor is it English and French. The fact that we have decided it is practical and just to have two official languages does not mean to me that Canada has any official cultures. Our cultures are many, and we should cherish them all" (Cab. Doc. 981-71, 1971, emphasis added).

He obviously thinks that recognising only two of the languages spoken in Canada as official does not raise the cultures they are in some way associated with above the other cultures present in Canada. Indeed, while it is recognised that 'the distinction between language and culture has never been clearly defined', those adopting the policy challenged the assumption that 'bilingualism and biculturalism are indivisible' (Cab. Doc 864-71, 1971). Yet others have suggested that language is not such a neutral instrument for communication but rather something that shapes us, through which we learn to make sense of ourselves and the world by means of ideas, words and concepts that are passed down to us through the community we are part of and that are inevitably coloured by our culture (cf. Taylor 1989).

This conception of multiculturalism as a demographic reality that can be distinguished from the use of two official languages in Canada can be recognised again in a speech about the then soon to be adopted Constitution by then Minister of State for Federal-Provincial Relations Lalonde:

"Since this country is bilingual and multicultural, the Constitution will recognise this fact without ambiguity. ... the bill on the text of the Constitution, which was made public last June, already does take into account the realities of Canada's diverse nature (CCCM, 1980, emphasis added)."

These quotes also indicate a particular evaluation of multiculturalism. The fact of cultural diversity is seen as something that deserves public recognition in policy and the Constitution and as we saw, 5

Canadians were even implored to ‘cherish’ all their cultures. This implies that multiculturalism was seen as something positive that should persist rather than be made to disappear through policy interventions. This idea is clearly expressed in the memorandum to cabinet that accompanied the policy when it was proposed as an alternative to biculturalism:

The term “bicultural” itself is seriously deficient; it worries those of British origin, it provides little comfort to those of French origin and it seriously disturbs those of other cultural heritages. Biculturalism would create, in effect, a double melting pot, a concept abhorrent to Canadians of all origins. (Cab. Doc. 981-71, 1971)

Policies should not aim to reduce Canada’s cultural diversity by melting it into two, British and French, cultures. Instead, all these cultures should be treated as equal: the policy was proposed in recognition that ‘substantive federal support has been directed towards assisting the development of two of our cultures. It now remains to apply the same principles to the other components of a multicultural society’ (Cab. Doc. 864-71, 1971). This implies that all cultures need to receive equal treatment, and indeed it was thought that ‘the systematic support of all viable cultures within the country is the best way of ensuring justice for all of the citizens of a diverse society’ (Cab. Doc. 864-71, 1971).

Those involved in shaping and adopting the Canadian policy of multiculturalism and its legal features conceived of multiculturalism as the reality of cultural diversity, to be distinguished from linguistic diversity, and to be recognised publicly in a spirit of equality between cultures.

Diversity and unity

Yet the Canadian policy of multiculturalism was not just about accommodating and thereby legitimising diversity, it was also about uniting Canada. Sure, sector staff involved in designing the Act emphasised how multicultural policies guarantee freedom of expression and ‘serve to convey to the nation and the world that there is a variety of cultural forms and traditions in which Canadians express themselves and that this is entirely legitimate’. Despite severe criticisms, continued government involvement in such policies was deemed ‘to be of prime importance’ because it ‘serves to convey legitimacy to minority groups aspirations and to foster a sense of self-worth and confidence among members of minority groups in their own identity as Canadians’ (Bowie, 1985).

But the policy was equally conceived as a strategy to unite Canada. Officials involved in designing and enshrining multiculturalism did not see it as a divisive strategy that would undermine national identity, as its critics often do (Bissoondath 1994, pp. 71, 77; Gregg 2006; Cameron 2007; see Abu-Laban and Stasiulis 1992), but conceived it precisely as a ‘fundamental characteristic’ of Canada that defined what the nation was and should be. In other words, multiculturalism was seen as a form of nation-building. Indeed, when the policy was introduced Stanbury noted in Cabinet committee ‘the importance and major significance of the policy as a new concept of the presentation of Canadianism’ (Cab. Doc. 981-71, 1971, emphasis added). In the 1988 Act, ‘The choice of word “Canadian” in the title underlines the objective of fostering a distinctly Canadian form of an evolving multicultural nation. It also signifies that multiculturalism is a distinctly Canadian value, a value central to our identity’ (Cab. Doc. 8-0368-87CR (01), 1987, emphasis added). Multiculturalism, hence, was thought to be ‘for all Canadians and therefore moves beyond being a program designated to assist minorities to maintain their cultural heritages [...]The dynamics involving cultural and racial diversity will contribute positively to the continuing nation-building processes that all Canadians are and feel to be included in the life of the nation’ (Sarkar, 1987, emphasis added).

This dual purpose of building a multicultural national identity for all Canadians and recognising and legitimising the diversity associated with ethnocultural groups could appear to be conflicting and this did not evade those involved in crafting the Act. This meant that careful crafting was required, as acknowledged by civil servants drawing up the detailed drafting instructions for the Act:

‘The Act should be crafted in such a manner as to avoid the perception that multiculturalism is a policy for the one third of Canadians who are of neither British nor French descent. Rather, the Act

must recognize the inherent multicultural reality of Canada, and that our nation is evolving towards an increasingly multicultural society.’ (Cab. Doc. 8-0368-87CR (01), 1987)

The quotes above already point to how this apparent tension between unity and diversity was thought to be resolved. Multicultural policies were thought to enable ethnocultural groups to develop the confidence to fully participate in society, thus enabling unity; and such unity was also thought to be served by a national identity that marked multiculturalism as a key element so as to unite all Canadians, thus turning diversity into a feature of unity. These connections between diversity, recognition and unity can already be discerned in the document accompanying the initial policy:

‘National unity, if it is to mean anything in the deeply personal sense, must be founded first upon a confidence in one’s own individual identity; out of this can grow a respect for the identity of others, and a willingness to share ideas, attitudes and assumptions. A dynamic policy of multiculturalism will create this initial confidence.[...] The more secure we feel in one particular social context, the more we are free to explore our identity beyond it. This security and this freedom should be the birthright of every citizen. Every ethnic group has the right to preserve and develop its own culture and values within the Canadian context.’ (Cab. Doc. 864-71, 1971)

It was through recognising Canada’s multicultural reality, then, that this policy was thought to legitimise diversity as well as foster unity.

Institutions

Meanwhile, the policy was thought to serve unity and diversity in a particular way, namely through the use of Canada’s institutions. These institutions are understood in a specific way that we outline below: they were thought to shape and reflect what Canada is as a country.

This conception of institutions remained somewhat implicit in the original policy that nonetheless aimed to use Canada’s institutions to change social attitudes and behaviours, and thereby shape society. It aimed, among other things, to remove obstacles to full participation such as ‘a sense of not belonging’ by fostering ‘confidence in one’s individual cultural identity and one’s rightful place in Canadian life’, and to encourage interaction between different groups through ‘increased sensitization of Canadians ... to their own ethnic identity and to the ethnic richness of their country’ (Cab. Doc. 864-71, 1971). In so doing, it both reflected and pursued a particular view of what multiculturalism meant in Canada, as discussed in the first section. 7

The idea that institutions can (and should) be used to shape and reflect society can be recognised more explicitly in the 1972 Report of the Joint Committee of the Senate and the House of Commons on the Constitution, which describes the preamble to the constitution as an opportunity to ‘state in broad language what kind of a country Canada is and what it aspires to be’ (JCSH 1972). Although such a preamble did not make it into the constitutional package that was ultimately adopted to repatriate the Constitution which had until then remained a British Act of Parliament (Uberoi 2009, pp. 812-815), the package was understood to describe Canada through the Charter, which Trudeau described as representing ‘our conception of Canada’ (Trudeau 1980). This conception included a reference to multiculturalism, enshrined in the Charter through Section 27. But it was not just the Constitution that was understood as a potential opportunity to convey the character of the country, as indicated in this quote by Paproski, Minister of State for Multiculturalism and Amateur Sport in the 1979 P.C. government: ‘I will ensure that any government action which sets out to define us as a people, be it a constitutional revision or an act of parliament, the multicultural character of Canada will be respected’ (Paproski, 1979, emphasis added). Indeed, the 1988 Multiculturalism Act was also thought to express a distinctive Canadian identity, as we already noted above.

Institutions, then, were explicitly thought to convey and shape what Canada was. Moreover, they were thought to do so not only through implementing particular policies, but also through reflecting the country’s diversity themselves. This can be seen in the three ‘important principles of multiculturalism’ the 1988 Act was designed to entrench, one of which states that ‘the federal government has the responsibility to promote multiculturalism throughout its departments and agencies...’ (Cab. Doc.

8-0368-87 CR (01), 1987). Thus, officials outlining the basic principles upon which the Act would be based stated that ‘particular direction was to be given to the federal institutions’ to ‘encourage adaptation’ to a new ‘demographic reality’ and that a concern for fairness entailed heightening ‘the sensitivity of institutions to the need to accommodate the cultural, racial and religious particularities of the diversity of the population’ (Serafini 1987). To support this idea, these officials appeal to research by sociologist Breton commissioned by the Macdonald Commission that noted how ‘individuals expect to recognize themselves in public institutions. Otherwise they feel that the society is not their society’ (Serafini 1987). While the notion that institutions should reflect and accommodate diversity goes against a longstanding tradition of conceiving institutions as neutral between different moral, cultural and religious orientations (e.g. Rawls 1971; see: Kymlicka 2007, pp. 16-61), this rationale can be recognised again in a draft Memorandum to Cabinet by senior civil servants:

‘The legitimizing of our multicultural reality acknowledges the existence of communities of Canadians sharing common heritages, and in addition provides the framework for those communities to be involved in the institutional life of the nation and its continuing evolution, this strengthening the sense of being an integral component of the Canadian nation’. (Sarkar 1987)

Without the accommodation of diversity in institutions that the Act commits Canada to, unity was thought to be endangered: ‘slowness on the part of Canadian institutions and communities to adapt to and take advantage of the nation’s cultural and racial diversity will increase alienation and division’ (Serafini 1987, emphasis added).

It was hence thought ‘axiomatic that the institutions of our society need to be consistent in policy and practise with the nation’s multicultural reality’ (Sarkar 1987). Yet Assistant Under Secretary of State for Multiculturalism Bowie noted that ‘many institutions have failed to adapt themselves to the ongoing demographic changes ... within society’ and they should now. Clearly, this contradicts the idea that it is not institutions but immigrants and minorities that should adapt and come to embrace existing political traditions and practices (cf. Miller 1995, pp. 127-153; Laborde 2002, pp. 591-610). Rather, the burden of adaptation here falls, at least partly, on the institutions that all Canadians share, and Bowie acknowledges this: ‘... the government fully recognizes that it is placing expectations on society at large and its institutions. It does so in the full confidence that these minority group accommodation processes are timely and justified’ (Bowie 1985)..

Institutions, here, were understood to legitimise diversity and foster unity only when they reflect the diversity of the population so that all citizens can identify with them and participate in them.

Conclusion

It should be apparent now that taken together, the conceptions of multiculturalism, of how the policy was thought to serve both diversity and unity, and of the role of institutions form a more or less coherent set of ideas. We can see how a politician convinced by this set of ideas might think that adopting the Canadian policy of multiculturalism and its legal features makes sense. Understanding the logical appeal of the case for adopting this policy can be helpful to scholars and politicians in different ways, as we will briefly discuss in this conclusion.

But before we do so, it is important to note that we do not claim that all those involved in shaping this policy always accepted the ideas presented above. Indeed, officials were aware that ‘Although Canadians see themselves increasingly as a multicultural, multiracial society this does not necessarily imply a general acceptance of government intervention in support of multiculturalism. [...] This is probable as true within the federal government as elsewhere’ (Rabinovitch 1985). Even after the Act was passed, senior figures such as the leader of Government in the Senate and Minister of State for Federal-Provincial relations Murray questioned the multicultural strategy: while ‘the Government is calling on Canadians to be open to’ diversity, it fails to ‘adopt a realistic policy’ to ensure immigrants integrate and ‘embrace the shared values underlying the Canadian mosaic’. He thus recommends emphasising a shared commitment to ‘the social and political contract which are the basis of our sense of belonging to the country’ instead (Murray 1989).

Our analysis aimed to clarify the connections between the different ideas that were thought to be central to this policy, but these ideas as well as their connections remain contested, as we have also noted throughout. We have not measured the level of support for this interpretation or others, so we cannot explain its causal importance in the adoption of the policy. Rather, we have shown that a more or less coherent set of ideas existed among those involved in shaping and adopting this policy, and that these ideas help to see why this policy could be seen as appropriate and of value within the Canadian context.

This analysis may nonetheless be of use to scholars who study this policy and often aim to offer explanations for its emergence, purpose and development. They have not had access to the internal documents that we have analysed, and our analysis may offer new insights that can help them to strengthen the case for their positions or alter them if necessary. For example, Mackey (2002, pp. 9 50-68) suggests that Canadian multiculturalism ignores how groups take up different positions in terms of power relations but manages and circumscribes diversity to encourage a new type of assimilation. Yet our analysis shows that this is not how the policy was conceived by those adopting it, for while the policy does pursue unity and a shared identity for all Canadians, this is not at the cost of assimilation. This is precisely because, as we show in section 2, unity and diversity were not conceived to be contradictory or mutually exclusive.

Our analysis also offers insights to those who think that multiculturalism erodes national unity (Bissoondath 1994, pp. 71, 77; Gregg 2006) as it shows that in Canada, it was used precisely to foster a national identity. To those who support the idea that multiculturalism can shape national identity, our analysis provides a useful example (Modood 2013; Parekh 2000). And to those who study the nature and role of institutions in multicultural societies, our analysis offers a new way of understanding them (Rawls 1971; Habermas 1998; Barry 2001). Moreover, our analysis may be of use to politicians who may question the use and purpose of multiculturalism (e.g. Cameron 2011) but also to those who wish to make the case for it as they can then draw on the ideas presented above. Overall, by clarifying how the ideas behind the Canadian policy of multiculturalism were conceived and related, we hope to have added to our knowledge of this policy and to our understanding of the reasons for multicultural policies more widely. 10

Bibliography

Abu-Laban, Y. and D. Stasiulis. 1992. 'Ethnic pluralism under siege: Popular and partisan opposition to multiculturalism.' *Canadian Public Policy/Analyse de Politiques*: 365-386.

Banting, K. and W. Kymlicka. 2010. 'Canadian multiculturalism: Global anxieties and local debates.' *British Journal of Canadian Studies* 23(1): 43-72.

Barry, B. 2001. *Culture & Equality: an egalitarian critique of multiculturalism*. Cambridge: Polity Press.

Bissoondath, N. 1994. *Selling Illusions*. Toronto: Penguin.

Bowie, D. 1985. Memorandum to the Minister of State Multiculturalism, from the Assistant Under Secretary of State Multiculturalism, 7 August 1985. Subject: background materials for August 12 1985 meeting on public discussion paper.

Cab Doc 864-71 'The Multicultural Society, A Response to Book IV of the B and B Commission', 13/7 1971. This, and all following cabinet documents were released under the access to information act.

Cab Doc 981-71, 'Canada: The Multicultural Society, A Response to Book IV of the B and B Commission', Undated.

Cab Doc 8-0368-87 CR(01), 'Report of the Cabinet Committee On Social Development's Decision', 21/10/87.

- Cameron, D. 2007. 'Bringing Down the Barriers to Cohesion', Speech made by Conservative Party Leader, 29 January.
- Cameron, D. 2011. PM's speech at Munich Security Conference.
- CCMC Best Efforts Draft. 1980. 'CCMC Best Efforts Draft of Preamble', LAC, RG6, Accession 2002-1145, Box 9, File, 3200-23.
- Dimitras, P. and N. Papanikolatos 2007. 'Reflections on minority rights politics for East Central European countries, in Kymlicka, W. and Opalski, M. eds. *Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe*. Oxford: Oxford University Press, pp. 186-199.
- Freedman, M. 1996. *Ideologies and Political Theory: a conceptual analysis*. Oxford: Clarendon Press.
- Gregg, A. 2006. 'Identity Crises: Is Canadian multiculturalism dangerously outdated?' *The Walrus* 3(2): 38.
- Habermas, J. 1998. *The inclusion of the other*. Ed.: Cronin, C. and De Greiff, P. Cambridge: Polity.
- Joppke, C. 2004. 'The retreat of multiculturalism in the liberal state: theory and policy'. *The British Journal of Sociology* 55(2): 237-257.
- JCSH, 1972. 'Joint Committee of the Senate and of the House of Commons on the Constitution of Canada', Final Report 1972.
- Kymlicka, W. 2003a. 'Being Canadian.' *Government and Opposition* 38 (3): 357-385.
- Kymlicka, W. 2003b. 'Canadian Multiculturalism in Historical and Comparative Perspective: Is Canada Unique?' *Constitutional Forum* 13 (1): 1-8.
- Kymlicka, W. 2007. 'Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe', in Kymlicka, W. and Opalski, M. eds. *Can liberal pluralism be exported? Western political theory and ethnic relations in Eastern Europe*. Oxford: Oxford University Press, pp. 13-106. 11
- Kymlicka, W. 2010. 'Testing the Liberal Multiculturalist Hypothesis: Normative Theories and Social Science Evidence', *Canadian Journal of Political Science*, 43(2): 257-271.
- Kymlicka, W. 2012. *Multiculturalism: Success, failure, and the future*. Transatlantic Council on Migration, Migration Policy Institute.
- Kymlicka, W. and K. Banting 2006. 'Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State'. *Ethics & International Affairs* 20(3): 281-304.
- Laborde, C. 2002. 'From constitutional to civic patriotism'. *British Journal of Political Science* 32(4), pp. 591-612.
- Li, P. 2000. 'Cultural diversity in Canada: the social construction of racial differences'. Research paper 02-8e Strategic Issues Series, Department of Justice (Canada).
- Mackey, E. 2002. *The House of Difference*. Toronto: Toronto University Press.
- McRoberts, K. 1997. *Misconceiving Canada*. Oxford: Oxford University Press.
- Miller, D. 1995. *On Nationality*. Oxford: Clarendon Press.
- Modood, T. 2013. *Multiculturalism*. 2d ed. Cambridge: Polity
- Murray, L. (1985) Letter from Lowell Murray (leader of Government in the Senate and Minister of State for Federal-Provincial relations) to Gerry Weiner, PC, MP, Secretary of State of Canada and Minister of State (Multiculturalism and Citizenship), September 5 1989.
- Nagra, B. and I. Peng. 2013. 'Has Multiculturalism Really Failed? A Canadian Muslim Perspective.' *Religions* 4(4): 603-620.
- Parekh, B. 2000b. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Paproski, S. 1979. Steve Paproski, Speech to the Canadian Consultative Council, Toronto, undated. One of the authors was shown a copy of this speech in an interview.
- Phillips, M. 2007. *Londonistan*. London: Encounter Books.

- Rabinovitch, R. 1985. 'Memorandum to the Secretary of State', DOH, Multi General, Legislative Base for Multi Act, Vol, 1.
- Rawls, J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sarkar, E. 1987. Memorandum for Ray Protti, April 29 1987. Released Under the Access to Information Act.
- Serafini, S. 1987. Memorandum to Jean Fournier, Under Secretary of State from Shirley Serafini, Assistant Under secretary of State Multiculturalism. Subject: new multiculturalism program directions and funding. Multi general legislative base for multiculturalism act (bill c-93), Vol. 2.
- Skinner, Q. 2002. *Visions of politics: regarding method (Volume 1)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor, C. 1989. *Sources of the self: The making of the modern identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Taylor, C. 2012. 'Interculturalism or Multiculturalism.' *Philosophy and Social Criticism* 38 (4): 413-423. 12
- Trudeau, P. E. 1980. 'Draft Speech for the Prime Minister', LAC, MG32, Series G15, File, Miscellaneous.
- Uberoi, V. 2009. 'Multiculturalism and the Canadian Charter of Rights and Freedoms'. *Political Studies*, 57(4): 805-827.
- Uberoi, V. and Modood, T. 2013. 'Has multiculturalism in Britain retreated?' *Soundings* 53, pp. 129-142.
- Winter, Elke. 2007. 'Bridging unequal relations, ethnic diversity, and the dream of unified nationhood: Multiculturalism in Canada.' *Zeitschrift für Kanada-Studien* 27(1): 1-20.

А.Г.Нестеров

Уральский федеральный университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Европа, Россия, Азербайджан: опыт политики мультикультурализма

Как уже неоднократно отмечалось современными исследователями, термин «мультикультурализм», широко распространившийся в конце XX и начале XXI века, изменил свое первоначальное значение, которое, в соответствии с мнением фактического автора понятия американского политолога Гореса Коллена, подразумевало сохранение этнокультурной идентичности отдельных этнических общностей в массе населения страны и противостояло идее «плавильного котла», в котором из разных общностей выплавляется новое единство. В то же время многие современные авторы подчеркивают, что само понятие «мультикультурализм» в широкий обиход вошло как замена понятия «этническое возрождение», и понятие «культура» пришло на смену более жестко детерминированному понятию «этничность», и новые термины предложили более сглаженное описание конфликтогенного современного общества. Сама идея мультикультурализма содержит в себе отождествление этничности и культуры, подразумевая, что различная этническая лояльность означает различную культурную лояльность (что характерно для традиционного общества, но абсолютно несправедливо применительно к индустриальному, тем более постиндустриальному обществу).

Чем отличается мультикультурализм в Азербайджане от мультикультурализма в России и в странах Европейского Союза? Казалось бы, мультикультурализм и есть мультикультурализм, то есть автономное сосуществование различных культур на едином пространстве, при сохранении их особенностей, традиций, обычаев, но анализ исторической и политической ситуации показывает глубокие различия в понятии «мультикультурализм» применительно к Европе, России и Азербайджану.

Развитие концепции мультикультурализма во многом связано с миграционными процессами. И идея мультикультурализма активно пропагандировалась прежде всего в «иммиграционных» странах, таких, как Канада, Австралия (где мультикультурализм стал официальной политической концепцией), что во многом было обусловлено сокращением традиционных миграционных потоков. Особенностью такого «мультикультурализма» было единое цивилизационное происхождение мигрантов – и англоязычные канадцы, и зачастую конфликтующие с ними франкофоны Квебека, и даже украино-канадцы и канадцы польского происхождения – все принадлежат к единой евроатлантической цивилизации, имеющей общую европейскую основу.

Европа, естественно, является регионом, где сосуществует множество этносов, культур и традиций. Тем не менее, в историческом смысле о мультикультурализме в Европе можно было говорить только применительно к европейским евреям, которые проживали в европейских странах, но сохраняли свою религию, свои традиции, свою письменность. В то же время европейская христианская цивилизация относилась крайне нетерпимо ко всем, кто не принимал ее базовых устоев, и в лучшем случае евреи были вынуждены обитать отдельно (отсюда понятие «гетто») и были существенно ограничены в правах, в худшем случае (как это было в государствах Испании в начале XVI века) иноверцев просто изгоняли за пределы государства. Тенденцией развития европейских стран в XIX – первой половине XX вв. было формирование национальных государств (в идеале – мононациональных государств, государств-наций), в рамках которых для представителей иных этносов просто не оставалось места. Исключением

была Австро-Венгрия, которую можно рассматривать как попытку реализации интеграционного проекта для народов Центральной Европы, причем проекта, основанного именно на формировании пространства мультикультурализма, объединяющего представителей западной и восточной версий европейской христианской цивилизации, а также еврейское население Центральной Европы. монархия Габсбургов, по крайней мере, ее «австрийская» часть, во многом опередила время своего реального существования. Многие параметры развития «Королевств и земель, представленных в Имперском Совете» (Цислейтании) соответствуют особенностям европейских интеграционных структур конца XX – начала XXI века: единое гражданство, единое экономическое пространство, региональные парламенты и правительства, система делегирования полномочий на «наднациональный» (имперский) уровень и т.д. В то же время хочется подчеркнуть, что создатели такой «интегрированной» Империи не стремились к такому результату. Австро-Венгерская монархия стала тем, чем она стала к концу XIX века, во многом вопреки воле своих создателей. Тем не менее, представители династии Габсбургов понимали сущность австро-венгерской государственности достаточно точно. Так, сын и наследник императора Франца Иосифа эрцгерцог Рудольф писал в 1886 году французскому политику Жоржу Клемансо: «Габсбургское государство давно уже осуществило мечту Виктора Гюго о Соединенных Штатах Европы, пусть и в миниатюрной форме. Австрия – блок разных стран и народов под единым руководством. Такая концепция имеет огромное значение для мировой цивилизации. Тот факт, что реализация этой идеи, выражаясь дипломатично, пока не совсем гармонична, не означает ошибочности самой идеи». В итоге, в Австро-Венгрии была предпринята реальная попытка формирования многонациональной общности, в которой удалось бы преодолеть национальные противоречия и националистические тенденции. Как ни парадоксально, реализовать такой проект попытались в отдаленной и отсталой провинции Монархии – герцогстве Буковина, население которого отличалось исключительным этническим разнообразием.

Буковина, бывшая в средние века частью княжества Молдавия, вошла в состав державы Габсбургов в 1775 году, когда русские войска одержали очередную победу над Османской империей. По данным обследования края, проведенного австрийцами в 1770-х гг., население Буковины составляли около 55 тыс. румын, 21 тыс. украинцев (русинов и гуцулов) и около 5 тыс. представителей других этносов. Активная миграционная политика австрийского правительства привела к тому, что к 1910 г. в Буковине проживали 305 тыс. украинцев, 273 тыс. румын, 103 тыс. евреев, 65 тыс. немцев и 36 тыс. поляков, а также представителей других этносов (вплоть до нескольких десятков итальянцев). Подписанное в 1909 г. Буковинское Соглашение (Bukowinaer Ausgleich) привело к созданию в герцогстве четкой системы регионального представительства (на основе всеобщего избирательного права) и системы управления, учитывавшей интересы всех этнических групп на основе того, что в настоящее время было бы названо политикой мультикультурализма. Соглашение привело к стабилизации межэтнических отношений в Буковине и могло бы стать прообразом для урегулирования этнических конфликтов на всей территории Монархии. Тем не менее, этого не произошло. В условиях подъема волны «романтического национализма», австрийский интеграционный проект оказался несвоевременным и был разрушен в ходе Первой мировой войны. Австро-Венгерская интеграция так и осталась невозможностью в мире возможностей.

Однако в Европе реально о мультикультурализме заговорили только в последней трети XX века. Это было связано с притоком эмигрантов из стран Африки и Арабского Востока, не желавших принимать нормы и традиции жизни европейской цивилизации. Толерантность, ставшая одним из постулатов современного Европейского Союза, превратилась в угрозу для самого существования традиционной Европы: мигранты не просто требовали признать за ними право соблюдать свои традиции, но и требовали поставить их нормы и обычаи выше законов принимающих стран. В то же время политические силы Германии, Франции, Соеди-

ненного Королевства и других европейских стран в базовой идее имели концепцию гомогенного национального государства, за создание которого в той же Германии или Италии боролись значительную часть XIX века. Мигранты рассматриваются как временное явление, даже в разговорном языке в Германии применительно к иммигрантам используется термин «Ausländer» (иностранец), или «Gastarbeiter» (временный работник, рабочий-гость), что подразумевает, что присутствие таких мигрантов ограничено во времени, и в перспективе мигранты вернутся в места исконного проживания.

Агрессивный национализм мигрантов, желающих сохранять образ жизни в соответствии с традициями собственной цивилизационной модели, вызвал ответную реакцию в обществе стран Европы и сформировал устойчивую тенденцию к развитию ксенофобии среди коренного населения европейских стран. Именно поэтому лидеры стран ЕС заговорили о провале политики мультикультурализма в Европе. В то же время в «иммигрантских» государствах о крахе такой политики не говорится даже теоретически – отказ от мультикультурализма в США или Австралии может привести к резкому росту социальной напряженности, что не может быть допущено без существенного вреда не только для имиджа страны, но и для ее экономики.

Иначе в этом отношении развивается ситуация в современной России. После распада СССР Россия также стала страной, принимающей значительное количество мигрантов, многие из которых стремятся остаться в России на постоянной жительство. Однако культурная дистанция между представителями стран постсоветского пространства значительно меньше, чем между жителями, к примеру, Франции и стран бывшей Французской Африки или Арабского Востока. Длительное совместное существование в рамках единой политической структуры, единые системы образования и воспитания привели к сближению ментальностей, особенно среди старших поколений. В то же время примерно половина прибывающих в Россию мигрантов принадлежит к числу молодых людей, которые получили образование уже после распада СССР, поэтому очевидно, что культурное и этническое многообразие современной России будет только возрастать. Однако вплоть до настоящего времени невозможно жестко заявлять, что на пространстве Российской Федерации формируются замкнутые этнокультурные общины, живущие по сути по своим законам и не сохраняющие лояльности к законам принимающей страны: все этнокультурные общины на территории России лояльны по отношению к действующему законодательству (даже столь замкнутые общины, как трудовые мигранты из Китая и стран Юго-Восточной Азии, цивилизационно чуждые принимающей стране). В то же время необходимо подчеркнуть, что основная масса мигрантов прибывает на территорию России из стран Центральной Азии, а население России имеет значительный исторический опыт сосуществования и взаимодействия с представителями исламской цивилизационной модели, которые с XVI века проживают на российской государственной территории. Впрочем, следует отметить также и существование ксенофобских настроений в российском обществе, что обусловлено во многом внутренним стремлением россиян к сохранению пространства гомогенной российской культурно-цивилизационной модели и очевидным ростом числа мигрантов. В каком-то смысле в России повторяется европейская ситуация, но со значительным хронологическим отставанием и со множеством собственных нюансов.

Ситуация в Азербайджане принципиально отличалась (и отличается) от европейской. В историческом смысле пространство Азербайджана (в широком смысле этого термина) всегда являлось местом пересечения цивилизационных, культурных, этнических и религиозных традиций. Поэтому сосуществование различных (даже в цивилизационном отношении) культур сохранялось на этом пространстве на протяжении многих веков. И современный Азербайджан показывает пример успешной реализации политики мультикультурализма, когда представители различных этнокультурных групп не только не агрессивны по отношению друг к другу, но и успешно сосуществуют и сотрудничают. Тюрки (собственно азербайджанцы), ираноязычные талыши, евреи Габалы, старообрядцы Ивановки – все это живые примеры успешной реализации политики мультикультурализма в Азербайджанской Республике. В Азербайджане не

существует столь значимой проблемы притока чуждых в цивилизационно-культурном отношении мигрантов, как в Европе и частично в России. Поэтому Азербайджанская Республика может решать вопросы культурного разнообразия превентивно, не дожидаясь возникновения тех проблем, которые стали существенными для Европы.

Европейская политика мультикультурализма может найти выход из кризиса при одном условии: она, с одной стороны, концептуально должна отказаться от существующей в скрытой форме идеи господствующей культуры, к которой должны приспособливаться носители иных культурных традиций, а с другой стороны, необходимо разорвать жесткую детерминанту «культура = этничность». Культурное разнообразие не должно быть связано с этническим разнообразием. Сущность действительного культурного плюрализма – мультикультурализма – состоит не в параллельном существовании автономных идентичностей, а в их взаимодействии, взаимопроникновении, взаимной трансформации, сохранении взаимного уважения к иной культуре и стремления понять ее, а не противопоставлять ее своей культуре в рамках системы «свой – чужой». Как представляется, особенности современного состояния азербайджанского общества и государства позволяют решить эти проблемы, не формируя общества противостоящих идентичностей с его внутренними противоречиями и ксенофобией.

**2. Sivilizasiyalararası dialoq: “Nibelunqlar haqqında nəğmə”
və “Kitabi-Dədə Qorqud” eposlarının müqayisəli tədqiqi**

**2. Dialogue of Civilizations: Comparative Research of Eposes
“The Song of the Nibelungs” and “The Book of Dada Gorgud”**

**2. Межцивилизационный диалог: сравнительное исследование
эпосов “Песнь о Нибелунгах” и “Китаби-Деде Горгуд”**

Kamal Abdullayev

Azərbaycan Respublikasının millətlərarası, multikulturalizm
və dini məsələlər üzrə dövlət müşaviri, AMEA-nın həqiqi üzvü

Fon Dits və onun “Kitabi-Dədə Qorqud” araşdırması

Hamınızı bizim Dəyirmi masada salamlayıram və Almaniyadan, Amerikadan, İngiltərədən, Rusiyadan və başqa ölkələrdən gəlmiş qonaqlarımıza təşəkkürümü bildirirəm ki, bu gün biz bir yerdəyik və mənə elə gəlir ki, Nibelunqlar nəğməsi və Kitabi-Dədə Qorqud dastanlarının müştərək öyrənilməsinin məkanı Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumundan daha gözəl məkan düşünüb tapmaq çox çətin olardı. Ona görə də alman həmkarlarımızla iş birliyimizin davamını məhz bu möhtəşəm Forumun çərçivəsində aparılmasını qərarlaşdırdıq və mən çox şadam ki, Ziqlında xanım da onun həmkarları da bizim bu təklifimizi qəbul etdilər və biz indi şahidi olduğunuz kimi doğurdanda çox genişmiqyaslı, dərin intellektual bir mahiyyətə malik olan Bakı Humanitar Forumun çərçivəsində Nibelunqlar haqqında Nəğmə və Kitabi-Dədə Qorqud eposlarının müqayisəli təhlili üçün burada yığılmışıq. Bilirsiniz ki, bu təhlilin, bu araşdırmaların, bu proyektin həqiqətən də gözəl bir tarixçəsi var. Biz ilk dəfə bu barədə professor Z.Hartmann, professor Buşotenlə görüşüb fikirlərimizi bölüşəndə bəlkə də təsəvvür etməzdik ki, fikirlərimizi bu cür anlamağa başlayacayıq. Eyni istiqamətlərdə düşünməyə, eyni terminlərlə fikir bölüşməyə başlayacayıq, bu çox vacibdir və mən elə güman edirəm ki, bu gün əgər almaniyalı, amerikalı, ingiltərəli bir germanşünas, german dilləri, german eposları üzrə mütəxəssis, eyni zamanda bizim Kitabi-Dədə Qorqud dastanlarımızdan danışsın onu öz tədqiqatına cəlb edərsə, yaxud əksinə bizim görkəmli türkoloqlarımız Nibelunqlar haqqında nəğməni öz tədqiqat çərçivəsinə daxil edərsə mənə multikulturalizmin, sivilizasiyaların dialoqunun mahiyyəti və əsası buradan da başlağa bilər. Biz artıq iki konfransı arxada qoymuşuq, iki konfransda biz həqiqətən də bu iki möhtəşəm dastanların dil xüsusiyyətlərindən, ədəbi xüsusiyyətlərindən danışmışıq. Bu konfranslardan birincisi Bakı şəhərində Bakı Slavyan Universitetində olmuşdur. İkincisi Almaniyada Mayns şəhərində bizim əməkdaşlıq etdiyimiz bir universitetdə Mayns Qutenberq Universitetində baş vermişdir və biz alman həmkarlarımızın qonaqpərvərliyini o zaman görmüşdük. Və bu gün də bu qonaqpərvərliyi çalışırıq ki eyni şəkildə həyata keçirək.

Əziz dostlar, mən öz qısa çıxışımı bir hadisənin üzərində qurmaq istədim və mən inanıram ki, siz də mənimlə şərik olacaqsınız ki, o tarixi hadisənin bu gün qeyd edilməsi son dərəcə vacibdir. Bu elmimiz, mədəniyyətimiz üçün də hesab edirəm ki, alman filologiyası, alman mədəniyyəti üçün də bizimki qədər vacib olan bir andır. Mən Almaniyanın XIX əsrin məşhur filoloq alimi, diplomatı, kulturoloqu Fridrix fon Dits haqqında danışmaq istəyirəm. Bildiyiniz kimi, bu görkəmli şəxsiyyət öz dövrünün, zəmanəsinin ən məşhur adamları ilə dostluq münasibətlərində olub. Göte ilə və başqa görkəmli şəxsiyyətlərlə onu dostluq münasibətləri birləşdirib və Göte öz “Qərb-Şərq Divanı”nı yazarkən onunla dəfələrlə məsləhətləşib, çünki Fridrix fon Dits öz dövrünün tanınmış və çox böyük nüfuzlu malik olan şərq bilicisi olub. Təkcə bilicisi olmaq azdır, Fridrix fon Dits əsil şərq, əsil türk aşığı idi. Onun qəlbində türk ədəbiyyatına, türk mədəniyyətinə, türk tarixinə böyük bir sevgi yaşayırdı və heç də təsadüfi deyil ki, səhv etmərsən Saksoniyanın Türkiyədə ilk səfiri oldu və bu səfirlik dövründə Fridrix fon Dits öz xatirələrində yazır ki, səfirlikdən geri dönərkən Padşahın sarayındakı türk əyanları onu göz yaşları içində yola salırdılar. O Türkiyədə özünə çoxlu dostlar qazanmışdır və bu dostların sayəsində o zəngin bir mənbə ilə qarşılaşdı, zəngin bir xəzinə əldə etdi, mənəvi xəzinə əldə etdi. Bu, müxtəlif şərq xalqlarının həyatı və folkloruna aid olan əlyazmalar idi, eyni zamanda türk xalqlarının qədim dastanlarından ibarət əlyazmaları Fridrix fon Dits toplayıb öz kitabxanasının vacib komponentlərinə çevirdi və öləndən sonra da kitabxanasını Drezden şəhərinə bağışladı. İndi də onun kitabxanası çox məşhur, çox maraqlı bir intellektual məkandır. Fridrix fon Dits Almaniyaya

dönəndən sonra müstəqil şəkildə fəaliyyətini davam etdirməyə başladı və müxtəlif xalqların dastanlarını, müxtəlif xalqların tarixi ilə bağlı, ədəbiyyatı ilə bağlı nümunələri tərcümə edib, çap etdirmək işlərinə başladı. Hind dastanlarından, hind nağıllarından, qədim türk nağıllarından ibarət silsilə yazılar çap etdirməyə başladı və nəhayət 1815-ci ildə o ilk dəfə olaraq Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarını Avropaya tanıtdı. İlk dəfə olaraq o əlyazma şəkildə Türkiyədən gətirdiyi bu əlyazmanın bir boyunu, bir hekayətini alman dilinə tərcümə etdi və ona çox geniş və çox dəyərli bir ön söz yazdı. Bu Təpəgözlə Basatın vuruşmasından ibarət olan, ona həsr olunmuş boy idi. Fridrix fon Ditsi Təpəgözlə Basat haqqında olan hekayəni çox dərinlərə apardı. Giriş sözündə də o bu rəvayəti haqlı olaraq qədim yunan mifləri ilə müqayisə etdi. Qədim yunan miflərinin bizə məlum bir süjeti var, o süjet Odissey ilə Polifem arasında olan münasibəti və onların arasında olan savaşı və mübarizəni xatırladır. Bildiyiniz kimi, Homer öz Odisseyasında mifologiyadan aldığı süjet əsasında çox gözəl və ölməz səhnələr yazmışdır. Odissey ilə Polifemin bir biri ilə tanış olması, Odisseyin Polifemi nə şəkildə aldadıb adadan uzaqlaşmasına həsr olunmuş çox gözəl səhnələr var idi. Təxminən eyni süjet daxilində amma əlbəttə ki, şərq lokallıqlarını da unutmamaq şərti ilə həmin hadisə, həmin xətt Kitabı-Dədə Qorqud dastanında da özünü göstərir. Mən təsadüfən özünü göstərir sözünü işlətmədim. Mən deyə bilərdim təkrar edilir, amma mənim fikrimcə elə Fon Ditsin də fikrincə də bu təkrar deyildir, bu iqtibas deyildir. Hər iki dastan öz özlüyündə paralel şəkildə daha qədim ortaq nöqtəsinə, invariant, ilkin nöqtəsinə doğru bizi apara bilir. Hətta Fridrix fon Dits öz tədqiqatında bir az da irəli gedərək Basat ilə Təpəgözə həsr edilmiş boyu Homerin məşhur dastanındakı süjetdən daha qədim sayır. Özü də qeyd edir ki, Basatla Təpəgöz xətti Polifemlə Odissey xəttindən daha qədimdir. Və öz dediyini bu şəkildə sübut etməyə çalışır. O deyir ki, oxucu Homerin dastanında hansı Polifemlə rastlaşır?! Bu Polifem sanki doğuluşu və ölümü bilinməyən orta bir xəttə təqdim edilən bir qəhrəmandır, amma oğuz Polifeminin – Təpəgözün anadan olandan ölənə qədər yaşam xətti izlənilir. Və bu Fridrix fon Ditsə imkan verir ki, o bu dastanın bu hissəsini Homer dastanından qədim saysın. Əlbəttə ki, indi Fridrix fon Ditslə mübahisə etmək də olar. Şəxsən mənə elə gəlir ki, burada hansının daha qədim, hansının daha yeni olması ideyası yox bu iki xəttin ikisinin də müxtəlif və ortaq nöqtəyə aparılması barədə düşünmək lazımdır. Çünki məlumdur ki, Homer öz ilhamını əlbəttə ki, həmin o yarımçıq Polifem xəttini öz özlüyündən götürməmişdi, mifologiyadan götürməmişdi. Mifologiyada isə Polifemin Poseydonun oğlu olması, onun bir Ninfaya vurulması, hətta ölümü də tam şəkildə öz əksini tapırdı. Homer o mifologiyaya girmiş və oradan çıxmışdır. Ona görə də bununla bağlı Polifem yunan auditoriyasına, əgər belə demək olarsa, Təpəgöz oğuz auditoriyasına tanış olduğu qədər tanış idi. Ona görə biz bu xətlərin paralel inkişafına, paralel retrospektiv inkişafına, arxeoloji dərinliyinə bir daha, daha hüquqi şəkildə qayıda bilərik. Mənim söhbətim hətta bunun da üzərində deyil. Fridrix fon Ditsin oğuz dastanına verdiyi böyük dəyər əlbəttə ki, çox qiymətlidir. Bu dastanın bildiyiniz kimi İtaliyadan daha bir əlyazması tapıldı. Amma bu əlyazma Fridrix fon Ditsdəki əlyazma qədər dolğun deyildi. O özündə altı boyu ehtiva edirdi və Rossi tərəfindən tapılmış XX əsrin ortalarında, sanıram 1956-cı ildə tapılmış bu əlyazma əlbəttə ki Fon Ditsin Kitabı-Dədə Qorqudla bağlı fikirlərini əsaslandırır. Kitab Rusiyada geniş şəkildə öyrənilir, Bartold tərəfindən və bir çox digər alimlər tərəfindən, fransız alimlərə, türkoloqlar Fon Ditsin izi ilə Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarını öyrəndilər. Amma yenə də Kitabı-Dədə Qorqud bu günə qədər məhz türkoloqların inhisarına, maraq dairəsinə daxil idi. Mən professor Hartmana da, professor Buşotenə də təşəkkür edirəm ki, onların da köməyi ilə bu gün Kitabı-Dədə Qorqud dastanları germaşünasların diqqət mərkəzinə çevrilmişdir və mənə elə gəlir ki, türkoloq üçün, bir Kitabı-Dədə Qorqud dastanını öyrənən və tədqiq edən insan üçün bu həqiqətən də çox önəmli bir məqamdır. Eyni zamanda əgər Kitabı-Dədə Qorqud dastanları da onların filoloji, mifoloji araşdırmalarına hansısa nöqtəsi ilə bir dəyər verə bilirsə bu öz növbəsində bizim üçün də qiymətlidir.

Mən söhbətimin əvvəlində bir tarix haqqında danışdım, bir tarixi rəqəmi qeyd etdim. 1815-ci ildə Kitabı-Dədə Qorqud dastanının dünyaya yeni bir doğuluşu baş verdi və bunu Fon Dits həyata keçirdi. Bir il sonra həmin tarixin nə az nə çox düz 200 ili tamam olur. Bu çox möhtəşəm tarixdir. Bu həm türkoloqların, həm germaşünasların, həm slavistlərin, həm romanistlərin dünyaya mifoloji tarixi,

dünya dastançılıq tarixi ilə məşğul olan insanların dəyər verəcəyi bir hadisəyə çevrilə bilər. Biz bunun üçün bir yerdə bəzi işləri görməliyik. Azərbaycan tərəfi olaraq biz məsələnin bu tərəfini ciddi və intensiv tədqiqatlar, konfranslar, dəyirmi masalar, görüşlər və digər səpgidə, formatda olan tədbirlər vasitəsi ilə dəyərləndirmək və nəhayət total olaraq sonunda həmin tarixi biz Fridrix fon Ditsin xatirəsinə və Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının öyrənilməsinin başlanğıc tarixinə dönüş kimi 200 illiyi bir yerdə qeyd edək. Gələn il biz yenə də Nibelunqlar və Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının tədqiqi ətrafında toplaşa bilərik və onu fon Ditsə və Kitabı-Dədə Qorqud dastanının dünyaya doğuluşuna həsr edə bilərik. Bu istiqamətdə mən sizin təkliflərinizi gözləyirəm. Azərbaycan tərəfi olaraq, həmkarım akademik, professor, Dilçilik İnstitutunun rəhbəri Tofiq Hacıyev adından da, universitetlərimiz adından da, Azərbaycan intellektual gəncləri adından da sizə prosesə qoşulmağa, onu dəyərləndirməyə, onu təşviq etməyə öz ölkələrinizdə, öz elmi camialərinizdə bu rəqəmlə, bu hadisəylə hər hansı bir təklif və ideyalarınız olarsa onu dəstəkləməyə hazırıq: istər bu, Almaniyada, Rusiyada, istər Fransada olsun. Və biz bir yerdə həmin möhtəşəm günü yaddaşımızda, insanlarımızın, gənclərimizin yaddaşına hopmasına kömək etməliyik. Bu gün haqqında çox danışdığımız multikulturalizm, tolerantlıq dediyimiz, millətlərarası münasibətlər, sivilizasiyaların dialoqu dediyimiz anlayışların bərqərar olmasına, tənənəsinə aparan bir yolda bu cür tarixi məqamlarda birləşməliyik. Bu Türk dastanı, bir Azərbaycan dastanı və onun dünyaya bir alman alimi tərəfindən sevə-sevə, ürəkdən, məhəbbətlə təqdim edilməsi hər zaman üçün aktualdır. Sən demə, multikulturalizm XIX əsrin əvvəllərində mövcud imiş, amma yəqin ki, o zaman onu başqa cürə adlandırmışlar.

К проблеме архетипа в филологии

Сегодня прослеживается самое разное отношение к культурному наследию народов. Иногда ставится под сомнение сам фактор существования общечеловеческих ценностей, настолько сильным оказывается желание подтвердить собственную национальную исключительность. Одновременно культурологический и философский дискурс современности обнаруживает порой полное нивелирование национально-культурных особенностей, реально проявляющихся в том или ином ареале и оказывающих серьезное влияние на формирование наших приоритетов. Люди, мыслящие подобными универсалиями и не придающие должного значения культурному своеобразию, нередко попадают впросак, поскольку оказываются не в состоянии найти адекватный ответ вызовам той или иной цивилизации или национальной культуры. Паритет общечеловеческого и национально-специфического оказывается не просто оптимальным с точки зрения жизни в условиях мира глобальной культуры, но и моделью общезития, формирующей психическое здоровье.

Наука, о чем бы она ни была, формируется как некоторый сложившийся дискурс о культуре. Сложившись под влиянием вполне или не вполне осознаваемых внешних, историко-культурных и идеологических факторов, и внутренних, предполагающих реальность собственной научной традиции, научный дискурс становится некоторой дискурсивной практикой, постоянно оказывающей воздействие на становление и изменение коллективной ментальности. Трудно подсчитать статистику воздействия на умы книги Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и в целом такого рода дискурсивных практик. На наш взгляд, совсем не случайна эскалация напряженности в международных отношениях, столь характерная для наших дней. Не случайна она потому, что была подготовлена соответствующими практиками, ориентированными на формирование сознания национальной, культурной или цивилизационной исключительности. В этих условиях важное значение приобретает подлинно гуманитарный дискурс, приобретающий глубокое гуманистическое значение.

Анализ исторических рефлексий на культурные факты свидетельствует о том, что филологическая мысль всегда находилась в авангарде самопознания человечества. Не изменилась ситуация и сегодня. Изучение языков и литератур, как классических, так и современных, особенно в аспекте ультрасовременных когнитивных исследований, выявляет общечеловечески значимые модели. Такое положение вещей во многом объединяет структурализм с когнитивизмом, поскольку и структурализм ставил перед собой задачу обнаружения универсальной модели организации языка, не зависящей от национальных семантических систем. Иными словами, структурализм пытался найти общечеловечески значимой структуры естественного языка. Что касается структурного литературоведения, то оно в лице русского формализма пыталось определить универсальные структуры разных типов художественных произведений, где роль конкретики национальных образных систем сводилась чуть не к нулю.

Когнитивизм в этом пункте как раз и отличается от структурализма, поскольку, во-первых, уделяет пристальное внимание системе национальных значений, во-вторых, объясняет когнитивную мотивацию сложившихся моделей. Когнитивизм сближает со структурализмом обнаружение универсального и его интерпретация в качестве универсального, а также демонстрация и интерпретация культурного своеобразия на фоне универсального.

Изучение текстов древнейших памятников письменности приобретает сегодня особую актуальность. Это непосредственно связано со становлением проблематики когнитивной лингвистики. Один из важнейших принципов когнитивизма состоит в понимании посреднической

роли языка как инструмента познания. Между человеческим сознанием, как индивидуальным, так и коллективным, и окружающим нас интеллигибельным миром стоит естественный язык. Именно язык структурирует и категоризирует информацию о внешнем мире и таким образом сохраняет ее в анналах коллективной памяти этноса. Если это действительно так, то язык хранит информацию не только о внешнем по отношению к нему мире, но и о внутреннем, т.е. о самом себе, о сознании. Поскольку язык представляет собой общественное явление, то все его ценности также носят общественно значимый характер. Для индивида языковые явления любого порядка ценны в силу их социальной значимости. Любой знак на любом уровне его реализации есть своеобразный ключ для проникновения в коллективную психику этноса. Следовательно, знаки естественных языков представляют собой уникальных носителей историко-ментальной информации. Поскольку язык представляет собой упорядоченное множество таких знаков историко-ментального содержания, постольку и ментальность этноса упорядочена в систему. Но важно то, что именно язык упорядочивает наши представления о мире. Будучи своеобразной кибернетической системой язык накладывается на действительность, но накладывается нашим сознанием. Таким образом, посредством языка наше сознание упорядочивает мир. Отсюда первый когнитивно релевантный признак: различия этнопсихологического характера непосредственно сказываются на характере упорядочивания мира. И второй принцип, вытекающий из первого: языки мира несут на себе следы этнопсихолингвистического своеобразия конкретного когнитивного процесса, характеризующего историю существования этноязыковых коллективов.

В контексте сказанного особое значение приобретает изучение классических текстов, носящих образцовый характер для конкретного народа и его культуры. Образцовость такого рода текстов состоит в том, что в них уже представлены важнейшие для данного конкретного народа стандартные модели. Сегодня филологический дискурс использует психологические термины и понятия, важнейшим среди которых является *архетип*. Анализ литературы вопроса свидетельствует о том, что очень часто филологи, как лингвисты, так и литературоведы, достаточно вольно обращаются с этими исконно психологическими понятиями. Тем не менее филологи, используя чуждые для них термины, пытаются нащупать собственный предмет, не поддающийся точному описанию в рамках традиционного филологического дискурса.

Если архетип действительно представляет собой некоторую реальность, то совершенно ясно, что искать его следует в древних текстах. Известно, что в филологии существует представление о фундаментальном тексте. Фундаментальность текста определяется на основе самоидентификации культурного сообщества по отношению к тексту. Так, Коран является тем фундаментальным текстом, вокруг которого исторически объединились различные арабские племена, и сегодня объединяются арабские народы, часто не совсем понимающие друг друга, если они говорят на собственных диалектах. В данном случае речь идет об этнопсихологической идентификации. Как суперэтническая ценность, Коран объединяет все мусульманские народы мира. Понятно, что Коран создает многочисленные дискурсивные практики, определяющие поведение мусульман мира.

Эта модель аналогичным образом накладывается на фундаментальный текст любого типа. Так, если тюрки-огузы в какой-то степени представляют собой и сегодня единый психологический тип, то многие архетипы тюркско-огузского типа должны прослеживаться в языке «Деде Коркуд». Другое дело, насколько сегодняшние огузы соответствуют стереотипам, манифестируемым в этой книге. Идентификация чаще всего встречается как самоидентификация, однако важно понять, что человек, полностью совпадающий с тем или иным типом, может и не идентифицировать себя с ним. Следовательно, результаты последовательного лингво-когнитивного анализа древнего текста выявляют архетипы, определяющие этнопсихолингвистическое своеобразие языкового коллектива, к которому имеет отношение данный текст.

Если архетип представляет собой довольно емкое понятие, то такие термины, как *стереотип*, *стандарт*, *ритуал*, *обычай* и некоторые другие, на наш взгляд, охватываются «архетипом» и конкретизируют его. Следовательно, системное и комплексное когнитивное изучение языка древних памятников письменности выводит исследователя на стандарты этнической психологии и мышления. Результаты подобных исследований предполагают широкое философское осмысление. Фактически древние памятники письменности до сих пор не подвергались когнитивному анализу, если не считать отдельных эпизодических изысканий. Говорить же о сопоставительном изучении языка нескольких памятников письменности, принадлежащих различным народам, в когнитивном аспекте не приходится. Таких исследований просто не проводилось. Между тем важность их не вызывает сомнений. Прежде всего они призваны пролить свет на многие неясные вопросы семантической системы языков мира, не говоря уже о проблематике смежных наук, таких как этно- и психолингвистика, когнитивная и этническая психология.

Мы пытаемся выявить общечеловеческие мотивы в таких памятниках древней письменности, как «Книга деда моего Коркуда», «Слово о полку Игореве», «Беовульф» и «Песнь о Нибелунгах». Нами предпринята попытка сопоставительного когнитивного анализа указанных древних памятников, с целью выявления системы стандартов древних тюрков, русских, англичан и немцев. При этом, конечно, нужно учитывать, что этнонимы *русские*, *англичане* и *немцы* являются условными. Скорее всего речь должна идти о древних германцах и славянах. Этот вопрос достаточно сложен, так как само соотнесение, например, «Слова» с древними русскими племенами не всегда и не везде воспринимается однозначно. Данный памятник ассоциируется и с древними тюрками, и с варягами. С другой стороны, понятие «древние германцы» охватывает и англов и саксов. Поэтому следует еще раз использовать такое понятие, как «идентификация». «Песнь о Нибелунгах» ассоциируется с немцами, в то время как «Беовульф» идентифицируется с англичанами. Что касается «Слова», то данный памятник считается фундаментальным текстом русского народа. Можно высказывать много разных суждений относительно манифестации тюркской ментальности в «Слове», однако вряд ли современные азербайджанцы или турки будут сравнивать «Деда Коркуда» и «Слово» с точки зрения их ценности для себя, или казахи «Кобланды батыр», а узбеки «Алпамыш». Ясно, что со «Словом» идентифицируют себя современные русские.

Другой серьезный вопрос состоит в степени идентификации вообще современных народов с героями древних памятников. В принципе эта проблематика не должна затрагиваться в филологической работе или может частично разрабатываться на сравнительном языковом анализе древних и современных текстов, включая широкий фольклорный материал. В исследованиях нашего типа следует подвергать комплексному анализу тексты с точки зрения выявления и систематизации когнитивных моделей. Идентификация с этносом не является самоцелью. Можно использовать условные обозначения типа «герои Нибелунгов» или «древние тюрки». В любом случае анализ конкретных текстов не оставляет места для двусмысленности. Претензий же на глубокое осмысление психологии современных немцев, англичан, русских и азербайджанцев на материале указанных памятников письменности такого рода лингвистические исследования не должны обнаруживать.

Задача такого рода исследований заключается в определении тех языковых моделей, которые соответствуют в указанных памятниках стандартным жизненным ситуациям. Такая цель полностью соответствует предмету когнитивной лингвистики, поскольку ориентирована на выявление глубинных этнопсихологических стандартов, находящихся устойчивое моделирование в языке. Решение этой задачи предполагает осмысление целей, задач, принципов и методов когнитивной лингвистики по отношению к языку древнейших памятников письменности. В принципе достаточно сложно определить когнитивную модель и доказать, что она характеризует то или иное этническое мышление. С другой стороны, существует опасность

приписывания универсальной психологии и миропониманию *homo sapiens* то, что атрибутирует этническую психологию.

Наш исходный тезис заключается в том, что язык древних памятников письменности содержит в себе языковые модели, отражающие стандарты осмысления окружающего мира и поведения. Следовательно, типологические сходства и отличия должны прослеживаться на двух уровнях: языкового моделирования и глубинных психологических стандартов.

Нами применяется метод определения когнитивных моделей, отражающих стандартные для этноса реакции на стандартные стимулы. Появляясь на свет, мы все оказываемся в той ситуации, которую в самом общем виде можно обозначить как человеческую. С нами случаются вещи, не зависящие от имущественного и социального статуса, здоровья и наследственности. Человек познает боль, утрату близких, неисполнение или исполнение заветных желаний, различные разочарования и счастье творчества и жизни вообще. Характер этих «происшествий», естественно, не зависит и от того, к какой культуре или цивилизации мы принадлежим.

На наш взгляд, стандарты человеческой ситуации вполне могут экстраполироваться и на феномен культуры. В принципе созданная нами культура всегда может рассматриваться как результат культуротворчества, которое в свою очередь является закономерным результатом нашей находчивости в поисках адекватных ответов на вызовы пространства и времени. Понимание и взаимопонимание людей, создающих культуру, определяемую нами как система своеобразных и неповторимых ценностей, зиждется на том, что в такого рода своеобразии и неповторимости таится общечеловеческое начало. Своеобразие детерминировано условиями жизни, окружающей средой, климатом и ландшафтом, фауной и флорой, историей, религией, многими случайными и закономерными событиями. Но в основе своеобразия всегда могут быть обнаружены стандартные модели, демонстрирующие человеческое лицо коллективного актанта культуры. Какой бы разной ни была культура, она создается человеком, радующимся собственному творчеству, испытывающему боль от неудач, не теряющему надежд на лучшее будущее.

Глобальный мир таит в себе немало преимуществ, но и немало угроз для национального культуротворчества. Люди относятся к глобализации утилитарно-прагматически. Они хотят пользоваться ее благами, но не хотят терять свое лицо в недрах. Однако стоит отметить, что сам феномен глобального мира и глобальной культуры вовсе не является изобретением конца прошлого столетия. История культуры знает немало фактов глобализации культуры, на самом деле все древние цивилизации носили характер глобальных миров, культура которых впитывала и органически переваривала ценности многих предшествовавших культур. Об этом свидетельствует логика развития и падения цивилизаций. Но одно дело логика, другое дело – обнаружение фактов. На наш взгляд, и в этой области ни один дискурс культуры не способен сравниться с филологией. Именно филологический анализ выявляет факты разнородных культур, организовавших органическое целое памятника письменности.

И вновь возвращаясь к проблеме архетипа, следует отметить, что «архетип» остается все же сугубо психологическим понятием, несмотря на употребление его филологами. Возражать против такого терминопотребления сложно и наивно. Видимо, он отвечает каким-то глубинным потребностям современной филологической мысли. Элементарное требование к использованию психологических терминов в филологии должно сводиться к соблюдению правил парадигмальной связи. Иными словами, между филологическим и психологическим употреблением должна прослеживаться связь, исконно психологическое словоупотребление должно мотивировать филологическое.

Как известно, понятие «архетипа» ввел в современную психологическую науку К.Г.Юнг. Понятие «архетипа», безусловно, связано с феноменом бессознательного. Считается, что Юнг под индивидуальным бессознательным обнаружил тот феномен, что объединяет всех людей.

Юнг стал говорить о коллективном бессознательном. По Фрейду, различные комплексы составляют основу личностного бессознательного. По Юнгу, именно архетипы составляют основу коллективного бессознательного. Архетипы представляют собой модели психической деятельности. Именно эти модели определяют наше мышление и поведение, причем независимо от нашей воли. Анализ многочисленных работ по литературоведению говорит о том, что их авторы используют этот термин Юнга в значении «устойчивый образ», «повторяющийся образ», что нам представляется не совсем правильным. Конечно, спорить с терминопотреблением, как уже отмечалось, достаточно сложно. Можно лишь констатировать сам факт употребления, складывающуюся традицию использования слова в том или ином значении. Необходимо, однако, отметить, что в целях глубокого филологического анализа как раз целесообразнее было бы использовать термин *архетип* в значении, мотивированном юнговским пониманием и употреблением. Иными словами, под *архетипом* важнее было бы понимать те образы и художественные типы, которые не зависят от национальных культур и литератур, а носят интегральный характер. Именно такие архетипические типы и модели свидетельствуют об общечеловеческом и общечеловечески закономерном характере художественной литературы. Как сама художественная литература, так и те языковые модели, которые устойчиво повторяются и не зависят от национального своеобразия адресанта, служат свидетельством реальности глобальной языковой картины мира, объединяющей народы на мультикультуральном уровне. Это очень глубокий уровень анализа, результаты которого, с одной стороны, противоречат такому явлению, как европоцентризм в филологии, с другой стороны, противостоят дискурсивным практикам, формируемым под знаком «Столкновения цивилизаций». Одновременно такой анализ совмещает интересы структурализма и когнитивизма в единой плоскости. Выявляемые модели носят универсальный характер как с точки зрения формальных структур, так и с точки зрения функционально-семантических стандартов.

Таким образом, сопоставительный когнитивный анализ таких памятников письменности, как «Беоульф» и «Деде Коркуд», «Песнь о Нибелунгах» и «Слово о полку Игореве» способен внести значительный вклад в типологию не только языков и литератур, но и культур. Именно сопоставительное изучение памятников письменности выявляет систему стандартов, характеризующих ментальность их героев. Когнитивный анализ посредством обнаружения и интерпретации стандартных моделей поведения и рефлексии героев памятников закономерно выводит на определение моделей историко-культурного поведения прототипов.

Кем-то было сказано, что все народы, живущие сегодня на земле, являются великими народами, независимо от количества людей, идентифицирующих себя с ними и занимаемой территории. Свидетельством величия является само существование народа. Дело в том, что ни одному народу на земле не была дарована жизнь как благо. История знает множество больших и сильных народов, которые не смогли сохранить себя. От них осталось одно название. Народ, сохранивший себя до наших дней, прошел сквозь бесчисленное число испытаний на прочность, история любого народа полна трагизма. Выживание и самоутверждение говорит о наличии испытанных, апробированных норм поведения и отношения к миру. Памятники письменности всех народов консервируют такого рода информацию и хранят ее. Поэтому сегодня чрезвычайно важно изучение памятников письменности в плане распознавания и объяснения таких моделей нормативного поведения. Учет этого обстоятельства дает возможность понять, что памятник письменности или памятник литературы, древнейший эпический памятник, независимо от того, какому народу он принадлежит, представляет собой общечеловеческое достояние.

Orta əsrlər türk və german-skandinav eposunda arxetipik paralellər (dünya ağacı)

Mifoloji və epik sistemlərdəki dünya modellərinin mühüm elementi Dünya ağacıdır. Məhsuldarlıq, həyat, səma, nəsil, şaman, axirət ağacı, uca ağac variantlarında rast gəlinən Dünya ağacı əsatiri məkanın, kainatın üçlü bölgüsündən ibarət olan «şaquli» kosmik modelin və dörd, beş, səkkiz, doqquz hissəli «üfüqi» məkani modellərin əsasında durur. Kainatın ilk məkani bölgüsü ağacla bağlıdır: onun kökləri yeraltı, qaranlıq dünyanı, gövdəsi yeri, işıqlı dünyanı, budaqları səmanı təcəssüm edir. Bu bölgü sonrakı dini sistemlərdə inkişaf etdirilərək müxtəlif məxluqlarla məskunlaşmış yeddi, doqquz qatlı dünya haqqında təsəvvürlərlə nəticələnmişdir.

Dünyanın çoxsəpgili semantik qarşıqoymalar şəklində əsatiri təfsiri də ağacla bağlıdır. Dünya ağacı yuxarı-aşağı, sağ-sol, yer-səma, keçmiş-gələcək, qaranlıq-ışılq, həyat-ölüm, erkək-dişi, güney-qüzey, mərkəz-qırağ, xeyir-şər kimi əkslikləri ehtiva edir.

Ağac simvolu müxtəlif areallarda, mifoloji və dini sistemlərdə izlənilir.

Upanişadda ağac kainatın və tanrının rəmzidir. Riq-Vedada qutsal işıq ağacdən saçır. Cənnət bağında ucalan, dünyanın özəyi olan Meru dağında kosmik ağac, müqəddəs alma var. Qədim çinlilərin günəş ağacı yeri və göyü birləşdirən vəsilədir. Şumerlərdə əbədi həyat bəxş edən sidr müqəddəsləşdirilmişdir.

Qədim yəhudilərdə Həyat və Axirət ağacları qarşılaşdırılır. Həyat ağacı Sfirot səma, yer və alt dünyanı əlaqələndirir. Kosmik ağac – həyat ağacında on iki növ meyvə yetişir. İrəm bağındakı alma cənnətdəki ağacın variantı, itirilmiş behiştin, ölümsüzlüyün rəmzidir. Bu simvol allah Yahvenin şərqdə saldığı Edem bağındakı həyat və ya xeyir-şəri idrak ağacından qaynaqlanır.

Qədim yunanlarda da ağaclar ilahi mahiyyət daşımış və müxtəlif tanrılarla bağlanmışdır. Zevs insanların üçüncü nəslini palıddan yaratmış, ellinlər palıd ağacını «ilk ana» adlandırmışlar. Bu obraz poetik frazeologiyaya, o cümlədən Homerin dilinə daxil olmuşdur. «İliada»da əvvəli bildirmək üçün «yaşıl palıddan» başlamaq ifadəsi işlənir.

German-skandinav mifoloji və epik sistemində də ağac motivi mühüm yer tutur. Skandinav əsatirində Baş Az (tanrı) Odin insanı göyrüş və qarağacdən xəlq edir. İslənd əsatirində müqəddəs ağac İqqdrasil (hərfi mənası: İqqanın – Odinin başqa adı – atı) Urd, Mimira və Hvergelmir bulaqları başında bitir. «Böyük Edda» və «Kiçik Edda»ya görə müqəddəs ağac olan Heymdal və ya İqqdrasil (və ya Lerad adlı göyrüşü) üç kök saxlayır, onun budaqları dünyaya kölgə salır, tanrıların topladığı əsas məbədgah İqdrasilin dibidir. İqqdrasil şaquli dünya modelinin əsasını təşkil edir, dünyanın doqquz qatını və bu qatlara uyğun doqquz ağac özəyi (iviði) birləşdirir.

Ağacın üç kökündən birini əjdaha Nidxyöq gəmirir, digərinin altından müdriklik bulağı Mimira, o biri köklərdən isə müqəddəs Urd bulağı qaynaqlanır. İqdrasilin budaqlarında müdrik qartal yaşayır. Müqəddəs Urdun suları İqqdrasilə məhvədən xilas edir. Bahadırlar təhlükədə olduqda İqqdrasil titrəyir.

İslənd əsatirində alma ağacının meyvəsi tanrı və insanları cavanlaşdırır. Tanrılar qocalmağa başladıklarını hiss edən kimi ilahə İdunnun mücrədə saxladığı almalarından yeyir və cavanlaşırlar. İdunnun kənninqi «almaların qoruyucusu»dur, almanı isə «aslarnın həyat qidası» adlandırırlar. Nəhəng Tyatsi qartal cildində İdunnu və almaları oğurlayıb nəhənglər ölkəsinə aparır. Tanrılar nəhəngə vasitəçilik etmiş Lokini İdunnu və almaları qaytarmağa məcbur edirlər. – Qeyd edək ki, bu süjet Azərbaycan nağılı «Məlikməmməd»lə ortaq süjetdir.

«Nibelunqlar haqqında nəğmə»də Ziqfridin səyahət və şücaətləri ilə bağlı süjetdə ecazkar «Nibelunqlar diyarı»nda baş verən hadisələr və onun dağ ətəyində döyüşü təsvir olunur. «Nibelunqlar diyarı»nı tədqiqatçılar bəzən «başqa aləm» (inomie) adlandırırlar. Ziqfrid burada tənha,

cəmiyyətdən təcrid olunmuş haldadır. Bu motiv Ziqfridin “Nibelunqlar diyarı”nda inisnasiya mərasimini keçdiyi ehtimal etməyə əsas verir. Nəhəng Nibelunqlar isə bu baxımdan mifoloji xtonik məxluqları, Ziqfrid isə mifologiyada bunlarla döyüşməli olan mədəni qəhrəmanı xatırladır. Ziqfridin əjdaha ilə döyüşünü paralel süjetlərlə tutuşdursaq, ata obrazında təcəssüm edən keçmiş dövrlə mübarizə kimi şərh etmək olar. Əjdahayla döyüşü, beləliklə, nəsillər arasında toqquşma kimi anlamaq olar. Ziqfrid əjdahaya qələbə çalaraq, “başqa aləm”dən çıxır, inisnasiyadan keçir, xüsusi keyfiyyətlər qazanır.

Bu süjetdəki dağ motivini türk mifoloji təsəvvürləri ilə müqayisə etmək olar. Türk mifologiyası və epik mətnlərində, o cümlədən “Kitabi-Dədə Qorqud”da dağ dünya ağacının rəmzi və səciyyəsidir. “Kitabi-Dədə Qorqud”da Qazılıq dağı bu baxımdan maraqlı doğurur. Bu kimi analogiyalar Ziqfridin “Nibelunqlar diyarı”nda dağ ətəyində döyüşərkən epik-mifoloji dünya mənzərəsinin mərkəzində olduğunu düşünməyə əsas verir.

Bu düşüncə və ehtimallar “Nəğmə”nin türk mifologiyası və eposu, xüsusən, “Kitabi-Dədə Qorqud”la müqayisədə ortaya çıxır. Bu müqayisələr bir çox arxetiplər, mifologemlər, simvollar və süjetlər əsasında aparıla bilər. Türk mifologiyasında və eposunda başqa mifoloji-epik sistemlərlə bir çox müqayisələr üçün geniş imkan yaradan belə mühüm anlayıçılardan biri Dünya ağacıdır.

Ağac simvolu türk şamançılığının, əsatir və folklorunun, etnoqrafiyasının, xalq sənətinin özəyini təşkil edir.

Altay Yaradılış dastanlarında ay və günəşlə əhatə olunmuş doqquz budaqlı şaman ağacı, Abakan türklərində Dəmir dağda bitən yeddi budaqlı qayın ağacı təsvir olunur. Oğuz epik ənənəsində səmavi nurdan zahı olan ağacdən ilk insanların, o cümlədən mifik qəhrəman Buğu Təkinin doğulması epizodu yayılıb. Mifoloji qəhrəman Oğuzun ağac oğuşundan tapdığı qız (Yer yiyəsinin qızı) Göy xanı, Dağ xanı, Dəniz xanı dünyaya gətirir.

Bir çox Yakut olonxolarının girişində müqəddəs ağacdən (*Aal Luuk mas, Aal Duuk mas, Aar Kuduk mas*) geniş bəhs edilir, bu ağacın nəhəng vadidəki doqquz kurqandan ən böyüyündə bitdiyi söylənir. Müqəddəs ağacın zirvəsi Üst dünya, gövdəsi Orta dünyanın təcəssümü və Yer yiyəsinin, xeyir qüvvələrin (*ayusti*) sığınacağıdır. Kökləri isə Alt dünya və şər qüvvələrlə (*abaası*) bağlanır. Ağacı qoruyucu qüvvə (*cösököy*) himayə edir.

Ağacla bağlı mifoloji təsəvvürlər türk etnoqrafiyasında, inanlarda da geniş əks olunub. Yakutlarda qayın ağacı yer ruhunun (*Aan doydu-iççite*) sığınacağı sayılır və bu ağaca at tükündən hörülmüş sicim (*salama*) bağlanırdı. Altaylar ağaca canlı məxluq kimi yanaşır, ağac ruhuna (*aqaşın yesi*) qurban verirdilər. Təbiətə ruhsal münasibət nəticəsində ağacların da öz icması və şaman ağacların (*qam aqaş*), başçı ağacların (*paştık aqaş*), ana, ata, əcdad ağaclarının mövcudluğuna inam var.

Yakutlar tozağacı budaqları («çəçir») ilə əhatələnmiş meydanda bayramlar keçirir, tuvalar yerə sancılmış tozağacı çubuğuna («zalma») səcdə edirdilər. Şamançı buryatlarda ulus ətrafında yerə «barisa» adlanan dirək-qurbangah sancılırdı («Avesta»dan məlum olan «baresma» – qurbangahdakı dirəyə uyğundur), şorlar tayqanın yiyəsi olan *kayrakana*, tuvalar su qırağında bitən şaman ağaclara (*xam nyaş*) sitayiş edirdilər. Yeniseyin mənsəbindəki qutsal Ötügen dağları isə daş kitabələrdə türklərin müqəddəs ormanları (*uduk cus*) tək anılır. Epik mətnlərdə nəsil ağacı – «Uruq ağacı», insanın və ağacın «qol-budağı», nəslin «toxumu» etnik frazeologiyada geniş yayılmış ifadələrdir («Bizim uruğumuz sənin uruğ ağacının toxumudur» – «Oğuz Kağan»). Azərbaycanın bir çox yerlərində budaqlarından parçalr bağlanıb niyyət edilən müqəddəs ağaclar var.

Türk mifoloji və etnopoetik ənənəsində ağac anlayışı ilə bağlı mühüm simvollarından biri *Qaba ağacdır* («qaba» – yüksək, uca – bu sözün şumer mətnlərində rast gəlinən «quba» – ucalan, duran sözüylə müqayisəsi maraqlı doğurur). Dünya ağacının variantlarından olan Qaba ağac-nəsil ağacı türk folklorunda geniş intişar tapıb. «Kitabi-Dədə Qorqud»un poetik frazeologiyasında rast gəldiyimiz «qaba ağac» ifadəsi, şübhəsiz ki, oğuz-qıpçaq xalqlarının mifoloji Dünya ağacı ilə bağlıdır. Qaba ağacın kökləri yeraltı dünya və keçmiş, budaqları səma və gələcək anlamındadır: «Başı ala baxar olsam, başsız ağac! Dibi ala baxar olsam, dibsiz ağac!». Ağacın quruması nəslin, soyun ölümü,

ağacın canlılığı isə əksinə, dirilik, həyat deməkdir: «*Qaba ağacın qurumuşdu, yaşardı axır*». Qorqud Atanın alqışlarından ən sayqılısı – «*qaba ağacın kəsilməsin*»dir. Oğuzu Təpəgözdən xilas edən Basat da Qaba Ağacın oğludur.

Maraqlıdır ki, «qaba» (qoba) ağac ifadəsinə yazılı ədəbiyyatda, məsələn, XIII əsr şairi Qul Əlinin «*Qisseyi Yusif*» əsərində eyni mənada rast gəlirik. İslam dini ənənəsində və klassik ədəbiyyatda Qaba ağaqla yanaşı, *Tuba*, *Sidrətül-Müntəha*, *Sidreyi-Əla*, *Zilli-Məmdud*, hətta «*əjdaha olan ağac*» və «*qadağan ağacı*»-nin adı çəkilir.

Qaba ağacın özünəməxsus keyfiyyətlərindən biri də nəsilin özlüyünü, ənənələri qoruyan, müəyyən qadağaların keşiyində duran qüvvə olmasıdır: «*Əgər ərdir, əgər övrətdir, qorxusu ağac!*» Diqqəti cəlb edən budur ki, bu funksiya Füzulinin frazeologiyasına da təsir edib: şerlərində «qadağan ağacının» adını çəkir, onu əyənün günaha batdığını deyir.

Dünya Ağacının maraqlı bir funksiyası da dünyanın sahmanı və sahmansızlığını, ahəng və xaosu ifadə etməsidir. "Kitabi-Dədə Qorqud"un dərin mifopoetik təfsiri əsasında professor Kamal Abdullanın göstərdiyi kimi, Qaraca Çobanın sarındığı "ağacın yerindən qoparılması dünyanın, dünyadakı işlərin sahmansızlığına bir işarədir" (Kamal Abdulla. Sırr içində dastan və yaxud gizli Dədə Qorqud – 2. B., Elm, 1999, s. 261).

Qeyd etdik ki, ağac motivi türk mifologiyasında dağ və od anlayışı ilə bağlıdır. «*Xanqay-xana və Burxanu-xana (dağlarının) zirvəsində bitən qarağacdən yaradılmış Ut Ana, od şahı! Sən, səmanın yerdən ayrıldığı zaman törəyən, Ötügen ananın pəncəsindən əmələ gələn, tanrılar xaqanı tərəfindən yaradılan! Atası saf polad, anası çaxmaq, əcdadı qarağac olan, parıltısı səmaya çatan və yeri dəlib keçən Ut Ana!.. Sənə, daim yuxarı can atana, Ut Ana, badələrlə şərab, ovuc-ovuc yağ qurban veririk*».

D.Banzarovun türk-monqol qamlarının dualarından gətirdiyi bu nümunə şaman əsətirində dağ, od və bitki kultunun münasibətini göstərir. Türk-monqol xalqlarında od tanrısı *Ut Anaya (Odxan, Odqalaxan, Odxan-Qalaxan, Qaltenqri* variantlarında od tanrısı kişi obrazındadır – «*od qalamaq*» ifadəsindəki «*qal*» bu qədim kökə gedib çıxır); buryatlarda od sahibi «*qalın ejən*»ə müraciətdən ibarət çoxlu nümunələr qalmışdır. Şamançılığın geniş yayıldığı türklərdə ağac (söyüd, qarağac, palıd, küknar, pişpişə) kultu ilə od, günəş kultu arasında varislik əlaqəsi vardır. (Ut ananın Şumerdəki günəş tanrısı Utu ilə müqayisəsi maraqlıdır). Od tanrısı Ut Ananın əcdadı müqəddəs dağda bitən qarağacdır.

Qədim monqol və türk dillərində müqəddəs sayılan qarağac, söyüd ağaclarının adı, od-alov bildirən «*ut*» sözünün cingiltili variasiyası olan «*ud*» sözü ilə ifadə olunurdu. «*Mod*» (ağac), «*id*» (əfsun) sözlərinin əsasında dayanan «*ud*» (odun əcdadı olan müqəddəs ağac) sözünün «*ut*» (müqəddəs od) sözü ilə bağlılığını qəbul etmək olar. Azərbaycan türkcəsində də «*odun*», «*oduncaq*» sözləri yandırılmaq üçün, od əmələ gətirmək üçün hazırlanmış ağac parçalarını bildirir. Bu sözlərin əlaqəsini türk dillərinin fonetik qanunları da təkrar etmir. Kipləşən kar və cingiltili samitlərin və eyni zamanda dilarxası kar və cingiltili konsonantların əvəzlənməsi qədim və müasir türk dilləri üçün geniş yayılmış haldır. Türk kök sözü olan «*ut*» özlüyündə və kök-morfem kimi kipləşən samitlər cərgəsində kar və cingiltiliyə görə «*ud*»lə əvəzlənə bilər. «*Ut*» sözü «*ot*»-«*od*»-«*otoq*»-«*o/t/caq*»-«*ocaq*» kimi morfoloji və eyni zamanda ot, ocaq, oda, ovçuların tonqalı, ovçu qrupu, gecələmə yeri kimi semantik dəyişmələrə məruz qalıb.

Bütün bunlar bir daha qədim türklərdə və onların əsətiri sistemi ilə tipoloji uyğunluğu olan digər xalqlarda dağ, od, işıq, günəş rəmzlərinin Dünya ağacı ilə genetik əlaqədə olduğunu təsdiq edir.

Bu qanunauyğunluq tipoloji mahiyyətli olduğundan digər faktlarla da təsbitləşir. Dini rəvayətlərə görə Musa Müqəddəs vadidə ağacda təcəllə edən nuru (odu) görmüşdür. Çox zaman «*Nar və şəcər*», «*Od və ağac*» adlandırılan bu epizod da ağaqla od rəmzlərinin vəhdətinə dəlalət edir. Musanın ilahi nur götürdüyü Turdakı ağacdən səs gəlir ki, *ey Musa, mənəm həqiqətdə sənün allahın...mənəm həqiqətdə o allah* («*Əl-qəsəs*», «*Taha*», «*Ənnəml*» surələri).

Türk folklorunda, o cümlədən, «*Kitabi-Dədə Qorqud*»da ağaqla bağlı etnik frazemlər də geniş yayılıb: «*Qaba ağacın kəsilməsin!*», «*Qaba ağacın qurumuşdu, yaşardı axır*», «*Kölgəlicə qaba*

ağacım kəsən Qazan!»... Bu kimi ifadələr artıq əsəri nəsəl ağacını yox, frazemləşərək, ümumi anlayışları, vəziyyətləri nəzərdə tutur.

Dünya ağacı ilə bağlı motivlərin xalq yaradıcılığının janr xüsusiyyətlərinə də təsir etdiyini söyləmək olar. Görkəmli alim V.N. Toporov müxtəlif xalqların yaradıcılığında mövcud olan sual-cavab, deyişmə, digər dialoq və monoloq növlərinin bir poetik forma kimi Dünya ağacı ilə səsleşən əsər, ayinlərə, ritual dialoq və monoloqa nəşət etdiyini güman edir. Bu tipli dialoqun qədim və sistemli nümunəsi Skandinav əsərində («Edda») Odinlə Vaftrudnir arasındakı dialoqdur. Mərasimi dialoqun kamil nümunəsi olan bu tipli mətnlərin digər qismini dual cəmiyyət formasından qalma qadın mübadiləsi ilə əlaqədar deyişmələr – oğlan və qız dəstələri arasındakı poetik sual-cavab təşkil edir.

Bu tipli oyunlar (“Haxışta”) Azərbaycanda da geniş yayılıb. Bu cür mükəllimin ədəbiyyatımızdakı ilk nümunələrindən birini yenə də «Kitabi-Dədə Qorqud»da tapırıq. Salur Qazanın evi yağmalandığı boyda Uruzun ağacla sözləşməsini dünya ağacı ilə bağlı mərasimdən qalma mətn parçası hesab etmək olar.

Ağac obrazı Orta əsrlər türk incəsənətinə, rəngkarlığa, zərgərliyə, xalçaçılığa da dərin təsir edib. Xalçaçılıqda geniş işlənən *buta*, digər nəbati naxışlar bu qəbildəndir.

Göründüyü kimi, Dünya ağacı bir sıra mifoloji-epik ənənələrdə izlənən, tipoloji oxşarlıqlar və genetik bağlılıqları aşkarlayan mühüm anlayışlardan biridir. Türk və german-skandinav eposlarının bu baxımdan tədqiqi bir sıra maraqlı nəticələrə gətirib çıxara bilər.

Bu çıxışımızda biz yalnız məsələnin qoyuluşuna çalışdıq.

Prof. Dr. Sieglinde Hartmann
Erste Vorsitzende / President
Oswald von Wolkenstein-Gesellschaft
Myliusstr.25, D-60323 Frankfurt/Main
Wolkenstein.Gesellschaft@t-online.de
<http://www.wolkenstein-gesellschaft.com>

Universität Würzburg
Institut für deutsche Philologie
sieglinde.hartmann@germanistik.uni-wuerzburg.de
<http://www.sieglinde-hartmann.com>

Fremdbestimmung und Selbstbestimmung von Helden im, Nibelungenlied': Kriemhild, Hagen und Siegfried

Summary / Abstract

Die Epiker der höfischen Blütezeit deutscher Dichtung (12. bis 13. Jahrhundert) haben mit ihren Helden, den Rittern aus der Tafelrunde um König Artus, einen neuartigen Heldentyp eingeführt: den höfischen Ritter. Im Unterschied zu den Helden mythischer Vorzeitsagen bahnt sich jeder ihrer Helden seinen Lebensweg in freier Selbstbestimmung. Das ‚Nibelungenlied‘ entstammt der gleichen Epoche. Der Dichter hat den antiken Sagenstoff ebenfalls der neuen höfischen Vorstellungswelt angepasst. Deshalb stellt sich die Frage, in welchem Maß Helden wie Kriemhild, Hagen und Siegfried Freiräume zum selbstbestimmten Handeln eingeräumt sind. Diese Fragestellung wird hier zum ersten Mal erörtert.

Резюме

Определение извне и самоопределение судеб героев Кримхильд, Хагена и Зигфрида в «Песне о Нибелунгах»

Создатели эпических произведений придворной эпохи расцвета немецкой поэзии (12-13 веков) представили наряду со своими героями рыцарями среди приближенных короля Артура нового типа героя: придворного рыцаря. В отличие от героев мифических древних преданий, каждый из их героев прокладывает свой жизненный путь в свободном самоопределении. «Песнь о Нибелунгах» происходит в той же эпохе. Автор также подгоняет античные сказания новому придворному миру. Поэтому возникает вопрос, в какой степени герои как Кримхильд, Хаген и Зигфрид предоставлены свободе с самоопределяющими поступками. Этот вопрос здесь впервые рассматривается.

Im 12. Jahrhundert erscheint ein neuartiger Heldentyp in der europäischen Literatur: der höfische Ritter.

Der höfische Ritter: ein neuer Heldentyp und seine Selbstbestimmung

Als Prototyp dieses neuen ritterlichen Helden gilt bis heute der Ritter Erec, den der französische Autor Chrétien de Troyes (ca. 1135 – ca. 1190) zum Titelhelden seines ersten ‚höfischen Romans‘ erwählt hatte. Erec gehört zu den Rittern der Tafelrunde des sagenhaften Königs Artus. In kühner Umgestaltung alter keltisch-britannischer Sagen hat der französische Dichter den Artushof zum Zentrum einer vorbildlich-höfischen Adelsgesellschaft umgeformt und die Ritter seiner Tafelrunde zu Verkörperungen neuartig ritterlicher Tugenden stilisiert. Während König Artus als Garant und Mittelpunkt der neuen höfischen Welt fungiert, veranschaulichen die Ritter der Tafelrunde die neue Lebensform eines höfischen Ritters.

Bei Chrétien bezeichnet der Begriff „chevalier“ also weit mehr als einen berittenen Krieger von Adel, was die Bezeichnung „chevalier“ etwa noch im altfranzösischen *Rolandslied* von ca. 1080 n. Chr. bedeutete.

Für den Ritter neuen Schlages geht es nicht allein darum, aus Kämpfen als siegreicher Held hervorzugehen. Taten mit der Waffe sind für ihn lediglich ein Mittel zum Zweck, um sich in gefährlichen Abenteuern (mhd. „âventiuren“) als Einzelkämpfer zu bewähren. Nur so kann der ritterliche Held die nötigen Tugenden zum Erreichen persönlicher Lebensziele erwerben. Dazu zählen „minne“ (höfische Liebe), „êre“ (höfisches Ansehen) „rîcheit“ (Reichtum, Herrschaft), auch „saelde“, die ewige Seligkeit. Diese hochgesteckten Ziele sind aber nur erreichbar, wenn der neue Held mit seiner Bewährung in ritterlichen „âventiuren“ zugleich seine innere Selbstvervollkommnung erlangt.

Mit dem Ritterbegriff verbindet der französische Autor des 12. Jahrhunderts somit das Ideal eines ritterlichen Helden, der sich, von den höfischen Tugenden des Königs Artus inspiriert, seinen Lebensweg in Eigenverantwortung und Selbstbestimmung bahnt.

Mit seinem neuartigen Ethos, auch seiner innovativen Erzählkunst, hat der französische Romanautor offenbar den Nerv der zeitgenössischen Adelswelt getroffen, wie sie sich in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts an den französischen und deutschen Fürstenhöfen neu formierte. Denn eine ähnlich breite Resonanz lösen die deutschen Übertragungen der französischen Artusromane aus, die Hartmann von Aue seit 1180 für das deutschsprachige Publikum geschaffen hat.

Archaische Heldentypen in der deutschen Literatur und ihre Fremdbestimmung

Mit dem neuen Heldenideal ist das Wort, das mhd. Substantiv *rîter*, zur Bezeichnung des ritterlichen Helden in die deutsche Literatur gelangt. Bis dahin dominierten im Deutschen andere Begriffe zur Bezeichnung eines kriegerischen Helden. Sie lauteten *recke*, *helt*, *degen* oder *wîgant*.¹ Diese älteren Heldenbezeichnungen dienten zur Charakterisierung eines archaischen Heldentyps, so wie er in dem althochdeutschen *Hildebrandslied* bezeugt ist. Das Schicksal des Titelhelden des *Hildebrandsliedes* bietet ein Gegenbild schärfsten Kontrastes zu den Lebensbildern höfischer Roman-Helden. Der Unterschied zeigt sich indes nicht in der Exorbitanz kriegerischer Heldentaten, sondern im Fehlen einer freien Selbstbestimmung oder genauer: in Hildebrands Unmöglichkeit einer Selbstbestimmung seines eigenen Geschicks.

Als der Titelheld Hildebrand mitten in einer Schlacht auf seinen eigenen Sohn unter den Gegnern trifft, muss er gegen seinen Willen den Zweikampf mit dem wenig kampferprobten Jüngling aufnehmen. Hildebrand ahnt den unvermeidlichen Tod seines Sohnes. Er will den Kampf mit allen Mitteln verhindern, aber es gelingt ihm nicht. Verzweifelt ruft Hildebrand aus: „welaga nu, waltant got“, (...), „wewurt skihit!“, Übersetzung: ‚Wohlan nun, waltender Gott, (...), ‚Unheil geschieht.²

Hier offenbart sich: Ähnlich wie bei antiken Heroen griechischer oder römischer Heldenepik so sind auch die Geschehnisse der Helden germanischer Vorzeitsagen von göttlichen Schicksalslenkern vorherbestimmt. Fremdbestimmung gehört zum Schicksal antiker Heroen, schicksalhafte Fremdbestimmung charakterisiert ihren Heldentyp.

Das *Hildebrandslied* stammt aus dem 8. Jahrhundert. Vierhundert Jahre später kehrt sein Titelheld im *Nibelungenlied* wieder. Allerdings beschwört Hildebrand diesmal nicht den ‚waltenden Gott‘, bevor er Kriemhild enthauptet. Aus eigenem Antrieb besiegelt der alte Recke Kriemhilds unheilvolles Schicksal. Hildebrand bildet keine Ausnahme. Denn keiner der übrigen Handlungsträger

¹ Die Frequenz der Heldenbezeichnungen im *Nibelungenlied* nach U. Schulze:

<i>Recke</i>	<i>Helt</i>	<i>Degen</i>	<i>Ritter</i>	<i>wîgant</i>
335	299	256	123	2

Textgrundlage bildet die hier zitierte Ausgabe: *Das Nibelungenlied*. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch. Nach der Handschrift B herausgegeben von Ursula Schulze. Ins Neuhochdeutsche übersetzt und kommentiert von Siegfried Grosse. Stuttgart: Ph. Reclam jun. 2010.

² Althochdeutsche Literatur. Ausgewählte Texte mit Übertragungen. Hrsg., übersetzt, mit Anmerkungen und einem Glossar von Horst Dieter Schlosser. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag 1989, 266.

im *Nibelungenlied* wird je etwas von einer Schicksalsmacht verlauten lassen, deren Walten durch seine Person vollzogen würde.

Dabei wartet das riesige Epos mit unvergleichlich größerem Unheil auf, das sich Zug um Zug im Verlauf des konfliktreichen Geschehens ereignen wird. Zudem stammen die Haupthandlungsträger des *Nibelungenlieds* mehrheitlich aus heroischen Vorzeitsagen germanischer und protodeutscher Herkunft.

Die heutige Forschung stimmt übrigens in der Ansicht überein, dass die Helden und Heldinnen des *Nibelungenlieds* samt und sonders dem Publikum der Entstehungszeit des Epos, also der Zeit um 1200 n. Chr., bekannt gewesen sein dürften – auch wenn die heutigen Interpreten die älteren Nibelungensagen nicht aus deutschen, sondern überwiegend aus altnordischen Stoffquellen rekonstruieren müssen.

Höfische Elemente im Nibelungenlied

Insofern können wir eigentlich kaum umhin zu fragen: Ja, wer ist denn im *Nibelungenlied* an die Stelle derjenigen göttlichen Schicksalsmächte getreten, welche die Gesicke der Helden in den alten Sagen gelenkt hatten?

Diese Frage stellt sich umso dringlicher, als

- der Erzähler des *Nibelungenlieds* ausdrücklich vorgibt, die Heldentaten aus den ‚alten Geschichten‘ (‚alten maeren‘) zu erzählen, und da zweitens
- der Einfluss der neuen höfischen Epik auf das *Nibelungenlied* unverkennbar ist.

Einflüsse höfischer Literatur betreffen nicht nur Einzelzüge. Vorbilder aus höfischen Romanen machen sich auf fast allen Textebenen bemerkbar. Das beginnt bei Äußerlichkeiten wie der Neuverortung des Geschehens an Schauplätzen vorbildlich ritterlicher Hofhaltung. Das setzt sich in Zeremoniell wie Prachtentfaltung bei höfischen Festen fort und scheint selbst bis ins Innere der Figurengestaltung vorzudringen.

Eine Interpretin wie Ursula Schulze bescheinigt dem Verfasser des *Nibelungenlieds* sogar, eine „Art *adaption courtoise*“ [= höfische Anverwandlung] geleistet zu haben, wobei „Kriemhild und Siegfried als höfische Dame und höfischer Ritter“ erscheinen (S. 142-162, hier: 142). Von einer Selbstbestimmung der höfisierten Helden spricht U. Schulze allerdings an keiner Stelle. Und soweit ich sehe, ist dieser Aspekt der Anverwandlung der alten Nibelungensagen an die neuen Prinzipien höfischer Literatur noch nicht erörtert worden.

Prolepsen im Nibelungenlied

Warum aber ist die Frage noch nicht gestellt worden, ob Hauptfiguren wie Kriemhild und Siegfried durch ihre Höfisierung nicht gleichzeitig einen Freiraum zur Selbstbestimmung ihrer Handlungen gewonnen hätten?

Die Antwort liegt meines Erachtens hauptsächlich darin begründet, dass Prolepsen, also epische Vorausdeutungen, durchgängig davon künden, dass die Hauptfiguren mitsamt ihrer höfischen Welt dem Untergang geweiht seien. Wo sollte da noch ein Spielraum bleiben für ein ‚selbstbestimmtes‘ Schicksal? Schließlich wirken alle Gesicke wie unabänderlich vorherbestimmt, und zwar von Anfang an.

Die Prolepsen scheinen in der Tat die Wendung „wewurt skihit“ der archaischen Heldenlieddichtung zu ersetzen. Denn bereits in der ersten *Âventiure* (Fassung B) setzt der Erzähler innerhalb der 17 Strophen insgesamt neun Prolepsen von solch einer inhaltlichen Wucht ein, dass der Eindruck einer Erzählinstanz von der Gewalt einer göttlichen Schicksalsmacht entsteht.

Die außergewöhnliche Anzahl und Dichte der epischen Vorausdeutungen im *Nibelungenlied* hat schon früh die Aufmerksamkeit der Forschung erregt und ist seit Burghart Wachingers grundlegender

Studie noch mehrfach behandelt worden.¹ Demnach werden Prolepsen übereinstimmend als integrale Komponenten der narrativen Struktur gedeutet. Der Erzähler setzt dieses Stilmittel in wechselnden Formen wie Träumen, Prophezeiungen, unpersönlichen Vorausdeutungen oder persönlichen extradiegetischen Kommentaren ein. Die größte Zahl an Prolepsen sind den abschließenden Katastrophen des ersten und des zweiten Teils gewidmet: Siegfrieds Ermordung und dem Untergang der Nibelungen am Hof des Hunnenkönigs Etzel.

Was die Funktionen der Prolepsen betrifft, so ist die Forschung zu einer ähnlich übereinstimmenden Einschätzung gelangt. Durch das Medium des dichten Netzwerkes an Prolepsen würden

- die Siegfriedsagen inhaltlich mit den Sagen vom Untergang der Nibelungen verbunden,
- die Handlungsspannung stets von neuem auf der Textebene entfacht,
- die komplexe Handlungsmotivierung der Hauptfiguren indes nicht beeinträchtigt.²

Diese Schlussfolgerungen wirken zunächst paradox. Aber dem Erzähler gelingt es tatsächlich, wie vielfach nachgewiesen, den Hauptfiguren Handlungsfreiräume für eigene Entscheidungen zu schaffen. Meinen Beobachtungen zufolge gelingt es dem Erzähler sogar, den Eindruck zu erwecken, als ob Haupthandlungsträger wie Kriemhild, Siegfried und Hagen ihr Schicksal selbst bestimmt hätten.

Einige Argumente für diese These versuche ich jetzt an den genannten Figuren aufzuzeigen.

Kriemhild zwischen Fremdbestimmung und Selbstbestimmung

In seiner ersten *Âventiure* stellt der Erzähler bekanntlich Kriemhild als Hauptfigur vor. Dabei zeigt er die Heldin zunächst wie in einem *Tableau vivant* inmitten ihrer Königssippe, dann in ihrem Falkentraum und zum Schluss im Zwiegespräch mit ihrer Mutter Königin Ute über die Bedeutung des Traums. In jede dieser Darstellungsformen flicht der Erzähler unheilvolle Vorausdeutungen ein, die Kriemhild eine dominante Handlungsfunktion zuweisen. Zunächst wird sie zwar die Rolle der liebenden Ehefrau eines außerordentlich starken und schönen Helden erfüllen. Dieses Glück würde allerdings rasch zerstört, da ihr Mann einem Mordanschlag ihrer ‚nächsten Verwandten‘ zum Opfer fallen würde. Für die Ermordung würde sie sich dann rächen, nicht nur an ihren ‚nächsten Verwandten‘, sondern auch an zahllosen Söhnen anderer Mütter. Der Erzähler gibt zwar noch nicht die namentliche Identität der Täter und Opfer preis. Aber die Rollenverteilung für Kriemhild ist klar umrissen. Im ersten Teil des Epos spielt Kriemhild tatsächlich eine Dame von außerordentlicher Schönheit und vorbildlicher Tugendvollkommenheit. Im zweiten Teil ist ihr dagegen die Funktion einer teuflischen Rächerin vorgeschrieben.

Damit wirkt Kriemhilds Schicksal nicht nur vorherbestimmt, sondern auch fremdbestimmt. Denn Kriemhild äußert noch in der gleichen ersten *Âventiure* den Willen, für immer auf die Liebe eines Recken verzichten zu wollen. Man könnte diese Aussage als blindes Motiv werten, da der Erzähler kommentarlos darüber hinweg geht. Die Willensbekundung weist jedoch darauf voraus, dass in Kriemhild ein Wille geweckt ist, ihr Schicksal selbst in die Hand zu nehmen. Dazu ist die Heldin aber erst im weiteren Verlauf der Handlung fähig, vor allem nach Siegfrieds Ermordung.

Im zweiten Teil des Epos ist es denn auch Kriemhild, welche die Handlungsinitiative Zug um Zug ergreift. Zuerst hält sie ihren Schwiegervater König Siegmund davon ab, auf der Stelle Siegfrieds Ermordung zu rächen. Dann ordnet sie die Bahrprobe an, um Hagen öffentlich als Mörder zu entlarven. Als ihr Schwiegervater ihr nach Siegfrieds Bestattung anbietet, mit nach Xanten zu ziehen, um dort die Landesherrschaft zu übernehmen, schlägt sie das Anerbieten aus.

---

¹ B. Wachinger: Studien zum Nibelungenlied. Vorausdeutungen. Aufbau. Motivierung. Tübingen 1960. Weitere Literatur in: The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia. Hrsg. von F. G. Gentry, W. McConnell, U. Müller und W. Wunderlich. New York and London: Routledge 2002, Stichwort „Predictions“, 166.

² Barbara Haupt fasst die Forschungsergebnisse zu den Prolepsen so zusammen: „The network of predictions that can be traced throughout the Nibelungenlied does not, however, compromise the inner tension of the epic, which is based on a riveting narrative and the complex motivations of its characters.“ In: The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia. Hrsg. von F. G. Gentry, W. McConnell, U. Müller und W. Wunderlich. New York and London: Routledge 2002, Stichwort „Predictions“, 166.

Dreieinhalb Jahre verzehrt sie sich vor Trauer in Worms. Dann lässt sie den Nibelungenschatz, den ihr Siegfried übereignet hatte, nach Worms bringen. Mit dem nie versiegenden Gold beginnt sie, ein Ritterheer auszurüsten. Hagen erkennt ihre Absicht, durchkreuzt Kriemhilds Plan und versenkt den Nibelungenschatz heimlich an einer Stelle im Rhein, die nur ihm bekannt bleibt.

Kurze Zeit darauf trifft in Worms eine Delegation des mächtigen Hunnenkönigs Etzel ein, um eine offizielle Brautwerbung um Kriemhild vorzutragen. Siegfrieds Witwe schiebt ihre Entscheidung zunächst hinaus, weil der Hunnenherrscher kein Christ sei. Aber sie erkennt die Chance, die ihr die Heirat zur Verwirklichung ihrer Rachepläne bietet, und willigt in eine Ehe mit Etzel ein.

In der Tat wird sie im Hunnenland ihre Position derart ausbauen, dass sie schließlich über die nötigen Machtmittel verfügt, um ihre Rachepläne zu verwirklichen. Ähnlich hinterhältig wie Brunhild zuvor überredet sie ihren ahnungslosen Gatten Etzel, ihre Verwandten aus Worms zu einem Hoffest ins Hunnenland einzuladen. Ohne Wissen ihres Gatten provoziert sie die Gäste vom Rhein. Die daraufhin ausbrechenden Gewaltakte weiß sie ständig zu schüren. Schließlich entbrennt ein Gemetzel ungeheuren Ausmaßes, bis nur noch Gunther und Hagen am Leben bleiben. Jetzt sieht Kriemhild den Zeitpunkt für eine persönliche Abrechnung gekommen. Kurz vor der Ausführung ihrer blutigen Rache, flicht der Erzähler seine letzte Prolepse ein:

„sît rach sich grimmiclichen das Etzeln wîp:
den ûzerwelten degenen nam si beiden den lîp.“

Übersetzung: Später rächte sich Etzels Gemahlin furchtbar. Sie nahm den beiden ausgezeichneten Helden das Leben' (39. *Âventiure*, Strophe 2362, 3-4).

Die Tat folgt diesen Worten auf dem Fuße. Zuerst lässt die Hunnenkönigin ihren Bruder Gunther enthaupten. Unmittelbar anschließend, als Hagen ihr nicht verrät, wo er den Nibelungenschatz versenkt hat, ergreift sie sein Haupt und schlägt es mit Siegfrieds Schwert eigenhändig ab.

Eine grässliche, aber konsequente Selbstbestimmung des eigenen Schicksals. Der Erzähler bestätigt diesen Eindruck, indem er Hagen folgende letzte Worte in den Mund legt:

„dû hâst iz nâch dînem willen vil gar zeinem ende brâht,
und ist ouch iu ergangen, als ich mir het gedâht.“

Übersetzung: „Du hast es vollständig nach Deinem Willen zu einem Ende gebracht, und es ist Euch auch genauso ergangen, wie ich es mir gedacht hatte. (39. *Âventiure*, Strophe 2367, 3-4).

Hagen und seine Art der Selbstbestimmung

In der Tat. Niemand kann Hagens Motive im *Nibelungenlied* treffender charakterisieren als der Erzähler selbst. Denn was sich Hagen jeweils bei seinem Eingreifen ins Geschehen ‚gedacht‘ hat, kündigt der Erzähler nur selten mittels Prolepsen an.

Hagens Rolle ist einzig seinen Handlungen und seinen mündlichen Äußerungen zu entnehmen. Dabei deutet sich in der ersten *Âventiure* nur an, dass er als der hochrangigste Gefolgsmann der burgundischen Könige fungieren wird. In dieser Position zählt es zu seiner wichtigsten Aufgabe, die Königsmacht in Worms vor inneren und äußeren Gefährdungen zu schützen. Solch eine Gefährdung stellt Siegfried seit seiner Heirat mit Kriemhild dar – zumindest potentiell. Virulent wird die Gefahr im Königinnenstreit, als Kriemhild unbedachterweise Siegfrieds Abhängigkeit von Gunthers Königsmacht als Lüge entlarvt.

Hagen reagiert sofort als williges Werkzeug Brünhilds und gewinnt im Königsrat die Zustimmung zu seinem Mordplan.

Wie sich spätestens seit Hagens Hortraub herausstellt, bewegen ihn jedoch noch andere Motive als seine Vasallentreue. Denn im Alleingang und ohne Mitwisser wird er den Nibelungenschatz an einer Stelle im Rhein versenken, die er keinem seiner königlichen Herren verraten wird.

Dieses Wissen wie auch seine alleinige Kenntnis von Siegfrieds heroischer Vergangenheit und der unheilvollen Zukunft am Hunnenhof heben Hagen schließlich in eine Position, die ihn nahe an den allwissenden Erzähler rückt.

Diese geheimnisvolle Wissensmacht, die der Erzähler niemals entscheidend aufklärt und damit noch verstärkt, gehört sicher zu den größten Rätseln des *Nibelungenlieds*. Ich will dieses Problem jetzt nicht weiter aufrollen. Dafür tritt Klaus Wolf mit seinem Referat ein.

Fazit

Zusammenfassend muss jedoch betont werden, dass sowohl Kriemhilds als auch Hagens Selbstbestimmung lediglich als negative Gegenbilder zu den Selbstbestimmungsformen der neuen höfisch ritterlichen Heldentypen in der Artusepik aufzufassen sind. Offenbar hat das zeitgenössische Publikum das ähnlich empfunden. Denn nur so lassen sich die vehementen Verurteilungen dieser beiden Hauptakteure des *Nibelungenlieds* in der so genannten *Klage* wie auch in anderen Textzeugnissen erklären.

Siegfried – ein positives Beispiel von Selbstbestimmung?

Wie aber steht es mit Siegfried? Bis heute gilt Siegfried als der Prototyp eines positiven Helden, nicht nur im deutschen Sprachraum, sondern auf der ganzen Welt. Der Erzähler scheint seinen Siegfried nicht anders charakterisieren zu wollen. Siegfrieds Abkunft von einem hochangesehenen Königsgeschlecht, seine vollendete höfische Erziehung, seine außerordentliche Kampfkraft, die bezaubernde Wirkung seiner Schönheit und die Fülle seiner moralischen Eigenschaften sowie seine vorbildlichen Herrschertugenden, all diese Vorzüge preist der Erzähler wiederholt in den höchsten Tönen.

Dennoch setzt Siegfried mehrfach seinen Willen in solch fataler Weise durch, dass diese Entschlüsse schließlich zu seinem Verderben führen werden:

- Erstens bei seiner eigenen Brautwerbung um Kriemhild,
- zweitens bei der Brautwerbungshilfe für Gunther auf Island und
- drittens bei der Hilfe zur Überwindung Brünhilds in ihrer zweiten Brautnacht.

Als Siegfried sich zur Brautwerbung um Kriemhild entschließt, stößt er auf den erklärten Widerstand seiner Eltern sowie des gesamten Kronrats ihres Hofes. Aber Siegfried bleibt unbeugsam und schlägt alle Warnungen vor der ‚Überheblichkeit‘ der Wormser Königsdynastie in den Wind.

Bei der Brautwerbung auf Island überredet Siegfried Gunther zu einer List. Die drei übrigen Brautwerber, König Gunther, Hagen und sein Bruder Dankwart, sollten einmütig behaupten, Gunther sei Siegfrieds Herr und er sein Lehnsmann (Strophe 384). Bekanntlich sollte diese Standeslüge den fatalen Rangstreit der Königinnen Brünhild und Kriemhild einleiten.

Die Beweismittel, die Kriemhild für ihre öffentliche Erniedrigung ihrer Schwägerin vorweisen wird, hat ihr Siegfried fatalerweise selbst in die Hand gegeben. Dabei handelt es sich um Brünhilds magischen Gürtel und ihren goldenen Ring, welche ihr Siegfried in der zweiten Brautnacht entwunden und danach seiner Frau übergeben hatte.

Der Erzähler kommentiert diese Handlungsweise mit folgenden Worten:

„ine weiz, ob er daz taete durch sinen hôhen muot.

Er gab ez sînem wîbe, daz wart im sider leit.“ (Strophe 677, 3-4)

Übersetzung: Ich weiß nicht, ob er das aus seinem höfischen Edelmut getan hat. Er gab beides seiner Frau, was ihm später leidtun sollte.

Dieser extradiegetische Erzählerkommentar leitet nicht nur in der Handlung die unheilvolle Wende ein, die zu Siegfrieds Ermordung führen wird. Hier zeichnet sich ebenfalls ein Wendepunkt in der Erzählhaltung ab. Denn ohne weitere Erklärung gesteht der allwissende Erzähler plötzlich ein

Nichtwissen ein. Das Nichtwissen erweist sich an dieser Stelle zwar nur als eine punktuelle Schmälerung seiner alles beherrschenden Erzählinstanz. Denn mit der anschließenden Prolepse nimmt der Erzähler gleich wieder die Zügel der Geschehenslenkung in die Hand.

Man kann für dieses Eingeständnis unterschiedliche Gründe anführen. Am plausibelsten erscheint mir die Erklärung, dass der ‚Wiedererzähler‘ der „alten maeren“ Schwierigkeiten zu erkennen gibt, die mythischen Artefakte aus der Brünhild-Sage mit einer neuen, höfischen Sinngebung aufzuladen.

Somit würde sich aus der Perspektive der Stoffgeschichte hier zum ersten Mal andeuten, dass die „Potenz des Stoffes“¹ sich fortan nicht mehr eindämmen lässt. Im zweiten Teil werden denn auch mit der Figur Hagens Schubkräfte zum Tragen kommen, die sich kaum anders als mit der kürzlich wieder thematisierten ‚Potenz des Stoffes‘ erklären lassen.

Auf die Figur Siegfrieds bezogen, gelingt es dem Erzähler in der Darstellung seiner Ermordung indes noch überzeugend, das Bild eines neuartig ritterlich höfischen Heldentyps zu verfestigen. Zum letzten Mal setzt Siegfried seinen Willen gegen alle Warnungen durch, unverbrüchlich wahrt er seine tugendhafte Gesinnung – auch wenn der alle überragende Held damit seinen eigenen ritterlich-höfischen Tugenden zum Opfer fällt.

---

¹ Der Begriff ist von Ludger Lieb ins Spiel gebracht worden, allerdings nicht am Stoff der Nibelungensagen; siehe Ludger Lieb: Die Potenz des Stoffes. Eine kleine Metaphysik des ‚Wiedererzählens‘. In: Retextualisierung in der mittelalterlichen Literatur, besonders in der höfischen Epik. ZfdPh 124. 2005 (Sonderheft), 356 ff.

**“Kitabi-Dədə Qorqut” və “Nibelunqlar haqqında nəğmə”:
“su” ünsürünün dastan kreativliyi**

Orta əsrlər mədəniyyəti Renessansı hələ Renessans başlamamışdan öncə öz bətnində hazırlamışdı: Orta çağ mədəniyyəti öz saqalarında, əslində, qədim yunan miflərinin variantlarını yaratmaqla məşğul idi. Biz nə ediriksə, edək, yenə C.Kembelin “Monomif” konsepsiyasına qayıtmalı olacağıq.

Çünki bu dastanlar arxetiplərlə, arxetipik motiv və süjetlərlə doludur. Bu motivlərdən də biri su motividir. Su bir tərəfdən hamıya lazım olan tanış adi sudur, digər tərəfdən isə möcüzədir, müəmmadır.

Suyun yaddaşı var: su yaxşını da, yamanı da, argışı da, qarğışı da, duanı da, söyüşü də özünə hopdurur və onları daim özü ilə daşıyır dünyanı gəzdirir. Su soyuq, isti, ilıq ola bilir, hər cür ola bilir, hər formada ola bilir: gah müsbət enerjiylə dolaşır yer üzünü, gah da mənfi enerjiylə. Müsbət enerjide olanda yaradır, mənfi enerjiyə köklənəndə dağıdır. Müsbət enerji hərləyəndə içməli olur, şəfa verir, dirildir; mənfi enerji hərləyəndə isə eli-obanı zəhərləyir, xəstəlik yayır, öldürür.

Mif, dastan kontestində su, çay, dəniz, bir sözlə, su ilə ilişikli hər bir nəsnə özünəməxsus bədii modul kimi çıxış eləyir. Su təkcə motiv deyil, süjeti modelləşdirən faktordur, kreativ başlanğıcdır və öz energetikasını diqtə edir. Lakin su ilə başlanan silsilə su ilə də qapanır.

Dünyanın bir sıra aborijen tayfaları ölülərini qayığa uzadıb çayın axarına tapşırırdılar. Qədim vikinqlər də belə eləyərdilər. Azərbaycanlılarda bu mərasimi xatırladan bir qarğış forması var: onlar bir adamın ölümünü istəyəndə deyirlər ki, “səni çay aşağı axıdım, çay yuxarı axtarım”. Bu qarğış da dolayısı ilə bildirir ki, çayın istiqaməti ölüm səltənətinədir; əks qütbə isə həyat, yaşam, dirilik qərarlaşıb. Təsadüfi deyil ki, miflərdə, əfsanələrdə, nağıllarda dirilik suyu, möcüzə xilasolma, xəzinə çayın mənəsinə yaxın zonalarda məxfiləşdirilir, qutsallaşdırılır. “Nibelunqların haqqında nəğmə” dastanında Reyn çayını xatırlayın.

Yaponların da bir O–bon bayramı var. Həmin gün hər bir yapon balaca bir qayıq-səbət düzəldib, onun içində bir şam yandırır bu yaraşlıq, ağ kəpənəyə oxşar fənəri çaya buraxır... Ki, ölmüş qohumların çayla evlərinə dönən ruqları axşam qaranlığında azmasınlar.

Dünya mədəniyyətində çayla ilişikli nə çox mərasim, ayin, oyun. Bununla belə ötəri məntiqi nəticələr aydından da aydın: ölüm səltənətinin yolu çaylarla, dənizlərlə bağlı; baxmayaraq ki, bir damla su (su stixiyası) həyat başlanğıcına bir işarə. Deməli, su həm olumdur, həm ölüm. Gəmi isə iki məntəqə arasında daşıyıcı. Bu, birinci nəticə. İkinci: cəhənnəm od, su, buz (torpaq) və dumanın (hava: və yenə həməndə dörd stixiya) fantasmaqorik şəkildə bir-birinə qovuşduğu, “qarıxdığı” məkandır. Və nəhayət, üçüncü: yeraltı aləm, – kolgələr padşahlığı, – dünya okeanının ayrılmaz bir hissəsidir.

İndi biraz daha konkretliyə keçim. Troya müharibəsi kimə görə başladı və onu kim başladı? Təbii ki, Zevs Axillesi öldürmək üçün. Çünki Prometey Zevsin məxfi aqibətini ona danışmışdı. Xatırlayın, Metida və Fetida bacılarının Zevslə olan münasibətlərini. Yenə çay və Axillesin Peleyin oğlu kimi Fetida tərəfindən suya salınması və Apollonun onu dabanından vurub öldürməsi. Yəni fikir verin, çay sanki bütün mifi qucaqlayıb öz içinə alır, hadisələri modullaşdıran amilə çevrilir.

Buradan keçirəm Kalidasaya, onun “Şakuntala” dramına... Əsərdə Şakuntala ilə Hasinapur hökmdarının görüşünü sevgi macərəsinə, süjetə, bədii mətnə çevirən çayın əyəsdir, onun Şakuntalanın taleyini tilsimdən asılı eləməsidir. Məsələ bu ki, Şakuntalaya aşiq olmuş Duşyanta öz sevdiyi qıza hökmdara layiq bir üzük bağışlamış, lakin onu tərk etmiş və tilsimin ucbatından Şakuntalanı unutmuşdur. O, öz bağışladığı üzüyü görməyincə, ağılı yerinə gəlməyəcək. Şakuntala beş il gözləyir və sonradan öz oğlu ilə birlikdə Hasinapur hökmdarının yanına getməyə qərar verir. Yolda

Şakuntala çaydan əyilib su götürərkən üzüyünü salıb itirir və bunun ucbatından Duşyanta onu yenə tanımır. Bir müddətdən sonra üzük balığın qarnından tapılır və xoşbəxtlik bərqərar olur. Burada da aşkar görünür ki, su stixiyası əsəri strukturlaşdıran, onu mənalandıran əsas amildir.

Varıb çataq “Kitabi-Dədə Qorqut” dastanına, “Basatın Təpəgözü öldürdüğü boy”a. Görək burada su stixiyası bizə nə göstərir. Dastanda deyilir ki, bir gün Qonur qoca oğlu Sarı çoban (mifoloji təfəkkürdə “sarı” günəşin əlamətidir) “Uzun bulaq” deyilən bir yerdə (yenə su stixiyası) çimən pəri qızlardan (nimfalardan) birini tutub zorlayır. Pəri qız qanad çalib uçarkən “çoban, il tamam olanda məndəki əmanətini gəl, al. Amma oğuzların başına bəla gətirdin” söyləyir və ərşə çəkilir. Fikir verin, bulaqda zorlanan pəri qız moyralar kimi Oğuzlar üçün tale müəyyənləşdirir və onun əmanəti yer üzündə Təpəgöz kimi zühur eləyir. Bu, su ilə sayqısız davranışa cavabdır. Su oğuzlardan öc alır; ona görə ki, Təpəgözlər, başqa sözlə, Kikloplar həmişə su stixiyası ilə bağlıdırlar. Qədim yunanlar onları dənizlər tanrısı Poseydonla su ilahəsi Toosun oğlanları bilirlər. Axilles də onların bir variantıdır: əgər Kiklopların zəif yeri gözüdürsə, Axillesin zəif yeri dabanıdır; onların bədənlərinin möhkəmliyinin təminatçısı su ilahələrinin övladları olmasıdır. Ancaq bir məqama da diqqətinizi çəkmək istərdim Dədə Qorqutdakı Təpəgözlə bağlı: “Kitabi-Dədə Qorqut” dastanına görə Təpəgöz fəvqəlməxlüqdur, şəcərəsi kosmik dünyaya bağlıdır; onu səma pərisi (Hind mifoloji təfəkküründə “apsar”) doğub. Sanskrit dilində “apsar” sözü “gəzərgri su” anlamını özündə ifadə edir. Sarı çobanla (gəzərgi insan: çoban səyyah variantı kimi) da pəri qızın görüşü su stixiyasında reallaşır. Elə isə pəri qızla yer adamının seksual əlaqəsindən nə yarana bilər? Əlbəttə ki, hibrid. Beləliklə, biz görürük ki, bu konkret dastan boyunda su yenə kreativ başlanğıc kimi çıxış edir, mətn çərçivəsində akkumulyativ rol oynayır.

“Nibelunqlar haqqında mahnı” da isə artıq Reyn bütün eposu və qəhrəmaları idarə edib mütləq qəhrəmana çevrilir. Reynin qızılı Reynə məxsusdur: və heç bir qəhrəman ona qalib gələ bilməz. Vaqner yeganə insan idi ki, bu dastanı tam duymuşdu və onun operası su stixiyasını çalır, Reyni çalır, su əyələrinin oyunlarını çalır, Reynin sularında boğulan tanrıların qüssəsini çalır. Zigfrid heç tanınmaz birisi deyil, Axillesin variantıdır, sadəcə, Axillesin dabanı onun kürəyidir. Axilles də, Zigfrid də özünəməxsus Kiklop variantlarıdır: bədənlərinə heç nə batmır. Axillesin çimdirildiyi su Zigfridin çimdiyi qanın paralelidir. Zigfrid öncə gedir dəmirçi olsun. Kikloplar isə Zevsin misgərləri idilər. Mifoloji qatda misgər kimdir bunu izah etməyə ehtiyac yox. Yəni dediyim bu ki, bütün dastanlar sonucda vahid bir mifin aktant modelində birləşirlər və vahid bir mifin şaxələnməmiş budaqları kimi görünürlər...

А.П.Бондарев

д-р филол. наук, проф., зав.каф. литературы МГЛУ;

e-mail: literatura_mglu@mail.ru

К истории гуманизма: взгляд из XXI века

В статье рассматривается диалектическая взаимообусловленность теодицеи и гнозиса – светского и религиозного гуманизма. Восходящий к Реформации светский гуманизм опирался на теодицею, умозаключая от естественного закона и естественного права к гуманистической этике. Порожденный естественнонаучными открытиями прогресс запустил автономный механизм самообеспечения производства. Гнозис, в отличие от теодицеи, познает «зло» прогресса и заново открывает для себя Бога, понимаемого как самоосуществление идеи человека в его духовно-нравственной эмансипации от необходимости обслуживать потребности производства и потребления.

Ключевые слова: теодицея; гнозис; светская этика; религиозная этика; секуляризация; прогресс; безосновность; филистерство; массовая культура; самость.

Европейский гуманизм в том виде, в каком он оформился в эпоху Возрождения и выжил на протяжении Нового времени в непрерывной борьбе за обоснование и подтверждение собственной легитимности, обнаружил к началу XXI века исчерпанность своих потенциальных возможностей. Он завершил свой временной цикл, не преодолев присущей ему, по выражению Н.А. Бердяева, изначальной «поверхностности» [2, с. 216]. Наследникам Ренессансного гуманизма оказалось не по силам осознать и применить к жизни диалектическую взаимообусловленность *теодицеи* и *гнозиса*, описывающих двусторонний процесс «грехопадения» – самоотчуждения духа и его последующего самообретения.

«Теодицея» Лейбница, разновидность пелагианства, задерживаясь на моменте растворения духа в Природе, внушала поверхностному гуманистическому сознанию мысль о возможности претворения зла в добро посредством опоры на «естественный закон» и вырастающее на его основе «естественное право». Следуя представлениям о континууме – неделимости и бесконечности Сотворенной природы – Лейбниц призывал «искать причину существования мира <...> в субстанции, имеющей в себе основание своего бытия и, следовательно, необходимой и вечной» [6, с. 134–135] Метод эмпирической индукции – умозаключения от частного к общему, от Природы к Богу, был применен Лейбницем в согласии с современным ему естествознанием, непрерывно деконструировавшим теологическую модель мироздания. Перефразируя положения «Слова о законе и благодати» Илариона Киевского, можно сказать, что европейский гуманизм вверился *букве* естественного закона, а не *духу* благодати христианской веры.

История гуманизма, какой она предстает в оптике XXI века, завершается ренессансом религиозного мироощущения, возникшего на новой мировоззренческой основе трагического опыта двух мировых войн и не прекращающихся локальных конфликтов, развязываемых в конкурентной борьбе за энергоресурсы, ценность которых для сознания, поработанного потребностями производства и потребления, значительно превосходит ценность человеческой жизни. Средство подменило собой цель. «Град земной», не став Новым Иерусалимом, пограл «Град Небесный». Возрождение религиозно ориентированного сознания, опирающегося на многовековую традицию мировой культуры, раскрывается в этой ретроспективе как единственное достойное условие восстановления гармоничных отношений человека с собой, природой и обществом.

Согласно гностической модели Шеллинга, возможность разрешения конфликта между природой и духом открывается в перспективе их исторического отождествления в познании. Добру и злу, духу и природе, изначально неразличимым в безосновности, суждено распасться, чтобы породить многообразие жизненных форм, которые в ходе эволюции вновь воссоединятся в любви: «Безосновное делится на два одинаково вечных начала только для того, чтобы эти два начала, которые в нем в качестве безосновного не могут быть одновременны или едины, стали бы едины посредством любви, т. е. безосновное делится лишь для того, чтобы была жизнь и любовь, и личное существование» [17, с. 151].

И гегелевский Дух, познавая зло в Природе, возвращается на свою вневременную родину обогащенным «тотальностью определений», умственно возмужавшим и этически окрепшим. Объективно-идеалистический панлогизм Гегеля получает многозначительное подтверждение в открытиях современной аналитической психологии, усматривающей в индивидуальной эволюции проявление всеобщих законов, направляющих ход мировой истории. «Процесс осознания противоположностей <...> влечет за собой непосредственное ощущение спасенности, – пишет К.Г. Юнг. – Это, с одной стороны, избавление от мучительного состояния глухой и беспомощной бессознательности, а с другой – актуализация для субъекта божественной антиномичности, соучаствовать в которой человек может в том случае, если не станет избегать ранения мечом разделяющим, т. е. Христом. Именно в самом предельном и роковом конфликте христианин испытывает чувство божественного спасения, если он уцелел в столкновении и взвалил на себя бремя избранного. Таким – и только таким – образом реализуется в нем *Imago Dei*, вочеловечение Бога» [23, с. 173–174].

Генезис гностицизма, шаг за шагом отвоевывающего у мифологической предопределенности историческую свободу выбора, обнаруживается в недрах библейской сакральной истории. Познающее сознание вычитывает из ветхозаветных текстов свидетельства восприимчивости Яхве к каждому новому этапу становления человеческого духа. Таков, в частности, сакральный смысл события «Первой книги Моисеевой» об Аврааме и Исааке, в которой Бог через посредство ангела подменил обреченного на заклание Исаака жертвенным животным – овном.

Если Авраам, как его понимал С. Кьеркегор, являл собой героический идеал «рыцаря веры», готового безропотно возвратить всемогущему Богу дарованного ему сына, Иов адресует Яхве вопрос о *нравственном смысле* ниспосланных ему страданий. Согласно юнгианскому толкованию этого библейского события, смиренное вопрошание Иова пробуждает ответную реакцию Бога на этические запросы познающего духа. В результате инцидента с Иовом идея справедливости овладевает смысловым полем Ветхого Завета, чтобы разрешиться во всемирно-историческом событии Нового Завета – вочеловечении Христа, Сына Божия.

Однако рождение Богочеловека от земной женщины, ознаменовавшее диалектическое одухотворение жизни, было односторонне воспринято ранним христианством как призыв к умерщвлению плоти во имя воскресения духа: «Вместо живого диалектического развития, которое дано в учении Христа: тезис – плоть, антитезис – дух, синтез – “духовная плоть”, в историческом христианстве получилось только мертвое логическое тождество – получилась бесплотная святость вместо святой плоти, бесплотная духовность, вместо духовной плоти» [8, с. 147]. Адресуемое жизни требование самоотречения породило неведомую античному миру трагическую интенсивность душевных переживаний. Гностический опыт мировоззренческого кризиса и следующего за ним нравственного перерождения вылился в главное религиозное событие средневекового христианства, получившее отражение в агиографии – наиболее авторитетном жанре клерикальной литературы. Односторонняя идеология официального христианства, разделившая человека на дух и плоть, оказалась, в конечном счете, главной причиной кризиса католической церкви. Идеи Реформации, развернувшей борьбу за право человека вступать в интимно-личное общение с Богом, минуя посредническое участие церкви,

воплотились в трактате Мартина Лютера «О свободе христианского человечества» (“Von der Freiheit eines Christmenschens”). Реакция Лютера, демонстративно бросившего в огонь предавшую его анафеме папскую буллу, была воспринята как решительное выступление против «Римского Содома», опорочившего себя симонией, торговлей индульгенциями, деградацией института монашества и имперскими амбициями Ватикана.

Процесс секуляризации мало-помалу подчиняет себе все познавательные стороны жизни. Король меценат Франциск I основывает в противовес схоластической Сорбонне гуманистический «Коллеж королевских лекторов». Разделение наук на *divina studia* и *humana studia* исходит из представления об эмансипирующей от Божьего Промысла автономной человеческой природе. Эстетика Возрождения наделяет индивида неограниченной свободой выбора. Джованни Пико делла Мирандола вкладывает в уста Создателя намерение сотворить Адама, руководствующегося лишь свободой собственной воли: «Образ прочих творений определен в пределах установленных Нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю» [5, с. 249]. Искусство Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициана воплощает в человеческих образах облагораживающий тело дух.

В ходе эволюции от провиденциализма к историзму теология сталкивается с возрастающими трудностями согласования религиозных догматов с открытиями эмпирических наук, накапливающих разрушительные по отношению к креационной модели сведения о законах космического, природного и социального мироустройства. Решения, принимаемые в сфере этики, все чаще мотивируются не патриархальной незыблемостью традиции, а результатами анализа внутренней диалектики явлений. Не эпифаническое откровение, а соображения бытовой и производственной целесообразности выступают оценочным критерием поступка.

В то же время, на протяжении Новой и Новейшей истории, параллельно спонтанному процессу секуляризации вершится «кротовая» работа по претворению практической нравственности в гносеологию Божьего замысла. Христианский гуманизм вычитывает из мифа о грехопадении предусмотренное Промыслом неповиновение. Обладающий атрибутом всеведения Создатель учитывал «своеволие» Адама как необходимое предварительное условие его грядущего освобождения. В лице Адама Творец изгнал человечество из Эдема и обрек на долгий труд самопознания в Истории, ибо добро, познавшее зло, сильнее и ответственнее наивной добродетели, поскольку выстрадало возможность свободного выбора Бога в себе: «Как бы могли, / Не будучи свободными, любовь / Свою ко мне бесспорно доказать?», – риторически вопрошает Бог в поэме Д. Мильтона «Потерянный рай».

Необходимость эмансипации сознания от природы была навязана человеку инстинктом самосохранения, воплотившимся в фигурах Прометея, Гефеста и Афины. Прометей даровал людям огонь; Гефест научил пользоваться им; Афина преподавала необходимые производственные навыки [12]. Прометея, Гефеста и Афины сменил библейский Адам, автономное сознание которого продемонстрировало свою преемственную связь с античным гнозисом: Первый человек отдал предпочтение не наивной вере, а опытному знанию. А ведь смиренное соблюдение запрета гарантировало ему безопасное пребывание в лоне Эдема, не требуя ни физических, ни умственных усилий для обеспечения своей жизнедеятельности. Зато изгнание из Рая столкнуло с необходимостью труда и неотвратимостью смерти: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. 3, 19).

Изнуренный познанием, которому не суждено было заполнить разверзшуюся вследствие грехопадения метафизическую бездну Ничто по причине «непостижимости целого», Адам затосковал о потерянном рае. «Отказ архаического человека от истории, – констатирует М. Элиаде, выдает... преждевременное утомление ... поставленный перед выбором – принять условия исторического существования со свойственным ему риском, с одной стороны, или вернуться к природному способу существования, с другой стороны, – он выбрал бы это

возвращение» [22, с. 138]. Рефлексия открыла архаическому человеку его двойственную сущность. Как мифологический он оказался чужим в истории, как исторический – чужим в природе. Трансгредиентный по отношению к европейской цивилизации витализм Ф. Ницше позволил ему прочувствовать весь драматизм гротескной – социально-природной раздвоенности человека. Онтологический статус даровал животному, в компенсацию за безотчетность его инстинктивных реакций, блаженство непосредственного бытия в мире. Наблюдая за пасущимся стадом, Ницше замечает: «Зрелище это для человека очень тягостно, так как он гордится перед животным тем, что он человек, и в то же время ревнивым оком смотрит на его счастье, ибо он, подобно животному, желает только одного: жить, не зная ни пресыщения, ни боли, но стремится к этому безуспешно, ибо желает он этого не так, как животное» [9, с. 161].

Если сократический человек претворял бытие в историю, мечта фаустовского человека состояла в том, чтобы претворить историю в бытие. Однако в границах биографической жизни он вынужден довольствоваться ролью жертвы эстеziологического конфликта между прошлым и будущим, ощущением и сознанием. Намерению реализовать с помощью философского камня алхимический проект избирательного сродства (*elective affinities*) препятствовала необратимость временного потока, подтачивавшего основание любой спонтанной гармонизации. Интуитивное прозрение в идею безысходной изменчивости пробуждает в душе фаустовского человека тягу к уже испытанному блаженству онтологического безвременья, в отличие от неведомого, настораживающего грядущего. Усталость от дряхлеющей безрезультативности конфликта рождает в нем ностальгию по умиротворяющему материнскому лону бытия:

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобый,
И мягкой вечностью опять
Обволокнулся, как утробой [15, с. 248].

Договор Фауста с Мефистофелем осмысливается Гете как следствие односторонней инфляции сознания – разблуживающей непосредственное чувство рефлексии. Сознание, нуждающееся в компенсирующем контрапункте эмпирического, обращается к опыту, призванному восполнить односторонность трансцендентальной установки. Фауст мистически обретает этот опыт во второй жизни, чтобы либо принять, либо отвергнуть, либо скорректировать владеющие им книжные знания. Согласно Гете, Мефистофель необходим Богу как «дух сомненья», пробуждающий душевное волнение и поддерживающий ум в напряжении непрерывного поиска:

Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи и беспокой,
И раздражай его своей горячкой [4, с. 22].
Пер. Б.Пастернака

Экзистенциальная и психоаналитическая интерпретации усматривают в Мефистофеле гипостазирование растревоженного свободой сознания. Волнующая мистическая свобода описывается Н.А.Бердяевым как «...бездна, лежащая глубже самого бытия и из которой бытие определяется. Эту бездонную иррациональную свободу человек чувствует в себе, в первооснове своего существа» [3, с. 92].

Гностический императив увлекает Фауста не к ортодоксально-католической, а к религиозно-гуманистической ответственности со всеми сопутствующими ей затруднениями сознательного – более нравственного выбора. Спор, завязавшийся между Богом и Мефистофелем, затрагивает эпицентр проблемы человеческого существования. Понимание неотвратимости смерти актуализирует вопрос о назначении сознательной жизни, ее самореализации в способном оправдать существование ответственным поступке – подвиге. А поскольку конечная цель гносеологии – «познание разумом самого себя» (Шеллинг) – отложена Провидением на неопределенное будущее и потому практически недостижима, Мефистофель обречен на проигрыш пари, ибо Творец не положил предела становлению мира в человеке и в человека мире. Развернутое в трагедии гностическое истолкование сюжета немецкой Народной книги иллюстрирует фихтеанскую идею непрерывной творческой эволюции: «В понятии человека заложено, что его последняя цель должна быть недостижимой, а его путь к ней – бесконечным. <...> Усовершенствование до бесконечности есть его назначение» [14, с. 487–488].

Воплощение столь грандиозного проекта ориентировало Гете на усвоение открытий естественных наук, что ставило его перед необходимостью постоянно корректировать первоначальный замысел, первая редакция которого, так называемый «Прафауст», оформилась уже к 1773 году. Диалектический синтез, осложняясь непрерывно поступающими сведениями из области естественных и социальных наук, все время переносился на отдаленное будущее, чтобы, в конце концов, раствориться в описании незавершимого процесса становления. Недоверие ко всякому синтезу, усыпляющему «евклидовское» человеческое сознание, побуждало Гете к ретардации развязки: «Поток, теряющийся в столь же темном и безвременном будущем – вот фон фаустовской картины человеческой истории» [21, с. 148]. Согласно пониманию Гете, Бог задумал человека как способную к саморазвитию духовную сущность, обреченную искать выход из лабиринта истории, которую она сама же непрестанно творит своей гротескной, созидательно-разрушительной деятельностью.

Между тем «победы», одержанные промышленной цивилизацией над аграрной культурой, поставили под вопрос, а затем и опровергли эволюционную модель истории. Природный миф о вечном возвращении уступил место историческому мифу о вечном прогрессе. Осознание обратно пропорциональной зависимости между развитием техники и упадком морали дало экзистенциализму повод провозгласить, что человек «обречен на свободу». Экзистенциальная концепция «несотворенной свободы» прозвучала экстремальным ответом на экспансию техники. Развивая интуицию Бл. Августина о двух свободах – *libertas minor* и *libertas major*, – Н. Бердяев обратился к идее «бездонной иррациональной свободы», обуславливающей возможность абсолютной трансценденции: «Свобода восходит не к природе, а к Божьей идее и бездне, предшествующей бытию. Свобода коренится в “ничто”. Первичен акт свободы и вполне иррационален» [3, с. 91].

Герменевтическое первенство свободы, предвещающее вторичные требования физической необходимости, побуждает Иова проклясть день своего рождения. Проклятие, адресованное вступлению в бытие, свидетельствует о зреющем намерении отречься от относительной экзистенции ради абсолютной трансценденции. Экзистенциальное сознание, глубоко пережившее трансцендентальный опыт Иова, возросло до признания необходимости диалогических отношений с Творцом. Потребность в «диалоге по последним вопросам» свидетельствует, что человек готов покинуть природную онтологию во имя божественной Софии – бесконечно расширяющей сознание мудрости, где божественный «ответ трансценденции своей полнотой всегда превосходит вопрос экзистенции», – утверждает А.Я. Мацейна [7, с. 119].

Однако нарастающая зависимость от меновой стоимости, финансового, торгового и промышленного капитала побуждает светский гуманизм признать земную власть механической трансценденции. Блистательно разрешенная Христом дилемма «Кесарево

кесарю, а Божие Богу» вновь актуализируется в XVII веке переносом ценностного акцента на интересы формирующихся и упрочивающихся национальных государств. В идеологической полемике с теократическими амбициями католицизма абсолютизм возводит дворцы – светские храмы, противопоставляющие Святой Троице гуманистическую триаду истины, добра и красоты. Французский Версаль, потсдамский Сан-Суси, российский Петергоф и другие памятники гражданской архитектуры возносятся образцами дворцово-парковых ансамблей, прославляющих земное могущество государственной воли. Неуклонная тенденция к секуляризации обрела гуманистическое наполнение в этической доктрине просветителей о здравом смысле и правильно понятом интересе. Рационализм Декарта и сенсуализм Локка встретились в трактате Гельвеция «Об уме». Репрезентацией научной картины мира стала французская Энциклопедия – систематический свод эмпирических знаний, опровергающих как религиозные догматы, так и априорные спекуляции идеалистической философии.

Теория правильно понятого интереса или разумного эгоизма обосновывается XVIII веком как доступный человеческому разумению *компромисс* между эмпиризмом и рационализмом, как руководство к действию в сфере практической нравственности, примиряющей интересы личности и общества. Тем временем, по мере углубления социального неравенства, обостренного промышленным переворотом XVIII – XIX вв., реанимируется лютеранское учение о «внутреннем», «естественном человеке», куда более порядочном, чем искусственный человек, раболепствующий перед материальной выгодой и корыстным расчетом. Вскоре, однако, готический роман позднего Просвещения и раннего романтизма, от Г.Уолпола до Ч.Р.Мэтьюрина, откроет во «внутреннем человеке» демоническую искру протеста – стихийную реакцию на требования нормативной этики, ограничивающей чувственные вожеления, пробужденные очарованием роскоши и знатности.

Автор «Гамбургской драматургии» Г.Э.Лессинг вложит в уста Эмилии Галоти, героини одноименной драмы, признание, разрушающее лютеранскую легенду о внутренне добром человеке: «Соблазн – вот настоящее насилие. <...> Я ни за что не отвечаю. Я неспособна бороться».

Предромантизм и романтизм предпринимают попытку спасти гуманизм от растворения в прозе повседневности. Ф. Шиллер предложит рассматривать *красоту* как надежное основание для синтеза «чувственного побуждения» и «побуждения к форме»: «Если состояние чувственной определенности назвать физическим, а состояние разумного определения назвать логическим или моральным, то это состояние реальной и активной определенности следует назвать – *эстетическим*» [20, с. 260]. Ф.В.Й. Шеллинг претворит эстетику Шиллера в «философию тождества», способную синтезировать мораль и счастье: «Они соединились бы в одном принципе, который именно поэтому должен быть *выше* их обоих, – в принципе абсолютного бытия или абсолютного блаженства» [18, с. 77].

Однако социально-экономические завоевания Французской революции, узаконившие свободу конкуренции и частного предпринимательства, обнажили в шеллингианской натурфилософии таящуюся за абсолютном *социальную* безосновность (*Ungründung* Я. Бёме), которую экзистенциальная антропология более точно охарактеризует термином «ничтожество» – отсутствием у человека достаточных онтологических оснований для того, чтобы *быть*. В условиях торжества буржуазно-либеральных свобод шеллингианское «блаженство» получает извращенное социально-мифологическое выражение в срединном состоянии *филистерства*, равноудаленного от высот духа и от бездн плоти. Одобряемая филистерством повсеместная профанация романтического абсолюта подвергнется иронической критике в творчестве Л. Тика, Э.Т.А. Гофмана и других немецких романтиков.

Воссозданный Бальзаком гротескный образ «шагреновой кожи» констатировал девальвацию обоснованной немецким мистицизмом свободы *выбора*. Социально-мифологический императив навязал индивиду безальтернативный вариант онтологического саморазрушения во имя социального самоутверждения, породил диагностированный

психоанализом невротический комплекс, уподобленный З. Фрейдом монастырю, где поверженный страхом перед бесосновностью человек пытается защититься от собственного деструктивизма. Страх перед бесосновностью превращает жизнь современного индивида в постоянную борьбу за самоутверждение – материальное обоснование реальности своего призрачного существования.

По мере удовлетворения индивидом «базовых потребностей» (А. Маслоу) биологический инстинкт самосохранения уступает место инстинкту социальной адаптации. Борьба за самоутверждение диверсифицируется и усложняется в сравнении с дарвинским «естественным отбором»: «Среди животных, – констатирует Бальзак, – происходит мало драм, там все ясно: они нападают друг на друга, и только. Люди тоже нападают один на другого, но большая или меньшая степень их умственных способностей делает битву гораздо более сложной» [1, с. 51]. Несчастное, но не осознающее свою разорванность обывательское сознание ищет опору в аподиктичности социально-мифологических ценностей.

Критика ницшеанским имморализмом филистерского лицемерия объясняет логику перерождения образа «маленького человека», созданного Пушкиным и Гоголем, в «подпольных» героев Достоевского: «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас за копейку продам. Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Эта и подобные ей провоцирующие тирады воинствующей мизантропии истолковываются Л. Шестовым как крах усилий шиллеровского гуманизма претворить социальное унижение в самоотверженное прекрасное: «Это – раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других, что высшая цель существования это – служение последнему человеку» [19, с. 47].

Необходимость познания законов ньютоновского мира породила Homo sapiens. Необходимость организации и обеспечения производства вызвала к жизни Homo faber. Необходимость самоидентификации в новых социально-мифологических условиях создала Nemo. В философском эссе «Аристос» Джон Фаулз характеризует Nemo (ne + homo = никто, ни один) как источник неведомой доселе формы страдания – переживания собственной недолговечности, относительности, бесполезности. Nemo рождает две противоположные формы психологической защиты – пассивный страх и активное самоутверждение, которые облекаются в две предлагаемые наличной социальностью формы: приспособления и конфликта. Спонтанно защищаясь от ужаса перед Ничто, Nemo предстает рассадником либо многообразных вариантов клинического невроза, либо источником противоправных деяний – уголовно наказуемых преступлений.

Нравственный интроверт эдиповского типа, парализованный страхом перед преступлением, к которому побуждает его Эрос, обнаруживает себя на кушетке психоаналитика. Фрустрированный экстраверт орестовского типа, преодолевая в преступлении приступы тоски Танатоса, оказывается за решеткой. Мир Ореста – вторая, трансцендентальная отчизна после первой – онтологической родины Эдипа:

После первой

Вторая так смутна его отчизна [13, с. 153].

Пер. Вяч. Куприянова

Шекспировский Гамлет посредничает между архетипами Ореста и Эдипа. Момент гротескного перехода от Мифологии к Истории поставил его перед выбором между мстостью и безумием. Патриархальная верность долгу сделает из него преступника. Рефлектирующая нерешительность превратит в желчного мизантропа:

Я сын отца убитого. Мне небо
Сказало: встань и отомсти. А я,
Я изошряюсь в жалких восклицаньях
И сквернословьем душу отвожу... [16, с. 68].
Пер. Б.Пастернака

Новое открытие Бога совершается в таинственном взаимодействии двух великих противоположностей: *transcendentus* и *immanentus*, трансценденции и имманентности, деизма и пантеизма. Если природный мир покоится на естественной основе, человек как дух лишен материального основания и в этом смысле подлинно безосновен. Действительным, а не социально-мифологическим подателем жизни для него по-прежнему остается Бог. Между тем, властные императивы социальной мифологии генерируют среду, благоприятную для экспансии атеистического филистерства – срединной пародии на иудаистского Асмодея, новозаветного Антихриста, евангельского Вельзевула, мильтоновского Сатану, байроновского Сарданапала, гетевского Мефистофеля: «Это-то и есть по преимуществу наш современный и будущий западноевропейский и русский и всемирный демон, – пророчески констатировал Д.С. Мережковский в философско-историческом эссе «Л. Толстой и Достоевский» (1902), – отец нашей лжи, нашей середины, нашего мещанства, нашей «позитивной» либерально-консервативной, смердяковской, толстовской и ницшеанской пошлости <...> и в то же время самый сильный, самый великий, с каждым днем растущий, наполняющий собою мир и, однако, все еще не узнанный, не видимый бес» [8, с. 285].

Инволюционировав от деизма и атеизма к безосновности, светский гуманизм выродился в обывательскую форму *защиты* от психотического ужаса перед Ничто. Современный психоанализ, классифицируя защитные механизмы, выделяет аннулирование, аскетизм, вымещение, вытеснение, девальвацию, замещение, идентификацию, изоляцию, интроекцию, компенсацию, компромисс, отрицание реальности, подавление, проекцию, сублимацию и др. [10].

Филистерство – выявленная экзистенциальной психотерапией форма социальной защиты – порождает массовую культуру, парадигму «симулякров» (Ж. Бодрийар) – кажимостей, завораживающих и поработающих обывательское сознание. Людская масса, по определению Х.Ортега-и-Гассета, – социально-исторический феномен удручающей обезличивающей стадности: «Масса (уподобляющаяся «ничтожным» в «Божественной комедии» Данте, – А.Б.) – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [11, с. 19].

«Герой» массовой культуры – успешный *super man*, обретший себя в среде, поработанной шопенгауэровским «законом основания». Неантиципирующая социальность оставила в его распоряжении лишь суррогат «слова в мире», лишив вещего дара венаходимого, божественного «слова о мире». Принадлежность к массе наделяет «теневого» индивида чувством самодостаточности.

Наш современник – жертва социально-психологического парадокса, отчаянно противящаяся осознанию протекающих в ее душе процессов становления. Согласно психотерапевтическим наблюдениям К.Г.Юнга, «Бог действует из бессознательного самого человека и побуждает его гармонизировать и сопрягать противоположные импульсы, постоянно входящие в его сознание со стороны бессознательного» [23, с. 218]. И не только бессознательного, но и внешней реальности, пробуждающей в нем вождения и страхи. В стремлении развеять овладевшие им чары, массовый человек вверяется социально-мифологическим наваждениям, которые представляются ему более верным путем к спасению, чем долгий латентный труд символизации. В изменившихся условиях практический разум Канта ведет себя как преступник по отношению к подлинным интересам личности. Устойчивый механизм «защиты» от требований *самости* с большой психологической

глубиной описан Л.Толстым в повести «Смерть Ивана Ильича». Лишь на исходе терминальной болезни, развеявшей наваждения «дурной веры» (la mauvaise foi), Иван Ильич раскрывает преступление, совершенное им против самого себя.

Эволюция светского гуманизма поставила современную цивилизацию перед фактом нетерпимого порядка вещей. Параллельно ей «кротовая», неусыпная деятельность социокультурного инстинкта самосохранения перенаправляет труд жизнестроительства на признание тех неотменяемых законов, которые всегда служили гарантом реального присутствия человека в мире и по-прежнему напоминают о себе открытиями, совершаемыми в разных научных областях. Гуманистический экзистенциализм М. Хайдеггера, карнавальная концепция истории М.Бахтина, спонтанный процесс «индивидуации», описанный аналитической психологией К.Г.Юнга, исследование «деструктивности как способа становления», проведенное С.Шпильрейн, «крест действительности» О.Розеншток-Хюсси, «мотив роста», обнаруженный К. Роджерсом, предложенная Э.Фроммом сюжетобразующая корреляция модуса обладания и модуса бытия, термодинамический процесс перехода от флуктуации к бифуркации, открытый нобелевским лауреатом И.Пригожиным в работе «Порядок из хаоса», работы ученых «Института креационных исследований» («Institute for creation research») Далласа – эти и другие философско-антропологические, аналитико-психологические и естественнонаучные плоды исследовательских интуиций выявляют восходящие к платоновско-пифагорейской мировой гармонии и образу Эдема проявления изначально сверхразумных, божественных, сил, изнутри направляющих логику душевной жизни и ход самой Истории. Сознательно ввериться им – это ли не достойная задача наивного, но поневоле обретающего зрелость гуманизма? Ведь разум – не законодатель и даже не всегда надежный исполнитель закона. «Ибо, – не без иронии замечает Шеллинг, – как мы ни чтим разум, мы, тем не менее, не верим, например, в то, что с помощью чистого разума можно стать добродетельным, героем, или вообще великим человеком» [17, с. 156].

Сделанные за последнее время научные открытия свидетельствуют о присутствии в мире великой гармонизирующей силы, регулирующей естественные и социальные процессы, силы более разумной и нравственной, чем человеческое сознание и воля, движимые понятной, но обманчивой надеждой, продавшись в рабство модусу обладания, преодолеть страх перед «ничтожащей» социальностью.

Список литературы

1. *Бальзак Оноре де*. Предисловие к «Человеческой комедии» // Литературные манифесты французских реалистов. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. – С. 49–63.
2. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – С.107–223.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства // Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 13–228.
4. *Гете И.В.* Фауст. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 13–421.
5. *Джованни Пико делла Мирандола*. Речь о достоинстве человека. // Эстетика Ренессанса: в 2 т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 248–265.
6. *Лейбниц Г.В.* Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла // Собр. соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 4. – С. 49–494.
7. *Мацейна А. Я.* Драма Иова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 316 с.
8. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 623 с.
9. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 158–230.

10. *Овчаренко В.И.* Защитные механизмы // Психоанализ: новейшая энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2009. – С. 278–280.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: Издательство АСТ, 2003. – С. 11–208.
12. *Платон.* «Протагор». Пер. с древнегреч. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 176 с.
13. *Рильке Р.М.* «Из Дуинских элегий»: Элегия восьмая. // Избранные стихотворения. М.: ЭКСМО, 2006. – С. 153.
14. *Фихте И.Г.* Несколько лекций о назначении ученого. Первая лекция. О назначении человека в себе. – Соч.: Работы 1792–1801 гг. – М.: Ладомир, 1995. – С. 483–488.
15. *Ходасевич В.Ф.* Из дневника // Собрание стихов. – М.: Центурион, Интерпракс (Серия «Серебряный век»), 1992. – С. 248.
16. *Шекспир У.* Гамлет. – Собр. соч. : в 8 т. – Т. 8. – М. : «Интербук», 1994. – С. 5–162.
17. *Шеллинг Ф.В.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч.: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 86–158.
18. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские письма о догматизме и критицизме // Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 39 – 88.
19. *Шестов Л.* Достоевский и Нитше (*философия трагедии*) // Шестов Л. Сочинения, М.: Раритет, 1995. – С. 15–175.
20. *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека (1793–1794) // Статьи по эстетике. – М. – Л.: Academia, 1935. – С. 200–293.
21. *Шпенглер О.* Закат Европы. – М.: «Айрис-Пресс», 2006. – Т. 1. – 528 с.
22. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение // Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – С. 27–251.
23. *Юнг К.Г.* Ответ Иову // Ответ Иову. – М.: Канон, 1995. – С. 109–234.

Abstracts

Towards the History of Humanism: a Glance out of XXI century

The concept of the article determines the dialectical interdependence of theodicy and gnosis – secular and religious humanism. Secular humanism, going back to the Reformation, was based on theodicy, inferring from natural law and natural right to humanitarian ethics. Resulting from natural sciences discoveries progress has started an autonomous mechanism of self organized industry production. Contrary to theodicy, gnosis cognizes the “evil” of progress and rediscovers God, conceived as self-fulfillment of man’s idea in his moral emancipation from the necessity to ensure needs of production and consumer goods society.

Key words: theodicy; gnosis; secular ethics; religious ethics; secularization; progress; foundless; Philistinism; mass culture; Selfness.

Die Siegfried-Gestalt in der altnordischen Tradition und der Siegfried im Nibelungenlied: zwei unterschiedliche Heldentypen

Die Texte, die Siegfrieds Leben und Tod erzählen, sind, außer dem *Nibelungenlied*, die *Thiðriks Saga af Bern*, Lieder der Edda, die nur eine Episode erzählen (*das alte Sigurdlied*, das wir nur zur Hälfte besitzen und das wohl aus dem 10. Jahrhundert stammt; *das jüngere Sigurdlied*, das erst im 13. Jahrhundert entstanden ist; *die Vogelweissagung*; *das Lied vom Drachenhort*, *Sigurds Vaterrache*, *die Erweckung der Walküre*), und die *Völsunga-Saga*, eine Prosaerzählung der Heldenlieder der Edda. Sie erzählt außerdem die Geschichte der Ahnen Sigurdrs, der Völsungar, und, wie das *Nibelungenlied* und die *Thiðriks Saga af Bern*, die Ereignisse nach Siegfrieds Tod.

1. Siegfried in der altnordischen Tradition

Die altnordischen Texte gehen überwiegend auf festländische Quellen zurück: möglicherweise haben fahrende Dichter und Kaufleute die Bewohner der skandinavischen Halbinsel mit einigen Sagen bekannt gemacht. Aber die Autoren nutzten auch mündliche Quellen und sie flochten in ihre Werke Züge der nordischen Tradition, die sie gleichfalls der mündlichen Überlieferung entnahmen. Da diese Texte erst im 13. Jahrhundert niedergeschrieben wurden, weiß man nicht, wann sie entstanden sind. Es sind:

- Die *Lieder-Edda*, die die Götter- und Heldenlieder enthält. Sie ist überliefert in einer Handschrift aus der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts, die aber die Abschrift einer älteren, zwischen 1210 und 1240 in Island geschriebenen Handschrift ist.
- Die *Prosa-Edda* von Snorri Sturlusons (1230). Sie versucht, die Synthese der alten nordischen Mythologie herzustellen.
- Die *Völsunga Saga* (zweite Hälfte des 13. Jahrhunderts, in Island). Sie verbindet den Stamm der Völsungar mit dem Hauptgott der skandinavischen Mythologie, Oðinn.

Die *Thiðriks Saga af Bern* (oder *Thidreksaga*). Sie wurde wahrscheinlich um 1225 und 1230 für den norwegischen König Haakon IV. den Alten (1204-1263) geschrieben. Nach Jean Fourquets Hypothese, der ich mich anschließe, ist die *Thidreksaga*, was Siegfrieds Leben und Tod anbetrifft, im Rahmen einer umfangreichen, auf deutschen (und nicht etwa skandinavischen) Zeugnissen des Dietrichzyklus beruhenden Kompilation in Prosa vom *Ur-Nibelungenlied* (um 1160/70) abgeleitet, das den vollständigen Handlungsablauf und die Verkettung der Ereignisse beinhaltet, und das auch die Vorlage des *Nibelungenliedes* ist (gegen 1200).

1.1. Sigurdrs Geschichte

1.1. Sigurdrs Kindheit und Kampf gegen den Drachen

Völsunga Saga* und *Edda

In der *Völsunga Saga* ist Sigurdr der nachgeborene Sohn von König Sigmund, der bei einem Pflegevater namens Reginn, einem Schmied, aufwächst. Dieser erzählt ihm eines Tages die Vorgeschichte eines ungeheuren Hortes. Reginn stiftet Sigurdr an, gegen Fafnir, seinen Bruder, der sich in einen Drachen verwandelt hatte, um den Hort zu hüten, zu kämpfen, denn er will den Hort für sich allein gewinnen. Sigurdr fordert ihn auf, ein Schwert zu schmieden, mit dem er den Drachen töten will. Alle Schwerter, die Reginn schmiedet, zerbrechen auf dem Amboss. Da erinnert sich Sigurdr an das Schwert, das Sigmund in seiner letzten Schlacht schwang und das an Oðinns Speer zerbrochen war. Er schmiedet sein Schwert aus den Bruchstücken und spaltet damit den Amboss. Das Schwert bleibt heil. Dann rächt er seinen Vater, indem er die Hundingsöhne tötet, die seinem Vater die tödliche Wunde beigebracht hatten. Sigurdr erschlägt Fafnir, den Drachen, dessen Herz er für Reginn

braten soll. Dabei verbrennt er sich, steckt die Finger in den Mund und – versteht plötzlich die Vogelsprache. Die Meisen raten ihm, Reginn zu misstrauen, den Hort zu nehmen und nach Hindarfjall zu gehen, wo Brynhildr (Sigrdrifa in der *Edda*) schläft. Sigurdr schlägt Reginn den Kopf ab, bemächtigt sich des Hortes sowie des Schwertes Hrotti, eines Helms und eines Panzerhemds aus Gold und isst ein Stück vom Drachenherzen, um weiser zu werden. Bevor der Drache stirbt, verrät er Sigurdr, dass dieses Gold seinen Tod und den aller herbeiführen werde, die es besitzen werden. Der junge Held hört diese Prophezeiung mit Gleichmut.

Thiðriks Saga af Bern

In der *Thiðriks Saga af Bern* ist Sigurdr elternlos und wird von einer Hindin aufgezogen, die ihn zwölf Monate lang wie ihre eigenen Jungen säugt. Dann wird er im Walde von dem Schmied Mimir gefunden, der ihn als seinen Sohn großzieht und ihm den Namen Sigurdr gibt. Der Junge wächst bei ihm auf, bis er 12 Jahre alt ist. Mimir fürchtet sich vor Sigurdrs unheimlicher Kraft und will ihn loswerden. Er schickt ihn in den Wald, wo ihn ein Drache umbringen soll (wie in der Parallelüberlieferung ist der Drache des Schmiedes Bruder). Doch der Drache wird von Sigurdr erschlagen. Da der Junge Hunger hat, kocht er in einem Kessel Stücke vom Drachen, verbrennt sich den Finger, steckt ihn in den Mund und versteht, was zwei Vögel über ihm singen: er soll Mimir töten, der ihn erschlagen will. Bevor er nach Hause geht, bestreicht er sich von oben bis unten mit dem Blut des Drachen, nur zwischen die Schulterblätter kommt er nicht. Überall, nur zwischen den Schultern nicht, wird seine Haut wie Horn. Sobald er nach Hause kommt, will Mimir seinen Zorn besänftigen: er gibt ihm Brünne, Helm, Schild und Schwert und verspricht ihm einen Hengst namens Grane, den er sich aus Brühilds Gestüt holen soll. Sigurdr nimmt alles an, schwingt sein Schwert, versetzt Mimir den Todesstreich und reitet zu Brühilds Burg. Von einem Hort ist in diesem Teil der *Saga af Bern* nicht die Rede, er wird aber später zweimal erwähnt.

1.1.2. Erweckungssage

Nur in der *Edda* und der *Völsunga Saga* gibt es diese Erweckungssage. Sigurdr folgt dem Rat, den die Vögel ihm gegeben haben: er soll nach Hindarfjall reiten (im Land der Franken), wo Brynhildr/ Sigrdrifa schläft. Auf dem Berg sieht er ein großes Licht wie brennendes Feuer. Im Lied der *Edda*, „der Vogelweissagung“ ist die Lohe ein wirkliches Feuer, das Sigurdr mit seinem Ross Grani, einem Geschenk Oðinns, durchreitet; allein Grani kann, von Sigurdr geritten, das Feuer durchqueren. In der *Völsunga Saga* und in der *Edda* ist die Lohe ein Blendwerk. Als Sigurdr sich ihr furchtlos nähert, ist sie verschwunden und nur ein Schildzaun steht da, durch den er geht. Er erblickt einen schlafenden Krieger in voller Rüstung. Sigurdr nimmt ihm den Helm ab und sieht, dass es eine Frau ist, dann löst er die Brünne mit seinem Schwert und erweckt die Frau, die den Tag und Sigurdr grüßt: „Heil dir, Tag! Heil dir, Sohn des Tages!“ In beiden Texten wird sie als Walküre dargestellt, als kämpfende Jungfrau, die von Oðinn auf die Schlachtfelder ausgesandt wird, um die toten Krieger aufzulesen und nach Valhöll (Wagners Walhall) zu bringen. Eines Tages gehorchte sie Oðinn nicht: in einem Kampf zwischen zwei Königen tötete sie den, dem Oðinn den Sieg versprochen hatte. Erzürnt über ihren Ungehorsam stach Oðinn sie mit dem Schlafdorn (Dornröschenmotiv) und verhängte über sie folgende Strafe: Sie solle nicht mehr Walküre, sondern eine einfache Sterbliche sein und den Mann heiraten, der sie wecke. Da legt sie das Gelübde ab, dass sie nur den Mann heiraten werde, der sich nicht fürchte. Brynhildr/ Sigrdrifa erteilt Sigurdr Ratschläge, bringt ihm die Runenkunde und die Weisheit bei. Beide verloben sich und schwören einander Treue. Sie versprechen einander die Ehe, aber geben sich der Liebe nicht hin.

In der *Thiðriks Saga af Bern* reitet Sigurdr, nachdem er Mimir getötet hat, zu Brühilds Burg, in die er gewaltsam eindringt, wobei er alle Dienstleute umbringt. Brühild enthüllt dem Helden, der seine Abkunft nicht kennt, den Namen seiner Eltern und sie schenkt ihm das Ross Grane, von dem Mimir berichtet hatte und das er allein zähmen kann (Alexander- und Bukephalosmotiv). Im Gegensatz zur *Völsunga Saga* und zur *Edda* gibt es in der *Thiðriks Saga af Bern* keine Vorverlobung und keine Eide. Sobald Sigurdr den Hengst gebändigt hat, reitet er davon.

1.1.3. Sigurdrs und Gunnars Heirat: Die Brünhildsage

Die wichtigsten Texte, die diese Episode ganz oder zum Teil behandeln, sind die *Völsunga Saga* und ein lückenhaftes Lied der *Edda*, *das alte Sigurdlied*, sowie die *Thiðriks Saga af Bern*, die weitgehend mit dem *Nibelungenlied* übereinstimmt.

Völsunga Saga und das alte Sigurdlied

Sigurdr zieht auf Abenteuer aus, verspricht aber Brynhildr, zurückzukommen und schenkt ihr einen goldenen Ring. Sein Schicksal führt ihn an den Rhein; an König Gjúkis Hof. Gjúki hat drei Söhne, Gunnarr, Högni und Gutthormr (die Snorri Sturluson die „Niflungar“ nennt) und eine Tochter, Gudrún. Seine Gattin, Grimhildr, ist zauberkundig. Sigurdr stellt sich vor und Gjúki heißt ihn willkommen: er lädt ihn ein, an seinem Hof zu verweilen. Grimhildr, die sieht, wie sehr Sigurdr Brynhildr liebt, möchte, dass Sigurdr bei ihnen bleibt und Gudrún heiratet, denn er wäre eine große Stütze des Königshauses. Deshalb reicht sie ihm einen Trank des Vergessens: er vergisst seine Verlobung mit Brynhildr und die Eide, die er geschworen hat. Statt seiner Verlobten ehelicht er Gudrún und schließt mit deren Brüdern Blutsbrüderschaft, was für die Handlung bestimmend sein wird: Sigurdr kann als Opfer des Freundschaftsschwures gelten, denn der unerbittliche Mechanismus der Rache wird in Gang kommen.

Mehrere Jahre später beschließt Gunnarr um Brynhildr zu werben, die Sigurdr vergessen hat. Sigurdr nimmt an der Reise teil. Gunnarrs Ross scheut sich vor der Lohe und das Sigurdrs will ihn nicht tragen. So muss Sigurdr mit Gunnarr die Gestalt tauschen, wie es Grimhildr den beiden Männern beigebracht hat (an diesem Punkt der Handlung beginnt *das alte Sigurdlied*), und Sigurdr dringt durch den Flammenwall zu Brynhildr vor: in beiden Texten ist dieser Ritt die Werbeprobe. Drei Nächte lang weilt Sigurdr bei ihr und sie teilen *ein* Lager, aber er legt sein blankes Schwert Gramr zwischen sich und die Frau. In der *Völsunga Saga* und dem *alten Sigurdlied*, sowie im *Jüngeren Sigurdlied* teilt Sigurdr *das keusche Beilager* mit Brynhildr. Sigurdr nimmt ihr dann den Ring, den er ihr gegeben hat und der aus Andvaris Hort entnommen wurde (später gibt er ihn Gudrún), und gibt ihr einen anderen Ring, der aus Fáfnirs Hort stammt. Dann durchreitet er wieder das Feuer, kommt zu seinen Gefährten und tauscht wieder mit Gunnarr die Gestalt. Gunnarr heiratet Brynhildr, die Sigurdr immer noch für ihren prädestinierten Ehegatten hält. Kaum ist die Ehe geschlossen, erinnert sich Sigurdr an die Eide, die er mit Brynhildr getauscht hatte. Er lässt jedoch nichts davon verlauten.

Eines Tages streiten Brynhildr und Gudrún beim Baden im Fluss über den Vorrang ihrer Gatten. Gudrún enthüllt Brynhildr, dass Sigurdr es war, der die Lohe durchritten und ihr Lager geteilt habe, und sie beweist es mit dem Ring. Der Betrug wird offenbar. Daraufhin fordert die von Eifersucht geplagte und in ihrer Ehre gekränkte Brynhildr von Gunnarr Sigurdrs Tod. Gutthormr, Gunnarrs Bruder, erschlägt den Helden im Schlaf und wird vom sterbenden Sigurdr getötet (im *alten Sigurdlied* wird er außerhalb des Hauses ermordet). Dann bricht Brynhildrs Liebe zu Sigurdr erneut hervor: sie bezichtigt Gunnarr des Meineids (er hatte ja mit Sigurdr Blutbrüderschaft geschworen), verrät ihm, dass Sigurdr sie niemals berührt habe und beschließt, mit ihm zu sterben: sie besteigt den Scheiterhaufen, auf dem Sigurdrs Leiche verbrannt werden soll.

Thiðriks Saga af Bern

Nachdem er die Hand Grimhildrs, der Schwester Gunnarrs, des Königs der Niflungar, und die Hälfte des Königreiches erhalten hat, bringt Sigurdr seinen Schwager auf den Gedanken, Brynhildr zu heiraten, eine Frau, deren Tugenden er lobt, und er führt ihn zur Burg, wo sie lebt, und wirbt für Gunnarr um ihre Hand. Es gibt in der *Saga* keine Freierprobe und Sigurdr muss Brynhildr die Jungfräulichkeit nehmen, um sie in der Hochzeitsnacht zu bändigen. Einige Jahre vergehen. Es kommt zum Streit zwischen Brynhildr und Grimhildr: diese enthüllt Gunnarrs Ehefrau den Betrug und Brynhildr bittet Gunnarr, sie zu rächen. Auf einer Jagd, wird Sigurdr im Wald von Högni zwischen beiden Schulterblättern erstochen, während er an einer Quelle trinkt.

In der nordischen Tradition erscheint Sigurdr als ein Haudegen, der außerhalb der Welt aufgezogen wurde, der Beziehungen hat mit der mythischen Welt, übermenschliche Fähigkeiten besitzt und der, sobald er in die Welt kommt, von andern manipuliert wird.

2. Das Nibelungenlied

Das Nibelungenlied ist in Deutschland der Prototyp des Heldenepos, den die späteren Dichter nachzuahmen versuchen, ohne ihn je zu erreichen. Es ist der erste Text, der die Nibelungensage auf dem Kontinent bekannt macht.

Siegfried tritt nur im ersten Teil des *Nibelungenliedes* auf, der folgenden Titel tragen könnte: „Kriemhilds Liebe und Leid; die Hochzeit mit Siegfried; Siegfrieds Tod“.

2.1. Das Nibelungenlied und die nordische Tradition

Das Nibelungenlied weiß nichts von einer ersten Begegnung zwischen Sîvrit und Brunhild, obwohl zahlreiche Details zeigen, dass sich unter der Erzählung des NL-Dichters eine Erzählung verbirgt, in der Sîvrit Brunhild schon begegnet war, in der wie in der *Völsungasaga* und in den Heldenliedern der *Edda* Sîvrit Brunhild schon begegnet und ihr vorherbestimmter Gemahl war:

- Sîvrit kennt die Gefahren, denen sich der, der um Brunhilds Liebe wirbt, aussetzt (330);
- er kennt auch den Weg, der zu ihr hinführt (378);
- er weiß um die Sitten und Gebräuche an Brunhilds Hof (406);
- Hagen weist darauf hin, daß er über alles, was mit Brunhild in Beziehung steht, Bescheid weiß (331);
- als Sîvrit und seine Gefährten in Isenstein ankommen, erkennt er Brunhilde am Fenster (393);
- ihn grüßt Brunhild als ersten (419), denn sie sieht in ihn denjenigen, der um ihre Liebe werben wird (416);
- er ist der einzige, dessen Namen sie kennt (419) und ihre Gespielinnen erkennen ihn von weitem (411).

Dies weist darauf hin, dass der NL-Dichter seinen Text verändert hat, um ihn zu rationalisieren: er lässt die märchenhaften, mythischen Details aus, die nicht für die Handlung notwendig sind.

Einige Beispiele:

1. So wie Brunhild humanisiert wurde und keine Walküre mehr ist, sondern eine höfische Herrscherin über ein reiches Land, wurde die mythische Kindheit Sîvrits gerstrichen. Die letzte Spur der mythischen Ebene ist die Herausforderung Gunthers durch Sîvrit in der 3. Aventure. Der Nibelungendichter spielt jedoch auf den für die Handlung notwendigen mythischen Stoff an zwei Stellen seines Epos an:

- in der dritten Aventure und zwar in der Schilderung Hagens, der die wesentlichen Auskünfte über die Eroberung des sagenhaften Schatzes durch Sîvrit und seinen Kampf mit dem Drachen gibt (Str.86-100),

- dann in der 15. Aventure, in der man durch Kriemhild ein Detail erfährt, das Hagen nicht enthüllt hat, und zwar an welcher Stelle Sîvrits Körpers verwundbar ist (Str.899-902).

Was letztere Stelle betrifft, so hat man wohl allen Grund anzunehmen, daß der Nibelungendichter bestrebt war, das Geheimnis Sîvrits durch die durch ihre Liebe verblendete Kriemhild verraten zu lassen, um aus ihr eine Mitschuldige am Mord des Gatten zu machen: sie wird es sich nie verzeihen, genauso wie sie Hagen nie verzeihen wird, ihr Vertrauen mißbraucht zu haben, ein Vergehen, das ihren Rachedurst rechtfertigt. Der Dichter hätte also absichtlich diesen entscheidenden Punkt im Bericht Hagens weggelassen, um den Haß jener, die von nun an die Zügel der Handlung in der Hand hält, als unerbittlich hinzustellen.

2. Der Hort ist nicht mehr der verfluchte Hort, wovon in der *Völsungasaga* die Rede ist. Er ist das Erbe des Königs Nibelunc; nachdem Sîvrit den Schiedsrichter im Streit zwischen Schilbunc und Nibelunc gespielt hat, tötet er in Notwehr die beiden Männer und kommt somit in Besitz des Hortes.

3. Sîvrit ist nicht mehr – wie in der *Völsungasaga* – der auserwählte Held, vor dem die seine zukünftige Gattin beschützenden Flammen zurückweichen. Er ist nur mehr ein Recke mit großer

Kraft, eine Art Kraftmensch (gewiß fügt die Tarnkappe seiner eigenen Kraft noch die von 12 Männern hinzu).

4. Der Nibelungendichter führt die Wettkämpfe ein, denen der Freier Brunhildes sich unterziehen muß.

5. Der Dichter des NLs streicht die Verlobung Brunhildes mit Sîvrit, um einen mythischen Zug auszumerzen: das veranlaßt ihn dazu, andere Veränderungen vorzunehmen. Schließlich ist der Hauptgrund für den Mord an Sîvrit nicht mehr Trotz und Eifersucht wie in der *Völsungasaga*, auch nicht das Verbrechen der Majestätsbeleidigung, sondern ein politischer Grund, zu dem die Macht des Helden, die auf dem Nibelungenhort beruht, Anlaß gibt, ein dynastischer Grund also, und die Initiative ergreift Hagen. Dieser Beweggrund ist unterschwellig in der Vorlage zu finden. Allein der Verfasser des NLs hat daraus den Hauptgrund für Sîvrits Tod gemacht. Dieses Motiv durchzieht das ganze Werk: indem er Sîvrit aus der Welt schafft, handelt Hagen aus Treue zur Dynastie der Burgundenkönige, da jener eine Gefahr für sie darstellte.

Der Dichter gestaltet die ältere Schilderung in höfischer Sicht neu und diese Neugestaltung kann nur durch eine kritische interne Analyse auf Grund der internen Widersprüchlichkeiten, die sie nach sich zieht, freigelegt werden. Die Rationalisierungstendenz teilt der Nibelungendichter mit den deutschen Bearbeitern französischer Romane. Doch ist hier das Problem komplizierter, denn im Gegensatz zu Chrétiens Romanen entspricht der Erzählrahmen nicht dem Typus der Artusromane. Es geht hier um den Übergang vom Spielmannsepos, das sich an ein undifferenziertes Publikum richtet, das sich für die Erzählung, das Märchen, das Wunderbare interessiert (das Ur-NL könnte z.B. mit *Herzog Ernst* verglichen werden), zum höfischen Epos, zum Roman. Und hier zwingt die Aufhöfischung den Dichter, Stellung zu nehmen zu den älteren Elementen.

2.2. Die Gestalt des Siegfried im *Nibelungenlied* oder die Dekonstruktion eines höfischen Helden

Als erstes betonen wir, dass Siegfried im NL als vollkommener Ritter dargestellt wird. In der 2. Aventure wird Siegfried zum Musterbeispiel, dem es nachzueifern gilt, erhoben. Er tritt in der 4. Aventure als außerordentlicher Recke, als außergewöhnlich tapferer Heerführer auf. Dieses Abenteuer spielt aber auch eine andere Rolle, es dient nämlich dazu, die Liebesgeschichte Siegfrieds und Kriemhilds einzuleiten: durch seine Heldentaten zieht Siegfried die Aufmerksamkeit der jungen Königstochter, die zu erobern er gekommen war, auf sich: er erweckt das Interesse Kriemhildes und dann ihre Liebe.

Siegfried wird dann zum vollkommenen höfischen Liebhaber, dem Vorkämpfer der "fine amor", der "Hohen Minne", der gleich dem Tristrant Eilharts den Eid leistet, jeder Bitte, die im Namen seiner Dame vorgebracht wird, Folge zu leisten (Str.536). Der NL-Dichter fügt in die Erzählung eine Idylle zwischen den beiden jungen Menschen, die ganz und gar an die Tradition der höfischen Minne, des Minnedienstes anknüpft, ein. Der mit allen höfischen Tugenden ausgestattete Siegfried wartet ein Jahr lang, bis er seine ferne Geliebte sehen kann. Daß Siegfried, der die burgundische Dynastie vollkommen unterworfen hat, zum schmachenden Liebhaber wird und es nicht bewirken kann, die, die er liebt – die unerreichbare Frau -, vor Jahresfrist zu sehen, widerspricht jeder Wahrscheinlichkeit und dient wohl nur dazu, die Liebe Siegfrieds als Paradigma hinzustellen. Die Waffentaten, die er gegen die Dänen und die Sachsen vollbracht hat, können als *Liebesdienst* bewertet werden: Siegfried verdient die Liebe Kriemhilds. Sogar die Hilfe, die der Held Gunther leistet, um Brunhilde zu erobern, ist als Minnedienst zu interpretieren. In der Hochzeitsnacht bezeichnet der Dichter die Liebe Siegfrieds und Kriemhildes als "edele minne": die Liebe der beiden ist wirklich eine beispielhafte Liebe, die die Individualität und die Persönlichkeit des andern achtet.

Andererseits wird es wahrhaftig nicht in den Text hineininterpretiert, wenn man behauptet, daß Sîvrit aus Liebe zu Kriemhild zum Lehnsman Gunthers wird, somit Brunhild täuscht und betrügt und sich immer mehr in ein Geflecht aus Lüge, Trug und Schuld verstrickt. Die Folgen dieses Betrugs übersieht er aber vollkommen, und jedoch ist es klar, dass er damit sein Schicksal besiegelt und seinen Tod herbeigezogen hat. Minne, die höfische Liebe, ist eine äußerst gefährliche Macht, die zu den

unüberlegtesten Taten veranlasst. Zum Beispiel: als Brunhild in Isenstein Sîvrit als ersten begrüsst, da stellt der Held Gunther als seinen Herrn und als den Werber vor; er selbst gibt sich der Abmachung gemäß für Gunthers Dienstmann aus, also für einen unfreien Vasallen. Die Handschrift C 386, 3 präzisiert sogar, dass Sîvrit schon jetzt sagt, er sei Gunthers *eigen man*, eine Lüge, die im Königinnenstreit unheilvolle Folgen haben wird. Sîvrit hält Gunther ebenfalls den Steigbügel, was den Höhepunkt der Demütigung für einen Fürstensohn darstellt! Ein Vorgang, den sich Brunhilds Zofen nicht entgehen lassen, von den Fenstern der Burg aus zu beobachten. In der Strophe 388 bezeichnet Sîvrit selbst diese vorgetäuschte Vasallität als Dientsleistung für Kriemhild. Daraufhin hilft Sîvrit Gunther bei den Kampfspielen: Gunther braucht nur die Kampfgebärden zu vollziehen, Sîvrit verrichtet die Taten (454). Brunhild erklärt sich für besiegt, und nun folgt sie Gunther nach Worms. Aber im Unterbewusstsein ahnt sie irgendwie, dass Betrug bei der Werbung im Spiele war; deshalb weigert sie sich Gunther auf der Fahrt und auch in der Hochzeitsnacht. Abermals springt Sîvrit ein, um die rebellische Jungfrau zu bändigen, und der Held, der aus Treue zu Gunther eine weitere Schuld begangen hat, die die Katastrophe herbeiführen wird, erachtet diese Hilfe wiederum als Dienst Gunther gegenüber (“daz ich dir gerne diene, so twinge ich dir din wip”, 654,3): der Begriff des vassalischen Dienstes wird somit pervertiert. Eine ethische Leitvorstellung feudaler Ideologie wird als seine furchtbare Gefährdung des Menschen und der gesamten Gesellschaft dargestellt und angeprangert: feudalethische Ideale konsequent durchzuführen, stürzt in die Katastrophe. Dann ist Sîvrit so dumm oder von seiner Liebe zu Kriemhild dermaßen geblendet, dass er seiner Frau, zu der er ein übertriebenes Vertrauen hat, den Gürtel und den Ring, die er Brunhild geraubt hatte, schenkt (680,3), und der Dichter fügt schon vorgreifend hinzu, Sîvrit werde das später büßen müssen: dass er Kriemhild die Zeichen seines Sieges über Brunhild überreicht, wird seinen Untergang besiegeln. Er selbst wird dadurch den unseligen Verlauf des Königinnenstreites verschulden, denn er selbst löst den Skandal aus, der der Höhepunkt von diesem Zank ist: “Suln wir gouche ziehen?” sprach aber Hagen” (“Sollen wir Bastarde aufziehen?” sagte wiederum Hagen, 867,1). Der Mord an Sîvrit wird zur Staatsaffäre, und Hagen macht Sîvrits Tod zum Imperativ der burgundischen Staatsräson.

Zum Schluss soll folgendes herausgestrichen werden!

Der Nibelungendichter, der seinen Stoff rationalisieren, modernisieren und aufhöfischen wollte und aus diesem Grund die Ehe von Sîvrit und Kriemhild rechtfertigen wollte, hat, um seinem höfischen Publikum zu gefallen, Sîvrits Werbung um Kriemhild zu einer Minnedichtung, zu einem Minneroman umgestaltet, der von dem trockenen Bericht der Thidrekssaga absticht (S. 266), und Sîvrit zum Musterritter und -liebhaber erhoben. Gleichzeitig aber wollte unser Dichter, wie sein Zeitgenosse Wolfram von Eschenbach in seinem *Parzival*, gegen die Ekzesse in der Liebe, auch der ehelichen, zu Felde ziehen. Um Kriemhild zu gewinnen, aus Liebe zu ihr also, begeht Sîvrit eine Reihe von nicht wiedergutzumachenden schwerwiegenden Fehlern Brunhild gegenüber: die – übertriebene – Minne zu Kriemhild ist es, die ihn nun an Brunhild schuldig werden lässt. Der Betrug, den Sîvrit aus Liebe zu Kriemhild an Brunhild verübt hat, wird unheilvolle Folgen haben: er wird Sîvrit zum Tode führen und ganze Völker in den Untergang stürzen. So ist es klar, dass der Nibelungendichter, der zeigt, dass die Werte der höfischen Gesellschaft wie *êre* und *triuwe* entweder pervertiert oder zum Untergang dieser Gesellschaft führen können, wenn sie zu strikt eingehalten werden, gleichfalls Kritik üben wollte an der Minne-Idee der damaligen höfischen Literatur, zeigt sie sich doch als eine den Menschen und die Gesellschaft gefährdende Macht, die die gesamte Menschheit in den Abgrund einer entsetzlichen Katastrophe führt.

Takayuki Yokota-Murakami
(Osaka University)

Contemporary Fiction as Projection on Epic Motifs: The Cases of *The Tale of Heike*

Margarette Drabble's *Oxford Companion to English Literature* defines "epic" as "a poem that celebrates in the form of a continuous narrative the achievements of one or more heroic personages of history or tradition" (321) and lists as representative works *Illiad*, *Aeneid*, *Chanson de Roland*, *Paradise Lost*, etc.

Drabble does not refer to non-Western works other than *Mahabharata* and *Ramayana* from Hindu literature, but her definition, apparently, may be applicable to any literary tradition, including the Japanese. An obvious candidate would be *The Tale of Heike*. The earlier versions of the Tale appeared in 1191. It is "[t]he story of the struggles between [the early samurai clans] the Heike and the Genji houses is told in many versions and has a cultural familiarity for Japanese like the Bible or Arthurian legend. Its subject is the downfall of the Heike, along with events leading up to that, or following from it" (Miner 162).

The story became popular through the mouth of *biwa hoshi*, who were itinerant lute priests and singers. The opening phrase in verse: "*gion shoja no kane no oto, shogyo mujo no hibiki ari; sarasoju no hana no iro, jousha hissui no kotowari o arawasu* (The sound of the Gion Shoja bells echoes the impermanence of all things; the color of the *sala* flowers reveals the truth that the prosperous must decline)" (23) is known to every Japanese by heart. Other episodes from the tale are also highly familiar to them. For instance, there is a series of stories in the Tale, describing the fabulous, and eventually, tragic destiny of the general of the Genji clan, Minamoto Yoshitsune, a historical figure. In one chapters, the general Yoshitsune attacks a huge army of the Heike clan. Planning a surprise attack from the hill-top, he scouts in the attack point with his colleagues who attempt to dissuade him, telling him that the hill is too steep to climb down on horseback. Yoshitsune sees a deer climb down and asks a local hunter about it who answers that deer occasionally climb down the hill. Yoshitsune declares that "if a deer can climb down, so can a horse" and orders an attack which leads to a glorious victory. (Image) In the final battle against the Heike, Yoshitsune jumps one boat from another, repeating it eight times, evading attack of a rival general. Yoshitsune, however, soon loses favor of his elder brother, the future Shogun, who decides to get rid of him. Fleeing to the North, Yoshitsune is finally killed, but in defense of him, Yoshitsune's best soldier, the monk Benkei, dies, receiving arrow-shots, but still standing.

The episodes of Yoshitsune are reminiscent of the destinies of Achilles, Hector, Siegfried, and so on, encouraging the interpretation that *The Tale of Heike* is in fact a kind of epic. As if to fortify this interpretation, a distinguished comparatist, Teruo Sato, published a multi-volume study, entitled: *Chanson de Roland and The Tale of Heike*.

As the stories of *The Tale of Heike* are so familiar to the Japanese readership, they have been adapted into a variety of texts: *waka* poems, Noh plays, Kabuki and Bunraku performances, etc. Many contemporary novelists have used the motifs in their works as well. Today I will just mention and analyze one instance, a short story by a modern writer, Akutagawa Ryunosuke, entitled: *Shunkan*.

Shunkan is a priest who plans a plot against the Heike clan together with a few revolting samurai generals. The plot is disclosed before it is put to practice and Shunkan and the group are exiled to a remote island. They live there, dreaming of the return to the capital and in a few years a mission from Kyoto arrives with permission to take back the samurai generals. Shunkan, the priest alone, however,

is not granted return. With remorse and spite, Shunkan waved back the ship leaving for the capital and cries out his curse.

Now, Akutagawa Ryunosuke's short story relates of a visit of Shunkan, the priest's disciple to the island after the mission left. The disciple is the narrator of the story who tells the readers that the story described by biwa-hoshi singers is fiction. The disciple narrates that the master was living content with life in the island although his real thoughts and ideas, concerning which the disciple makes a number of interpretative comments, were, probably, quite complex.

Obviously, one remarkable feature of the modern adaptation is the psychologization of the historical or epical events. In the epic, the emotions of the heroes are simple and transparent; in a modern novel they are complex, ambiguous, contradictory and inflexible. In *The Tale of Heike* Shunkan, the priest, is merely spiteful. In Akutagawa Ryunosuke's novel, he is both calm and vexed. This contrast endorses the comparison that Mikhail Bakhtin makes between an epic which is finalized and a novel which is dynamic and open-ended. Bakhtin, therefore, valorizes the latter over the former, but I will refrain from such a value-judgment for now.

Furthermore, Akutagawa's novel features and dwells on a very restricted scene from the grand epic story of the original. This aspect of the modern novel is both a feature of modernity and the Japanese locality, I assume. In almost all cases of the adaptation of epics into modern novels, the Japanese writers have written *short* stories, focusing on a passing, short-lived experience within a grand narrative. The Japanese literature has known no *Ulysses* of James Joyce. Or, for that matter, it knows no *War and Peace*, *Moby Dick*, and *All Is Quite on the Western Front*.

This may have to do with the fact, according to a comparatist, Earl Miner, that the Japanese poetics is based on the lyric, not the dramatic (*Comparative Poetics* 84-87 et passim).

Critical terms are paradigm-specific. True multiculturalism, if there is one, should take that into consideration. Too often comparative projects that claim to be multiculturalistic is a projection of critical conceptions, more often than not Western, onto other paradigms. To find "the dramatic" in the traditions of World Literature has been considered as a pluralistic, politically correct, gesture. This conviction is open to question. A professor emeritus in comparative literature at Indiana University and the former President of the International Comparative Literature Association, Eugene Eoyang criticizes Eurocentrism of comparative literary study, stating that, if we can speak of a "tragedy" in Chinese literature, we should be able to speak of a "shih-ching," a certain form of poetry in China (11), in the Western literary tradition, which has, however, never taken place. We will remember the definition of epic by Margaret Drabble: "a poem that celebrates in the form of a continuous narrative the achievements of one or more *heroic* personages of history or tradition." This sounds like a highly neutral definition that can be applied to any literary tradition of the World. But one has to be reminded that the concept of a "hero" (of a literary work) has derived from the classical Greek culture, that is to say, it is a culturally specific concept which may or may not be non-problematically applied to other cultural traditions. It stands to reason that Earl Miner argues: "Whether this story of *heroism* [that is, *The Tale of Heike*] is an epic is a question whose counterpart is whether or not there is in other literatures a *monogatari* [a Japanese tale] of this kind" (*Princeton Companion to Classical Japanese Literature* 163).

I have recently had an honor of translating Prof. Kamall Abdulla's novel, *The Magicians' Valley*, which is supposed to rely on the Turkish epic, *Dede Korkt* in a complex manner. We have, however, to be cautious in judging *Dede Korkt* an epic or not. The "true" multiculturalism for understanding other cultures should start from the relativization and radical reconsideration of critical terms and this is the case when studying the relationship between epic and novel, too.

Bibliography

- Abudulla, Kamall. *Dolina kudesnikov (The Magicians' Valley)*. Tr. Liudmila Lavrova. St. Petersburg: Zlatoust, 2010.
- Akutagawa, Ryunosuke. *Shunkan. Aru hi no Oishi Kuranosuke hoka juni hen*. Tokyo: Iwanami shoten, 1991.
- Bakhtin, Mikhail. *Epos i roman*. St. Petersburg: Azbuka, 2000.
- Drabble, Margaret, ed. *Oxford Companion to English Literature*. Oxford, UK: Oxford UP, 1985.
- Eoyang, Eugene. "Polar Paradigms in Poetics: Chinese and Western Literary Premises." *Comparative Literature East West: Tradition and Trends*. Eds. Cornelia N. Moore and Raymond A. Moody. Honolulu: The College of Languages, Linguistics and Literature, U of Hawaii, 1989.
- Heike monogatari (The Tale of Heike)*. Tr. Helen Craig McCullough. Stanford, CA: Stanford UP, 1988.
- Miner, Earl et al., eds. *Princeton Companion to Classical Japanese Literature*. Princeton, NJ: 1985.
- Ibid. *Comparative Poetics*. Princeton, NJ: Princeton UP, 1990).
- Yokota-Murakaimi, Takayuki. *Don Juan East/West: On the Problematics of Comparative Literature*. Albany: SUNY P, 1998.

Рахилья Гейбуллаева

Профессор Бакинского славянского университета,
член-корреспондент Института истории европейской культуры, Франция

Культурологические наслоения имени Уруз в эпосе "Книга Деде Коркута"

Введение

Предложенная работа о культурной матрице имени Уруз появилась по ходу исследования культурологических слоев праздников весеннего равноденствия, в частности, при обнаружении параллелей между Иусусом и Гором, который стал предметом академических исследований, среди которых особняком стоит работа британского поэта и исследователя древнего Египта Дж. Массе, написанная в 1883 году.¹ Эта деталь позволила обозначить цепочку к мифологическому прошлому египетского *Herr-us (Гор)*, зороастрийского *Ахуры Мазды (Ормузд)*, индуистского *Вишну* и более современного нартского *Урузмаг*. Та же линия обнаружила другую семантико-сравнительную линию, хотя и с противоположной *subversion* семантикой, в тексте самого эпоса, связанного с образом Аруз.

Итак, задачей данной работы является **реконструкция образа Уруз из эпоса огузского эпоса КДГ**. На наш взгляд, два вопроса, связанные с темой, представляются существенными для этой цели:

Какие предыдущие наслоения стоят за образом Уруз – есть ли параллели между античными упомянутыми выше названными героями и относительно молодым героем из эпоса XVI века?

Есть ли параллели в самом тексте эпоса КДГ?

Для реконструкции предыдущих культурологических слоев образа Уруз нами использованы :

- **лингвистический** аспект, а именно *алфавит абджат*;
- **функциональный** аспект – *статус принца; борьба за этот же статус; авторизованный (классический) и неавторизованный (фольклорный) тексты, посвященные походам правителей (Ич Огуз / Дыш Огуз)*;
- **мифо-семантический** аспект – сравнение богов или *образов высшего/ божественного ранга*. В данном случае *Одноглазый Ног-ус (Гор Хор), Udjat) – Вишну*;

Лингвистический аспект или абджат корень rz [rth]

Каждая современная нация безусловно имеет предков, которые на глубинных этапах истории входили в различные сообщества (community), мигрировали во время военных походов и нападений, или в поисках лучшей доли; подвергались влиянию разных ипостасей культуры соседних (*территориальный принцип*), даже враждующих племен. Многие из современных народов Европы в современном доминирующем контенте сформировались к концу эпохи средневековья, толчком к которому служил, среди прочих, перевод христианской Библии на языки народностей Европы (*языковой принцип*). Тем самым устанавливается единый письменный язык, у современных народов Европы, объединяющий родственные диалекты, близкие по географии или в составе стран. Основой письменности же служит алфавит, а основой письменности современных европейских народов служил греческий алфавит, который сам появился на основе древнего финикийского константного письма. Неслучайно можно

¹ Gerald Massey (with an Introduction by Charles Finch). *The Natural Genesis or second part of the beginnings*. Black Classic Press (reissued 1998). В дальнейшем одной из значительных работ по сравнению индийской, египетской и семитско-библейской мифологии является работа Е. Блаватской «Isis Unveiled. A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology».

Итак, современные народы в глубине веков и тысячелетий имели *общую систему письма* (*writing system*), как например, абджат (базирующийся на согласных – consonant) силлабический (буква равна слогу, где каждый слог имеет соответствующий гласный звук), семантико-фонетический (буква, звук и обозначаемый предмет или идея совпадают, как в иероглифах, идеограммах, пиктограммах). Это правило позволяет найти linkage, связующее звено от имен **Уруз и Аруз** (оба с корнем rz [rth]) в рамках эпоса, а также их трансформацию и общность с современными именами и традициями, идентифицируемыми как мусульманские – **Новруз, Рза, Орудж, ураза** (арабское [th] «дз», которое отразилось в переводе на русский таких слов как *(аруд (з), рамад(з)ан, орудж (з))*. В этот ряд можно добавить и европейские деривации, отраженные в словах *rhizób* (древнегреческий – причина, способствующая росту корня, аналогично азербайджанскому ruzu-bəgəkət) и *rise* (английский -расти) и *rice* (английский -рис); *rhizōma* (древнегреческий – множество корней, корневище) и *rhizome* (английский – корневище).¹ Таким образом можно восстановить предыдущие словесные пласты в «биографии» слова Уруз. Одновременно этот ряд может послужить примером, как меняются *маршруты слов*, объединяя современные столь далекие на первый взгляд слова как рис, корень, плодородие, пост, о которых говорили. Их фонетические совпадения в различных языках на современном этапе уже воспринимается как омофоны.

Мифо-семиотический кластер или семиорическая интерзона Одноглазый: Уруз/ Аруз-Тепегез/ Единый глаз Вишну (лотос) / греческие Циклопы, научившие ремеслам и ковке железа / древнеегипетский Одноглазый Hor-us (с выбитым глазом) и его проекция Уджат или глаз-оберег, популярный в той же георафияческой зоне, и таким образом мусульманском мире/ Третий глаз (внутренний глаз или глаз просветленного) – Pineal Eye или эпифиз мозга (pineal gland)

В лингвистике названия предполагаемой праматери языковых групп начинаются с термина *Proto*, например, Proto-Indo-European (PIE), Proto-German, Proto-Turkish, список можно продолжить. Аналогичную праматерь можно обнаружить не только в языке, но и в других аспектах культур. В том числе в биографии слов, символов, традиций, образов. Продолжая этот сравнительный метод – на уровне абджат алфавит, можно определить более древние репрезентации аспектов образа Уруз. Эта попытка определить предыдущие исторические или культурологические пласты до формирования средневекового сплава имен **Уруз и Аруз?** (medieval identity) обнаружила еще одну “интерзону” (interleaks?), которая объединяет мифы древнего Египта и Индии, соответственно **Herr-us и Ahura Mazda (Ormuzd)** (абджат корень rz [rth]), а также более **Урузмак** из более молодого и географического текста – северокавказского Нартского эпоса, если исходить из правила мифа и фольклора о возможной трансформации образов.

Это предположение, в частности linkage между *Herr-us* может быть восстановлен через вторую матрицу – есть ли в тексте эпоса КДГ семиотический аналог Уруза, если исходить из известного правила в мифологии и фольклоре о возможной трансформации образов².

Ключевые моменты, связанные матрицей Уруз в тексте эпоса КДК или Уруз в генеалогическом семиотическом дереве

Итак, прежде чем говорить об этом мифологическом родстве, обратимся к тексту самого эпоса КДГ и выделим три главных момента.

¹ Кстати, слово *rhizome* популяризовалось после того, как в качестве термина был введен в литературоведческий оборот французскими учеными Gilles Deleuze Felix Guattari в проекте «Капитализм и шизофрения» в 1972-1980 гг.). Эта концепция, наряду с аналогичными другими, как геном, мем, ностратика, подтверждает *неиерархическую* или горизонтальную репрезентацию данных. См.: Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. – Bloomsbury Publishing, 1988.

² Вкратце приведем пример слова и семиотики слова *люцифер*, который из арамейского текста был переводом слова *heylel*, как носитель света (light – свет, fer – передать), и словом нарицательным, которое со временем превратилось в имя собственное в латинском тексте христианской Библии. Смысл тот же, но падший ангел-херувим.

Как определяется из текста эпоса КДГ¹, здесь речь идет об огузах, т.е. повествуется о периоде, когда огузские племена отпочковались от своих ближайших предков тюрков, а местом проживания можно с легкостью вычислить Кавказ. В тексте эпоса КДГ, повествующего о походах кавказских огузов, представлены элементы культуры и истории как среднеазиатские, так и не только *Кавказа*, но и *Передней Азии*, о которых мы говорили в предыдущих работах по КДГ, как и о предполагаемых исторических аналогах войн между двумя огузскими народами.

Этот момент позволяет определить *географию ближнюю и дальнюю*, конкретно подчеркивает присутствие в корнях **огузов из эпоса средне- и дальнеазиатских корней**.

После обратим внимание на еще важный момент, а именно: войны между *какими братскими народами европейского огузского государства* могут подразумевать борьбу *Внутренних (Ич) и Внешних (Дыш) огузов*² между лидером Внутренних Огузов Салур Казан ханом, отцом **Уруза** – по материнской линии *наследника* главного правителя обоих Огузов Баяндур хана, и лидером Внешних Огузов **Арузом, братом Салур Газана – дядей по отцу наследника Уруза**. Т.е. Аруз не имеет прямого родства с главным правителем, что и является основной причиной скрытой вражды между ними. В итоге Казан-хан нападает на Аруза ради мести на вождя Даш Огуза Аруза Бека: «Я сейчас покажу тебе, что такое предательство».

Этот момент позволяет выделить **статус Уруза crown-prince, законного наследника**. Он также важен как в обозначении *трансформации Уруз/ Аруз* (согласно абджату, одно и то же имя в древности). Это обстоятельство еще раз подтвердится в связи с самоописанием родителей Басата.

Итак, третий момент связан опять же с Арузом, точнее, с его мужественным сыном Басатом, который одолевает в трудной борьбе мифическое одноглазое существо **Тепегез** (в русском литературном переводе – *Одноглазый*, а точнее – *Глаз на темени*). В одном из 12 сказаний КДК описывается, как мифический персонаж *Тепегёз* – был убит огузским воином Басатом. О сходстве этого сюжета с поражением Полифема у Гомера написано достаточно много, и это естественно, потому что именно этот сюжет был впервые опубликован и представлен научному миру³.» Басат, хотя является сыном Аруз-бека, говорит, что его родителями были еще лев и дерево: «Послушайте, что сказал Басат Тепегёзу: / если хочешь узнать имя моей матери, – крепкое дерево! / Хочешь узнать имя отца – *король лев!* / хочнешь узнать мое имя – *сын Аруза Басат!*»⁴ Здесь ясно прослеживаются следы культа природы. Такая гибридность героя с космогоническим миром и обладание его необычной силой, тем самым его отличие от массы являются важной особенностью эпосов и выражением глубокой мифологической мысли. Но это уже другой аспект исследования.

Сюжет, связанный с *Тепегёзом* – его фея-мать, его сражение с сыном Аруза Басатом, как и сведения о первых огузах – упоминаются в произведении «Дюрери-тиджан» (Dürəri-tican) историка XIV в., огуза Абу Бекра бен Абдуллаха Айбека ад-Даваддари со ссылкой на древний письменный источник «Улу хан Ата битикчи».

Этот момент позволяет определить мифическое родство не только с верованиями древних тюрков с элементами природы (здесь природа-птица заменена деревом), но и с элементом зоморфности героя. **Гибридность со львом** сына Аруза – Басата, сразившего одноглазого, предполагает предыдущий более древний пласт – Аруз и есть лев. Этот семиотический аспект важен в понимании трансформации Уруз/ Аруз не только на уровне письменности (согласно

¹ Здесь и далее в тексте название эпоса КДГ.

² İç Ok (три стрелы) – в эпосе İç – внутренние огузы; к этой группе огузских племен относятся описанные в эпосе племена байандуров, печенегов и салуров; племя же байат относится к Boz Ok (распределение Махмуда Кашкари)

³ Н.Диз, М.Тəһмасиб, Ə.Сultanlı, Х.Кöроғлу, V.Bartold, V.Jirmunski, Ş.Сəмşidov, К.Аbdullayev, Q Kazımov və s.

⁴ *Kitabi – Dədə Qorqud*. əsil və sadələşdirilmiş mətnlər. Bakı “Öndər nəşriyyat”, 2004, s. 272

абджату одно и то же имя в древности), так и мифо-семиотическом, который допускает трансформацию позитивного к негативному или наоборот, но в рамках единой матрицы. Это, с одной стороны, *лев (в сочетании с ястребом)*, которым обозначался иероглиф *Horus*, crown-prince и сын Осириса из египетской мифологии, который Единоглазый из-за выбитого дядей (Сет) глаза за наследство.

Мифическое родство с древнеегипетским *Herr-us* (в русском варианте *Гор и Хор*¹), в современных языках имеют не мифические вариации *horuz* – петух (азерб.) и *horuz* (турецкое), что по всей вероятности связано с его иереоглифом.

Матрица Horus: crown-prince (сын высшего божества), полулев, отец-дев, одноглазый, колыбель

Прежде чем говорить о египетском-географическом родстве, обозначим главную семиотическую матрицу Одноглазый. С другой стороны, Тепегез не просто традиционно рассматриваемый *Единоглазый*, а с *Глазом на Темени*. А это уже семиотический элемент из Индийского субконтинента, связанный с Третьим глазом или Глазом просветления² (в индуизме – шестая чакра *ажна*), который связан также с эпифизом в мозге размером с глаз и по форме напоринает сосну (потому и *pineal gland*), посередине темени-лба, и который украшает обычно лоб Шивы. Негативность Тепегез – статус монстра есть трансформация позитивности Третьего глаза, также как и есть трансформация к негативности позитивного Единоглазого Гора-*Horus*.

Символ полулев встречается также в мотиве четвертой реинкарнации Вишну (второй бог из индийской триады) – Нарасима как полулев (лицом и когтями)/получеловек (телом). В этой реинкарнации Вишну убивает монстра, как Басат убивает монстра, просто монстром стал уже Тот, Кто с Глазом на Темени.

Убить Тепегеза можно выбив ему глаз, что и делает сын *Аруза*. Аруз в тексте эпоса не может по статусу соперничать с племянником Урузом, как и египетский Сет с племянником *Herr-us*. Этот аспект мифа здесь вплетен в мотив сражения сына Аруза с единоглазым Тепегезом, который монстр, т.е. негативный, в отличие как от древнеиндийского, так и древнеегипетского counterpart³. Возможно, это восходит к тому мотиву, что Сет перевоплощается в монстра и убивает своего брата – главного бога Осириса. Если египетский *Horus* иногда изображается в *колыбели*, то Тепегез из эпоса также изображается в колыбели, из которого быстро вырастает.

Эти аналоги по статусу позволяют добавить в известный сравнительный ряд Тепегез/древнегреческий Полифем и Циклоп также индийский (Вишну хоть и crown-prince, но второй из триады) и египетский (*Herr-us*) аналоги.

Следующий аспект касается сравнительной линии *Horus*. Оно, помимо изображения ястреба в профиль, по египетским иероглифам читается как [hr.w], как и по абджат алфавиту, и переводится как орел. Корень [hr] в греческом варианте приобретает *us*. А произношение соответствует *Hāru*, что переводится как сокол, соответственно иероглифу, но и который соответствует ведийскому гимну “Nare Rama, Nare Krishna”. Известно, что Кришна есть одна из реинкарнаций (первоплощений) Вишну. А корень Ра повторяется в имени бога солнца Ра из той же древнеегипетской мифологии, который позднее отождествлялся с *Horus*.

Еще одной деривацией от *Horus* можно считать семантический кластер *her-ur* (*Horus* *старший*, согласно Дж. Массе⁴), который в современном азербайджанском языке обозначает

¹ В тексте нами использован греческий вариант, который позволяет обозначить линию связи с огузским героем Урузом.

² Трансформацией этого же момента можно назвать

³ Counterpart – коллега, человек, находящийся на аналогичной должности или выполняющий сходную работу

⁴ «About Horus: Various ancient Egyptian statues and writings tell of Horus, (pronounced “hohr’-uhs”; a.k.a. Harseisis, Heru-sa-Aset (Horus, son of Isis), Heru-ur (Horus the elder), Hr, and Hrw»

достоинство (qür-ur, qür-gə-lən-mək), а в современном немецком языке уважительное обращение к мужчине (Herr), в тюркских языках свобода (*hürr*). Далее этот кластер восстанавливается следующим образом: в имени зороастрийского бога: **Ахура Мазда – Ахура [aHuRa]: Лорд (Хозяин)**, Мазда – мудрость. Он дал название персидской правящей династии Ормуздов. **Hürr** – свободный- им не может быть раб. Трансформация на современный немецкий – **Herr** – обращение как **господин**. **Herr-us** – Египетский «**Бог-принц**» (**Божий сын**), сын Осириса (Исириса).

Еще один семиотический слой, который можно предположить, исходя также от географического принципа. Он основан на семитской традиции: **Heru-** свобода (**hr** от *herut*), который напоминает исход или освобождение от рабства фараона; **herr** – обращение к мужчине у немцев, который восходит к станонемецкому **hero** –lord (хозяин; так же как и обращение к Иисусу) (Horus the elder), отсюда и слово **hero** –герой.

В этом контексте, принимая во внимание литературную традицию о том, что простые люди не могли стать героями- *hero*, можно предположить, что имя героя и есть *hero*, – *Ur-uz* – (*hero-us*), сына главного хана, а также учитывая закономерность чередования лабиализованных о/у, это имя не просто омофон, а дошедшая ко времени записи эпоса (XVI век) «Китаби Деде Горгуд» адаптация египетского Hor-us, сына бога Осириса.

Итак, в тексте эпоса КДК очевидны параллельные семантические наложения и их трансформации. Среди них особняком выделяется аналог- cognate- counterpart Уруза – Аруз Годжа, не только по абджау алфавиту и по статусу crown-prince (наследный принц). По вышеназванным деталям он является промежуточным образом между античными культурологическими паттернами и их средневековыми семиотическими вариантами.

Самым молодым в генеалогическом семиотическом дереве является Уруз.

Кластер Тепегез и лев в мировой культуре

В этом контексте интересно, казалось бы, не имеющее отношения к матрице Уруз – **семиотическая матрица Тепегез** из этого же эпоса. **Уруз** из эпоса –герой реального плана. Зато **Тепегез** такой же одноглазый, как египетский. Сюжет, связанный с одноглазым *Tenegeз*ом, выявляет еще одного героя – снова **Аруз** (он тоже Ормузд или Осирис?).

К спорам о заимствовании или оригинальности сюжета о Тепегезе на территории Малой и Передней Азии можно добавить сравнительный ряд из индийской мифологии, Вишну, который иногда изображался с одним глазом на лбу или сбоку головы в виде лотоса (Padma, символ мудрости). Не только в буддизме существует понимание *перевоплощения-реинкарнации* относительно буддизма, аналогичная ре-презентация как фазы жизни главного египетского бога Ра встречается и в других религиях, как например, в принятии различных имен одного и того же Бога. Одна из реинкарнаций бога предполагает форму полуволва и получеловека, и Вишну в этой реинкарнации убивает демона. Определенные промежуточные трансформации, которые нередко наполняются новыми деталями, приводят к возникновению новой культурной традиции, которая воспринимается как аутентичная, оригинальная.

В поисках истоков Тепегезе из этого эпоса обычно упоминаются *Полифем и циклопы* из греческой мифологии, и реже *аримасп* из поэмы Эсхила о Прометее. Если учесть, что эпос «Китаби Деде Коркут представляет собой 12 сказаний (как 12 апостолов у Hor-uz, Христа и 12 имамов), сочиненных в разное время, то можно вычленить еще один пласт, связанный с Hor-uz, события из жизни которого циркулировали около тысячелетия: «Hor-uz was often represented as a stylized eye symbol, symbolizing the eye of a falcon. He was also presented "in the shape of a sparrow hawk or as a man [or lion] with a hawk's head." He is often shown as an infant cradled by his mother Isis” .

Авторизация единого глаза: от глаза Гора к средневековым Арузу (падший как Люцифер?), Урузу, Тепегезу, современному амулету

Другой аспект этой параллели – это двойной вариант **Horus: молодой и старший** (Young and Senior), как и в КДГ, Уруз, сын Салор Газана, молодой, а Аруз Годжа – (в переводе Годжа –старший). Как пишет Дж. Массе при сравнении жизненных событий образов Иусуса и Гора (**Horus**), то египетский сын *достиг совершеннолетия (в 12 лет¹) со специальным ритуалом*, когда его глаз (по-другому «уджат») был восстановлен². А его глаз был выбит Сетом, богом пустыни и убийцей его отца Осириса, с которым тот сражался. Сет, как и Осирис (отец Horus), является одним из сыновей Геба, бога земли или аналогом греческого Хроноса. Символикой

Horus является левый глаз сокола (в иероглифе) , который и заимствован современными народами региона, включая тюркские племена, как амулет, оберег, как принято считать, так и расшифровывается иероглиф око Гора – оберегающий глаз. Этот глаз также идентифицируется как символ Луны. Неслучайно его традиционное изображение напоминает также полумесяц, зауженный к концу, как глаз сокола. Элементы этой традиции можно встретить в мусульманской живописи – в средневековых миниатюрах. Подчеркнуть глаза через окрашивание (рельефное выгравирование и вырезание в древнем Египте) сохранилось на территории Передней и Малой Азии по сей день.

Египетские боги воспринимались также как различные фазы жизни бога Ра. По одному из вариантов, правый глаз считался символом Солнца и символом Ра, если исходить из того, что «...богиня Уаджет является частью Хора и Ра, и в этом качестве ей присущи защитные функции, но вместе с тем она – сущность солнечного бога – полный, целый глаз Хора, условие его существования. В этом образе переплелись и наслоились разновременные представления: глаз уджат – это и диск солнца, из которого смотрит бог, и змея³, охраняющая солнце (чело бога, корону царя), наконец, это сам солнечный бог.»⁴ Существует мнение, что утраченное, затем восстановленное око Гора символизировало культ жертвоприношения и последующего воскресения.

Глаз *уджат* – это жертвоприношение, дар Хора Осирису, означающие воскресение мертвого бога и царя, рождение нового солнца (в акте возвращения целого глаза Хору); между тремя элементами акта жертвоприношения устанавливается тождество, поскольку они равнозначны по сути. Тождество Хора и Осириса, обозначено получением каждого из них глаза уджат как жертвоприношения, через которое осуществляются возрождение, гармония, миропорядок, целостность мира, поддерживаемая воспроизведением мира в ритуалах, в частности при окрашивании глаз «малахитовой зеленью».

Изображения *глаза-уджат* как такового не известны ранее III династии, тем не менее он обозначался непосредственно на ликах статуй и статуэток богов, предков и людей при оконтуривании глаз зеленой краской. Нередко художники и резчики изображали глаза таким образом, что они приобретали сходство со стилизованной фигуркой архаического «приземистого» сокола с длинным хвостом, расширяющимся к его концу. Окрашенные яркой зеленой краской глаза, удлиненные почти до висков, излучали сияние, становились средоточием всего лица.»

Забегая вперед отметим, что символ глаза трансформировался в разные традиции, например, купол на вершине свода в иконописи и в иконографии православия представляет всевидящее око Бога на основе изречения библейского псалма: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его, /что Он душу их спасет от смерти и во время голода пропитает их»⁵. **Символика единого глаза** встречается у масонов, которым приписывается знак

¹ Возможно, восходящий к астрологическому циклу 12 лет и 12 месяцев

² Gerald Masse. *Parallels between Jesus and Horuz, an Egyptian God*. “Horuz came of age with a special ritual, when his eye was restored”. Web. Derived December 2012.

³ И снова индийский бог Вишну, который ищоррпадаетя со змеями на ногах.

⁴ Т.А. Шеркова. «Око хора»: символика глаза в додинастическом Египте. – Вестник древней истории, № 4, 1996. Web. Derived September. 2014. http://egyptiaca.narod.ru/articles/hr_eye/hr_eye.htm

⁵ Псалтирь 32:18- 19. Web. Derived September. 2014. <http://azbyka.ru/biblia/?Ps.32:18-19>

пирамиды с глазом на вершине, хотя по всей вероятности был заимствован из древней египетской культуры. Такая же пирамида присутствует в банкноте США, в геральдике Гондураса, города Кушв Свердловской области.

Conclusions:

Предыдущие *исторические пласты, как правило, снабжают* многие средневековые и пост-средневековые нации традициями, воспринимаемые как *исконные*, либо позволяющие современным *доказать древнюю хронологию становления нации*, учитывая как миграцию традиций компонентов доминирующего этноса, так и влияние локальных особенностей. Глубинные пласты культуры позволяют говорить о мультикультурализме в диахронии, о том, что современные народы, сформировавшиеся с конца средневековья, разделяют культурное наследие древних народов.

Кажущаяся разобщенность между дальними по времени и пространству культур обнаруживает параллели, родственные связи между их носителями, и, как говорил Гете в Западно-Восточном диване о мировой литературе, *познать одно через другое*.

Учитывая фактор абджа алфавита, цикличность мотивов, распространенный в регионе формирования и записи эпоса, такой сравнительный анализ вполне может претендовать на правомерность исследовательского метода культурной матрицы имени **Уруз**.

Rahilya Geybullayeva

Cultural strata of the name Uruz in the epic “The Book of Dede Gorgud”

Kitabi Dədə Qorqud eposunda Uruz adının mədəniyyət matrisalari

Summary:

This study of belonging and subversion appeared in the reconstruction of cultural layers of the image of Uruz from the iconic text of Oguz epic ‘The Book Of Dada Gorgud’. Before turning to the past, we tried to find modern-day names, derived from that name. Contemporary representations and reflection on the past cultural strata of aspects ‘Uruz’ reveals the parallels with Egyptian and Zoroastrian myths: accordingly *Herr-us* and *Ahura Mazda* (Ormuzd), and relatively younger written text of *Nartes* epic from the Northern Caucasus although even there is no direct or obvious evidence of mutual borrowings and influences. This assumption, especially the linkage with *Herr-us* could be reconstructed through the second matrix – what is along with Uruz in the text of the epic. Transformation was found partly in the motif of a struggle for power in Norse mythological *Asir* and *Vanir*. This motif can be traced in the text of the epic “The Book of Dada Korkud » by the splitting of images Uruz, Aruz and Tepegyez (One-Eyed).

Keywords: semantics, abjad alphabet, reconstruction, matrix, One-Eyed, Horus, medieval and ancient

**Familien- und Sippenstrukturen im
Kitab Dede Korkut und im *Nibelungenlied***

Ähnlichkeiten und Unterschiede

1. HAUS UND SIPPE

- 1.1. Haus und Sippe im europäischen Mittelalter
- 1.2. Die mittelalterliche Blutsbande im Nibelungenlied
- 1.3. Die Familienauffassung in den Erzählungen von Dede Korkut

**2. DIE TRADITIONEN AUS DER PERSPEKTIVE DER
GESELLSCHAFTLICHEN STELLUNG DER FRAU**

- 2.1. Die dargestellten Frauenbilder
  - 2.1.1. Nibelungenlied
  - 2.1.2. Buch Dede Korkut
- 2.2. Die Brautwerbung
  - 2.2.1. Nibelungenlied
  - 2.2.2. "Kız İsteme" in der türkischen Tradition
  - 2.2.3. "Beşik Kertmesi"
- 2.3. Die Eheschließung
- 2.4. Gattenliebe
  - 2.4.1. Kriemhild – Siegfried
  - 2.4.2. Kriemhild – Etzel
  - 2.4.3. Im Buch Dede Korkut
- 2.5. Namensgebung

**3. DER FAMILIENAUFBAU UND DIE
FAMILIENMITGLIEDER**

- 3.1. Geschwister
- 3.2. Eltern – Kinder

4. BEWERTUNG

1.HAUS UND SIPPE

1.1.Haus und Sippe im europäischen Mittelalter

Im Mittelalter waren Verwandtschaftsverband und Hausgemeinschaft noch nicht strikt voneinander getrennte Formen.

“Der Verwandtschaftsverband als Ganzes, *die Sippe*, umfaßte im engeren Sinne (als agnatische Familie) die Blutsverwandte, im weiteren Sinn (als kognatische Familie) die Verschwägerten ein.” Wie aus den beiden zu betrachtenden Werken zu sehen ist, waren die Angeheirateten gleich wichtig wie die Agnaten (von lat. Hinzu-,Nachgeborene), die Blutsverwandte, die in männlicher Linie von dem gemeinsamen Stammvater herstammten. Die Agnation spielte im Erbrecht des Adels und in der Erbfolge von Herrschern eine bedeutende Rolle.

Die Hausgemeinschaft aber war nur teilweise mit dem Familienverband identisch; sie war einerseits aus der Großfamilie ausgegliedert und umfaßte nur noch die auf einer Ehe basierende Kernfamilie.

Im Todesfall ging in germanischen und frühmittelalterlichen Zeit der Hausherrenstuhl samt der Herrschaft auf den ältesten Sohn über. Die Witwe ging beim Tod des Mannes in *die Munt* des ältesten Sohnes über und wurde von diesem versorgt. Töchter waren erst nachrangig erbberechtigt, wenn keine Brüder da waren. Sippe, wie *das Haus*, bildete nach den germanischen Volksrechten eine öffentliche rechtliche Institution. Sie war ein Friedens- und Rechtsverband, der nach innen für Frieden und nach außen für Schutz sorgte.

Familie und Haushalt sind Phänomene, in welche jeder Mensch eingebunden ist. Nicht anders als heute war im Mittelalter der Drei-Generationen-Haushalt eher die Ausnahme, vielmehr bildete die Kernfamilie mit einem Ehepaar und den Kindern den zentralen Bezugspunkt des täglichen Lebens. Darüber hinaus war man sich der weiteren Verwandtschaft aber bewußt, stellte sie doch einen wichtigen Ausgangspunkt für soziale, politische und wirtschaftliche Kontakte dar. *Die Familie* war somit einer der wichtigsten Faktoren in Wirtschaft und Gesellschaft des Mittelalters.” (Hans-Werner Goetz: *Leben im Mittelalter*)

1.2.Die mittelalterliche Blutsbande im Nibelungenlied.

Die erste Aventure spielt sich im burgundischen Hof in Worms ab, wo die bedeutendsten Positionen durch die **Verwandte** besetzt sind (wie Hagen, Dankwart und Ortwin von Metz). König Gunthers Macht stützt sich auf **Familienangehörige**. Siegfried empfiehlt vor seinem Tod Kriemhild der Treue Gunthers, den er gerade als treulos angeprangert hat.

Wenn ihr, mächtiger König, auf dieser Welt noch irgend jemand Treue erweisen wollt, dann soll euch meine Geliebte auf Treue und Gnade befohlen sein.

Laßt ihr zugute kommen, daß sie eure Schwester ist”. (16. Aventure, 1006- 1007).

Es muß vom mittelalterlichen Standpunkt aus gesehen und bewertet werden, daß manche Beziehungen viel enger als die Blutsbande sind. So die *triuwe* gegenüber dem König oder den Freunden im weiteren Sinne oder dem erst später in das Leben eingetretene Partner. So ist auch Kriemhilds Rache zu verstehen. Sie scheut davor nicht zurück, die eigenen **Brüder** und **Verwandten** zu einem katastrophalen Ende hin in ein Geschehen zu verwickeln, um den Tod ihres Mannes und Geliebten zu rächen. Ihre anfangs plausiblen Bewegungsgründe wuchern sich aus und sie wird zum Symbol einer Rachegöttin, einer Furie. Doch könnte man auch sagen, daß solange sie sich innerhalb der ihr von Jugend an beigebrachten ethischen Werten der *triuwe* festhält, sie nicht so leicht zu verdammen wäre. Denn schließlich hat sie eine die ihr von der Gesellschaft auferlegte Bedingung, nämlich die

Treue erfüllt. Ihr Racheakt ist ein Produkt der mittelalterlichen Erziehung. Und wem sie die Treue hält, ist ihre Wahl. So müssen ihre **Verwandten**, die an diesem Mord schuldig sind, untergehen.

1.3. Die Familienauffassung im Buch Dede Korkut

Dede Korkuterzählungen entsprechen allgemein stofflich den in den Eingangsversen der 1. Aventure des Nibelungenliedes geschilderten Begebenheiten. Nämlich:

In alten Sagen wird uns viel Wunderbares erzählt: von berühmten Helden, von großer Mühsal, von Freude und von Festen, vom Kampf tapferer Recken – von all dem könnt ihr jetzt Erstaunliches hören.

Dagegen kann man bei Dede Korkut nur schwerlich Verwandtenmorden wie bei dem Nibelungenlied begegnen, da das Erziehungssystem es nicht zuläßt, daß der Individuelle die Familienmitglieder mißhandelt, weil er vom Kindesalter an auf eine Achtung und Verehrung der einzelnen Familienangehörige vorbereitet wurde. Die Generationenbeziehungen in den alttürkischen Stämmen wird im Vorwort der 12 Geschichten sprichwortartig geschildert.

*Der Vater, dessen Schläfen weiß werden, ist schön;
Die Mutter, die weiße Milch bis zum Sattwerden zu saugen gibt, ist schön;
Der geliebte Bruder ist schön;
Schön ist das Brautzelt...
Ein Sohn ist schön*

Mit diesen Eingangsversen wird der Gesellschaft sozusagen ein Program vorgeschrieben, wie man seine Nächsten behandeln soll. Hierin ist edle Versöhnung und sogar Toleranz zu bemerken. Wer so erzogen wurde, der kann nur schwer eine Freveltat gegen die Verwandten begehen. Und wer in diesem Sinn handelt, dem verspricht Dede Korkut Gottes Hilfe. Der alte Weise hat in jeder schwierigen Situation die Funktion eines Wegweisers zu erfüllen.

2. DIE TRADITIONEN IN DER FAMILIE AUS DER PERSPEKTIVE DER FRAU

2.1. Die Frauen im Nibelungenlied

Wir werden in beiden Sagen mit aktiv handelnden Frauen konfrontiert. Obwohl eine Heirat für die Frau nur nach dem Einverständnis der **Familie** in Frage kommen kann, liegt der Schwerpunkt in der 1. Aventure doch auf **Kriemhild**. Ihre Brüder, die Könige erscheinen zunächst nicht in ihrer Eigenschaft als Könige, sondern als Vormunde ihrer Schwester. Denn sie ist die Hauptfigur. Nach dem Tod des Vaters steht sie unter der Vormundschaft der Brüder, nach der Verehelichung der des Gatten. Nach ihrer Hochzeit verlangt sie, nun eine verheiratete Frau, ihren Anteil an dem Erbe des verstorbenen Vaters. Ihre Brüder und ihr Mann Siegfried sind dagegen. Und der kluge Hagen kann es niemals akzeptieren, daß er einer Frau dienen soll. Er ist der treue Diener der Könige nur. Anfangs ist Kriemhild ein sanfter Charakter. Sie ordnet sich den Brüdern und dem Gatten unter. Sogar das Züchtigungsrecht ihres Gatten nimmt sie schweigend auf sich. Aber nach der Ermordung Siegfrieds und dem Raub ihres Vermögens ist die Umwendung in ihrem Charakter nicht zu vermeiden. Sie wünscht selbst ein Ritter zu werden und fällt am Ende ganz aus der Rolle der Frau aus, wenn sie Hagen den Kopf abschlägt.

Sie repräsentiert das Bild der modernen höfischen Frau mit der Möglichkeit eigener Wahl des Ehepartners.

Brünhild, die starke Frau, akzeptiert die Vorherrschaft ihres Mannes unter der Bedingung, daß er sie im Kampf besiegt. Sie vertritt die archaisch-mythische Frau.

Ute, Kriemhilds Mutter ist eine stille, unauffällige aber weise Königin, die immer mit einem guten Rat ihrer Tochter beizustehen weiß, wenn sie Hilfe braucht. Sie steht repräsentativ für die Frau der alten Generation, die sich in dem Schutz der männlichen Verwandten glücklich und sicher schätzt.

In der 2. Aventure wird Siegfrieds Erziehung geschildert. Er wird von seinen Eltern zu einem künftigen Landesherrn erzogen und wird bei einem Fest zum Ritter ernannt. Seine Eltern, Siegmunt und **Sieglinde** erziehen ihn im Bewußtsein auf die ihn zu erwartende Pflicht des Herrschers. Es ist zu bemerken, daß bei der Erziehung des Sohnes **Mutter** und Vater gleichberechtigt waren.

2.2. Die Frauen im Buch Dede Korkut

In den Heldenerzählungen von Dede Korkut, wo geschichtliche Fakten in Sagenform wiedergegeben werden, holen wir Informationen über das damalige Leben, über die ökonomische Situation des Volkes, über die Frau und Frauenrechte. Die Frau, die in der Gesellschaft eine hohe Rolle spielt kann auch Han=Herrscherin werden. Als Mann sucht sie sich einen starken und tapferen Helden. Sie kann sich an den Kämpfen beteiligen, was aber den Mann kränken würde.

Die Frau wird hochgeachtet und geschätzt. Die Mutterliebe tritt häufig in den Vordergrund. Das Frauenmotiv wird durch besondere Hervorhebung der Liebe zwischen der Mutter und dem Sohn oder der ehelichen Liebe, die auf gegenseitigem Verständnis basieren soll, akzentuiert. Man hört vom Respekt, den man der Mutter gebührt und von der Selbstlosigkeit und der Opferbereitschaft der Mutterfigur. In der "Kunde davon, wie Depegöz durch Bassat getötet wurde" ist die wichtigste Person eine Fee, die den Anbruch der Ereignisse einleitet. Da die Fee im wirklichen Leben die Frau symbolisiert, ist diese Erzählung eine gute Beweisführung für die Position der Frau der türkischen Familien im Mittelalter.

In den alten türkischen Stämmen waren die Frauen sportlich aktiv und konnten sich mit den Männern messen. Sie waren gute Reiterinnen, schoßen mit dem Pfeil und konnten die Männer beim Ringkampf besiegen.

In "die Kunde von Bamsi Beirek, Sohn des Fürsten Baj Büre" wird das Wettspiel von Beirek und Banu Tschitschek folgendermaßen erzählt:

Sie saßen beide auf, betraten die Arena und spornten ihre Pferde an. Beireks Pferd überholte das des Mädchens. Sie schossen mit dem Bogen und Beireks Pfeil landete weiter weg als der des Mädchens. Das Mädchen sagte: "Du, Jüngling, bis jetzt hat niemand mein Pferd besiegt und hat niemand weiter geschossen als ich. Komm jetzt, laß uns miteinander ringen".

Die Ähnlichkeit zwischen Brünhild und Banu Tschitschek ist nicht zu übersehen.

2.2. Die Brautwerbung

2.2.1. Im Nibelungenlied

Kriemhild-Siegfried:

In der 3. Aventure hört Siegfried von Kriemhilds Schönheit und beschließt mit elf Begleitern nach Worms zu reiten. (der Unterschied im Gebrauch der Zahlen bei den Oghusen und den Burgunden!) Bei den Oghusen sind es immer vierzig tapfere Recken, die den Helden begleiten. Hagen, der starke Mann am Wormser Hof erkennt den wahren Grund von Siegfrieds Reise, nämlich seine Absicht, um Kriemhilds Hand zu bitten. Siegfried wird im Hof aufgenommen, wo er erst ein Jahr bleibt, bis es zu einer Begegnung mit Kriemhild kommt. Die außerordentliche Schönheit Kriemhilds

weckt den Entschluß zur Brautwerbung. Dieses Motiv wird in der mittelalterlichen Lyrik häufig benutzt, nämlich daß die Auserwählte solche Vorzüge habe, daß selbst ein Kaiser es nicht verschmähen würde, um ihre Gunst zu werben.

Brünhild-Gunther:

Nachdem sich Gunther für die Heirat mit Brünhild entschließt, kommt er in eine völlig andere Welt. Zwar ist Island den höfischen Kulturzeichen nach Worms und Xanten gleichzusetzen, doch Brünhilds übermenschliche Größe wirkt verfremdend. Nur drei Kämmerer gemeinsam können ihren Schild tragen. Sie besitzt eine mythische Dimension, der nur Siegfried gewachsen ist, weil er über magische Mittel wie die Tarnkappe verfügt. So muß die Brautwerbung *nolens volens* durch Betrug geschehen.

Kriemhild-Etzel:

Etzel will nach dem Tod seiner ersten Frau wieder heiraten. Durch seine Ratgeber wird seine Aufmerksamkeit auf Siegfrieds Witwe Kriemhild gelenkt. Etzel schickt seinen Markgrafen Rüdiger nach Worms, um die Werbungsbotschaft zu überbringen. Auch bei dieser Brautwerbung wird die Braut nicht direkt angesprochen. Die **Brüder** Kreimhilds empfangen diese Botschaft mit Freude. Zunächst ist Kriemhild gegen eine Wiederverheiratung, aber als sie allmählich die Vorteile, die eine solche Ehe mitbringen wird, in Erwägung zieht, stimmt sie zu. Vorher muß aber noch das *Familienkonzil* zusammentreffen, um das Heiratsangebot zu besprechen.

Da entgegnete ihr Bruder Giselher: "Schwester, ich habe gehört und möchte es auch glauben, daß König Etzel dich von all deinem Leid befreien würde, wenn du ihn zum Mann nimmst. Ganz gleich, was ein anderer rät, mir scheint es gut, darauf einzugehen".

Oder:

Ute, die Mutter der beiden, sagte zu ihrer Tochter: "Mein liebes Kind, geh auf das ein, was deine Brüder dir raten. Folge deinen Verwandten, dann wird es dir wohlgehen..."

Die Brautwerbung im Buch Dede Korkut erfolgt eigentlich auch durch einen Betrug. Bei der Begegnung von Banu Tschitschek und Bamsi Beirek gibt sie sich nicht zu erkennen und stellt sich vor als ihre eigene Hofdame.

Beirek sagte. "Baj Bidschan soll eine Tochter haben, ich komme sie besuchen". Das Mädchen sagte. "Sie ist nicht ein solches Mädchen, das sich dir zeigen würde. Ich bin aber eine Hofdame Banu Tschitscheks. Komm jetzt, laßt uns zur Jagd ausreiten".

Erst als sie von Bamsi Beirek besiegt wird, gibt sie sich zu erkennen.

Das Mädchen sagte: "Jüngling, ich selbst bin Baj Bidschans Tochter Banu Tschitschek".

Allerdings ist zu bemerken, daß der Betrug hier im Gegensatz zu der Brautwerbung Gunthers um Brünhild von der Seite der Frau aus geleitet wird. Hier ist die Frau die Dirigentin.

2.2.2. "Kız isteme" in der türkischen Tradition

Der Bräutigam durfte nicht direkt zur Geliebten gehen um ihr einen Heiratsantrag zu machen. Er mußte zunächst ihren Vater oder ihren älteren Bruder um Erlaubnis bitten. Diese Tradition erforderte auch eine entsprechende Zeremonie. "Kız isteme" war ein Ritual, an dem nur in der Gesellschaft respektierte angesehene Personen teilnehmen durften. Diese ehrenvolle Aufgabe erfüllt in den Erzählungen wiederum Dede Korkut. So geht er in der "Kunde von Bamsi Beirek, Sohn des Fürsten Baj Büre" zu Deli Kartschar um sein Segen zu holen für die Verhelichung Kartschars Schwester mit Bamsi Beirek.

*Ich bin gekommen, auf Gottes Geheiß und mit der Vollmacht des Propheten,
um anzuhalten um die Hand deiner Schwester Banu Tschitschek, reiner als der Mond und schöner
als die Sonne, für Bamsi Beirek.*

Und Kangli Hodscha macht sich selber auf den Weg um eine geeignete Braut für seinen Sohn zu finden.

*Kangli Hodscha erhob sich, umringte sich mit weißbärtigen Greisen und begab sich voller guten
Mutes zu den Innen-Oghusen. Als er dort keine Braut fand, begab er sich zu den Außen-Oghusen,
aber er fand noch immer keine Braut. Er schweifete umher und kam nach Trapezunt. Nun hatte der
König von Trapezunt eine schöne, liebliche Tochter.*

2.2.3. Beşik Kertmesi

In der "Kunde von Bamsi Beirek, Sohn des Fürsten Baj Büre" wird Banu Tschitschek schon in der Wiege Bamsi Beirek versprochen.

*Meine Herren, wenn Gott mir eine Tochter schenkt, sollt ihr bezeugen, daß sie von der Wiege an
die Verlobte von Baj Büres Sohn sein wird....Nun war dies das Zelt der Tochter Baj Bidschans, Banu
Tschitschek, mit der er in der Wiege verlobt worden war.*

2.3. Die Eheschließung

Im Mittelalter ging die Frau aus der *Munt*, also dem Schutz wie der Herrschaft der Eltern in die *Munt* des Ehemannes über. Die Eheschließung vollzog sich in festen Formen: der *petitio* (Bitte im Sinn von Werbung) folgte die Verlobung (*desponsatio*) und schließlich die Hochzeit selbst (*nuptiae*). *Nuptiae*=die Hochzeit=Düğün war bei den Türken eine Tradition, auf die auch heute noch großer Wert gelegt wird. Das Hochzeitsfest, *Toy*, war gleichzeitig auch ein Anlaß, die Macht des Gastgebers zu zeigen. Bei den Türken war es üblich vierzig Tage und Nächte eine Hochzeit zu halten (Bamsi Beirek). Bei manchen türkischen Stämmen vollzog sich die Ehe erst nach der Geburt des ersten Kindes. Solange noch kein Kind da war, galten die Ehe und die Trauung nicht als gültig. Im Buch Dede Korkut heißt die Verlobung "die kleine Hochzeit und die Trauung selbst die "große Hochzeit". Doch die *Toy*-Tradition war nicht nur bei der Trauung üblich. Die Türken veranstalteten Feste zu Anlässen wie die erste Jagd des Mannes, die Befreiung aus der Gefangenschaft, usw. Es war eine weit verbreitete Sitte, ein großes Festessen zu organisieren und bei dieser Gelegenheit auch die Armen einzuladen.

In den meisten Fällen handelte es sich um monogame Ehen. Doch im Falle von Bamsi Beirek, obwohl er mit Banu Tschitschek verlobt ist (und am Ende der Geschichte heiraten sie) sieht man, wenn auch selten Fälle von Polygamie, wie wenn er die Tochter des Bayburd Beys heiratet, der ihn vom Sklaventum erlöst hat.

2.4. Namensgebung

Bei den türkischen Stämmen wurde dem Kind sein Name erst nach einer vollbrachter Tat gegeben. Es war üblich, ihn bis zu diesem Zeitpunkt als “adsız” zu nennen. Siehe: Boghatsch Chan und Bamsi Beirek. Dagegen hat das Kind im europäischen Mittelalter schon von Geburt aus seinen Namen, der meistens die Familienangehörigkeit klar zeigte, z.B.wie die mit *Sigi-* anfangenden Namen der fränkischen Königsfamilie angehören. Siehe: Siegfrieds Eltern, Siegmunt und Sieglinde

2.5. Gattenliebe

2.5.1.Kriemhild-Siegfried

In diesem Falle haben wir ein Musterbeispiel von höfischer Liebe veranschaulicht. Alles geschieht den Sitten gemäß. Von ihrer ersten Begegnung bis zu ihrer Heirat zeigt sich Siegfried als ein galanter Ritter, der die Angebetete verherrlicht.

Weder Frühling noch Sommer hätten in seinem Herzen solche Freude auslösen können, wie er sie in dem Augenblick empfand, als die so nahe neben ihm ging, die er sich zur Geliebten wünschte.

Siegfried begegnet Kriemhild stets mit höfischem Anstand. Nach ein Paar glücklichen Ehejahren fühlt sich Kriemhild so mit ihrem Mann vereint, daß sie den Konflikt zwischen Gatten- und Geschwisterliebe zu Ungunsten der letzteren entscheidet, was den eigentlichen Kern der Niebelungenklage bildet.

2.5.2.Kriemhild-Etzel

Ob man im Falle von Kriemhild und Etzel von Liebe sprechen kann, ist zu bezweifeln. Die Beweggründe zu dieser Ehe sind von Kriemhilds Seite her bekannt. Sie willigt sich in diese Ehe erst dann ein, als sie sich ihre Macht als Hunnenkönigin vorzustellen beginnt, obwohl anfangs eine Ehe mit einem Ungläubigen ihr nicht vorstellbar war. Und Etzel ist auf der Suche nach einer zweiten Frau nach dem Tod seiner ersten Gattin.

2.5.3.Im Buch Dede Korkut

Die Zärtlichkeit Dirsä Chans zu seiner Gattin ist aus den folgenden Versen zu ersehen. In diesen Versen liegt nicht nur eine sexuelle Konnotation, wenn er das Äußere seiner Frau beschreibt, aber gleichzeitig auch eine hohe Achtung für ihre Charaktereigenschaften.

*Komm her Glück meines Hauptes, Krone meines Zeltes!
Zypressengleiche, wenn du aus dem Zelt herausschreitest,
Deine schwarzen Haare winden sich um deine Fersen,
Deine zusammengewachsenen Braunen ähneln einem gespannten Bogen.
So klein ist dein Mund, daß keine doppelte Mandel hineinpfaßt,
Deine Wangen sind rot wie Herbstäpfel.
Meine Frau, meine Vernünftige, meine Tüchtige!*

Doch gleich darauf werden wir Zeuge einer Umwendung seiner Gefühle, während er ihr schwere Vorwürfe macht wegen des Ausbleibens eines Sohnes.

*Fürstentochter, soll ich mich erheben?
 Soll ich dich am Kragen und an der Kehle fassen
 Und unter meine dicke Ferse werfen?
 Soll ich meinen trefflichen Säbel aus dunklem Stahl zur Hand nehmen
 Und dir den Kopf vom Leibe schlagen?
 Soll ich dich spüren lassen, wie süß das Leben ist?
 Soll ich dein rotes Blut über die Erde ergießen?
 Fürstentochter, nenne mir den Grund!
 Jetzt bin ich wütend auf dich.*

Die türkische Frau ist gleichzeitig die Hüterin des Hauses und eine Stütze in der Gesellschaft. Sie versucht immer die Mittlerrolle zwischen den Familienmitgliedern zu spielen und den Frieden im Haus zu schützen oder herzustellen. Sie pflegt dem Gatten gegenüber äußerst herzliche Gefühle und hält in Zwistfällen immer zu ihm. So auch bittet sie den Sohn, seinen Vater doch nicht zu verdammen, auch wenn er es versucht hat, den eigenen Sohn zu richten.

*Mein lieber Sohn! Erhebe dich und setze dich in Bewegung,
 Nimm deine vierzig Krieger mit,
 um deinen Vater aus den Händen der vierzig Feiglinge zu retten.
 Gehe hin, Sohn! Auch wenn dein Vater dir Böses zugefügt hat, füge du ihm kein Böses zu”.*

Im Gegensatz zu der Niebelungendame sind der Türkin Vergeltung einer Schuld und Rachegefühle fremde Begriffe. Die Niebelungensage ist auf Kriemhilds Rachegefühlen und –planen für den Tod Siegfried aufgebaut. Dagegen zeigt sich die Mutter von Boghatsch Han, obwohl ihr Mann den langersehten Sohn tot erwähnt, von milden Versöhnungsgefühlen umgeben und erzieht auch den Sohn zur Vergebung. Wir sehen hier zwei ganz verschiedene weibliche Attitüden. Eigentlich paßt der mittelalterliche “*suone*” Gedanke ihr besser. Sie ist weit weg von kalkulierter Eigennützigkeit. Da die Bewegungskgründe und die Erziehungssysteme der beiden Frauen voneinander weit abweichen, ist eine jede in ihrem eigenen Rahmen zu verstehen. Hier müssen Phänomene wie die kulturelle Ethikauffassung, Familienstruktur, Erziehungssystem, Glauben, individuelle Eigenschaften der beiden Völker mit in Betracht gezogen werden.

3. DER FAMILIENAUFBAU UND DIE FAMILIENMITGLIEDER

Jan Dirk Müller spricht in diesem Kontext von einem komplexen Geflecht horizontaler und vertikaler Abhängigkeit, die dem **Personenverband** in der heroischen Epik zugrunde liegt.(Müller,2001:S.104) und bemerkt, daß im Zentrum agnatische und kognatische familiäre Bindungen stehen und an den Rändern der unscharfe Verband der *mâgen* und *konemâgen* (der Verwandten in männlicher und weiblicher Linie). Besondere Bündnisse wie die Bindungen zwischen Einzelpersonen, z.B. in der Form von Waffenbrüderschaft ordnen sich alle dem Oberbegriff der *vriuntschaft* zu.

Müller sieht die Einbettung in den **Verwandtschaftsverband** als problematisch. In der Tat resultiert in der Niebelungensage die Endkatastrophe schließlich durch diesen Verwandtschaftsverband.”So ist Siegfrieds Vertrauen auf die *mâgen* seiner Frau nicht törichte Verblendung, sondern ergibt sich aus dem Verwandtschaftsverhältnis, in das er mit der Heirat eingetreten ist. Der Mord an ihm befleckt alle Verwandten, sogar seinen völlig unbeteiligten Sohn. Auch Kriemhild glaubt, Hagen als Verwandtem trauen zu können; sie verläßt sich selbst nach dem Mord an Siegfried auf die Garantien der Verwandten, obwohl ihr in Siegfrieds Reich die Herrschaft angeboten wird. Solche Personenverbände sind durch wechselseitige *hulde* (*familiaritas*) verknüpft. Auf sie kann Kriemhild ihre verräterische Einladung stützen, auf sie scheinen die Burgunden sich verlassen zu

können; ihretwegen schöpft Etzel keinen Verdacht, wenn Kriemhild die Brüder einlädt; über Kriemhild ist auch er den Burgunden verwandtschaftlich – durch *vriuntschaft* – verbunden.”

Rüdiger ist mit den Burgunden nicht durch lehnsrechtliche, sondern durch verwandtschaftliche und freundschaftliche Bande verbunden. In der 27. Aventure werden wir Zeuge seiner Gastfreundschaft den Burgunden gegenüber. Der junge Giselher und Rüdigers Tochter verloben sich. Aber trotz dieser Freundschaft, die im MA einen gewichtigeren Sinn hatte als heute, hält er Etzel die Treue und fällt mit ihm.

3.1. Geschwister

Kriemhild steht unter der Vormundschaft ihrer drei **Brüder Gunther, Gernot und Giselher**, wobei durch den gleichen Anlaut der Namen der Familienzusammenhang markiert wird.

Für ihren Schutz sorgten drei edle und mächtige Könige: Gunther und Gernot, zwei ruhmreiche Recken, und der junge Giselher, auch er ein hervorragender Kämpfer. Kriemhild war ihre Schwester, die Helden hatten sie in ihrer Obhut.

Kriemhilds Beziehung und ihre Gefühle ihren drei Brüdern gegenüber ist verschieden. Obwohl Gunther nicht der Täter ist, ist er mitschuldig an Siegfrieds Mord, weil er dem Mord zustimmt und somit an dem Täuschungsmanöver aktiv mithandelt. Hagen und Gunther sind als die zwei Adler von Kriemhilds Traum in der 1. Aventure zu deuten, die den Falken (Siegfried) töten. Die beiden anderen Brüder sind durch die Sippenehre ihrer Schwester gegenüber nicht frei. Sie sind an dem Mord nicht beteiligt, aber da sie Mitwisser der ganzen Intrige sind, gelten auch sie als schuldig.

Kriemhild vergißt die **Bruderliebe** über der Gattenliebe und wird zur Furie. Sie stimmt zu, daß ihre beiden an dem Mord nicht beteiligten Brüder ins Nibelungenland fahren um den Schatz nach Worms zu transportieren. Dieser Raub geschieht gegen Gunthers Willen, aber er schreitet nicht dagegen ein. Kriemhild, die erst nach dem Raub des Nibelungenschatzes zu einer echten Rachegöttin wird, versteckt ihre feindliche Gesinnung bei der Begrüßung der Burgunden am Etzels Hofe nicht und küßt nur Giselher und führt ihn an der Hand. Bis zu diesem ausschlaggebenden Moment begegnete sie ihren Verwandten noch immer mit Liebe.

...Ohne Weinen war die Trennung von den lieben Verwandten nicht denkbar.

Der tapfere Giselher sagte zu seiner Schwester: "Herrin, wann immer du mich brauchst, falls dich etwas bedrängt, gib mir Bescheid; dann reite ich zu deiner Hilfe in Etzels Land.

Sie küßte ihre Verwandten auf den Mund...

3.2. Eltern –Kinder

Die Attitüde der Eltern ihren Kindern gegenüber ist bei den Burgunden und bei den Oghusen grundverschieden.

Kriemhild verläßt ihren Erstgeborenen, den gemeinsamen Sohn mit Siegfried ohne weitere Bedenken bei den Verwandten zurück, um sich auf ihren grausamen Weg der Rache zu begeben. Im weiteren Verlauf der Sage ist von dem ersten Sohn nicht mehr die Rede und Kriemhild als Mutter wird keinesfalls von Gewissensbissen geplagt, daß sie den Sohn verlassen hat. Und ihren Sohn vom Etzel opfert sie ihren Rachegefühlen folgend beim Saalkampf der Burgunden mit den Hunnen ohne lange zu zögern. Den Racheakt übernimmt bei den Türken der Sohn selber, wenn er den seit 16 Jahren tot geglaubten Vater aus der Sklaverei retten geht. Auch Siegfrieds Sohn hätte ähnlich verfahren können, doch diese schwere Aufgabe übernimmt Kriemhild selbst. In diesem Sinne weicht die türkische Mutter sehr weit von Kriemhild ab, wenn sie in "die Kunde von Bogatsch Chan, Dirsä Chans Sohn" den verletzten Sohn mit folgenden Worten anredet:

*Deine schwarzen faltigen Augen hat der Schlaf geschlossen,
öffne sie doch!
Deine zwölf Knochen sind auseinandergerissen, setze sie doch wieder zusammen!
Deine durch Gott gegebene Seele irrt umher,
rufe sie doch zurück!
Falls du noch eine Seele im Leib hast, Sohn, sag es mir,
Und mein trauriges Haupt soll dir ein Opfer sein.*

In Dede Korkuterzählungen erfüllen die Kinder eine weitere Funktion. Die Eltern, besonders der Vater sieht in ihnen die Weiterführung des Familiennamens, was übrigens nicht nur bei den Herrscherfamilien der Fall war. In beiden Sagen ist das Kind als Individuum nichts wert. Es dient als ein Objekt der elterlichen und gesellschaftlichen Erwartungen. So heißt es in “die Kunde von Bamsi Beirek, Sohn des Fürsten Baj Büre”:

Einst werde ich sterben und niemand wird mir als Sippenoberhaupt folgen. Kasan fragte: ”Geht es dir darum?” Baj Büre sagte: “Ja, darum geht es mir. Hätte ich nur einen Sohn, der sich vor Bajindur Chan aufstellen und ihm dienen könnte, sodaß ich mich angesichts dessen freuen könnte und mit Stolz erfüllt würde”.

Und in “die Kunde davon wie Salur Kasans Zelt geplündert wurde” gibt der Vater seiner Erwartung vom Sohn Ausdruck:

Kasan sprach: ”Mein Sohn Urus soll mit dreihundert Kriegern mein Zelt bewachen”.

In der Nibelungensage kommt traditionsgemäß die Thronfolge auf den **Sohn** zu. Von Dankrat, dem Vater Utes heißt es, daß er das Land den Söhnen vererbt hat. Ute wird erst durch die Heirat zur Königin. Ähnlich ist bei den Oghusen der größte Wunsch von Mann und Frau, daß Gott ihnen einen gesunden Sohn schenkt. Darum beten sie. In “die Kunde von Bogatsch Chan, Dirsä Chans Sohn” heißt es:

*Wenn du einen Hungrigen siehst, speise ihn;
Wenn du einen Nackten siehst, kleide ihn;
Befreie den Schuldner von seiner Schuld.
Staple einen Berg Fleisch auf,
Lasse einen See aus qimiz melken.
Halte ein großes Festessen,
Bringe deine Bitte vor und laß alle beten,
Vielleicht, daß Gott erhaben einen Betenden segnet
Und uns einen kräftigen Sohn schenkt.*

Die Achtung, die die Gesellschaft der jeweiligen Familie zeigt, hängt größermaßen davon ab, ob sie einen Sohn oder eine Tochter hat:

*Wer einen **Sohn** hat, soll sich in das weiße Zelt setzen, wer eine **Tochter** hat, in das rote, wer weder Sohn noch Tochter hat, in das schwarze. Breitete schwarzen Filz unter ihm aus und tische ihm einen Eintopf vom schwarzen Schaf auf.*

Die Generationenbeziehungen im Vorwort zu den 12 Erzählungen reflektieren die herrschenden ethischen Werturteile und die Sitten in den damaligen Familien. Vom Kind wird erwartet, daß es

seinen Eltern gehorcht und von dem von den Eltern vorgeschlagenen und vorgeschriebenen Lebensweg nicht abweicht.

*Eine Tochter, die es nicht bei der Mutter sieht, hört nicht auf guten Rat,
Ein Sohn, der es nicht vom Vater hat, wird nie ein guter Wirt.*

*Ein plumper Sohn, der den Namen des Vaters nicht fortleben läßt, sänke besser nicht aus dessen
Lenden herab;
Und fiele er doch in den Bauch seiner Mutter, käme er besser nicht zur Welt.*

4. BEWERTUNG

Bei einem Vergleich von diesen zeitlich und örtlich voneinander weit abgelegenen Epen könnte man zusammenfassend sagen, daß bei der Schilderung historischer Fakten eigentlich die Psychologie des Menschen erörtert wurde. Für jede Handlung gibt es eine logische Erklärung, die aus den damaligen Sitten der unterschiedlichen Kulturkreise herauszufolgern ist. Die Menschen in den beiden Sagen sind nicht Herr ihrer Schicksale. Sie scheinen *nur* eine Macht und eine Willensfreiheit über ihre Taten zu haben, doch sind sie alle im Spiegel der Bräuche und Verpflichtungen betrachtet, nur ein Echo ihrer Zeit. Deswegen haben beide Epen an erster Stelle Anspruch auf historische Gültigkeit, auch wenn Dichtung die Wahrheit an manchen Stellen stark im Schatten läßt.

Aus der Betrachtung der einzelnen Abenteuer beim NL und den Kunden in den Dede Korkuterzählungen gehen viele Gemeinsamkeiten heraus. Es ergibt sich, daß in beiden Völkern die Frau, auch wenn sie dem Brauch nach dem Mann nachrangig ist, die Heldin oder die **Antiheldin** ist. In der burgundischen Gesellschaft bewegt sie sich freier, ist aktiver; in den oghusischen Familien ist sie die eigentliche Herrin im Haus, nur leitet sie die Familienmitglieder wie man im Türkischen sagt, „hinter den Vorhängen“, denn auch sie selbst möchte ihrem Mann die soziale Potenz nicht entwendet haben. Sie läßt ihre Macht entweder durch ihn oder den Sohn ausüben.

Es ist nicht zu verleugnen, daß die höfischen Sitten und die Verhaltensweisen der Oghustürken, wenn auch in vermindelter oder veränderter Form ihre Einflüsse bis heute bewährt haben und manche Familientraditionen aus dem Gesichtspunkt der den behandelten Stoffthemen inneliegenden Motive heraus interpretiert werden müssen.

Literaturverzeichnis

Ursula Schulze (1977) *Das Nibelungenlied*, Stuttgart.

Jan-Dirk Müller (2009) *Das Nibelungenlied*, Berlin.

Muharrem Ergin (Hg.) (2008) *Dede Korkut Kitabı*, İstanbul.

Hendrik Boeschoten (Hg.) *Das Buch des Dede Korkut, Heldenerzählungen aus dem türkischen Mittelalter*.

Liladhar R. Pendse
PhD, University of California-Berkeley
Lpendse@library.berkeley.edu

Encountering the epic in multicultural 19th century Europe: Tjutchev and Śakuntalā

The epic literary corpus has continued to serve as a space where the multicultural dialogues are often depicted as conversations. These dialogues between two individuals or even the group of people/s often end up defining various social agendas of the time that a particular epic wants to highlight. Not necessarily equal in their caliber or social standing the participants in the epics through their dialogues often times invoke mythological prowess of a particular heroes, affirm the moral fabric of a particular social group and allude to the notions of social justice in some cases. There are several well studied examples of such epics in Turkic speaking world, for example, Dede qorqut narrates through its twelve stories the progress and historical evolution of the Oghuz Turks. The Dede qorqut represents one of many Turkic dastans that are interlinked with the common heritage, the debate today that I want to engage the participants of this conversation is about how the multicultural narratives from the language of their original creation gets dislocated and transferred into another language.

One specific cultural context that comes to my mind for this paper is that of the land where I was born and raised-India. It is the land that is often understood in variety of ways or even misunderstood through its diversity, material culture and rich literary traditions. India in historical context has been a rich resource of epic literature. In this paper, I will focus on one particular epic of India, precisely Mahābharatā and on the dynamics of its “travel” to the Russian literary tradition. It is but normal for the text to travel through the time, medium and modes of expression and preservation. In case of India, it is also interesting to see the birth of Pendse epic literature as a sort of oral history narrative that was born in this case in Sanskrit but migrated and became also preserved in various languages of the sub-continent.

How the language that is not one’s is used to represent the soul of one’s homeland can be clearly seen in the context of epics of ancient India when it came to their translations from Sanskrit to Prakrit languages that were in fact derivatives of Sanskrit. However the more interestingly how a particular text of Indian epics get adapted in languages other than the derivative languages represent a special interest. For my case study, I chose Russian as the other language where the epics of India were adopted, translated, reconfigured. The epics and the foundational myths of India in this case Mahābharatā found a home in 19th century Russian literary space. This case study is about a journey of an epic.

The earliest edition of an excerpt of a story from Mahabharata text was published in Russian by Zhukovskii in 1844.¹ However we see interest of Russian literary elite in Indian epic literature can be traced as early as 1802.² In the article entitled, *Indii'skaia skazka*, we see an effort to “orientalize” the Indian literature on one hand.³ While on the other hand, we see an effort to present the exoticism that India represented through the discourse of the early 19th century *Vestnik Evropy*. The story-line might not be of interest for the purpose of this paper, however one should take in consideration this desire to understand the other, to adapt the other and to re-form the other. The multiculturalism in the

---

¹ Zhukovskii, Vasilii A, L Maidel, and Friedrich Rückert. *Nal' I Damaiañti: Indiiskaiã Poviēst'.* Sanktpeterburg: Fisher, 1844. Print.

² Istina, I. "Indii'skaia skazka." *Vestnik Evropy* 1, no. 2 (1802): 1-7. <http://dlib.eastview.com/browse/doc/10319590> (accessed November 9, 2014).

³ Четыре Эмира взяли и с великою учтивостию задушили Истину шелковыми подушками; опрыскали ароматами бездушное тело ее, и бросили его в самом уединенном месте сада. Многие люди считают Истину мертвою, потому что они задушили ее; но это ничто иное, как заблуждение. Она всегда на чистом воздухе оживает; и воскресшая красавица, пользуясь ночьюю темнотою, вышла из сада.

context where two civilizations meet in context of Russian and Indian encounters thus can be seen as a travelogue. The travelogue that was initiated by Afanasii Nikitin in 15th century and then continued by the Russian Romantic poets and authors of the 19th century serves thus as the milieu for investigation in multiculturalism on literary landscape.

There were several other texts of Śakuntalā that entered Russian consciousness. One such text was translation of Śakuntalā from English into Russian by Karmazin in 1792.¹ The portions of the text of Śakuntalā were published in *Moskovskii Zhurnal*. Bal'mont also translated a number of plays of Kālidāsa including Śakuntalā.² One can also note that Alexander Tairov opened play that was titled Śakuntalā in Moscow in 1914.³ Fet's Śakuntalā represents a reconstructed version that remains beyond the scope of the main topic of this paper. All these different interpretations and improvisations of the topic allude to the journey of epic or the parts of it in the 19th and 20th century European literary worlds, however Tiutchev's Śakuntalā remains the main object of the rest of my paper.

In 1826, Fyodor Ivanovich Tiutchev wrote one of his lesser known poems titled "Sakontala".⁴ The title of the poem alludes to a prominent character in the Hindu foundational myth in the Mahābhārata. The same Śakuntalā from Mahābhārata acquires a central role in Kālidāsa's fifth century Sanskrit play titled, "Abhijñāna-Śakuntalam". We know that Kālidāsa's play was translated first into English by William Jones in 1789 and then printed in London. What connects Tiutchev's "Sakontala" to the Hindu foundational myth is an interesting question that remains underexplored in the contemporary literature found in Mahābhārata or Kālidāsa's *Abhijñāna-Śakuntalam* and Tiutchev's narrative, "Sakontala".

We know that Tiutchev spent 20 years of his life away from Russia in Western Europe and the lasting influence of German authors and poets on Tiutchev is a well studied fact.⁵ We have no evidence that Tiutchev ever read Kālidāsa's play, and it was Goethe who introduced Śakuntalā to the Russian poet. One can further extend an argument that it was Goethe who influenced Tiutchev and that Tiutchev's poem is a mere reflective reaction to Goethe's 1792 four lined un-titled poem.

I argue that another way to understand Tiutchev's poem and its location within the intertextual matrix of the indicated poems is to compare the various narratives that are contained within the story of Śakuntalā in Mahābhārata, Kālidāsa's "Abhijñāna-Śakuntalam", Goethe's four lined un-titled poem and Tiutchev's poem. This comparison can allow us to focus on the features of Śakuntalā as the central character of Kālidāsa, Goethe and Tiutchev. It will be interesting to see how different or similar was Tiutchev's Sakontala from the vedic version. If Śakuntalā was different, then, in what aspects did Tiutchev fail or succeed to capture the essence of Śakuntalā that Kālidāsa conveys in his lyrical play. The interesting question here is not about the originality of Śakuntalā as she appears in each of the versions, but to look at how her character evolves within these narratives. As Mahābhārata⁶ serves as an impetus for Kālidāsa's Śakuntalā then it will be imperative to briefly examine Śakuntalā's portrayal in Mahābhārata.

Śakuntalā of Mahābhārata:

---

¹ Гамаюнов Л. С. Из истории изучения Индии в России. Очерки по истории русского востоковедения (Сборник статей). – М.: Изд-во вост. лит., 1956.р. 83.

² Kālidāsa, , Konstantin D. Bal'mont, S F. Ol'denburg, Kālidāsa, and Kālidāsa. Kalidasa: Dramy. Moskva: Izd. M. i S. Sabashnikovskh", 1916.

³ Figueira, Dorothy M. Translating the Orient: The Reception of Śakuntala in Nineteenth-Century Europe. Albany: State University of New York Press, 1991.

⁴ Тютчев Ф. И. Саконтала: (Из Гёте) ("Что юный год дает цветам..."), Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1987. P.72.

⁵ Pratt, Sarah. Russian Metaphysical Romanticism: The Poetry of Tiutchev and Boratynskii. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1984.

⁶ Emeneau, M. B. "Kālidāsa's Śakuntalā and the Mahābhārata." *Journal of the American Oriental Society* 82.1 (1962): 41-4. On Page 42

The story of Śakuntalā in Mahābhārata is incorporate in a chapter called Adiparvā.¹ I translate Adiparvā as “prologue to the main narrative”. However an exact translation is “the book of the beginning”.² The importance of Śakuntalā in Mahābhārata lies in the fact that she is the mother of Emperor Bhārata, who plays an important role in this fundamental Hindu foundational myth, one that to this day acquires paramount connotation in the consciousness about origins of the Hindus and their foundational myths. The name Mahābhārata can be translated as the Great Bhārata. The oldest version of Mahābhārata is dated by some to the last centuries B.C.E.³ The purpose of this study is not to focus on the meter and versification of Mahābhārata, but to simply look at how the story of Śakuntalā is woven into the narrative.⁴ One thing that becomes apparent from this narrative that Śakuntalā is an embodiment of beauty.

Is Tiutchev’s fourteen lined poem with the same title purely coincidental?

“Vaiśampāyana said:

The king, having failed to find the seer, looked at the girl who had addressed him and saw that she had beautiful hips, a lustrous appearance, and a charming smile. She was radiant with beauty, with the sheen of austerities and the calm of self-restraint. The king now said to the maiden, as perfect of shape as of age, “Who are you? Whose are you? Why, fair-waisted girl, have you come to this wilderness? Endowed with such perfection of beauty? From where are you, my pretty?” (Adiparvva 65).⁵

Here we see that Śakuntalā the maiden represents the Sun dynasty and that the King Duṣyanta belonged to the Moon dynasty.⁶ The union of dualities is what we would discover Tiutchev emphasized in his “Sakontala”. However, the story of Śakuntalā in Mahābhārata later on developed in two different story lines one popular of Kālidāsa and the other more linear version written by Vyasa.⁷

Kālidāsa’s magnum opus “Śakuntalā”:

Although Śakuntalā in Mahābhārata served as an archetypical Hindu heroine and mother, her essence of beauty indeed plays an important role in Kālidāsa’s “Abhijñana-Śakuntalam”.

“Abhijñana-Śakuntalam” of Kālidāsa is a play that was written in seven acts. According to Monier it was written by different accounts in the third century CE.⁸ The exact date of Kālidāsa’s existence is still debatable. We find the dates varying from 56 BCE to the sixth century CE.⁹ The play is a mixture of prose and stanzas that are written in different meters (Binyon vii).¹⁰ In the first act of the play, we find a rich description of the nature that surrounded Śakuntalā from her earlier years. The description of the beauty of Śakuntalā in the second act, translated into English, is as follows:-

“Thou hast not obtained the fruit [benefit] of thy eyes, since the best things worthy to be seen has not been seen by thee, i.e. until you have seen Śakuntalā, you may consider your eyes as barren, and

¹ There are seven chapters dedicated to story Śakuntalā in Adiparvā of Mahābhārata (Chapters 62-69).

² Thapar, Romila. Śakuntalā: Texts, Readings, Histories. New Delhi: Kali for Women, 1999. Pg.11.

³ Meisig, Konrad. "Śakuntalā, the Swan Woman." Asiatische Studien 54.1 (2000):249-83.

http://ucelinks.cdlib.org:8888/sfx_lo-

[cal?sid=CAPTURE:CAPTURE&issn=0004%2D4717&issue=1&atitle=Śakuntalā%2C%20the%20Swan%20Woman&title=Asiatische%20Studien&volume=54&genre=article&date=2000&spage=249&epage=83&au-last=Meisig&aufirst=Konrad&auinit=K](http://ucelinks.cdlib.org:8888/sfx_lo-cal?sid=CAPTURE:CAPTURE&issn=0004%2D4717&issue=1&atitle=Śakuntalā%2C%20the%20Swan%20Woman&title=Asiatische%20Studien&volume=54&genre=article&date=2000&spage=249&epage=83&au-last=Meisig&aufirst=Konrad&auinit=K)

⁴ Sinha, J. P. The Mahābhārata: A Literary Study. New Delhi: Meharchand Lachhmandas, 1977.

⁵ Buitenen, Johannes Adrianus Bernardus van. Book 1. The Book of the Beginning. The Mahābhārata / transl. and ed. by J. A. B. van Buitenen, Vol. 1. Chicago [u.a.]: Univ. Press, 1973. pp. 156-71.

⁶ Parmeshwaranand. Encyclopaedic Dictionary of Purāṇas. New Delhi: Sarup & Sons, 2001. p.1143.

⁷ Ibid., p. 1143.

⁸ Kālidāsa, and Monier Monier-Williams. Śakuntalā, A Sanskrit Drama, in Seven Acts. The Deva-Nāgari Recension of the Text, Ed. with Literal English Translations of All the Metrical Passages, Schemes of the Metres and Notes, Critical and Explanatory. Oxford: Clarendon Press, 1876. p.3. Henceforth in the footnotes to be referred as Kālidāsa.

⁹ Kālidāsa, Laurence Binyon, Kedārā-Nātha Dāsa Gupta, and Rabindranath Tagore. Śakuntalā. London: Macmillan and Co, 1920.

¹⁰ Kālidāsa, Laurence Binyon, Kedārā-Nātha Dāsa Gupta, and Rabindranath Tagore. Śakuntalā. London: Macmillan and Co, 1920.

created in vain; when they have fallen upon this object, they be said have yielded some fruit”(Monier 76).

Kālidāsa further continues as follows:-

“She appears to me like a matchless creation of the loveliest of women [or like another creation of the goddess of beauty], when I recollect [recollecting] the omnipotence of the Creator, and her graceful person, i.e. whatever was the method of her creation, whether she formed by the divine power of Brahmā by first painting a faultless figure and then breathing into it the principle of life, or by the mind by collecting into one ideal model a combination of various exquisite forms, it is clear that she is an unequalled beauty (or, she appears to me as another creation of the goddess Lakshmi).¹

One way to look at the Kālidāsa’s Śakuntalā is to look at the moral of the story and the end result of the reunion of Śakuntalā with King Dusyanta. The object of this play conforms to the notion of fate and its testing by individual circumstances. Śakuntalā is as much about the physical beauty as much as it is about the devout reinforcement of the fatalist paradigms early Hindu mythology. It is about the perseverance and belief of the characters in follow the prescribed trajectories that traverse through alternating discursive intense sufferings and pleasures.

Goethe and “Sakontala”:

In 1920, Rabindranath Tagore, in an introductory essay to Binyon’s translation of Śakuntalā, begins his essay with Goethe’s summation of Śakuntalā by quoting Goethe’s four lined poem in English translation. The original poem was written in 1791 and appears at the end of the essay called “An Friedrich Jacobi”. Goethe’s exposure to Śakuntalā was the result of a Forster translated Jones’s English Śakuntalā into German in 1791. The quatrain that Goethe wrote according to Rabindranath Tagore was not intended to dissect Kālidāsa’s long play, but was intended to condense what Śakuntalā meant to Goethe. Tagore further compares this quatrain to a flame in spite of its small size is able to light up the whole internal structure of drama (Tagore xiii).

duality that keeps on appearing in Kālidāsa is ultimately oriented towards the fading of the differences between the heavens and mortal earth.

This ultimate loss of difference resonates to me, as a reader, also in the poem that Goethe envisions below. The gradual loss of difference between birth and death is also achieved through the comparison of times in the narrative. The time that demarcates the beginning and the time that marks the ending are encapsulated through the seasonal variations that are mundane in their existence, yet this comparison, by which a blossom is transformed into a fruit, is in itself a miracle. The symbolism of the ordinary that progresses in one temporal direction ultimately to give meaning to someone through its utility seems to be a predominant paradigm in Goethe’s Śakuntalā. We know that in Hindu “imaginary” there are multiple conceptual heavens and not a single heaven as in the Christian sense. Thus, in this fading away of the barriers, which we, the mortals, experience through Śakuntalā, heaven becomes pivotal in our understanding of this simple quatrain.

Tiutchev’s “Sakontala”: A conceptual and structural analysis:

The title of the poem, “Sakontala” would have appeared totally unfamiliar to the common Russian reader of the time. This in turn could have complicated the contextual interpretation of Śakuntalā. I argue that Tiutchev himself might not have known the meaning of word Śakuntalā. Śakuntalā can be translated in English as “the one who was initially cared for by the Birds.” However, just like Śakuntalā from the Mahābhārata and Kālidāsa’s play, we see the use of a natural duality in Tiutchev’s poem that in my opinion alludes to the hybridity of Śakuntalā in an indirect sense. According to Kālidāsa’s narrative, Śakuntalā, as we know, was born due to the (the celestial nymph) and raised by Birds in a forest. As argued earlier, Tiutchev could not have known about the hybridist provenance of Śakuntalā as depicted in the Sanskrit versions.

Example, “Что нежит взор и веселит, Как перл, в морях цветущий”. The poet’s assumption once again is based on the duality comparison. Is the pearl from the cold waters of the seas capable of warming ones soul? Is it capable of making one’s souls alive? However as said earlier the warmth that the poet indicated to communicate is connected both to a pearl and also to the “all powerful

¹ Ibid., p. 79.

nectar”. The use of adjectives like *tsvetushchii* (flowering) and *vsemogushchii* (all powerful) to highlight the qualities of the intended object also alludes to the author’s desire to balance the poem.

In the first half of the poem, the alteration of “*tsevtam*” (to flowers) and “*plodam*”(to fruits) and the use of “*rumianets*” (blushing) and “*bagrianets*,” (rosiness) along with the introduction of verbs like “*veselit*”(to make merry) and “*zhivit*,”(to make alive), creates the an imaginary festive atmosphere that can be correlated to the one that Kālidāsa expresses in his Śakuntalā.

28. САКОНТАЛА

(Из Гёте)

Что юный год дает цветам¹ – Их девственный румянец; Что зрелый год дает плодам – Их царственный багрянец; Что нежит взор и веселит, Как перл, в морях цветущий;
<1826>

In the second half of the poetry below, we can notice the absence of a verb form (zero copulas), except in the penultimate line. Once again, the author constructs poem using similar nouns that proceed in a logical evolution. For example, *mechta* or a dream relates to *tvoren’ia* or creation to *krasota* or beauty and ultimately to *voobrazheniia* or imagination. I would argue that the construction of a verb-less second half gets interrupted only once, where the poet uses “*slila*”. The use of the verb, “*slit*” is indicative of the centrifugality of all of the other nouns, i.e., the dream as a precursor of creation of beauty and imagination united together in a singularity called “*Sakontala*”. I am not implying a simple linear progression of the terms, but these entire nouns end up reinforcing each other until, perhaps, an intended catharsis is achieved in the ultimate creation of something extraordinary, i.e., *Sakontala*.

Весь цвет сокровищниц мечты, Весь полный цвет творенья, И, словом, небо красоты В лучах воображенья, –

Всё, всё Поэзия слила В тебе одной – Саконталá.

As indicated earlier, I believe that in 1826 for the majority of Russian readers who might not have been familiar with the meaning of word “*Sakontala*”. How would they have interpreted the term *Sakontala*? The last sentence, *В тебе одной – Саконталá*, provides the context for an understanding. The poem thus becomes complete as a dedication to someone called “*Sakontala*”.

Further Thoughts:

I would argue that Kālidāsa’s emphasis in the concluding chapter about the importance of flowers² and of various fruits throughout Śakuntalā narrative as a comparison apparatus where by the mortal beauty was juxtaposed to the immortality of inner beauty and Śakuntalā’s divine conduct was extremely influential in Goethe’s creation of his own version of *Sakontala*. *Sakontala* for the Goethe can perhaps be examined as the derivative of the Kālidāsa’s translation.

If Kālidāsa uses the concept of *Ritūtsava* or ‘the festival of the season’³, I argue that the symbolic meaning of flowers and eventual development of some of these flowers in fruits was the one thus internalized by Goethe and subsequently by Tjutchev. I argue that due to the complexity of the text that Tjutchev’s “*Sakontala*” exhibits in its similarity with Kālidāsa’s Śakuntalā, we cannot simply

¹ Kālidāsa. In the third of act of the play, we see the poet describing Śakuntalā as follows, “As by the bee of the fresh, untouched tender blossom, (so) now by me eager-to-allay-my-thirst must the nectar of this under-lip of thine be gently stolen, O fair one (p.128). The use of complex word- *Aparikshitakomal* can be translated as the one who has not been tested and the one who is extremely delicate. I am not sure if Monier’s translation of the term is equivalent of the term ‘virgin’. I believe that the verb *Nezhit* can be also applied upwards to the flowers and fruits in Tjutchev’s poem. Что греет душу и живит, Как нектар, всемогущий; Весь цвет сокровищниц мечты, Весь полный цвет творенья, И, словом, небо красоты В лучах воображенья, – Всё, всё Поэзия слила В тебе одной – Саконталá.

² Kālidāsa. See reddish pale green mango blossom (p. 228), ‘*Bandhana*= the foot-stalk of the flower’ (p.229), ‘the bud of the mangoes’(p. 231). Etc.

³ Kālidāsa, and Monier Monier-Williams. Śakuntalā, A Sanskrit Drama, in Seven Acts. The Deva-Nāgari Recension of the Text, Ed. with Literal English Translations of All the Metrical Passages, Schemes of the Metres and Notes, Critical and Explanatory. Oxford: Clarendon Press, 1876. p. 227 The author comments on Kālidāsa’s sanskrit text as follows, “the *Vasantotsava* or *Ritūtsava* or ‘great vernal festival’ was dedicated to *Kāma-deva*, the god of love, must have been the object of worship in this festival”. He further continues the explanation as follows, “Flowers and especially the opening blossoms of mango, would naturally be much used for the decoration”.

disregard it as an effort to translate Goethe's quatrain. I further argue that although Goethe's quatrain could have served as a template for Tiutchev who did not have access to Śakuntalā's Sanskrit text for further qualitative deviation from Goethe's intentions. Thus the Sakontala that Tiutchev created can be defined as a related independent text that captures the complexity of Kālidāsa as reflected upon by Goethe- the nineteenth century German intellectual and then internalized by the nineteenth century Russian poet Tiutchev.

Works Cited

- Chaturvedi, Girdhari Lal. Re-Visiting Śakuntalām : A Commentary on Goethe's Śakuntalā-Epigram. Mathura: Brijrani Publication, 1991.
- Dinesman, T. G. Letopis. Zhizni i Tvorchestva F.I. Tiutcheva. Moskva; Muranovo, Moskovskaia oblast.: OOO "Litograf" ; Muzei-usad.ba "Muranovo" im. F.I. Tiutcheva, 1999.
- Emeneau, M. B. "Kālidāsa's Śakuntalā and the Mahābhārata." *Journal of the American Oriental Society* 82.1 (1962): 41-4.
- Figueira, Dorothy M. *Translating the Orient: The Reception of Śakuntala in Nineteenth-Century Europe*. Albany: State University of New York Press, 1991.
- Gamajunov, L S. [iz Istorii Izučeniia Indii V Rossii. (k Voprosu O Deiatel'nosti G.s. Lebedeva)]. S.l.?, 1956. Print.
- Goethe, Johann Wolfgang von, and Ernst Beutler . Gedenkausgabe Der Werke, Briefe Und Gespräche, 28 August 1949. Zürich: Artemis-Verlag, 1948.
- Gol'ts, T. M., and A. L. Grishunin. Severnaia Lira Na 1827 God. Moskva: Izd-vo "Nauka", 1984.
- Hodgson, Katharine. "Heine's Russian Doppelgänger: Nineteenth-Century Translations of His Poetry." *The Modern Language Review* 100.4 (2005): 1054-72.
- Istina, I. "Indii'skaia skazka." *Vestnik Evropy* 1, no. 2 (1802): 1-7. <http://dlib.eastview.com/browse/doc/10319590> (accessed November 9, 2014).
- Jones, William, Sir, 1746-1794 (trans.). *Sakontalā, Or the Fatal Ring; an Indian Drama by Kālidās: Translated from the Original Sanscrit and Prācrit*. Ed. Kālidāsa. Calcutta: Printed and Sold by Joseph Cooper [etc.], 1789.
- Kālidāsa., Georg Forster , and William Jones . *Sakontala, Oder, Der Entscheidende Ring : Ein Indisches Schauspiel*. Mainz und Leipzig: Bei Johann Peter Fischer ..., 1791.
- Kālidāsa., and Monier Monier-Williams . *Śakuntalā, a Sanskrit Drama, in Seven Acts. the Devanagari Recension of the Text, Ed. with Literal English Translations of all the Metrical Passages, Schemes of the Metres and Notes, Critical and Explanatory*. Oxford: Clarendon Press, 1876.
- Kālidāsa, , Konstantin D. Bal'mont, S F. Ol'denburg, Kālidāsa, and Kālidāsa. *Kalidasa: Dramy*. Moskva: Izd. M. i S. Sabashnikovoykh", 1916.
- Sinha, J. P. *The Mahābharatā : A Literary Study*. New Delhi: Meharchand Lachhmandas, 1977.
- Thapar, Romila. *Śakuntalā : Texts, Readings, Histories*. New Delhi: Kali for Women, 1999.
- Тютчев Ф. И. Саконтала: (Из Гёте) ("Что юный год дает цветам...") // Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1987. – С. 72.
- Veidle, V.,. *Goethe, 1749-1832*. Paris: UNESCO, 1949.
- Zhukovskii, Vasilii A, L Maidel, and Friedrich Rückert. *Nal' I Damaiānti: Indiiskaiā Poviēst'*. Sanktpeterburg: Fisher, 1844. Print.

Muxtar İmanov

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının müxbir üzvü,
Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Folklor İnstitutunun direktoru

“Dədə Qorqud” eposunda özünütanıma üsulları

Xalqın öz varlığı uğrunda çarpışmasını əks etdirən eposda (1, 134) fiziki güc (ox atıb, qılınc oynatmaq) heç şübhəsiz, aparıcı xətdir. Bununla bərabər, eposda gücün başqa bir göstəricisi də var: çətinlikləri ağıl işlətməklə dəf etmək. Qılıncın və ağılın gücünə kimin nə qədər arxalanmasından asılı olaraq epos qəhrəmanları arasında tipoloji fərqlər yaranır və bu tipoloji fərqlər özünütanıma üsullarına əsaslı şəkildə təsir göstərir. İstər qılınca, istərsə də ağıla arxalanan epos qəhrəmanlarının müəyyən davranış normalarına uyğun addımlar atması xüsusi stereotiplərin ortaya çıxmasına, müxtəlif xalqlara məxsus eposlarda özünütanıma üsullarının oxşarlığına səbəb olur. Amma eposda davranış normalarına o qədər də məhəl qoymayan qəhrəman tipi ilə də qarşılaşırıq və bu qəhrəmanın kifayət qədər fərqli olan özünütanıma üsulu ayrıca yanaşma və araşdırma tələb edir.

«Dədə Qorqud» eposu ilə bağlı konkret təhlillərə keçsək, həmin eposda diqqət mərkəzində duran igidlik, bahadırlıq normasını ilk növbədə qeyd etməliyik. Qeyd etməliyik ki, hadisələrin baş verdiyi Oğuz elində ad-san qazanmağın başlıca yolu qorxu-hürkü bilmədən döyüş meydanına atılmaq və döyüşdən qalib çıxmaqdır. El ağsaqqalı Dədə Qorqud Dirsə xanın döyüşdə buğaya qalib gələn oğluna Buğac, Alp Aruzun aslan südü ilə bəslənmiş oğluna yenilməz güc sahibi olduğuna görə Basat adı verir. Yeri gəlmişkən xatırladaq ki, Basatın aslan südü ilə bəslənməsi səciyyəvi bir cəhətin işarəsidir: qeyri-adi güc sahibi olan qəhrəmanı sakral zoomorfik mənşəyə bağlamaq. Bu cəhət məşhur epos qəhrəmanlarının bir çoxunda özünü göstərir. «Nibelunqlar nəğməsi»ndə Ziqfridi yada salaq. Öldürdüyü əjdahanın qanında çimməklə Ziqfrid oxbatmaz, qılıncəsməz qəhrəmana çevrilir. Ziqfrid öz yenilməzliyində zoomorfik mənşəyinə güvəndiyi kimi Basat, Salur Qazan və b. «Dədə Qorqud» qəhrəmanları da özlərini başqalarına təqdim edərkən sakral-mifoloji mənsubiyyəti xüsusi vurğulayırlar. Öz kökünü qaba ağac, xaqan aslan, sunqur quşu və s. kimi mifoloji varlıqlara bağlayan (2, 272; 2, 296) «Dədə Qorqud» qəhrəmanlarının qız bəyənib ailə qurmağında da əsas meyar evlənəcəyi gözəlin at minib, qılınc oynatmaq hünəridir. Evlənəcəyi qadına bu meyarla yanaşmağın nəticəsidir ki, şücaət göstərməkdə Burla xatun Qazan xandan, Banıçiçək Beyrəkdən, Selcan xatun Qanturalıdan heç də geri qalmır. Bu qadın qəhrəmanlar arasında Selcan xatun öz döyüşkənliyi ilə xüsusən seçilir. Təsədüfi deyil ki, tədqiqatçılar Selcan xatunu «Nibelunqlar nəğməsi»ndəki məşhur Brünhilda obrazı ilə müqayisə edirlər (3, 215; 4, 250).

Qılınc qəhrəmanlarının özünütanıma üsulunu izlədikcə «Dədə Qorqud» eposunda bahadırlığın hansı məzmun və mahiyyət daşımağını başa düşmək çətin olmur. Aydın olur ki, bahadırlıq geniş mənada Oğuz elini, konkret mənada isə ailəni, ata-ana, qardaş-bacı və oğul-uşağı təhlükədən qorumaq üçündür. Aman diləyəni bağışlayan, köməksizlərə əl tutan Salur Qazan Oğuz elinə təhlükə törədə biləcək hər hansı bir adama, hətta doğmaca dayısına qarşı son dərəcə amansızdır. Uruz qıyma-qıyma doğranmağa razıdır, təkəki ata-anasının namusuna ləkə gəlməsin. Yeynək öz atasını, Səgrək isə qardaşını düşmən əsirliyindən qurtarmayınca dinclik, rahatlıq tapa bilmir. Bahadırlığın bu fəlsəfi qadınların özünütanımasında da başlıca xətdir. Ağır yaralanmış Buğacın ölümdən, əsir düşmüş Uruzun dustaqlıqdan qurtarmasında analar əvəzsiz rol oynayırlar. Övlad yolunda fədakarlıq göstərən Oğuz qadınları ər yolunda da hər cür fədakarlığa hazırdırlar. Səgrəyin xanımı Səgrəkdən sonra, Dəli Domrulun xanımı isə Dəli Domruldən sonra yaşamağı özünə haram bilir.

Demonik varlıqla qarşılaşarkən, düşmən əlinə keçərkən Oğuz igidləri fənd-fel işlətməli olurlar. Təpəgözlə qarşılaşan Basatın düşdüyü vəziyyət Polifemlə qarşılaşan Odiseyin vəziyyətindən qat-qat ağırdır. Çünki Odiseyin məqsədi Polifemin əlindən öz canını qurtarmaq, Basatın məqsədi

Təpəgözün əlindən bütövlükdə Oğuz elini qurtarmaqdır. «Odissey Polifemi kor edir və canını qurtararaq... qaçıb gedir... Mifoloji funksiya kimi onun bundan artıq vəzifəsi yoxdur. Odisseydən fərqli olaraq Basat isə Təpəgözü (kor etməklə bərabər – M.İ.) həm də öldürür» (5, 255-256). Təpəgözü öldürməmiş geri dönməyəcəyini qabaqcadan özü üçün qətiləşdirən Basatın oxbatmaz, qılınckəsməz demonik varlığa qarşı fənd-fel işlətməsi zərurətdən doğur. Fənd-fel işlətmək Odissey kimi, Basatı da tam başqa bir müstəvidə – triksterlik müstəvisində tanımağa imkan verir.

Nağıl və lətifə qəhrəmanları üçün daha çox səciyyəvi olan triksterlik «Dədə Qorqud» eposunda Qazan xan və Beyrək obrazlarında da müəyyən qədər özünü göstərir. Qazan xan əsir tutulub salındığı dərin quyudan, Beyrək on altı illik dustaq həyatından ağıl işlədib, oyun qurmaq yolu ilə xilas olur. Dustaqlıqdan xilas olduqdan sonra Qazan xanın qarşısında heç bir maneə yoxdursa, Beyrək növbəti çətinliklə üz-üzədir: nişanlısı Banıçiçəyi yalandan Beyrəyin ölüm xəbərini gətirən Yalançı oğlu Yalançıya vermək istəyirlər. Bu məqamda Beyrək sözün həm hərfi, həm də məcazi mənasında dondan-dona girməli, özünü tam başqa adam kimi tanıtmalı olur. Odisseyin evə qayıtmasını xatırladan bu səhnədə Beyrək dəli ozan oyunu oynayır. Dəli ozan oyunu qızlar-gəlinlər oturan otaqda da davam edir. Beyrəyin burada Qısırca Yengə və Boğazca Fatma adlı qadınlarla zarafatlaşması əhvalatın təsvirində komizmi daha da gücləndirir və qarşıya aydınlaşdırılması vacib olan bir sual çıxır: Beyrəyin, həmçinin Qısırca Yengə və Boğazca Fatma kimi obrazların komik biçimdə özünütanıtması eposdakı mifoloji düşüncə tərzilə nə dərəcədə bağlıdır? Məsələ burasındadır ki, «Dədə Qorqud» eposunda ağac, aslan, sunqur quşu və s. kultlar kimi gülüş kultu da var. Başqa kultlar kimi gülüş kultu da güc mənbəyi və magik dayaq vasitəsidir. Demonik varlığa qarşı döyüşdə qaba ağac və xaqan aslan Basata magik dayaqdırsa, sosial çətinliklərdən keçib sevgilisi Banıçiçəyə qovuşmaqda da Beyrəyin magik dayaqlarından biri dəli ozandır. Bəli, Beyrək dəli ozan donuna girməklə xüsusi imkan və güc qazanıb yenidən doğulan bir qəhrəman kimi ortaya çıxır.

Qəhrəmanların özünütanıtmasında gülüşün kult səviyyəsinə qaldırılmasını «Bamsı Beyrək» boyunda Dədə Qorqud kimi müqəddəs bir adamın müəyyən qədər komik biçimdə təqdim edilməsindən də görmək olar. Bu komik biçim təsadüfi səciyyə daşımır və Dədə Qorqudun Dəli Qarcar adlı bir qəhrəmanla qarşılaşması hesabına ortaya çıxır. Dəli Qarcar eposda davranış normalarına məhəl qoymayan qəhrəmanlardan biridir. Davranış normalarına məhəl qoymamağın nəticəsidir ki, Dəli Qarcar bacısına gələn elçiləri öldürməkdən, Dədə Qorqud kimi müqəddəs adama əl qaldırmaqdan çəkinmir. Öz dəliqanlılığı, dəlisovluğu, ipə-sapa yatmamağı ilə seçilən qəhrəmanların «Dədə Qorqud» eposu üçün nə qədər səciyyəvi olduğunu eposdakı Dəli Domrul obrazı da göstərir. İmpulsivlik, gözlənilməz və ağılsız hərəkətlərə yol vermək Dəli Qarcar və Dəli Domrul obrazlarını birləşdirən əsas cəhətlərdir. Dəli Domrulun, ölüm mələyi Əzrayilla mübarizəsi gözlənilməz və ağılsız hərəkətlərdən biridir. Bu hərəkət Heraklın, ölüm allahı Tanatla vuruşmasını xatırlatsa da, arada açıq-aşkar hiss olunan fərqlər var. Başlıca fərq ondadır ki, Herakl allahlar allahı Zevsin oğlu, Dəli Domrul isə adi bir insanın oğludur. Zevs oğlunun ölüm allahına qarşı vuruşmasında təəccüb doğuracaq bir şey yoxdur. İnsan oğlunun ölüm mələyinə qarşı mübarizəsi isə heyratamiz bir hal kimi xüsusi maraq doğurur. Düzdür, bu mübarizədə qalibiyyət qeyri-mümkündür və Dəli Qarcar Dədə Qorquda məğlub olduğu kimi, Dəli Domrul da Əzrayilla məğlub olur. Amma maraqlıdır ki, bu məğlubiyyət eposda tənqidi ruhda yox, xoş bir təbəssümlə təsvir edilir. Dəlisov igidlərin gözlənilməz və ağılsız hərəkətləri eposda tənqidi ruhda yox, xoş bir təbəssümlə təsvir edilirsə, demək, bu hərəkətlərin arxasında dastançının özünəməxsus münasibəti gizlənilir. Arxaik düşüncə sistemindən doğan həmin münasibətə əsaslanıb deyə bilərik ki, ölçü-biçi bilməyib davranış normalarından kənara çıxmaq nizam-intizam yaratmağın tərsinə çevrilmiş variantı, dəlisovluq müdrikliyin dolayı ifadə formasıdır.

Ədəbiyyat

1. Б.Н.Путилов. Героический эпос и действительность. Ленинград, Наука, 1988
2. Kitabı-Dədə Qorqud. Əsil və sadələşdirilmiş mətnlər. Bakı, Öndər Nəşriyyat, 2004
3. İ.M.Rüstəmov. «Kitabi-Dədə Qorqud» və «Nibelunqlar nəğməsi»ndə süjet və motiv paralelləri // Bakı Slavyan Universiteti. Osvald Fon Volkenştayn Cəmiyyəti. Elmi əsərlər. Dil və ədəbiyyat seriyası. Birgə nəşrin xüsusi buraxılışı. Bakı, Frankfurt am Main, 2010, s.214-218
4. F.Cəlil. «Kitabi-Dədə Qorqud» və «Nibelunqlar nəğməsi» eposlarında döyüşçü qadın obrazlarının genezisi // Bakı Slavyan Universiteti. Osvald Fon Volkenştayn Cəmiyyəti. Elmi əsərlər. Dil və ədəbiyyat seriyası. Birgə nəşrin xüsusi buraxılışı. Bakı, Frankfurt am Main. 2010, s. 249-253
5. K.Abdulla. Mifdən yazıya və yaxud gizli Dədə Qorqud. Bakı, Mütərcim, 2009.

**Der Zusammenhang zwischen der Materialität der überlieferten,
'Nibelungenlied' – Handschriften und den möglichen kulturpolitischen
Interessen vermutlicher Auftraggeber**

Vom 'Nibelungenlied' und der 'Klage' sind heute 37 mittelalterliche Handschriften bekannt, mitgezählt ist dabei eine mittelniederländische Übersetzung (T). Klaus Klein hat Handschriften und Fragmente anlässlich einer großen Nibelungenschau im Karlsruher Schloss in den Jahren 2003/2004 im wissenschaftlichen Begleitband mustergültig verzeichnet. Joachim Heinzle und Lothar Voetz geben dort einen Überblick über alle Handschriften, deren Verhältnis und Textentwicklung. Seit dieser Zeit sind zahlreiche Publikationen unter vielfältigen Aspekten zu den drei großen Handschriften des 13. Jahrhunderts A, B und C erschienen. Knapp referiert kann A als Gebrauchshandschrift, nämlich als Vortragsexemplar, charakterisiert werden, B als repräsentative Sammelhandschrift höfischer Epik mit historischen und heilsgeschichtlichen Texten und C als repräsentative Handschrift mit deutlich archaisierenden Zügen, beide aber auch mit Benutzungsspuren vom (Vor-) Lesen. Daher werde ich sie in den weiteren Ausführungen nicht eigens behandeln.

Der Titel des Vortrages mag zunächst befremden. Bekanntermaßen sind neben Kaiser Maximilian I. als Auftraggeber und dem Schreiber Hans Ried keine Personen eindeutig urkundlich bezeugt. Von politischem und kulturellem Handeln im weitesten Sinne ist auf den ersten Blick lediglich im Inhalt von 'Nibelungenlied' und 'Klage' die Rede.

Erschwert wird die Fragestellung auch dadurch, dass viele Pergamenthandschriften den Buchbindern zum Opfer fielen und kleinste Fragmente oft nur noch wenig über die intendierte Wirkung des gesamten Codex aussagen können.

Eine besondere Ausnahme ist das 'Darmstädter Aventiurenverzeichnis' (m), das lediglich aus einem Blatt besteht, welches als Umschlag eines Ackerbuches diente und aus einem Mainzer Kloster stammte. Das Fragment aus dem 14. Jahrhundert (Mitte bis zweite Hälfte) überliefert ein Verzeichnis der ersten 28 Aventiuren-Überschriften. Sie lassen darauf schließen, dass die Handschrift eine Bearbeitung früherer Codices war und auch neue mündlich bekannte Inhalte einfließen ließ (Entführung Kriemhilds durch einen Drachen und ihre Befreiung durch Siegfried). Schriftlichkeit und Mündlichkeit haben nebeneinander existiert.

An einer Reihe weiterer ausgewählter Beispiele soll gezeigt werden, dass es auf diesem Gebiet noch Interessantes zu entdecken gibt.

'Nibelungenlied' und 'Klage': sogenannte "Prunner Handschrift" (D)

Die Handschrift D, eine ausgesprochene Zimelie, wurde auf Burg Prunn über der Altmühl im 16. Jahrhundert aufgefunden.

Die Herren von Prunn-Laaber waren ein altadeliges Geschlecht und gehörten zur Oberschicht des spätmittelalterlichen bayerischen Adels. Sie wirkten an der Stabilisierung der Wittelsbacher in Bayern mit. Immer öfter dienten sie als Schiedsleute, Schlichter und Unterhändler in Streitsachen des Herzogs. Ein Teil ihrer Selbständigkeit wurde begründet durch die Allianz mit Kaiser und Reich, augenfällig manifestiert in der Teilnahme an Reichstagen und Kriegen. Außerdem übernahmen sie verantwortliche Aufgaben bezüglich kirchlichen Besitzes, zum Beispiel erhielten sie bischöfliche Lehen aus Bamberg.

Nach Besitzveränderungen kam das Geschlecht der Fraunberger vom Haag im frühen 14. Jahrhundert als Lehensträger des oberbayerischen Herzogs Ludwig (1294–1347) auf die Burg.

Wahrscheinlich im Jahre 1338 kaufte Ritter Hans von Fraunberg das wehrhafte Gebäude, das bis zum Aussterben der Familie im Jahre 1566 (1567) deren Eigentum war. Wichtiger als den Prunn-

Laaber war dem Geschlecht der Fraunberger das Sozialprestige. Die Fraunberger waren im Gegensatz zur Familie Prunn-Laaber kein edelfreies Geschlecht, sondern stiegen aus den Ministerialen des Herzogs auf. Aus dem Dienstadel stammend und zu höheren gesellschaftlichen Ehren strebend, nahmen die Fraunberger an Turnieren teil. Im 14. und 15. Jahrhundert gehörten sie zum Turnieradel und galten als herausragende Kämpfer.

Auch die Fraunberger übten unterschiedlichste Aufgaben für die Wittelsbacher aus. Sie waren geschickt im Aufbau ihres Vermögens und ihrer Macht gegenüber den stets geldbedürftigen Wittelsbachern.

Unter den Fraunbergern setzte ein besonderer kultureller Aufschwung auf der Burg ein. Das Gebäude wurde aufwändig renoviert. Architektonisch repräsentative Elemente waren ganz im Sinne der angestrebten Machtdemonstration. In der Tendenz ging man weg von der Wehrburg hin zur komfortablen Wohnsituation.

Die Nibelungenhandschrift D wird heute in die dreißiger Jahre des 14. Jahrhunderts datiert und passt somit zur zweiten höfischen Blütezeit auf Prunn. Die Handschrift ist von einem Schreiber in sorgfältiger Textualis geschrieben, der offensichtlich auch Erfahrungen als Kanzleischreiber hatte (vgl. Handschrift C). Die äußerst prachtvolle Ausstattung zeigt sich in den Fleuronné-Initialen, die Größeren davon (6-8zeilig) meist in Gold und Blau; auffallend auch der Textanfang des 'Nibelungenliedes' in alternierend blauen und goldenen Großbuchstaben mit Fleuronnébesatz.

Nach dem Tod des letzten Grafen von Fraunberg fand Wiguläus Hund (1514-1588), einst Hofrat Herzog Albrechts V. (1528-1579), auf der Burg die Nibelungenhandschrift. Der Rechtsgelehrte und Staatsmann Hund interessierte sich stark für die Bayerische Geschichte. So geht aus seinem 'Bayrischen Stammenbuch' hervor, dass männliche Mitglieder des Geschlechts häufig den Namen Siegfried trugen und sich in Turnieren hervortaten. Nach Hunds 'Stammenbuch' war Prunn im 15. Jahrhundert vorübergehend im Besitz oder Pfandbesitz derer von Gumpfenberg. So kann man sich die Federprobe des Christoph von Gumpfenberg auf dem Spiegel hinten erklären.

Der Name Siegfried mit dem Ruf des größten Helden war jahrhundertlang bei den Fraunbergern beliebt. So darf man wohl davon ausgehen, dass der Prachtcodex in diesem Falle als literarisches Zeugnis der hohen Herkunft der Familie verstanden worden ist und dem Bedürfnis nach Repräsentation entsprach, was wertvolle Materialien notwendig machte.

'Nibelungenlied' und 'Klage': Handschrift J

In der Handschrift J haben wir es mit einem glücklichen Überlieferungsfall zu tun. Es handelt sich nämlich um eine Gebrauchshandschrift. Solche Handschriften waren oft im Laufe der Jahrhunderte dem Untergang preisgegeben. Das Pergament ist von unterschiedlicher Qualität, fehlende Ecken und zahlreiche Gebrauchsspuren weisen darauf hin, dass der Text tatsächlich in geselliger Runde vorgelesen worden ist. Der Schreiber, der allein um 1300 an der Handschrift arbeitete, bemühte sich auch in seiner Kopierweise auf Material sparenden Gebrauch und klares Schreiben. Am Ende der Handschrift finden sich noch die aristokratischen Lebenslehren 'Winsbecke' und 'Winsbeckin'.

Die Handschrift wurde im 19. Jahrhundert neu gebunden. Der Tiroler Adlige Anton von Annenberg (1427/1428-1483/84) wurde in der Germanistik besonders berühmt, weil die Handschrift J sich im 15. Jahrhundert in seiner Bibliothek befand. Sie ist mit seinem Besitzvermerk eindeutig gekennzeichnet. Leider hat sich kein Katalog der Annenberger Bibliothek erhalten. Aus den noch existierenden Büchern der Provenienz Annenberg hat Frank Fürbeth das doppelte Signatursystem der Bibliothek entschlüsseln können. Die Signaturen erlauben auch einen Einblick in die Phasen des Bibliotheksaufbaus. Christian Lackner, der sich ausführlich mit der heute in alle Winde zerstreuten Bibliothek befasst hat, hält es für wahrscheinlich, dass Anton von Annenbergs Bücher auf der Burg Latsch aufgestellt waren. Die inhaltliche Analyse muss natürlich unter dem Aspekt gesehen werden, dass bei geschätzten 250 Bänden die statistische Vergleichsgrundlage mit knapp 30 Bänden relativ schmal ist. Nach Lackner stellt sich die Situation so dar, dass die theologische Literatur klar vor-

herrscht (ca. 50 %), daneben finden sich die Themen Recht, medizinische Sachliteratur und Astrologisch-Prognostisches. Durch die Nibelungenhandschrift ist wohl oft übersehen worden, dass Poetica nur einen kleinen Platz in der Bibliothek einnahmen. Die Nibelungenhandschrift ist durch Kauf oder Erbe in Annenbergs Bibliothek gelangt. Soweit man weiß, besaß der Annenberger nur noch eine nicht für ihn gemachte Handschrift des 'Jüngeren Titarel', adelige Standesdichtung des 15. Jahrhunderts. Auf Anton von Annenbergs Exemplar steht »De disciplina hominis«, was das Verständnis des Werks als ritterlich-adelige Lebenslehre unterstreicht.

Inhaltlich sucht die Reaktion J Kriemhilds Gegner negativ darzustellen und sie selbst, Siegfried und Etzel als positive Gestalten wirken zu lassen.

'Nibelungenlied' und 'Klage': "Hundeshagenscher Codex" (b)

Die frühen Nibelungenlied-Handschriften sind alle unebildert, zeigen aber häufig eine ähnliche Ausstattung und Größe (z. B. C und D). Der Buchschmuck als solcher besteht oft aus roten und blauen Initialen (z. B. C und S). Vielleicht scheute man sich bei den frühen Handschriften, deren Text eine Art Vorzeitkunde darstellte, sie zu illuminieren. Die Einbände sind in der Regel nicht mit Stempeln, sondern einfachen Streicheisenlinien versehen. Viele Handschriften kann man einem Typus »Nibelungenbuch« zuordnen, es sind dann in der Handschrift außer 'Lied' und 'Klage' keine weiteren Texte enthalten (z. B. C, A und D).

Wie bekannt, ist das Nibelungenlied nicht mehr gedruckt worden. Ein großes Publikum interessierte sich für diesen Text nicht mehr. Dennoch haben sich sicher noch einzelne vermögende Personen an repräsentativen Codices erfreut.

Die Handschrift b ist die einzige, die das Nibelungenlied komplett mit kolorierten Federzeichnungen ausstattet. Helfrich Bernhard Hundeshagen kaufte den Codex 1816 in Mainz. Die äußerst prachtvolle Handschrift misst heute etwa 28 x 20,5 cm, obwohl sie zur Neubindung im 19. Jahrhundert beschnitten wurde.

Sie ist wohl in Augsburg entstanden und lässt sich laut Wasserzeichen um 1436-1442 datieren. Walter Kofler verweist auf die Augsburger Patrizierfamilie Gossembrot als möglichen Auftraggeber der Handschrift, die sich wertvolle Lektüre hätte leisten können; weitere Einträge des 16. Jahrhunderts deuten nach Kofler auf Adelsgeschlechter in Württemberg, die von Degenfeld (aus Geislingen an der Steige) und die von First oder Fürst (aus Öschingen, heute Ortsteil von Mössingen bei Reutlingen). Die Bilder waren eine wichtige Zutat für den Leser. »Zu allen Zeiten wird beim Blättern in der Handschrift der Blick zuerst auf das Bild gefallen sein, erst danach auf den Text«. So wird der Codex als Buch für einen einzelnen Leser gemacht worden sein, der sich an den Bildern erfreute. Hier geht es nicht mehr um gesellige Unterhaltung, sondern um das Lesevergnügen des Einzelnen.

Der Text zeigt zwei Besonderheiten: Einschübe als Referenz an den damaligen Zeitgeschmack: Hildebrand warnt zunächst an einer Stelle vor einer Art Pulver in mit Schwefel und Kohle gefüllten Rohren, die nach Kriemhilds Willen den Saal in Brand stecken sollten. Gegen Ende wird eine Wanderanedote auf Kriemhild und Hagen angewendet. Hildebrands Schwert ist so scharf, dass Kriemhild nicht merkt, dass sie durch die Taille hindurch getroffen wurde. Erst als sie sich nach einem goldenen Ring bückt, zerfällt sie in zwei Teile.

'Nibelungenlied' (Handschrift c)

Diese Handschrift aus der Wiener Hofbibliothek ist heute verschollen. Über ihre Materialität können wir also nur Vermutungen anstellen. Der letzte uns bekannte frühere Besitzer war Wolfgang Lazius (1514-1565), Arzt, Geschichtsschreiber und Humanist. Trotz Lazius' Mitteilung, es handle sich um einen sehr alten Codex, „scripto in membrana“, gab Lachmann ihm die Sigle c.

Kaiser Ferdinand I. adelte Lazius, der ihm treu ergeben war. Die Leidenschaft des hochangesehenen Gelehrten war die Geschichte. Er gab zahlreiche Publikationen heraus, die moderner wissenschaftlicher Kritik größtenteils nicht standhalten können. Auch sein Lebenswerk, das in einer großen

Darstellung der österreichischen Geschichte hätte gipfeln sollen, konnte er wegen seines frühen Todes im Alter von 51 Jahren nicht verwirklichen. Im Zusammenhang des 'Nibelungenliedes' ist sein Werk zur Völkerwanderung 'De gentium aliquot migrationibus [...]' von Interesse, da er dort Exzerpte aus seiner Nibelungenhandschrift integrierte. Die Handschrift c steht daher bei Lazius für eine Art Geschichtsbuch, wo er sein wissenschaftlich humanistisches Interesse befriedigen konnte. Über die ursprüngliche Funktion der Handschrift lässt sich beim gegenwärtigen Stand nicht viel sagen. Vielleicht wird sie in Wien ja wieder aufgefunden. Joachim Heinzle geht davon aus, dass es sich um ein Heldenbuch handelte, weil Lazius neben dem 'Nibelungenlied' auch aus dem Heldengedicht 'Laurin' zitiert. Außerdem weist er darauf hin, dass der Codex auch aus der mündlichen Tradition geschöpft haben könnte, da Lazius eine Strophe wiedergibt, die in der sonstigen schriftlichen Überlieferung des 'Nibelungenliedes' fehlt.

'Nibelungenlied' und 'Klage': Handschrift d

'Nibelungenlied' und 'Klage' (d) sind enthalten im Ambraser Heldenbuch, das benannt wurde nach dem früheren Aufbewahrungsort (Schloss Ambras, Innsbruck) und dem Inhaltsverzeichnis „Tabula des Heldenpuchs“.

Der Auftraggeber des monumentalen Werkes war Maximilian I. von Habsburg (1459-1519, ab 1508 Kaiser des Heiligen Römischen Reiches).

Der in Innsbrucker Kanzleischrift ausgebildete Schreiber Hans Ried (gest. 1516) war Zöllner am Eisack bei Bozen (seit 1500). 1506 bat er darum, das Zöllneramt quittieren zu dürfen, um sich ganz dem Schreiben des *Risenpûch[s]* widmen zu können. Projektleiter des Unternehmens war Amtmann zu Bozen, Paul von Liechtenstein, Marschall des Innsbrucker Regiments. Aus der Bibliothek Liechtensteins könnten auch Vorlagen für Ried benutzt worden sein, möglicherweise stammten Vorlagen für Ried von der Burg Runkelstein bei Bozen. Auf feinstem Pergament schrieb Hans Ried mit Unterbrechungen zwischen 1504 und 1515 (oder 1516) an dem Buch. Die floralen Schmuckelemente an den Rändern sind nach dem Tod Rieds von anderer Hand 1517 ausgeführt worden.

Das Format ist ungewöhnlich groß. Die Blattgröße beträgt 46 x 36 cm, daher ist Rieds Formulierung *Risenpûch* völlig zutreffend. Er hat die Blätter dreispaltig zu 66-68 Zeilen beschrieben. Das 'Nibelungenlied' steht auf Bl. 95ra-127va, die 'Klage' auf Bl. 131va-139vb. Beide Teile sind nicht vollständig. Es ist das letzte Mal, dass 'Nibelungenlied' und 'Klage' eine Niederschrift erfahren. Die Nibelungen stehen im Kontext einer Vielzahl weiterer mittelhochdeutscher erzählender Texte des 12. und ausgehenden 13. Jahrhunderts, die außerdem oft nur noch unikal im 'Ambraser Heldenbuch' überliefert sind.

Alle genannten Fakten der Ausstattung einer Handschrift, die noch zu Beginn des 16. Jahrhundert hergestellt wurde, sprechen dafür, dass ein repräsentatives Buch geschaffen werden sollte. Durch das qualitätvolle Pergament und die Zusammenstellung wurde Wert darauf gelegt, dass die alten Texte für die Zukunft gesichert waren, es war also auch ein antiquarisches Interesse gegeben.

Bei Maximilian kommen jedoch weitere Aspekte hinzu. Die altehrwürdige Überlieferung sollte auch in die Zukunft weisen. Geschickt ging Maximilian ebenso mit den neuen Medien, mit Buchdruck, Holzschnitt und Papier um. Im Zentrum seines Schaffens ging es ihm um den Begriff der „Gedechnus“ (Gedächtnis, Erinnerung), und zwar an das Kaisertum, das Reich, sein Haus und seine eigene Person. Maximilian wollte sich nicht nur in seiner Zeit in eine Reihe von Helden oder Recken stellen, sondern seinen Ruhm vor allem auch für die Zukunft sichern. Dem irdischen Herrscher sollte nach dem Tode der ewige Ruhm unmittelbar folgen. Maximilian war klar: „Wer in seinem Leben kain Gedächtnus macht, der hat nach seinem Tod kain Gedächtnus, und desselben Menschen wird mit dem Glockendon vergessen und darumb so wird das Gelt, so ich auf die Gedechnus ausgib, nit verloren.“

Erlauben Sie mir einen kleinen Exkurs: Neben dem geschriebenen 'Ambraser Heldenbuch' ließ er als wichtigstes Buch den gedruckten 'Theuerdank' anfertigen. Die leichte Vervielfältigung durch den Druck einerseits und die Eindringlichkeit des Erlebten durch Holzschnitte von bedeutenden

Künstlern seiner Zeit dienten seinen Zwecken. Die verschiedenen und erst nach Maximilians Tod auf Veranlassung seines Enkels Erzherzog Ferdinand (1503-1564) verliehenen Ausgaben verknappten das Angebot und machten das Werk zur Rarität und besonderen Auszeichnung zugleich, wenn es nicht nur auf Papier, sondern sogar auf Pergament gedruckt war.

Im Theuerdank sichert sich Maximilian über den eigenen Tod hinaus als Held (Recke, Ritter) zu leben. Der Schlüsselroman¹ beschreibt die vielen Gefahren, die Maximilian alias Theuerdank bei der Brautwerbung um Maria von Burgund alias Ehrenreich zu bestehen hatte. Das Motiv der Brautwerbung erinnert an das Nibelungenlied. Daher wusste man, wie gefährlich eine Brautwerbung sein konnte. Andere Beispiele sind die in Altdorfers Werkstatt hergestellte Ehrenpforte, aber auch Maximilians Grabmal, welches er lange vor seinem Tode geplant hatte. Als wäre es selbstverständlich, stehen König Artus und Dietrich von Bern aus dem 'Ambraser Heldenbuch' neben den Vorfahren, die in der Innsbrucker Hofkirche zu Maximilians Totengeleit versammelt sind. Die beiden historischen und doch eher literarischen Figuren fallen durch ihre elegante zeitgenössische Gestaltung auf. In ihrer Reihe sah sich Maximilian.

'Nibelungenlied': Handschrift k 'Li(e)nhart Scheubels Heldenbuch', auch „Wiener Piariastenhandschrift“ nach dem Ort der Auffindung genannt

Auf dem ersten Blatt der Handschrift k (um 1480/1490 gemäß Wasserzeichen) findet sich der Besitzeintrag Lienhart Scheubels aus Nürnberg:

„Daz buech vnd bethschafft sol nymant hassen
Ist linharz schewbels an der prayten gassen.“

Lienhart Scheubels 'Nibelungenlied' ist in einem Konvolut anderer 'Heldenbücher' überliefert und ursprünglich ungebunden einzeln gelesen und vorgetragen worden. Zahlreiche Gebrauchsspuren zeigen, dass es eifrig verwendet wurde. Es handelt sich um eine rein strophische Sammlung. Die Nibelungenstrophe wurde durch die einfachere Hildebrandsstrophe ersetzt.

Der Text in Scheubels Sammlung ist eine äußerst freie Bearbeitung des 'Nibelungenliedes'. Lothar Voetz verweist nachdrücklich auf deren „Qualität und Lebendigkeit“, die jedoch Berührungspunkte zu anderen Handschriften nicht verhindert, vor allem zur Darmstädter Handschrift n. Eine inhaltliche Besonderheit hat die Handschrift k mit C und a gemeinsam, nämlich dass die 8 Zusatzstrophen zum Kloster Lorsch enthalten sind.

Zu Beginn des Textes stellt eine ganzseitige Miniatur die Ermordung Siegfrieds dar. Die 'Klage' ist in dieser Handschrift nicht überliefert. Die Themenauswahl weist eher auf Brautwerbung und Hochzeit hin, das heißt, das Konvolut war für Feste konzipiert. Im 'Nibelungenlied' verdeutlichen es zwei Überschriften zur Hochzeit Kriemhilds mit Siegfried und zu der mit Etzel. Zahlreiche Hinweise gibt es auch auf einen möglichen Gesangsvortrag (Meistersinger-Usus in Tonangabe, „sagen“ wird häufig durch „singen“ ersetzt.). Besondere Mühe hat man sich bei Strophengestalt und Versform gegeben, wohl um die Singbarkeit zu erleichtern.² Die Strophen sind durch waagerechte Striche getrennt, die Verse abgesetzt, was einen Vortrag durch die Übersichtlichkeit erleichtert.

Dieser Aufsatz musste am 9.2.2014 beendet werden. Danach erschienene Literatur konnte deshalb nicht aufgenommen werden.

¹ Ursula Schulze, Dietrich von Bern und König Artus – Maximilian/Theuerdank, Ein verändertes Heldenbild und die intermediale Kohärenz des Buches, Jahrbuch der Oswald von Wolkenstein-Gesellschaft 17 (2008/2009) S. 23-57, hier S. 24.

² Gisela Kornrumpf, Lienhart Scheubels Heldenbuch, in: Killy Literaturlexikon. Autoren und Werke des deutschsprachigen Kulturraumes, 2., vollständig überarbeitete Auflage, hg. von Wilhelm Kühlmann u.a., Bd. 10, Berlin/New York 2011, S. 321f.

Р.Г.Кулиева

Бакинский Славянский Университет
Азербайджан, Баку

Образ Газан-хана в «Китаби Деде Коркут» и его исторический прототип

В системе образов «Китаби Деде Коркут» особое место занимает Газан-хан или Салор-Газан. С одной стороны, это – конкретный исторический деятель, сложная и неординарная личность, с другой – главное действующее лицо эпоса (дастана), где существуют свои законы.

Газан-хан как исторический деятель – седьмой хан государства Хулагуидов родился 5 ноября 1271 года в Абескуне (Мазандеран) и умер 11 или 17 мая 1304 года в Казвине. Его кормилицей была китаянка по имени Ишенг. Старший сын Аргуна от Култак-эгечи, внук Абаги, Газан-хан правил с 1295 по 1304 годы. Он был воспитан в буддизме. Впервые его посадили на коня, когда ему было три года, и после чего его воспитанием стали заниматься мужчины. В 1274 году вместе с отцом прибыл в Тебриз к своему деду ильхану Абаке. Абака, увидев внука на коне, радостно произнёс: «Этот отрок достоин того, чтобы быть при мне». И с тех пор о нём заботилась старшая жена Абаки Булуган-хатун. С юных лет Газан проявил интерес к боевой и военной службе, поэтому, когда ему исполнилось пять лет, Абака-хан поручил его воспитание китайскому бахши Яруку. Тот привил ему манеры принца, обучил его монгольскому и уйгурскому языкам. В течение пяти лет, пока продолжалось воспитание, Газан в совершенстве овладел искусством верховой езды и стрельбы из лука. Его мастерство было столь высоким, что Абака-хан не раз отмечал: «На челе этого отрока видны следы могущества и счастья». Когда в 1284 году на престол взошёл его отец Аргун, Газан стал наместником Хорасана, Мазандерана, Кумиса и Рея. Его правление было столь успешным, что и при Гайхату-хане в 1291-1295 годах он продолжал управление этими провинциями. О степени его приверженности буддизму говорит тот факт, что в период своего наместничества он построил в Кучане буддистский храм. 26 марта 1295 года его двоюродный брат Байду казнил Гайхату-хана и силой захватил престол. Газан-хан начинает борьбу с узурпатором Байду. В битве Байду терпит поражение, и когда эмиры Газан-хана хотели преследовать врага с тем, чтобы добить их, Газан-хан говорит, что «эти дружины – слуги дедов и отцов наших, как можно их убивать из-за наглости нескольких смутьянов». Проявив милосердие к врагу, он заслужил их уважение и многие приняли его сторону, в результате чего, в октябре Байду был свергнут и убит своими же сторонниками. Чтобы заручиться поддержкой народа по совету Ноуруза – одного из сильнейших и знатных эмиров – Газан-хан вместе с соратниками и близкими ему людьми принимает ислам и получает мусульманское имя Махмуд. Это происходит 16 июня 1295 года в горах Эльбруса в замке Ларджан. Замечательный теолог и мистик Садр ад-Дин Ибрагим Хамави (1246-1322) был его наставником в вопросах веры.

Так, ислам стал государственной религией, а Газан-хан получает поддержку мусульманской чиновной знати. Столицей государства становится Тебриз, где за время его правления были построены величественные здания мечетей, медресе и т.д.

Одержав победу над Байду, Газан-хан заслужил признание народа и на курултае в Карабахе (Арран) 3 ноября 1295 года был провозглашен илханом (эльханом – избранником народа).

Язычники-монголы, следуя его примеру, приняли ислам, а недовольные были вытеснены из государства, ибо Газан-хан издал закон, по которому не принявшие ислам должны были покинуть страну и вольны держать путь на все четыре стороны, дабы не оскверняют лицемерием чистоту религии. Благодаря этому, ислам стал государственной религией. Проведённые мероприятия позволили его подданным назвать его реформатором ислама. Это ослабило позиции иных верований, в частности, идолопоклонства, на подвластной ему территории.

Именно в его время строятся мечети и молельные дома для путников (ханега). Возведение же храмов идолопоклонников было окончательно запрещено. Все эти преобразования серьёзно подорвали монголо-армянские отношения и в итоге привели к падению киликийского армянского царства.

Как исторический деятель, Газан-хан правил с 1295 по 1304. Во время правления отвергает идолопоклонство и приказывает разрушить в Тебризе, Багдаде и других городах все языческие храмы, церкви и синагоги и объявляет ислам государственной религией. Ему важно заручиться поддержкой мусульманской знати, ибо основная цель его – создание единого централизованного государства. Во время правления Газан-хана была создана вестовая почта, через каждые 21 километр были опорные пункты связи (ямы), куда назначены были эмиры и персонал чиновников, обслуживающие данные пункты. Газан-хан обновил ярлыки и указатели, запретил любые взимания с населения. Каждый отправляющийся в путешествие получал на путевые расходы из казны и обязан был обратиться в соответствующую контору. Вдоль дорог были выстроены караван-сарай и всем путникам запрещено было останавливаться у местного населения. Создание таможенной службы привело к порядку и дисциплине. Реформы в почтовой службе проводились в течение 2-х лет.

Газан-хан издал указ о прикреплении крестьян к земле. Возродил в городах ремесленное производство, это были государственные мастерские, где вначале трудились рабы, затем они стали получать жалованье.

Газан-хан сделал попытку проведения судебной реформы, особое внимание было уделено созданию единой денежной системы, введению единой системы весов и меры, упорядочению сбора пошлин на дорогах и рынках. В реализации и проведении реформ Газан-хану оказывал помощь его главный визир – Фазлуллах Рашид-ад-дин – выдающийся историк, ученый и врач, происходивший из учёной еврейской династии, принявшей ислам.

Эти реформы усилили державу, но непомерные налоги привели к усилению гнёта и разорению крестьян. Даруя земли военно-кочевой знати за военную службу (икта), на деле же эти земли передавались по наследству их потомкам, которые наследовали и налоговый иммунитет. В результате чего казённые земельные фонды сокращались и, соответственно, уменьшался и доход государства.

Традиционная политика ильханов – борьба против египетских мамлюков. Даже принятие ислама не изменило политики Газан-хана: он совершает за четыре года (1299-1303) три похода в Сирию, заняв Халеб в конце 1299 года.

Газан-хан в своей политике был независим, на него никто не мог влиять – ни монгольские эмиры, ни царствующая династия. Каждый, кто угрожал стабильности государства или пытался посягнуть на благополучие и неограниченность его власти, беспощадно устранился.

Газан-хан был незаурядной личностью. Он был прекрасно образован. Не случайно исследователи подчёркивали его интеллигентность. Кроме монгольского, он владел персидским и тюркским языками, знал арабский, хинди, китайский, кашмирский и «франкский» (французский). Блестяще знал историю своего народа, а также историю и культуру Ирана. В круг его интересов входила медицина, астрономия, химия; он собирал растения, в которых хорошо разбирался. Установил, что целебные травы, ранее привозимые из Китая, Индии и Туркестана, произрастают и в Азербайджане и Персии.

Дастан – особый художественный мир, в котором герои живут и действуют в определенной художественной системе. Салор-Газан появляется почти во всех частях произведения. Газан-хан – бейлер-бек, полководец, сын Улаша. Он – вдохновитель огузов. Салор-Газан по законам эпического повествования представляет собой цельный, целеустремлённый характер, чьё слово и дело никогда не расходятся между собой. Честь для него – синоним жизни. Это человек поступка, подвига. В эпосе он показан и как отец, который сожалеет о том, что сын не совершил подвига и в старости ему не на кого будет положиться.

В «Китаби Деде Коркут» Газан-бек, Салор-Газан-хан, Газан, Улаш-оглы Салор-Газан после Баяндыр-хана, самый замечательный деятель и предводитель огузов. Газан-хан не только воин, вождь, надежда и опора всех огузов, но и певец, музыкант, что делает его личность эпически всесторонней. Газан готов отказаться от своего состояния, даже оставить в плену сына и жену, но просит гяура освободить мать, ибо авторитет матери в тюркском мире абсолютен. Реальный хан огузов Баяндыр упоминается в эпосе лишь как тесть Газана. Даже пиры, которые устраивает Газан, по щедрости и богатству превосходят пиры Баяндыра. То, что он всё своё имущество периодически отдаёт «на разграбление» своим сподвижникам, говорит о его бескорыстии как полководца, который благополучие рода ставит выше личного успеха.

Личность Газан-хана примечательна и показательна не только в историческом контексте, но и в мире дастана, а это важнее, ибо дастан увековечил его имя навсегда, сохранил его имя в памяти народной навеки.

**«Китаби Деде Коркут» и «Песнь о Нибелунгах»:
возможности взаимодействия в новом мультикультурном контексте**

Как видно из названия, я больше буду говорить о методологии, о «возможности» нового контекста для взаимодействия двух эпических памятников.

Чтобы сделать яснее мою цель, зададим такой метафорический вопрос: могут ли Деде Коркут, легендарный автор «Китаби Деде Коркут», и Зигфрид, главный герой «Песни о Нибелунгах», услышать друг друга? Попробую еще более конкретизировать свой вопрос: способны ли мы построить такой смысловой контекст, в котором Деде Коркут и Зигфрид, смогут взаимодействовать.

Сразу скажу, что «услышать» (уметь слушать и понимать) одно из ключевых слов моего выступления. Напомню, что проблема «другого», которого мы не слышим и не понимаем, стала одной из самых сложных и драматических в XX, и уже в XXI, веке. И дискуссия о мультикультурализме, когда одни говорят о его реальности, другие считают, что это всего-навсего иллюзия, спрятанная за политкорректной формулой, так или иначе, сводится к проблеме «другого». Именно в таком контексте, хотелось бы рассмотреть возможность взаимодействия «Песнь о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут», без ложной политкорректности и риторической вежливости.

Мы должны отдавать себе отчет, что сами тексты «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут» и сегодня остаются достаточно далекими друг от друга. Они по-разному живут в своих культурах («Песнь о Нибелунгах» в немецкой, «Китаби Деде Коркут» в азербайджанской), исследователи работают в различных культурных и научных традициях. Поэтому мы должны сделать усилия, чтобы услышать друг друга.

Если говорить образно, это похоже на то, что случайно встретились два человека из разных стран, и с удивлением обнаружили, что оба одеты в одинаковые костюмы, а галстуки у них одной расцветки. Они улыбнутся друг другу, пожмут друг другу руки, и разойдутся довольные собой. Позже они поймут, что костюмы и галстуки ничего не означают, что между ними есть различия, что эти различия фундаментальные. И при следующей встрече они встанут перед дилеммой, как и в прошлый раз, ограничится взаимной вежливостью, или попытаться что-то предпринять, поскольку любое взаимопонимание помогает преодолеть взаимное отчуждение.

Условно выделю три этапа во взаимоотношениях «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут».

Первый этап, когда памятники живут в параллельных мирах, но между ними можно выявить некоторые общие признаки, которые говорят о типологической близости культур. На это важно обратить внимание, поскольку речь идет о единстве мировой культуры, которая и делает возможным диалог между культурами. Культуры могут расходиться и сходиться, перегонять и отставать друг друга, но важно фиксировать периоды, в которые между ними обнаруживается типологическое сходство. Чтобы каждый раз убеждаться в единстве мировой культуры.

«Песнь о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут» относятся к памятникам героического эпоса. То есть с одной стороны это Слово, рассказ, повествование, а с другой стороны это Слово – героическое. Во многих случаях это героическое Слово пограничное между непосредственной жизнью и жизнью опосредованной, родоплеменной и общественной. В этом смысле в «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут» можно обнаружить архаическую мифологию и исторические описания, архаические ритуалы, которые структурируют жизнь, и воинский кодекс, в котором преобладают воинские принципы чести. Устное слово, носителем которых являются шпильманы и озаны, и слово, которое записывается и закрепляется в Книгу,

в Китаби и т.д. В силу пограничности, когда можно смотреть в прошлое и в будущее, памяти героического эпоса занимают значительное место в национальных культурах. Вспомним слова Гегеля: «эпическое творчество, есть сказание, то есть Книга, или Библия народа, и у каждой великой и значительной нации есть такие абсолютно первые Книги, где высказано то, что составляет изначальный дух народа». Не будем придирается к слову «значительный», главное, что практически все народы имеют эти «абсолютно первые Книги», и эти книги *героические* по своей сути.

Сравнительное изучение «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут» позволяет обнаружить множество сходных мотивов. Не буду касаться этой специальной темы, относящейся к области сравнительного литературоведения. Скажу только, что можно обнаружить близость в образах Зигфрида и Салор-Казана, прежде всего в отношении к чести и воинскому долгу. Любопытно сравнить такой общий мотив как состязание со строптивой невестой, Гюнтера с Брюнхильдой. Бамсы Бейрека с Бану-Чичек. Есть много общего в образах дев-воительниц Кримхильды и Бурла-хатун, для которых честь мужа имеет не семейно-бытовой, а общественный характер. Достаточно сказать, что Брунхильда мстит не мужу за братьев, а братьям за мужа. Можно найти близость других образов и сюжетных мотивов. Но вновь повторю, дело не в таком повторении, в конце концов, описаны бродячие сюжеты древности и средневековья, которые передаются от народа к народу, от одной эпохи к другой. Важнее подчеркнуть, что речь идет не о случайном дублировании, а об общей типологии культуры.

Особо остановлюсь на героике, поскольку и «Песнь о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут», *героические* сказания. Очень важно, чтобы мы интерпретировали героику прошлого, не перенося исторические реалии того времени в современную эпоху (в Интернете часто можно встретить подобные интерпретации). Война когда-то была нормальной функцией народной жизни. Не случайно, почти все цивилизованные народы сохраняют свои героические книги о том, как самые первые предки (первопредки) этих народов побеждали своих врагов, которых они нередко и за людей не считали. Героика позволяла придавать сакральность этим первопредкам и их поступкам, а тем самым, сакральность *началу* своего народа. Логика не очень сложная, мы есть, потому что были они, наши первые предки, самые первые, самые сильные, которые защитили нашу землю и, самое главное, защитили наш образ жизни.

Как же сегодня воспринимать героику, если война давно перестала быть символом воинской доблести и воинской чести? Симона Вейль, не только глубокий мыслитель, но и женщина, сохранившая героическую стойкость духа в самых бесчеловечных условиях жизни, в одной из своих статей пронизательно назвала «Илиаду» Гомера «Поэмой о Силе». На мой взгляд, это относится не только к «Илиаде», а ко всем памятникам героического эпоса. Это именно «поэмы» и поэмы о «силе», и в этом смысле «Силу» следует понимать не буквально, а в расширенном значении этого слова. Речь идет не только о победе и поражении, но как не парадоксально и о том, что перед Силой не следует сдаваться, даже понимая, что Сила всегда способна повергнуть героя. В этом смысле все «поэмы о Силе» имеют трагический характер, явно выраженный, или подспудный. Вспомним, что в «Песне о Нибелунгах», всякая радость, как правило, оборачивается если не прямым несчастьем, то горечью. И совсем не случайно, то ли сам мудрый Деде Коркут, то ли пронизательный катиб, который записал цикл сказаний Деде Коркута, к 11 песням о том, как героические огузы сокрушали чужеземцев, добавил последнюю двенадцатую о том, как из-за внутренних распрей гибнет один из главных героев, Бамси-Бейрек, которому пришлось выбирать между дядей по матери («дайы» до сих пор считается главным мужчиной материнского рода) и предводителем военной дружины в бою.

Теперь, перейдем ко второму этапу, в котором «Песнь о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут» максимально отделились друг от друга.

Если на первом этапе мы говорили о типологической близости культур, то теперь мы, напротив, должны говорить о типологическом расхождении. Если очень коротко, то речь идет о «новом времени». При всей условности этого термина, речь идет о возникновении европо-

центристской цивилизации, о постепенном расширении понятия «Европа», и об экспансии европейской цивилизации в другие страны и регионы. Именно эта экспансия, и то, что не все народы вступили в этот период одновременно, определяет то, что можно назвать «колониальным» дискурсом, который охватывает не только новое, но и новейшее время. На мой взгляд, именно в это время, в одних странах окончательно прерывается устная традиция (или вытесняется на обочину культуры), в других эпос окончательно становится артефактом культуры, рукописи хранятся как реликвия, издаются, изучаются, и т.д. «Изучаются» в данном случае означает, что рефлексия культуры (как я уже говорил, основа культуры нового времени) конструирует для эпоса различные смысловые контексты: историческая школа, мифологическая школа, антропологическая школа, концепция романтизма, психоаналитическая концепция и т.д. Причем, что очень важно, объектом изучения становятся, эпосы различных народов.

Мы должны признать, что именно в этот период немецкий и азербайджанский культурные миры как не удивительно, максимально удалены друг от друга, и, одновременно, непосредственно соприкасаются (неэвклидово пространство культуры). В этот период неизвестный нам аноним из Германии, находит рукопись «Китаби Деде Коркут» и передает ее в Дрезденскую библиотеку. Далее с «Китаби Деде Коркут» связаны имена нескольких немецких ученых-ориенталистов и фольклористов. Г. Диц издает «Песнь о том как Басат убил Тепегеза», Т. Нельдеке готовит к печати немецкий перевод «Китаби» (именно от него эта культурная эстафета переходит к В.В. Бартольд), Вильгельм Гримм включает «новооткрытого огузского циклопа» в свой обзор вариантов этого международного сказочного сюжета.

Эти факты известны, можно их не повторять, но мы должны обратить внимание, что речь идет об ученых – «ориенталистах». Следовательно, об ученых, которые интересуются «ориентальными» памятниками и, насколько возможно, пытаются «разговорить» эти памятники, поскольку изнутри «ориентального» мира эти памятники остаются «немыми». Это я и называю, соприкосновение, без возможности диалога.

Конечно, мы должны принимать во внимание, что «ориентальный» подход имеет свои ограничения, в наши дни, благодаря работе Эдварда Саида дискурс «ориентализм» вновь стал актуальным в колониальных и постколониальных изучениях. Но во всех случаях мы должны быть благодарны немецкой культурной традиции, которая внесла свой вклад в изучении «Китаби Деде Коркут» и, в конечном счете, помогла нам в обретении эпического памятника, который продолжает помогать нам в обретении самих себя.

Перейдем к условному третьему этапу взаимодействия «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут», который можно отнести к постколониальному («пост», кроме всего прочего, означает, что новое не имеет пока названия и, следовательно, не оторвалось от прошлого). Постколониальный дискурс чрезвычайно сложный, он включает в себя и идеи мультикультурализма и их отрицание, и увеличение количества независимых стран и опасности их увеличения, и необходимость интеграции в мировое сообщество новых независимых стран, и боязнь ассимиляции, и многое, многое другое. Этот дискурс мы не можем не учитывать в наших обсуждениях.

На первом этапе, мы говорили о типологической близости культур, без непосредственного их соприкосновения. На втором этапе о типологическом расхождении культур, когда памятники одной культуры становятся объектом изучения для «ученых-ориенталистов» другой культуры. На третьем этапе, речь должна идти о возможности взаимодействии культур. Я говорю о «возможности», поскольку политическая карта мира, при всей ее значимости, еще не определяет умение слышать другого, еще не означает, что речь идет о «двухсторонней дороге», о преодолении «ориентализма», который преодолевается там и тогда, где и когда, культуры способны обмениваться собственной рефлексией.

Подчеркну, что наряду с умением «слушать и понимать», диалог культур как умение «обмениваться рефлексией», является одним из ключевых слов моего выступления.

На мой взгляд, мультикультурализм без обмена рефлексией, подменяет диалог культур филантропическими мерами, и, в конечном счете, становится подобием культурного апартеида. Вряд ли можно согласиться с теми политиками, которые поспешили похоронить мультикультурализм, но, несомненно, его ожидают новые тупики, если постоянно не искать новые и новые смысловые контексты.

В Университете Иоганна Гутенберга (замечу, Гутенберг, один из символов нового времени) города Майнц, несколько лет назад проходила конференция по сравнительному изучению «Песни о Нибелунгах» и «Китаби Деде Коркут». У Университета, есть такой девиз «*Ut omnes unum sint*», «Все различные станут едиными», и это не только декларация, но и программа действий. Достаточно сказать, что в Майнцском университете не только учатся студенты из различных стран мира, здесь изучаются культуры разных стран. В этом смысле я бы предложил Университету Иоганна Гутенберга другой девиз «Став едиными останемся различными». Этот девиз, на мой взгляд, говорит о том, что невозможно избежать универсального пути развития человечества, имея в виду не только стандарты жизни, но и мысль, накопленную на этом пути. С другой стороны, вряд ли нужно доказывать, что уменьшения разнообразия в культуре губительно для человечества.

Возвращаясь к эпическим памятникам, скажу, что обмен рефлексиями, которые связаны с эпосами, могут рассматриваться как составная часть мультикультурализм, поскольку в эпосе, как ни в одном другом национальном культурном памятнике выражены, если говорить словами Гегеля «подлинными основы сознания народа».

Этот процесс должен быть открытым, вопросы должны рождать новые и новые вопросы, но при этом мы должны внести необходимые ограничения. Замечу, что подобную методологическую операцию, можно признать универсальной. Всегда следует договориться о том, каких крайностей следует избежать, что табуируется, чтобы высвободить пространство для продуктивного диалога. В случае эпосов, такие ограничения помогут избежать пустой декларативности с одной стороны, взаимобвинений, с другой.

Анахронизмом представляется реализация «героического мифа», закреплённая в памятниках героического эпоса, в качестве современного политического мифа. Особенно нетерпимо, когда такой подход к истории закрепляется в школьных учебниках.

Если героические эпосы рассматривать как «поэмы о силе», они не могут рассматриваться как свидетельство изначальной агрессивности того или иного народа, следствием которого является представление о «вечном враге». В конце концов, сюжетной пружиной «Илиады» Гомера, является ссора двух героев, которые не смогли поделить награбленное, включая покоренных ими статусных женщин.

Таким же анахронизмом представляется обратная сторона «героического мифа», ореол мученичества, который культивируется в некоторых национальных культурах и попадает в школьные учебники.

Все мы сегодня, в той или иной степени, рассуждаем на темы геополитики, это неизбежно, поскольку мы живем в глобальном мире, и от геополитических проблем никуда не спрятаться. Опасность начинается тогда, когда геополитика становится частью национального исторического сознания и ситуация тысячелетней давности механически переносится в современную эпоху.

Не буду говорить о тех случаях, когда эпический герой становится символом национальной исключительности, а сам эпос сакральным текстом для расистских теорий. Нам известны метаморфозы образа Зигфрида в немецкой культуре и те беды, которые они принесли. Миф о тюркской героической исключительности, будоражит многие незрелые умы и его постоянно приходится обуздывать, чтобы избежать радикализации общества.

Эпосы могут нас объединять, а могут нас разъединять. И от нас зависит, какой путь мы выберем.

Prof. Dr. Karl Reichl
(University of Bonn, Germany)

The Motif of the Return of the Hero in the “Book of Dede Korkut” and in Medieval Oral Literature

Abstract:

In this paper the motif of the Return of the Hero in the Tale of Bamsi Beyrek in the *Book of Dede Korkut* is discussed with reference to Homer and the Uzbek oral epic of *Alpamysh* as well as to medieval and post-medieval oral poetry and epics, among them the Middle High German “minstrel epic” *König Rother* (King Rother).

In the last quarter of the 18th century Johann Gottfried Herder published two volumes of folk-songs, which he entitled “The voices of the peoples in songs” (*Stimmen der Völker in Liedern*, Leipzig 1778-1779). This collection combined folksongs from Scotland and Germany, from Latvia and Spain, from Greece and England, from Denmark and Lapland, from Lithuania and Serbia, in short from a great number of traditions, which for Herder were all equally valid and valuable as expressions of the human spirit in poetry, irrespective of language and national culture. Herder was one of the founding fathers of comparative literature and bequeathed his humanistic and enlightened attitude to cultural diversity to the new discipline. It is in this spirit that comparative literature endeavours to discuss and compare different traditions, and it is in this humanistic framework that the present paper is to be seen.

After the fall of Troy the surviving Greek heroes return home. *Nostos*, “home-coming”, is the Greek term for their journey home. As we know from Greek epic and drama, the *nostos* was not always easy. Agamemnon returned to his native Mycenae only to be slain by Aegisthus, the lover of his faithless wife Clytemnestra. Odysseus had to undergo a series of trials lasting for ten years before he finally came back to Ithaca. In the medieval German *Nibelungenlied*, however, there is no *nostos*. The Burgundians do not return; they find their death at Attila’s (Etzel’s) court as the victims of Kriemhild’s revenge for Sigfrid’s murder. Only few of their companions in arms return. Hildebrand of Bern (Verona), Dietrich’s master-at-arms, the man who kills Kriemhild, is one of them. When he eventually returns home, his return is not a happy one. According to the Old High German *Hildebrandslied* (Lay of Hildebrand) he tragically kills his own son. Only in the *Later Hildebrandslied*, a late medieval ballad, is there a happy end. Father and son recognize one another just in time and end their duel. After thirty-two years of absence Hildebrand is happily reunited with his wife. According to some versions of the ballad, when his son takes his father home, the long absent hero proves his identity by slipping his ring into a cup destined for his wife.

The return of the hero is also a motif in the *Book of Dede Korkut*. In seven out of twelve stories, Oghuz heroes fall into captivity and are subsequently freed, in many cases through the heroic deed of a son. Bamsi Beyrek is one of these unhappy prisoners; he is kept in captivity for sixteen years, but escapes with the help of the Christian King Shökli’s daughter, who had fallen in love with him. On his return journey he encounters a minstrel (*ozan*), who is on his way to the wedding of Beyrek’s bride Lady Chichek and exchanges his horse for the minstrel’s lute. Before he reaches the wedding feast Beyrek meets first a group of shepherds, then his youngest sister, then his older sisters. None of them recognize him, but his oldest sister is reminded of her brother when the “minstrel” is given Beyrek’s old caftan. Acting like a mad minstrel he demands that the bride dance to his music. Two girls pretend to be the bride, but Beyrek sees through their ruse; when the true bride appears, the “minstrel” accuses her of not being perfect on her wedding day, thus provoking Chichek to show her immaculate hands, with Beyrek’s ring on her finger. The “minstrel” asks whether she has wept for

Beyrek and hears from her lips that she has been faithful to her betrothed during the long time of his captivity. At this point Beyrek reveals his identity:

“Am I not Bamsi Beyrek your lover, your beloved?”

Then the girl recognized him and knew that he was Beyrek, and she cast herself at his feet.

(G. Lewis, trans., *The Book of Dede Korkut*, Harmondsworth, 1974: 84)

Then the girl jumps up and brings the good news to Beyrek’s parents. Beyrek’s father, who had become blind from weeping for grief after his son’s disappearance, declares that he will recognize his son if his son’s blood will bring back his eye-sight. The miracle happens and Beyrek’s parents shed tears of joy.

Beyrek is immediately recognized by his bride Chichek when he reveals his identity, and he is recognized by his father when the son’s blood heals the father’s blindness. Recognition, in Greek *anagnōrīsis*, is defined by Aristotle in his *Poetics* as “a change from ignorance to knowledge, producing love or hate between the persons destined by the poet for good or bad fortune.” Perhaps the best-known recognition scene in Greek literature is found in the *Odyssey*. The Homeric epics, being foundational texts of Occidental literature, have been much interpreted, also the scene in the *Odyssey*, when Euricleia, Odysseus’s old nurse, washes him and recognizes him by a scar on his knee. Erich Auerbach, in his influential study of European narrative, *Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature*, underlined the realism of the Bath Scene, the focus on detail, the even narrative pace, into which digressions like the origin of Odysseus’s scar are woven without upsetting the balance (trans. W. R. Trask. Princeton, NJ, 1953: 3 ff.).

There is no scar in the story of Bamsi Beyrek and there is no faithful herdsman or nurse who recognizes him by an outward token. Why then allude to the *Odyssey* when speaking about the *Book of Dede Korkut*? One reason is that the return of Bamsi Beyrek is an instance of a wide-spread motif-sequence in oral and medieval literature, commonly called “The Return of the Husband” or “The Home-coming Husband” and classified as tale type no. 974 in the index of folktale types by Antti Aarne, Stith Thompson and Hans-Jörg Uther (*The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography*, 3 vols., Helsinki, 2004: I, 608). According to this index, this tale type is of “classical origin” and said to go back to Homer’s *Odyssey* (books XVI to XXIII). A second reason that links Bamsi Beyrek to Homer is the Central Asian epic of *Alpamysh* (in Uzbek, Kazakh, and Karakalpak). As Viktor Zhirmunsky has persuasively argued, the epic of *Alpamysh* is very close to the Return of Odysseus. He has also shown that both *Alpamysh* and the tale of Bamsi Beyrek are variants of the same narrative (1967. “The Epic of ‘Alpamysh’ and the Return of Odysseus”, in *Proceedings of the British Academy* 52 (1966): 267–86). In *Alpamysh* there is a scar, or rather a bodily token, i.e. the imprint of the hand of Shah-i Mardan (the Caliph Ali) on the hero’s left shoulder. He is recognized by this by his faithful servant and shepherd Qultay, with whom his exchanges clothes.

Both Bamsi Beyrek and *Alpamysh* are apprehensive about their wife’s (or bride’s) fidelity. In the Central Asian epic the hero tests his wife Barchin in the course of an exchange of marriage songs. In the *Book of Dede Korkut* the testing is also carried out in songs, which provoke Chichek to prove her fidelity by showing Beyrek’s ring. We note the ring motif as in the *Later Hildebrandlied*, but with reversed roles and a different motivation. Like Penelope, Chichek and Barchin yield only to brute force, but manage to evade marriage to a suitor long enough till their husband (or bridegroom) returns. Recognition, fidelity, and timely return are clearly the core motifs of this narrative pattern (for details, see K. Reichl, *Turkic Oral Epic Poetry: Traditions, Forms, Poetic Structure*, New York, 1992:160-170).

According to the folktale type index the origin of this pattern is classical, i.e. going back to Homer’s *Odyssey*. It is not impossible that Greek narratives lie at the basis of the Beyrek/*Alpamysh* story. We also find a surprising similarity between the story of Depegöz in the *Book of Dede Korkut* and of Polyphemus in the *Odyssey*, which also points in the same direction. On the other hand, the

Return of the Husband occurs with many variations in so many medieval and post-medieval oral traditions that one wonders whether all these tales really stem from a common source. Rather than speculate about origins, I would like to place the tale of Bamsi Beyrek in the context of other versions of the motif or motif-sequence of the Return of Husband in medieval and post-medieval oral poetry.

Time does not allow a full discussion of poems and variants, and I will reserve the analysis of these variante – the Russian *bylina* of *Dobrynya and Alyosha*, the Serbian heroic song of *Marko Kraljević and Mina of Kostur*, the Albanian heroic song of *Ali Bayraktari* – to a fuller version of this paper.

Better known than this oral variants of the motif are versions of this motif in Middle English romance and in Middle High German verse epic, at least to medievalists. The Middle English popular romance of *King Horn* is transmitted in two differing versions; in addition there is a closely related Anglo-Norman narrative poem about King Horn and a late-medieval ballad (*Hind Horn*), with variants collected as late as the 20th century (discussed in K. Reichl “King Horn: ‘Sage’, Romanze, Ballade”, in *Text und Zeittiefe*, ed. H. L. C. Tristram, Tübingen, 1993: 487-517). When Horn returns at his fiancée Rimenhild’s wedding feast after seven years of absence, he disguises himself as a pilgrim and is recognized by Rimenhild by the magic ring she had given him on his departure and which she finds in a cup of wine, where he had dropped it. In this romance, the hero has to depart again and once again returns just in time before his wife is re-married. This time he disguises himself as a minstrel. He forces his way to the wedding party and kills the treacherous Fikenhild, who had betrayed him before. Interestingly, in a late-medieval ballad only the ring motif has survived.

My example from Middle High German comes from *König Rother (King Rother)*. This is a verse narrative comprising somewhat over 5,000 lines (rhymed couplets). It has been transmitted in a virtually complete manuscript from the early 13th century (Heidelberg manuscript) and a number of fragments, one preserving the ending, which is missing in the Heidelberg manuscript. The poem is thought to have been composed in the middle of the 12th century. It is classed with a number of other narrative poems as a *Spielmannsepos* or “minstrel epic”. The plot of the epic is fairly involved (edited by Th. Frings and J. Kuhnt, *König Rother*, 3rd ed. by I. Köppe-Benath, Halle, 1968). The first part (ca. 3000 lines) is devoted to Rother’s bridal quest. Rother, who is king in Bari and unmarried, is urged by his courtiers to find a bride. Lupolt, one of his knights, proposes to woo the beautiful daughter of Emperor Constantine of Constantinople. This is a dangerous mission: the Byzantine emperor furiously refuses to give his daughter to Rother and has his twelve emissaries thrown into prison. Then Rother himself, disguised as the knight Dietrich, comes to Constantinople, gains the love of the princess and, using a ruse, abducts her on his ship to Bari.

Rother’s happiness, however, is of short duration. The princess, who is pregnant, is tempted to visit a Byzantine merchant ship and once she is on board she is taken back to Constantinople. Rother has to win his bride for a second time. Disguised as pilgrims, Rother and two of his knights come to the Byzantine court, where the pagan king Ymelot, who had defeated Constantine and his army, is about to marry his son Basilius to the Byzantine princess. Rother, who is hidden under the table at the wedding feast, reveals his identity to the princess by a ring and then lets himself be captured to be executed. However, he and his knights had not come alone, but with a large army of 30,000 men, and when Rother is about to be hanged, Lupolt, one of his knights, blows the horn and Rother’s soldiers rush on Ymelot and the pagans and defeat them. Rother returns with his bride to Bari, who gives birth to a son when they come to land. Their son is Pippin, Charlemagne’s father, who after twenty-two years is crowned king in Aachen.

Rother arrives in the nick of time, just before his bride or rather wife is married to the son of a pagan king. When Rother arrives in his pilgrim’s disguise, Constantine is telling his daughter that in his dream in the preceding night a hawk came flying from Rome and ravished the princess. At this point Rother and his companions hide under the table and listen to the pagans’ boasting and the queen’s retort that Rother would take revenge of them if he came. When Rother gives the princess a

golden ring, she laughs. Her laugh is noticed; Constantine suspects treason and has the doors of the hall closed and barricaded. At this point Rother and his companions make themselves known.

Disguise, the ring as sign of recognition and, of course, timely arrival at the wedding feast clearly link this scene to the motif-sequence of the Return of the Husband. Here, however, the husband does not return home, but seeks his bride (or wife) at her father's court. Also the ring motif is somewhat altered: it is not a token that had been exchanged between the couple as in *King Horn*, but simply identifies the husband by having his name written on it. As we have seen, this motif can have many variations: in the tale of Bamsi Beyrek the bride shows the ring as a sign of her fidelity. Fidelity is also at stake here.

These various representations of the motif of the Return of the Husband make it clear that on the one hand we are in the presence of a widely distributed motif, but they also show on the other hand that there is space for variety and that each instance of the motif is adapted to the narrative conventions of its respective narrative tradition. This is also true of the Tale of Bamsi Beyrek in the *Book of Dede Korkut*. The tale continues with a campaign against King Shökli, which results in victory, the freeing of Beyrek's imprisoned thirty-nine companions and the death of the king, and concludes with Beyrek's marriage to King Shökli's daughter as his second wife.

The motif of the return of the husband, often (as in the *Book of Dede Korkut* and in *Alpamysh*) from captivity, has, of course, a basis in reality. Warriors are taken prisoner, and when they return home they might find both tragic and happy circumstances awaiting them. These folk epics and heroic songs have chosen the happy alternative: the hero's bride or wife has stayed faithful to her bridegroom or husband, despite the treacherous behaviour of her new suitors and the violence she encounters in the hero's absence. The relationship between the couple in these narratives and poems is one of trust, faithfulness and love, a relationship that also extends to the wider circle of the family. When the hero is recognized, in a number of texts tears flow and the return and reunion is the occasion for a joyous feast. The fact that the hero disguises himself and reveals his identity by a bodily mark (e.g., a scar) or a physical token (e.g., a ring) has presumably some deeper psychological significance. Not only is disguise a means of testing former friends and especially the bride or wife, it is also a way of stressing that despite all changes and transformations the identity of the hero has remained unaltered. The exterior might change, but the inner self stays the same. This at least, seems to be the message of these oral and popular variants of the motif of the Return of the Husband as found in the *Odyssey*, the *Book of Dede Korkut* and many other versions, both medieval and post-medieval.

Hortkapital. Heroische Ökonomie im 'Nibelungenlied'

"Geld", so schreibt Wilhelm Gerloff in seiner Abhandlung 'Die Entstehung des Geldes und die Anfänge des Geldwesens' (1940, 31947), "ist ursprünglich überhaupt keine ökonomische Kategorie". Sein Wert entfaltet sich anfangs nicht in der Zirkulation; sein Sinn liegt nicht darin, den Tausch von Gütern und Waren zu vereinfachen und zu beschleunigen. Im Gegenteil: Geld wird stillgelegt, aufgehäuft, getürmt und in Schatzhäuser eingemauert in der Absicht, die thesaurierte Menge als wertvoll erachteter Objekte auszustellen, ihre Fülle bei festlichen Gelegenheiten als unerschöpflich vorzuführen und ihr von Zeit zu Zeit Kleinodien für den Gabentausch zu entnehmen, damit der Herr des Schatzes nach Bedarf und Notwendigkeit Wechselseitigkeit herstellen und Ausgleich schaffen kann. Geltung und Entgeltung heißen also die wesentlichen monetären Funktionen. Sie wirken im sakralen und politischen Kontext archaischer Gesellschaften.

Deren Wirtschaften verfügt damit über eine klare operative Vorstellung von der Macht des Geldes: Es vermag nackte Gewalt in Verhältnisse sozialer Bindung und Verpflichtung umzuwandeln. Ebenso klar ist, dass, wo immer ein Schatz oder Stücke davon präsentiert werden, die Machtfrage gestellt und ein latenter Gewaltzusammenhang angedeutet wird. Kein Wunder daher, wenn in der Heldendichtung die Figur des Heros (als Stifter und Hüter kollektiver

Ordnung) immer wieder mit dem Besitz außerordentlicher Schätze oder einzelner exemplarischer Prunkobjekte verknüpft wird: Die Attribute des Schatzes erscheinen als Extensionen der heroischen Substanz. Sie erlauben es dem Helden, auch dort gegenwärtig zu sein und zu wirken, wo seine unmittelbare körperliche Präsenz ausfällt. Statt ihrer erscheint dann das Kleinod, nimmt die Stelle des Helden ein und handelt womöglich sogar an seiner Statt. Unter diesen Voraussetzungen ergibt sich, wie ich im Folgenden zeigen möchte, die Möglichkeit einer integralen Deutung des 'Nibelungenliedes' unter dem Aspekt einer heroischen Ökonomie des Hortkapitals. Wer das 'Nibelungenlied' liest, gelangt zu dem Eindruck einer deutlichen Zweiteiligkeit des Epos.

Der erste, heroische Teil dreht sich darum, wie zwei Paare zueinanderfinden: Sivrit und Kriemhilt (der Held von Niderlant aus Xanten und die Schwester der Burgondenkönige zu Worms) sowie Gunther und Prünhilt (das Oberhaupt der Burgonden und die amazonenhafte Heroin aus dem nordischen Isenstein). Probleme ergeben sich daraus, dass beide Paarungen asymmetrisch gebaut sind. Sie verletzen dadurch die Basisregel aller Brautwerbungserzählungen, dass "in einem gegebenen Weltausschnitt stets nur der beste Mann und die schönste Frau zusammengehören" (P. Strohschneider). Das 'Nibelungenlied' arbeitet sich daran ab, dass es einerseits *zwei* Schönste gibt, Kriemhilt und Prünhilt, und dass andererseits der Werbungshelfer Sivrit besser ist als der königliche Brautwerber Gunther. Dessen Auserwählte, Prünhilt, trägt alle Züge einer anderweltlichen Heroin, die durch ihre magischen Attribute (Ring/Gürtel) und durch die nach menschlichem Ermessen unlösbaren Wettkampfaufgaben, die sie ihren Freiern auferlegt, als die eigentlich nur Sivrit angemessene Partnerin erscheint. Entsprechend erkennt sie ihn als ersten noch vor Gunther, als sie die Brautwerbungsgesellschaft anrücken sieht: Zwar reiten beide Männer auf Schimmeln und in strahlender Rüstung, doch Sivrits heldische Aura überstrahlt diejenige des Königs. Dennoch leistet er, wie Prünhilt beobachtet, dem Burgonden den Stratordienst: Beim Absteigen vom Pferd hält Sivrit Gunther den Steigbügel – wie ein

Dienstmann seinem Herrn –, so dass sichtlich kein Zweifel an den hierarchischen Verhältnissen und an Sivrits niederem Rang bestehen kann. Doch ist Sichtbarkeit im 'Nibelungenlied' nicht alles. Gunther nämlich kann die Aufgaben des Brautwerbers nur bestehen, weil ihn Sivrit unter Einsatz

einer Tarnkappe in den drei Wettkämpfen heimlich unterstützt; und nicht nur dort: Denn in der Hochzeitsnacht muss er – immer noch unsichtbar – Prünhilt niederringen, die zuvor ihren Möchtegern-Gatten kurzerhand an einen Nagel in der Wand gehängt hat. Als schließlich in Worms die Doppelhochzeit gefeiert wird, ist Prünhilt empört: Wie kann ein so mächtiger König wie Gunther seine eigene Schwester einem seiner Dienstmänner zur Frau geben? Dadurch dass Sivrit, um Prünhilt auch sexuell zu unterwerfen, in der Hochzeitsnacht ihren Gürtel und Ring an sich genommen hat, pflanzt sich das Problem der Latenz fort und emergiert in einem tödlichen Konflikt: Zehn Jahre nach der Doppelhochzeit kehren Sivrit und Kriemhilt nach Worms zurück, wo letztere beim Kirchgang mit Prünhilt in Streit um die Frage gerät, wer als erste und damit ranghöhere der beiden Königinnen das Münster betreten dürfe. Als Prünhilt den Vortritt für sich reklamiert, weil Kriemhilt doch nur die Frau eines Dienstmannes ihres Bruders sei, zeigt *die* triumphierend den Ring, den Sivrit einst Prünhilt abgenommen hat. Das nunmehr sichtbar gemachte Objekt scheint zu beweisen, dass Kriemhilt mit dem potenteren Herrscher verheiratet ist, für den Prünhilt nur als Nebenfrau (*kebsweib*) in Frage kommt. Von solcher Demütigung erholt sich Prünhilt nicht mehr: Sie leitet ihre Rache ein, indem sie Hagen, den Berater der burgundischen Königsfamilie, dafür gewinnt, eine List zu ersinnen, mit deren Hilfe Sivrit beseitigt werden kann. Nachdem Hagen die schwache Stelle am Körper Sivrits ausfindig gemacht hat, gelingt es ihm, den Heros auf der Eberjagd zu ermorden. Das wiederum kann Kriemhilt nicht verwinden; doch ist sie als Witwe gezwungen, bei den Burgonden auf ihrem Witwenteil zu leben, bis mit der Brautwerbung des Hunnenkönigs Etzel sich neue Möglichkeiten zur Rache eröffnen. Damit beschäftigt sich der zweite, postheroische Teil des Epos. Er erzählt die Auslöschung der Burgonden beim Fest am Hofe des neuen Herrscherpaares Etzel und Kriemhilt. Auf dem Weg in ihren sicheren Untergang besuchen die Burgonden Ruedeger von Bechelaren, den Ratgeber/Brautwerber Etzels und das Pendant zu Hagen auf seiten der Hunnen. In der 37. Aventure gerät er in einen Loyalitätskonflikt zwischen seinem Lehnseid gegenüber Kriemhilt und der *triuwe* zu den Nibelungen, denen er durch die Verheiratung seiner Tochter an Gunthers jüngsten Bruder Giselher familiär verbunden ist. Zwar wird er jenem Konflikt letztlich zum Opfer fallen – Ruedeger und Gunthers mittlerer Bruder Gernot töten sich wechselseitig im Zweikampf –, doch ist sein Weg in den Tod mehrfach abgestuft so dargestellt, dass die Figur an jeder Stufe vor einer Wahl steht, die ihr auch die entgegengesetzte deeskalierende Handlungsoption offenhält. Die Dramaturgie des Epos erweist sich unter dem Gesichtspunkt solcher Optionalität (B. Hasebrink) als derart ausgeklügelt, dass selbst noch die Ermordung Hagens, des letzten Überlebenden der Burgonden, mit der Möglichkeit eines Ausgleichs gekoppelt erscheint:

2367

*Dô gie diu küneginne | dâ si Hagenen sach.
wie rehte fientliche | si zuo dem helde sprach:
"welt ir mir geben widere | daz ir mir habt genomen,
sô muget ir wol lebende | heim zen Burgonden komen."*

2368

*Dô sprach der grimme Hagene: "dir rede ist gar verlorn,
vil edliu küneginne. | jâ hân ich des gesworn,
daz ich den hort iht zeige, | die wîle daz si leben
deheiner mîner herren, | sô sol ich in niemene geben."*

Würde Hagen den Ort bezeichnen, an dem er den Nibelungenhort versenkt hat, könnte er das Leben Gunthers und sein eigenes noch retten. Doch das tut er nicht, so dass erst König Gunther von seiner Schwester getötet und schließlich Hagen selbst, da er sich weiter weigert, Kriemhilt das Geraubte zu entgelten, von ihr mit Sivrits Schwert enthauptet wird.

Das letzte Wort Hagens an Kriemhilt erwähnt noch einmal den *shaz*: *den weiz nv niemen / wan got ane min*. Das erscheint umso bemerkenswerter, weil der Hort der Nibelungen, der dem Epos seinen Namen gibt, zuvor nur an wenigen Stellen erwähnt wurde. Jan-Dirk Müller ist deshalb der

Meinung, der Hort sei als sagenhafter Dingkomplex vom Bearbeiter des 'Nibelungenliedes' erzähl-technisch in den Hintergrund gedrängt worden. Er werde dort "nur am Rande aktualisiert"; seine mythisch-magische Qualität zeige sich reduziert auf eine Kontrastfolie zu den Werten feudaler Wirtschaft:

Wirtschaftliche Macht hat, anders als in der politischen Realität um 1200, die archaische Erscheinungsform des Schatzes, nicht der Einkünfte aus Grundherrschaft und dergleichen. Das Phantasma des Nibelungenhortes grenzt die Nachteile des Feudalsystems aus: dass der Herr, um seine Herrschaft durchzusetzen, sich dauernd eigener Mittel entäußern muss, so dass er zuletzt schlimmstenfalls nicht mehr über sie verfügt. Der Besitzer des Hortes kann nämlich geben, ohne jemals die eigenen Machtmittel zu verringern, da der Hort niemals aufgegeben werden kann. Mit Siegfried ist also eine unbeschränkte politische wie ökonomische Macht verbunden.

Dennoch ist mit einer solch literatursoziologischen Perspektive auf den Realitätsgehalt des Hortes dessen literarische Funktion – und damit sein Wahrheitsgehalt (W. Benjamin) – längst nicht erfasst. Denn der Hort bildet die narrative Klammer, die beide Teile des 'Nibelungenliedes', den heroischen und den postheroischen, zusammenhält. Wenn wir den Stationen seiner Nennung folgen, dann erkennen wir, dass er, verbunden mit dem Heros Sivrit, das symbolische Zentrum der Erzählung bildet und durch seine Transformationen hindurch die tragende und treibende Rolle im Epos spielt.

In der dritten Aventure erfahren wir aus dem Munde Hagens erstmals, was es damit auf sich hat. Er klärt seinen Herrn Gunther darüber auf, welche unbekannt *recken* sich gerade der Stadt Worms nähern, allen voran Sivrit, mit dessen Erscheinung sich folgende Vorgeschichte des Hortes verbindet: Er ist zunächst ein unermesslicher Goldschatz (1), den die Brüder Schilbunch und Nibelung geerbt haben und untereinander aufteilen sollen. Sie bestellen Sivrit von Niderlant zum Schiedsrichter über die anstehende Erbteilung, der für seine Bereitschaft ein besonderes Element des Nibelungenkomplexes zum Lohn erhält: das Schwert Balmunc (2). Der rechtliche Vorgang freilich scheitert am Jähzorn der Brüder und droht in einen Riesenkampf auszuarten. Sivrit jedoch schlägt den Konflikt nieder, tötet kurzerhand die Riesen und seine Auftraggeber gleich mit. Als Alberich, der Hüter des Schatzes, seine ermordeten Herren an Sivrit rächen möchte, unterliegt auch er und bringt ein weiteres Element des Komplexes ins Spiel: die *tarenkappe* (3), die sich Sivrit ebenfalls aneignet, so dass er fortan als *der hordes herre* gelten kann und das Erbe der Nibelungen antritt.

Sehr viel später, in der 19. Aventure, erfahren wir von einem vierten Bestandteil des Hortkomplexes. Inzwischen ist Sivrit selbst Opfer eines Mordanschlags geworden. Die Witwe des erschlagenen Helden versucht nun ihrerseits das todbringende Erbe anzutreten und lässt ihre Brüder Gernot und Giselher den Hort bei Alberich abholen, um ihn in die Residenz zu Worms schaffen zu lassen: Die Unermesslichkeit des Nibelungenhortes geht, wie sich anlässlich des Transportes zeigt, einher mit einer Wunschphantasie, die sich in einer Wünschelrute (4) verdinglicht. Sie verspricht ihrem Besitzer *meister [ze] sin wol in aller werlde | veber einn ietslichen man*.

Mit dem Besitz des Hortes ist letztlich also der Anspruch auf Weltherrschaft verbunden. Dadurch kommt dem Schatz eine überragende modellbildende Bedeutung zu. Wer über ihn verfügt, verschmilzt mit dessen königlichen Eigenschaften: unbeschränkter Macht (*potestas* in Gestalt der Rute), unbegrenzter *milte* (*largitas/benevolentia* in Gestalt des Goldes), unüberwindlicher Kraft und Klugheit (*fortitudo/prudentia* in Gestalt der *tarnhut*) sowie unbedingter Gerechtigkeit (*iustitia* in Gestalt des Schwertes Balmunc). All dies kommt Sivrit wesensmäßig zu, weil er von sich aus heroische Qualitäten besitzt, wie Hagen in der 3. Aventure seinem König kundtut:

100

*"Noch weiz ich an im mêre, | daz mir ist bekant.
einen lintrachen | den sluoc des heldes hant.
er badet sich in dem bluote: | sin hût wart hurnîn.
des snîdet in kein wâfen; | daz ist dicke worden scîn.*

101

Wir suln den herrn | enpfâhen desten baz,

*daz wir iht verdienen / des jungen recken haz.
sîn lîp der ist sô küene, | man sol in holden hân.
er hât mit siner krefte | sô menegiu wunder getân."*

Insofern bilden Sivrit und der Hort der Nibelungen eine symbolische Einheit, die in Gestalt des goldenen Zweiges nicht weniger zu garantieren scheint als ein Königtum über alle Könige, von dem im Folgenden aber nirgends mehr die Rede sein wird. In solcher Latenz deutet sich zugleich die Fragilität und Erschöpfbarkeit der symbolischen Konstitution jener Weltherrschaft an: Sie ist schon in der Parzellierung des Hortes in vier Teile angelegt und wird narrativ verstärkt durch die nur sporadische Erwähnung seiner Bestandteile. Abgesehen von der *tarnhut* und dem Schwert Balmunc bleiben sie funktionslos: Nie macht Sivrit Gebrauch von seinem Vorrat an Gold und Edelsteinen, und zumal die Wünschelrute nimmt sich aus wie ein blindes Motiv.

Hinzu kommt die Beobachtung, dass die mythisch-magische Qualität des Hortes durch das Epos hindurch stetig zu schwinden scheint. Das zeichnet sich schon im Streit um die Erbteilung ab: im paradoxen Gedanken, dass man etwas Unendliches teilen müsse. Der Eindruck verstärkt sich durch die Bemerkung Alberichs, dass Kriemhilt der Hort zwar als *morgengabe* (als Teil ihrer Witwenversorgung) zustünde, aber ihr tatsächlich nur deshalb überlassen werde, weil mit Sivrits Tod die *gute tarnhut* verlorengegangen sei. Sie allein hätte es weiterhin ermöglicht, den Schatz listig zu verbergen und der Verfügbarkeit durch Fremde zu entziehen. In der Folge erweist sich der unermessliche Schatz als durchaus messbar. Sein Transport nach Worms erfordert zwar den Einsatz vieler, aber nicht unzähliger Wagenladungen; sein Volumen füllt zwar Kammern und Türme, passt aber in eine Burg hinein. Die Fortsetzung seiner *translatio* beschleunigt den Schrumpfungsprozess: Kriemhilt nutzt ihr Kapital für Gaben an Arme wie Reiche, was Hagen fürchten lässt, dass sie eine Gefolgschaft um sich versammelt in der Absicht, den Tod Sivrits an den Burgonden zu rächen. Deshalb rät er Gunther zur Konfiskation des Hortes, und Kriemhilt's Bruder Gernot schlägt seine Versenkung im Rhein vor. Kriemhilt bleiben danach nur noch Reste.

Sie sind freilich immer noch so erheblich und bedrohlich, dass die Burgonden ihr schließlich auch diesen Besitz noch entziehen, als sie zu ihrem neuen Gatten, König Etzel, mit dessen Brautwerber Rüedeger von Bechelaren ins Reich der Hunnen aufbricht. Zwar macht Rüedeger ihr deutlich, dass es ihr bei ihrem neuen Gatten an nichts mangeln werde. Doch geht es ihr offensichtlich nicht um den schieren Geldwert. Es ist vielmehr, als würde Kriemhilt mit *Sifrides golt* ihr Mann ein zweites Mal und nun endgültig genommen. Die letzten *wol tvsent march* verausgibt sie deshalb als *opffergold*. Dafür sollen der Seele des Verstorbenen Messen gelesen und seine *memoria* aufrechterhalten werden.

Als im zweiten Teil des 'Nibelungenliedes' die Burgonden an den Hof Etzels zur *hochgezît* geladen werden, ist von der Herrlichkeit des Nibelungenhortes nur noch das Schwert Balmunc übrig.

Solange es in den symbolischen Kontext des Hortes eingebunden war, stand es für Gerechtigkeit, nun aber legt es isoliert als *ultima ratio* die Gewaltoption nahe. Balmunc befindet sich mittlerweile in der Hand des Sivrit-Mörders und Hort-Versenkers Hagen, der es vor seiner Gastgeberin und Erzfeindin Kriemhilt höhnisch ausstellt. Darüber hinaus weigert er sich, das Schwert an Kriemhilt zu übergeben: Selbst beim Fest möchte er nicht von ihm lassen (28. Aventure):

1744
*"Jâ bringe ich iu den tiuvel," | sprach aber Hagene.
"ich hân an mînem schilde | sô vil ze tragene
und an der mînen brünne; | mîn helm der ist so lieht.
daz swert an mîner hende | des enbringe ich iu nieht."*

Am Ende, nachdem alle Burgonden beim Hoffest ermordet worden sind, ereilt Hagen als dem letzten, der vom Verbleib des Hortes weiß, der Tod durch eben jenes Schwert, das allein die Erinnerung an den Schatz und seinen rechtmäßigen Besitzer Sivrit wahrte. Ihm widerfährt damit das Schicksal, das noch jedem widerfuhr, der sich in die Reihe der Hortbesitzer einschrieb und die *translatio* des Schatzes fortführte. Er verfällt der Nibelungen-Not in ihrem mythisch schicksalhaften, einem

Fluch gleichkommenden Sinne. Freilich ist Hagens Tod keiner, der sich im mythischen Glanz verklären ließe. Er ähnelt vielmehr einer Hinrichtung, noch dazu durch die Hand einer Verräterin, und stellt insofern den Nullpunkt der sagengestützten Heroisierung dar.

Zugleich trumft hier der Heros durch das Hortmotiv ein letztes Mal auf: Es ist, als konzentriere sich seine heldische Potenz weit über den Tod Sivrits hinaus in seinem Schwert Balmunc. Wenn daher Kriemhilt von Hagen fordert *welt ir mir geben widere / daz ir mir habt genomen*, so bezieht sich das nicht auf einen bezifferbaren Geldwert, sondern auf Sivrit in Gestalt Balmuncs als *pars pro toto* für die Einheit von Hort und Heros. In einer solchen Vergeltung, würde sie von Hagen geleistet, träte die durch Sivrits Ermordung gestörte heroische Ökonomie wieder in ihr Recht. Das 'Nibelungenlied' jedoch kennt keine Nostalgie. Es belässt es dabei, das Hortkapital und seine heroische Ökonomie in der Versenkung verschwinden zu lassen.

Die rätselhaften Figuren in den Heldendichtungen „Nibelungenlied“ und „Kitab-Dede Korkut“

Das berühmteste Beispiel der aserbajdschanischen mündlich überlieferten Literatur, „Kitab-Dede Korkut“, ist auch für die Forschung der gegenwärtigen aserbajdschanischen Sprache und Literatur von großer Bedeutung. Die Heldendichtung hat für die Erforschung der heutigen episch-lyrischen Gattungen großen Wert und bildet den Gipfel der aserbajdschanischen Literatur. Die bekannten aserbajdschanischen Sprach- und Literaturwissenschaftler wie Ali Sultanli, Schamil Cämschidov, Mäm-mädhüsejn Tähmasib, Tofiq Hacıjev, Kamal Abdulla u.a. haben diese bekannte Heldendichtung erforscht und wertvolle Meinungen geäußert. Die Heldendichtung „Kitab-Dede Korkut“ schildert die sozial-ökonomische Lage, Sitte und Bräuche, das Kulturleben der Ogusen im Mittelalter.

Nach den Vermutungen der Experten entstand die Heldendichtung in den ersten Jahren des Islams, nachdem die Araber das Land der Ogusen erobert hatten und den Islam mit Gewalt durchsetzten. Die Helden gehen vom Lob eines Gottes zum Lobe Muhammads und Alis über.

Das deutsche „Nibelungenlied“ und das aserbajdschanische „Kitab-dede Korkut“ haben sehr ähnliche Motive, als ob sie von ein- und demselben Menschen gedacht und verschriftlicht wurden, obwohl sie in verschiedenen geographischen Orten und von verschiedenen Völkern geschaffen sind.

In beiden Heldendichtungen sind manche rätselhafte Figuren, deren Charakter auch heutzutage bemerkenswert erscheint. Diese Figuren sind im „Nibelungenlied“ Hagen von Tronege, König Gunther, die Königin Kriemhild und im „Kitab-Dede Korkut“ Arus von den Disch (äußeren) Ogusen und Yalyndschaq, Sohn des Jalantschy.

Das bittere Schicksal des Königs Gunter und seines Vasallen Hagen von Tronege und der Königin Kriemhild im „Nibelungenlied“ erinnert an Arus, an Yalyndschaq, Sohn des Jalantschy und an 40 Gefolgsmänner von Bugadsch Chan.

Der rätselhafte Charakter dieser Figuren geht in ihren schlimmen Taten auf. In beiden Heldendichtungen, im „Nibelungenlied“ und im „Kitab-Dede Korkut“, gehen wegen der rätselhaften Figuren sowohl die Burgunden und die Hunnen als auch Isch (innere) und Disch (äußere) Ogusen zugrunde.

Da die rätselhaften Figuren im „Nibelungenlied“ den deutschen Kollegen ohnehin bekannt sind, möchte ich sie mit den rätselhaften Figuren der Dichtung „Kitab-Dede Korkut“ kurz bekannt machen: der Onkel von Kasanchan Arus aus den Dish (äußeren) Ogusen lud Bejrek zu sich ein und verlangte von ihm, daß er ihm Treue schwören und Kasan verlassen sollte. Bejrek weigerte sich, wurde verspottet und schließlich erschlagen.

Wenn die Eingeladenen sowohl im „Nibelungenlied“, als auch im „Kitab-Dede Korkut“ gewusst hätten, dass Sie erschlagen werden, hätten sie sich vorgesehen und sich geschützt.

Sehen Sie diese rätselhaften Figuren im einzelnen durch. In der ersten Geschichte „Die Geschichte von Boghadsch Chan, dem Sohn Dirsä Chans“ wird beschrieben, dass Chan der Chance Bajandur Chan jährlich ein Fest veranstaltete und alle Bege der Ogusen bewirtete. An einem Platze hatte er weiße Zelte, an einem Platze rote Zelte und an einem Platze schwarze Zelte aufschlagen lassen und sprach: „Wer einen Sohn hat soll sich in das weiße Zelt setzen, wer eine Tochter hat, in das rote, wer weder Sohn und Tochter hat, in das schwarze“. Er fügte noch zu, dass man ihnen dementsprechend Essen gibt und den Kinderlosen Gott verflucht hat und sie verfluchen ihn mit ihm. Dirsä Chan kommt auch mit seinen vierzig Kriegern zum Festmahl. Aber als man ihn ins schwarze Zelt setzen wollte, verstand er, dass er keine Kinder hat und deswegen muss er sich im schwarzen Zelt auf

schwarzen Filzdeckel setzen und Fleisch vom schwarzen Hammel essen. Das alles gefiel Dirsö Chan nicht, er fühlte sich beleidigt und verließ mit seinen vierzig Kriegerern das Festmahl.

Nach dem Ratschlage seines Weibes veranstaltete er ein großes Fest, lud die Bege der Innen- und Außen-Oghusen ein. Den Hungrigen sättigte er, den Nackten kleidete er und den Verschuldeten erlöste er aus seiner Schuld. Dann erhoben sie die Hände und flehten, damit der Gott ihnen einen Sohn schenke. Seine Frau war schwanger und Gott Erhabene schenkte ihr einen Sohn. Als der Sohn fünfzehn Jahre alt war besuchte der Vater mit ihm das Lager Bajandur Chans. Bajandur Chan besaß einen Stier und einen Kamelhengst. Einmal im Sommer und einmal im Herbst ließ man den Stier mit dem Kamelhengst kämpfen und Bajandur Chan pflegte mit den Bege der starken Oghusen dem Schauspiel zuzusehen und sich daran zu ergötzen.

Es war Sommer und man hatte wieder den Stier aus dem Palaste herausgebracht, drei Männer hielten ihn an eisernen Ketten von rechts und drei Männer von links und ließen ihn mitten in der Arena frei. Zu dieser Zeit saß Dirsä Chans junger Sohn und drei Knaben aus dem Lager beim Knöchelspiel. Als man den Stier losließ, rief man den Jungen zu, damit sie fortlaufen. Dirsä Chans Sohn floh nicht. Mitten in der Arena schaute er sich um. Und der Stier stürmte auf den Knaben zu in der Absicht, ihn zu vernichten. Der Knabe schlug dem Stier schräg von oben mit der Faust so hart auf die Stirn, dass dieser hinten auf die Knie ging. Der Stier kam nochmals auf den Knaben zugestürzt. Wieder schlug der Knabe kräftig auf die Stirn des Stieres und drängte ihn bis ans Ende der Arena. Der Stier und der Knabe rangen eine Weile miteinander, während Bajandur Chan und seine Gefolgschaft zuschauten. Da kam dem Knaben der Gedanke: „Man setzt doch Balken unter ein Dach, damit sie das Dach abstürzen. Warum soll ich weiter die Stütze für die Stirn des Stieres sein?“¹

Da zog der Knabe seine Hand von der Stirn des Stieres weg und trat einen Schritt zur Seite. Der Stier konnte sich nicht auf Beinen palten und fiel kopfüber um. Da zog der Knabe sein Messer und schnitt dem Stier den Kopf ab.

Die Bege der Oghusen drängten sich um den Knaben und gratulierten ihm. Sie sagten, dass Dede Korkut kommen und diesem Knaben einen Namen geben soll. Dede Korkut kam und gab den Namen „Boghadsch“ (Stiertöter) und sagte, dass er den Namen gegeben hat und das Alter ihm Gott geben möge.

Dirsä Chan gab seinen Sohn eine Beggenschaft und einen Thron. Der Sohn nahm den Thron ein. Aber er hatte nicht den vierzig jungen Gefolgsleuten seines Vaters nicht gerechnet. Da beginnt die Rätselhaftigkeit der vierzig Gefolgsleute. Da waren diese vierzig Krieger neidisch und sprachen untereinander: „Seit dieser Knabe aufgetaucht ist, mißachtet uns Dirsä Chan. Kommt, lasst uns den Jungen bei seinem Vater verleumden. Vielleicht tötet er ihn, dann wird sein Vater uns wie früher achten und ehren, oder noch mehr“².

Die vierzig Krieger teilten sich in zwei Gruppen und jede dieser Gruppen brachte seinem Vater verschiedene schlechte Nachrichten, als ob sein Sohn schon undankbar, bössartig geworden ist und ihn töten will, bevor er dich tötet, töte ihn.

Dirsä Chan sagte, dass sie ihn holen müssen, damit er ihn töten. Die Feiglinge sagten, wie sie seinen Sohn holen können, er hört doch auf sie nicht.

Daraufhin kamen die anderen zwanzig Feiglinge mit einer anderen Verleumdung, dass der Sohn während er am Leben ist, seine Jagdbeute an Wild und Geflügel seiner Mutter gebracht und starken Rotwein bei einem Besuch bei seiner Mutter getrunken hat und sich an ihr vergreifen wollte. Noch fügten sie zu, dass diese Kunde zum Chan der Chane kommen kann und da wird Bajandur Chan ihn vorladen lassen und er wird seine Wut zu spüren bekommen, besser müsse er ihn töten.

Dirsä Chan bat sie um den Rat, wie er seinen Sohn töten könne. Da schlugen die Feiglinge Dirsä Chan vor, dass er ihn auf die Jagd einlade, um ihn auf der Jagd zu töten. Dirsä Chan machte so, wie

¹ Das Buch des Dede Korkut. J. Hein s.23. Manesse Verlag. Schwitzerland. 1958.

² S.23. H.Boeschoten „Das Buch des Dede Korkut“ Stuttgart 2008“.

seine Krieger geplant hatten. Zugleich einige jener vierzig Feiglinge gingen zum Sohn und Sprachen: „Dein Vater hat gesagt: Er soll die Hirsche herjagen und vor meinen Augen erlegen. Ich würde gerne sehen, wie mein Sohn sein Pferd reitet, mit dem Säbel umgeht und mit Pfeilen schießt. Das wird mich froh, stolz und glücklich machen.“¹

Der Sohn glaubte den Worten der Feiglinge, jagte die Hirsche herbei und dachte sich, dass sein Vater sehen soll, wie er sein Pferd tanzen lasse, und stolz sein, wie er mit Pfeilen schieße und sich freuen, wie er den Säbel schwinde und glücklich sein.

Die vierzig Feiglinge gingen zu Dirsä Chan und sprachen, ob er den Jungen, der hinter den Hirschen über Felder und Wiesen herjagt und sie zu ihm führt, sieht. Er müsse aufpassen, der Sohn tut so, als ob er auf den Hirsch zielt, wird aber ihn mit seinem Pfeil töten und bevor der Sohn ihn erwischt, muss er ihn töten.

Da ergriff Dirsä Chan seinen mit Wolfssehnen belegten starken Bogen, erhob sich in den Bügeln, spannte weit und ließ die Sehne fahren. Er traf seinen Sohn so gewaltig zwischen den beiden Schulterblättern, dass der Pfeil eindrang und sein rotes Blut hervorsprudeln ließ. Er schlang seinen Arm um den Hals des Beduinenrosses, umklammerte ihn und stürzte auf die Erde. Dirsä Chan wollte sich auf seinen Sohn werfen, doch die Feiglinge ließen das nicht zu. Er wendete sein Pferd mit seinen Zügeln und ritt zu seinem Lager.

Inzwischen ließ Dirsä Chans Gattin, da dies die erste Jagd ihres Sohnes war, Pferde- und Kamelhengste und Schafsböcke schlachten, um damit die Bege der starken Oghusen zu bewirten. Aber sie erblickte ihren Sohn unter den Begen nicht und fragte ihren Gatten Dirsä Chan nach ihrem Sohn. Ihr armes Herz schlug heftig, ihre dunklen Augen füllten sich mit heißen Tränen. Sie jammerte und weinte, aber Dirsä Chan gab seiner Gattin keine Antwort.

Die Mutter begann ihren Sohn zu suchen und fand ihn sehr stark verwundet im Walde-Chizir erschien den Jungen, strich dreimal mit seiner Hand über die Wunde und sprach, dass er sich nicht fürchten soll und ihre Wunde nicht tödlich ist, eine Salbe aus Bergblumen und der Milch der Mutter ihn heilen wird.

Die Mutter machte so, wie sie gehört hatte und die Wunde des Jungen heilte in vierzig Tagen und er war kerngesund. Dirsä Chan wusste davon nichts, er dachte, sein Sohn sei tot. Aber die vierzig Feiglinge hürten es und dachten, wenn Dirsä Chan seinen Sohn sieht, wird er sie alle totschiagen. Sie nahmen ihn gefangen, banden ihm die Hände auf den Rücken. Sie prügelten ihn, bis das Blut ihm über die weiße Haut lief, und wollten ihn in das Land der Ungläubigen bringen. Die Feiglinge machten Rast und tranken starken Rotwein.

Inzwischen erfuhr die Mutter, dass ihr Gatte von vierzig Feiglingen gefangen genommen ist. Sie begab sich zu ihrem Sohn und sprach, von der Gefangenschaft seines Vaters. Der Sohn gehorchte seiner Mutter, stand auf, umgürtete sich mit seinem Säbel, packte seinen steifen Bogen und nahm seinen goldenen Speer zur Hand und galoppierte mit seinen vierzig Kriegern hinter seinem Vater her. Die Feiglinge sahen ihn kommen, erkannten ihn aber nicht. Sie wollten auch ihn gefangen nehmen und beide auf einmal zu den Ungläubigen bringen.

Dirsä Chan bat die Feiglinge um ihn loszubinden und seine armlange Laute in die Hand geben, er werde diesen Jüngling zur Umkehr bewegen.

Sie banden seine Hände los, gaben ihm seine Laute.

Dirsä Chan wusste nicht, dass es sein Sohn war. Er trat ihm entgegen und sprach in Versen und der Sohn antwortete seinem Vater gleichfalls in Versen. Sie verstanden einander gut und es fand ein starker Kampf statt. Der Sohn rettete seinen Vater, sie umarmten sich und weinten. Erst jetzt erfuhr Dirsä Chan, dass sein Sohn gesund und wohlauf war. Noch all diesen Ereignissen geht die Rätselhaftigkeit der vierzig Gefolgsmänner auf. Würde Bogadsch Chan im Voraus die Rätselhaftigkeit der Gefolgsmänner, könnte er Missverständnisse vermeiden.

¹ S.25 H.Bouschoten „Das Buch des Dede Korkut“ Stuttgart 2008“.

Резюме

Севиндж Рзаева

Скрытые образы в героических эпосах «Песнь о Нибелунгах» и «Китаби Деде Горгуд»

В статье говорится о скрытых образах в двух сопоставляемых эпосах, которые проявляются в «Песне о Нибелунгах» в образах Хагена фон Тронеге, короля Гюнтера и принцессы Кримхильд, а в «Китаби Деде Горгуде» Аруза из Внешних огузов и Ялынджага сына Яланчы. Характеры этих скрытых образов раскрываются в их плохих поступках, которые приводят к смерти положительных героев обоих эпосов.

«Dədə Qorqud kitabı»nda açılmamış sirlər

«Dədə Qorqud kitabı»ndakı hadisələr, süjetlər, obrazlar, şəxslər qəhrəmanlıq, pəhləvanlıq dövrünə aiddir. Qələbələrini təmin edən ayrı-ayrı fərdlərdir, pəhləvanlardır, fəvqəlgüc sahibi insanlardır, ordular deyil. Ən yaxşı halda ordular fərdin başladığı işi tamamlamağa gəlirlər. Və bu gələnlərin toplusu bir fərdin başına yığılan köməkçilərdir. Bu yığınların (ordu hissələrinin, bölümlərinin) başçıları pəhlivan fərdlərdir. Hansısa döyüşdə, qarşılaşmada fərd başına cəmləşən yığınlarsız, onların köməyi olmadan qalib gələ bilər, ancaq pəhləvan fərdsiz, müasir terminologiya ilə desək, həmin sərkərdəsiz yığın qalib gələ bilməz. Dövrün xasiyyətnaməsi belədir: qalib, qələbə fərdin fərdlə qarşılaşmasında bilinir. Dövr pəhlivanlıq dövrüdür, epoxa fərdi gücün sınaqması epoxasıdır. «Dədə Qorqud kitabı»nda hətta hər iki tərəfdə dəstə, yığın, ordu üz-üzə durubsa da, hər tərəfdən bir fərd önə çıxır və gücləşirlər. DQK həmin pəhlivanlıq dövrünün yaradıcılıq abidəsidir. Döyüşənlər xalqın, millətin adından döyüşmür, titul üçün, mənəb üçün, hökmdarlıq üçün döyüşürlər. Əlbəttə, qəbul edirik ki, DQK tarixdir. Ancaq bu tarix hər yerdə elm deyil. Bu, pəhlivanlıq dövrünün elmidir. Pəhlivanlıq dövrünün elmi mifdir. «Kitab»ımızda miflə elmi düşüncə çulğadır, bir-birinə qarışıq. «Kitab»ın mifi müəyyən yerə qədər elmdir, müəyyən yerə qədər ancaq əsətdir. Bu gün də sirr olaraq qalır ki, nə mifdir, nə tarixdir, mif haracan əsətdir, haracan elmdir.

«Kitab»da bu sirlə məqamlar üstündə düşüncələr, mülahizə söyləyənlər olub. Qorqudsünaslıqda yanaşma orijinallığı və elmi dəyəri ilə seçilən «Gizli Dədə Qorqud» əsərində bu sirlərə bədii təhlil yolu ilə də müdaxilə edir;¹ bəzən ciddi bədii obrazlarla, bəzən yumorla müəyyən mif-əsətdir hadisəsinin üstündən xəfifcə sir pərdəsini götürür. Ancaq «Kitab»ın mif sirləri açılıb-tükənməyib? Məsələn, Füzuli beytlərinin şərhə haqqında son söz nə vaxt deyilib bitsə, «Dədə Qorqud kitabı»nın pərdə altındakı gizliləri də onda açılıb-qurtaracaqdır. Bu da Füzulinin bu məşhur beytinə bənzər: *Bu qəmlər kim mənim vardır, bəyirin boynuna qoysan, Çıxar kafər cəhənnəmdən, gülər əhli-əzab, oynar.*

Əlbəttə, bu sirlərin açılıb qurtarmayacağı həqiqətdən qorxmayaraq, nəsil-nəsil bu mövzuya qayıdılacaqdır.

Bu söhbətimdə mənim üçün açılmamış bildiyim üç sirin üstündə duracağam.

Bunlardan biri «Kitab»ın nəsr və şeir probleimidir. Mötəbər qorqudsünas M.Ergin deyir: «Kitab» mənzum və mənsur parçalardan ibarətdir.² Mən demişəm, yenə deyirəm: «Dədə Qorqud kitabı» əvvəlindən axırlarına qədər şeirdir.³

Görkəmli qorqudsünas «Dədə Qorqud kitabı»nı ozan yaradıcılığının məhsulu sayır və deyir ki, ozanlar vəznətsiz şeir deyən sənətkarlardır.⁴ Məsələ də burasındadır ki, həmin vəznətsiz şeir məhz Qorqud şeirinin əlamətidir. Yəni «Kitab»ın dili şeir dilidir, ancaq bu şeir bu gün gördüyümüz və anladığımız mənada bərabər hecalı misralardan, ardıcıl şəkildə, sistemli qafiyələrlə söylənmiş misralardan qurulmur. Əgər şeir biliciləri vəznətsiz sözünü şeirə təyin işlədirsə, deməli, bu poetik nitq nümunələri elə şeirdir. Hətta şərq poetikasında nəzmi-qeyrimüqəffa (qafiyəsiz nəzm) anlayışı da var. Qorqud şeirində də çox hallarda qafiyə işlənmir. Qafiyə yoxdur. Ancaq söyləmə şeirdir. Beləliklə,

¹ Kamal Abdulla. Gizli Dədə Qorqud. 1991 (Birinci nəşri). İkinci nəşri: Mifdən yazıya və yaxud gizli Dədə Qorqud. 2004; «Causus» komediyası.

² Ergin M. Dədə Korkuq kitabı. 1-ci. Ankara, 1994, s. 32.

³ Hacıyev T. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. Bakı, 1976; Budaqova Z. Hacıyev T. Azərbaycan dili. Bakı, Elm, 1991; Hacıyev T. «Dədə Korkuq kitabı» dilinin iki sintaktik xüsusiyyəti haqqında. Türk dil araşdırmaları illiyi belleeten, Ankara, 1994.

⁴ Ergin M. Göstərilən əsəri, s. 32

ozanı vəznəşiz şeir deyən sənət sahibi bilən möhtərəm M.Ergin «Kitab»ımızın dilinin bilavasitə vəznəşiz şeirdən ibarət olduğunu görməli idi.

«Kitab»dan bu mətn kəsiyinə diqqət yetirək, nəsr cümlələri ilə verilir: «Dirşə xan dişi əhlinin sözü ilə ulu toy eylədi. Hacət dilədi. Atdan ayğır, dəvədən buğra, qoyundan qoç qırdırdı, iç Oğuz, Daş Oğuz bəglərin üstünə yığnaq etdi...»¹. Bu, M.Ərginin dediyi həmin vəznəşiz şeirin nümunəsidir. Misralaşdıraq, görünsün:

Dirşə xan
Dişi əhlimnin sözü ilə
Ulu toy eylədi
Hacət dilədi
Atdan ayğır
Dəvədən buğra
Qoyutdan qoç
Qırdırdı.
İç Oğuz
Daş Oğuz bəglərin
Üstünə yığnaq etdi.

Bu, elə mexaniki düzölmüş misra-sətirlər deyil: mətnin şeir olması göz qabağındadır. İlk iki misra alliterasiya ilə düzölmüş: **Dirşə-Dişi**. Sonrakı misralarda ahəng misranın sonuna keçir-aşkar qafiyələr var: *eylədi (elədi)–dilədi*, növbəti misralar sintaktik paralelizm prinsipi ilə düzlənib: *atdan ayğır, dəvədən buğra...* Paralelizm qədim ilkin şeir əlamətidir. Mətn boyunca ritm müəyyənləşməsinə alliterasiya təkrar-təkrar qoşulur: **at-ayğır, qoyun-qoç-qırdırdı...**

Bugünkü anlayışla təkrar fiquru kimi tanınan poetexnik vahid əski türk şeirində, ilk türk poetik örnəklərində ahəngqurucu faktor olaraq qafiyə işini görürdü. Burada olduğu kimi: İç *Oğuz*-Daş *Oğuz*, iç və daş sözlərindəki təzad (kontrast) da öz yerində – bu da şeir elementlərindən sayılır.

Başqa bir mətn kəsiyi: «İraqından-yaqınından gəlişdilər. Gizli yaqa tutuban iyləşdilər. Tatlu damağ verübən soruşdular. Ağ-boz atlar binübən yortuşdular. Bəg babası yanına irişdilər»². Bu isə M.Erginin dediyi vəznəşiz yox, məhz vəznəli şeirdir ki, nəsr cümlələri şəklində yazılıb. Cümlələrin sonu qafiyədir: *gəliş-iyləş-soruş-yortuş-iriş*. Hətta qafiyələrdə sait seçimində saitlərin qalınlıq-incəliyinə də fikir verilib: Birinci, ikinci xəbərlərdə incə saitlər: *gəlişdilər-iyləşdilər*; üçüncü, dördüncüdə qalın saitlər: *soruşdular-yortuşdular*; beşinci cümlədə xəbər yenə incə səslərlə qafiyə sistemini yekunlaşdırır: *irişdilər*.

Artıq bu, sadəcə qrammatik mənada cümlə deyil, poetik anlayışla misradır. Cümlə–misranın hər birində ilk və son təqtlər 4 hecadır: 1-ci cümlədə *iraqından...gəlişdilər*, 2-cidə *gizli yaqa...iyləşdilər*. 3-cüdə *tatlu damağ...soruşdular*, 4-cüdə *ağ-boz atlar... yortuşdular*. 5-cidə söz birləşməsi dörd heca bitəndə kəsilib-*bəg babası... irişdilər*.

Aradakı sözlər gah dörd (*yaqınından*), gah üç (*verübən*) hecalıdır. Bu halda ilk misra örnək olmalıdır – *iraqından-yaqınından – gəlişdilər = 4+4+4*.

Deməli, dəyişiklik sonrakı misralarda baş verir. Məsələn, məlumdur ki, türkcələrin tarixində və bilavasitə “Kitab”ın özündə *-iban* feli bağlaması həm də *-ibanı* şəklində işlənir. Nəhayət, sonuncu misrada *-nun* hal şəkilçisini sazla oxunuşda ozan ikinci təqtin üstündə demişdir. Beləliklə, hər misrası 4 hecalı 3 təqtdən ibarət olur:

İraqından /yaqınından/ gəlişdilər,
Gizli yaqa /tutubanı/ iyləşdilər,
Tatlu damağ /verübəni/ soruşdular,
Ağ-boz atlar /binübəni/ yortuşdular.
Bəg babası /nun yanına/ irişdilər.

¹ Kitabı-Dədə Qorqud Ensiklopediyası. 1-ci. Bakı, 2000, s. 40

² Kitabı-Dədə Qorqud. Tənqidi mətn (Tərtibçilər F.Zeynalov, S.Əlizadə). Bakı, 1988 s. 200.

Dediyimiz kimi, artıq bu, vəzinli şeirdir. Burada qafiyəsini nəzərə alanda söhbət hər misrası on iki hecalı şeirdən gedir. Ancaq əslində burada daha qədim, daha dəqiqi ilkin türk şeirinin misraları bir misranın təqtlərinə çevrilib. Daha əski türk şeirində birhecalı türk sözləri dövründə misraların həcmi çox yığcam olmuşdur: Hər misra 2-dən (bəzən hətta 1-dən) 5-ə qədər hecadan qurulmuşdur.

Mən bunu dəfələrlə tədqiq edərək qərarlaşdırıb deyirəm ki, “Dədə Qorqud kitabı”nın bütün cümlələrini, bütün sətirlərini gətirdiyim bu misalların örnəyində vəznə və vəznəli şeir olaraq düzmək olar.

2. Qaraca Çoban çobandır, yoxsa tanrıdır? Bizə məlum ən qədim bədii ədəbiyyat nümunəsi olan Şumer qəhrəmanlıq dastanlarından bəri heç vaxt adi insan, əməkçi, zəhmətkeş insan bədii yaradıcılıqda süjet, kompozisiya quruculuğunda material kimi işlənmir. İlk dəfə “Dədə Qorqud kitabı”nda bu norma pozulur. “Kitab”da çoban obrazı var. Qazan xanın sürülərini otarır, qoruyub saxlayır. Adı Qaraca Çobandır. Ancaq bu çoban bildiyimiz adi bir kənd çobanı deyil. Bu çoban fiziki gücü ilə düşmənlərinə qan ağladan Oğuz Alplarına meydan oxuyur. O zaman bədii ədəbiyyatda gücü ancaq Gilqamışın gücü ilə qiyaslanan belə zəhmətkeş kəndli obrazı olmayıb. Hətta bundan da təəccüblüsü odur ki, bu çoban düşmənin ordusu ilə döyüşə girişir və bir ordu düşmənin başına sapanla qayalar yağdırır, qayalar tükənəndə qoyun-qoçlar ələyib onları məğlub edir. Bu, xalq ədəbiyyatında pəhlivanlıq dövrünün nəhəng pəhlivan gücündə olan obrazdır. Bu hadisə pəhlivanlıq dövrü ədəbiyyatının ənənəsini, qəliblənmiş normasını alt-üst edir. Hələ bəylər bəyi xan Qazanın arxadaşı, silahdaşı olur, onun sərkərdələrindən biri kimi, hətta bir sərkərdənin başçılıq etdiyi bir ordunun gücündə qəhrəmanlıq göstərir, Beləliklə, bütövlükdə qədim dünya ədəbiyyatları üçün istisnadır ki, “qara camaat”dan ədəbiyyata qəhrəman gəlir. Bu kəndli çoban döyüşdə iştirak edir, şücaət göstərir və qarşılığında Qazan xan ona rütbə verir, onu yüksək vəzifəyə təyin edir: “Qazan xan ordusunu, oğlanını–uşağını, xəzinəsini aldı gerü döndü, Altun Taxtında yenə evini tikdi. Qaracug Çobanı əmiraxur elədi”. Həmin “əmiraxur” vəzifəsi müasir anlayışla, məsələn, heyvandarlıq təsərrüfatının rəhbəridir, hətta nazir rütbəsidir. Qədim pəhlivanlıq dövrünün ədəbiyyatı üçün bu, tanrı mövqeyidir. Hər halda çox yüksək mövqedir, xalis bəyzadə, xanzadə, seçmə nəsil, yuxarı təbəqə nümayəndəsinin yeridir. Doğrudanmı, köklü çınarı yerindən qoparan, ordular dağıdan bu insan çobandır. Biz “Dədə Qorqud kitabı”nın bir sıra hadisələrinin Şumer qəhrəmanlıq dastanlarıdakılarla səsləşdiyini demişik.¹ Yenə də Şumer dastanları ilə müqayisə bu gözlənilməzliyin sirrini açır. Aydın olur ki, “Kitab”ımızdakı çoban obrazı bu gün düşündüyümüz çoban vəzifəsi deyil, bir qədim statusun transformasiyasıdır. Şumer mifində Dumuzi adında bir tanrı var. O, mal-heyvanı himayə edən tanrıdır. Dumuzinin tanrı rütbəsi çobandır. O, ölkəsinin kralıdır. Böyük dövlət sahibidir. Bu varına, dövlətinə görə ilahə İnanna onunla evlənməyə razılıq verir. Dumuzi bütün əldə etdiklərini bu çoban rütbəsinin verdiyi imkan və səlahiyyətlərlə qazanmışdır.²

Belə hesab edirik ki, Qaraca Çoban mif dövründə türk cəmiyyətinin Dumuzisi olmuşdur. Min illərlə gələn zaman ərazində Çoban rütbəsində olan tanrı Qaracug mifdən reallığa keçiddə “Kitab”ımızdakı Qaraca Çoban olmuşdur.

3. “Dədə Qorqud kitabı”nı yaradan, yaxud tamamlayan Azərbaycan türkləri at əti yemiş, at südü içmişlərmi? Dastanımızın əhalisi qımız içir, at əti yeyir. Dastanda qədim pəhləvanlıq dövrünün möhürü varsa, deməli, buraya ümumi türk mifinin əlamətləri hopmuş olmalıdır və hopub. Ancaq bütövlükdə əlimizdə olan “Kitab” Azərbaycan coğrafiyasında cərəyan edən və Azərbaycan türkcəsində qoşulmuş dastanın yazıya alınmış faktıdır. Dastandakı insanlar toylarda, mərasim şülənlərində atdan ayğır, dəvədən buğra, qoyundan qoç kəsərlər, şərab yerinə at südündən hazırlanmış müəyyən alkoqol dərəcəsi olan, insanı dəmləndirən, xoşhal edən qımız içərlər. Türküstan türklərində həmin qonaqlama nümunəsi bu gün də var. Bildiyimiz tarixdə həmişə, bu gün də Azərbaycan əhalisi dəvə və qoyun ətindən halal nemət kimi istifadə edirlər. Ancaq tariximizin bizə məlum dövrlərindən bəri heç yerdə Azərbaycan türklərinin qımız içməsi, at əti yeməsi faktı qeydə alınmayıb. Hesab etmək

¹ Hacıyev T. Şumer və biz. Tarix Şumerdə başlayır. Bakı – 2012, son söz – s. 389-428.

² Kramer Sumue N. Tarix şumerdə başlayır. Yazılı tarixdə otuz doqquz İLK. Bakı – 2012, s. 308-328

olmaz ki, alqaqollu olduğuna görə islamın qəbulundan sonra Azərbaycan türkləri qımızdan imtina etmişlər. Göründüyü kimi, dastanda islam inamı var, ancaq qımız içilməsinə qarşı heç bir yasaq işarəsi yoxdur. Bu gün də o, Türküstan türklərinin süfrəsində ən koloritli nemətdir. Türküstanlılar onu ramazanda da işlədirlər.

Maraqlıdır: qımız şərab qədər xumarlandırır; şərabın verə biləcəyi fikir azadlığını, hərəkət sərbəstliyini, vaxt xoşhəlliyini, insanın dərdsizlik içində yaşamasını qımız da verir. Ancaq şərabı yasaq buyurduğu halda, islam qımızı rədd etmir. Çünki qımız türkün tarixi yaradıcılıqlarından biridir. Türk bu xumarlığı düşüncə ilə yaradıb. Bu xumarlıq məhz sözün poetik mənasında xumarlıqdır – o, günaha çəkmir, cinayət törətmir, vəhşiləşdirmir, xoşagəlməz heç nəyə sövq etmir, yalnız rahatlıq və xoşluq mənbəyidir – onu normadan artıq qəbul etmək heç mümkün də deyil. Bu şərab türkün. bəşəriyyətə bəxş etdiyi, türkü türk edən atın yelinindən sağılan saf, gözəl Allah neməti olan süddür, onun yaratdığı xumarlıqda o südün ağılığı var. Qımız bizə islam unutmurmayıb. Qımız içilməsi at ətinin yeyilməsi ilə məqbul sayılmışdır. Folklor materialımız göstərir ki, bizdə vaxtilə at əti yeyilmişdir.

Bir yumoristik qədim xalq şeirində buna işarə var:

- Ay adam, kimsən?
- Həsən.
- Nə Həsən, hansı Həsən?
- Göy atı kəsən.
- Dəlisən, nəсэн?
- Səhər görərsən.

Bu misralar ən qədim türk şeirinin əlamətlərini özündə əks etdirir^{1*} (məsələn, misralarm qeyri-bərabər hecalı olması). Deməli, hadisə də həmin qədimlikdə olmalıdır (“Göy at” yeyilmək üçün kəsilib). Nə vaxtsa, nə səbəbdənsə (iqlimdənmi, təsərrüfatdanmi asılı olaraq) bizdə at əti yeyilməməyə başlanır. Təbii ki, qızın hazırlanmaması, içilməməsi də onunla bağlıdır. “Dədə Qorqud kitabı”nda bu faktı Türküstandan gəlmə də saymaq olar (Alpamış – Bamsı Beyrək əlaqəsini yada salaq). Ancaq bir məsələ var ki, at əti bizdə murdar sayılmır, məkrühdür: yeyə də bilərsən, yeməyə də. Bu da, Azərbaycan coğrafiyasında cərəyan edən Dədə Qorqud hadisələri və misal gətirdiyimiz əski xalq şeiri də göstərir ki, bizdə at əti yeyilmiş, qımız içilmişdir. Sadəcə, bunu çox qədim, unudulmuş bir hadisə saymaq daha məntiqlidir. Dədə Qorqud sujetləri həmin qədimliyə gedir.

* Burada *adam*, *Həsən*, *səhər kimi* qeyri-türk sözlərinin işlənməsi şeirin qədimliyini, islamdan əvvəlki dövrə aid olmasını şübhə altına almır. Şeir xalq ağzında, şifahi gəldiyindən zaman-zaman onda leksik dəyişmə gedib, deyək ki, arxaikləşən *kəşi*, *danla* sözünün yerində *adam*, *səhər* işlənməyə başlayıb.

PD Dr. Klaus Wolf

Hochschuldozentur für Ältere Deutsche Philologie,
Universität Heidelberg, Germanistisches Seminar,
Hauptstraße 207-209, D – 69117 Heidelberg
klaus.wolf@gs.uni-heidelberg.de

Hagen – der letzte Römer? Neue Überlegungen zur Herkunft Hagens

Der vorliegende Aufsatz versucht erstmals, Syagrius von Soissons¹ als wesentliches Vorbild für die Hagen-Gestalt des Nibelungenlieds zu erweisen. Syagrius, der Spross einer vornehmen senatorischen Familie, herrschte von 464 bis 486 als letzter römischer Machthaber in Gallien über Teile des heutigen Frankreichs und Belgiens. Dafür konnte er sich neben seinen fränkischen Untertanen und Kriegerern nicht zuletzt auf seine Elitetruppe der *bucellarii* stützen. Am Ende musste freilich Syagrius den kriegerischen fränkischen Einigungsbemühungen Chlodwigs weichen. Dieser ließ seinen Gefangenen Syagrius, der ihm vom König der Westgoten ausgeliefert worden war, mit dem Schwert hinrichten, was an Hagens Tod im Nibelungenlied erinnert.

Allerdings war die Parallele zwischen der Art und Weise, wie Syagrius als historische Person und Hagen als literarische Gestalt im Nibelungenlied zu Tode kamen, nicht der Anlass, mich auf die Suche nach einem historischen Vorbild für die Hagen-Gestalt zu begeben. Auslöser dafür war vielmehr der völlig unbefriedigende Befund, dass keiner der bislang vorgeschlagenen Bezüge zwischen Hagen und historischen wie mythischen Gestalten von der seriösen Nibelungen-Forschung bis jetzt akzeptiert wurde. So spricht sich die Forschung heute gegen Verbindungen etwa zum römischen *magister militum* Flavius Aetius (um 390 bis 454), obgleich Geisel und Gegner Attilas, ebenso aus wie gegen dessen gleichfalls bei den Hunnen vergeiselten Sohn und nicht zuletzt gegen diverse numinose Identifizierungen, weil sowohl für Flavius Aetius wie für germanische Gottheiten philologisch und historisch nachprüfbar Bezüge im mittelhochdeutschen Text des Nibelungenlieds nicht zu finden sind. Unpassend ist überdies, dass Aetius 436/437 das Burgunderreich auslöschte und gerade nicht Attila, was die Verhältnisse im Nibelungenlied und insbesondere Hagens Position als treuester Gefolgsmann der Burgunder auf den Kopf stellt (auch wenn man dies als sagengemäß weiterinterpretieren will). Ferner hat man etwa einen alanischen *Chagan* (ein Titel) Goarebenso als Hagens Vorbild postuliert wie den 995 verstorbenen norwegischen Herrscher Hakon I. Beide historische Identifizierungen greifen nicht, weil sie völlig spekulativ bleiben und die Abstammung Hagens zu sehr in die europäische Peripherie verlegen. Überdies dürften Alane wie Römer als Vorbilder für den treuen Gefährten des Germanen Gunther als ethnisch zu weit hergeholt empfunden worden sein, um sich in der Nibelungenforschung als historische Grundlage der Hagen-Figur durchzusetzen. Demgegenüber böte Syagrius – wie noch zu zeigen ist – den Vorzug, dass er trotz römisch-senatorischer Herkunft zu nicht geringem Teil über Franken herrschte, ja sein Vater Aegidius sogar den Titel eines *Rex Francorum* führte, während Aetius allenfalls zu den Hunnen, nicht jedoch zu Franken engere Beziehungen unterhielt und sich überdies als starker Mann des Weströmischen Reichs und auf Augenhöhe mit Konstantinopel verstand. Auch das Bemühen, wenigstens die geographische Herkunft Hagens über seine Benennung im Nibelungenlied als *von Tronege* oder *von Tronje* zu eruieren, ist gescheitert, weil zahlreiche Orte mehr oder minder gleichberechtigt die Herkunftsbezeichnung auf sich beziehen. Beispielsweise hat man die Ortsangabe im Nibelungenlied mit der Burg Troneck im Hunsrück oder mit Kirchberg im Elsass, das im Mittelalter Tronje hieß, gleichgesetzt. Auf der anderen Seite gibt es

---

¹ Vgl. neuerdings dazu den Abschnitt: „Aegidius, Syagrius, and the Kingdom of Soissons“ in: PENNY MACGEORGE, *Late Roman Warlords*, Oxford 2002. – Ein guter Überblick bei HERWIG WOLFRAM, *Die Germanen*. 9., überarbeitete Auflage, München 2009, S. 106-115.

Verfechter des französischen Troies an der Seine. Aber auch das antike Troja wurde, weil sich die Franken, jedoch ebenso die Ritter des Hochmittelalters allgemein auf die Trojaner zurückführten, für Hagens Herkunft erwogen. Andere Gelehrte sahen mythische Bezüge zwischen Hagen und Hödr, dem blinden Begleiter von Baldr, oder überführten Hagen gar als Totendämon. Nicht weniger vielfältig sind die Etymologien seines Namens, die beispielsweise ein germanisches *haganaz postulieren, das einem Stier oder Eber entsprechen kann und für ein überirdisches Wesen in Tiergestalt steht. Schließlich ist auch die Ableitung von germanisch *hag in der Bedeutung ‚Dornenhecke, Umzäunung, Grenze‘ möglich, wodurch Hagens Funktion als Grenzwächter und Königsvasall umschrieben wäre. Zu diesen Aufgaben könnte auch altnordisches *hagr* für ‚Dienstbarkeit‘ passen.

Wenn ich trotz all dieser Versuche jetzt auf Syagrius, den letzten Vertreter der römischen Senatsaristokratie gegen die Germanen in Gallien, genauer: gegen die Franken und (West-) Goten, als historisches Vorbild für Hagen setze, so scheint Syagrius auf den ersten Blick genauso viel oder wenig mit dem *recken* im Nibelungenlied gemeinsam zu haben wie etwa der alanische *Chagan* oder der römische Heermeister Flavius Aetius. Doch liefert eine intensive Befragung der einschlägigen Quellen zur Geschichte des Merowingerreichs, in erster Linie der fränkischen Chroniken Gregors von Tours und Fredegars, durchaus einsichtige Parallelen zwischen den Schicksalen Hagens und des Syagrius. Mehr noch: Eine intensive *rélecture* der schon immer in der Forschung für die fränkischen historischen Grundlagen des Nibelungenlieds beigezogenen Quellen vermag die Hagen-Figur endlich befriedigend an eine historische Person rückzubinden.

In derfränkischen Chronik Fredegars erfahren wir über Syagrius, dessen Schicksal aufs engste mit Chlodwig verbunden war: *Concepit Basina et peperit filium nomen Chlodoveum. Haec fuit magnus et pugnator egregius, ad instar leoni fortissemus cyteris regibus. [...] Mortuo Egegio, reliquit filium Syagrium nomen.* (Fredegar, III, Nr. 12) *Defuncto Childerico, Chlodoveus, eiusdem filius, regnat pro eo. Anno autem quinto regni eius Syagrius Romanorum patricius apud civitatem Sexonas, quam quondam pater suos tenuerat, sedem habebat. Quem Chlodoveus cum Ragnachario inruens, Syagrius in lisum cernens exercitum, terga vertit et ad Alaricum regem Tolosa curso veloce perrexit. Glodoveus legatus ad Alaricum mittens, ut eum redderet; alioquin noverit, sibi bellum inferre. Ad ille metuens, ut Gothorum pavere mus est, Siagrium vinctum legatis tradit. Quem Ghlodoveus custodiae mancipavit, regnumque eius acceptum, eum gladium truncare precipit. Chlodoveus, eo quod esset fanatecus, ecclesias depretare permisit.* (Fredegar III, Nr. 15) Im Blick auf die Hagengestalt des Nibelungenlieds sind folgende Inhalte zentral: Dem großen Kämpfer Chlodwig stand Syagrius, Sohn des Egegius, gegenüber. Nachdem Chlodwig den ‚Patricius‘ der Römer, nämlich Syagrius, angegriffen hatte, floh dieser eilends zu Alarich nach Toulouse. Chlodwig verlangte von diesem die Auslieferung des Syagrius, was dieser, entsprechend der bekannten gotischen Feigheit, auch tat. Chlodwig ließ seinen Feind ins Gefängnis werfen und mit dem Schwert töten.

Ganz ähnlich berichtet der ‚Liber historiae Francorum‘: *Franci vero, relicto Childerico, Egidium principem Romanorum in regnum super se statuerunt, malum consilium tractantes. Qui cum octo annos super eos regnaret [...] In illis diebus coeperunt Franci Agripinan civitatem super Renum vocaveruntque eam Coloniam [= Colonia Ulpiana Traiana, vgl. Hagen von Tronje/Troja etc.], quasi coloni inhabitarent in eam. Multo populo Romanorum a parte Egidii illic interfecerunt; ipse Egidius fugiens evasit. [...] Post haec igitur mortuus est Egidius Romanorum rex. Siagrius enim, filius eius, in regnum eius resedit; constituit sedem regni sui in Suessionis civitate. [...] Post hec mortuus est Childericus rex, regnavitque annis 24. Chlodovechus, filius eius, regnum Francorum viriliter recepit. Anno autem quinto Chlodovecho regnante, Siagrius, filius Egidii, Suessionis civitate, quam pater eius tenuerat, resedebat. Super quem Chlodovechus cum Ragnachario, parente suo, cum hoste advenit. Convenientesque ad bellum, illis inter se fortiter conpugnantibus, Siagrius lesum cernens exercitum suum, per fugam lapsus, ad Alaricum regem Gothorum aufugit ad urbem Tolosam. Chlodovechus enim missos suos ad Alaricum dirigens, ut redderet Siagrium; si autem reddere non vellet, pararetur ad proelium. Ille autem timens Francorum iram, tradidit Siagrium missos Chlodovecho. Qui cum ei presentatus fuisset, iussit eum occidere, totumque regnum eius ac*

thesauros Chlodevechus recepit.(Liber historiae Francorum, Nr. 7-9, S. 248-251) Dies läßt sich dahingehend zusammenfassen, dass die Franken nach Childerich den Römer Aegidius als ihren König erwählten. Diesem folgte sein Sohn Syagrius in der Königsherrschaft, welcher für sich Soissons als königliche Residenz bestimmte. Im Krieg mit Chlodwig und nach heftigen Zweikämpfen untereinander entschloss sich Syagrius zur Flucht. Der Gotenkönig Alarich freilich, zu dem sich Syagrius nach Toulouse geflüchtet hatte, lieferte seinen Gefangenen an Chlodwig aus. Dieser ließ den Gegner töten und erbeutete Königreich und Schätze des Syagrius.

Bei Gregor von Tours heißt es im zweiten Buch seiner ‘Fränkischen Geschichte’ über Syagrius:*His ita gestis, mortuo Childerico, regnavit Chlodovechus, filius eius, pro eo. Anno autem quinto regni eius Siacrius Romanorum rex, Egidi filius, apud civitatem Sexonas, quam quondam supra, memoratus Egidius tenuerat, sedem habebat. Super quem Chlodovechus cum Ragnechario, parente suo, quia et ipse regnum tenebat, veniens, campum pugnae praeparare deposcit. Sed nec iste distolit ac resistere metuit. Itaque inter se utriusque pugnantis, Syacrius elisum cernens exercitum, terga vertit et ad Alaricum regim Tholosa curso veluci perlabitur. Chlodovechus vero ad Alaricum mittit, ut eum redderet, alioquin noverit, sibi bellum ob eius retentionem inferri. Adille metuens, ne propter eum iram Francorum incurreret, ut Gothorum pavere mos est, vinctum legatis tradedit. Quem Chlodovechus receptum custodiae mancipare praecipit; regnoque eius acceptum, cum gladio clam feriri mandavit. Eo tempore multae aeclesiae a Chlodoveco exercitu depraedatae sunt, quia erat ille adhuc fanaticis erroribus involutus. Igitur de quadam ecclesia urceum mirae magnitudinis ac pulchritudinis hostes abstulerant, cum reliqua ecclesiastici ministerii ornamenta.*(Gregor von Tours: Historia Francorum, Liber II, Nr. 27) Dies lässt sich folgendermaßen paraphrasieren: Syagrius, der König der Römer und Sohn des Aegidius, residierte in Soissons. Nach Kämpfen mit Chlodwig suchte er bei König Alarich in Toulouse Schutz. Der feige Gote lieferte jedoch aus Furcht vor den Franken den Exilanten an Chlodwig aus, der seinen Feind einsperren ließ, sich dessen Königreichs bemächtigte und schließlich Syagrius mit dem Schwert zu exekutieren befahl.

Zu diesen chronikalischen Mitteilungen lassen sich in der 39. Aventure des Nibelungenlieds, die am ausführlichsten über den literarischen Hagen berichtet, parallele Handlungssequenzen ausmachen. Diese literarischen Referenztexte werden hier nach Handschrift B, der wohl ‘ursprünglichsten’ Fassung zitiert :

Die zuvor zitierten lateinischen chronikalischen Quellen zur fränkischen Geschichte sind bislang noch nie auf die Hagen-Gestalt des Nibelungenlieds bezogen worden. Dies verwundert, wenn man sie mit den zitierten Strophen der 39. Aventure vergleicht, die im Handlungskern die Überwältigung, Gefangennahme und Tötung Hagens schildern, der bis zuletzt die Herausgabe des Hortes verweigert. Dabei ist neben Kriemhilt der Krieger Dietrich als prägender, freilich im Grunde gar nicht persönlich verfeindeter, sondern sogar durchaus wohlwollender Antipode Hagens in der 39. Aventure anzusehen (wie ja Syagrius auch bei Alarich zunächst erfolgreich um Exil nachsuchen konnte). In der letzten Aventure des Nibelungenlieds zeigt sich im einzelnen Hagen (alias der *rex romanorum* Syagrius, Sohn des *rex francorum* (H) Egegius) als der zuerst ganz unköniglich¹ Gefesselte, während die Fesselung Gunthers im Nibelungenlied als (sekundäre, literarkritisch aufschlussreiche Ungereimtheiten und Widersprüche erzeugende) Doppelung erscheint, die ohne historische Parallelen ist, da der dazu ins Feld geführte Burgundenkönig Gundaharius auf dem Schlachtfeld fiel. Dagegen stimmen die fränkischen Geschichtsquellen und das Nibelungenlied in einer Weise derartig überein, dass sich völlig ungezwungen eine älteste Sage um das Schicksal des Frankenkönigs oder zumindest königgleichen Syagrius als Exulant am Gotenhof postulieren lässt, der schließlich doch aus Feigheit gefesselt von den Goten (Alarich beziehungsweise Dietrich/Theoderich) dem fränkischen Feind überantwortet, (hinterrücks) mit dem Schwert ermordet und seines Hortes (*thesauros*) beraubt wird. Denn die Szene der Enthauptung Hagens „gehört bekanntlich der ältesten Sagenschicht an“. Jedenfalls passt

¹Vgl. Strophe 2358 in B: *swi chvenege nine solden liden solhiv bant.*

das tragische und zugleich schmälliche, nicht zuletzt durch den Merowinger Chlodwig verschuldete Schicksal des Syagrius durchaus zu jenen der Nibelungen-Forschung hinreichend bekannten Machenschaften der Merowinger Brunichildis und Fredegunde samt Sigibert, die anerkanntermaßen die Kabalen im Nibelungenlied antizipierten. Die hier von mir postulierte fränkische Hagen-Syagrius-Sage kann dann auf dem Weg zum Nibelungenlied¹ die historischen ‚Tatsachen‘ wirkungsvoll dramatisieren, wenn aus dem feigen Goten Alarich der tieftraurige Gote Theoderich oder Dietrich wird, der ‚mit weinenden Augen‘ den Gefangenen seinem Feind ausliefert.

Die genannten Beobachtungen zu Parallelen zwischen den genannten fränkischen Geschichtsquellen und der literarischen Hagen-Gestalt sind auch bei kritischer Prüfung so evident, dass sie zu einem eingehenden Vergleich von chronikalischen Berichten mit der letzten Aventure des Nibelungenlieds einladen: Syagrius als Sohn eines *rex Francorum* war ein besonders gefährlicher unter den vielen Feinden Chlodwigs, denn er stand der Machtübernahme der Merowinger-Dynastie im Wege. Er floh schließlich, von Chlodwig besiegt, zu den Goten und bat dort um Asyl. Er wurde jedoch gefangengenommen und ausgeliefert, wobei der Gotenkönig Alarich – nach Ausweis der fränkischen Quellen – eine wenig rühmliche Rolle spielte, die im Nibelungenlied aber in der Gestalt des Dietrich von Bern alias Theoderich der Große ins Tragische vertieft ist. Dass der Staatsschatz des Syagrius offenkundig Begehrlichkeiten beim Merowinger Chlodwig weckte und dass Syagrius seines Schatzes beraubt wurde, ist in der Hortverweigerung (weniger im Hortraub) durch Hagen im Nibelungenlied gespiegelt, wobei dort wieder einmal Hagen und nicht Gunther am Ende gegenüber Kriemhilt die entscheidende Rolle spielt. Deshalb gehören die Gunther-Strophen auch nicht zum Handlungskern der 39. Aventure des Nibelungenlieds. Sie können – wie oben geschehen – weggelassen werden, ohne dass der Handlungsfluss dadurch beeinträchtigt wäre. Hier wäre auch zu beachten, dass *hort* und *Hagen* staben, nicht jedoch *Gunther* und *hort*. Entscheidend ist überdies im lateinischen wie mittelhochdeutschen Text die Todesart, nämlich die Ermordung eines Wehrlosen durch das (als Waffe jedoch ehrenvolle) Schwert (und eben nicht durch Gift oder Tod durch Blutsturz in der Hochzeitsnacht), welche gleichermaßen Syagrius wie Hagen betraf. Zudem ist es von Belang, dass die – in romantischer Terminologie – Dingsymbole, wenn nicht gar Leitmotive des Nibelungenlieds, die beide Epenhälften überspannen, Hort und Schwert (Balmung) nämlich, gleichermaßen mit Syagrius wie Hagen zusammenzubringen sind. Dabei sind für die dramatische Schluss-Szene des Nibelungenlieds unschwer Hagen mit Syagrius und der Gotenkönig Dietrich von Bern mit dem (freilich aus fränkischer Perspektive wenig heroisch gezeichneten) Gotenkönig Alarich identifizierbar. Hagen geht also historisch auf Syagrius von Soissons zurück, der sich senatorischer Herkunft rühmen durfte. Dies machte ihn aber im Frankenreich keineswegs zu einem Fremdkörper, wie die (mit den Karolingern versippte) Agilolfinger-Dynastie lehrt, bei der es sich um eine fränkische Dynastie mit romanischen (senatorischen) Wurzeln handelte.

Damit würde insgesamt gesehen die Hagen-Gestalt historisch auf die Frühphasen der Merowinger-Dynastie bezogen werden. Dies fügt sich gut zu schon bislang bekannten Bezügen des Nibelungenlieds auf mörderische Kabalen der Merowinger, wodurch sich Siegfried, Brünhild und Kriemhild auf das fränkische Frühmittelalter zurückführen lassen. Übrigens wären dann auch die berühmten *gentilia carmina*, an denen sich Karl der Große gemäß seines Biographen Einhard erfreute, mit dem Chlodwig-Gegner (und Sohn des *rex Francorum* Aegidius) Syagrius-Hagen ebenso treffend in der eigenen fränkischen Stammes- oder Volkssage verortet wie Sigibert-Siegfried und Brunichildis-Brünhild/Kriemhilt. Sogar ein burgundischer König Gunther ist über die burgundische Prinzessin Chrodechilde, die Gemahlin Chlodwigs, an die Franken ansippbar. Nicht zuletzt erfreute sich Theoderich der besonderen Verehrung Karls, weshalb dieser Gote (als Dietrich) gut in ein Heldenlied zum Ende Hagens passen würde. Hagen stünde für das Nibelungenlied somit quellenmäßig nicht mehr jenseits der von der Nibelungenforschung ausgemachten bisherigen Anknüpfungspunkte der wichtigsten heldenepischen Figuren mit Merowingerdynastie und Burgundengeschlecht. Dabei fällt ja sofort

¹ Zur Möglichkeit von Vorgängerdichtungen des Nibelungenlieds vgl. JOACHIM HEINZLE, *Die Nibelungen. Lied und Sage*, Darmstadt 2005, S. 50-51.

ins Auge, dass Hagens Name nur schlecht mit Gunther, Gernot und Giselher stabt, dagegen (als frikativer Guttural) durchaus mit Chlodwig. In dessen kriegerischer Vita kann man nicht wenige Bezüge zu Gestalten und Begebenheiten des Nibelungenlieds entdecken. So heiratete Chlodwig mit Chrodechilde die Tochter eines burgundischen Königs (Chilperich II.), dessen Sippe auch ein Sigismund angehörte. Ferner führte Chlodwig Krieg gegen den Burgunderkönig Gundobad, dem der Merowinger im Namen von dessen Bruder Godegisel entgegentrat. Ebenso bekriegte Chlodwig die Rheinfranken unter Sigibert von Köln, der mit Wissen Chlodwigs durch seinen Sohn Chloderich ermordet wurde. Nicht auszuschließen ist, dass die genannten Burgunder mit Siegfried und vor allem mit Gunther und Giselher im Nibelungenlied eine Auferstehung feiern, ebenso der Rheinfranke Sigibert. So wären in der Summe neben Hagen-Syagrius wesentliche Gestalten des Nibelungenlieds ursprünglich Zeitgenossen König Chlodwigs gewesen.

Dem Einwand, dass ein Römer wie Syagrius nur schwer zu einem germanischen Helden wie Hagen passe, lässt sich begründet entgegenhalten, dass ebenfalls versucht wurde, die Hagen-Gestalt mit einem anderen, freilich wesentlich früher historisch zu verortenden Römer zu verbinden, denn historische Anknüpfungen für Hagen hat man in der Tatschon längst mit dem *patricius Romanorum* Aetius versucht, der wie Hagen Geisel und Gegner (jedenfalls zeitweilig) der Hunnen war. Auch er ist freilich wie Syagrius alles andere als ein Germane, nur führt seine Gestalt noch tiefer zurück in die Vergangenheit des *Imperium Romanum* als Syagrius. Andererseits kann für die Syagrier-Sippe wie bei Aetius sogar enge Fühlungnahme mit dem Burgundischen nachgewiesen werden.

Von daher scheinen auch die beliebten Identifizierungen Hagens mit germanischen (und ebenso keltischen) Gottheiten kaum viel versprechend. Besser wäre es vielmehr, auch die ‚nordischen‘ Quellen ein wenig gegen den Strich zu lesen. So erscheint dann das Adlerwappen in der Thidrekssaga durchaus römisch, wenn man denn die entsprechenden Hinweise der Saga überhaupt für alt halten will. Im Nibelungenlied mag man mit der auch sonst bei der Hagen-Forschung ausgiebig beigezogenen Phantasie in Kriemhiltis Falkentraum und mehr noch in den beiden Adlern (*ar* ist übrigens *hapax legomenon* im Nibelungenlied) römische Reste der Legionärsadler sehen. Der Falke freilich ist demgegenüber ein junges Motiv der höfischen Kultur um 1200.

Nicht unwichtig ist für die Hagen-Gestalt als weiterer Quellentext auch das Waltharius-Epos, besonders ‚Waltharius‘, V. 629: *genitorem imitaris Hagathien ipse*. Dabei ist *Hagathien* als dezidiert nicht-oberdeutsche, vielmehr fränkische Namensform zu deuten, was zum *rex Francorum* Aegidius passt. Hagen erscheint hier im ‚Waltharius‘ als Sohn des Hagathius, woraus die ältere Forschung Gleichsetzungen wie Aetius/Agathius/Aegidius vorgenommen hat. Ähnlich ist zumindest die Geiselhafte bei den Hunnen, die der spätere *magister militum* Aetius wie der Hagen des ‚Waltharius‘ erdulden mussten. Aber sowohl Syagrius wie Aegidius waren *magister militum* wie *rex Romanorum* und *Francorum*, hatten somit auch germanischstämmige fränkische Untertanen. Im ‚Waltharius‘ wird Hagen überdies mit der fränkischen Trojasage in Verbindung gebracht, wonach die Franken von den Trojanern abstammen sollen, was sich auch in der Namensform Hagen von Troja manifestiert. Deshalb wären meiner Meinung nach die Herkunftsbezeichnungen *von Tronje*, *Tronegere* etc. letztlich auf das älteste (merowingerzeitliche) fränkische *Hagen von Troja* beziehbar, wobei ja der Römer Syagrius über die ‚Aeneis‘ letztlich auch von den Trojanern abstammt, was aber vermutlich zur Zeit der Sagenbildung um Hagens Ende kaum mehr bewusst gewesen sein dürfte. Im Übrigen sind die Ableitungen von *Tronege* Legion und in ihrer Summe untereinander vollkommen widersprüchlich.

Zudem ist die merowingerzeitliche Namensform Hagen von Troja vielleicht auch weniger alt als die in Nibelungenlied und Thidrekssaga begegnende Bezeichnung *Aldrians Sohn*: So heißt es im Nibelungenlied in Strophe 1536 (B): *Dô sprach daz ander merewîp, die hiez Sigelint: ich will dich warnen, Hagene, daz Aldriânes kint* [...]. Mit dem *merewîp* wird eine archaische Sphäre aniziert, wozu die auch in der Thidrekssaga begegnende Bezeichnung Hagens als *Aldrians-Kind* passt. Vergleichbar mit der Personenkonstellation der 39. Aventure sowie der eben zitierten Strophe 1536 sind die Strophen 1744 bis 1754, die ebenfalls von der *Aldrians-Kindschaft* Hagens wissen. Dort er-

scheinen auch Hagen und Dietrich von Bern eng verbunden, während Gunther sogar fast völlig ausgeblendet bleibt. Zunächst gibt Kriemhilt ihrer Verärgerung wegen Dietrichs Warnung an Hagen Ausdruck, was wegen des Reims auf eine Nebensilbe alter Bestand des Nibelungenlieds sein muss: *si sint gewarnôt. / Und wesse ich, wer daz taete, der müese kiesen den tôt*. Kriemhilt hält sich jedoch vorläufig aus Furcht vor Dietrich zurück (Strophe 1746), während sich Dietrich und Hagen (und eben nicht Gunther) in die Arme fallen (Strophe 1747), was Etzels Neugier weckt (Strophe 1748-1749), die ein Kriemhilde man teilweise stillen kann: *er ist geborn von Tronege. Sin vater hiez Aldriân* (Strophe 1750). Dies aktiviert Etzels Erinnerung (Strophen 1752-1754), der nun Aldrians und Hagens als bewährter Gefolgsmänner gedenkt, ebenso Walthers, was wiederum die Brücke zum ‚Waltharius‘ und der dortigen Hagen-Gestalt schlägt.

All diese hierangeführten patronymen Hagen-Strophen kennt natürlich auch das Nibelungenlied der C-Fassung. Während aber in der B-Fassung Hagen als Sohn des Aldrian genannt wird, erscheint er in der Fassung C dann gar zu *Adrian* romanisiert oder latinisiert. Dabei darf allerdings nicht außer Acht gelassen werden, dass die C-Fassung überlieferungsgeschichtlich als die erfolgreichste Version des Nibelungenlieds anzusehen ist. Dies lässt eine lateinisch-romanische Herkunft Hagens (Syagrius) zumindest (in den Augen des mittelalterlichen Lesers der C-Fassung) nicht unwahrscheinlicher werden. Offensichtlich hatte der mittelalterliche C-Redaktor auch als Zeitgenosse noch lebendigen Heldenliedgesangs oder einer nibelungischen *oral poetry* keine Probleme mit der romanisch-klerikal klingenden Namensform *Adrian*, wobei jedoch die *Aldrian*-Form der B-Fassung und der Thidrekssaga die ältere gewesen sein dürfte.

Im Zusammenhang mit Hagens Elbensohnschaft (zu ältestem *Albrian*?), welche in der Thidrekssaga geschildert wird¹ und die sich vielleicht im Nibelungenlied in seinen seherischen Fähigkeiten bezüglich Siegfried, der Zukunft oder den *merewîp* zeigt, hat Hagen in der Saga eher südländische Züge (schwarze Haare, große Nase, buschige Brauen und dunkler Bart), was zum dezidiert nicht germanischen Syagrius passen könnte. So nennt die Thidrekssaga etwa Hagens *har suart*. Methodisch muss jedoch im Bewusstsein gehalten werden, dass dem Nibelungendichter diese Informationen der Thidrekssaga keineswegs bekannt gewesen sein mussten. Fest steht dagegen, dass die Gestalt des Syagrius in die Anfänge des Frankenreichs führt, wo schon ANDREAS HEUSLER die Ursprünge des Nibelungenlieds verortete. Sprachlich ist der Name *Hagen* sogar durchaus von *Syagrius* ableitbar, wenn die im Lateinischen betonte Antepaenultima *-ag-* sich verselbständigt, was so im Ostgermanischen (vgl. Alarich in den oben zitierten fränkischen Quellen) mit anlautendem *Ag-* ein üblicher Namensbestandteil ist und im fränkischen eine Entsprechung mit anlautendem velaren Frikativlaut hat.

Ist nun die Gleichsetzung des literarischen Hagen mit dem historischen Syagrius sprach- und ereignisgeschichtlich einigermaßen plausibel begründet, so wäre darauf aufbauend zu fragen, wieso der Römer Syagrius ein im Vergleich zum Römer Aetius besseres geschichtliches Vorbild für Hagen sein soll. Immerhin sprechen für Flavius Aetius als historisches Urbild Hagens eine Reihe gewichtiger Gründe: Der *magister militum* Aetius wie sein Sohn Carpilio waren Geiseln am Hunnenhof. Der Heermeister bekämpfte Attila, aber er bediente sich auch Attilas für innerrömische Konflikte, nutzte dementsprechend hunnische Söldner für eigene Zwecke, ja knüpfte mit dem Hunnen Ruga freundschaftliche Bande, die sich für Geschichtsschreiber auf den Begriff *amicitia* bringen ließen. Nicht auszuschließen ist, dass im Nibelungenlied diese aufgeschlossene Hunnenpolitik des Aetius, die von Ruga und anderen erwidert wurde, im anfänglichen Wohlwollen Etzels Hagen gegenüber gespiegelt ist. Hinzu kommt, dass Gallien eine wesentliche Machtgrundlage für Aetius darstellte, eben jenes Gallien, das auch zum Nukleus des Frankenreichs der Merowinger wurde. Schließlich bediente sich Aetius – analog der respektvollen, um nicht zu sagen freundschaftlichen Beziehung zwischen Hagen und Dietrich von Bern im Nibelungenlied – auch eines Dietrich als Verbündeten,

¹ Ausführlich dazu GERD BACKENKÖHLER, Untersuchungen zur Gestalt Hagens von Tronege in den mittelalterlichen Nibelungendichtungen. Diss. masch, Bonn 1961, S. 36-51.

nämlich des (in Südgalien residierenden) Westgotenkönigs Theoderichs I. als (zunächst freilich unentschiedenen) Kampfgefährten gegen Attilas Hunnen. In der für Attila verhängnisvollen (bezüglich ihres genauen Ablaufs allerdings umstrittenen) Schlacht auf den Katalaunischen Feldern kämpften Franken, die als Stamm für die Genese des Nibelungenstoffs eine wichtige Rolle spielen, sowohl auf Seiten Attilas wie auf Seiten des Aetius.

Auch wenn die historisch deutliche Verbindung des Aetius zu Attila, den Hunnen und Burgundern dazu beigetragen haben mag, dass einzelne Züge seiner Biographie auf Hagen übergingen, spricht für die ätiologische Priorität des Syagrius bezüglich Hagen dessen erheblich engere Bindung an die fränkische Geschichte und die Ereignisse um Chlodwig sowie die Merowingerdynastie (von der Aetius zeitlich deutlich getrennt ist). Einzigartig ist die passgenaue Entsprechung von Exil bei einem Goten, schmälcher Gefangensetzung, Ermordung mit dem Schwert und Hortmotiv, die sich so eben Punkt für Punkt und in genau dieser Konstellation bei Syagrius und Hagen (39. Aventure) findet, aber nicht bei Aetius. Jedenfalls ist das nibelungische Leitmotiv des Hortes bei Aetius ohne Entsprechung. Die genaue Übereinstimmung der Todesumstände bei Syagrius und Hagen scheint mir das entscheidende Argument für die größere Bedeutung des Syagrius als historisches Hagen-Vorbild im Gegensatz zu Aetius. Ebenso halte ich mit dem Wissen um die Verknüpfung Syagrius-Hagen mit HEUSLER an der prägenden Bedeutung der fränkischen Ursprünge des Nibelungenlieds fest, wobei historisch die Franken sowohl Burgunder wie Römer und ebenso Westgoten im ehemaligen Gallien besiegt beziehungsweise integriert haben. Von daher können auch Sagen der Burgunder, die um Attila und Aetius und die durch beide zugefügten Niederlagen kreisten, später bei den Franken ihren Heldenliedern integriert worden sein. Damit wären in die Hagen-Gestalt des Nibelungenlieds nicht nur – wie man bisher schon vermutete – Züge des Aetius, sondern eben auch, wenn nicht sogar in stärkerem Maße, des Syagrius eingegangen, wobei es sich bei beiden um Römer handelte, die in Gallien, dem ursprünglichen Kernland des Merowingerreichs, agierten.

Wegen dieser geographischen Koinidenz ist es auch vorstellbar, dass biographische Details von Aetius wie Syagrius gleichermaßen zur Hagen-Gestalt der Sage verschmolzen. Gerade die mit Aetius und Syagrius aufscheinende zweifache und damit heterogene historische Herkunft Hagens fügt sich nun gut ins Bild zu älteren Beobachtungen WALTER HAUGS bezüglich der Hagen-Figur: „Hagen ist die wohl die am schwersten zu deutende Figur des Werkes. Es überlagern sich in ihm in besonderer Weise mehrere Schemata. Er ist zunächst der einzige, der sich weigert, die höfische Form zu einem bloßen Mittel gesellschaftlicher Versöhnung zu machen; er akzeptiert die Rollenhaftigkeit der gesellschaftlichen Existenz nicht. Er steht damit gewissermaßen noch auf dem alten heroischen Standpunkt. [...] Wirklich glaubhaft gemacht wird das alte Motiv jedoch von einer jüngeren Thematik her, durch die die Hagen-Figur im Laufe ihrer Geschichte überformt worden sein muß: es ist die Thematik des treuen Vasallen, die vermutlich aus der französischen Chanson de geste-Tradition stammt.“ Diese Tradition aber führt geographisch nach Westen, nach Frankreich, oder historisch gefasst: letztlich auf den Boden des alten Gallien, wo auch schon Aetius und Syagrius als Kriegsherren wirkten. Damit erhielt die literarische Hagen-Gestalt ihre Prägung im heutigen Frankreich. So wäre im Detail die Hagen-Figur in zwei historischen Heerführern der gallischen Spätantike wie in literarischen Traditionen der altfranzösischen Epik begründet. Gleichwohl dürfte bezüglich der spätantik-römischen Heerführer der Anteil des Syagrius, von der letzten Aventure des Nibelungenlieds aus betrachtet, entscheidender an der Genese der Hagen-Gestalt beteiligt gewesen sein.

Hält man aus all den genannten Gründen an der Gleichsetzung von Syagrius und Hagen fest, dann ergibt sich nachstehende literaturgeschichtliche Folgerung, die zugleich als Gewinn meiner neuen Deutung der Hagen-Figur anzusehen ist: Das Nibelungenlied hätte historisch mit der Hagen-Gestalt einen wesentlichen Handlungsträger der Konkursmasse des römischen Reichs zu verdanken. Dabei befindet sich Syagrius-Hagen in bester Gesellschaft, wenn man ihn mit Artorius-Artus vergleicht. Syagrius wie Artorius wären gleichermaßen als selbständig agierende ‚letzte Römer‘ anzusprechen, die in den Wirren der Völkerwanderungszeit zu legendären oder (gattungsgeschichtlich besser:) sag-

enhaften Heerführern aufstiegen sowie in ihrem zuletzt tragischen Tun selbst zum Mythos und Gegenstand der hochmittelalterlichen höfischen Literatur wurden. Von daher ist eine Geburt der volkssprachigen Literatur Frankreichs und Deutschlands aus den Resten des römischen Reichs durchaus postulierbar, wenn Artorius-Artur als Bestandteil der Geschichtsschreibung und als literarische Gestalt im Artusroman bei Chrétien de Troyes und Hartmann von Aue lebendig wird. Dazu passend erscheint Syagrius-Hagen als verbindende Gestalt beider Teile des Nibelungenlieds, als Protagonist in ‚Kudrun‘ und ‚Waltharius‘ sowie im ‚Rosengarten‘: Hagen wird im deutschsprachigen Raum so zur verbindenden Zentralgestalt in wichtigen Vertretern der Gattung Heldenepik. Mit der hier allerdings romanisierten Hagen-Syagrius-Figur, mit ihrer letztlich französischen Provenienz (Soissons) könnte einerseits – wie dies JOACHIM HEINZLE oft getan hat – erneut eine Abkehr vom Konzept des deutschen Nationalepos Nibelungenlied postuliert werden, andererseits ist die Ethnogenese der Deutschen, ebenso die Ethnogenese etwa der Baiern, schon längst vom Germanenmythos des 19. Jahrhunderts befreit. In Baiern aber lässt sich die Begeisterung für den Nibelungenstoff über die Namensgebungen in Adelssippen, darunter die mit Pilgrim verwandten Huosi, früh beobachten. Zumindest jedoch die letztlich aus dem heutigen Frankreich stammende Hagen-Figur erlaubt es, künftig das Nibelungenlied sogar als europäisches Epos zu verstehen.

**II. RƏQƏMSAL DÖVRDƏ MEDİANIN TRANSFORMASIYASI:
İNKİŞAFIN YENİ MEYLLƏRİ**

**II. MEDIA TRANSFORMATION IN THE DIGITAL AGE:
NEW DEVELOPMENT TRENDS**

**II. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИА В ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ:
НОВЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ**

Ənənəvi mediadan dünya informasiya şəbəkəsinə transformasiya labüddür

İlk sosial şəbəkə olan Classmate-nin internetdə göründüyü vaxtdan heç 20 il keçməyib. Amma dünya artıq sosial media bumu yaşayır. XXI əsrin əvvəlindən başlayaraq bəşəriyyət transformasiya erasına, praktiki olaraq hər bir dövlətdə solumun müxtəlif sektorları arasında qarşılıqlı əlaqələrə əsaslanan sosial münasibətlərin inkişafının yeni mərhələsinə qədəm qoyub. Gündəlik həyatımıza daxil olan internet cəmiyyətin hər bir üzvünü həm informasiya istehlakçısına, həm də informasiya daşıyıcısına çevirib.

Yaxşı və pis xəbər

“Yaxşı xəbər: internetdə hər şey var. Pis xəbər: internetdə hər şey var”. Bu ifadə publisist R.Xoçbrayta məxsusdur. O, internetin qiymətini obrazlı şəkildə belə verib. İnternetdə hər şeyin olmasının müsbət və mənfi cəhətlərini kənara qoyub etiraf etməyə məcburuq ki, o, sözün əsl mənasında, informasiya məkanında inqilab yaradıb. İstifadəçilərinin sayının az qala həndəsi silsilə ilə artması sosial şəbəkənin ictimai xarakter aldığına əyani sübutdur. 2014-cü ilin əvvəllərinə olan statistikaya görə, Facebook-un 1,16 milyard, izləyicilərinin sayına görə ikinci sırada olan Youtube-un 1 milyard istifadəçisi var. Həmkarlarımin bir çoxunun fikrincə, sosial media çoxlu sayda informasiya almaq, ən son xəbərlərlə tanış olmaq üçün mühüm mənbədir. Eyni zamanda, belə bir fikirlə də razılaşmamaq olmaz ki, jurnalistika qaydalarından uzaq olan sosial media informasiyaları, fakt və hadisələri subyektiv, qeyri-dəqiq, şəxsi münasibətə uyğun çatdırır. Bu media ənənəvi jurnalistikanın dəqiqlik və obyektivlik kimi tələblərinə cavab vermir. Bundan əlavə, onlayn istifadəçilər jurnalistlər kimi sosial məsuliyyət daşımadıqlarından məsələlərə fərqli yanaşırlar.

Bu və digər çatışmazlıqlara baxmayaraq, informasiyanın sosial şəbəkələrdə yayılması qarşısızalmazdır. Mənbə və maddi vəsait azlığı ilə üzleşən jurnalistikadan fərqli olaraq sosial şəbəkələr informasiya ötürücü maşına çevrilib. İştirak etdiyim konfrans və görüşlərdəki müşahidələrimə əsasən deyə bilərəm ki, əksər peşəkar jurnalistlər jurnalistikanın inkişafı üçün sosial mediadan bir vasitə kimi istifadə edilməsinə tərəfdardırlar.

Burada bir məqama da diqqət yetirmək lazımdır. Proses heç də hər yerdə eyni tempə getmir. Müxtəlif inkişaf mərhələsində olan ölkələrdə həmin sosial hadisə özünü bir qədər fərqli şəkildə bürüzə verə bilər. Lakin bütövlükdə cəmiyyətin informasiyanın ənənəvi media strukturları hüdudlarından kənarda yaradılması və onun istehlakı prosesinə inteqrasiyası trendi bu və ya digər dərəcədə oxşardır.

Qarşidurma əvəzinə qarşılıqlı fəaliyyət yaxşı deyilmi?

Sosial jurnalistika cəmiyyətə geniş sirayət etdikcə ənənəvi KİV sektorunda diplomlu jurnalistlər ilə cəmiyyətin qalan hissəsi, o cümlədən internet arasında qarşidurma nə ilə nəticələncək, üstünlük kimin tərəfində olacaq? Bununla bağlı mübahisələr uzun müddətdir səngimir. Bəzən fikirlər üst-üstə düşür, bəzən haçalanır. Tərəflərin bir-birinə rəqib gözü ilə baxması hallarına da təsadüf olunur. Bu yaxınlarda bu qarşidurmanı hətta “soyuq müharibə” adlandıranlar da oldu. Lakin vəziyyət doğrudanmı müharibə həddindədir, doğrudanmı qarşidurma bu dərəcədə antaqonistdir? Mənim fikrimcə, heç də belə deyil. Əlbəttə, ola bilsin ki, qısqançlıq elementləri var, lakin burada qeyri-sağlam rəqabətdən daha çox, qarşılıqlı fəaliyyət müşahidə olunur.

Təbii ki, bu məsələ, ilk növbədə, ənənəvi media nümayəndələrini narahat edir. Onlar sosial şəbəkə auditoriyasının genişlənməsini, sosial media bumunu televiziya verilişlərinə baxış reytingləri

və çap məhsullarının satışı üçün təhdid mənbəyi hesab edirlər. Lakin onlar, eyni zamanda, özlərini, peşə fəaliyyətlərini aypədlərdən, smartfonlardan və sosial şəbəkələrdən ayrı təsəvvür etmirlər.

Heç də təəccüblü deyil ki, telekanallara, xəbər agentliklərinə və ya qəzetlərə əsaslanan media məktəblərində son dövrdə treninqlərin çoxu məhz sosial şəbəkələrdə iş mövzusunda həsr edilir. Bu da internetin peşəkar jurnalistlər üçün əsas kommunikasiya kanalı olmasına dəlalət edir. Mənim fikrimcə, söhbət əslində hansısa “soyuq müharibə”dən yox, texnologiyaların qarşılıqlı fəaliyyətindən, bir-birinə nüfuz etməsindən gedir.

“İnformasiya girdabında” mayak

IV Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumu çərçivəsində AzərTAc-ın bu mövzuda təşkil etdiyi “dəyirmi masa” ənənəvi media nümayəndələrinin məsələyə baxışlarını növbəti dəfə müqayisə etməyə, gələcək barədə təsəvvürləri aydınlaşdırmağa imkan yaradır. Avstriya Xəbər və Mətbuat Agentliyinin (APA) baş icraçı direktoru Peter Kropşun müzakirəyə çıxarılan mövzu ilə bağlı fikrini xatırlatmaq istədim. P.Kropş hesab edir ki, xəbər agentlikləri media məkanında və cəmiyyətdə ənənəvi rolunu qoruyub saxlamaq üçün rəqəmsal zəmanəmizdə iki mühüm vəzifəni əsas götürməlidirlər. Birinci vəzifə istehlakçılar üçün daha etibarlı və faktlara əsaslanan məlumat və xəbər istehsal etməkdir. Xəbər agentliklərini “informasiya girdabında” mayaka bənzədən həmkarım hesab edir ki, ikinci vəzifə informasiyaların strukturlaşdırılması yolu ilə KİV-lərin və bütün istifadəçilərin “məlumatlı olmaqdan anlamağa aparan yolunu” hamarlamaqdan ibarətdir.

Məndən əvvəl çıxış edən Vyetnam Xəbər Agentliyinin baş direktoru Nquyen Duk Loi belə bir fikir irəli sürdü ki, biz sosial mediadan, həmçinin informasiyanı yaymaq vasitəsi kimi istifadə etməliyik. Unutmamalıyıq ki, bir vaxt elektron saytlar meydana çıxanda qəzetlər öz aqibətindən ciddi narahatlıq keçirməyə başlamışdılar. Twitter və Facebook kimi sosial şəbəkələrin yaranması ilə xəbər saytları da hazırda eyni təhlükə qarşısındadır.

Azərbaycanda da oxşar proseslər yaşanmaqdadır. Facebook statusunun xəbərə çevrilməsi ənənəvi media təmsilçilərini narahat edir. Olar ənənəvi mediada xəbərlərin ictimai önəmliliyinin kəskin surətdə azalmasının səbəblərindən birini jurnalistlərin sosial medianın təsiri altına düşməsi ilə izah edərək soruşurlar: Əgər sosial media ənənəvi medianı əvəz edə bilirsə, onda jurnalistlərə, jurnalistika təhsilinə ehtiyac qalır mı?

Mən bu narahatlığı başa düşür və onunla razılaşıram ki, xəbər agentlikləri nəinki sosial şəbəkənin təsiri altına düşməməli, əksinə Avstriyadan olan həmkarımızın dediyi kimi, “informasiya girdabında” mayak olmağa can atmalıdır.

Zamanın xəbər meyarları: sürət və rahatlıq

Əsrimiz sürət əsri olduğundan xəbəri kimin daha tez və izləyici üçün daha rahat şəkildə çatdırması xüsusi önəm kəsb edir. Sosial mediada xəbərin paylanması və oxunması arasındakı zaman fərqi, demək olar ki, yoxdur. Adətən insanlar onlayn qəzətdəki xəbəri oxumaq üçün tez-tez sayta nəzər yetirməli olurlar. Halbuki sosial media “göndər” düyməsini basan kimi mətn, yaxud foto, video halındakı informasiya dərhal istifadəçilərin ekranlarında görünür. Xəbər və mətbuat agentlikləri məhz bu üstünlükdən istifadə edərək informasiyalarını yaymaq üçün özlərinin sosial şəbəkə hesablarını yaradıblar. Sosial media istifadəçiləri həmin xəbəri paylaşmaqla informasiyanın daha geniş kütləyə çatmasına yardımçı olurlar.

Başqa söhbətdir ki, yeni, bəzən qeyri-adi trendlərdən istifadə etməyə heç də hamı, xüsusən yaşlı nəslin nümayəndələri bir o qədər həvəs göstərmirlər. Amma mən fəxrə deyə bilərəm ki, bizim agentlik müasir dövrün çağırışından geri qalmır, əməkdaşlarımızın demək olar hamısı, yaş kateqoriyasından asılı olmayaraq, gündəlik işlərində sosial texnologiyalardan geniş istifadə edir. Başqa cür ola da bilməz, çünki əsrimiz kağız və qələm əsri yox, yüksək texnologiyalar əsridir.

Bizim jurnalistlər və redaktorlar öz işlərində Facebook, Youtube, Twitter və başqa sosial şəbəkələrdən yararlanmağa can atırlar. Məxsusi olaraq sosial media vasitəsilə yayılmaq üçün materiallar yaradan, kifayət qədər yüksək səviyyədə multimedia reportajı hazırlayıb təqdim etməyi bacaran ştatlı əməkdaşlarımız var.

Razılışın ki, bu yeni janr – multimedia reportajı jurnalistin hökmən hadisə yerində olmasını tələb etmir. Bu reportaj real vaxt rejimində yaranır. Əgər bizim jurnalist tədbirdə və ya hadisədə iştirak edirsə, öz müşahidələrini izləyiciləri ilə onlayn rejimə bölüşür, bu halda izləyici şərhləri həmin jurnalistin materialını faktlar və rəylərlə tamamlayır və dolğunlaşdırır. AzərTAc-ın multimedia reportajları hadisə yerindən operativ fotosəkillər, hadisə şahidlərinin şərhləri, iştirakçıların və vəzifəli şəxslərin sosial şəbəkələrdə yayılan müsahibələri, habelə videomateriallar və ekspert rəyləri ilə zəngindir. Biz reportajı, yaxud xəbəri əvvəlcə agentliyin saytında yerləşdirmək və yalnız bundan sonra sosial şəbəkələrdə yaymaq yolu tutmuşuq. AzərTAc-ın sosial şəbəkələrdə öz səhifəsi var və bu mənada özümüzün özümüzlə rəqabət aparmağımız məntiqə nə dərəcədə uyğundur? Bizim üçün əsas məsələ baş vermiş hadisə barəsində cəmiyyətə maksimum dəqiq və operativ məlumat çatdırmaq, yoxlanılmamış informasiyanın miqdarını sifira endirməkdir.

Yeni texnologiyalar və fərdi brendlər

Sosial media və yeni texnologiyalar praktiki olaraq multimedia materialları istehsalından ayrılmazdır. İnfografika, video və audiomateriallar, statistik cədvəllər, coğrafi-iqtisadi xəritələr – bütün bunlar multimedia reportajının ən mühüm, analitik tərkib hissələridir. Vaxtilə qəzetçilərin xoşladıkları belə bir ənənəvi ifadə vardı: “Qeydlərimə burada nöqtə qoyuram”. Amma multimedia reportajı son nöqtəni xoşlamır. Əslində bu, mümkün deyil, qəbul olunmazdır. Çünki onlayn reportaj materialın sayta yerləşdirilməsi ilə bitmir, mövzu üzərində işləyən jurnalist hadisələrin axarını bir müddət izləməkdə davam edir. İnformasiyanı apdeyt (update) formatında tamamlamaq, ona əlavələr etmək imkanına malik olur. Bu, auditoriyanı yenidən həmin materiallara qayıtmağa, yaddaşını təzələməyə və hadisələrin təfərrüatları ilə maraqlanmağa təşviq edir. Bir neçə on il bundan əvvəl biz özümüz jurnalist fəaliyyətinə başlayanda, internet haqqında hətta nəzəri anlayışın belə olmadığı, qəzet çıxandan sonra öz işimizi bitmiş hesab etdiyimiz vaxtlarda bütün bunlara nail olmaq mümkün idimi?

Sosial şəbəkələr bütün dünyada müasir jurnalistikaya ciddi təsir göstərir. Özü də onlar təkcə nyusmeykerlərdən (“xəbər yaradanlardan”) və hadisə şahidlərindən alınmış eksklüziv informasiyanın operativ mənbəyi olaraq qalmır, həm də öz auditoriyasını formalaşdırma vasitəsi kimi böyük təsir gücünə malikdir. Məsələnin digər mühüm aspekti ondan ibarətdir ki, hər bir agentlik təkcə kollektiv deyil, həm də fərdi jurnalistlər deməkdir.

Təbii ki, həmin jurnalistlərin və reportyorların hər biri çalışdığı agentliyin ümumi konsepsiyasına və işəgötürənin ümumi siyasətinə riayət etməyə borcludur. Amma eyni zamanda, onlardan hər birinin öz fərdi üslubu, öz dəst-xətti var. Çox vaxt hətta materialın sonunda imza olmasa da, onun müəllifini müəyyən etmək olur. Əksər hallarda əməkdaşlardan çoxunun fərdi bloqları, öz agentliklərinin internet-portallarında ayrıca rubrikalar çərçivəsində məxsusi guşələri olur. Məhz bu cür müasir jurnalistlər üçün öz sahəsində sadəcə məlumatlı yox, həm də səriştəli mütəxəssis kimi fərdi brendinin formalaşması böyük əhəmiyyət kəsb edir. Buna görə də onlar təkcə xəbər agentliyinin əməkdaşları kimi deyil, həm də fərdi onlayn-bloqların müəllifləri kimi auditoriyanı öz akkauntuna cəlb etmək yollarını öyrənməlidirlər.

Belə üsullar çoxdur. Məsələn, sensasiyaların “tvitlənməsi”, haş-teqlərdən istifadə, özlərinin maraqlı hesab etdiyi məlumatı mənbələrinə istinad etməklə auditoriya ilə “paylaşma” (sharing) və sair. Ədalət naminə etiraf etməliyəm ki, iri media strukturlarının əməkdaşlarının (mən frilanserləri – “azad sənətkarları” nəzərdə tutmuram) əksəriyyəti onlayn-bloqinqi artıq yük hesab edir və eyni bir işi nəyə görə iki dəfə etməli olduqlarını anlamırlar. Buna görə onlar çox vaxt istinadları Facebook-da bölüşmək və şərh etməklə kifayətlənirlər. Bu adamlar çox vaxt haqlı olaraq təəccüblənirlər: fərdi bloqlar yaratmaq nəyə gərəkdir? Axı onlar nyusmeykerlərin tvitlərini kompilyasiya edib şəbəkələrdə

yerləşdirmək yox, hadisə yerinə getmək, çəkilişlər aparmaq və həmin nyusmeykerlərlə canlı ünsiyyətə olmaq istəyirlər. Lakin internet nəşrlərin müəllifləri üçün rəqəmsal jurnalistikanın gələcəyi məhz peşəkar “layvbloqinq” formatı ilə bağlıdır.

Gələcəyin ən perspektivli jurnalist peşələri

Zəmanəmiz media kimi, jurnalist peşəsinə də fərqli, müasir yanaşma tələb edir. Bu mənada Moskva Dövlət Universitetinin jurnalistika fakültəsindən olan həmkarım Andrey Vırkovskinin fikirləri ilə razılaşmamaq mümkün deyil: “Bloqlar tədricən ənənəvi KİV-lərin informasiya məkanını onların əlindən alır. İri nəşrlər məşhur bloqerlərin postlarını öz saytlarında yerləşdirməklə oxucuları cəlb edirlər. Gələcəkdə ənənəvi medianın əsas rəqibi mövcud informasiyanın kompilyasiya edilməsinə əsaslanan jurnalistika olacaq. Orijinal mənlərdən seçilmiş hissələri birləşdirən, müxtəlif mövqeləri üz-üzə qoyan, gözlənilməz diskussiyaları qızıqdıran mahir kompilyator daha bir perspektivli peşədir”.

Bununla əlaqədar bir məqamı xatırlatmaq yerinə düşər. Nüfuzlu “Forbs” jurnalı 2009-cu ildə global trendləri təhlil edərək bu qənaətə gəlir ki, qarşıdakı onilliklərdə jurnalist–aqrəqator peşəsi ən çox tələbat olan ixtisaslardan birinə çevriləcək.

Qərbdə sosial jurnalistikanın və ya belə demək mümkündürsə, vətəndaş jurnalistikasının inkişaf təcrübəsi göstərir ki, ənənəvi medianın rəqibləri internet auditoriyada tədricən populyarlıq qazanır. Bu auditoriya televiziya, mətbuat və radio auditoriyasından fərqli olaraq ilbəl genişlənir. Buna görə də şübhə yoxdur ki, ənənəvi medianın dünya şəbəkəsinə transformasiyası labüd olduğu kimi, müasir jurnalistlərin offlayn rejimində işlə onlayn bloqları uzlaşdırması da zəruridir.

İnformasiyanı yeni media vasitəsilə istehlak edənlərin sayının televiziya tamaşaçılarını və ya qəzet oxucularını üstələyəcəyi vaxt yaxındır? Yaxud nə qədər uzaqdadır? Bu, klassik medianın çevikliyindən, zəmanənin çağırışlarına nə dərəcədə həssas yanaşmasından, yeni texnologiyaları, müasir brendləri mənimsəmək bacarığından və əlbəttə, maddi vəsaitdən çox asılıdır.

Эльмира Ахундова

Депутат Милли Меджлиса, писатель-публицист

От информационных войн к межкультурному диалогу – актуальная задача журналистики XXI века

С распадом коммунистической системы и окончанием «холодной войны» большинство членов журналистского сообщества пребывало в состоянии эйфории, особенно после отмены цензуры в странах постсоветского пространства и обретения долгожданной свободы слова. Казалось, вот оно – наступление золотого века журналистики, когда отпадет пропагандистская составляющая СМИ, и доминантой станет базисная для журналистики информационно-коммуникативная функция.

К сожалению, оптимистические прогнозы о путях развития журналистики в XXI столетии себя не оправдали, и сегодня, спустя почти 70 лет после начала «холодной войны» человечество вступило в активную фазу информационных войн. При этом, как и в пору холодной войны, к сожалению, широко используется *дезинформация*.

Следует с горечью признать, что в последние годы во многих странах пресса из инструмента воздействия на власть превратилась в инструмент, обслуживающий политические интересы власти, а в глобальном масштабе СМИ как источник объективной и заслуживающей доверия информации заменяются СМИ – откровенным пропагандистским рупором тех или иных политических сил и интересов. Это наглядно проявляет себя сегодня в различных «горячих» точках земного шара. К примеру, радикалы из так называемого «Исламского халифата» (в прошлом ИГИЛ) широко пользуются современными достижениями электронных СМИ, Интернета для пропаганды своих человеконенавистнических взглядов и террористических действий. Крупнейшие российские телеканалы в своих новостных программах называют сепаратистов Донбасса и Луганска ополченцами, а никем не непризнанные образования на территории Украины соответственно Донецкой и Луганской Народной Республикой, в свою очередь украинское телевидение отвечает на эту откровенную пропаганду сильной антироссийской риторикой, западная пресса также освещает украинский кризис с односторонне-антироссийских позиций. СМИ Армении, которая оккупировала около 20 процентов территории Азербайджана, изобилуют примерами пещерного национализма. Примеры можно множить. Поэтому и доверие к СМИ в ряде стран также стремительно падает вместе с падением тиражей газет и журналов, а люди в поисках более взвешенной и объективной информации обращаются к социальным сетям, многие же из потребителей информации превращаются в ее производителей и распространителей.

Все эти тенденции требуют особого внимания государства к информационной безопасности, тем более что информационные войны разворачиваются в настоящее время не только на международной арене, но и в информационном пространстве страны, чтобы любыми средствами (часто непозволительными с точки зрения права и этики) добиться «победы».

Теме информационной безопасности Азербайджана в свете августовского обострения ситуации на фронте были посвящены серии дискуссий и обмена мнениями между представителями СМИ и власти. В своем обстоятельном концептуальном докладе глава президентской администрации, академик Рамиз Мехтиеv четко сформулировал критерии информационной безопасности и этические правила, которыми должны руководствоваться журналисты, особенно работающие в «горячих» точках, в различных конфликтных ситуациях. Это объектив-

ность и взвешенность информации, недопустимость в погоне за тиражами и прибылью публикации непроверенных, а то и откровенно ложных фактов, четкое осознание ответственности перед населением, которое может пострадать в результате распространения дезинформации, соблюдение национальных интересов страны, патриотизм. Кроме того, руководитель Администрации Президента дал конкретные поручения и рекомендации руководителям ответственных за предоставление информации пресс-служб государственных органов. Проведенные дискуссии способствовали оздоровлению атмосферы в азербайджанских СМИ, повышению ответственности масс-медиа за распространяемую информацию.

Угрозы информационной безопасности могут проявляться в виде получения противоправного доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, к другой конфиденциальной информации, раскрытие которой может нанести ущерб интересам государства. **Наиболее характерным примером последних лет является деятельность Интернет-сайта «Wikileaks».**

Все это делает необходимым поиск «точек сближения» между государствами-членами международного сообщества в области обеспечения информационной безопасности, закрепление совпадающих интересов и совместное проведение мероприятий по их защите, преимущественно на основе двухсторонних и многосторонних договоров.

Можно было бы также ускорить разработку международных принципов, согласованной стратегии, которые были бы направлены на укрепление безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем и способствовали бы борьбе с информационным терроризмом и другими видами преступности.

Необходимо развивать международное сотрудничество в области запрещения разработки, распространения и применения «информационного оружия», совершенствовать нормативно-правовую базу, обеспечивать необходимый уровень технологической независимости государств-членов международного сообщества в важнейших областях информатизации и связи, определяющих их безопасность, развивать национальные системы подготовки кадров в области информационной безопасности и информационных технологий.

Согласованная деятельность государств-членов международного сообщества по перечисленным направлениям на равноправной, не дискриминационной основе с обязательным соблюдением основных принципов и норм международного права, на наш взгляд, будет способствовать обеспечению информационной безопасности каждого государства и международного сообщества в целом.

В результате все перечисленные меры помогут перестройке организма СМИ, устранению проблем и угроз для журналистики в условиях реализации межкультурного и межцивилизационного диалога. Подобный диалог актуален и возможен между теми странами, где создан климат взаимного доверия, а элита обеих стран активно взаимодействует на разных уровнях. Ярким примером такого сотрудничества, оказывающим воздействие на мировые СМИ, является деятельность Фонда Гейдара Алиева и его президента, первой леди Азербайджана Мехрибан ханым Алиевой. Отзвуки благотворительных инициатив первой леди доносятся из разных частей света: реставрация части Версальского дворца и средневекового собора в Страсбурге, одной из галерей Лувра и «римских катакомб» в Вечном городе, реконструкция школы для девочек в пакистанском городе Музаффарабад, сооружение Моста дружбы Азербайджана и России в Астрахани, капитальный ремонт и благоустройство средней школы номер 78 в городе Ульяновск... Эхо добрых дел Фонда, помноженное на осуществляемые по всему миру масштабные культурные мероприятия, а также проводимые в Азербайджане гуманитарные форумы и конференции, вовлекают в свою орбиту прессу России, Европы, США. Поэтому, формируя посредством СМИ у мирового истеблишмента правильное представление о нашей

республике, о ее богатой культуре и традициях, о прошлом и настоящем, Фонд Гейдара Алиева и ее лидер решают важную и архиактуальную задачу – вовлечение мировых СМИ в процессы межкультурного и межкулицизационного диалога, в преодоление искусственно возводимых преград между восточной и западной цивилизациями.

Эта же суперактуальная задача стоит сегодня перед мировыми СМИ: освободиться самим и освободить общества, которые они представляют, от страха, отчуждения, ненависти, преодолеть диктат политических элит, навязывающих СМИ свою модель поведения, покончить с информационным насилием и информационными войнами, стать действенным проводником идей гуманизма, межкультурного и межкулицизационного диалога. Альтернатива этому пути – утрата журналистской функций «четвертой власти» и доверия народа.

Gianni Di Giovanni
CEO, AGI Agenzia Giornalistica Italia

Between production and consumption: the role of news agencies at the times of web 2.0

Dear colleagues,

It is a privilege and a pleasure to be here today, because I can really say I am sitting with friends: our very special host Mr Aslan Aslanov, General Director of AzerTAc, is one of the first and oldest partners of Agi, the Italian News Company that I lead, and whose strength is the network of international partners that share content as well as knowledge. Also I hope this will be the perfect opportunity to foster new ties, among those of us who believe the tremendous importance of cooperation in today's fast changing world.

With this overwhelming abundance of content and of media, traditional and digital, journalists have new tools and new tasks. But social media are not just an additional news source. Besides news-gathering, which is already huge, Social media are provoking a deep, radical change in the way journalists conceive their work, in the business models of media companies, and in the relationship between the media and their audiences. My view is that News agencies should embrace this change, because we are better equipped than other news outlets and media to seize its opportunities.

What I strongly believe, it is that a news agency's professionalism guarantees that every piece of content is double-checked and therefore reliable, trustworthy and newsworthy. Also, we already work 24 hours a day, 7 days a week, and we know everything there is to know about speed, accuracy, and huge volumes of content production, be it text, photo or video.

The web also promoted a shift in the perception of the News agency through the world: only few years ago we were primarily business-to-business ventures that used to be well known to other journalists and press officers, but not so much to the greater public. With the advent of the digital era, News agencies had the chance to make themselves widely known to the audience, create and develop a brand, establish direct ties with readers, get a better understanding of what is of interest, and address new markets. On the web, news agencies can now compete with established brands like the big national and international newspapers and TV channels. Agencies are not mediated anymore and they can control and manage their brand awareness and brand strength.

And for those of us who are official State agencies, social media have the tremendous power to bring them directly to the citizens, and establish a direct contact with the final recipient and beneficiary of that news.

There are other ways new and social media can open up new opportunities for news agencies. Think of the popularity of social media on new digital devices and new platforms, smartphones and tablets: they are small, personal, always-on. Data shows that there is an enormous growth in mobile use for news, so much so that many news organizations are now getting the majority of their web traffic from mobile and tablets. And these devices are overwhelmingly popular among the younger ones, so they give us the opportunity to reach an audience that is not our traditional one.

Of course we will have to think accurately about our strategies to thrive in this new and fast evolving scenario, with new opportunities as well as new competitors. Many issues are far from being clearly defined because I think we are just at the beginning of a huge transition. Just like when Gutenberg invented the press some 500 years ago: this is a formative period and it with our experiments, our attempts, and also with our mistakes, we really have the power to shape what will come next. Because, as always said Enrico Mattei, the visionary founder of Eni's group – the oil energy company which Agi is proud to be part of: *“The future belongs to those who dare to imagine”*.

Yong Soo Heong

Chief Executive, BERNAMA, Malaysian national news agency

The problems of 21st century journalism in the context of intercultural and intercivilizational dialogue – the view from Malaysia

In a globalised world, diversity is a key word. It is a reflection of the different fabrics of this world in the context of culture and civilisations. This is what makes the world around more interesting.

If everything about this world is about the same, then it would serve no purpose for humans to travel. I would not be motivated to be here in Baku. As people become more literate and as the means to amplify one's civilisation or culture becomes more apparent with better communications like the Internet, the journalist is faced with a multitude of facts and figures, as well as an infinite amount of information from the past and present. It is here that a journalist would have to exercise plenty of discretion in terms of what to write and what not to write, especially on matters which may be ultra sensitive. It is no point to score for a few hours and then see your work being the cause of much regret, pain and suffering. Some people shout that it is all right in the name of freedom of speech. But I hold on to the firm belief that discretion is the better part of valour.

Advocates of their own culture and civilisation are usually very passionate the richness of these legacies. It is not wrong to stress on the positives. It is not incorrect to boast about the richness or greatness of one's civilisation or culture. But it is pertinent here to point out while it is all right to amplify, one must take cognisance or be aware of the existence of other cultures and civilisations. The other people are equally as passionate of their own cultures and civilisations. In this regard, the principle of peaceful co-existence is of prime importance. I take comfort that my Prime Minister is promoting this Global Movement of Moderates in an effort to tackle the issue of extremism head on. We in Malaysia know that moderation is the key to the future as we are a multi ethnic nation and there is no escaping from the usual comparisons and references in a multi ethnic society.

From what has been advocated by the GMM, I share the view that the aim of peaceful co-existence is to establish a parameter or parameters, where all sides, having found the belief to respect each other, can enhance and enrich their respective philosophical and religious traditions. This is achieved by adopting moderation as a way of life steeped in the search for justice, equilibrium and excellence.

When we speak of moderation as a way of life and when we journalists have to espouse its true values, we need to exercise good judgement so as not to offend. I believe that it is not easy to circumnavigate the twist and turns in intercultural and intercivilisation issues because of they are heavily weighted by legacy and historical issues. But we must make a stand that what we are writing or promoting will be for the greater peace and prosperity of the future.

We have seen enough of conflict in the 20th century and the early years of the 21st century have not been rosy either. But we must make a greater effort in our work for a better world to live in, for us, for our children and our children's children and beyond.

Ламя Везирова

старший преподаватель кафедры «Новые медиа и коммуникационные технологии» Бакинского славянского университета

Вневременная и внепространственная журналистика

О роли СМИ и их значимости в формировании общественного сознания говорили на протяжении всего существования этих самых СМИ. Каждое появление новых форм СМИ приводило к сближению культур и пониманию собственной индивидуальной значимости. Чем более современна нам с вами каждая новая форма СМИ, тем более значимым в ней становится роль потребителя информации, постепенно меняющего свою роль на носителя. Еще в середине прошлого века с развитием телевидения Маршал Маклюэн назвал свою эпоху временем, при которой "типографский и индустриальный человек" вступил в эпоху "глобального объятия". Вот как он характеризует результат процесса: "Если грамотность породила чрезмерный индивидуализм, а радио произвело обратный эффект, воскресив в сознании индивида древний архетипический опыт совместного участия в делах племени, то в результате просвещенный Запад обрел некую форму компромисса в возросшем чувстве коллективной ответственности". [11]

Не нужно забывать, что Маклюэн проводил свои исследования в области влияния СМИ на общество в 60 гг. прошлого века, хотя во многом предвосхитил события. Сегодня стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, перенесло человечество из эпохи «глобального объятия» во внепространственную и вневременную эпоху. Объясню свою мысль. Сегодня пользователь Интернета, находящийся, например, в Канаде, 21 сентября может мгновенно получить информацию о событии, которое в этот момент, но уже 22 сентября, происходит в Японии. И не только получить информацию, но и наблюдать за происходящим онлайн. То есть сегодня, благодаря развитию ИКТ, произошло изменение в восприятии таких понятий, как «время» и «пространство». Находясь в прошлом, мы можем наблюдать за тем, что происходит в будущем на экране компьютера или телевизора, одновременно наблюдая за тем, что происходит вокруг нас в прошлом. А благодаря технологии 3 D, еще и ощущать себя в другом пространстве.

Неудивительно, что в таких условиях, информация приобрела особое значение. Причем СМИ борются не за саму информацию, а за право стать ее единственным владельцем, а следовательно, самим решать, когда и в какой форме ее публиковать, как подать, чтобы получить ту или иную общественную реакцию. СМИ, получившие эксклюзив, могут мгновенно ворваться в устоявшийся рынок электронных СМИ и прочно занять там свое место. Свидетельство тому, случай с кабельной телесетью CNN. Канал стал единственной сетью, «передавшей запуск шаттла "Челенджер", взорвавшегося через несколько секунд после старта" [3, р.73]. Уже через 10 лет после этого события корпорация CNN поглотила кинокорпорацию Time Warner, и стала одним из крупнейших игроков в информационном бизнесе.

В погоне за контролем над информацией, многие крупные компании сконцентрировали свои интересы вокруг монополизации медиа бизнеса. Такие монополисты, как компания Ганнет, группа Руперта Мердока, трест Херста не ограничиваются только газетно-журнальной продукцией, а активно используют радиостанции и телеканалы, системы кабельного телевидения для пропаганды идеологии.

Сегодня влияние СМИ достигло такого уровня, что общественный резонанс на большинство событий зависит от реакции и подачи средств массовой информации. И если события в области культуры, спорта и образования, как правило, интересны лишь небольшой группе общественности, то информация из области политики, как внутренней, так и внешней, поданная с особым размахом и в неожиданном ракурсе, вызывает огромный интерес. Этим сегодня

успешно пользуются общественные и политические деятели, которые с помощью СМИ не только повышают свой собственный рейтинг, но и манипулируют общественным сознанием. Ярче всего это проявляется в международной политике, где уже давно существует негласный принцип: международное событие только тогда является важным, когда о нем рассказали СМИ.

Первые попытки манипуляции общественным сознанием через СМИ были сделаны еще в конце XIX века во время испанско-американской войны. Официально правительство Уильяма Мак-Кинли объявило войну Испании после взрыва американского броненосца «Мэн» в Гаване 15 февраля 1898 и под предлогом поддержки национального восстания на Кубе. Однако большинство исследователей считает, что причиной начала войны стала ожесточенная конкурентная борьба между двумя крупнейшими американскими изданиями «The New York World» Джозефа Пулитцера и «The New York Journal» Уильяма Херста. [5] Сражаясь за тиражи, "The New York Journal" и "The New York World" соревновались в сенсационной подаче новостей о кубинских событиях, пренебрегая точностью и достоверностью в подаче материалов, подробно расписывали зверства испанских войск на Кубе. В 1897 г. "The New York Journal" организовала побег из гаванской тюрьмы молодой кубинки, обвиненной в измене, а в начале 1898 г. на страницах этого же издания было опубликовано выкраденное частное письмо испанского посла, в котором содержалась нелестная характеристика американского президента Уильяма Мак-Кинли. Апофеозом массовой газетной атаки стала патриотическая кампания вокруг загадочного взрыва на американском броненосце "Мэн", находившемся в порту Гаваны. Обе газеты открыто призвали президента к войне с Испанией. [4,р 58] Таким образом, патриотическая кампания, развязанная этими газетами, привела к неизбежности войны США и Испании.

Именно эта газетная компания впервые продемонстрировала возможности СМИ, которые с появлением новых технологий только росли. Ведь если сфера влияния печатных СМИ ограничена их подписчиками и постоянными читателями, то возможности радио, телевидения, а тем более Интернет почти безграничны. А потому неудивительно, что успеха в политической карьере добивались как раз те политики, которые первыми понимали значение новых форм СМИ и первыми же начинали использовать их в своей карьере.

Так, например, блестяще использовал возможности новых технологий в пропагандистских целях Франклин Делано Рузвельт. Он стал первым президентом США, который активно общался с согражданами посредством радио. Начиная с 1933 г., Рузвельт регулярно проводил знаменитые доверительные радиобеседы, известные, как "беседы у камина". Своими "беседами" он входил в каждый дом, объясняя американцам цели и задачи своего "нового курса". В период президентских выборов 1936 г. почти 80% американской прессы было настроено против избрания Ф.Д.Рузвельта, однако Рузвельт сделал ставку на радиопропаганду и победил. [5]

Сегодня работа по созданию специального механизма, обеспечивающего поддержку собственных интересов на глобальном уровне, уже давно ведется на государственном уровне и являются существенным компонентом стратегии национальной безопасности. Эффективнее всех в этой области работают США. Только официальные ежегодные расходы Белого дома на внешнеполитическую пропаганду превышают 1 миллиард долларов. [6] Информационный имидж страны поддерживают медиа монополии, те самые о которых мы говорили выше, то есть корпорации Мердока, Ганнет, Херста. А информационную политику в других государствах США контролируются через созданные американскими магнатами транснациональные медиа компании: «Financial Times», «The International Herald Tribune» и др. Координирует деятельность разных структур созданный в 2005 году при Госдепартаменте США «Центр быстрого реагирования». [6] Создание центра совпало с заявлением замминистра обороны США Дугласа Файта о том, что для победы над терроризмом необходим «идеологический элемент». [8] Согласно данным, приведенным в докладе Консультативного комитета при Госдепартаменте по вопросам дипломатии в сфере культуры, негативное мнение о США в мире в этот

момент достигло апогея. В докладе подчеркивалось, что в таких странах, как Египет, Марокко и Саудовская Аравия, большинство опрошенных «рассматривает Джорджа Буша как более значительную угрозу миропорядку, чем Усама бен Ладен». [1] В своем выступлении в связи с назначением на пост руководителя Центра быстрого реагирования, Карен Хьюз, подчеркнула, что подразделение будет осуществлять мониторинг мировых СМИ и оказывать американской администрации содействие «в более агрессивном ответе на слухи, неточности и выдержанные в духе ненависти выступления, откуда бы они ни исходили». [9]

Всего за год работы Центр быстрого реагирования доказал эффективность своей работы. И уже в 2006 году при Государственном департаменте США был создан Координационный комитет стратегических коммуникаций и публичной дипломатии. [2] В июне 2007 года Координационный комитет представил общественности документ «Национальная стратегия США в сфере публичной дипломатии и стратегических коммуникаций». Этот документ, в том числе, предполагал активизацию государственных СМИ в направлении пропаганды внешней политики США (например, в проекте активная роль отводилась радиостанции «Голос Америки»). В обязанности Комитета также входило «объяснение нашей политики и принципов внешнему миру», осуществление «культурных и образовательных обменов», а также «ведение войны идей». [10] И началась активная транспортировка американской идеологии в странах Востока.

Манипуляция общественным сознанием основывается на неопытности общественности, наивности в восприятии информации. Заручившись общественной поддержкой, умелый политик, используя механизмы манипуляции общественным сознанием, может формировать мировоззрение широких кругов населения и даже создать повод для военного вторжения в суверенное государство. Примеров тому не мало в истории. Вспомним хотя бы фашистское движение в Германии и Италии, когда миллионы людей попав под воздействие идеологической машины, совершали поступки, несовместимые с человеческой природой, а затем, вдруг, словно проснувшись, осознавали ужас содеянного. Со временем опыт распространения идеологии вышел за пределы одной страны и уже охватывал регионы, континенты, а потом и весь мир. И если на заре развития информационных технологий этот процесс занимал десятилетия, то сегодня, когда мир превратился в огромное информационное общество, крупные державы в течении нескольких месяцев могут сделать врагом всего мира того или иного неудобного политика, уверить другие народы в необходимости жить по утвержденным другими стандартам.

Сегодня, как и в период распространения фашизма, средства массовой информации, под влиянием внешней политики, не отражают существующую в мире реальность, а формируют ее в соответствии с заранее обговоренным планом. Сначала через СМИ формируют образ диктатора, потом дозировано вбрасывают нужную информацию в социальные СМИ: диктатор постепенно превращается во врага собственного народа, которому срочно необходима помощь из вне. И как результат – это уже борьба с мировым злом.

Начальным этапом в организации и проведении подобных операций в современной истории стало внесение с середины 80-х годов в пропагандистские материалы понятия «стратегия национальной безопасности», которая была разработана аппаратом Рейгана в 1981 году, и состояла из четырех компонентов: дипломатического, экономического, военного и информационного. [13] Основной упор делался на информационный компонент и был апробирован во время в Гренаде (1982) и Панаме (1989). Тогда информационная война рассматривалась не как отдельная область ведения пропаганды, а как средство увеличения боевого потенциала военных.

Во время первой иракской кампании, так называемой «бури в пустыне» (1991-1992), полученный опыт был не только успешно использован, но и расширен. Теперь связанные с информационной пропагандой операции велись в двух направлениях: внешняя политика и информационное обеспечение военных действий. Так Соединенным Штатам удалось

сформировать мировое общественное мнение против Ирака, а заодно и начать патриотическую кампанию в собственной стране, заставить каждого американца гордиться своей страной, которая ведет борьбу «с мировым злом». На реализацию идеи были брошены все силы, задействованы все имеющиеся ресурсы. Джордж Буш еще до начала этого конфликта подписал три директивы, определяющие порядок организации и ведения операций на весь период кризиса, регламентирующие деятельность разведывательных служб, научно-исследовательских учреждений, занимающихся проблемами арабского мира, психологов и ряда армейских органов. [13] Был выбран и исполнитель: 8-й батальон 4-й группы психологических операций американских войск, насчитывающий около 200 военнослужащих и имеющий в своем распоряжении теле- и радиостанции, звуковещательные установки, мобильные топографии. Поставленные перед ними задачи вряд ли можно считать боевыми: дезинформация командования вооруженных сил Ирака и широкой общественности относительно планов военных действий; подрыв доверия населения Ирака к президенту Саддаму Хусейну; поддержка движения сопротивления в Кувейте и оказание помощи оппозиционным силам в Ираке; убеждение в бесперспективности сопротивления многонациональным силам. Для обеспечения круглосуточного вещания на территории Саудовской Аравии были установлены ретрансляторы, обеспечивающие передачу материалов радиостанций «Голос Америки» и Би-би-си. При этом в интересах ведения радиопропаганды Би-би-си, например, увеличила время вещания на арабском языке с 3 до 10,5 ч в сутки, для чего была создана специальная группа, насчитывающая 80 сотрудников. [13] А чтобы увеличить число потенциальных слушателей, командование распространило среди иракских военнослужащих и населения около 150 тыс. дешевых транзисторных радиоприемников с фиксированными частотами.

В преддверии второй иракской кампании 10 лет назад СМИ в течении года постоянно сравнивали Саддама Хусейна с Гитлером и объявили о многочисленных преступлениях против курдов. [2] И лишь когда общественное мнение склонилось в сторону войны, начались бомбардировки Ирака. За 20 лет технология ведения информационной войны усовершенствовалась, а идеология не изменилась.

Международное вмешательство в косовские события началось с массового тиражирования кадров, снятых в 1992 году английской компанией ITN. Именно на них ссылался президент США Билл Клинтон в своих речах. Эти кадры демонстрировали человека за колючей проволокой. Утверждалось, что это концентрационный лагерь, в котором сербы держат албанцев. Позднее, стало известно, что журналисты просто сняли албанца в доме, в котором было окошко с проволокой. [6]

В третьем тысячелетии, с информационных технологий, изменилась и роль СМИ. Сегодня уже недостаточно просто манипулировать общественным сознанием, преподнося случившиеся события в том или ином, удобном и выгодном ракурсе. В последние несколько лет СМИ уже не освещают события, они их создают сами. Войны напоминают постановочные спектакли, рассчитанные на то, чтобы управлять эмоциями мировой аудитории в интересах реализации собственной государственной политики. Об этом наглядно свидетельствует вторая иракская кампания США и союзников. Уже после окончания войны стало известно, что многие сюжеты были сняты совсем не на поле сражений, а в штате Невада профессиональными кинематографистами. Например, случай с освобождением рядовой Джессики Линч в 2003 году. [6]

О том, как умело можно использовать СМИ в своей внешней политике, говорит и более современный пример – боевые действия сил НАТО против правительственных войск Каддафи в Ливии. Канал Аль-Джазира в феврале 2011 года продемонстрировал кадры, свидетельствующие о том, как Каддафи стреляет в оппозиционных демонстрантов. Позже стало известно, что на самом деле, на видео была демонстрация в поддержку Каддафи, расстрелянная неизвестными лицами. А в июне того же года на www.youtube.com появилась полная версия этого видео. [12] Тем не менее, на основании этого и других сообщений прессы, Совбез ООН принял вначале решение о санкциях против ливийского руководства, затем – о создании бесполетной

зоны над Ливией. В конечном счете, эта и подобные новости способствовали интервенции НАТО в Ливию. Мировые СМИ активно поддерживали борьбу оппозиционных сил против Каддафи. Апофеозом кампании стала демонстрация ужасных, невероятно жестоких кадров расправы над Каддафи, которые должны были быть запрещены к демонстрации в СМИ из-за не соответствия требованиям журналистской этики. А кадры не только передавались ведущими мировыми СМИ, но и еще комментировались как победа демократии.

Интернет, спутниковое телевидение, телефаксы, электронная почта делают возможным практически мгновенную передачу информации из одной точки мира в другую. Но распространение информации о том или ином событии дает возможность не только знакомить с ним огромную аудиторию, но и пропагандировать «за» или «против» него, иначе говоря, использовать его в собственных интересах. Как показывают приведенные выше примеры, сегодня современные СМИ не только дают сведения о событии, но и сами его творят. Сегодня репортер не только свидетель, но и действующее лицо. Он идет в бой солдатами, участвует в процессе передачи заложников, лезет на баррикады. Забыт основной принцип журналистики: констатация факта без всякого вмешательства. В освещении последних событий на юго-востоке Украины журналисты в погоне за яркими кадрами буквально лезли под пули, причем на кадрах видно, что на них отсутствуют жилеты с надписью пресса. А подача информации? И та, и другая сторона называют друг друга в СМИ «фашистами», «убийцами». Два когда-то действительно близких друг другу, братских народа превратились во врагов. Мне было любопытнее всего читать комментарии на форумах. Граждане России угрожали киевлянам установить российский флаг на Раде и заставить всех говорить только по-русски. Украинцы угрожали россиянам вторым Нюрнбергским процессом. Эта или другая подобная реакция формировалась СМИ двух стран сознательно, на протяжении нескольких месяцев, поэтапно вводились новые все более вражеские определения. И это понятно. Вряд ли российский обыватель сразу принял бы определение враг в отношении украинца, его нужно было подводить к этому постепенно, и наоборот. Причем, если проследить за динамикой, то видно, что каналы действовали не по единому плану, а каждый в соответствии с собственной политикой. Федеральные постепенно шли от названия юго-восток Украины до самопровозглашенной ДНР и Новороссии, а НТВ просто назвал этот регион Украины частью России, а эмигрантов оттуда – внутренними мигрантами. [14] Думаю, что каждому из этих журналистов еще предстоит оправдать свои действия если не перед общественностью, то хотя бы перед самим собой.

Сегодня изменилось само понимание слова «журналист». С появлением новых форм СМИ, с ростом популярности социальных сетей, сегодня все чаще в роли журналиста себя пробуют простые пользователи этих самых социальных сетей. Люди самых разных профессий всего снимают на камеру или телефон события, свидетелями которых становятся, и выкладывают это в интернет. И такое вот дилетантское видео становится причиной серьезных обсуждений в обществе, или даже структурных преобразований, а в некоторых случаях в той или иной степени сказаться на восприятии образа страны в мире. Как известно, именно блоггеры стали самыми значимыми участниками переворотов в странах Северной Африки и Ближнего Востока. А можно ли назвать их журналистами? Думаю, решит история.

О необходимости использования интернета именно под нужным углом, политики говорили уже давно. Руководитель Центра быстрого реагирования при Госдепартаменте США Карен Хьюз, выступая по случаю нового назначения, заявила, что при работе в зарубежном информационном пространстве «предстоит реализовать технологическую инициативу, которая позволит с большей гибкостью и эффективностью использовать возможности Интернета, веб-чатов с цифровым видео и даже текстовые сообщения. Необходимо взять на вооружение всю мощь современных технологий, чтобы доводить нашу информацию». [9] В той или иной степени современными технологиями пользуются почти все развитые страны. Как показывает практика, если страна в современных условиях не сумеет войти в мировую информационно – телекоммуникационную систему как сильный игрок, то ей придется уступить другим, более

развитым в этом отношении государствам. Таким образом, для развивающихся стран жизненно важной задачей сегодня становится модернизация СМИ, чтобы создать положительный образ за рубежом.

Таким образом, медиа-ресурс сегодня не только вмешивается в мировую историю, но и манипулирует ею, основываясь на идеологии заказчиков. А ведь о возможности подобного развития роли СМИ говорили еще в начале прошлого века. Самые смелые предположения сделал немецкий философ Освальд Шпенглер: «В ближайшем будущем три или четыре мировых газеты будут направлять мысли провинциальных газет и с их помощью – «волю народа». Все будет решаться небольшим количеством людей, контролирующими эти газеты, имена которых, возможно, даже и не будут известны, однако огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов, будет поддерживать в низших прослойках общества иллюзию народного самоопределения». [7] И хотя немецкий ученый не предусматривал развития электронных СМИ, он довольно точно предугадал, насколько сильно вырастет роль информации в жизни общества.

Библиография:

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/EpochProp/index.php.
2. Блинов А. 2005 В США появятся силы быстрого реагирования // Независимая газета. №208.
3. Вуд Д. 1991 Влияние телесети Си-Эн-Эн//Америка. № 420.
4. Засурский Я.Н., Беглов С. И., Землянова Л.М. 1993 Средства массовой информации Великобритании, США в 1992 году // Вестник МГУ. Сер.10: Журналистика. № 3
5. Лучинский Ю. Очерки истории зарубежной журналистики http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/luch/02.php
6. Олег Елков. «Роль СМИ во внешней политике и формировании образа государства в международном массовом сознании». Дипломатический вестник Приднестровья №1 (3) апрель 2011. <http://www.olvia.idknet.com/ol82-05-11.htm>
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng_2/17.php.
8. Schmitt E., Shanker T. Washington recasts terror war as «struggle» // The New York Times. 27.07.2005
9. <http://cnews.ru/news/top/index.shtml?2005/09/09/186287>
10. <http://severnyflot.ru/news.php?extend.1062> со ссылкой на Голос Америки, США, 14.02.2008
11. yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
12. <http://www.youtube.com/watch?v=aP7IIPGyQZ4>
13. <http://psyfactor.org/uspsywar3.htm>

Peter Kropsch

former President, European Alliance of News Agencies, CEO, Austrian Press Agency

The role of news agencies in media and society

I am honoured and pleased that you give me the opportunity to talk to you about the role of news agencies for the media and the society.

Since news agencies are more remote and not so well known parts of the media universe let me first say a few introductory words about news agencies at all. News agencies are editorial organisations. One part of their business is own and mainly domestic news reporting. On the other hand a national news agency operates within a world wide network of other national and international news agencies. This network provides a vast number of international news that are selected by each national news agency according to the editorial demands of its own media and country.

News agencies are therefore ultimately linked to follow the doctrine of „true and unbiased news reporting“. We provide news under the principle of accuracy, reliability balance and speed.

To align with these principle is no deliberate decision. It is precondition for being accepted because of two reasons:

– First, the customers of news agencies are media of different origin and different position as far as attitude, social and political orientation is concerned. If a news agency is bound to supply all media, the only way is to stay strictly oriented towards the facts and towards a balanced agenda setting.

– The second reason derives from being part of the world wide network of news agencies. All partners within this grid must rely that all news provided are free from bias and avoid any kind of framing.

Since the middle of the 19th century news agencies have been fulfilling a constant function for its domestic media and its society: They have always made information about domestic and international developments available. For almost all this time span these information were hard to access and therefore scarce and precious. The news agency selected these information, edited and made it available for its receivers.

News agencies worked as filters. They kept the gate on the stream of news. They defined the agenda what should be seen as important and literally „news-worthy“.

Its orientation and – even more – the owners of a news agency do define the degree to which each news agency is committed to the principles of accuracy, reliability and balance.

Would we now write the year 2000 I would terminate my statement at this very point. But today it is the year 2014.

The world has gotten a digital parallel universe. Digitisation affects all parts of our individual life today. Consequently the environment for us news agencies has changed too. And these changes are here to stay.

First the authority on channels has come to an end: in the days before the access to data transmission was scarce due to limited capacities. Therefore only powerful and rich institutions had access to appropriate data transmission infrastructure. Nowadays the internet spreading on strong and growing broadband infrastructure in conjunction with smart mobile devices enable people to access information anytime anywhere. And – moreover – data channels are used both ways. The receiver can be sender at the same time. Everybody is able to act as an individual publisher today.

– In addition to that, media have lost their automatic intrinsic power of interpretation: While in the days ago media and news agencies decided what should be important enough to be forwarded to the audience and how specific facts should be interpreted, this position became dismantled. Today's civil society have numerous opportunities to receive information and the way that should be interpreted. Throughout the Internet people can access a vast number of traditional domestic and international media brands. Their ways to select and interpret news are as diverse as their number.

But even more remarkable is the raise of the Social Media that took place in a very short period of time. They are one of the most significant nodes in the contemporary flow of information.

Let me please briefly refer to Social Media because they are seen as alternative players and even game changers in the playground of the news business.

How are news agencies and Social Media related – if so ?

In an analysis of the communication throughout the Arab spring and the current developments in the Middle East – to point out only two – one could believe in this thesis. Many important information were published on Social media first.

I don't think this is true. Social Media tend to fill gaps that are left by a malfunction of news agencies and traditional media brands.

If the news agency misses out comprehensive and balanced news reporting someone will fill the gap. Social Media are dedicated to fill in those shortcomings first. Dedicated in so far because it is so easy to publish information via Social Media. Since Social Media are mainly driven by communities around peer groups the viral information reaches the speed and power of a bush fire on dried land that has not seen rain for a long time.

In addition surveillance of Social Media is hard – even sometimes necessary if you think about the cruelties of IS that were first spread via Social Networks. But these are very unique and extreme cases. In general there is no evidence and no sense that Social Media can be guided by institutional influence on the long run.

Further I think that Social Media can obtain a leading role in social discourse only in those societies that fail to establish a working media system that comprises all social groups and positions. A news agency is an imminent part of a working media system and its role is – as it has been in the past – the independent provision of true and unbiased news. If such a media system is up and running to serve the diverse information demands of our society and people, Social Media are not longer needed to step in.

As said, news agencies have lost their automatic authority to set agenda and render interpretation. These times are gone forever because everybody will have unlimited access to information from different sources. But news agencies should strive to the utmost to preserve their authority of agenda setting and interpretation. But this time not because of scarce access to expensive transmission challenge.

This time it's all about the power of rendering services of convincing quality of news !

I am sure that news agencies have to define their position towards Social Media. Social Media must be regarded as friends – but as friends with bad manners:

Especially in Social Media the law of the jungle is in place all around. We may not assume that equal opportunity of access means also equal opportunities in communication. It can be taken for granted that even nowadays platforms with free access are dominated by players that are ready to spend the most powerful resources. Combined with the fact that most receivers are unaware of the motives of an originator we can assume that a lot of manipulation and corruption will take place all over the web and the Social Media.

APA, the news agency where I am proud to be CEO of, has comprehensively with Social Media as a source for news reporting. People who distribute information via social media equal the traditional eye witness. So they are a kind of traditional source for news.

Today the job of us news agencies is

- to monitor social media to get aware of relevant pieces of eye witnesses quickly
- to judge on their factuality and relevance.

It is written regulation in APA that no information stemming from social media may go on the wire without cross checking using completely traditional methods like calling people to get proof. Even if it takes time. The old agency principle has not gone out of service today. It says that „The choice between being first and being right is no choice at all“.

The role of the news agency for media and society is that of a Light House. A light house that distills a carrier beam of reliable news out of a vast amount of information available everywhere

and every time. Its full power of orientation is given if the news are beyond all doubts as far as reliability, factuality and balance are concerned.

A second aspect is precious for me to share with you. It deals with the role of the news agency for the semantics of news. It is about the contribution to turn knowledge into understanding.

The sheer amount of information available leads to the phenomenon that people are overnewsed and underinformed. People know everything and understand nothing.

Information becomes valuable only if it can be interpreted in a meaningful way. The whole concept of Web 3.0, the so called semantic web, is based on this idea.

Like often in our digital age most protagonists of the Semantic Web deal with the technical side of the whole matter. They love to develop and rely on algorithms to find and link facts meaningfully. We all can name world famous and tremendously rich companies that operate algorithms as their core competency.

News agencies have commenced to enter the world of algorithms also. But our nucleus will never be entirely of that kind. But we face good opportunities to contribute significantly to add meaning to information.

If we dive under the surface of news streams we will discover a layer of growingly sophisticated meta data linked to the factual information of news. This second layer of invisible codes serves as interface to link information meaningfully to other information. Like the synopsis of the human nerve system these metadata will allow to create different packages of meaningful dossiers – according to the situative interests of the receiver.

Meanwhile semantic applications have arrived in the day to day reality of news agencies. As an example the new editorial system that APA-IT developed for the APA news agency provides editors with linked information already during the writing of the story. The semantic systems offer pictures that fit to the story. It points at similar articles and it searches the archives for linked material that allows the editor to paint a picture how things developed until today. The effects are obvious. Research gets easier and stories get better because editors knit a larger picture helping receivers to understand the story easier.

In the future news agencies will index information within a semantic grid, by

- vertical links as text to picture / video to text / pointing at locations
- horizontal links to related content as similar stories, additional information and statistics, information about sources. Those links can lead to different sources in the web and also to social media.
- links on the timeline meaning links to archive material.

As I said before: News agencies have started to enter the world of algorithms also. But our nucleus will never be entirely of that kind. But algorithms and the intellect of our skilled editors will be combined to generate news services of superb quality. Better, than any algorithm will be able to – at least for a very long time. The quality of the product will add meaning to the information – generating value for the receiver because it simply helps to understand.

Ladies and gentlemen, distinguished audience: as I come to the end now let me please summarise.

The role of the news agency enhances as the digital changes prevail. News agencies obtain additional functions for media and society.

– News agencies act as light houses of orientation for our audiences as they are taken and overwhelmed by an ever growing and raging ocean of information. We will offer solid guidelines when it comes to relevant, true and reliable information.

– And in addition to that news agencies can soar their value if they master the challenge to combine their competence in news reporting with a new core competency in semantic information technology. If so, we will play an important role for our societies in turning simple information into complex understanding.

Stjepan Mesic

former President of Croatia

I'm very honored to be here today and speak of the role of information in the society's life.

It should be noted that we must not consider information as an opportunity, registering it without any additional data. We have to back it up with necessary and timely approach with information and facts in order to avoid a repetition at all times. Now it is time to change our minds in this direction. When was the last time you read the latest new information? I'm actually quite serious about this question. What was the last time it happened? If the information was backed with some note we can not confirm the authenticity of it, this is not the case. The real truth is that information can have a single source. However, in reality it needs additional facts. Those entities try to assure us that there is no information and we have to choose whether we like the information or not. In this case we already must take into account what are the issues and values of the audience that is the main part of society which evaluates information. On the other hand, information is like an object of trade in its nature. It should to be more attractive and also for the urgency of the news we have to seriously ask: When was the last time it happened? I think that in this regard information plays the role of a vital method and an important tool.

That is why contemporary media makes us focus on these points, demonstrating us what is the democracy in reality and what it serves.

I hope that we will take this point as a basis in the future.

Дмитрий Жук

Генеральный директор Белорусского телеграфного агентства «БелТА»

Бум социальных медиа: новая модель развития журналистики в информационных обществах

Практика последних лет показывает, что современный человек настолько загружен делами, а новостная повестка дня такая насыщенная, что люди зачастую не успевают отслеживать всю интересующую их информацию. Выбирая между просмотром СМИ и соцмедиа, люди часто предпочитают второе. Это дает им возможность убить двух зайцев: быть в курсе того, что происходит в жизни друзей, и читать самые важные новости. К тому же можно эти новости в сетях можно сразу обсудить либо прокомментировать – для многих это решающий фактор.

На сегодняшний день единственный способ донесения информации до адресата с нулевой себестоимостью распространения контента – это социальные сети. Это мир, в котором люди проводят все больше и больше времени, поэтому СМИ и бренды просто не могли не воспользоваться таким новым способом продвижения своих продуктов. Но если в случае с брендами социальные сети выступают своего рода рекламной площадкой, то в случае со СМИ они являются практически полноценным каналом, через который можно транслировать производимую информацию. Начавшись с сайтов, предназначенных для общения с другими людьми, для упрощения сохранения добытых когда-либо контактов, они превратились в платформу для публикации мини-репортажей с места событий. И практически любой пользователь соцсетей становится издателем, репортером, журналистом. В этом пространстве непрофессиональных издателей профессионалам необходимо вести себя иначе, чем производителям любых товаров, владельцам любого рода заведений и всем остальным. В связи с этим продвижение средств массовой информации в социальных сетях становится самостоятельной сферой, исследование специфики которой – важный элемент понимания современного состояния медиа.

СМИ начали замечать, что, даже если они первыми сообщают о заметном событии, они не набирают достаточно просмотров текста на сайте, если он не попал в социальные медиа.

Существует определенная специфика продвижения СМИ в социальных медиа по сравнению с продвижением классического бизнеса. Прежде всего, в случае со СМИ читатель интересуется именно содержанием текстов. Поэтому набор пользователей в группы и сообщества СМИ происходит медленнее, чем в случае коммерческих площадок, предлагающих товары или услуги. Часто сначала читатель заходит на сайт СМИ, изучает статьи и материалы, а затем принимает решение о том, чтобы читать данное издание в соцсетях.

Однако бывает и так, что аудитория соцсетей и самого СМИ практически не пересекается: ряд активных интернет-пользователей подписывается на новостные аккаунты в Фейсбуке и Твиттере, чтобы не пропустить важную информацию, но при этом очень редко заходит непосредственно на сайт, ограничиваясь обсуждением в комментариях. И вот тут особенно важна серьезная работа SMM-специалиста, который сможет сегментировать аудиторию в соцмедиа и выработать различные подходы к взаимодействию с сегментами. В рамках этой работы необходимо выявить конверсию подписчиков в активных посетителей сайта, разработать сценарии для привлечения активных читателей Фейсбука и Твиттера на сайт СМИ или – если аккаунт в соцсети фактически превратился в отдельное СМИ – обдумать пути привлечения в него рекламодателей.

Какие социальные сети подходят информагентствам?

Любая социальная сеть предполагает добавление «друзей», публикацию и обмен «личной» и «публичной информацией» между участниками, комментирование публичных записей. Различные социальные сети хотя и обладают схожими функциями, но все же различаются по их использованию и возможностям.

При выборе оптимальной социальной сети для продвижения СМИ следует тщательно изучить целевую аудиторию. Прежде всего необходимо иметь в виду, что не для всех СМИ продвижение в социальных медиа будет эффективным.

Возможности различных социальных сетей

Возможности Facebook

Для деловой информации, а также отраслевых новостей, несомненно, наиболее актуален Фейсбук. Именно в этой соцсети в России преимущественно собираются лидеры мнений, через которых можно распространять информацию, ведутся политические и деловые дискуссии. Фейсбук позволяет анонсировать серьезные материалы, нацеленные на зрелую аудиторию. Кроме того, читатели Фейсбука намного более склонны прочитывать большие тексты, чем аудитория ВКонтакте или Твиттера, поэтому объем анонса обычно не играет существенной роли. Зато большую роль на Фейсбуке играют иллюстрации: сообщения, содержащие изображения, ранжируются социальной сетью выше и чаще попадают в ленты пользователей. Кроме того, картинки повышают узнаваемость бренда и оживляют восприятие страницы посетителями.

В данной социальной сети передача информации возможна для распространения по нескольким каналам. Страницы СМИ используют для распространения публичных страниц (группы). Данный способ более трудозатратен. Во-первых, помимо сайта СМИ приходится вести и публичную страницу. Во-вторых, нет никаких гарантий, что пользователь, прочитавший новость, поделится ссылкой со своими друзьями в социальной сети. В-третьих, все новости идут в хронологическом порядке, не будучи структурированными по рубрикам, что усложняет процесс поиска для пользователей. Тем не менее, несмотря на сложности, пользователи все-таки читают новости из публичных страниц и делятся ссылками со своими друзьями при помощи кнопки «Like».

Возможности ВКонтакте

Модель ВКонтакте в своем большинстве копирует модель Facebook, но необходимо отметить, что в данной социальной сети зарегистрировано огромное количество русскоговорящих пользователей. Для информагентств, публикующихся на русском языке, этот фактор и является основным преимуществом перед другими социальными сетями. Сегодня крупные СМИ имеют собственные публичные страницы, на которых размещается свежая информация, только что появившаяся на сайте СМИ.

Это сеть больше подходит для привлечения массовой аудитории, она оптимальна для общественно-политической информации, новостей спорта, шоу-бизнеса, культуры. Аудитория ВКонтакте намного лучше реагирует на визуальный ряд и громкие заголовки. Ей нравятся шокирующие фотографии, демотиваторы, юмористическая или ироничная манера подачи материала, сенсации.

Возможности Twitter

Twitter – очень удобный инструмент, который позволяет создать интригующий анонс к статье или колонке, размещенной на сайте.

Главное, что следует иметь в виду – Твиттер предполагает оперативность. Из всех социальных сетей конкуренция там самая высокая, во многом потому, что формат коротких сообщений аудиторию вполне устраивает. Кроме того, в Твиттере часто получается вести переписку в режиме онлайн, в формате чата. Если уделять ему достаточно внимания, можно

значительно расширить аудиторию и добиться увеличения трафика. Однако, помимо оперативности, в Твиттере особенно важна подача информации. Учитывая длину ссылки, у ведущего Твиттера остается около 100-110 знаков, чтобы привлечь аудиторию и заставить перейти по этой ссылке.

К основным преимуществам данного ресурса, как в момент появления, так и сейчас, можно отнести скорость передачи информации.

В момент запуска Twitter (2006 г.) был единственным веб-сервисом, где можно было моментально делиться событиями, которые происходят рядом с пользователем, с участниками сети, а самое важное – моментально находить информацию на этом сервисе. Традиционные поисковые машины слишком неповоротливы и проходит порой несколько часов с момента опубликования поста до попадания его в выдачу поисковика. В эпоху веб 2.0, когда зачастую контент создают сами пользователи, эта модель уже устаревает. Twitter осуществляет собственный внутренний поиск по сообщениям, которые отправляют пользователи сервиса. В поисковой выдаче можно не только найти самые свежие посты, отправленные несколько секунд назад, но и в режиме реального времени наблюдать за появлением новых.

Данный сервис постоянно критикуют за засорение информационного пространства мало кому интересной информацией типа: «я почистил зубы», «выпил чай», «погулял с собакой». Однако нельзя не отметить, что сервис с 2008 г. начал приобретать социально-политическую направленность.

Многие исследователи отмечали, что пользователи Twitter узнают и распространяют новости быстрее, чем это делают журналисты, из-за этого и сами журналисты были вынуждены обращаться к ресурсу сервиса в поисках новостей (но с риском сообщить недостоверные данные). Помимо поиска в материалах СМИ и по сей день можно наблюдать, как журналисты используют twitter-сообщения пользователей как жанр оперативного комментария, зачастую выражающие мнения людей на событие.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что новостные сайты предоставляют в социальные сети данные, а читатели генерируют на страницах своих друзей (или, пользуясь термином Twitter, последователей) повестку дня из новостей, которые им кажутся наиболее интересными.

Среди российских соцмедиа популярность сохраняют «Одноклассники» – по данным на 2013 год, они находятся на третьем месте по посещаемости. Эта социальная сеть востребована и для продвижения коммерческих страниц, но ее аудитория, основу которой составляют жители регионов, преимущественно старше 30 лет.

Новая модель «СМИ в социальных сетях – аудитория»

Уже сейчас можно констатировать, что в социальных сетях существуют проблемы, которые необходимо решить для дальнейшего эффективного присутствия СМИ.

Эти проблемы можно сформулировать так:

- новости от СМИ утопают в потоке информации соцсетей;
- новости в социальных сетях не структурированы;
- комментарии пользователей к новости после нажатия кнопки «лайк» становятся труднодоступными для редакции издания;
- редакции многих изданий практически не реагируют на комментарии пользователей;
- часть изданий на постсоветском пространстве использует социальные сети для простой ретрансляции новостей.

Что хотят СМИ получить от аудитории соцсетей

- Предпочтение бренду;
- Прямые переходы на страницы сайта;
- Прямые заходы и регулярное посещение страницы, группы, сообщества СМИ в социальных сетях;

- Активные обсуждения, которые, в свою очередь, могут быть проанализированы редакцией СМИ и использованы как мнения и цитаты в новом контенте;
- Использование сообщества групп как поставщика UGC: от краткого ответа на поставленный вопрос до фото и видео, поиска очевидцев и контактов участников событий;
- Возможность иметь моментальную реакцию на свой контент.

Инструменты работы в социальных сетях

Для каждой сети с учетом ее специфики должна выстраиваться отдельная модель, выбор же наиболее приоритетных сетей целиком зависит от предпочтений того или иного СМИ.

Успешность присутствия СМИ в социальных сетях зависит не столько от количества подписчиков страницы, сколько от количества активного ядра пользователей: именно они являются наиболее лояльной аудиторией и готовы читать новости, повторно возвращаясь к ресурсу, распространять новости среди своих друзей, участвовать в диалоге с редакцией и другими пользователями.

Именно диалог читателя и журналиста может способствовать увеличению лояльной аудитории.

Большое количество сообщений в социальных сетях может провоцировать негативную реакцию пользователей. Мы наблюдали,

что издания с меньшим количеством сообщений (300–500 в месяц) более успешно работают в социальных сетях и имеют более высокий отклик аудитории. В связи с этим стоит рекомендовать редакторам социальных медиа не публиковать более 500 сообщений в месяц.

В случае необходимости публиковать большее количество сообщений целесообразно разделять потоки информации (можно по рубрикам) и создавать под них отдельные аккаунты в социальных сетях.

На страницах СМИ в социальных сетях присутствует более лояльная аудитория, которая возвращается снова (что не всегда демонстрирует аудитория собственно онлайн-версии СМИ). Известные нам данные о количестве трафика с социальных сетей на страницы СМИ позволяют констатировать, что хотя он и составляет у ряда СМИ не более 1% относительно общего, но обеспечивают его именно активные пользователи.

Наиболее эффективный инструмент для продвижения СМИ в социальных сетях – использование на сайте виджетов подписки и генерации «лайков» и репостов. Рациональнее всего размещать виджеты форматов «лайк» и share в конце статей и иных материалов, а в случае фото- и видеогалерей – под каждым медиафайлом. Виджеты подписки можно разместить в нескольких местах: к примеру, слева от записей (левая часть страницы традиционно считается наиболее просматриваемой зоной на сайте) либо опять-таки по окончании материалов.

Поэтому главное, на чем мы рекомендуем делать упор, – качественный и интересный для целевой аудитории контент, эксклюзивные материалы, привлекательные фотографии и видеоролики. Гарантированный способ увеличить количество упоминаний или репостов – опубликовать новость первыми или найти сенсацию.

Работа с лидерами общественного мнения, включая популярных блогеров, также может быть эффективна для СМИ. Некоторые СМИ даже предоставляют лидерам мнений право публикации уникального контента – разумеется, со ссылкой на источник. Правда, чрезмерно увлекаться продвижением через «знаменитостей» тоже не стоит: читатели подпишутся на блог или аккаунт того, кто транслирует сообщения СМИ, но могут забыть подписаться непосредственно на СМИ.

Есть и другой способ привлечения лидеров мнений: если известный человек является героем публикации, стоит «упоминуть» его аккаунт в соцсетях (в Твиттере этот инструмент называется mention). Знаменитости стремятся подогреть интерес аудитории к себе: увидев «упоминание» в своем аккаунте, такой человек с большой долей вероятности сделает репост – и тем самым увеличит аудиторию СМИ за счет своих читателей.

Тренд, который уже давно существует на Западе, – это трансляция в Твиттере СМИ сообщений из микроблогов журналистов данного СМИ. Сам сервис Твиттера уже давно выдает журналистам и другим известным людям и лидерам мнений «синие галочки» – метод верификации. Это ставит отдельных корреспондентов в один ряд с официальными источниками информации. Однако мы пока не научились извлекать выгоду из этой особенности Твиттера: многие журналисты продолжают использовать свои верифицированные аккаунты только в личных целях, хотя в экстренной ситуации очень легко оперативно сделать запись в микроблоге, привлечь внимание аудитории, собрать «ретвиты», а позже дать ссылку на подробности истории на странице СМИ.

Информация о работе в соцсетях Белорусского телеграфного агентства

Белорусское телеграфное агентство в 2011 году создало аккаунты в основных социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Google+, в сервисе микроблогов Twitter.

В 2012 году агентство зарегистрировало аккаунт в сервисе публикации фотоснимков Instagram.

Постоянные поиски стиля и формата подачи материалов агентства велись в течение нескольких лет.

Ключевыми целями при работе в социальных сетях для нас стали:

- расширение аудитории получателей новостей;
- повышение узнаваемости бренда БелТА как государственного информационного агентства №1 в Беларуси;
- подтверждение и укрепление многолетней репутации агентства как поставщика качественной и достоверной информации, распространителя компетентных экспертных мнений;
- обратная связь с аудиторией.

Для агентства появилась возможность не только распространять информацию на принципиально новых площадках, но и вести диалог с читателями, прислушиваться к их мнению, реагировать на критику, тестировать новые формы подачи информации для внедрения их на Интернет-портале БелТА.

Выработанные в 2013-2014 годах стратегии позволили заметно нарастить аудиторию наших аккаунтов практически во всех социальных сетях. В течение года работа с аккаунтами совершенствовалась и позволила обеспечить устойчивый рост количества как постоянных читателей, так и аудитории, которая получает ссылки на материалы от своих друзей.

Количество последователей, друзей и подписчиков на 01.07.2014:

ВКонтакте 9 700 читателей (начало года 6 187)

Facebook 2 876 подписчиков (2 310)

Twitter 8110 последователей (5 550)

Одноклассники 8 900 участников группы (5 826)

Google+ 1081 участников (750)

Количество сообщений и записей в социальных сетях в 2013 году:

ВКонтакте – 27 000

Facebook – 25 000

Twitter – 90 000

Одноклассники – 5 600

В аккаунтах БелТА размещаются не только текстовые новости, но и мультимедийный контент агентства: фотографии и фоторепортажи, видеосюжеты, инфографика. Многие материалы активно оцениваются и комментируются пользователями.

Например, в Одноклассниках самая активная и приветливая аудитория – этим и обосновывается феноменальный рост количества подписчиков аккаунта.

Любые темы обсуждаются спокойно и взвешенно, без резких высказываний и оскорблений. Отдельно отметим популярность новостей, связанных с деятельностью Президента Республики Беларусь.

Канал БелТА в Twitter используется как инструмент быстрого донесения информации до аудитории, ведения твит-трансляций спортивных (важные хоккейные, футбольные, теннисные матчи, биатлонные гонки) или общественно-политических событий (в 2013 году – открытие площади Государственного флага, вручение наград «Триумф. Героям спорта 2012»).

В других социальных сетях функциональные возможности более широкие и с их помощью проводятся опросы по различным тематикам.

В разгар осенних полевых работ в аккаунте БелТА сервиса Instagram был реализован специальный проект "На картошку", посвященный трудовым десантам студентов и учащихся на поля. Для участия в проекте пользователи сервиса публиковали фотографии с хэштегом #накартошку о том, как в различных областях, районах студенты и учащиеся помогают сельчанам убирать капусту, морковь и свеклу и, конечно же, картофель. Фотопроект вызвал интерес и в других социальных сетях.

Оперативная трансляция новостей ведется в аккаунты сервиса Twitter на белорусском, английском и немецком языках.

Страницы БелТА в сети Facebook созданы для новостей и на английском, немецком языках. Специально для Facebook на немецком языке еженедельно создавались аудио слайд-шоу «Итоги недели».

В целенаправленной работе БелТА с современными площадками социальных сетей главным остается распространение качественной информации с максимальным охватом аудитории и ведение с ней постоянного живого диалога.

Не обходится наша работа без пресловутого плагиата и воровства. Так в этом году сотрудниками агентства был обнаружен клон нашей страницы в соцсети ВКонтакте, который без прямых ссылок дублировал наш контент (заголовки, фотографии, видео и инфографику), посредством других подложных аккаунтов дискредитировал наше сообщество, призывая подписываться на фейк. В результате обращения в администрацию ВКонтакте ложная страница была заблокирована.

Nguyen Duc Loi
General Director, Vietnam News Agency

The social media boom: new models of development for journalism in information society

Rapid progress in information technology and communications has led to the boom of social media, a new method of communicating, which has gone viral. I myself highly appreciate the topic AzerTac chose for our discussion today. Thank you, Mr Aslan Aslanov, General Director of the AzerTAc News Agency for allowing me to be here and share my opinions. I sincerely hope we will figure out effective measures in this forum to turn the challenges social media brings into a chance for journalism to thrive.

Ladies and gentlemen,

Since they first emerged 20 years ago, social networking sites have utilised advanced technology efficiently to boost their attraction for users, becoming a popular trend in modern society. From the 1995-website Classmate, the first friend-making website, to SixDegrees in 1997 connecting people with the same hobbies, to today's numerous social networking sites, the world has seen the emergence of hundreds of different social networks, such as Facebook, MySpace, Orkut, Hi5, LinkedIn or Friendster.

The growing membership in social networks proves its mass appeal. According to statistics, in early 2014, Facebook had the largest number of active users at 1.16 billion people per month, followed by YouTube with one billion each month. To some extent, social media is as good as online newspapers in terms of the diversity of content, the multitude of information and live updates. Moreover, social media enables interaction, which greatly contributes to its popularity and distribution across the world.

However, outside of the realm of laws on Journalism, the information provided on social networks often describes facts and events in a subjective and incorrect manner, as a direct quotation of the user's knowledge and attitude. In other words, the information does not always meet the requirements of traditional journalism for reporting to be correct and objective. In addition, online members do not need to weigh up issues of social responsibility like journalists do.

Despite these shortcomings, the unlimited spread of information via social networks is undeniable. We have witnessed social networks becoming "information-transmitting machines" without the restraints of resources and finances that journalism faces.

Ladies and gentlemen,

I noticed in the conferences on the press and social media that I attended recently that most professional journalists share the same point of view, namely that mainstream press needs to acknowledge social media as a tool to be utilised for the development of contemporary journalism. On this topic, I would like to share my opinions.

We need to use social media as a distribution tool to help the press spread information. We cannot forget that there was once a time when we worried about the challenges newspapers faced when electronic news websites came into being. However, with the invention of social media such as Twitter and Facebook, news websites are now facing similar challenges, with the new platforms able to constantly update news.

With social media, the time lag between distributing news and reading news is eliminated. Usually, readers have to actively access an online newspaper website to see the news, but with social media, as soon as you press the send button, the information – including text, pictures and video clips – is displayed immediately and connected to all the personal pages of people with similar interests.

Taking advantage of this strength, news and press agencies have successfully created social media accounts with many followers, using them to broadcast their official information. As such, when social media users share this information, they are helping to distribute mainstream journalism to a massive audience.

This can be considered an effective way for the traditional press to reach out to new audiences. Press releases can now easily gain a significant amount of readers, much more than if it was only circulated through official channels.

Social media is a place to discover and provide information as well as find new issues for stories. Social media can help journalists discover issues to write about. Using their professional skills, journalists can identify what issues are attracting the public's interest, which topics readers connect with and which subjects can be featured over a long period of time.

A PRNewswire report showed that up to 90% of journalists considered their social media sources to have a certain level of legitimacy. As such, contemporary reporters use social media as an “invaluable assistant” to help them find and contact news sources.

VNA's online newspaper Vietnamplus.vn is prime example for this. It was one of the first to make use of social media to broadcast news on the March 2011 earth quake and tsunami in Japan and the search and rescue efforts that followed the disaster. At that time, social media was the quickest channel of communications between the newsroom in Vietnam and VNA reporters and freelance journalists in Japan. 30 minutes after the disaster, Vietnamplus.vn ran articles and photographs sent in by Vietnamese people living and working in Japan, along with those sent by VNA correspondents in the country.

Soon after, a forum was set up for Vietnamese students and overseas Vietnamese in Japan, as well as contact points for the Vietnamese community in affected areas, to access consular services for Vietnamese citizens in Japan. The information spread rapidly amongst the internet community, providing a way for Vietnamese people stuck in disaster areas and their families at home to tackle their “crisis of conscience”. This was due to the use of social media.

Meanwhile, social networks are an interactive channel between the media and its target audience, bringing changes to traditional journalism practices. Reporters who are internet users can update information and talk with readers to gain a better understanding of what they are interested in, while an interactive newsroom can understand public opinion at a glance.

By creating a space for direct dialogues with readers, social networks have helped journalists and media agencies get closer to their readers and the beat of life. Thanks to the development of social networks, the provision of information and comments is no longer the sole ability of journalists. In other words, the public are no longer passive recipients of information, but active participants in the process of news production. This forces media agencies to change their production process and actively engage with the public.

The growth of social media forces the media to become more professional. As mentioned above, readers will prioritise social information channels when they need breaking news. However, in our digital era, members of the public will still seek out media agencies for in-depth information. In order to meet their requirements, the media must professionalise their news, bringing high quality news and updated information that reflects issues from all angles to the public.

Media agencies have to report on “hot events” immediately, featuring the opinions of experts, and continuously update new developments. The methodical organisation of news can only be conducted by professional media agencies.

As part of my speech, I would like to once again affirm that it is the professional ability and power to organise information that decides the survival of professional journalism; technology and social media are mere support tools for news to spread further and faster.

Dear colleagues,

With the ideas mentioned above, I have voiced my thoughts on the development of a new form of journalism in the social networking era, with a view to making social networks a bridge between journalists and readers. After all, this is an inevitable development process for the media, and VNA will play its part. I'm sure that social media, with its massive membership, will remain a channel for people to hear about the news, but journalism and reputable media will always be the source people turn to for news they can trust.

I look forward to hearing your views on this issue.

Branka Gabriela Valentić
Director, Croatian News Agency – HINA

Croatian News Agency – HINA interaction with social media in Croatia

Ladies and Gentlemen, dear colleagues

It's a pleasure to participate at this panel Today and to exchange experience with honorable colleagues about the influence of social media on development of journalism in digital era. As a director of the Croatian News Agency – HINA, I would like to present the experience of HINA interaction with social media – how our news agency use the social media to promote it's brand, to distribute it's news and other multimedia content, and to introduce new forms of interaction with it's users and public, including the ways that Hina journalists and photographers used to gather and share information on social media.

National news agencies have had lot of difficulties in adopting itself to the rapid changes of news environment in last several Years, HINA was no exception, even worse, HINA have passed through a „perfect storm“ of difficulties since 2008., with severe economic crisis in Croatia, shrinking and weakening media market and neglecting agency core business for the sake of failed projects. Results where inevitably bad – techological backward, steady lose of users and multimillion losses.

Since the beginig of my mandate in 2012., HINA has undertaken a profound transformation, from the restructuring – where we reduce our workforce for 20% and invest in the new technologies, new software and hardware, new photo and video equipment – to the new services and options for consumers and more platforms for advertisers, and last but not least – introducing the public service.

Results where better then expected – our finance came out of the red zone, we have presented new web site and new integrated editorial system developed by our IT department, we have introduce new multimedia services include video, graphics and improved photo and audio service. HINA old media users are comming back and number of new ones steadily growing – reflecting on the local level the global trend of the increasing reliance of online media upon the news agencies.

Using this necessary transformation to reshape the agency as a whole and adapt its business model to the rules of the European union regarding the public financing, HINA have introduced public service – opening significant part of previously licensed content to the citizens. Important part of public service is located on the social media – for the time being Facebook and Twitter.

For the previously explained reasons it's obvious that HINA was not a pioneer among the media in Croatia in the realm of social networks, the reason more for us to devote a double attention to that segment of our public visibility or should I say – to our sociability – which experts call a new pillar of good journalism.

In the first phase of its social network engagement HINA use Facebook, Twitter, and occasionally Storify as a supplement to Facebook and Twitter, also Instragram as an extra tool for equipping stories.

Facebook in Croatia has 1.560,000 users or 35% of the population, and Twitter standing at 80.000 users, according to the latest reports.

For each network HINA has develop different concept of use in accordance with their specificity.

Facebook page is composed as a mosaic of several elements:

– the news that, by default, are part of our free / public service (those of categories as minorities, ecology, health, etc.) we post at Facebook page as a lead with a link to the HINA web page where this news is listed. The purpose of this is to highlight of agency public role.

– we follow our news through the websites of our users – media outlets. In order to avoid cannibalization of our core business or undermining our customers with free publishing news that they obtain by subscription, we present few interesting HINA news of the day with our headline and lead,

with the link to the full story published on the website of our user. With substantial time delay, of course.

The more complex topic that consists of several of our news or has an echo in several media outlets we present as a compilation of news, links and reactions in the media and social networks. As a tool for this compilation we use Storify and then posted on Facebook page link to the Storify with appropriate lead and explanation.

As described above, HINA use Facebook to strengthen its brand and highlight the visibility in public, avoiding to compete with its users, but on the contrary increasing number of visits to the users web sites.

HINA use Twitter for the quick distribution of headlines from its web site ticker.

Basic HINA Twitter account, or one that can be considered official, published headlines while stories are still in the stage of development, and the short version of the news while a journalist and editor still working on them. In addition, the HINA Twitter account contains selection of tweets from Twitter accounts of HINA journalists as a second part of HINA twitter network. The work of the HINA journalists will occasionally be consolidate into a larger whole with the help of Storify.

Second part of the HINA Twitter consisting of the accounts of HINA journalists. Accounts are under the full name of the journalist but is clearly points out that these accounts are part of HINA system and they can be defined as semi-official. HINA reporters usually tweet about the news they work on, tweet or retweet the most important news that they find on the other media outlets, tweet with a link to other articles and news media, local or international, that evaluate relevance of their current work, pictures, details or comments regarding their tasks, which by their nature are not part of a standard to HINA news and other content.

Main purpose of the Twitter for HINA would be:

– rapid distribution of information, or the distribution of the breaking news while there are still in the working stage, and to link Twitter users with HINA ticker. – professional promotion of HINA journalists , and their individualization in order to create a follower that would eventually be turned into a HINA followers.- placement of content that are not a part of the standard HINA production (such as less serious images of politicians, segments of informal conversations, any interesting text, comments in other media, etc.)

HINA social networks pages would reinforce each other in a way that links pointing to each other and, of course, to the basic HINA web site. Strengthening of sociality of HINA journalism through social networks, should lead to a stronger brand, better position in the media market, growth in customer loyalty and the creation of new ways of income.

In the near future, HINA plans to open itself to the „citizen journalism“ also, not only trough the social media, but through the interactive segment of its web page, entrusting the task of filtering the citizen journalism information to the editors at multimedia desk.

I would like to conclude this speech with the recommandation from European association of the news agencies – EANA, which we in HINA followed in implementing described transformation: "Within a short time, all media, including news agencies, must change dramatically to come to terms with new technological, social and economic influences".

Jamal Nasser Al Suwaider
Executive Director, Emirates News Agency

Journalism Issues in the 21st Century in the framework of Dialogue between Civilizations

The quick development witnessed by the world nowadays in various fields especially in the field of information systems and the accompanying technology, does not give Media and Journalism the chance to cope with this development.

Therefore, we can notice the widespread of incorrect information through social media channels in the framework of competing to provide the information to the clients.

In turn, this highlights the Media inability to obtain the accurate information from credible and reliable sources.

There is one more thing which is the prejudice and tendencies of Media in raising the issues in favour of one party, naturally, when there is a biased coverage to the news in favour of one the parties, so the truth will never be complete.

Regulation of press freedom is losing ground as media credibility is now controlled by governments, companies and each of them has his own way in directing Media in way to serve his own interest, and thus, we can say there is no freedom of the press in the right and proper meaning.

The focus of the press must be on the needs of readers / clients in a world when they need information around the clock.

Also cultural, tourist and economic, social and heritage reports should be the focus of attention of the press as this kind of writing is not addressed enough in social media and thus the discussion is needed.

Focus on objectivity and credibility in the exchange of the addressed topics as scoop creates many press issues related to accuracy and authenticity, as a result, there is always a problem in reconciling the scoop, credibility and professionalism.

I believe that the press should focus attention on the qualification of cadres, and to make training and awareness the top priorities of the press.

Takeharu Tsutsumi
President, The Japan Times

Media Transformation in the Digital Age: New Development Trends

Dear participants,

Thank you very much for inviting me to attend this year's forum.

It is a great honor to be asked to talk to such an esteemed audience about The Japan Times and the Digital challenge. The figures I mention today are from a combination of studies conducted by the Hakuhodo Institute of Media Environment in Japan, Reuters Institute Digital News Report and also JT's own findings.

The history of the Japan Times actually extends over three centuries.

It was first inaugurated on March 22nd 1897 by Prince Hirobumi Ito and Yukichi Fukuzawa, the founder of the well-known Keio University. By 1918, The Japan Times had absorbed various other English language newspapers.

The newspaper continued to be circulated and published in English by the Foreign Ministry during World War 2. However, the name was changed to "The Nippon Times" due to a demand by the Japanese government. "Nippon" also means Japan. In a sense this change was perhaps quite meaningless but reflected the equivocal status

English had in wartime Japan. The newspaper continued during this period to carry a range of views and it was actually not simply a propaganda tool for the government.

In Oct 2013 we began an alliance with The New York Times Company and now distribute The Japan Times together with the International New York Times. This alliance has been a very important step for us in our 117 year history. We continue to be an independent newspaper company and our goal remains to provide readers with the best journalism written in English about Japan.

As proof of our success so far, we have the largest circulation for an English language newspaper in Japan and thus we reach by far the most non-Japanese readers living in Japan.

However, like many other media organizations, The Japan Times cannot afford to rest on its laurels. Currently many media organizations are battling to survive a rapidly and continually changing business environment and both the near and long term business future remain a challenge.

I was asked today to make a short speech on "Media Transformation in the Digital Age: New Media Trends." I believe that to address this issue, it is crucial for us to continually respond to the types of changes that are occurring, or will occur, in how our users search for, connect with, and consume news. As such, one of our organization's most important principles in this digital age is: "To provide reader content whenever, wherever, on whatever."

Recent research in Japan suggests that people connect with media for about 6 hours a day, and that 20 minutes of this time is still spent reading newspapers. Recent research from Reuters suggests that smartphone use in Japan for consuming news has risen 7% year on year and that tablet use for news has also risen by 4% year on year. Our own research tells us that smart phones are increasingly being used to browse Japan Times Online as the access rate via smart phone has risen on our website by 10% year on year.

An increase in the use of smart devices and tablets to access news suggests that people are moving away from using a single fixed device, which is most likely their P.C, to access news and that there is both more frequent access of news and from more locations.

60% of The Japan Times audience is based outside of Japan. This geographical fact together with the speed and frequency of modern news consumption via smart device means that JT as a media organization must ensure that its web content is updated frequently in order to remain relevant and up to date across all time zones on any device for both our domestic and overseas audience. However,

further research shows the trend for news to often be read via an app on a smart phone and not via the websites themselves.

Interestingly in the UK, almost 50% of smartphone users say they use apps to access their news. As such, we must also think about how new technology actually shapes the way that news is packaged and how people access their news.

Still, while we are clearly in a Digital Age, we must not, perhaps especially in Japan, be too quick to dismiss print media. The Japan Times still generates the vast majority of its revenue from print, and surveys, conducted in Japan, show that a vast majority of those who access news via digital also read a printed newspaper at least once a week. Print is still highly dominant in the Japanese market and I believe it will remain a relevant trend for many years to come. As such our thinking at The Japan Times is not “either digital or print.”

We are thinking about how best to seek the right mixture of print and digital to optimize our sales vs cost ratios. On a slightly related sidenote, The New York Times recently reported in September that 85% of music in Japan is still purchased via CD, rather than being streamed or downloaded. And digital music sales are actually on the decline, falling from \$1 billion in 2009 to \$400 million last year in Japan. My point here is that, although Japan is a high – tech country, the Japanese market may be slower to embrace digital forms of delivery than other countries. So again the need for more traditional delivery methods in Japan is still strong I believe.

A further interesting question that has been asked recently is: Are traditional journalistic disciplines of objectivity and impartiality still wanted in the digital age? A recent blogging trend is for the writer or journalist to argue a particular point of view and to be open about their sources and biases. 81% of respondents surveyed in a recent Japan study said that they preferred to read articles with a range of views as opposed to one particular point of view. I think a lot of our audience rely on The Japan Times for its broad range of views, perhaps in contrast to the bigger Japanese newspaper who are often seen as having a very particular political bias.

On a related note, another recent trend in some countries is for the individual journalist or writer to create a stronger sense of engagement than the brand name itself. It seems that in some European countries and the U.S this may be the trend, but data suggests that in Japan the brand name is still key in establishing trust as a news source. To what extent this may change with the further development of digital technology is possibly another interesting area to watch.

There is no doubt that we are now doing business in an ever changing and evolving marketplace. Right now, we seem to be seeing a shift from the “smartphone” and the “tablet” to the “phablet”.

The strong current trend in the rise and scope of Visual Journalism through the use of digital devices is underscored in Apple’s new marketing blurb for the Apple watch, which in some places says, “You don’t even have to use words.”

Personally I believe that images will never be more important than words. The Japan Times will need both words and images to report on the many upcoming social and political events and challenges that it faces in the future, such as the 2020 Olympics, its ageing society, and social security structures etc.

I believe that our future business success in the digital age will come by us continuing to be a media brand that remains a trusted and credible source, with trusted reporters delivering relevant news whenever, wherever and on whatever.

Aynur Bəşirli

Yeni media və kommunikasiya texnologiyaları kafedrasının müdiri,
Bakı Slavyan Universteti

Sosial media ənənəvi mediaya qarşı: bizə necə jurnalistika təhsili lazımdır?

Bu ilin may ayında Bakı Slavyan Universitetinin Yeni media və kommunikasiya texnologiyaları kafedrasının bir qrup əməkdaşı onları bir peşəkar kimi çoxdan bəri maraqlandıran ən vacib suala cavab tapmağa çalışdı. Bu sual belə səslənirdi: Mənsub olduğumuz sahədə, yəni jurnalistikada nə baş verir? Niyə sosial medianın gəlişi ilə media cəngəlliyə çevrilməkdədir?

Biz 5 nəfər idik, peşəmizdən irəli gələn gerçəkçilik bizi bəri başdan qucaqlaya bilməyəcəyimizi qucaqlamaq istəyi kimi bir cəhddən çəkindirirdi. Biz mediacəngəllikdə baş verənləri qiymətləndirmək üçün ən etibarlı peşə kompasından – etik standartlardan istifadə etməyə qərar verdik. Beləliklə, eyni dünyagörüşünü, eyni dəyərləri bölüşən peşəkarların “Mediamonitorinq” (MMQ) qrupu yarandı. Bu qrup 3 ay ərzində Azərbaycanda TV, Radio, mətbuat və onlayn medianın monitorinqini apardı.

Mən təfərrüata varmadan MMQ-nin gəldiyi iki əsas nəticə ilə bölüşmək istədim.

Nəticə 1. Mediada xəbər, hadisənin ictimai önəmlilik, ictimai maraq ölçüsü itmək üzrədir. Media orqanları xəbərlərin seçimində nəyin ictimai önəm daşdığına, nəyin daşmadığına, nəyin ictimai maraq kəsb etdiyinin əksər hallarda fərqi yoxdur.

Nəticə 2. Peşə Etikasına kodeksinə bir çox hallarda əməl olunmur. Ənənəvi mediada tamaşaçıya, oxucuya, dinləyiciyə sayğısızlıq artmaqdadır.

Peşəkar nöqtəyi-nəzərdən hər iki nəticə, əslində, iki kifayət qədər təhlükəli tendensiyadan xəbər verir və ənənəvi medianın təməl prinsiplərinə zidd sayılaraq onun varlığını təhlükə altına qoyur. Yəni biz ictimai maraq, ictimai önəm və etik standartlar kimi təməl prinsiplərə göz yumuruqsa, əslində, artıq peşəkar jurnalistika ilə məşğul olmuruq. Onda sual yaranır: biz nə ilə məşğuluq? Bu tendensiyalar haradan qaynaqlanır? Onları təşviq edən mühit hansıdır?

Mənə elə gəlir ki, cavab uzaqda deyil, necə deyərlər, şeytan göz qabağındadır. Söhbət sosial medianın ənənəvi mediaya təsirindən gedir.

Mən Azərbaycan təcrübəsindən danışdığım üçün bu yerdə Azərbaycan sosial mediası barədə kiçik bir arayışa ehtiyac duyuram. Azərbaycanda Facebook birmənalı olaraq digər sosial şəbəkələri arxada qoyub, onun sosial media bazarında payı 69 faizdir. Facebook istifadəçilərinin sayı 1300000 civarındadır. Müqayisə üçün deyək ki, Twitter istifadəçilərinin bundan 6 dəfəyə qədər azdır. Sonrakı yerləri Youtube, Tumblr, Pinterest, VKontakte tutur. Bu səbəbdən araşdırmamızda sosial media müəyyən mənada Facebookla eyniləşdirilib. Yəni Azərbaycanda ənənəvi mediaya sosial medianın təsirindən danışanda ilk növbədə Facebookun təsiri araşdırılmalıdır.

Bu məqamda Azərbaycan Facebook istifadəçisinin Sosialbakers-in statistikasına əsasən çəkilmiş portret cizgiləri ilə qısa tanışlıq yerinə düşər. Azərbaycan Facebookçusunun ilk beşliyində bunlar yer alır:

Brendlər: Romantic, Azercell, Bakcell, İdeal ətir və kosmetika, Narmobile

Media: Azərbaycan xəbərləri, Azad Azərbaycan, Inews.az, Day.az, Novosti Azerbaydjana

Əyləncə: 28 Cinema, O ses Türkiyə, Park Cinema, Medcezir, Aşk Tesadüflər Sever

İdman: Galatasaray, Neftçi PFK, Fenerbahçe, FC Bakı, Bakı 2010,

Məşhurlar: Röya official, Murat Boz, Emre Aydın, Hadise, Özcan Dəniz

Cəmiyyət: İlham Əliyev, ASAN Xidmət, Mehriban Əliyeva, Azərbaycan Respublikasına xidmət edirəm, Azərbaycan Universitetləri

İcmalar: Yumor dünyası, Azxeber.com, Bizim yol, Sancaq Production, Hamam Times

Facebookla Twitter istifadəçiləri arasında fərqi duymaq üçün onların media bölümündə tərcihlərini müqayisə etmək maraqlı olar. Twitterdən istifadəçilərinin ilk beşliyində Twitter Azərbaycan, BBC Azərbaycan, Azadlıq Radiosu, 1news.az InfoCity, APA news durur.

Azərbaycanda sosial medianın vəziyyəti ilə qısa tanışlıqdan sonra əsas mövzuya – sosial medianın Azərbaycan ənənəvi mediasına təsirinə qayıdaq.

Sosial media sosial şəbəkələr üzərindən yaranan bir kommunikasiya olaraq ayrı-ayrı fərdlərə əsaslanır. Aydınır ki, hər hansı bir individ üçün önəmli olan cəmiyyət üçün önəmli olmaya da bilər. Amma individ sosial şəbəkənin bir avtonom – muxtar elementi olaraq, şübhəsiz ki, öz kommunikasiyasında azaddır. Biz ənənəvi media ilə sosial medianın qarşılıqlı təsirindən danışanda, yaxud sosial medianın təhlükəli olduğu kimi tələsik nəticələrə gələndə unutmamalıyıq ki, problem individin özünü ifadəsində və ya öz statusunda nəyi bölüşməsində deyil, problem ənənəvi jurnalistikanın sosial şəbəkədən mənbə kimi istifadə edərkən seçimli ola bilməməsindədir. Jurnalistlər sosial mediadan bəhrələnməlidir, amma bu zaman onun yalnız və yalnız informasiya mənbəyi rolunda çıxış etdiyi unudulmamalıdır. Sosial mediadan mənbə kimi istifadə edirsə, ona verilən tələb istənilən digər mənbəyə verilən tələblə eyni olmalıdır. Amma müşahidələr göstərir ki, jurnalistlər sosial mediada oxuduqlarını filtrasiya edə bilmirlər. Azərbaycan mediasında Facebook statusunun xəbərə çevrilməsi atrıq adı hal almışdır. Amma bu o demək deyil ki, ictimailəşdirilən status mütləq ictimai maraq daşıyır, və ya ictimai önəm kəsb edir. Fikrimizcə, ənənəvi mediada xəbərlərin ictimai önəmliliyinin kəskin surətdə azalmasının səbəblərindən biri jurnalistlərin sosial mediadan bəhrələnmək əvəzinə, onu təsiri altına düşmələridir. Nəticədə ənənəvi medianın sosial mediləşməsi və ya onun ardınca getməsi prosesi baş verir. Bu məqamda vacib bir sual meydana çıxır. Əgər sosial media ənənəvi medianı əvəz edə bilərsə, onda jurnalistlərə, jurnalistika təhsilinə ehtiyac varmı?

Mediamonitorinq qrupunun monitorinq apardığı dövr yay aylarına düşürdü. İyulda cəbhə xəttində atəşkəs pozulmuş, cəbhəboyu zonada gərginlik artmış, hərbi əməliyyatlar başlamışdı. Fövqəladə vəziyyətlər cəmiyyətin lakmus kağızıdır və onun ən həssas, zəif nöqtələrini göstərir. Cəbhədəki gərginlik Azərbaycan mediasının Axilles dabanını çıxardı. Hadisələri ləng xəbərleyən ənənəvi media bu dəfə də sosial mediaya uduzdu. Gözləmək olardı ki, ənənəvi media əksər hallarda təkmənbəli işləyən, yoxlanılmamış informasiya yayan sosial mediadan fərqli olaraq, daha peşəkar olmaq şansından istifadə edəcək. Sosial media aktiv surətdə dezinformasiya ilə məşğul olanda, arzu ediləni həqiqət kimi qələmə verəndə ənənəvi medianın ən böyük uğuru peşəkarcasına işləyərək yoxlanılmış, səhih informasiyanı yaymaq ola bilərdi. Amma ənənəvi media bu şansından istifadə edə bilmədi. Monitorinqin nəticələri bunu təsdiq edirdi.

Xəbər saytları 2008-ci ilin avqustun əvvəllərində Gürcüstan Respublikası ərazisində, daha dəqiq desək, Cənubi Osetiyada öldürülmüş əsgərlərin şəkillərini atəşkəsin pozulması zamanı öldürülmüş erməni hərbiçilərinin şəkli kimi təqdim edirdi. Daha sensasion xəbərlər verməklə sosial medianı qabaqlamaq cəhdləri bir sıra saytlarda və qəzetlərdə Rusiyadan alınmış hərbi texnikanın şəkilləri ilə yanaşı, hər birinin incəliklərinin oxucuya çatdırılması, Azərbaycan və Ermənistanın hərbi gücünün müqayisəli təhlilinə həsr olunmuş yazıların verilməsi ilə nəticələndi.

Monitorinqin nəticələrini ümumiləşdirsək, bunu deyə bilərik:

- Ənənəvi media etik kodeksə əməl edə bilmirdi.
- Dövlət sirri haqqında qanunvericilik pozuldu.
- Güc strukturlarının mətbuat xidmətləri arzu olunan səviyyədə işləyə bilmirdi.

Hadisələrin təhlili bir daha göstərirdi ki, sosial medianın da, ənənəvi medianın da dəyərləri fərqlidir. Onları eyniləşdirmək cəhdləri, qeyri-peşəkarlıq olmaqla yanaşı, həm də cəmiyyət üçün təhlükəli ola bilər.

Ənənəvi jurnalistika ənənəvi **jurnalistikadır**, sosial media **sosial** mediadır.

Qeyd etmək istəyirəm ki, cəbhəboyu zonada gərginlik zamanı hərbi jurnalistikanın və sosial medianın fəaliyyəti respublika mediasında az təhlil olunmadı.

Hadisələrin məntiqi davamı kimi isə bir həftə əvvəl, sentyabrın 24-də Azərbaycan Respublikasının Prezidenti cənab İlham Əliyev “Azərbaycan Respublikası Silahlı Qüvvələrinin Ermənistan

Respublikası Silahlı Qüvvələri ilə təmas xəttində bəzi təhlükəsizlik tədbirləri haqqında” sərəncam verdi. Bu sərəncamda Azərbaycan Respublikasının Müdafiə Nazirliyinə tapşırılır ki, kütləvi informasiya vasitələrində və internet informasiya ehtiyatlarında, o cümlədən sosial şəbəkələrdə cəbhəboyu zonadakı vəziyyətlə bağlı verilən məlumatların mütəmadi monitorinqini təmin etsin və “Dövlət sirri haqqında” Azərbaycan Respublikasının Qanununa görə dövlət sirri təşkil edən məlumatları yayan şəxsləri müəyyən edib onların qanunla müəyyən edilmiş məsuliyyətə cəlb olunmasını təşkil etsin.

Bu çox ciddi bir siqnaldır və bizi düşündürməklə yanaşı, vəziyyətdən çıxış yollarını axtarmağa da vadar etməlidir. Baş verənlər üçün kim daha çox məsuliyyət daşıyır? Son hadisələrdən bizə professional olaraq hansı ibrət dərsləri götürməliyik? Nə qədər ki, biz mediacəngəllikdə tamamilə azmamışıq və peşə kompasımız hələ ki işləyir nə etmək lazımdır.

Mən çıxışıma Mediamonitorinq qrupunun yaranmasının qısa tarixçəsi ilə başladım. Söhbətimi tarixçənin sonu ilə bitirmək istərdim. Qrupun son toplantısına biz təkə jurnalist kimi deyil, həm də ali məktəb müəllimləri kimi bizim üçün ürəkaçmayan bir xəbərlə başladıq: bu il Azərbaycanda jurnalistika ixtisasına qəbul olunan tələblərin sayı 46-dir. Gözlənilən 210 tələbənin əvəzinə 46 tələbə. Bu, boş auditoruya deməkdir.

Tələbələrin sayının kəskin surətdə azalmasına səbəb bu ildən jurnalistika ixtisasını seçən abituriyentlərin əlavə olaraq qabiliyyət imtahanı vermələridir. Qabiliyyət imtahanı, əslində, esse yazmaqdır. İlk sınaqdan keçmiş 441 abituriyentdən yalnız 126-ı qabiliyyət imtahanına gəlmiş və onlardan yalnız 51 nəfəri essədən məqbul qiymət ala bilmişdir. Onlardan 45 nəfəri Azərbaycan, 5 nəfəri isə rus bölməsinin abituriyentləridir.

Qeyd edək ki, son ildə jurnalistika ixtisasını seçənlərin sayının azalması tendensiyası davam etməkdədir. Statistika nəzər salaq.

İllər	Plan	Ərizədə göstərenlər	Qəbul olunanlar
2004	324	10061	285
2005	372	7087	361
2006	339	7763	327
2007	304	6787	300
2008	278	1543	274
2009	324	1798	301
2010	315	1534	207
2011	333	2562	303
2012	199	2329	196
2013	204	2727	201
2014	210	441	46

Bu statistika jurnalistikanın Azərbaycanda prestijli peşə olmasından xəbər verməsə də, bu, heç də o demək deyil ki, ölkədə jurnalistika ilə məşğul olanların sayı azalıb. Qeyri-jurnalistika ixtisaslarından mediaya gələnlərin sayı sabit olaraq qalır. Bu isə o deməkdir ki, əslində, jurnalistikanı ixtisas olaraq öyrənmək istəyənlərin sayı azdır. Əgər qeyri-ixtisaslardan jurnalistikaya gəlib ən azından baş çıxarmaq mümkündürsə, onda təhsilə ehtiyac varmı?

Əslində, mənim bugünkü çıxışım, peşəkar jurnalistika təhsilinin vacibliyini nəinki şübhə altına qoymur, əksinə, onun önəmini vurğulayır. Məncə, məsələyə bir qədər fərqli yanaşmaq lazımdır. Bizə hansı jurnalistika təhsili lazımdır və o necə olmalıdır?

Jurnalistika təhsilində köklü islahatlar aparmağın vaxtı çoxdan çatıb. Bu istiqamətdə Avropa Şurasının 2009-cu ildən Bakı Slavyan Universitetində, 2012-ci ildən isə həm də Bakı Dövlət Univeritetində yürütdüyü “Azərbaycanda jurnalistika tədrisinin inkişafına dəstək” layihəsi bakalavr pilləsi üçün az iş görməyib. Nəticədə bu ilin sentyabrında jurnalistika ixtisasının bakalavr pilləsi üçün çağdaş medianın tələbləri əks etdirən yeni dövlət standartı qəbul olunub. Lakin bütün bunlar hələ azdır. Mediada, ümumiyyətlə, kommunikasiya prosesində baş verənləri anlamaq üçün jurnalistika

fakültələrinə deyil, kommunikasiya fakültələrinə ehtiyac var. Kommunikasiya fakültələri kommunikasiyanın müxtəlif sahələri üçün mütəxəssislər yetişdirməklə yanaşı, eyni zamanda jurnalistikanı PR, media menecment, mediamarketinq və reklam kimi qonşu sahələrdən fəqləndirə biləcək jurnalistlər də yetişdirəcəkdir. Digər önəmli məsələ jurnalist hazırlığında bakalavr pilləsi ilə yanaşı, magistr pilləsinin tələblərinin yenidən müəyyənləşdirilməsidir. Magistratura balalavriatın təkrarı ola bilməz. Bu pillə yüksək pilotaj mütəxəssislərin hazırlanmasına yönəli olmalıdır. Mən yüksək pilotaj deyəndə jurnalist–analitikləri nəzərdə tuturam. Bu gün sosial medianı qiymətləndirə bilən, onunla işləməyi bacaran jurnalistlərin qıtlığını ilk növbədə mütəxəssis hazırlığında axtarmaq lazımdır.

Deyirlər ki, hər uğurda bir uğursuzluğun, hər uğursuzluqda isə bir uğurun zərrəsi gizlənir. 2014-cü il jurnalistika təhsili üçün uğurlu sayıla bilməz. Mən ümid etmək istəyirəm ki, biz bu uğursuzluqda gizlənən uğuru tapa biləcəyik. Bunun üçün informasiya cəmiyyətində jurnalistika təhsilinin optimal modelini tapmaq kifayətdir.

Manuela Sessa

President, Azerbaijani-Italian Youth Association

The Role of New Media in the Internationalization of Youth

Honorable Colleagues,

We live in a technological era in which we are always communicating. 35% of the world population is connected to internet. 26% of it has at least an account on a social network. Facebook is the most used social network in the world (except from China) with more than 1 billion of active users.

Young people are turning to online networks to participate in a wide range of public activities and developing social norms to raise their voice in national and international debates they are interested in. Of course, on the friendship-driven side, youth see online spaces and communications media as places to hang out with their friends. On the interest-driven side, youth turn to networked publics to connect with like-minded peers who share knowledge, information and expertise they may not be available to them locally.

World Wide Web, digital radio and TV, Facebook, bloggers... The daily vocabulary of nowadays society has changed a lot in the last 10 years. Young people have integrated this new realities and tools in their life, studies, jobs, education. A big effort is still to be done in order to extend the use of new technologies to the whole society, reducing the possible discriminations created by new media technologies.

Media literacy should be mainstreamed at all levels of formal education to raise awareness and knowledge about the rights, responsibilities, opportunities and risks related to the use of new communications technologies and services. Young people in Europe today are mostly literate, but are they also media literate?

Youth organisations can help to enhance media literacy among young people through non-formal education. Their role should be further recognised and promoted.

As Tine Radinja, President of the European Youth Forum, affirmed during the Plenary Session of the first Council of Europe Conference of Ministers responsible for Media and New Communication Services in May 2009 in Reykjavik, Iceland: “The role of media has become crucial for the work of youth organisations as a tool to enhance access of young people to information and for the development of an active youth participation in democratic processes. Furthering the work that was started here in Reykjavik, youth organisations will be happy to share best practices on how to define and use the new media to be able to use the best tools to reach our goals of equal participation and inclusion as citizens.”

Youth organizations I am representing here today – *Giovani nel Mondo* Association that means “Youth in the World” – with its two branches *Rome Model United Nations* and *Carriere Internazionali* – that means *International Careers* – and the “*Italia-Azerbaijani Youth Association*”, welcome Tine Radinja’s message and stressed the importance of youth participation in all projects and activities through new media and interactive communication.

Our Associations are born to give new arenas to youth and their own ideas. We mainly address to young people from 18 to 30 years old with the aim of sustaining them in their own path of education and growth at both professional and socio-cultural level. Our audience is composed by students and graduates mostly interested in experiencing negotiation, debate and diplomacy.

Our best practices are: *Rome Model United Nations* project and *Carriere Internazionali* project.

Rome Model United Nations is a training program designed to teach students how the United Nations work. Participants represent the UN member countries in a simulation game by playing the

diplomatic debates of UN committees. It is not only a game, it is a unique occasion for youth to articulate their different points of views on very sensitive international issues.

Thanks to our websites, Facebook pages, twitter, you tube channel we are successfully in reaching thousands of high qualified youth worldwide. From Poland to Afghanistan, from Egypt to Ghana, from Brazil to Azerbaijan, we receive thousands of applications. The whole selection procedure is managed online and for all selected candidates we offer the possibility to be trained directly online through RomeMUN forum, an online platform where tutors, professors, experts, young delegates, journalists and translators can communicated in an interactive manner and start the debate and the negotiation before physically met each March in Rome.

Carriere Internazionali.com responds to the mission of promoting the internationalization of youth and is devoted to YOUNG PEOPLE who would like to work in International Organizations, European institutions and in the field of International Cooperation. In the first year of activity, Carriere Internazionali reached 120,000 annual users and obtained about 3,000,000 annual views. In two years, two thousands of work, internship and volunteer opportunities have been posted offering a useful service to young people that are looking for the right experience in order to become more and more competitive and skilled in the international field.

Internationalization of young people and intercultural dialogue among youth of different cultures are our Associations' main goals. Nowadays the reality is that we could not achieve these goals without using internet and social media. Furthermore, among our future projects, we have the idea to start crowdfunding system to facilitate youth mobility and helping students in finding funds to pay their educations and international experiences.

This is our mission, our idea of the role of new media in the internationalization of youth.

Жанна Голубицкая

«Московский комсомолец»

Бум вокруг социальных сетей: новые модели развития журналистики в информационных сообществах

Необходимость договариваться «на берегу».

Сначала должны договориться «мудрецы» – те, кто стоит у руля в медийном пространстве — информационные агентства, редактора, журналисты. Если «наверху» будут четкие решения, в соцсети никогда не хлынет «слив». Соцсети — всего лишь отражение массового медийного пространства.

Говоря о растущем влиянии муссирования некоторых тем в "неформальном медиа-пространстве" на массовое сознание, всем тем, кто причастен к медиа важно договориться, каких тем необходимо избегать, а к каким подходить с большой аккратностью — для того, чтобы мы смогли выяснить эти темы и существуют подобные гуманитарные форумы, что очень хорошо.

Выделить темы-табу.

Разжигание национальной розни

Призывы к неконституционному свержению

Анархизм, призывы к нарушению порядка, разврату и пр.

Следует отличать манипулирование сознанием масс и пропаганду от «нарушений свободы слова». Иначе говоря, запрет на продвижение, к примеру, гей-ценностей посредством тематических статей в масс-медиа не есть нарушение свободы слова.

Прием Окно Овертона.

Следуя ему, при помощи простых повторов можно внедрить в сознание потребителя информации что угодно — и легализовать что угодно. А можно и избежать негатива, внедряя в массовое сознание позитив ти нужную информацию.

Азербайджан-Россия.

Наши страны дружелюбны, имеют много общего, включая культуру, искусство и стремление к миру и сотрудничеству, чему очень помогает Фонд Гейдара Алиева, но налицо недостаток информации друг о друге.

По крайней мере, в России хотели бы больше знать об Азербайджане. Но — достоверных и интересно поданных сведений.

Азербайджану и России не помешала бы некая интерактивная медиа (например, МК-Баку, франшиза МК, действующая во многих странах мира, в том числе, и в странах СНГ), где 80% контента – местные новости статьи местных журналистов и информагентств, а 20% – контент МК РФ. Франшиза также дает нам возможность выступать на одном общем сетевом ресурсе МК (mk.ru), то есть, интерактивно объединять наших читателей на едином ресурсе, где они смогут комментировать статьи и задавать вопросы. А при условии, что найдется человек, который сможет координировать и выбирать из потоков информации именно то, что полезно и важно для дружбы и сотрудничества наших стран, это может стать очень большим шагом в понимании нами друг друга. Например, в России о деятельности Фонда Гейдара Алиева прекрасно знают те, кому этот Фонд конкретно помог. А вот если бы писать о нем больше, переводя информацию в несколько неформальную плоскость – это будет популяризироваться на новых уровнях.

Например, колонка Лейлы-ханум или Мехрибан-ханум в еженедельном МК-Баку – как прошла эта неделя в смысле деятельности подшефных им организаций — Фонда и АМОР.

По тому же принципу, как в МК московском ведет колонку звезда российской журналистики Юлия Калинина.

Лично мне очень нравится Азербайджан, его представители и все добрые дела, которые ими делаются, что я с удовольствием стала бы тем самым редактором, который станет выпускать подобный «совместный» МК-Баку, соединяя информацию из Азербайджана с информацией из России в верных пропорциях, правильных для культурной и исторической специфики наших стран и менталитета наших народов, работая как с азербайджанскими журналистами и информагентствами, так и с российскими. Все джело в правильном соотношении.

Официальное предложение по франшизе от П.Н.Гусева имею при себе.

Соцсети — как управлять.

Важно – уход от «казенного» языка (насколько это возможно), правильное продвижение контента, правильный пул блоггеров (выбор людей), «отделять котлеты от мух» (информационный контент зависит от региона, менталитета, целей и пр.), доносить необходимую информацию до конечного потребителя, а не до инстанций.

Пиар в соцсетях как технология уничтожения

Американский социолог Джозеф Овертон описал технологию того, как можно изменить отношение общества к вещам, которые раньше считались абсолютно неприемлемыми. И наоборот — сделать неприемлемым одобряемое раньше.

Психология ненависти

Информационные войны и разжигание — как бороться?

Инфовойны доказали свою эффективность: как оказалось, не такой и фокус – натравить один народ на другой, хоть самый братский; не так уж мудрено расколоть общество не только в одной стране, в одном городе – но и сделать так, чтобы вчерашние друзья не подавали друг другу руки и родственники орали в телефонную трубку: «Ты мне больше никто!»

Какие сегодняшние приемы психо- и политтехнологий наверняка войдут в учебники?

Различия пропаганды американской и европейской.

Как остановить агрессию при помощи соцсетей?

Институт психологии РАН провел исследование, посвященное тому, как изменился типовой психологический облик россиян с 1981-го по 2011 год. Мы стали втрое агрессивнее – доказательств масса: от статистики убийств (причем около 80% из них совершаются в состоянии спонтанной агрессивности) до поведения в общественном транспорте. Однако эксперты уверяют, что в крайне агрессивном состоянии ни одна нация долго находиться не может – начинают работать механизмы самосохранения.

Alex Vatanka

Middle East Institute, Washington D.C.

Media transformation in a digital age: A time to counter the extremist message

Let me first thank the organizers for hosting us here in beautiful Baku.

Thank you for providing this important international forum to discuss some key challenging issues, and thank you for your generous hospitality.

Before I begin, let me first say that my area of specialty is not media studies. My focus is on studying regional developments in the broader Middle East and monitoring factors that are shaping political realities on the ground.

One of those factors is the role of the media. Both traditional media but also that of social media outlets. Let's first look at traditional media.

As we look at events unfolding today in the Middle East, the role of both **state-run** and **private media** organizations and **social media** can be considered double-edged.

In other words, they can create new or worsen existing conflicts. Or, the media can be a powerful instrument that helps bring disputing nations and communities closer to a solution to the issues that continue to divide them.

Let's look closer at the case of the Middle East and the role of media today.

This region is the birthplace of Islam and it is in many ways still the heartland of the Islamic World.

But no one can doubt that the Middle East is today suffering from historically high levels of tension between Shia Muslims and Sunni Muslims.

In fact, as of today, a sectarian conflict is in motion from Lebanon to Syria to Iraq to Bahrain and all the way to Yemen.

Since the fall of Saddam in 2003, an unprecedented rivalry has begun between **some** Shia-majority and Sunni-majority states in the race for regional influence.

It began in Iraq after the fall of Saddam but the intensity has only increased, and much of it thanks to the Syrian civil war and the emergence of the Arab Spring or Arab Revolutions.

Now, let's put these recent developments in historic context.

Religious differences between Shia and Sunni are as old as Islam itself.

But in recent years we have witnessed an extremely deadly development where religion has become an instrument to further one's geopolitical ambitions.

In other words, the extremist and sectarian message has too often been aided by states willing to provide media platforms of one kind or another.

Regional countries have been too quick to tap into religion to demonize "the other" and to justify their own policies.

We all know the deadly consequences of such actions. Needless to say many innocent lives have been lost in this zero-sum game race for power.

And the countries that have been participating in this trend have freely exploited the various media mediums that they fund and control to propagate these dangerous sectarian ideas.

These states might have short-term geopolitical objectives in mind, but the sectarian fire they have started can take generations to extinguish.

One can argue that this trend has been steadily growing for some 10 years since 2003. In that time, the media has played a central role as a propagator.

But the same media in the Middle East that are guilty of fueling the sectarian fire by demonizing "the other" and mobilizing one community against the other also have the capacity to reverse this deadly trend.

If there is a political will at the top in these countries, then the same media can instead act as educational platforms that challenge the misguided sectarian narrative that has become so worryingly common in mass media.

The simple truth is that marginalized extremist ideas could not have received the attention and traction they have in the last decade had it not been for the mass media which often gave them a platform to speak from.

Unfortunately, we have too often seen the media in the Middle East as cheerleaders for extremists instead of confronting them and their ideas.

A healthy media, whether state-owned or independent, has to inform, educate and to shape the public debate.

At the very least, the media should counter the falsehoods of extremists from any sect they may come from.

No media should simply become a conduit for extremist ideas and their faces to the world.

Too often the media is guilty of giving platforms to the worst of terrorists. They get a chance to speak to the world or show their violent actions. And the worst is, they are not mostly challenged.

Let me give you a concrete example.

In recent months, data shows that the Arab general public is mostly consuming print and broadcasting material on the atrocities of the Islamic State such as beheadings and sexual violence in Iraq and Syria.

This sort of development makes some in the media into providers of entertainment if you can call it that. But they do not confront the extremists and they do not shape the debate.

The same is true for social media outlets such as YouTube, Facebook, Twitter and other platforms.

Extremists are exploiting all of these channels to communicate, to appeal and recruit and to demoralize the vast majority of Muslims that those not share their values.

But it is exactly the rise of a movement such as the Islamic State that might help reverse the last 10 years of sectarian warfare through the media.

No country in the Middle East is today immune from the Islamic State, an organization whose sectarian message surpasses anything seen in modern times.

The Islamic State is common threat to both Sunni and Shia countries in the region. The common fight against it is also an opportunity for governments in the Middle East to reassess the policies of the last 10 years when so many governments and their media toyed with sectarianism.

More specifically on social media, governments need to come together to confront the messengers of extremism.

We should not shy away from acting forcefully against extremists on social media in fear of being accused to prevent free speech.

This is not about preventing free speech. The fight against the Islamic State and other extremists in the Islamic World through social media is about counter-terrorism and the security of so many impacted Muslim-majority countries is at stake.

Social media users have often become content producers. They are players in this fight.

And whether we like it or not, it is the extremists that are most active or certainly most noticeable on social media today. They have funds and networks that spread the globe.

It is not a time to take our eyes off the ball. It is a time to lead and shape the narrative and to give voice to the vast majority of Muslims, both Shia and Sunni, who want to co-exist peacefully.

Qloballaşma şəraitində yeni media və milli ənənə

Dünyada, eləcə də Azərbaycanda indiki azadlıq, senzurasızlıq, demokratik imkanlar və müasir qloballaşma şəraitində ən çox müdaxilə olunan, yəni başqa sahələrin adamlarının asanlıqla gəldiyi sektor media mühiti, xüsusən mətbuat və jurnalistikadır. Çünki yaranan imkanlardan istifadə edərək qrammatika və yazı qaydalarını bilən də, bilməyən də yazmaq iddiasında, özünü ifadə etmək arzusundadır. Amma fərqi deyil ki, başqa sahələrdə olduğu kimi, jurnalistikada da müəyyən elmi-nəzəri hazırlıq, tarix təcrübəsi və s. lazımdır. Biz əlbəttə ki, başqa sahələrdən jurnalistikaya gəlmənin əleyhinə deyil, əksinə tərəfdarıyıq. Lakin bu gəlişə şəxsi arzular kifayət etmir, bunun üçün müasir dövrdə Azərbaycanda ictimai fikir institutuna çevrilən və dördüncü hakimiyyət statusuna nail olan jurnalistikanın özəlliklərini və dünyada bu sahə ilə bağlı meydana gələn yenilikləri bilmək vacibdir. Əks təqdirdə, sadəcə iynə vurmağı bacaran hər kəsin özünü həkim deyər təqdim etdiyi kimi, bizim media mühitində də sadəcə yazı yazmağı bacaranlar özünü jurnalist kimi qələmə verməyə çalışacaq və təəssüflər olsun ki, belə hallara hər birimiz vaxtaşırı rast gəlirik.

Dünya yaranandan ta bugünümüzədək zamanın, renesansın tələbindən asılı olaraq bir-birindən fərqli cəmiyyətlər, icmalar mövcud olmuşdur. Bəşəriyyətin hər dövründə, onu idarə edən insan zəkası, əməyi müxtəlif maneələr qarşısında məğlub olmamış, heyvətə çıxış yolları icad etmişlər. İstər sıradan fərd olsun, istər məşhur şəxsiyyət, fərq etməz. İçində olduğu durumu, şahidi olduğu dünya və ya təbiət hadisəsini, ictimai əhəmiyyətli xəbəri ətrafa hansı üsulla bildirmək, yaxın və uzaq məsafəyə tez, keyfiyyətli formada necə agah etmək tarix boyu aktual mövzulardan biri kimi diqqət mərkəzində olub. Bütün dünya toplusları yerindən və zamanından asılı olmayaraq şəffaf informasiyaya ehtiyac duyub, yalanın əleyhinə olub, doğrunu arzulayıb. İbtidai kökü "duyduq-duymadıq deməyin" kimi carçı çağırışından başlayan jurnalistika fəaliyyətinin bugünkü inkişafı qənaətbəxş hesab oluna bilər. Doğrudur, bəzi çatışmazlıqlar hələ də mövcuddur, ancaq çox da uzaq getməyərək, elə keçən əsrin 70-80-ci illəri ilə müqayisədə inanılmaz nəəliyyətlər əldə olunduğunun şahidiyik. Səsyazma studiyaları, tele və radio şirkətləri, müxtəlif funksiyalı və miqyaslı fotokameralar, fərqli ölçülü mikrofonlar, işıqlandırma sistemləri, səhifələrindəki xəbərlər hər saniyədə dəyişən internet saytları, sosial şəbəkələr və s. buna nümunədir. Təkcə texnika sahəsində ən az hər saat baş verən proqres həm təəccüblü, həm də məcazi mənada desək, "qorxuducudur".

Bütün tərəqqini, çağdaşlaşdırmanı quran da, ona ehtiyacı olan və ondan istifadə edən də insandır. Yaratmaq üçün yaranan insan oğlu payına düşən həyat yolu böyünca bir yerdə dayanmır, əlindəkilərlə qane olmur, ixtiralar edir, fərd kimi doğrulur, şəxsiyyət olaraq formalaşır, cəmiyyəti müəyyən istiqamətə yönəldir. Tarixə nəzər salsaq, hər dövrə məxsus görkəmli siyasi, ictimai, ədəbi, elmi simalar, obrazlarla qarşılaşırıq. Fərqli yaradıcılıq sahəsinə aid olan belə şəxsiyyətlər olub, var və dünya mövcud olduqca olacaq da. Bu, normaldır.

Lakin indiki İKT dövründə insanların xarakteri, mövqeyi və arzularından asılı olmayaraq cəmiyyətin tipi dəyişir, postindustrializm güclənir. Qəzet, radio və televiziyanı özündə ehtiva edən ənənəvi media vasitələrinin elektron-internet resursları və sosial şəbəkələrdən ibarət "yeni media"ya keçid qeyd olunan transformasiyanın əsasını təşkil edir. Azərbaycanda da azad sözün ifadə vasitəsi olan İnternetin rolu artmaqdadır. Ölkəmizdə yeni media hələ formalaşma prosesində olsa da, bloqlar, forumlar, xəbər portalları kifayət qədərdir.

Ümumiyyətlə İnformasiya cəmiyyətinin və yeni KİV-in qarşılıqlı əlaqəsindən danışarkən jurnalistika nəzəriyyəçiləri yeni medianı aspekt kimi götürdükdə üç cəhətə diqqət yetirməyi vacib sayırlar.

- Müasir mərhələdə informativ-kommunikativ texnologiyalar və internetin inkişafı ilə əlaqədar olaraq KİV-in imkanları
- Ənənəvi KİV "internetizasiya" şəraitində
- Kütləvi informasiyanın yeni vasitələri.

Son dövrlər dünyada digitallaşma prosesinin sürətlə davam etdiyinin şahidi oluruq. Bu inkişaf bir çox sahədə eyni anda gedir. Əlbəttə, media da bu sahələrdən kənarında deyil. Media XX əsrin ən böyük kəşfi olaraq bilinən internetlə əlaqədar olaraq özünün yeni dövrə, yeni eraya keçid mərhələsini yaşayır. Jurnalistikanın nəzəriyyəsi ilə məşğul olan tədqiqatçı alim Y.N.Zasurskinin təbirincə desək, "Qlobal planda dünya jurnalistikası yeni keyfiyyətə keçir ki, bu da bir neçə faktla bağlıdır: "Əvvəla, jurnalistin fəaliyyəti ilə, informasiyanın maksimum operativliyinə şərait yaradan yeni texnologiyaların inkişafı ilə, *ikincisi*, qloballaşma ilə. Yeni texnologiyalar içərisində KİV-in yeni istiqamətdə formalaşmasına təsir edən ən başlıca vasitə İnternetdir. İnternetin elmi cəhətdən araşdırılması onun həqiqətən də geniş imkanlara və istiqamətlərə malik olduğunu göstərir. İnternet yarandığı ilk dövrlər əsas bilik mənbəyi, nəhəng bir kitabxana idi. Getdikcə əyləncə elementləri ardından kommersiya elementləri ön plana çıxdı. Bəzi alimlər İnterneti milyonlarla insanın əlaqə yaratdığı, xəbərləşdiyi, özünəməxsus qayda-qanunları olan sosial bir sfera kimi dəyərləndirir. 1960-cı ildə işlənən bir ifadəylə desək, "əlaqə vasitələrində yaranan bu inkişaf dünyanı "küresəl bir kəndə" çevirib."

Kütləvi informasiya vasitələrinin istər texnoloji, istərsə də yaradıcılıq parametrlərindən hiss olunur ki, XXI əsrdə bu sahədə çox ciddi dəyişikliklər olacaq. Kommunikativistika ilə məşğul olan araşdırıcıların bununla bağlı çox ciddi proqnozları var. Qəzet, radio, televiziya dünyasında ənənəvi jurnalistika öz yerindən tərpənməli olacaq. Bu işdə əsas rol KİV-in konvergensiyası- yəni KİV-in məzmununun rəqəmli variantına keçirilməsi və bunun müxtəlif kanallarla qəbulu- ən əsası İnternetlə qəbulu faktoru oynayacaq. Bu qaçılmaz məntiqə hamımızın inanması lazımdır. Əsas məsələ isə ondan ibarətdir ki, klassik və ənənəvi jurnalistikada olduğu kimi hər birimiz sürətlə dəyişən zamanda, hər gün yeniləşən İKT dövründə doğrular, gerçəklər, böyük həqiqətlər məbədinə aparın yolu tapa bilək, onu düzgün müəyyən edə bilək. Biz də formasından, texnika və texnologiyasından asılı olmayaraq jurnalistikanın klassik peşəkarlıq prinsiplərindən, keçilən yolun təcrübəsindən çıxış edərək müasir zamanın çağırışlarına cavab verə bilək. Böyük Azərbaycan jurnalisti Həsən bəy Zərdabinin dediyi kimi: "Doğrunu söyləyək, acı olsa da".

Əziz tədbir iştirakçıları, doğruları axtarmaq, tapmaq və başqalarına çatdırmaq işində hər birinizə uğurlar arzulayır, diqqətinizə görə təşəkkür edirəm.

Branka Slobodan Dukic
Director General, Serbian News Agency Tanjug

The Social Media Boom: New Models of Development of Journalism in Information Societies

If the Internet has become a real competitor to television as a medium, in terms of information provision, then social networking sites have become a serious competitor to classic online reporting, or news portals, including those offered by news agencies, if they have them at all.

More precisely, there is no prompt online reporting, meaning updated news portals, without social networking sites, but social networking sites do not need online reporting anymore.

If you want to be the first to know that something has happened – be on social networking sites, primarily on Twitter.

There have been countless examples of news breaking on Twitter recently.

The people involved in the events often post the news on their accounts. One of the latest examples was the tweet by President of Ukraine Petro Poroshenko that the ceasefire agreement was reached. The news that the entire world awaited came straight from the source.

And the information coming from the source is the fastest. It is so immediate that traditional media as intermediaries between a source and their users are wondering: what would be the way to go?

It is now impossible to imagine news portals or websites without “support” from social networking sites, primarily Facebook and Twitter, as they are the channels through which online information is travelling much faster to end-users.

Not only do they enable faster access to information, but in the time when speed has taken precedence they have the greatest appeal for a modern man who wants to know everything “right now, at this very moment.”

Even apart from this, that insatiable hunger for information, social networking sites are playing a major role in information provision, the news on Twitter, for example, although it may be scant, unauthorized, even incomplete, maybe not fully accurate, but the initial news such as “fire breaks out” in some part of a town in any country- it becomes instantly available to all.

When it comes to tragedies, catastrophes, such news items grip the entire world, become global, instead of local, encourage empathy, compassion, stir emotions, galvanize people into action and call for assistance, support.

The information on Twitter often serves as an alarm for traditional media that something is happening somewhere and that they should engage and send their reporters to the site and inform their audience about that.

However, we have witnessed so many times that the role of social networking sites does not stop there. When and if traditional media limit their reporting to some aspects of an event, when they fail to see something or do not want to see that, social networking sites are a concerned witness of such a selective approach to reporting.

At the same time, no media company that cares about its reputation and audience can survive without social networking sites.

Take Twitter as an example.

Is it possible to imagine the reporting on a high-profile event without Twitter? I am talking about Twitter as an example of social media, more precisely as an example of media that do not need anything else but the right Internet speed.

In terms of promptness and authenticity, the only competitor to Twitter could be radio, news agencies to some degree, but television – no way, because of its constraints.

A quality reporter and Twitter user will hold the audience or followers' attention as much as it is needed. Moreover, Twitter as a channel, because of the very nature of the social network, will open up channels for debate among its users, so it can "attract and keep" them, and earn their trust. And that is the most important thing for all media – to secure more users as they keep them alive.

If we are faced with a dilemma whether to opt for Facebook or Twitter, the answer is definitely Twitter.

Such prompt and simple reporting is hardly feasible on Facebook. Simply, the Facebook audience is such that it relies on the visual aspect of information, while at the same time disregarding the textual content, and news writers know that very well.

That is why their audiences differ too: Twitter users are better educated, relatively younger and "over-informed" in comparison to Facebook users that are either older or much younger than Twitter users.

So far, you may have come to think that I am addressing you as someone coming from Twitter would do, as I have highlighted, without reservation, the aspects that I find fascinating about social networking sites.

However, social networking sites do have disadvantages, the key ones being their relative reliability and lack of accountability, which often go hand- in-hand.

Experience has shown that social networking sites are often a testing ground for big manipulations, which brings an advantage to traditional media and news agencies.

The responsibility of professional journalists is certainly incomparably greater than that of Twitter users, as in the case of a journalist the consequence of unreliability and inaccuracy could be the sack, and in the case of the media, a drop in readership, audiences, ads, and final profit- while a Twitter user simply moves on.

Even the Internet in general, as a communication channel, is questionable as it is exposed to attacks from various sides (hacking), and we are also witnessing countless examples of bogus Facebook or Twitter profiles, which confirmed that the reliability of information must be sought at the very source, which is exactly what news agencies do, which includes their reporters as the people with direct knowledge of events or eyewitnesses.

Therefore, maybe if we come to insist on the precise and scrupulous approach to determining "what is what in the vast sea of everything", social networking sites should be excluded from the classification as a medium, and defined as "a means" (I am intentionally not saying an intermediary, because that is a medium) by which one could obtain information.

These are certainly the issues that should be discussed in the light of expansion and mind-boggling reach of social networking sites, but at this moment I wanted to focus on advantages of the social networking sites. To put it more concretely, what is Tanjug's experience with social networking sites?

Tanjug has realized on time its position in the era of prompt reporting. It currently has 30,000 followers on Twitter, with an upward trend.

Therefore, Tanjug brought its reporting in line with the requirements of our time – tweeting has become an important part of Tanjug's reporting on any major event, and this has proven to be the way to go.

And what may be also of significance, there is no information that goes unnoticed on Twitter, every information is very important for expanding the network of followers, as Twitter users always yearn for new information.

The awareness of this was useful to us for improving our work.

